НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦІИ.

ПЕРЕВОДЪ
О. П. Захарьиной,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
проф. И. М. Гревса.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

НАЧАЛА ФЕОДАЛЬНАГО СТРОЯ.

(Бенефицій и патронатъ въ меровингскую эпоху).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.
1910.



4030





НАЧАЛА ФЕОДАЛЬНАГО СТРОЯ.

(БЕНЕФИЦІЙ И ПАТРОНАТЪ ВЪ МЕРОВИНГСКУЮ ЭПОХУ).

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

редактора русскаго перевода.

Русскіе почитатели и друзья Фюстель де-Куланжа—издатели, переводчица и редакторъ—представляютъ нашей читающей публикѣ еще одинъ томъ монументальнаго труда его жизни. Да будетъ благополучна его судьба среди просвѣщенныхъ или ищущихъ просвѣщенія гражданъ страны, очень нуждающейся въ историческомъ образованіи!

Въ предисловіяхъ къ предшествующимъ томамъ русскаго перевода «Исторіи общественнаго строя древней Франціи» достаточно говорилось и о замѣчательномъ авторѣ, и о знаменитомъ сочиненіи, чтобы выяснить основныя черты великой природы и того, и другого. Теперь можно ограничиться немногимъ, дабы ввести въ изученіе новаго яркаго звена могучей цѣпи.

Пятый томъ («Начала феодализма») тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ четвертымъ («Аллодъ и сельское помѣстье меровингской эпохи») и третьимъ («Франкская монархія»). Въ третьемъ разсматривается политическое наслѣдье, полученное отъ римской имперіи будущею Франціею съ измѣненіями его въ первоначальной варварской средѣ. Въ четвертомъ изучаются землевладѣніе и соціальныя отношенія, завѣщанныя ею же и также измѣнившіяся въ новыхъ

условіяхъ историческаго бытія. Здѣсь—въ пятомъ изслѣдуется спеціально болѣе глубокая внутренняя трансформація тѣхъ, другихъ и третьихъ (политическихъ учрежденій, соціальныхъ порядковъ и земельнаго строя). Процессъ этихъ, долгое время остававшихся въ скрытомъ видѣ, перерожденій прослѣживается, согласно методѣ автора,—начиная съ отдаленнѣйшихъ прецедентовъ въ римскомъ (даже не позднемъ, а раннемъ) прошломъ, шагъ за шагомъ, до расцвѣтанія главныхъ «префеодальныхъ» институтовъ въ франкскую меровингскую эпоху.

Изложеніе тяготѣетъ около двухъ центровъ—«бенефиція» и «патроната», изъ которыхъ выростаютъ аграрныя основы феодализма—фьефъ (феодъ) и характерная для него форма общественныхъ связей между личностями—вассальная вѣрность. Оба теченія познаются сначала отдѣльно; потомъ они сближаются другъ съ другомъ, и вскрывается ихъ сліяніе («la fusion du bénéfice et du patronat»), которое и явилось важнымъ моментомъ въ прогрессѣ феодализаціи. Къ этимъ двумъ основнымъ предметамъ разысканія присоединяется третій—иммунитетъ, подготовившій политическую природу феодальной сеньеріи—ея обособленность какъ «помѣстья-государства».—Тѣмъ самымъ труднѣйшая часть поставленной обширной задачи оказывается законченною; базы феодализма возстановлены съ замѣчательною твердостью и полнотою, причемъ на нихъ пролитъ совсѣмъ новый и убѣдительно оригинальный свѣтъ.

Трудно въ достаточной мѣрѣ высказать восторгъ, который захватываетъ сознаніе безпристрастнаго читателя-историка, связаннаго съ предметомъ своего призванія чувствомъ безкорыстной любви,—когда онъ сближается мыслью съ превосходнымъ продуктомъ научнаго творчества Фюстель де-Куланжа.—Съ каждою страницею передъ его умомъ и воображеніемъ развертывается дѣло первоклассного ученаго-вождя; открываются перспективы изумительной яркости, протя-

гиваются безконечныя дали. Невозможно забыть силы покоряющаго перваго впечатлѣнія, получаемаго отъ исключительно крупнаго произведенія [1]. Вліяніе его неотразимо, и оно можетъ стать мотивомъ многоразличной плодотворной научной работы, изслѣдованія, критики и построенія. Во французской исторіографіи никто не обходится безъ результатовъ Фюстель де-Куланжа. Съ нимъ, даже противъ воли, считаются и нѣмецкіе ученые. Помнится, какъ у насъ покойный профессоръ петербургскаго университета, незабвенный В. Г. Васильевскій строилъ на V-мъ томѣ Фюстель де-Куланжа цѣлый серьезный и сложный курсъ по средневѣковой исторіи, богатый содержаніемъ и точками зрѣнія, полный внутренней красоты. При нынѣшней организаціи университетскаго преподаванія исторіи, когда на первый планъ выдвигается коллективная работа въ «семинаріяхъ», книга Фюстель де-Куланжа даетъ разнообразные исходные пункты для практическихъ занятій.

Въ своей теоріи о происхожденіи феодализма Фюстель де-Куланжъ строитъ систему его на принципѣ земельности—*élément territorial*—прежде всего,

[1] Это—вторая книга, вышедшая послѣ смерти Фюстель де-Куланжа заботою его ближайшаго ученика, лѣтомъ 1890 г. Мнѣ пришлось впервые ознакомиться съ «Началами феодальнаго строя» во время заграничной командировки, когда мысль съ особенною интенсивностью направлена была на научные вопросы: и я долженъ признать, что воодушевленіе, вызванное первымъ чтеніемъ удивительной книги, наложило печать на всю будущую работу. Интуиція, внушенная Фюстель де-Куланжемъ, облегчила пониманіе аграрнаго строя римскаго міра, которымъ тогда спеціально приходилось заниматься, уразумѣть нераздѣлимую связь общественнаго строя имперіи съ феодальнымъ средневѣковьемъ. Дальнѣйшая углубленная «méditation» его труда, постоянно питала подъемъ духа, сообщала много руководящихъ понятій, вызывала проблемы, открывала факты, учила пріемамъ и изслѣдованія, и преподаванія. То было одно изъ сильнѣйшихъ научныхъ вдохновеній, когда бы то ни было испытанныхъ, и оно осталось однимъ изъ самыхъ лучшихъ, неповторяющихся воспоминаній научной юности.

и понятіе вѣрности—*élément personnel*—у него наслаивается на первый, прищепляется («se greffe») къ нему. Въ этомъ какъ будто обнаруживается существенное различіе между его воззрѣніемъ и взглядомъ младшаго его современника, работающаго нынѣ надъ большимъ научнымъ построеніемъ, которое носитъ почти тожественное заглавіе, что и знаменитый трудъ Фюстель де-Куланжа — *J. Flach*, Les origines de l'ancienne France [1]. У послѣдняго—«la foi est le pivot autour duquel roule le système féodal». Феодальный союзъ, представляющій совокупность лично вѣрныхъ сеньеру, отдавшихся подъ его защищающую руку людей, является, по его взгляду, подобіемъ большой (фиктивной) семьи, клановой группы; только гораздо позже подъ него подстроился твердый фундаментъ земли въ формѣ «фьефнаго условнаго пожалованія» [2].—Положеніе же, которое всегда выдвигаетъ Фюстель де-Куланжъ, можетъ быть выражено словами: «la terre est la base première, solide et indispensable de la féodalité».

На самомъ дѣлѣ, противорѣчіе между обоими авторами не такъ глубоко, какъ кажется одному изъ нихъ. Оно болѣе номинальное, чѣмъ реальное. Самъ Флакъ признаетъ слѣдующее: «Сквозь всѣ эпохи вырисовывается и подчеркивается преобладаніе крупной земельной собственности. Послѣ завоеванія Галловъ Римлянами видимъ мы независимость знатнаго галло-римскаго владѣльца; въ VI и VII вѣкахъ наступаетъ прямое господство могущественнаго магната, *potens vir*, надъ цѣлыми территоріальными округами; въ IX вѣкѣ помѣстье

[1] Сочиненіе это также очень выдающееся; но появленіе его трудно мыслимо раньше и помимо труда Фюстель де-Куланжа. Оно до сихъ поръ не окончено; вышло три тома: Le régime seigneurial (P. 1886); Les origines communales, la féodalité et la chevalerie (P. 1893); La renaissance de l'état, la royauté et le principat (P. 1904).

[2] Флакъ во II-мъ томѣ (стр. 491—496) опредѣленно формулируетъ въ рядѣ тезисовъ свои разногласія съ Фюстель де-Куланжемъ, думается, не вполнѣ правильно обобщая мысль послѣдняго.

превращается уже въ *potestas* и сростается съ иммунитетомъ, открыто даруемымъ господину; наконецъ въ X вѣкѣ, крупный частный землевладѣлецъ фактически является уже полнымъ государемъ, сравнивается съ свѣтскими и духовными князьями, какъ они, становится во главѣ обособленной сеньеріи» [1].

Это и есть формулировка того вывода, который подготовляетъ Фюстель де-Куланжъ. Послѣдній вовсе не хочетъ, какъ старые «классики» феодальной теоріи, упрощенно сводить все въ феодализмѣ къ «фьефному договору» (*contrat de fief*); онъ только великолѣпно (съ рѣдкою «свѣжестью» идей и построенія) показываетъ, что при развитіи феодализма власть надъ людьми предопредѣляется прежде всего властью надъ землею. Только «земельный магнатъ» способенъ содержать на своей «территоріи» большую группу «личностей», какъ отецъ-патронъ, военный вождь, защитникъ-покровитель и государь. Въ этомъ смыслѣ, если имѣть постоянно въ виду главную истину Фюстель де-Куланжа, не затемняя ее формальными, словесными препирательствами, можно отлично изучать феодализмъ, согласуя изображеніе обоихъ мастеровъ исторической науки, хотя и признавая перваго—звѣздою большей величины и не переставая чувствовать, что второй (Флакъ) опирается на плечо перваго, какъ продолжатель и, незамѣтно для себя во многомъ подчиняется ему, какъ руководителю. При этомъ Флакъ можетъ и исправить нѣкоторыя черезчуръ схематизированныя линіи Фюстель де-Куланжа и расцвѣтить богатыми бытовыми красками его строгія юридическія формулы.

Въ нѣсколькихъ страницахъ предисловія невозможно показать всю драгоцѣнную массу новыхъ фактовъ, обобщеній, критическихъ выводовъ, познаватель-

[1] См. *J. Flach*, Les origines de l'ancienne France, t. I, p, 188.—Запутавшись во II-мъ томѣ среди тонкостей противорѣчивыхъ деталей, авторъ забылъ хорошо понимавшуюся имъ въ I-мъ «idée maîtresse». Ср. въ томъ же I-мъ томѣ стр. 379 сл.

ныхъ мѣрилъ, которыя заключены въ сокровищницѣ представляемой здѣсь книги. Но хорошо отмѣтить одну вполнѣ индивидуальную особенность во взглядѣ автора на источникъ феодализма, очень важную для уразумѣнія его сущности и причинъ. Онъ ищетъ первоначальныхъ факторовъ, которые съ чрезвычайною постепенностью перерождали социальную ткань европейскихъ обществъ въ феодальновидную, не въ крупныхъ актахъ жизни большого государства, а въ глубинахъ частнаго быта общества и повседневныхъ отношеній между людьми. Не законы государей быстро слагаютъ феодализмъ на поверхности историческихъ образованій, а постоянная практика извѣстныхъ личныхъ и имущественныхъ (соціальныхъ и экономическихъ) комбинацій медленно подготовляетъ его подъ толщею верхняго слоя культурной почвы. Онъ долго проростаетъ подъ нею до того, что пробьетъ кору государственныхъ учрежденій и обнаружится передъ политическою властью, какъ врагъ, съ которымъ надо бороться, или, во всякомъ случаѣ, какъ новое условіе, къ которому необходимо найти приспособленіе.—Такимъ былъ, прежде всего, тотъ феодализмъ, который изображенъ у Фюстель де-Куланжа, феодализмъ—докаролингской Франціи; и авторъ, великій знатокъ и художникъ, особенно въ сферѣ открытія, познанія и возстановленія стихійныхъ началъ, творящихъ коллективную историческую среду,—въ самомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ тайну опредѣленія истинныхъ «origines» явленія, начертавшаго путь для развитія старой Франціи и другихъ средневѣковыхъ государствъ.

Итакъ, передъ читателями V-го тома «Исторіи общественнаго строя древней Франціи» проходитъ выразительный комплексъ явленій: прекарное и бенефиціальное землевладѣніе (характерное для эволюціи хозяйства), патронатъ-коммендація (типичная конфигурація отношеній между личностями, соціальныхъ отношеній), иммунитетъ (распадъ политической союзности, измельчаніе и партикуляризація го-

сударства).—Вращаясь въ значительнѣйшей части настоящаго тома преимущественно въ кругу частныхъ связей (два первые отдѣла), Фюстель де-Куланжъ только къ концу его (черезъ иммунитетъ) подводитъ насъ къ государству, приготовляясь въ слѣдующемъ томѣ (оказавшемся послѣднимъ) истолковать «перерожденіе монархіи».

Таковы три главныя части данной книги. Но имъ предпосланы еще три главы, въ которыхъ авторъ опровергаетъ высказывавшіяся раньше его мнѣнія, 1) что феодальные институты (военный бенефицій, служба за землю) уже готовы были въ римскомъ мірѣ, 2) что въ древне-германской жизни сложился ужъ вассалитетъ, и 3) что въ варварскихъ государствахъ рано выработались вполнѣ феодальныя формы. Этими главами авторъ блестящимъ образомъ показалъ свое неподражаемое искусство понимать общую сущность и тончайшіе оттѣнки историческихъ процессовъ, блестящее умѣнье воспроизводить медленность и сложность ихъ движенія, очень трудное вылупленіе историческихъ явленій изъ-подъ скорлупы эмбріональнаго ихъ состоянія, позднее рожденіе послѣ давняго зачатія.

Противники называли Фюстель де-Куланжа запоздалымъ возстановителемъ прямолинейной доктрины «романиста» XVIII-го вѣка, Дюбо (Dubos). Сочиненія его служатъ лучшимъ опроверженіемъ такой односторонности и формализма въ оцѣнкѣ любимой идеи Фюстель де-Куланжа.—И самъ онъ прямо возражаетъ противъ такого узкаго наименованія.—«Романистъ ли я или германистъ? Я не полагаю источника феодализма ни у Германцевъ, ни у Римлянъ; я нахожу его въ извѣстныхъ институтахъ или теченіяхъ, общихъ и Германцамъ, и Римлянамъ, и всѣмъ народамъ. Я скажу романистамъ: вы думали, что нашли происхожденіе фьефовъ въ нѣкоторыхъ военныхъ пожалованіяхъ нѣсколькихъ римскихъ императоровъ, но вы ошиблись. Я скажу германистамъ: вы выводите феодальный порядокъ изъ предполагаемаго германскаго дружиннаго

быта; но вы знаете его лишь по одному слову Тацита, которое къ тому же невѣрно толкуете. Я скажу и тѣмъ и другимъ: феодальный строй есть въ сущности особая система владѣнія и держанія земли. Система эта существовала уже въ римской имперіи, и я приведу доказательства. Она, весьма вѣроятно, практиковалась и въ древней Германіи, но свидѣтельствъ объ этомъ у насъ нѣтъ. Такимъ образомъ, я и романистъ, и германистъ, или ни то, ни другое» [1].

При истолкованіи происхожденія феодальнаго строя для Фюстель де-Куланжа особенно существенны три положенія:

1) Корни феодализма—въ многочисленныхъ мелкихъ теченіяхъ, наполняющихъ обыденную жизнь общества, руководящихъ группъ и трудящихся массъ (искать ихъ юридическаго отпечатка слѣдуетъ не въ памятникахъ публичнаго права, а въ частно-правовыхъ актахъ);

2) Эти процессы зачались и достигли даже значительныхъ успѣховъ еще внутри римской имперіи. Варвары лишь усилили благопріятность обстановки для дальнѣйшаго ихъ роста;

3) Римская имперія и варварскія государства видѣли лишь подготовительныя ступени феодализма. Въ окончательномъ видѣ онъ расцвѣлъ только въ послѣкаролингскую эпоху.

Первый тезисъ выдвигаетъ здѣсь въ Фюстель де-Куланжѣ историка-коллективиста. Второй—рисуетъ его сторонникомъ идеи непрерывной филіаціи явленій изъ среды въ среду, тѣснаго взаимодѣйствія между смѣнявшими другъ друга эпохами въ области историческаго созиданія и разложенія. Это побуждаетъ назвать его «всемірнымъ историкомъ-эволюціонистомъ» и показываетъ его «нео-романизмъ» очень далекимъ отъ устарѣлой доктрины, которая именовалась такъ и

[1] Неизданная замѣтка, приведенная у *P. Guiraud*, Fustel de Coulanges, p. 143. Ср. аналогичный отрывокъ изъ одной статьи автора, цитируемый также у Гиро (стр. 142).

навязывается ему недоброжелателями.—Третій тезисъ (о которомъ подробнѣе тоже умѣстно будетъ сказать по поводу послѣдняго, VI-го, тома) обнаруживаетъ въ авторѣ первостепенную способность возстановлять факты долгаго и цѣпкаго развитія, проводить его отчетливо, сильно и тонко, символизируя послѣдовательныя трансформаціи черезъ вѣка и эпохи.

Фюстель де-Куланжъ не романистъ, но онъ отлично знаетъ Римъ и его культуру, и крупные результаты, достигнутые имъ въ дѣлѣ познанія средневѣковья, громко доказываютъ, какимъ великимъ благомъ является такое свойство: безъ знанія римской исторіи нельзя понять и истолковать средневѣковую. Это—также важный аргументъ въ пользу всемірно-исторической точки зрѣнія, которую Фюстель де-Куланжъ безъ всякой предвзятой мысли, даже безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія блистательно защищаетъ.

Фюстель де-Куланжъ жизнь свою отдалъ на отысканіе научной истины о прошломъ, какъ бл. Августинъ посвятилъ свой геній и свою волю на постиженіе истины религіозной о будущемъ; но и первый своей научной истинѣ придавалъ почти религіозное значеніе. Онъ твердо убѣжденъ былъ, что въ поискахъ своихъ находился на правильномъ пути [1]. Онъ вѣрилъ, что «находилъ» истину, но зналъ, что еще не «нашелъ» ее всю; потому радѣніе его не ослабѣвало до послѣдняго вздоха. Оттого онъ заражаетъ своимъ убѣжденіемъ, создаетъ преданныхъ адептовъ. Но онъ не подавляетъ ихъ. Онъ говоритъ: не подчиняйся, а все провѣряй, самъ изслѣдуй! Онъ—честный и хорошій учитель; за нимъ можно свободно идти. Онъ закаляетъ ученика и друга «въ борьбѣ познающаго ума противъ тайны познаваемаго».

С.-Петербургъ, *Ив. Гревсъ.*
31-го декабря 1909 г.

[1] За нѣсколько дней до смерти онъ горячо и проникновенно говорилъ въ послѣднемъ свиданіи съ однимъ изъ лучшихъ учениковъ (теперь также уже умершимъ Полемъ Гиро): «Вѣрьте, то, что я доказывалъ въ своихъ книгахъ,—правда!»

ПРЕДИСЛОВІЕ

французскаго редактора.

Повинуясь волѣ Фюстель де-Куланжа, я взялъ на себя обязанность издать различныя его рукописи и пополнить его „Исторію общественнаго строя древней Франціи". Онъ горячо желалъ, чтобы начатый имъ трудъ былъ продолженъ однимъ изъ его учениковъ и удостоилъ указать членамъ своей семьи, чтобы выборъ ея палъ на меня. Глубокая привязанность, которую я питалъ къ учителю, почтительное преклоненіе передъ его трудами и любовь къ историческому изслѣдованію, которую онъ умѣлъ вдохнуть во всѣхъ своихъ учениковъ, превратили для меня эту обязанность въ радостное и дорогое дѣло. Нынѣ, издавая настоящій томъ, я счастливъ, что могу тѣмъ отдать первый долгъ благодарности тому, кто былъ моимъ наставникомъ, и кто оказывалъ мнѣ высокую честь, называя меня своимъ другомъ.

Появляющійся томъ былъ почти цѣликомъ составленъ самимъ Фюстель де-Куланжемъ. Введеніе и четырнадцать первыхъ главъ были написаны имъ въ послѣдніе годы его жизни. Лишь кое-гдѣ пришлось исправить нѣкоторыя фразы, дополнить примѣчанія, вставить нѣсколько словъ

или предложенiй для связи. XV-я глава, очень, впрочемъ, короткая, составлена по старымъ университетскимъ курсамъ автора и по цвумъ статьямъ, помѣщеннымъ въ „*Revue des Deux Mondes*“ (см. 15 мая 1873 года [1] и 1 августа 1874 года [2]); я присоединилъ ее къ данной книгѣ согласно опредѣленнымъ указанiямъ Фюстель де-Куланжа. Слѣдующая глава является почти цѣликомъ перепечаткою отдѣльнаго изслѣдованiя, появившагося въ 1883 году въ „*Revue historique*“ [3]. Заключенiе написано мною подъ непосредственнымъ вдохновенiемъ, полученнымъ отъ настоящаго труда: одинъ отрывокъ въ немъ заимствованъ изъ статьи въ „*Revue des deux Mondes*“ отъ 1 августа 1874 года.

Тексты были провѣрены и освѣжены по новѣйшимъ изданiямъ. Я не считалъ нужнымъ пополнять библiографiю. Фюстель де Куланжъ перечиталъ все, что относилось къ его предмету, какъ современныя сочиненiя, такъ и старые памятники: онъ не дорожилъ тѣмъ, чтобы выставлять на видъ свою ученость и начитанность.

Всякiй разъ, какъ я оказывался вынужденъ прибавить какой-нибудь текстъ, собственную фразу, или даже слово, я прибѣгалъ къ скобкамъ для того, чтобы позволить читателю легко отличить добавленiя *.

Пятнадцать первыхъ главъ появляются въ порядкѣ, указанномъ для плана книги опять же самимъ Фюстель де-Куланжемъ. Заглавiя иногда

[1] Les origines du régime féodal.—1) La propriété foncière dans l'empire romain et dans la société mérovingienne.

[2] Les premiers temps du régime féodal.—2) Le patronage, la fidélité, le droit de sauvement.

[3] «Etude sur l'immunité mérovingienne».

* Въ русскомъ изданiи скобки выпущены, чтобы избѣжать пестроты. Дополненiя французскаго редактора незначительны: близкое знакомство съ трудами и воззрѣнiями автора и пiэтетъ къ его памяти заставляли К. Жюллiана быть крайне осторожнымъ и точнымъ. (*Прим. русск. ред.*).

слегка измѣнены, ибо авторъ установилъ ихъ неокончательно.

Эти пятнадцать главъ относятся только къ бенефицiю и патронату. Фюстель де-Куланжъ намѣревался включить въ этотъ же томъ и изслѣдованiе объ иммунитетѣ. Это ясно вытекаетъ изъ краткаго общаго наброска его содержанiя, найденнаго среди его бумагъ [1]. Ограничился ли бы авторъ перепечаткою статьи изъ „*Revue historique*“? Или онъ сполна передѣлалъ бы ее? Думаю, что онъ скорѣе перепечаталъ бы ее: на оттискѣ этой статьи, съ отмѣтками, сдѣланными его рукою, онъ произвелъ лишь незначительныя измѣненiя и прибавки.

Заглавiе книги не то, подъ какимъ ее ожидала публика. Фюстель де-Куланжъ охотно называлъ ее „*Le bénéfice*“ и подъ такимъ названiемъ объявлялъ о ней. Мы полагали, однако, что надо было его измѣнить. О бенефицiи идетъ рѣчь лишь въ одной изъ трехъ частей всего сочиненiя; патронатъ занимаетъ въ немъ даже положительно больше мѣста. Главное же, къ чему стремится авторъ, это показать начала институтовъ, изъ которыхъ выростетъ феодальный строй. Слово феодализмъ мы будемъ встрѣчать въ концѣ каждой главы. Только о феодализмѣ и говорится въ обоихъ введенiяхъ. Наконецъ, заглавiе, которое мы даемъ книгѣ, почти то же, подъ какимъ появились въ „Revue des Deux Mondes“ обѣ статьи, служившiя первымъ наброскомъ и сжатымъ изложенiемъ настоящаго труда.

Изъ всѣхъ работъ Фюстель де-Куланжа именно эта взяла у него, быть можетъ, всего больше времени, потребовала отъ него всего больше напря-

[1] Вотъ его текстъ. «Планъ: О патронатѣ у Галловъ, Римлянъ, Германцевъ; о личномъ подчиненiи, *commendatio*, при Меровингахъ; о подчиненiи земли или бенефицiи; объ иммунитетахъ и о королевскомъ патронатѣ».

женія. Ни надъ одною другою онъ такъ много не думалъ. И если ему не было суждено до конца отдѣлать книгу, то все же онъ почти всю редактировалъ собственноручно, а я въ тѣхъ строкахъ, какія долженъ былъ добавить, старался оставаться вѣрнымъ толкователемъ его мысли.

Бордо, 1 мая 1890 года.

Камиллъ Жюлліанъ.

ВВЕДЕНІЕ

автора.

Опредѣлить, какъ перешло населеніе Галліи отъ того монархическаго и административнаго строя, какой завѣщанъ былъ ему Римскою имперіею къ совершенно противоположному строю,— феодальному,—это составляетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ исторической науки.

Очень нелегко уже выяснить, въ какое время сложился этотъ новый строй. Совершился крупный переворотъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ исторіи государствъ, и мы не знаемъ даже времени, когда онъ осуществился.

Нѣкоторые ученые связываютъ его зарожденіе съ капитуляріемъ, изданнымъ въ Кьерси на Уазѣ въ 877 году; другіе относятъ его начало къ одному указу, опубликованному въ 615 году. Достаточно прочитать эти два памятника, чтобы убѣдиться въ неправильности обоихъ мнѣній.

Пріятно было бы найти указаніе такой даты въ текстахъ того времени. Эти тексты многочисленны. Каждое прожившее поколѣніе оставило разнаго рода письменные памятники, въ которыхъ оно само разсказываетъ о крупныхъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ оно было. Ни одинъ изъ

нихъ не отмѣчаетъ зарожденія феодальнаго строя. Среди такого большого количества хроникъ, законодательныхъ источниковъ, частныхъ писемъ, грамотъ и хартій мы никогда не находимъ указанія на моментъ, когда началось подчиненіе виллановъ сеньорамъ и вассаловъ сюзеренамъ. Люди всѣхъ племенъ говорятъ намъ о перемѣнахъ, которыя они видѣли; но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ: „Въ наше время установился феодальный порядокъ".

Еще труднѣе опредѣлить причину этого переворота и путь, по какому онъ образовался. Можно предположить, что подчиненіе виллановъ сеньорамъ явилось послѣдствіемъ вооруженной борьбы и насилія; но ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ средневѣковья не найдемъ мы слѣда такого хода вещей. Можно предположить, что сеньоры пріобрѣли независимость королей посредствомъ большого общаго возстанія; но указанія на это мы также нигдѣ не найдемъ.

Отъ первой половины средневѣковья сохранилось больше памятниковъ, чѣмъ отъ греческой и римской древности, и ни одна строка въ этихъ памятникахъ не говоритъ, ни когда, ни какъ зародился феодализмъ.

Въ средніе вѣка не было недостатка въ юрисконсультахъ и въ публицистахъ. Филиппъ Бомануаръ и Бутелье во Франціи, Жанъ д'Ибеленъ и Филиппъ Наваррскій на Востокѣ, Гланвилль и Литтлстонъ въ Англіи, и многіе другіе описали феодальные институты, свидѣтелями которыхъ они были. Но они не опредѣлили ихъ историческаго происхожденія. Ни одинъ изъ этихъ авторовъ не относитъ ихъ къ опредѣленному времени, не приписываетъ ихъ опредѣленной причинѣ.

Новѣйшіе ученые говорятъ: „Въ V-мъ вѣкѣ произошло нашествіе Германцевъ въ Галлію; оно перевернуло все; оно уничтожило римскій порядокъ и дало взамѣнъ феодальный. И такъ, феодальный строй происходитъ изъ германскаго корня. Первой причиною его было завоеваніе, а различіе между классами оказалось лишь слѣдствіемъ различія между побѣдителями и побѣжденными".

Эту теорію было бы очень удобно принять. Въ свѣтѣ ея факты объяснялись бы просто, логично, систематически. Исторія стала бы ясною и легкою. Передъ нами открылись бы римскій и германскій элементы, и этими громкими словами мы отвѣчали бы на все, отдавали бы отчетъ во всѣхъ институтахъ и даже во всѣхъ переворотахъ средневѣковья.

Къ несчастью, памятники не согласуются съ этою теоріею. Возьмите все, что писалось во время ли германскихъ вторженій, или при жизни того поколѣнія, которое непосредственно слѣдовало за ними, или даже въ продолженіе пяти дальнѣйшихъ вѣковъ, вы не найдете ни одной строки, въ которой было бы сказано, что нашествія разрушили римскій строй и установили феодальный. Вы не найдете въ нихъ ни одной строки, которая устанавливала бы, въ опредѣленной формѣ, или ввидѣ намека, что феодальный порядокъ явился послѣдствіемъ завоеванія; не найдете ни одной, наконецъ, строки отъ V вѣка до XII, которая указывала бы, что вилланы были Галлами, а сеньоры Германцами.

Надо, стало быть, искать другихъ причинъ, не довольствуясь удобной гипотезой.

Дѣло въ томъ, что сложеніе феодальнаго строя было явленіемъ очень сложнымъ. Утверждать, что оно произошло изъ одного источника, связывать его съ однимъ только корнемъ, это значитъ обрекать себя на неизбѣжную ошибку. Для образованія этого строя необходима была долгая послѣдовательность фактовъ и совпаденіе самыхъ различныхъ причинъ.

Ставили вопросъ, вышелъ ли феодализмъ изъ древняго Рима, или изъ Германіи, и ученые раздѣлились на два лагеря, романистовъ и германистовъ. Но истина не скрывается ни въ одномъ изъ этихъ узкихъ воззрѣній. Мы находимъ феодальный строй у народовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ Германцами, мы находимъ его также и у народовъ, у которыхъ нѣтъ связи съ Римлянами. Онъ одинаково существовалъ въ южной Галліи, гдѣ преобладала галло-римская кровь, въ сѣверной Галліи, гдѣ смѣшались оба племени, въ Баваріи и въ Саксоніи, гдѣ было чисто германское населеніе. Онъ существовалъ у Славянъ и у Венгровъ. Ирландскіе памятники показываютъ, что онъ образовался въ Ирландіи свободно, безъ всякаго завоеванія, безъ римскаго или германскаго вліянія [1]. Феодализмъ встрѣчается еще у многихъ другихъ народовъ, даже за предѣлами Европы, и въ другія эпохи исторіи. Онъ развивался у представителей всевозможныхъ расъ. Онъ не присущъ ни римской, ни германской природѣ: онъ свойственъ природѣ человѣческой вообще.

Складывался онъ медленно, незамѣтно, и вотъ почему ни одна хроника не опредѣляетъ даты его возникновенія. Онъ произошелъ отъ множества неясныхъ вліяній, и вотъ почему ни одинъ писатель не опредѣляетъ его причины. Источники его коренятся въ самыхъ разнообразныхъ фактахъ очень сложнаго общественнаго быта, въ продолженіи пяти или десяти вѣковъ.

Всѣ стороны этого человѣческаго существованія, цѣликомъ, во всѣхъ его подробностяхъ, во всей его сложности должны мы изучать, если хо-

[1] См. *Sumner Maine*, Histoire des institutions primitives, trad. de Durieu de Leyrits, 1880, глав. V, VI, особенно стр. 192—193, 196—199, 207—208.—*Rambaud* въ своемъ изслѣдованіи о византійской имперіи (1870) показалъ, что и тамъ существовалъ феодальный строй въ X вѣкѣ.

тимъ узнать, когда, какъ и почему образовался феодальный порядокъ. Мы не должны исходить ни изъ какой предвзятой теоріи, ни изъ какого пристрастнаго взгляда, романистскаго или германистскаго; мы должны разсмотрѣть шагъ за шагомъ явленія, происходившія изъ вѣка въ вѣкъ, пока не подмѣтимъ въ самомъ дѣлѣ возникновеніе феодальнаго порядка.

Чтобы хорошо направить наше изслѣдованіе, можетъ быть, полезно опредѣлить сначала предметъ, который мы изслѣдуемъ. Полное и точное опредѣленіе феодализма не можетъ быть дано раньше конца нашего труда, но мы можемъ дать здѣсь предварительное его опредѣленіе. Три черты, характеризуютъ феодальный строй.

1. При его господствѣ аграрный порядокъ слагается такъ, что владѣющій землею не является настоящимъ ея собственникомъ. Пользованіе ею можетъ быть прочно обезпечено за нимъ; оно можетъ даже быть наслѣдственнымъ въ его рукахъ; но оно никогда не составляетъ полной собственности. У владѣющаго всегда недостаетъ нѣкоторыхъ признаковъ собственника, каковы право продажи, право завѣщанія. Кромѣ того, это пользованіе оказывается условнымъ, то-есть, подчиненнымъ или платежамъ, или службѣ, однимъ словомъ различнымъ повинностямъ, и пренебреженіе ими влечетъ за собою утрату владѣнія.

2. Земля разрѣзана на большія помѣстья, называемыя сеньоріями. Каждою изъ нихъ правитъ сеньоръ, и всѣ люди помѣстья повинуются ему. Эти люди подсудны ему вмѣсто того, чтобы быть подсудными королю, или другой какой-нибудь государственной власти. Они платятъ подати и несутъ воинскую службу только ему и не подчиняются никакому другому государю. Такимъ образомъ, каждое помѣстье, взятое само по себѣ, оказывается маленькимъ государствомъ.

3. Сеньеры не всѣ одинаково зависятъ отъ короля, они зависятъ одни отъ другихъ, и такая зависимость происходитъ отъ того, что каждый изъ нихъ получилъ свою сеньерію отъ другого: фактъ этотъ формально признается при смѣнѣ каждаго поколѣнія. Такимъ образомъ каждый получаетъ свою землю отъ другого и поэтому подчиненъ ему. Отсюда возникаетъ восходящая до короля іерархія вассаловъ и сюзереновъ.

Въ итогѣ, условное владѣніе землею вмѣсто собственности, подчиненіе людей сеньеру вмѣсто повиновенія королю и іерархія между сеньерами, устанавливаемая черезъ фьефъ и оммажъ, вотъ — три характерныя черты, отличающія феодальный порядокъ отъ всякаго другого.

Итакъ историкъ, желающій объяснить, какъ перешла Галлія отъ римскаго строя къ феодальному, долженъ пересмотрѣть формы жизни каждаго поколѣнія людей, обитавшихъ другъ за другомъ въ странѣ; онъ долженъ изслѣдовать, обнаруживаютъ ли онѣ эти три черты, или какую-нибудь одну изъ трехъ. Такъ какъ историкъ не знаетъ времени первоначальнаго зарожденія этого строя, то онъ долженъ начать наблюденіе съ послѣдняго поколѣнія, подчиненнаго римскому правленію, и продолжить его, пока передъ нимъ не обнаружится перемѣна. Такъ какъ онъ не знаетъ заранѣе причины изучаемаго явленія, то не долженъ довольствоваться изученіемъ фактовъ одного или другого порядка; онъ долженъ внимательно изучать всѣ явленія, всѣ институты, всѣ установленія государственнаго или частнаго права, всѣ обычаи домашней жизни и особенно все, что относится къ владѣнію землей. Все это онъ долженъ изслѣдовать съ одинаково тщательнымъ вниманіемъ, ибо онъ не знаетъ заранѣе, съ какой стороны ему прольется свѣтъ. Это методъ долгій, но единственно

надежный. Это методъ не построителя теоріи, а искателя истины.

Мы изучали меровингское общество пока лишь съ двухъ сторонъ. Мы разсмотрѣли въ предшествующемъ томѣ, какой въ немъ практиковался порядокъ владѣнія, и мы видѣли послѣдовательно право собственности, которое называлось аллодомъ, сельскій организмъ, называвшійся виллой, видѣли единицу держанія или мансъ, различные виды этого держанія и различные классы людей, помѣщика, колона, раба, вольноотпущенника. Мы разобрали, еще раньше, политическія учрежденія той же эпохи и того же общества и пересмотрѣли королевскую власть, устройство законодательства, собранія знатныхъ, дворецъ, управленіе графовъ и другихъ чиновниковъ, налоги, правосудіе, положеніе епископата.

Эти два ряда изслѣдованій вели насъ къ феодальному порядку. Хотя ни одинъ изъ встрѣчавшихся нами соціальныхъ и политическихъ фактовъ самъ по себѣ не обнаруживалъ феодальнаго характера, но почти всѣ они должны были позднѣе стать въ тѣсную связь съ феодализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, организація собственности, вилла, мансъ, неоспоримыя и такія широкія права помѣщика, различные виды держанія, колонатъ и серважъ, все это должно было продолжиться при феодализмѣ. То же самое приходится повторить и о политическихъ институтахъ. Королевская власть, монархическій принципъ вовсе не должны были быть разрушены феодальнымъ порядкомъ; приближенные короля, собранія знатныхъ встрѣтятся вновь и въ феодализмѣ; полномочія меровингскихъ чиновниковъ объясняютъ власть феодальныхъ герцоговъ и графовъ. Разсмотрѣнные нами институты сохранятся на протяженіи всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Феодализмъ не уничтожитъ ихъ; онъ едва ослабитъ нѣкоторыя изъ нихъ, а

гораздо скорѣе усвоитъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ, не потеряется ничего, или почти ничего изъ того, что мы видѣли раньше установленнымъ. Институты эти—прочная и устойчивая почва, на которой воздвигнется феодализмъ.

Теперь мы и задаемся цѣлью изучать феодализмъ.

Но мы не возьмемъ его сразу во всей его силѣ. Мы изслѣдуемъ сначала, какъ онъ сложился. Институты вырабатываются медленно; историческія изслѣдованія также движутся медленно, потому что они должны отыскать и почти воспроизвести всю эту долгую переработку явленій.

Раньше фьефа существовали бенефицій, прекарій, коммендація, *trustis*, вѣрность. Все это—не феодализмъ, но все это ведетъ къ нему. Бенефицій не фьефъ, но онъ обратится въ фьефъ. Потому-то мы должны изучить эти учрежденія и обычаи.

Чтобы понять феодальные принципы, мы будемъ искать ихъ происхожденія и поднимемся назадъ такъ далеко, какъ будетъ возможно. Нашъ интересъ къ далекимъ началамъ представляетъ не одно пустое любопытство: это существенный элементъ историческаго метода, одно изъ самыхъ необходимыхъ правилъ историческаго искусства. Оно вытекаетъ изъ самой природы этой науки. Исторія—собственно, наука о происхожденіи. Она меньше изучаетъ существованіе само по себѣ, чѣмъ сложеніе и измѣненія существованія. Она—наука о началахъ, сцѣпленіяхъ, развитіи и перерожденіяхъ.

Мы начнемъ съ того, что спросимъ себя, существовали ли феодальные институты, до германскихъ нашествій хоть въ зародышѣ, или они появились лишь послѣ нихъ; мы изслѣдуемъ, находится ли ихъ первое начало въ какомъ-нибудь институтѣ римской Имперіи или въ какомъ-нибудь обычаѣ древней Германіи.

Начала феодальнаго строя.

Бенефицій и патронатъ въ меровингскую эпоху.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Римской Имперіи не существовало военныхъ бенефицієвъ.

Въ настоящее время не вѣрятъ уже въ римское происхожденіе бенефиція и фьефа (феода). Надо, однако, признать, что мнѣніе это поддерживалось долго и очень учеными людьми. Поэтому, оно заслуживаетъ разбора такъ же какъ и противоположное ему мнѣніе.

Что феодализмъ существовалъ уже въ Римской Имперіи, этого прямо никогда не утверждали; слишкомъ очевидно, что онъ пріобрѣлъ силу лишь долго спустя послѣ ея исчезновенія. Но говорили, что въ Римской Имперіи существовали уже военные бенефиціи и родъ фьефовъ для пользованія воиновъ. Прибавляли, что послѣ нашествій Германцы быстро усвоили римскій обычай, развили и

распространили его, и онъ превратился въ общій порядокъ.

Въ выпущенномъ имъ въ 1608 году „Traité des seigneuries“—*Loyseau* объясняетъ происхожденіе фьефовъ слѣдующимъ образомъ: „Завладѣвъ землями Галліи, франкскіе короли роздали ихъ въ качествѣ фьефовъ, то-есть, подъ условіемъ, чтобы получившіе ихъ всегда находились при государѣ во время войны; такая система придумана была еще римскими императорами, которые, для обезпеченія своихъ границъ, раздавали земли вдоль послѣднихъ въ видѣ милости своимъ военачальникамъ и наиболѣе отличившимся изъ воиновъ. Земли эти они и назвали бенефиціями (*bénéfices*) и давали ихъ на время, лишь пока пожалованные будутъ служить“ [1].

[1] *Loyseau*, Traité des seigneuries, c. 1, éd. 1620, p. 12: «Les Francs, s'étant emparés des terres de la Gaule, les baillèrent à titre de fiefs, c'est à dire à la charge d'assister toujours le prince en guerre: invention qui avait été commencée par les empereurs romains, lesquels, pour assurer leurs frontières s'étoient advisés de donner les terres d'icelles à leurs capitaines et soldats plus signalés, par forme de bienfaict, qu'aussi ils appelèrent bénéfice, et à la charge de les tenir seulement pendant qu'ils seraient soldats».—Ср. *Et. Pasquier*, Recherches de la France (книга II, ч. 16, изд. 1723 года, т. I, стр. 128): «Августъ началъ раздавать воинамъ участки земель и установилъ обычай, которому точно слѣдовали его преемники. У старыхъ юрисконсультовъ мы находимъ довольно частое упоминаніе о такомъ надѣленіи и раздачѣ земель. Онѣ распредѣлялись лишь между воинами; онѣ давались имъ сначала пожизненно и только со времени Александра Севера стали наслѣдственными... Такъ же поступалъ и король Франковъ».—То же мнѣніе высказано *Charondas* въ его примѣчаніяхъ къ «Grand Coutumier» Карла VI (изд. 1698 года) и въ примѣчаніямъ къ *Bouteiller* (изд. 1603 года, стр. 480).—Съ другой стороны *Dumoulin* утверждалъ, что фьефы были созданіемъ Франковъ и не имѣли ничего общаго съ римскимъ правомъ; см. изд. 1681 года, т. I, стр. 3—5.

Шестьдесятъ лѣтъ спустя, великій романистъ Жакъ Годфруа издалъ Кодексъ Θеодосія съ превосходнымъ комментаріемъ. Дойдя до 15-й главы книги VII-й, онъ встрѣтилъ тамъ слѣдующій законъ Гонорія: „Мы узнали о земляхъ, уступленныхъ предусмотрительной благостью нашихъ предшественниковъ воинамъ, именуемымъ гентилами, для охраны границъ, что онѣ занимаются иногда и людьми, не служащими въ войскѣ. Должно быть извѣстно, что владѣльцы такихъ участковъ повинны нести службу охраны границъ и, если они не исполняютъ этой обязанности, то должны оставить земли и отдать ихъ гентиламъ или ветеранамъ“ [1]. Съ этимъ закономъ Гонорія Годфруа сопоставляетъ новеллу Θеодосія II, изъ которой также видно, что *agri limitanei* должны были принадлежать только воинамъ, и что ихъ нельзя было продавать никому другому [2]. Онъ сравниваетъ съ приведенными двумя законодательными текстами два мѣста изъ *scriptores historiae Augustae*. Первое принадлежитъ Лампридію, который говоритъ, что Александръ Северъ „далъ отнятыя у непріятеля земли начальникамъ пограничныхъ отрядовъ и ихъ воинамъ, подъ условіемъ, чтобы наслѣдники ихъ также служили въ войскѣ, и чтобы земли эти не могли передаваться людямъ, не несущимъ воинскихъ обя-

[1] *Codex Theodosianus*, cum commentariis Gothofredi, VII, 15, 1, ed. Ritter, t. II, p. 398.

[2] См. Новеллы Θеодосія II, изд. Haenel, XXIV, 4, или Юстиніановъ Кодексъ, XI, 60 (59), 3.

занностей". Второе принадлежитъ Вописку, который разсказываетъ, что Пробъ „далъ ветеранамъ нѣкоторыя земли въ Исавріи, съ обязательствомъ, чтобы дѣти ихъ мужескаго пола отправляли воинскую повинность съ восемнадцати лѣтъ". Годфруа высказываетъ слѣдующія соображенія объ этихъ четырехъ текстахъ: „Мы видимъ здѣсь родъ фьефа, такъ какъ встрѣчаемъ присущее ему обычное условіе, что лицо, получившее землю, должно было по отношенію къ пожаловавшему ее соблюдать вѣрность и нести военную службу" [1]. Нѣсколько ниже: „Такими фьефами или бенефиціями императоры вознаграждали труды своихъ солдатъ" [2]. Сравнивая ихъ съ летами, сидѣвшими на летскихъ земляхъ, и даже съ лейдами, авторъ прибавляетъ: „Они были родомъ вассаловъ, отдававшихся войнѣ" [3]. Онъ перечисляетъ условія, связанныя съ этими императорскими пожалованіями, и насчитываетъ ихъ три: первое—военная служба; второе—запрещеніе продавать участки, по крайней мѣрѣ, такимъ людямъ, которые не отправляли воинской службы; третье—наслѣдственность держанья земель, ограниченная мужскимъ колѣномъ. Авторъ заканчиваетъ: „Все это очень приближается къ природѣ фьефовъ" [4].

[1] *Godefroi*, ed. Ritter, t. II, p. 398: «Est haec species quaedam feudi. Sane similis lex erat fundorum constituendorum, ut qui praedium acciperet, danti fidem et militiae ferme munus exhiberet».

[2] *Ibidem*, p. 399: «Veteranos hoc quasi feudi beneficiique genere pensari, post exsudatos militiae labores».

[3] *Ibidem*: «Vasallorum et hominum genus militiae adstrictum».

[4] *Godefroi*, ed. Ritter, t. II, p, 400: «Quae pleraque ad feudorum naturam proxime accedunt».—Уже Казобонъ (*Casaubon*) въ примѣчаніяхъ своихъ къ Вописку (изд. 1603) сказалъ: «Hanc esse quamdam speciem feudi, vel potius initia quaedam eius iuris quod feudorum appellatione est designatum».

Къ тому же мнѣнію вернулся въ слѣдующемъ вѣкѣ аббатъ Дюбо (*Dubos*). Римскіе императоры, пишетъ онъ,—раздѣляли земли на границахъ между солдатами „подъ условіемъ, чтобы государство всегда оставалось собственникомъ этихъ земель", и онѣ тогда только переходили „къ наслѣдникамъ пожалованнаго", если и тѣ носили оружіе. Пожалованіе земель на такихъ условіяхъ „обыкновенно разсматриваютъ какъ первое начало той формы владѣнія, которая столь извѣстна въ исторіи подъ именемъ фьефовъ" [1]. Въ подтвержденіе своей теоріи авторъ приводитъ тѣ же тексты, которые уже указалъ Годфруа, но прибавляетъ къ нимъ еще слѣдующее мѣсто изъ святого Августина: „Извѣстно, что воины мірскіе, желая получить отъ мірскихъ господъ своихъ мірской бенефицій, начинаютъ съ того, что связываютъ себя клятвой по отношенію къ нимъ и обязываются сохранять вѣрность своимъ господамъ" [2]. Итакъ, въ одной фразѣ святого Августина мы находимъ упоминаніе о „сеньорахъ", о „бенефиціяхъ", о „клятвѣ" и о

[1] *Dubos*, Etablissement de la monarchie française; 2-е изд. 1742, т. I, стр. 82.—Дальше во II т. стр. 548, авторъ возвращается къ тому же предмету и съ едва вѣроятнымъ смѣшеніемъ понятій объединяетъ «военные бенефиціи» римскихъ императоровъ съ «салическими землями» меровингской эпохи.

[2] *S. Augustin*. Sermo in vigilia Pentecostes: «Notum est quod milites saeculi *beneficia* temporalia a temporalibus *dominis* accepturi prius militaribus *sacramentis* obligantur, et *dominis suis fidem* se servaturos profitentur».

„вѣрности". Повидимому, въ этой фразѣ заключается весь феодальный договоръ [1].

Развитіе излагаемой теоріи не остановилось на аббатѣ Дюбо. Она снова встрѣчается, правда, въ очень смягченномъ видѣ, у нѣсколькихъ ученыхъ XIX-го вѣка [2]. Но послѣдніе только противорѣчатъ себѣ, признавая съ одной стороны существованіе извѣстнаго рода военныхъ фьефовъ у римлянъ, и утверждая съ другой, что феодализмъ вышелъ изъ германскихъ обычаевъ.

Существованіе у Римлянъ военныхъ бенефиціевъ, почти фьефовъ, не такого рода фактъ, который можно было бы замолчать или затуманить. Если фактъ доказанъ, онъ и долженъ быть объявленъ источникомъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ источникомъ феодальнаго строя. Разъ военный бенефицій или фьефъ существовалъ въ Имперіи то, хотя бы онъ занималъ тамъ даже очень небольшое мѣсто, онъ могъ стать зерномъ, изъ котораго выросъ феодализмъ. Возможно, конечно, предположить, что изъ института чисто мѣстнаго и чрезвычайнаго, Германцы сдѣлали его институтомъ всеобщимъ и господствующимъ. Тѣмъ не

[1] Ср. еще у аббата *Garnier*, Traité de l'origine du gouvernement français, 1765, стр. 104. Онъ опредѣленно произноситъ слово «военные бенефиціи», по поводу текста св. Августина, но вообще очень близко слѣдуетъ за Дюбо; см. стр. 49.

[2] *Serrigny*, Droit public et administratif romain, т. I, стр. 365—372.—*C. Dareste de la Chavanne*, Histoire des classes agricoles, стр. 68—71.—*Révillout*, Etude sur le colonat, въ «Revue historique du Droit», т. III, 1857, стр. 213;—*Garsonnet*, Histoire des locations perpétuelles, стр. 165, также сравниваетъ эти пожалованія съ фьефами, не говоря, однако, что отсюда произошли фьефы.

менѣе важно было бы при этомъ ясно установить, что первое его начало вскрывается внутри Имперіи, и слѣдовало бы тогда признать, что римскіе императоры ввели военные бенефиціи, изъ которыхъ произошли бенефиціи меровингскіе и фьефы. Однако, надобно посмотрѣть, справедливо ли утвержденіе, а для этого необходимо разобрать тексты, изъ которыхъ, какъ думали, фактъ обнаруживается.

1. Лампридій, упомянувъ о нѣсколькихъ войнахъ, которыя велись въ Мавританіи, Иллиріи и Арменіи, разсказываетъ, что отнятыя тамъ у непріятеля земли раздавались императоромъ начальникамъ и солдатамъ отрядовъ, охранявшихъ границы. Онъ говоритъ о пожалованіи (*donavit*) [1]. Правда, императоръ ставилъ пожалованнымъ условіе, что наслѣдники ихъ должны будутъ нести военную службу. Но мы должны замѣтить, что это условіе не мѣняло характера акта, который былъ настоящимъ подаркомъ.

2. Вопискъ разсказываетъ, что когда горы Исавріи опустошались разбоями, то Пробъ очистилъ ихъ отъ лихихъ людей и затѣмъ, ища средства помѣшать возврату этого бѣдствія, онъ придумалъ поселить тамъ ветерановъ. „Всѣ мало доступныя мѣста отдалъ онъ въ частную собственность ветеранамъ, присоединивъ однако требова-

[1] *Lamprid.* Alex. Sev. 53: «Sola quae de hostibus capta sunt, limitaneis ducibus et militibus donavit, ut eorum essent si heredes eorum militarent, nec unquam ad privatos pertinerent».—Слова *ad privatos* противополагаются слову *milites* и означаютъ людей, которые не были воинами. Таковъ смыслъ слова *privatus* или выраженія *privatae conditionis* въ Кодексѣ Ѳеодосія, VII, 15, 2. Ср. *Godefroi*, Glossarium подъ словомъ *privatus*.

ніе, чтобы дѣти ихъ мужескаго пола, начиная съ восемнадцати лѣтъ, посылались въ отряды войскъ, изъ опасенія, какъ бы, если они останутся въ своихъ горахъ, не пріучились они къ разбою" [1]. Въ этомъ отрывкѣ надо отмѣтить три пункта. Прежде всего, историкъ говоритъ о настоящемъ пожалованіи въ собственность, *privata donavit*. Затѣмъ онъ не говоритъ объ ограниченіи, которое налагалось бы на указанный видъ собственности: онъ сообщаетъ только, будто императоръ прибавилъ, что сыновья этихъ людей должны будутъ вербоваться въ войско; это была административная мѣра, которую онъ принималъ, и которая была согласна съ военнымъ законодательствомъ того времени. Наконецъ, историкъ вовсе не говоритъ, что такія земли были наслѣдственны лишь для мужескаго потомства; онъ не указываетъ никакого порядка наслѣдованія и позволяетъ предполагать, что и такого рода имущества были подчинены обычнымъ правиламъ наслѣдованія объектовъ частной собственности, *privata*.

Надо было очень поверхностно прочитать эти два мѣста, чтобы усмотрѣть въ нихъ сходство съ фьефами или съ бенефиціями. Рѣчь идетъ о настоящемъ полномъ пожалованіи: *donavit*, говоритъ Лампридій, *privata donavit*, повторяетъ Вопискъ.

[1] *Vopisc.* Prob. 16: «Potentissimo quodam latrone Palfucrio capto Isauriam liberavit... Hoc dixit: Facilius est ab istis locis latrones arceri quam tolli. Veteranis omnia illa quae anguste adeuntur loca *privata donavit*, addens, ut eorum filii ab anno octavo decimo, mares duntaxat, ad militiam mitterentur, ne latrocinare unquam discerent».

Это—противоположность бенефиція и фьефа. Пожалованія эти были наслѣдственныя, чѣмъ никогда не былъ бенефицій и фактически, чѣмъ не былъ фьефъ по праву. Ничто не указываетъ, чтобы они подчинялись правилу мужескаго наслѣдованія, какъ это позднѣе установилось для фьефа. Наконецъ, если съ ними было связано условіе военной службы, то именно это, не представляя вовсе сходства съ меровингскимъ бенефиціемъ, особенно отличало ихъ отъ него, такъ какъ скоро мы установимъ, что бенефицій,—начало фьефа,—никогда не подчинялся условію военной службы.

Произведемъ такое же изслѣдованіе двухъ законодательныхъ текстовъ, которые были выше приведены, присоединивъ къ нимъ даже еще одинъ законъ Гонорія, который находится въ Кодексѣ Юстиніана, и отрывокъ юрисконсульта Паула—изъ Дигестъ [1].

Всѣ эти тексты относятся къ землямъ, расположеннымъ по границамъ, *agri limitanei*. Какъ извѣстно, для защиты обширныхъ границъ, императоры, не нуждаясь въ слишкомъ большомъ количествѣ военныхъ силъ, оградили ихъ линіей небольшихъ крѣпостей, *castella*, и валомъ, *limes* [2].

[1] *Cod. Iust.* XI, 60 (59), 2 (Cfr. *Cod. Th.* VII, 15,2).—*Paul.* Dig. XXI, 2, 11: «Possessiones (trans Rhenum) ex praecepto principali veteranis in praemia adsignatos».

[2] *Spartian.* Hadrian. 12: «Per ea tempora et alias frequenter in plurimis locis, in quibus barbari non fluminibus sed limitibus dividuntur, stipitibus magnis in modum muralis saepis funditus iactis atque annexis barbaros separavit».—*Ammian. Marcell.* XXVIII, 2: «Valentinianus magna animo concipiens et utilia, Rhenum omnem a Raetiarum exordio ad usque fretalem Oceanum magnis molibus

Охранявшіе ихъ солдаты назывались *castellani* или *limitanei* [1]. Существовало правило, чтобы земли вокругъ каждаго укрѣпленія и вдоль вала предоставлялись въ пользованіе этимъ солдатамъ. Каждый маленькій отрядъ войска получалъ площадь луга для прокормленія своего скота [2], а также для себя извѣстное пространство пахатныхъ полей. То была особая выгода пограничной службы, какъ бы прибавка къ жалованію воиновъ. Земли служили главнымъ источникомъ для содержанія ихъ семействъ: извѣстно, что солдаты въ Имперіи, были ли они варвары или римляне, держали обыкновенію при себѣ женъ и дѣтей [3].

О такого то рода земляхъ и говорится въ сво-

communiebat, castra extollens altius et castella turresque assiduas per habiles locos et opportunos qua Galliarum extenditur longitudo, nonnunquam etiam ultra flumen aedificiis positis subradens barbaros fines».—*Cod. Theod.* VII, 15, 1: «Munitionem limitis atque fossati».—О валѣ со стороны Германии см. *Cohausen*, Der römische Grenzwall (1884) и др. лит.

[1] «Castellanus miles» (*Cod. Theod.* VII, 15, 2).—«Duces et milites limitanei» (*Lamprid.* Alex. Sev. 58.—О *limitanei milites*, противоположныхъ *milites comitatenses*, см. законъ 389 г. въ Кодексѣ Θеодосія, VIII, 4, 17; новеллу Θеодосія, XXIV, изд. *Haenel*, стр. 102, и законъ Юстиніанова Кодекса, I, 27, 2, § 8 Ср. *Notitia Dignitatum*, комментарій *Boecking*, стр. 515 и слѣд. Одна военная грамота III-го вѣка упоминаетъ *milites castellani* («Ephemeris epigraphica», т. IV, стр. 508).

[2] Уже Тацитъ говоритъ объ этомъ обычаѣ (*Annales*, XIII, 55): «Agros vacuos et militum usui sepositos... Partem campi iacere in quam pecora et armenta militum transmitterentur».

[3] *Novell. Theod.* II (*Haenel*, 105, 106; Cfr. *Cod. Iust.* XI, 60 (59), 3): «Agros limitaneos universos cum paludibus et omni iure quos, ex prisca dispositione, limitanei milites ab omni munere vacuos ipsi curare pro suo compendio atque arare consueverunt».

дахъ законовъ. Императоры замѣтили, что при эксплуатаціи ихъ совершались злоупотребленія, что частныя лица занимали многія изъ этихъ земель или покупали ихъ себѣ. Они издавали спеціальные законы, чтобы возвращать земли солдатамъ, кассируя всякое отчужденіе, какъ беззаконное [1].

Но земли эти все же не фьефы. Небольшого вниманія достаточно, чтобы замѣтить основное различіе между ними и фьефами. Онѣ составляли общее достояніе каждаго даннаго отряда пограничнаго войска. Онѣ нераздѣльно принадлежали, извѣстному легіону [2], извѣстной когортѣ, извѣстному отряду *gentiles*, гарнизону извѣстнаго *castellum*. Онѣ не принадлежали лично или на частномъ правѣ такому то воину или начальнику. Если солдатъ переходилъ изъ одного отряда въ другой, онъ не сохранялъ за собою прежняго участка на

[1] *Ibidem*: «Si ab aliis possidentur, cuiuslibet spatii temporis praescriptione cessante, ab universis detentoribus vindicatos iisdem militibus sine ullo collectionis onere, sicut antiquitus statutum est, volumus assignari. Si quis forte, quod minime audere debuerat, emptionis titulo memorati iuris possidet praedia, competens et actio adversus venditorem intacta servabitur».—*Cod. Iust.* XI, 60 (59), 2: «Quicumque castellorum loca quocumque titulo possident, cedant ac deserant, quia ab his tantum fas est possideri quibus adscripta sunt et de quibus iudicavit antiquitas. Quod si quispiam in his locis non castellanus miles fuerit detentator inventus, capitali sententia... plectatur».

[2] *Corpus inscriptionum latinarum*, II, №№ 2916—2920: «Terminus Augustalis dividit prata legionis quartae et agrum Iuliobrigensem».—*Henzen*, № 6825: «Pequarius (legionis)». Ср. *L. Rénier*, Inscriptions de l'Afrique, № 129 и 423 (*Corpus inscriptionum latinarum*, VIII, №№ 2553, 2827).

ager limitaneus. Подобный коллективный характеръ владѣнія составляетъ именно противоположность того порядка, который мы найдемъ въ феодальномъ землевладѣніи. Фьефъ никогда не будетъ принадлежать отряду войска сообща. Основной чертой фьефа будетъ наоборотъ личный его характеръ, равно какъ и личный характеръ военной службы и другихъ связанныхъ съ нимъ обязательствъ. То же самое мы замѣтимъ и въ меровингскомъ бенефиціи. Итакъ, *agri limitanei* римскихъ императоровъ не имѣютъ ничего общаго ни съ бенефиціемъ, ни съ фьефомъ.

Остается разобрать мѣсто изъ святого Августина, въ которомъ Дюбо находилъ упоминаніе о сеньорахъ, о бенефиціяхъ и о клятвѣ вѣрности сеньору. Проповѣдь, въ которой можно прочитать эту фразу, не принадлежитъ святому Августину. Это—подложная проповѣдь [1]: она была составлена въ средніе вѣка, и цитируемое мѣсто заимствовано у Ива Шартрскаго, жившаго въ началѣ XII вѣка. Итакъ, этотъ отрывокъ о феодальной клятвѣ былъ написанъ не во время римскихъ императоровъ, а въ эпоху расцвѣта феодализма [2].

[1] Проповѣдь эту «in vigilia Pentecostes» можно найти въ изданіи—Louvain, 1635, и въ изданіи Бенедиктинцевъ, 1685. Въ первомъ изданіи оно находится въ X-мъ томѣ, стр. 687, среди подложныхъ или сомнительныхъ проповѣдей. Точно также въ изданіи Бенедиктинцевъ, въ т. IV, стр. 278, и ученые издатели предпосылаютъ ей примѣчаніе, которое должно было обратить вниманіе аббата Дюбо: «Ex Ruffino, Caesario, Gregorio, Yvone Carnotensi collectus». Проповѣдь эта носитъ характеръ сборнаго образца.

[2] Эта фраза, цитируемая, какъ слова святого Августина, находится въ произведеніяхъ *Ives de Chartres* (*Migne*, Patrologia, CLXII, 604). Невозможно утверждать, что текстъ заимствованъ Ивомъ у св. Августина; чтеніе и сличеніе обѣихъ проповѣдей не допускаетъ такого предположенія. Анонимный авторъ заимствовалъ ее у Ива и неискусно включилъ въ проповѣдь, которую поставилъ подъ именемъ святого Августина. Ивъ Шартрскій умеръ въ 1116 году.

Добавимъ, что слово *beneficium*, терминъ, очень употребительный въ языкѣ Имперіи, никогда не примѣнялся къ землѣ. Мы часто читаемъ, что кто-нибудь получилъ землю „изъ благодѣянія государя", мы никогда не читаемъ, что земля была „бенефиціемъ, пожалованнымъ государемъ [1]". При всякомъ пожалованіи изъ милости, говорится о дарованіи въ полную и вѣчную собственность, не о временной, условной уступкѣ, которую можно было отмѣнить, а именно таковы будутъ впослѣдствіи бенефиціи. Слово *beneficiarius* также часто встрѣчается въ языкѣ римской имперіи; но оно примѣнялось къ военнымъ начальникамъ, назначавшимся по выбору высшаго командира [2], или о

[1] *Beneficium* говорится о всякаго рода благодѣяніи или милости, оказывалась ли она государствомъ (напримѣръ: *Cicero*, Pro Archia, V; Ad familiares, V, 20, 7; Philippica, II, 36, 91), или государемъ. *Liber beneficiorum*, о которомъ нѣсколько разъ говорится у *Agrimensores* (изд. Lachmann, стр. 203, стр. 295, стр. 400) былъ регистромъ, гдѣ отмѣчались всѣ дары государя, въ видѣ ли земель, или другихъ предметовъ. Ср. *Lamprid.* Alex. Sev. 46. Въ *Notitia Dignitatum* упоминается о «primicerius beneficiorum», въ одной надписи (*Gruter*, 578, 1) названа должность «a commentariis beneficiorum».



[2] О выраженіи «ordinem consequi beneficio (ducis) non virtute», см. *Hirtius*, De bello Africano, 54; *Tacitus*, Historiae, I, 25; *Suetonius*, Tiber. 12 (ср. *Marquardt*, Handbuch der Roem. Staatsverwaltung, т. II, изд. 2-е, стр. 549).

солдатахъ, получавшихъ милость, какъ, напримѣръ, высокій окладъ, либо изъятіе отъ работъ, или о солдатахъ, опредѣлявшихся на особую привилегированную службу [1]. Ни разу не находимъ мы у этого слова такого значенія, которое приближалось бы къ средневѣковому его употребленію.

Такимъ образомъ, нѣтъ ни одного памятника, оставшагося отъ Римской Имперіи, который обнаруживалъ бы существованіе военныхъ бенефицievъ или фьефовъ. Мы никогда не видимъ въ ней ни земель, дававшихся подъ условіемъ феодальныхъ службъ пожизненно, ни чего либо, что походило бы на феодальный „relief“ или на право „commise“, на правило мужеского наслѣдованія и т. д. Стало быть, мнѣніе, которое выводитъ фьефъ изъ какого-нибудь института, установленнаго властью римскаго имперскаго правительства въ пользу обезпеченія воинской службы, должно быть совершенно устранено. Фьефъ или военный бенефицій никогда не былъ римскимъ институтомъ [2].

---

[1] См. надписи, *Corpus inscriptionum latinarum*, III, 1781, 1906, 1909, 1910, 2023, 3161, 3270, 3955, 4820, 5953; VIII, №№ 2080, 2401, 2226, 2564, 2798, 2829, 10717.—Ср. *Spartian.* Hadrian. 2; *Veget.* II, 7. Слово *beneficiarius* говорится также о солдатахъ, взятыхъ изъ войска на службу магистратовъ; *Plin.* Epist, X, 21, 27 (Keil). *Viollet* въ своей книгѣ «Institutions politiques et administatives de la France» (т. I, 1890, стр. 431) смѣшиваетъ, повидимому, слова съ фактами, когда говоритъ, что солдаты, называемые *beneficiarii*, получали земли, и разсуждаетъ «о правахъ солдата на свой бенефицій». Въ памятникахъ нѣтъ, полагаю, ничего подобнаго.

[2] Мы повторяемъ здѣсь лишь то, что писали уже въ 1875 г. («Revue des deux mondes», 15 мая, стр. 452—453). Мы удивлены,

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Былъ ли германскій „comitatus“ зародышемъ феодальныхъ институтовъ?

Найдемъ ли мы въ древней Германіи то, чего не нашли въ Римской Имперіи?

Тацитъ довольно ясно описываетъ политическій строй Германцевъ. У каждаго изъ ихъ племенъ онъ обнаруживаетъ наличность опредѣленной политической организаціи и называетъ древне-германскую политическую единицу словомъ *civitas*, что значило у Римлянъ община или государство [1]. Во главѣ этого государства стоитъ общее собраніе всѣхъ свободныхъ людей; оно то и было истиннымъ носителемъ верховной власти [2]. Должностныя лица оказываются часто выборными, но иногда упоминаются наслѣдственные царьки, рѣдко, впрочемъ, неограниченные въ полномочіяхъ [3].

что *Garsonnet* приписываетъ намъ въ своей «Histoire des locations perpetuelles» (стр. 244) мнѣніе, которое мы наоборотъ очень опредѣленно оспаривали.

[1] *Tacit.* Germ. c. 8, 12, 13, 14, 15, 30, 37, 41, 44. То же у Цезаря, De bello gallico VI, 23. Цезарь и Тацитъ примѣняютъ также къ Германцамъ слово *populi*, терминъ, который въ латинскомъ языкѣ заключалъ въ себѣ всегда понятіе о политической организаціи.

[2] *Ibidem*, c. 11: «De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen ut ea quoque quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur. Coeunt... certis diebus... Considunt armati; silentium per sacerdotes imperatur... Rex vel princeps... audiuntur».

[3] *Ibidem*, c. 7, 11, 25, 42, 43, 44, 45.

Все это противоположно феодальнымъ институтамъ. Во всѣхъ племенахъ существуетъ благородный классъ; но въ этой знати также нѣтъ ничего феодальнаго. Она не образуетъ іерархіи сюзереновъ и вассаловъ, не раздробляетъ землю на сеньоріи. Правосудіе отправляется отъ имени государства. Въ древней Германіи господствуетъ государственность въ республиканской или монархической формѣ, а не феодализмъ.

Вотъ первое, что найдено. Такъ устанавливается первая основа для рѣшенія вопроса. Но остается еще изслѣдовать, не вскрывается ли въ глубинѣ этого общества, которое, въ цѣломъ, вовсе не было феодальнымъ, какого-нибудь особаго института, который бы походилъ на феодализмъ, и изъ котораго могъ выйти феодализмъ. Жизнь этихъ племенъ слагалась изъ такого разнообразія, такой сложности обычаевъ, что надо съ большимъ вниманіемъ присмотрѣться къ дѣлу раньше, чѣмъ утверждать, что въ нихъ дѣйствительно не было ничего феодальнаго.

Въ 31-й главѣ „Германіи" Тацитъ описываетъ военное устройство. „Существуетъ обычай, которому у другихъ германскихъ племенъ слѣдуютъ лишь нѣкоторые отдѣльные храбрецы, но который обратился у Хаттовъ въ родъ общественнаго установленія" [1]. Онъ состоитъ въ томъ, что воины отпускаютъ себѣ съ ранней молодости бороду и

[1] *Tacit*. Germania, 31: «Aliis Germanorum populis usurpatum rara et privata cuiusque audentia, apud Cattos in consensum vertit».—Тацитъ изображаетъ Хаттовъ какъ наиболѣе воинственный въ Германіи народецъ.

волосы и до того дня, какъ поразятъ смертью перваго врага, сохраняютъ этотъ суровый видъ, указывающій, что они посвящены и преданы богу войны [1]. Лишь на крови и на останкахъ убитаго врага открываютъ они свое чело и тогда только считаютъ они заслуженною цѣну своего рожденія... Наиболѣе храбрые носятъ кромѣ того желѣзное кольцо, что было для нихъ знакомъ униженія, и не снимаютъ его до тѣхъ поръ, пока какъ бы выкупятъ себя смертью врага. Многимъ Хаттамъ прямо нравится такое состояніе. Они доживаютъ въ немъ до старости... Они пользуются преимуществомъ начинать всѣ сраженія. Они всегда находятся въ первыхъ рядахъ [2]. Даже въ мирное время внѣшность ихъ остается такою же. Ни у одного изъ этихъ людей нѣтъ ни дома, ни земли. Они идутъ жить, къ кому хотятъ, и заставляютъ кормить себя, расточая то, чѣмъ владѣетъ другой, и не заботясь о томъ, чтобы имѣть что-нибудь собственное" [3].

Не въ этомъ, конечно, можно найти признаки феодализма. Всѣ указанныя черты представляются противоположными ему. Описанный воинъ долженъ нести службу всю свою жизнь, но не потому, чтобы онъ принялъ обязательства передъ сюзереномъ: онъ посвятилъ себя богу войны. Онъ не повинуется начальнику; онъ ничего не получаетъ

[1] *Ibidem*: «Votivum obligatumque Virtuti oris habitum».

[2] *Ibidem*: «Omnium penes hos initia pugnarum, haec prima semper acies».—Они не составляютъ всей совокупности воиновъ племени, а избранную часть среди послѣднихъ.

[3] *Ibidem*: «Nulli domus aut ager... prout ad quemque venere, aluntur, prodigi alieni, contemptores sui».

отъ сеньора; онъ—не чей-нибудь вассалъ; онъ живетъ отдѣльно и независимо, принятый въ каждомъ домѣ, куда является, и прокармливается каждымъ поочереди. Все это противоположно феодальнымъ обычаямъ. Слѣдуетъ именно обратить серьезное вниманіе на то, что въ Германіи существовалъ своеобразный военный институтъ, но не только не феодальный, а непримиримый со всякого рода феодализмомъ.

Однако, рядомъ съ этими воинами находились другіе, организованные по иному принципу. Они привязывались лично къ вождю. Отмѣчая отношенія ихъ къ этому опредѣленному вождю, Тацитъ называетъ ихъ его „товарищами", дружинниками, *comites*, и каждую изъ такихъ группъ именуетъ товариществомъ, дружиною, *comitatus*[1]. Вотъ здѣсь то и думали многіе современные историки отыскать происхожденіе вассаловъ и фьефовъ.

Историкъ, высказавшій такое мнѣніе если не раньше всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, съ наибольшей энергіей—былъ Монтескьё. „У Германцевъ были вассалы", говоритъ онъ [2]; если не существовало у нихъ еще фьефовъ, то единственно „потому, что у ихъ государей совсѣмъ не было земель для раздачи, или скорѣе мѣсто фьефовъ занимали у нихъ боевые кони, оружіе, пиршества. Вассалы были, разъ существовали вѣрные люди, связанные съ вождемъ честнымъ словомъ, обязанные вести войну за него, которые несли такую же почти службу, какъ позднѣе вассалы за фьефы".

[1] *Ibidem*, 13, 14.

[2] *Montesquieu*, Esprit des lois, XXX, 1, 2, 3.

Теорія Монтескьё не принимается больше въ цѣломъ видѣ. Уже Гизо свелъ ее къ болѣе умѣреннымъ предѣламъ. Онъ говорилъ: „Въ этихъ товарищахъ-дружинникахъ, въ подаркахъ, которые имъ дѣлалъ вождь, Монтескьё уже видитъ вассаловъ и фьефы; онъ долженъ былъ бы ограничиться ихъ предвидѣніемъ" [1].—Гизо думаетъ, однако, что здѣсь корень происхожденія бенефицievъ и фьефовъ. Во второй лекціи своего курса 1829 года онъ относитъ начало бенефиція къ этимъ именно германскимъ обычаямъ, допуская лишь то ограниченіе, что въ бенефиціи подарки движимыхъ предметовъ были замѣнены земельными пожалованіями [2].

Также думалъ Бенжаменъ Гераръ: „Бенефиціямъ нельзя приписывать римскаго происхожденія; значитъ бенефицій—продуктъ германскихъ обычаевъ. Вождь дружины, раздававшій своимъ товарищамъ на родинѣ лошадей, копья, угощенія, послѣ перехода на территорію Галліи раздѣлилъ между ними земли, завоеванныя сообща" [3].

Того же мнѣнія придерживался еще Эйхгорнъ въ Германіи. Оно было опровергнуто лишь въ 1850 году Ротомъ, въ его прекрасномъ трудѣ о бенефиціальномъ порядкѣ, и Вайтцемъ, въ его исторіи германскаго государственнаго строя [4].

[1] *Guizot*, Essais sur l'histoire de France, изд. 1846, стр. 85 (1832, стр. 92).

[2] *Guizot*, Civilisation en France, изд. 1846 г. т. III, стр. 240 (изд. 1876 г., т. III, стр. 33).

[3] *Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Prolégomènes, стр. 506.

[4] См. въ особенности то, что онъ говоритъ по поводу *beneficium* (т. II, гл. 3). Авторъ стремится главнымъ образомъ опровергнуть Гизо.

Рѣшеніе вопроса зависитъ вполнѣ отъ того мѣста Тацита, которое является единственнымъ нашимъ памятникомъ. Надо положить передъ глазами обѣ главы, которыя онъ посвятилъ изучаемому институту [1]. Надо точно перевести ихъ, чтобы возможно больше войти въ мысль автора и понять германскую дружину, какъ онъ понималъ ее самъ.

Тацитъ начинаетъ съ того, что говоритъ о дружинныхъ вождяхъ; онъ называетъ ихъ словомъ *principes* и показываетъ, какъ каждый изъ нихъ, пріобрѣталъ положеніе вождя: „Блестящая знатность или большія заслуги предковъ, доставляли иногда званіе вождя совсѣмъ молодымъ людямъ [3]".

[1] *Tacit.* Germania, 13, 14.

[2] Въ другихъ мѣстахъ Тацитъ употребляетъ слово *princeps* въ иномъ смыслѣ: «princeps civitatis» (c. 10); «principes qui iura reddunt» (c. 12); но въ главахъ 13 и 14 слово *princeps* восемь разъ употребляется въ очевидномъ значеніи «princeps comitum». Это синонимъ выраженія «quem sectantur», къ которому Тацитъ прибѣгаетъ тутъ же въ слѣдующей фразѣ.

[3] «Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignitatem (въ другомъ текстѣ—dignationem) etiam adolescentulis assignant».—Въ этой фразѣ прежде всего надобно установить смыслъ слова—*principis*; оно означаетъ вождя дружинниковъ—*comites*, какъ ниже въ сочетаніи «aemulatio principum», равно какъ и въ остальной части главы и во всей послѣдующей главѣ.—*Dignitatem* находится въ двухъ лучшихъ рукописяхъ—Leydensis и Vaticanus № 1862; впрочемъ, слово *dignatio* имѣло въ латинскомъ языкѣ то же значеніе, что и *dignitas*. Вайтцъ переводитъ «dignationem principis»—«милость вождя», но въ латинскомъ языкѣ нѣтъ примѣра подобнаго употребленія слова dignitas. Какъ могъ бы Тацитъ сказать, что нужна была выдающаяся знатность и большія заслуги предковъ для того, чтобы вождь счелъ молодого человѣка достойнымъ стать его товарищемъ? Если такъ, товарищи были бы очень немногочислены. Тацитъ хотѣлъ сказать, что блестящая знатность нужна была для того, чтобы съ ранней молодости пріобрѣсти положеніе вождя дружины.

Мы подчеркиваемъ слово *insignis*. Мысль Тацита та, что для полученія сейчасъ же, съ первой молодости положенія вождя, не проходя черезъ положеніе товарища-дружинника, недостаточно принадлежать къ знатному роду. Преимущество это принадлежитъ лишь самой крупной, неимѣющей себѣ равной знатности. Другіе знатные начинаютъ съ положенія простыхъ товарищей и до положенія вождя доходятъ лишь значительно позже; на это указываютъ слѣдующія слова: „Что касается другихъ вождей, то къ нимъ присоединяются лишь тогда, когда они станутъ постарше и докажутъ свои воинскія способности" [1]. Итакъ, согласно Тациту, существуетъ двѣ категоріи дружинныхъ вождей: нѣкоторые, немногіе, обязаны своимъ положеніемъ рожденію; всѣ другіе пріобрѣтаютъ его мало-по-

[1] «Ceteris robustioribus ac iam pridem probatis aggregantur».—Я не объясняю себѣ, какъ можно было предлагать измѣнить форму *ceteris* въ *ceteri*. Ceteris находится во всѣхъ рукописяхъ, и это чтеніе надо сохранить. Хотѣли сдѣлать изъ него подлежащее къ *aggregantur*; но aggregantur, какъ sectantur, которое стоитъ двумя строчками ниже, относится къ подразумѣваемому подлежащему *homines*. Ceteris—это дополненіе, и оно относится не къ дружинникамъ, а къ вождямъ. Тацитъ только-что говорилъ о нѣкоторыхъ немногочисленныхъ вождяхъ, за которыми ихъ высокая знатность сразу же обусловила такое положеніе; онъ говоритъ теперь о другихъ вождяхъ, къ которымъ люди присоединяются лишь тогда, когда они становятся старше и когда доказали свои достоинства. Фразу его нужно строить такъ: «Inter principes, nonnuli sunt quibus insignis nobilitas principis dignationem assignat, ceteri sunt quibus iam robustioribus ac probatis homines aggregantur».

малу по признанію ихъ заслугъ. Замѣтимъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ государство не вмѣшивается. Вождей этихъ никогда не указываетъ сама *civitas*. Они дѣлались вождями или потому, что обаяніе ихъ высокаго рожденія заставляло людей тотчасъ же признать за ними такое положеніе, или потому, что ихъ достоинства, возрастъ, воинскіе подвиги побуждали людей собираться вокругъ нихъ.

Затѣмъ Тацитъ переходитъ къ товарищамъ, дружинникамъ вождя. „Никто не краснѣетъ оттого, что находится среди товарищей", говоритъ онъ [1]. Если не ошибаюсь, замѣчаніе это означаетъ, что положеніе дружинника никогда не было принудительнымъ; вѣроятно, никто не становился дружинникомъ иначе, какъ по доброй волѣ. Дружина не набиралась также изъ низшихъ классовъ германскаго общества. Это было, значитъ, въ общемъ положеніе почетное.

„Въ каждой группѣ дружинниковъ намѣчались степени и различія, и они устанавливались по приговору вождя" [2]. Подобные отряды не являлись, стало быть, группами равныхъ. Во-первыхъ, товарищи-дружинники не были равны вождю. Они, во-вторыхъ не были даже равны между собою. При этомъ, степени не обусловливались ни рожденіемъ, ни возрастомъ; онѣ не зависѣли также

[1] «Non rubor inter comites adspici».—Чтобы объяснить себѣ эту вставку Тацита, надо вспомнить, что въ ходячемъ языкѣ его времени *comes* указывало на подчиненное положеніе.

[2] «Gradus quinetiam ipse comitatus habet, iudicio eius quem sectantur».

отъ выборовъ, которые производили бы въ своей средѣ сами дружинники: онѣ опредѣлялись вождемъ. Вотъ подробность, позволяющая намъ видѣть, что вождь обладалъ большою властью надъ своими людьми.

„Между дружинниками царитъ большое соревнованіе въ томъ, кто займетъ первое мѣсто около своего вождя; между вождями—соревнованіе, у кого будетъ больше дружинниковъ и у кого храбрѣйшіе" [1]. Остановимся на этихъ словахъ: въ нихъ содержится нѣсколько достойныхъ вниманія наблюденій автора. Соревнованіе между вождями достаточно ясно показываетъ, что у одного и того же германскаго народца обыкновенно появлялось нѣсколько такихъ вождей и, слѣдовательно, нѣсколько подобныхъ воинскихъ группъ. Значитъ, дружина (*comitatus*) не была совокупностью всѣхъ вооруженныхъ силъ племени, какъ можно было бы предположить. Кромѣ того, эти группы были независимы однѣ отъ другихъ, такъ какъ онѣ соперничали между собою. Изъ того, что вожди старались отличиться другъ передъ другомъ, у кого будетъ больше дружинниковъ, видно, что послѣдніе могли переходить изъ одной группы въ другую. Слѣдовательно, дружинникъ выбиралъ своего вождя, и узы между вождемъ и между каждымъ дружинникомъ заключались путемъ свободнаго соглашенія.

„Достоинство и сила вождя измѣряется по силѣ его свиты. Если вождь всегда окруженъ много-

[1] «Magna et comitum aemulatio quibus primus apud principem suum locus, et principum cui plurimi et acerrimi comites».

численной группой отборной молодежи, это даетъ ему честь въ мирное время и составляетъ опору въ военное“ [1]. Отмѣтимъ эти слова—„въ мирное время“; они важны въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ различіе между институтомъ, который описываетъ Тацитъ, и тѣмъ, который описывалъ Цезарь. Говоря о Германцахъ, Цезарь сообщаетъ: „Производить набѣги и грабежи на сосѣднее племя кажется имъ вполнѣ благороднымъ дѣломъ; въ такихъ случаяхъ, одинъ изъ знатныхъ поднимается въ народномъ собраніи; онъ объявляетъ, что направитъ набѣгъ въ такую-то сторону; желающіе также встаютъ и слѣдуютъ за нимъ“ [2]. Цезарь описываетъ тутъ кратковременное и бурное товарищество, образовывавшееся съ опредѣленной цѣлью, продолжавшееся лишь на время набѣга и распадавшееся по возвращеніи. Институтъ, описываемый Тацитомъ, совсѣмъ другой. Тутъ рѣчь идетъ о продолжительной, постоянной ассоціаціи, которая составлялась не только ради войны, но сохранялась и въ мирное время.

„Чтобы пріобрѣсти извѣстность и славу не только у того народца, къ которому принадлежишь, но также и въ сосѣднихъ государствахъ, надо было превзойти другихъ количествомъ и храбростью своей свиты. Тѣ, кто достигаетъ такого превосходства, принимаютъ посольства, имъ присылаютъ подарки, и ихъ имени достаточно иногда для того, чтобы рѣшить успѣхъ войны между

[1] «Haec dignitas, hae vires; magno semper electorum iuvenum globo circumdari, in pace decus, in bello praesidium».

[2] *Caesar*, De bello gallico, VI, 23.

двумя сосѣдями“ [1]. Отсюда также видно, какъ независимы отъ государства были вожди дружинъ. Чужія племена поддерживали сношенія съ ними. Дары, о которыхъ говоритъ Тацитъ, не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ способомъ покупать ихъ услуги, или, по крайней мѣрѣ, ихъ нейтралитетъ. Между двумя воюющими народцами вождь дружинниковъ могъ выбирать себѣ ту сторону, которая ему больше нравилась, ибо онъ не состоялъ на службѣ у своего государства и нельзя даже навѣрно сказать, что онъ связанъ былъ обязанностями передъ своимъ народомъ. На сторонѣ же онъ поддерживалъ, кого хотѣлъ.

Тацитъ покажетъ намъ еще отношенія между вождемъ и его дружинниками и опредѣлитъ характеръ связывавшихъ ихъ узъ. „Вождю постыдно быть превзойденнымъ въ мужествѣ на полѣ битвы; дружиннику постыдно не сравняться въ мужествѣ со своимъ вождемъ [2]. Безчестіе и позоръ ложатся на всю его жизнь, если онъ переживетъ своего вождя и безъ него вернется изъ сраженія“ [3].

[1] «Nec solum in sua gente cuique, sed apud finitimas quoque civitates id nomen, ea gloria est, si numero ac virtute comitatus emineat. Expetuntur etiam legationibus et muneribus ornantur, et ipsa plerumque fama bella profligant».

[2] *Tacit.* Germ. 14: «Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatui virtutem principis non adaequare».

[3] «Iam vero infame in omnem vitam ac probrosum superstitem principi suo ex acie recessisse».—Это указаніе Тацита для IV вѣка подтверждается Амміаномъ Марцеллиномъ (XVI, 12, 60). Говоря объ Аламаннѣ Хонодомарѣ, онъ пишетъ: «Ultro se dedit, solus egressus, comitesque eius ducenti numero et tres amici iunctissimi, flagitium arbitrati post regem vivere vel pro rege non mori tradidere se vinciendos».—Замѣтьте, что эти двѣсти человѣкъ

Остережемся, какъ бы не пройти мимо этихъ выраженій слишкомъ быстро; мы рисковали бы не усмотрѣть ихъ истиннаго смысла. „Позоръ", о которомъ говоритъ Тацитъ, не только пятно на чести, нравственный стыдъ; у древнихъ народовъ такая *infamia* была наказаніемъ, почти самымъ важнымъ изъ всѣхъ наказаній. Тацитъ самъ опредѣляетъ его, поскольку дѣло касается Германцевъ: „Опозоренный не можетъ ни присутствовать при религіозныхъ обрядахъ, ни принимать участія въ народныхъ собраніяхъ; наказаніе это такъ сурово, что приходится видѣть людей, которые налагаютъ на себя руки, чтобы положить ему конецъ" [1]. Вотъ какое безчестіе падало на „товарища" (*comes*), и не за то, что онъ бѣжалъ, и не за то также, что былъ побѣжденъ, ибо онъ могъ возвратиться изъ сраженія даже побѣдителемъ, а просто потому, что онъ вернулся безъ своего вождя, и потому, что вождь его былъ убитъ.

Это очень странная черта нравовъ, но авторъ ниже объясняетъ ее: „Главнымъ пунктомъ ихъ клятвы было обѣщаніе защищать своего вождя и охранять его дни" [2]. Прежде всего приносилась, значитъ, клятва. А мы должны понимать, что у древнихъ народовъ клятва была не тѣмъ, чѣмъ она является въ нашихъ современныхъ обще-

хотятъ и должны раздѣлить участь Хонодомара не какъ подданные, а какъ дружинники.

[1] *Tacit.* Germ. 6: «Scutum reliquisse praecipuum flagitium, nec aut sacris adesse aut consilium inire ignomionioso fas; multique superstites bellorum infamiam laqueo finierunt».

[2] *Ibidem*, 14: «Illum defendere, tueri... praecipuum sacramentum est».

ствахъ. Клятва была религіозною, сакраментальною формулою, обладавшею непреложной санкціею; ею человѣкъ объявлялъ, что въ случаѣ, если не будетъ совершено и исполнено то, что онъ принималъ на себя, онъ обрекалъ свою жизнь богу и предавалъ себя его гнѣву. Клятва была договоромъ со страшнымъ божествомъ. Теперь мы поймемъ, что говорилъ только-что Тацитъ: такъ какъ дружинникъ поклялся, что будетъ хранить жизнь вождя, то, если вождь оказывался убитымъ, клятва становилась нарушенною; слѣдовательно, дружинникъ, если онъ только самъ не погибъ, находился подъ угрозою бога; въ глазахъ людей онъ дѣлался обезчещеннымъ, то-есть, проклятымъ и отверженнымъ.

По отношенію къ своему вождю дружинникъ долженъ былъ проявлять полное самоотреченіе. Онъ не только обязывался отдавать свою жизнь за жизнь вождя, но если даже „самъ совершалъ какой-нибудь подвигъ, то долженъ былъ приписывать его славѣ вождя" [1]. И это также заключалось въ клятвѣ. „Вождь сражается за побѣду, дружинникъ—за вождя" [2]. Итакъ, ихъ связывала безграничная преданность лица къ лицу. Дружинникъ отдаетъ свою жизнь не для того, чтобы побѣдить, не для того, чтобы восторжествовать тому или другому дѣлу, а только для того, чтобы охранять жизнь вождя. Онъ самъ не имѣлъ ни имени, ни славы, ни личности. Все это отняла у него его клятва. Во всей группѣ существуетъ одна только

[1] «Sua quoque fortia facta/gloriae eius assignare».

[2] «Principes pro victoria pugnant, comites pro principe»

воля, одинъ интересъ, одна душа, одна жизнь — это жизнь вождя.

Еще дальше Тацитъ показываетъ, что подобнаго рода товариществу трудно было оставаться въ мирномъ состоянiи. „Если государство, въ которомъ они родились, коснѣетъ въ праздности долгаго мира, то большинство этихъ знатныхъ юношей отправляется искать другихъ племенъ, которые воюютъ“ [1]. Здѣсь можно замѣтить, что дружинныя группы составлялись главнымъ образомъ изъ знатнаго класса и въ особенности изъ молодежи этого класса. Здѣсь можно также замѣтить, какъ независимы были отъ государства эти группы; съ одной стороны, онѣ не оказывали влiянiя на народное собранiе, такъ какъ, желая войны, онѣ не могли побудить государство отказаться отъ мира; но съ другой стороны, государство не запрещало имъ вести войны по ихъ желанiю, гдѣ они хотѣли и съ кѣмъ хотѣли.

Но почему же любятъ они войну? Тацитъ приводитъ двѣ причины. Прежде всего „покой противенъ этому племени“ [2]. Повидимому, Тацитъ здѣсь противорѣчитъ себѣ; въ самомъ дѣлѣ, онъ только-что сказалъ, что *civitas*, то-есть, громадное большинство народа, остается преданнымъ миру до такой степени, что какъ бы погрязаетъ въ немъ

[1] «Si civitas in qua orti sunt longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adolescentium petunt ultro illas nationes quae aliquod bellum gerunt».—*Si... torpeat* надо понимать, какъ выраженiе мысли тѣхъ людей, а не Тацита. Можно было бы перевести данное мѣсто такъ: «Если они находятъ, что ихъ государство коснѣетъ въ долгомъ мирѣ».

[2] «Ingrata genti quies».

Мы должны понимать, что когда онъ прибавляетъ— „это племя чувствуетъ отвращенiе къ покою“, то имѣетъ ввиду, главнымъ образомъ, благородный классъ и именно группы дружинниковъ. Ихъ же имѣетъ ввиду авторъ, когда говоритъ, что Германцы ищутъ славы, „которая легко прiобрѣтается лишь въ опасностяхъ“ [1]. Но авторъ указываетъ еще другую причину, которая дѣлала войну необходимостью для этихъ людей. Дѣло въ томъ, что вождю „удается сохранить за собою многочисленную дружину лишь при силѣ оружiя и подъ условiемъ воинскихъ предпрiятiй“ [2]. Чтобы объяснить это, авторъ вводитъ насъ въ самую душу описываемаго института. „Дружинники дѣйствительно требуютъ чего-нибудь отъ щедрости вождя“ [3]. Понятно, что если они посвятили себя ему, подразумѣвалось, что они будутъ получать награду. Какiе же дары долженъ былъ имъ дѣлать вождь? Тацитъ называетъ только два, выбирая, вѣроятно, наиболѣе почетные: „то былъ боевой конь, такъ высоко ими цѣнившiйся, и копье, которое часто будетъ окровавленнымъ и побѣдоноснымъ“ [4]. Можно угадать нѣкоторые другiе виды даровъ— одежды, рабовъ, скотъ, золото и серебро, если они войдутъ въ добычу. Тацитъ ничего не говоритъ о земляхъ, и весь контекстъ даннаго отрывка не позво-

[1] «Facilius inter ancipitia clarescunt».

[2] «Magnum comitatum non nisi vi belloque tueare».—Въ другихъ чтенiяхъ стоитъ—«tuentur».

[3] «Exigunt enim principis sui liberalitate...»

[4] «...Illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam».

ляетъ предположить, чтобы вождь давалъ землю своимъ людямъ. Кромѣ того, другою необходимостью, которая ложилась на вождя, было давать „пиры" своимъ дружинникамъ; и „пиры эти, какъ они ни были грубы, должны были быть обильны и дороги" [1]. Такимъ образомъ, вождь кормилъ своихъ товарищей, быть можетъ, за однимъ столомъ съ собою. Онъ долженъ былъ нести всѣ расходы по содержанію своего отряда. Онъ кормилъ его и нѣкоторымъ образомъ оплачивалъ, такъ какъ „пиры эти были родомъ жалованья". Онъ долженъ былъ проявлять великодушіе и „щедрость", иначе дружина бросила бы его. Ясно,—„чтобы добывать средства для такой щедрости, нужна была война и добыча" [2].

[1] «Epulae, et quanquam incompti, largi tamen apparatus, pro stipendio cedunt».

[2] «Materia munificentiae per bella et raptus».—Мы очень бы ошиблись если бы предположили, что Тациту нравился этотъ институтъ. Знаю, существуетъ склонность читать Тацита такъ, что каждая изъ его фразъ обращается въ похвалу; но это умъ современнаго читателя вкладываетъ похвалу въ каждую фразу. Если вы читаете описаніе историка, не имѣя заранѣе такого расположенія ума, если вы разсматриваете каждое слово, заботясь лишь о томъ, чтобы понять точную мысль автора, вы не найдете здѣсь ни одного слова, въ которомъ заключалось бы восхваленіе. Въ самомъ дѣлѣ, очень было бы странно, если бы Тацитъ съ тѣми привычками ума, которыя у него были, съ высокимъ понятіемъ о государственной власти, которое свойственно всякому Римлянину, любовался людьми, которые становились такъ независимы отъ государства и такъ чужды своей родинѣ. Нельзя, конечно, предположить, чтобы онъ одобрялъ военную клятву, которая дѣлала этихъ людей безразличными ко всякому общественному дѣлу и заставляла ихъ защищать лишь жизнь одного человѣка. Тацитъ держался другихъ понятій о воинскомъ долгѣ; онъ относилъ его скорѣе къ родинѣ, чѣмъ къ лицу вождя. Когда онъ намъ показываетъ съ одной стороны *civitas*, которая любитъ миръ, съ другой—этихъ воиновъ, которые идутъ искать безразлично какого врага, мы должны чувствовать, что предпочтеніе его склонялось на сторону мирной civitas. Онъ строго судитъ такіе походы, когда показываетъ, что они вызывались лишь матерьяльными и грубыми интересами. Тацитъ съ удивительной силою выражаетъ ощущенія людей, о которыхъ говоритъ, но это не значитъ, что онъ раздѣляетъ и одобряетъ ихъ. Описаніе свое онъ заканчиваетъ даже формальнымъ осужденіемъ: «Вы никогда не сможете вразумить этихъ людей, что лучше обрабатывать землю и дожидаться жатвы, чѣмъ вызывать враговъ и искать ранъ; они доходятъ до того, что считаютъ (*quin immo*) лѣнью и трусостью пріобрѣтать трудомъ то, что можно взять кровью». Тѣ, кто видитъ въ такихъ словахъ похвалу, составили себѣ странное понятіе о Тацитѣ. Въ другомъ мѣстѣ, останавливаясь на психологической сторонѣ только что описаннаго имъ института и продолжая говорить о тѣхъ же дружинникахъ, авторъ прибавляетъ: «Если у нихъ нѣтъ войны, они не знаютъ, что дѣлать; они немного охотятся, большую часть времени проводятъ въ ѣдѣ и спаньѣ и живутъ въ тупомъ оцѣпенѣніи».—Замѣтимъ, что строгій приговоръ, заключающійся въ послѣднихъ строкахъ, относится не ко всей германской расѣ, а лишь къ тѣмъ людямъ, о которыхъ онъ сейчасъ говорилъ, къ членамъ *comitatus*; это видно изъ словъ «fortissimus quisque ac bellicosissimus».

Таковъ описанный Тацитомъ институтъ дружины. Есть ли это феодализмъ? Походитъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, на то, чѣмъ будетъ феодализмъ?

Прежде всего, надо замѣтить, что описанныя группы воиновъ не составляли народца, не являлись политическимъ организмомъ. Это настолько вѣрно, что народъ могъ пребывать въ мирѣ, а дружина — воевать. Итакъ, если даже предположить, что описанная группа представляла феодальный характеръ, — она во всякомъ случаѣ стояла

внѣ нормальнаго общественнаго союза. Это уже коренное отличіе отъ средневѣкового феодализма, который охватилъ общество и управлялъ имъ.

Но можно ли сказать болѣе тѣснымъ образомъ, что указанная военная группа сама по себѣ обнаруживаетъ феодальную природу? Не слѣдуетъ довѣрять первому впечатлѣнію. Дружинника принимаютъ съ перваго взгляда за вассала потому, что, какъ вассалъ, „онъ привязанъ къ другому человѣку". Но принципъ связи вовсе не тотъ же самый въ обоихъ случаяхъ. Наши позднѣйшія изслѣдованія покажутъ, что вассалъ потому только былъ подчиненъ сеньору, что получалъ отъ него нѣчто. Въ дѣйствительности дарованіе фьефа предшествовало „оммажу", хотя формально оба акта совершались въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ моментъ. Къ дружиннику же, наоборотъ, „дары" поступали потомъ, долго спустя, когда вождь могъ и желалъ ихъ сдѣлать и въ той мѣрѣ, какъ желалъ и могъ. Итакъ, существовало основное различіе въ характерѣ обоихъ обязательствъ и въ отношеніяхъ, которыя являлись ихъ послѣдствіемъ.

А вотъ еще другое отличіе. — Тацитъ сказалъ намъ, что вождь не могъ привязать къ себѣ дружинниковъ иначе, какъ практикою войны, ибо только война давала ему средства ихъ награждать. Это значитъ, что въ странѣ у него не было земель для раздачи. Слѣдовательно, бенефиціальное пожалованіе земли было неизвѣстно въ древней Германіи. Въ дальнѣйшемъ же изслѣдованіи мы признаемъ, что пожалованіе земли въ качествѣ бенефиція или фьефа было основнымъ, главнымъ

и необходимымъ элементомъ феодальнаго порядка, какъ таковаго.

Между даромъ коня или копья и пожалованіемъ земли въ качествѣ фьефа нѣтъ ничего общаго. Сравнивать эти двѣ вещи—значитъ дѣйствительно смотрѣть только на ихъ внѣшность. Онѣ различаются не только по предмету, который дается. Различенъ самый характеръ пожалованія. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что лошадь, копье, часть добычи отдавались въ полную собственность; когда же сложится фьефъ или бенефицій, вопросъ всегда будетъ итти о временномъ, условномъ пожалованіи, которое будетъ предоставлять лишь пользованіе землею. Германцамъ знакомо пожалованіе, но ничто не показываетъ, чтобы они знали бенефицій. Очень удобно утверждать, что послѣ завоеванія они перешли отъ дара движимыхъ предметовъ къ пожалованію земли. Но слѣдовало бы замѣтить, что бенефицій уже не даръ. Эти два акта существенно различны, противоположны по природѣ и не происходятъ одинъ отъ другого.

Дружинникъ приносилъ клятву, привязываясь къ своему вождю; вассалъ также будетъ приносить клятву сюзерену. Есть ли тутъ сходство? Никоимъ образомъ, ибо клятва обоихъ различается по характеру. Вассалъ никогда не клялся, что умретъ со своимъ сюзереномъ. Феодальная клятва не влекла за собою полной преданности. Наоборотъ, она была выраженіемъ договора, и онъ налагалъ опредѣленныя взаимныя обязательства на обѣ стороны. Клятва „товарища" была клятвой самоотверженія, отреченіемъ отъ личности, „пре-

данностью“ въ античномъ и религiозномъ смыслѣ слова.

Легко было бы также доказать, что воинская служба, требовавшаяся отъ „товарищей“, отличалась по характеру отъ той, которая будетъ требоваться впослѣдствiи отъ вассаловъ. Можно было бы прибавить еще, что вассалъ несъ и другiя обязанности кромѣ военной службы, которая, согласно Тациту, была единственнымъ долгомъ „товарища“.

Если мы желаемъ найти нѣчто, что походило бы на германскаго „товарища“, надо искать не въ феодальномъ средневѣковьѣ, а у древнихъ Галловъ или Аквитанцевъ. Цезарь отмѣтилъ, что при знатныхъ лицахъ Галлiи находились „преданные люди (*devoti*), которыхъ они называютъ на своемъ языкѣ *soldurii*“. Эти люди всегда живутъ съ своимъ вождемъ; „они раздѣляютъ всѣ утѣхи того, чьей дружбѣ себя посвятили; они раздѣляютъ также его несчастья; если онъ умираетъ, они должны умереть; никогда не встрѣчалось примѣра, чтобы по убiенiи вождя, преданные ему люди не умерли сами“ [1]. Мы узнаемъ тутъ подъ нѣсколько иными словами тѣ же черты, какiя были указаны Тацитомъ. Цезарь называетъ „друзьями“

[1] *Caesar*, De bello gallico, III, 22 (рѣчь идетъ о царькѣ аквитанскаго племени Sotiates): «Adiatunnus cum sexcentis *devotis* quos illi *soldurios* appellant, quorum haec est conditio, ut omnibus in vita commodis una cum his fruantur quorum se *amicitiae dediderint*; si quid his per vim accidat, aut eumdem casum una ferant aut sibi mortem consciscant; neque adhuc hominum memoria repertus est quisquam qui, eo interfecto *cuius se amicitiae devovisset*, mori recusaret».—Ср. VII, 40: «Litavicus cum suis clientibus, quibus more Gallorum *nefas est* etiam in extrema fortuna deserere patronos».

тѣхъ же, кого Тацитъ именуетъ „товарищами“. „Раздѣленiе благъ“ соотвѣтствуетъ общимъ обѣдамъ и подаркамъ. Слова *devoti*, *se devovere*, которыя примѣняетъ Цезарь, придавая имъ, безъ всякаго сомнѣнiя, то значенiе, съ какимъ они употреблялись въ латинскомъ языкѣ, напоминаютъ клятву полнаго самоотреченiя, о которой говорилъ Тацитъ. Наконецъ, и та, и другая преданность приводитъ къ одному и тому же обязательству—умереть съ вождемъ. „Товарищи“ въ Германiи но походятъ на вассаловъ средневѣковья, но они очень походятъ на „преданныхъ людей“, *devoti*, древней Галлiи.

Есть еще другая причина, которая мѣшаетъ намъ думать, что феодализмъ произошелъ отъ *comitatus*. Для установленiя факта, что германская дружина была прямымъ источникомъ господствовавшаго въ среднiе вѣка порядка, надо бы прежде всего доказать, что она была перенесена въ Галлiю. А это кажется очень сомнительнымъ. Памятники, которые имѣются въ нашемъ распоряженiи, о приходѣ Вестготовъ и Бургундовъ, не говорятъ объ этомъ ничего. Предполагали, что войско Хлодовеха должно было состоять изъ группъ, подобныхъ описаннымъ Тацитомъ. Но это только предположенiе. Ни въ какомъ памятникѣ V-го вѣка не находится ни одного указанiя, которое позволяло бы думать, что завоеватели были организованы въ группы дружинниковъ. Не *comitatus* производили нашествiя. Потому мы и не видимъ, чтобы послѣ нашествiй дружинный бытъ оставался въ силѣ въ новыхъ государствахъ. Мы достаточно хорошо знаемъ, какъ формировались франкскiя

войска при сыновьяхъ и внукахъ Хлодовеха; мы никогда не замѣчаемъ въ нихъ дружинныхъ группъ. Скорѣе видимъ мы, что начальники различныхъ отрядовъ войскъ выбирались королемъ, и никогда самъ начальникъ не выбиралъ себѣ воиновъ. Такой порядокъ является противоположностью германскаго начала дружины. Нѣтъ, стало быть, никакого основанія думать, что институтъ *comitatus* былъ перенесенъ въ Галлію. Такимъ образомъ, между германскою дружиною и феодализмомъ открывался большой промежутокъ, перерывъ въ нѣсколько вѣковъ.

Въ итогѣ, германское общество не только вообще управлялось не по феодальнымъ началамъ, но и спеціальный институтъ дружины представляетъ съ феодализмомъ лишь кажущееся сходство.

Однако же утверждать, что германскій *comitatus* оставался совсѣмъ въ сторонѣ отъ сложенія феодальнаго порядка было бы преувеличеніемъ и неточностью. Въ немъ скрывались нѣкоторыя привычки, которыя, когда-то очень сильныя, оставивъ извѣстный слѣдъ въ душахъ, могли перейти въ Галлію вмѣстѣ съ завоевателями. Въ описаніи Тацита заключаются, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты, которыя снова встрѣтятся во франкской Галліи. Прежде всего это соревнованіе и соперничество между вождями, кто привлечетъ къ себѣ больше людей. Мы увидимъ, что скоро оно появится вновь, благопріятствуемое безпорядками въ обществѣ. Это, кромѣ того, склонность слабаго искать покровительства болѣе сильнаго, ввѣряя себя ему,—склонность, которая не была исключительно германскою, но въ которую германскія привычки могли входить большою долею. Это еще тотъ складъ души, въ силу котораго человѣкъ отдавалъ свое повиновеніе другому вмѣсто того, чтобы посвящать его государству или государю. Все это было противоположностью римскаго принципа; быть можетъ, Германцы ввели такую струю въ Галлію, а внутреннія войны развили ее, безъ сомнѣнія. Все это объясняетъ тотъ фактъ, что извѣстные обычаи, такіе какъ коммендація, дружина, *trustis*, и даже бенефицій, могли распространиться въ послѣдующіе вѣка.

Ошибочно думать, что *comitatus* былъ принесенъ въ Галлію въ видѣ цѣльнаго организма. Но вѣрно, быть можетъ, что нѣкоторыя понятія, нѣкоторые обычаи, соединявшіеся съ дружиннымъ бытомъ, проникли туда и понемногу выросли тамъ, благодаря смутамъ эпохи. Такимъ образомъ, лишь косвеннымъ путемъ и только отчасти германскій *comitatus* могъ способствовать зарожденію феодальнаго порядка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бенефиціальная система установилась не тотчасъ послѣ франкскаго завоеванія и не въ силу королевскихъ пожалованій.

I.

Частныя пожалованія.

Мы не нашли военнаго бенефиція ни въ Римской Имперіи, ни въ древней Германіи. Надо из-

слѣдовать, не зародился ли онъ въ эпоху нашествій, въ силу самаго факта завоеванія. Многіе новѣйшіе историки высказывали мнѣніе, будто франкскіе короли, оказавшись господами земель, въ занятыхъ территоріяхъ, раздѣлили ихъ между своими воинами, и вмѣсто того, чтобы отдать ихъ послѣднимъ въ полную собственность, пожаловали ихъ въ качествѣ бенефиціевъ, то-есть, на время и подъ условіемъ воинской службы. Такъ будто бы родилась система бенефиціевъ, начало феодальнаго порядка. Такое построеніе надобно провѣрить по порядка. Такое построеніе надобно провѣрить по источникамъ, подойдя какъ можно ближе къ факту водворенія Франковъ въ Галліи, то-есть, къ первой половинѣ меровингскаго періода.

Когда изслѣдуешь памятники этой эпохи, необходимо относиться внимательно къ двумъ вещамъ: прежде всего, надобно хорошо видѣть то, что въ нихъ есть, и затѣмъ дать себѣ отчетъ въ томъ, чего въ нихъ нѣтъ. Въ источникахъ V-го и VI-го вѣковъ, которые должны показать, какъ поселились Франки въ Галліи, мы никогда не встрѣчаемъ одной вещи, именно, что Франки завладѣли землею прежнихъ ея жителей. Мы знаемъ, наоборотъ, что много Римлянъ осталось богатыми и богатыми именно землей [1].

Правда, можно бы было предположить, что земли, сохраненныя въ рукахъ прежнихъ жителей, были поставлены въ подчиненныя условія по отношенію къ королямъ и вождямъ Франковъ, и что изъ такого положенія могъ произойти бенефицій. Но и этого обязательства мы также никогда не

[1] См. въ предшествующемъ томѣ.

замѣчаемъ въ памятникахъ. Наоборотъ, если мы пересмотримъ завѣщанія и даренія, совершавшіяся римскими владѣльцами, то хорошо убѣдимся, что земли ихъ не были обременены никакими повинностями или службами; онѣ не были подчинены никакой верховной собственности ни по праву короля, ни по праву франкской націи. Оказывается, что Римлянинъ владѣлъ ими, сохраняя свободу отъ всего, что походило на феодальныя обязанности или ограниченія (напримѣръ—relief или reprise). Онъ передавалъ ихъ дѣтямъ съ полнымъ правомъ. Онъ завѣщалъ ихъ, кому хотѣлъ. Онъ по своему желанію распоряжался ими путемъ продажи, обмѣна или дара. Нѣтъ, значитъ, основанія думать, чтобы полное право собственности побѣдители замѣнили на римскихъ земляхъ бенефиціальнымъ владѣніемъ. Ни бенефицій, ни вассалитетъ не произошли такимъ путемъ.

Мы разсмотрѣли [въ предшествующемъ томѣ], что такое былъ аллодъ меровингской эпохи. На языкѣ того времени слово аллодъ, *alode*, означало, собственно, наслѣдство и, слѣдовательно, родовую собственность. На аллодіальномъ правѣ владѣли женщины какъ и мужчины, священники и купцы такъ же какъ воины, Римляне какъ и Франки, ибо аллодъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ правомъ полной собственности.

Такая полная собственность не претерпѣла никакого ограниченія вслѣдствіе прихода Германцевъ. Она сохранилась и существовала во все протяженіе меровингской эпохи. Она составляетъ содержаніе всѣхъ грамотъ (хартій). Въ одномъ

актѣ 526 года мы видимъ, что Гарегарій и жена его Труда дѣлаютъ пожалованіе большого помѣстья и обработывающихъ его рабовъ; если они могли приносить его въ даръ, очевидно, они владѣли имъ на правахъ полной собственности [1]. Въ хартіи 543 года Ансемундъ завѣщаетъ свои земли и объявляетъ, что владѣетъ ими *iure hereditario* [2]. Въ 573 году, одна женщина, по имени Бетта, пишетъ актъ, въ которомъ перечисляетъ земли, унаслѣдованныя ею отъ сына ея Эрменфреда [3]. Въ 579 году, Годинъ и жена его Лантруда приносятъ въ даръ земельныя имущества [4]. Въ 587 году, Гирардъ и жена его Гимберга дѣлаютъ пожалованіе двухъ *villae* [5]. Бертрамнъ завѣщаетъ болѣе двадцати помѣстій, изъ которыхъ одни достались ему по завѣщанію, другія—путемъ купли, нѣкоторыя путемъ пожалованія [6], и онъ по своему усмотрѣнію завѣщаетъ ихъ церквамъ или родственникамъ. Около 620 года земля Кламеси была продана ея владѣльцами, наслѣдниками Година [7]. Въ 631 году, Теодиланъ, Мавръ и Авдегизилъ дѣ-

[1] *Charta Haregarii*, въ «Diplomata», изд. Pardessus, № 108.—Эта хартія сомнительна по формѣ, но заключающееся въ ней дареніе не можетъ быть сомнительно, такъ какъ земля, о которой идетъ рѣчь, была навѣрно пожалована монастырю.

[2] *Ibidem*, № 140.

[3] № 179: «Bethta... locella Soliaco, Mansione, villam Bariaco seu e Briscino, quam filius suus Ermenfredus moriens dereliquit et ad ipsam legibus obvenit».

[4] № 186.

[5] № 196.

[6] № 230.

[7] № 275.

лятъ между собою наслѣдство, заключавшееся въ земляхъ [1]. Въ 632 году, Эрменбертъ и жена его Эрменоара приносятъ въ даръ три помѣстья, которыми они владѣли по наслѣдству отъ родителей, *ex alode parentum* [2]. Въ 648 году, Адроальфъ, крупный собственникъ теруаннской области, даритъ земли, которыя онъ получилъ по наслѣдству, *hereditatis suae*, *proprietatis suae*, и пожалованіе это онъ дѣлаетъ въ такой формѣ, какую мы встрѣтимъ во многихъ другихъ актахъ: „ut teneatis, habeatis, et quibus volueritis relinquatis“ [3]. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что право собственности осталось въ силѣ послѣ варварскихъ нашествій. Оно не было ни уничтожено, ни ослаблено. Принципъ его не подвергся никакому измѣненію, на пользованіе имъ не наложено никакого условія, примѣненіе его не получило никакихъ ограниченій. Итакъ, бенефиціальное и феодальное владѣніе установилось не путемъ стѣсненія права собственности.

2.

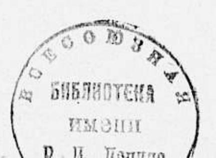
Королевскія пожалованія.

Самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ былъ король франкскій. Когда Хлодовехъ захва-

[1] № 253.

[2] № 256.

[3] № 312.—Точно также въ Vita S. Germani, *Acta SS. Bened* II, p. 477: «Germanus habebat quam plurima praedia».—И то была полная собственность, такъ какъ агіографъ прибавляетъ: «Multa largitus est de propriis rebus... De propria facultate fundavit monasterium».



тилъ въ свою пользу власть римскаго правительства онъ взялъ также земли, составлявшія императорскія домэны.

Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ цѣлымъ рядомъ дипломовъ, изъ которыхъ мы видимъ, что преемники Хлодовеха, дѣлая пожалованія земель, объявляли въ то же время, что земли эти составляютъ часть фиска, *ex fisco nostro*. На языкѣ Имперіи терминъ *fiscus* означалъ не только казну, но также и домэнъ императоровъ [1]. Франкскіе короли продолжали употреблять его въ томъ же смыслѣ. Они дарили землю изъ своего фиска, *terram fisci nostri* [2], или говорили, что новый собственникъ земли будетъ владѣть ею „такъ же какъ до сихъ поръ ею владѣлъ фискъ“ [3]. Слово „фискъ“ даже присоединялось къ имени каждой изъ этихъ земель какъ приложеніе [4]. Частое употребленіе термина, перешедшаго такимъ образомъ изъ императорскихъ дипломовъ [5] въ меровингскіе,

[1] *Ulpian*. Dig. XLIII, 8, 2. § 4: «Loca quae sunt in fisci patrimonio».—*Dig*. XLIX, 14, 3, § 10: «Si in locis fiscalibus».—*Cod. Theod*. X, 8, 4: «Possessiones et domus ad fiscum pertineant».—*Dig*. L, 1, 38, § 1: «Praedia fisci».

[2] *Diplomata*, № 87: «Quidquid est fisci nostri».—«Villam quam fiscus noster tenuit» (*Marculf*. I, 15); *Diplomata*, № 340.—«Quidquid fiscus noster continet» (*Diplomata*, № 162). — «Quodcumque fiscus noster tenuisse noscitur» (*Marculf*. I, 30; I, 15).

[3] «Sicut hactenus a fisco nostro possessa est» (*Diplomata*, №№ 277, 279, 284, 285, 340).

[4] «Donamus fiscum» (*Diplomata*, № 163); «Fiscum Floriacum» (№ 358).—«Dedit fiscum regium» (*V. S. Mauri*, 61).

[5] «De fisco donandum» (Кодексъ Θеодосія, X, 1, 1).—«Possessiones fisci donavimus» (Кодексъ Θеодосія, X, 1, 2).

указываетъ, что земли имперскаго фиска также перешли въ руки франкскихъ королей.

Кромѣ того, ни одинъ источникъ не показываетъ, чтобы земли сдѣлались общимъ владѣніемъ франкской націи. Очевидно, онѣ были личною собственностью королей. Потому то мы и видимъ, что короли свободно дарятъ, мѣняютъ, продаютъ и отчуждаютъ ихъ [1]. Они пользовались на нихъ полными правами собственника и совершенно такъ же, какъ римскіе императоры.

Надо изслѣдовать, не на этихъ ли земляхъ королевскаго домэна установилась раньше всего система бенефиціевъ. Многіе новѣйшіе ученые высказывали въ самомъ дѣлѣ предположеніе, что короли должны были раздавать ихъ своимъ воинамъ подъ условіемъ военной службы и съ сохраненіемъ права брать ихъ по произволу обратно; отсюда будто произошла, по ихъ мнѣнію, практика бенефиціевъ.

Первое, что мы замѣчаемъ, наблюдая источники, это то, что они никогда не упоминаютъ о всеобщей раздачѣ этихъ земель. Нигдѣ не говорится о коллективномъ актѣ, который распредѣлилъ бы ихъ между военными начальниками или между всѣми войсками. Памятники царствованія Хлодовеха не отмѣчаютъ такого акта; позднѣйшіе памятники никогда его не напоминаютъ, на него не

[1] Относительно обмѣна см. *Marculf*. I, 30.—Въ одной хартіи мы видимъ, что *fiscus Floriacus* путемъ мѣны перешелъ въ руки Леодебода, въ полную его собственность, и послѣдній въ свою очередь завѣщалъ его «cum omni iure suo, sicut acto tempore ad fiscum fuit possessus» (*Diplomata*, № 358, т. II, стр. 142 и 144).

намекается ни въ одной изъ позднѣйшихъ хартій. Первоначальное надѣленіе землею всей массы воиновъ или только ихъ начальниковъ—ничѣмъ не подтверждающаяся гипотеза.

Разсматривая хартіи или грамоты VI-го и VII-го вѣковъ, можно еще замѣтить, что онѣ никогда не указываютъ на фактъ общаго раздѣла королевскихъ земель. Нѣтъ, значитъ, указанія на то, чтобы подобный порядокъ составлялъ обычай Меровинговъ. Всѣ пожалованія носятъ по существу индивидуальный характеръ. Короли никогда не дѣлали иныхъ пожалованій кромѣ пожалованій частныхъ, и каждое изъ нихъ распространялось только на одну землю, въ пользу одного человѣка. Такой характеръ наблюдается даже въ пожалованіяхъ церкви; каждое изъ нихъ производилось въ пользу одного монастыря, или одной епископіи, чаще всего даже на имя одного какого-нибудь аббата или епископа. Итакъ, мы должны отвергнуть мнѣніе объ огромной массѣ военныхъ бенефиціевъ, будто бы созданной королями въ одинъ день тотчасъ послѣ завоеванія, или въ какое-либо другое время.

Разсмотримъ рядомъ съ этимъ по содержанію хартій самый характеръ пожалованій и изслѣдуемъ, давалась ли земля въ собственность или уступалась въ качествѣ бенефиція.

Сохранилось много хартій, по которымъ короли дарили землю церкви или монастырю. Они всегда жаловали ее въ собственность и навсегда. Выраженія грамотъ совершенно ясны. Говорится, напримѣръ, что земля будетъ принадлежать аббату

„и его преемникамъ навѣкъ“, и что они могутъ „дѣлать съ нею, что захотятъ“. Не указывается никакого условія, никакого обязательства; исключена всякая возможность возвращенія земли королю.

Правда, эти хартіи не имѣютъ, быть можетъ, безусловнаго значенія для производимаго нами изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, можно предположить, что пожалованіе потому сдѣлано въ такихъ неограниченныхъ выраженіяхъ, что оно касается церкви. Возможно, что церкви удалось побудить, чтобы ей дарили въ собственность то, что міряне получали лишь какъ бенефицій. Такимъ образомъ, мы должны направить изученіе на пожалованія мірянамъ и частнымъ лицамъ. Памятники будутъ здѣсь менѣе многочисленны, но, быть можетъ, они прольютъ еще болѣе яркій свѣтъ.

Среди дипломовъ, приписываемыхъ Хлодовеху, есть только два, къ которымъ можно питать нѣкоторое довѣріе [1]. Въ одномъ изъ нихъ король

[1] Это №№ 58 и 87 сборника *Pardessus*. И то мы не утверждаемъ, что дипломы эти безъ всякаго сомнѣнія подлинные. Грамота въ пользу Іоанна Реомейскаго (№ 58) содержитъ фразы, которыя, во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ ни Хлодовеху, ни его времени. Если это копія подлинной грамоты, какъ я склоненъ думать, то она очень искажена и удлиннена. Грамота № 87, написанная въ пользу Евспиція и Максимина, принималась всегда за подлинную, хотя и не существуетъ ея оригинала. Недавно ее сталъ оспаривать Жюліенъ Авэ (*Havet*), но не приводя иныхъ основаній кромѣ того, что она написана въ формѣ письма, и что форма эта не была въ обычаѣ при преемникахъ Хлодовеха. Аргументъ этотъ не показался мнѣ достаточно убѣдительнымъ. Прибавлю даже, что необычная форма кажется мнѣ скорѣе гарантіей противъ подозрѣнія въ поддѣлкѣ. Фальсификаторы обыкновенно подражаютъ самымъ распростра-

жалуетъ земли двумъ лицамъ, по имени Евспицію и Максимину; въ другомъ онъ даритъ землю одному лицу по имени Іоанну. Въ первомъ дипломѣ королевское пожалованіе объявлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы даруемъ вамъ помѣстье Миси, принадлежащее къ нашему фиску... мы даемъ его вамъ навѣки“ [1]. Во второмъ король пишетъ, что тотъ, кому онъ даритъ земли, „получитъ ихъ навсегда и въ наслѣдственное владѣніе“ [2]. Это—термины, опредѣляющіе полную и неограниченную собственность, а не бенефиціальное пожалованіе.—Правда, подлинность грамотъ не удостовѣрена, но, если сомнительны самыя хартіи, то заключающіяся въ нихъ пожалованія несомнѣнны. Съ одной стороны, они подтверждаются житіями святого Месмена и святого Іоанна Реомейскаго,

неннымъ типамъ. Составляя дипломъ, поддѣлыватели X-го вѣка, и, тѣмъ болѣе, XVII-го, воспроизвели бы обычную формулу. Такъ именно они и поступили въ данномъ случаѣ; подъ № 88 мы имѣемъ совершенно подложный дипломъ на это пожалованіе, и въ немъ замѣтно скопированы обычныя пріемы меровингской канцеляріи. Прочитайте въ сборникѣ Pardessus оба диплома, относящіеся къ одному и тому же факту: подложность одного изъ нихъ обнаруживаетъ подлинность другого. Я не считаю его однако безусловно подлиннымъ. Я думаю, что слова «et hi qui vobis in sancto proposito succedent» — позднѣйшая вставка. У меня остается также много сомнѣній относительно словъ «absque tributis, naulo et exactione». Въ итогѣ, я думаю, что это искаженная копія подлиннаго, а не поддѣльнаго акта.

[1] «Miciacum concedimus et quidquid est fisci nostri... in perpetuum donamus».

[2] «Ut quantumcunque de nostris fiscis circuisset perpetuo per nostram regalem munificentiam habeat, et quod... nos illi contulimus iure haereditario tam nos quam nostri successores reges teneant in defensione».—Ср. № 136.

которыя разсказываютъ о нихъ [1]. Съ другой, безспорно, означенныя въ обѣихъ хартіяхъ помѣстья были пожалованы этимъ тремъ лицамъ, которыя въ свою очередь пожаловали ихъ основаннымъ ими монастырямъ, а послѣднее явно указываетъ, что первоначальное пожалованіе носило отмѣченный въ обѣихъ нашихъ грамотахъ характеръ. Такимъ образомъ, единственные акты Хлодовеха, на которые можно сослаться, показываютъ, что онъ давалъ земли въ собственность, а не въ бенефиціальное владѣніе [2].

Составитель житія Евспиція разсказываетъ, что, по возвращеніи изъ одного похода, Хильдебертъ I рѣшилъ вознаградить бывшихъ съ нимъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ, Вульфинъ, просилъ короля дать ему помѣстье, *honor*, которымъ фискъ владѣлъ на берегахъ Шера. Хильдебертъ согласился, но немного спустя Вульфинъ уступилъ землю

[1] *Vita S. Maximini*, въ «Acta SS. Bened.» I, 584: «Euspicius dixit: Domine mi Rex, peto ut agrum Miciacensem ei (Maximino) liberalitas vestra concedat... Rex annuit. Ideo accitis commentariensibus et notariis publicis sollemnes ordinatae atque conscriptae sunt conscriptiones, adhibitis signis atque sigillis».—Ср. второе житіе того же святого, *ibid.* p. 593: «Euspicius rogavit ut possessionem quamdam sub nominis vocabulo Miciaco eius proprio iuri concederet... Praedio impetrato... ut huic regio dono perpes maneret memoria, chartae mandatum est».—Составитель книги «Чудесъ Іоанна Реомейскаго», жившій въ IX вѣкѣ, говоритъ, «что въ архивахъ его монастыря можно прочитать королевскіе дипломы, жалующіе земли этому святому» (*Acta SS. Bened.* I, p. 639).

[2] По этому поводу можно сдѣлать небезинтересное замѣчаніе. Пожалованія адресованы не монастырю, а этимъ людямъ лично. Ни Евспицій, ни Максиминъ не были аббатами монастыря, когда имъ было пожаловано Миси.

монастырю [1]. Агіографъ, передающій этотъ фактъ, не былъ его современникомъ; слѣдовательно, мы не можемъ съ увѣренностью принять всѣ подробности его разсказа. Называя помѣстье—*honor*, онъ пользуется терминомъ своей эпохи, а не той, о которой говоритъ. Онъ жилъ въ IX вѣкѣ и писалъ на языкѣ своего времени. Нельзя, однако, не вѣрить, что изъ его разсказа обнаруживается фактъ, не вымышленный имъ: именно, что, по возвращеніи съ войны, франкскій король вознаграждалъ главарей своего войска земельными дарами, и земли эти настолько поступали въ ихъ собственность, что они могли передать ихъ монастырю.

Житіе святого, время составленія котораго, въ первоначальной формѣ, относятъ къ VI вѣку, [2] упоминаетъ объ одномъ королевскомъ пожалованіи и спеціально въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ко-

[1] *Vita Euspicii* (dom Bouquet, III, p. 428): «Decrevit unicuique secundum acceptationem personae servitium remunerare. Igitur Wul-finus eiusdem generis vir nobilissimus *remunerationis* suae praemium, sicut et caeteri, praestolabatur... Petit sibi dari super Chari fluvium quem rex habebat *honorem*... Rex illi concessit... Mox Wulfinus ad virum Dei venit et plura de his quae a rege beneficiis impetraverat, eidem viro Dei largitus est».

[2] *Vita S. Mauri, auctore Fausto ipsius socio, interpolotare Odone*, въ Acta SS. Bened. I, p. 274.—Мнѣ кажется, Ротъ заходитъ слишкомъ далеко, когда отвергаетъ это житіе, какъ почти апокрифическое. Правда, мы имѣемъ только копію, списанную Одономъ гланфейльскимъ въ IX вѣкѣ; но Одонъ заявляетъ, что снялъ ее съ очень старой рукописи и мѣнялъ только выраженія для приданія стилю большей правильности. Эта первоначальная рукопись содержала житіе, написанное Фаустомъ, который даже говоритъ прямо отъ своего имени и объявляетъ, что былъ товарищемъ св. Мавра.

роль Теодебертъ пожаловалъ землю фиска, называемую Лѣсокъ, со всѣми относящимися къ ней villae и доходами, и призвавъ Амобальда, начальника тѣхъ, кто писалъ королевскіе дипломы, онъ приказалъ ему составить актъ пожалованія этихъ помѣстій, и припечатать его королевскимъ кольцомъ“ [1]. Здѣсь видно, что рѣчь идетъ о полномъ пожалованіи, и не обозначено ни одного изъ присущихъ бенефицію условій. Видно также, что пожалованія были закрѣплены дипломами; таковъ былъ постоянный обычай меровингской эпохи [2].

Возьмемъ завѣщаніе Бертрамна. — Человѣкъ этотъ, прежде чѣмъ сдѣлаться епископомъ въ Мансѣ, былъ свѣтскимъ лицомъ [3], очень близко стоявшимъ къ дѣламъ государства, „однимъ изъ вѣрныхъ“ молодого короля Хлотара II [4]. Поэтому

[1] *Ibidem*, c. 52, p. 293.

[2] Обычай составлять писанный актъ для каждаго пожалованія удостовѣренъ Григоріемъ Турскимъ (X, 19). У Маркульфа также замѣтьте слова «cartas precidentium regum» (I, 31), указывающія, что со стороны франкскихъ королей обычай составленія писанныхъ актовъ значительно предшествуетъ эпохѣ Маркульфа. См. также *Vita S. Maximini*, c. 11. въ которой упоминаются «solemnes conscriptiones» и писавшіе ихъ «notarii». Обычная для продажъ и пожалованій практика *testamenta* засвидѣтельствована Правдой рипуарскихъ Франковъ, LIX и LXIII, и Правдой Бургундовъ, XLIII. Салическая Правда намекаетъ на королевскія грамоты, которыя она называетъ *praecepta*, XIV, 4. Нѣтъ сомнѣнія, что уже первые Меровинги имѣли организованную канцелярію; но не они сами, должно быть, организовали ее: вѣроятно, они заимствовали ее изъ устройства римскихъ канцелярій префекта Галліи.

[3] Онъ говоритъ: «Dum laicus fui» (*Diplomata*, I, p. 199).

[4] Это видно изъ словъ: «Pro fidei meae conservatione»

онъ и получилъ отъ послѣдняго нѣсколько земельныхъ пожалованій. Такимъ образомъ, по его примѣру мы можемъ видѣть, какого характера были тѣ пожалованія, которыя дѣлали короли своимъ вѣрнымъ. Онъ упоминаетъ одно изъ своихъ помѣстій *villa Bonalpha*, которое „господинъ король Хлотаръ далъ мнѣ въ награду за вѣрность, какую я сохранилъ по отношенію къ нему“ [1]. Земля эта была ему дана не въ качествѣ простого бенефиція, такъ какъ, съ одной стороны, онъ называетъ ее: „земля моего владѣнія“, *villa iuris mei* [2]; съ другой, онъ завѣщаетъ ее въ наслѣдство, чего никогда нельзя бы было сдѣлать съ бенефиціемъ. Въ томъ же завѣщаніи онъ упоминаетъ другое помѣстье, „данное мнѣ королемъ Хлотаромъ въ бытность мою еще міряниномъ“ [3],

(стр. 198). И дальше (стр. 203): «Dum nos cum Chlotario rege pro fide nostra detenti fuimus».

[1] *Testamentum Bertramni*, Diplomata, № 230, стр. 198: «Te, ecclessia Caenomanica, habere volo ac iubeo villam *iuris mei* cuius vocabulum Bonalpha, sitam in territorio Stapense, quam mihi domnus rex suo munere... pro fidei mea conservatione habere concessit».— Онъ прибавляетъ: «Una cum domna Fredegunde»; это означаетъ, что пожалованіе было сдѣлано во время малолѣтства Хлотара II, вѣроятно, раньше, чѣмъ Бертрамнъ сталъ епископомъ.

[2] Часто встрѣчающіяся въ хартіяхъ слова *iuris mei* всегда примѣняются къ предмету, составляющему собственность. Примѣры: *Marculf.* II, 19, 20, 21, 22; *Andegavenses*, 9; *Turonenses*, 1, 8, 9 (Rozière, 341, Zeumer, p. 490). *Diplomata*, №№ 186, 196, 230, 242, 265, 271, 300.—Это выраженіе употреблялось уже въ римскомъ правѣ; примѣры: *Paul.* Sent. II, 25, 1; *Cod. Theod.* XV, 1; II, 26, 1.—Оно продолжаетъ употребляться во всѣхъ меровингскихъ актахъ, гдѣ мы безпрестанно читаемъ: «De meo iure in vestrum dominium trado et transfundo».

[3] *Ibidem*, p. 199: «Villa de Nimione in territorio Parisiaco quam mihi domnus Chlotarius rex dedit, dum laicus fui».

и дальше еще четыре помѣстья, „которыя далъ мнѣ король сполна въ подписанныхъ его рукою хартіяхъ“ [1]. Всѣ эти земли, жаловавшіяся королемъ его вѣрному, жаловались, очевидно, безъ всякихъ условій и въ полную собственность, разъ мы видимъ, что этотъ вѣрный могъ завѣщать ихъ, кому хотѣлъ.

Начиная съ Дагоберта, хартіи наши становятся многочисленны, и мы чаще можемъ уловить истинный характеръ королевскихъ пожалованій. Элигій, когда жилъ еще въ міру и былъ дворцовымъ чиновникомъ, получилъ отъ короля помѣстье Солиньякъ; позднѣе онъ передалъ то же помѣстье монахамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я уступаю вамъ и передаю изъ своего права въ ваше, изъ своей собственности въ вашу собственность полученную мною отъ щедрости короля землю Солиньякъ и, отказываясь отъ своего права собственности, уступаю его вамъ навѣки“ [2]. Такимъ образомъ, онъ примѣняетъ самые сильные термины, употреблявшіеся когда-либо римскимъ закономъ для обозначенія неограниченнаго права собственности; онъ дважды употребляетъ слово *dominium*. Мнѣ же кажется, что по терминамъ пожалованія Элигія можно возстановить тѣ термины, которые значились въ королевскомъ пожалованіи.

[1] *Ibidem*, p. 200: «Villas quas mihi domnus Chlotarius contulit ad integrum, suis praeceptionibus manu sua roboratis“.

[2] *Charta Eligii*, Diplomata. № 254: «Cedo... cessum esse volo ac de meo iure in vestro dominio transfundo agrum Solemniacensem qui mihi ex munificentia Dagoberti regis obvenit... et meo subtracto dominio, vestrae dominationi cedo perpetualiter».

Если онъ передаетъ полное право собственности на землю, стало быть, полное право собственности было ему пожаловано королевской грамотой.

Въ одномъ актѣ 635 года тотъ же король подтверждаетъ пожалованіе помѣстья, которое онъ сдѣлалъ раньше тремъ братьямъ, служившимъ ему во дворцѣ; онъ не напоминаетъ, что поставилъ при дареніи какое-нибудь условіе, или что требовалъ за него какой-нибудь службы; безъ всякаго сомнѣнія, онъ даровалъ эту землю въ полную собственность, такъ какъ три брата въ свою очередь могли приносить въ даръ то же помѣстье [1]. Въ другомъ актѣ того же года Палладій напоминаетъ, что онъ получилъ отъ короля три прекрасныхъ помѣстья, *tres agros nobilissimos* [2]. Онъ получилъ земли не подъ условіемъ военной службы, такъ какъ, сдѣлавшись епископомъ, не потерялъ ихъ;—получилъ не пожизненно, такъ какъ могъ пожаловать ихъ своей церкви.

Нѣкій Блидегизилъ объявляетъ въ хартіи отъ 640 года, что король пожаловалъ ему помѣстье въ области Парижа, и онъ вполнѣ свободно передаетъ это помѣстье монастырю [3]. Въ одномъ актѣ 650 года Гримоальдъ говоритъ, что получилъ отъ короля виллу Герминіакъ, и онъ въ свою очередь подарилъ ее навсегда. Онъ выражается такъ: „Я уступаю вамъ эту виллу навѣки, такъ, чтобы вы владѣли и пользовались ею и имѣли полное право дѣлать съ нею все, что захотите“ [1]. Это обычная формула пожалованій въ собственность или продажъ [2], и если Гримоальдъ примѣняетъ ее, то, вѣроятно, потому, что раньше она была примѣнена по его адресу королемъ.

[1] *Diplomata*, № 270.—Король дѣйствительно подтверждаетъ актъ трехъ братьевъ; мы вернемся дальше къ смыслу этихъ подтвержденій, которыя часто дѣлались королями по отношенію къ частнымъ актамъ; они вовсе не означаютъ, чтобы король сохранялъ верховное владѣніе землею; мысль эта не выражена въ актѣ ни однимъ словомъ.

[2] *Diplomata*, № 273.

[3] *Ibidem*, № 293.

Вотъ актъ 657 года, написанный женщиной по имени Адальсиндою. Мы читаемъ въ немъ, что помѣстье было пожаловано королемъ ея отцу Амальгарію, что она унаслѣдовала это помѣстье и приноситъ его въ даръ. Ясно видно, что король пожаловалъ землю не подъ условіемъ военной службы, такъ какъ земля эта перешла по наслѣдству къ дочери. Видно также, что онъ пожаловалъ ее не пожизненно, ибо даже унаслѣдовавшая ее дочь сама еще могла подарить ее [3].

Итакъ, передъ нами проходитъ рядъ актовъ, въ которыхъ короли жалуютъ свои земли безъ условій, навѣки, въ полную собственность. Наоборотъ, мы не находимъ ни одного акта, которымъ короли жаловали бы земли на извѣстныхъ условіяхъ, съ обязанностью службы и пожизненно.

Возможно, безъ сомнѣнія, предположить, что всѣ хартіи, относящіяся къ бенефиціальнымъ по-

[1] *Ibidem*, № 316: «Concedo vobis perpetualiter, ut teneatis, possideatis, vel quidquid inde facere volueritis liberam habeatis potestatem».

[2] Ср. *Formulae Turonenses*, 5, 21, 26; *Marculf.* II, 3; II, 11; II, 19; *Bignonianae*, 12, Rozière, 228, 229 (*Lindenbrogianae*, 7; *Mercelianae*, 15).

[3] *Ibidem*, № 328.

жалованіямъ, исчезли, а сохранились лишь тѣ, которыя относятся къ полнымъ пожалованіямъ. Этого, конечно, нельзя опровергнуть, но достовѣрно, что имѣющіяся хартіи показываютъ намъ пожалованія въ собственность и не показываютъ королевскихъ бенефиціальныхъ пожалованій. Можно даже замѣтить, что послѣдній родъ пожалованій никогда не упоминается даже намекомъ и не указывается въ теченіе послѣдовавшихъ за поселеніемъ Франковъ ста пятидесяти лѣтъ. Бенефиціальное пожалованіе много разъ и въ очень ясныхъ выраженіяхъ будетъ упоминаться съ VIII-го вѣка. Такія упоминанія не встрѣчаются ни въ VI-мъ, ни въ первой половинѣ VII-го вѣка. Мы ни разу не видимъ ни условія военной службы, ни оговорки о возвратѣ пожалованія.

Въ VII-мъ вѣкѣ Маркульфъ собралъ формулы актовъ, употребленіе которыхъ при меровингскихъ короляхъ было ему извѣстно. Въ этомъ сборникѣ находится одна формула для земельныхъ дареній церквамъ, которыя дѣлались королями. Насъ не удивляетъ, что рѣчь идетъ здѣсь о пожалованіяхъ въ полную собственность [1]. Но есть еще другая формула, которая относится именно къ пожалованіямъ королей своимъ вѣрнымъ, то-есть, воинамъ, придворнымъ должностнымъ лицамъ или слугамъ ихъ дворца. Она составлена такъ: „Дары нашей ще-

[1] *Marculf.* I, 15 (изд. *Zeumer*, стр. 53, *Rozière*, № 148): «Per presentem auctoritatem nostram decernemus ut ipsa villa pontifex (aut) illi abba in omni integritate, et ipsi et successores sui habeant, teneant et possedeant, vel quicquid exinde facire voluerint liberam in omnibus habeant potestatem».

дрости по праву возвышаютъ тѣхъ, кто съ молодости усердно служилъ родителямъ нашимъ и намъ [1]. Итакъ, мы съ полнаго нашего желанія пожаловали такому то лицу такую то виллу, расположенную въ такой то области, со всѣми ея доходами и во всѣхъ границахъ, безъ исключенія, въ томъ видѣ, какъ она была и еще теперь находится во владѣніи нашего фиска [2]. Настоящимъ королевскимъ актомъ мы постановляемъ, что вышеназванный получитъ эту виллу со всѣми ея угодіями навѣки такъ, чтобы онъ пользовался ею и владѣлъ ею по праву собственности (*iure proprietario*), чтобы въ силу нашего дара онъ передавалъ ее своимъ дѣтямъ или завѣщалъ, кому захочетъ, чтобы, наконецъ, по волѣ нашей онъ имѣлъ власть дѣлать съ этой виллой все, что ему будетъ угодно [3]. Въ удостовѣреніе чего мы и подписали настоящій актъ нашей рукою.—Такова,

[1] *Marculf.* I, 14, § 1 (изд. *Zeumer*, стр. 52, *Rozière*, № 138): «Merito largitatis nostrae munere sublevantur qui parentibus nostris vel nobis ab aduliscentia instanti famulantur officio».—Ср. *Diplomata*, № 340.

[2] «Nos inlustri viro illi prumptissima volontate villa nuncupante illa in pago illo, cum omni merito et termino suo, in integritate, sicut ab illo (aut) a fisco nostro fuit possessa vel moderno tempore possedetur, visi fuimus concessisse».—Намъ незачѣмъ больше говорить, что на языкѣ того времени «visi fuimus concessisse» означаетъ не что другое какъ «concessimus».

[3] «Quapropter per presentem auctoritatem decernemus, quod perpetualiter mansurum esse iobemus, ut ipsa villa antedictus vir ille in omni integritate... perpetualiter habeat concessa, ita ut eam iure proprietario habeat, teneat atque possedeat, et suis posteris, ex nostra largitate, aut cui voluerit ad possedendum relinquat, vel quicquid exinde facire voluerit ex nostro permisso liberam in omnibus habeat potestatem».

значитъ, была обычная формула пожалованій королей ихъ вѣрнымъ. Мы видимъ по ней въ самыхъ ясныхъ терминахъ, что короли жалуютъ свои земли безъ условій, безъ оговорокъ и навсегда.

Въ другой формулѣ король подтверждаетъ, что предшественники его пожаловали виллу вѣрному, вслѣдствіе чего вѣрный и „владѣетъ ею съ полнымъ правомъ собственности“ [1]. Другая формула рисуетъ намъ человѣка, который отказываетъ по завѣщанію всѣ свои имѣнія, все равно „получилъ ли онъ ихъ по наслѣдству, или купилъ ихъ, или владѣлъ по королевскому пожалованію“ [2]. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ взаимный даръ между двумя супругами, и мужъ приноситъ въ даръ помѣстья, которыя онъ получилъ „одни по наслѣдству, другія по пожалованію короля“. [3] Если же будемъ искать, наоборотъ, въ сборникѣ Маркульфа, или въ какомъ-нибудь другомъ формулу бенефиціальнаго королевскаго пожалованія, то таковой мы не найдемъ.

Послѣ хартій и формулъ надо разсмотрѣть писателей. Григорій Турскій довольно часто упоминаетъ о свѣтскихъ людяхъ, слугахъ короля, по-

[1] *Marculf.* I, 17: «Constat villa illa a principe illo memorato illi fuisse concessam, et eam ad presens iure proprietario possidere videtur».

[2] *Ibidem,* II, 17.

[3] *Ibidem,* I, 12: «Villas illas quas aut munere regio aut de alodo parentum tenere videtur».—То же въ позднѣйшей формулѣ, *Rozière,* № 141 (*Zeumer,* стр. 320): «Nos morem parentum nostrorum sequentes... libuit fideli nostro perpetualiter ad proprium concedere...».

лучавшихъ земли изъ фиска [1]. И ни разу не даетъ онъ замѣтить, чтобы земли эти получались подъ условіемъ военной службы, или чтобы пожалованіе было лишь пожизненнымъ и отмѣняемымъ. Григорій, который хорошо зналъ франкскихъ королей и ихъ вѣрныхъ, не дѣлаетъ никакого намека на такіе обычаи, существованіе которыхъ не могло быть ему не извѣстно. Агіографы много разъ упоминаютъ королевскія пожалованія и также ни разу не намекаютъ на королевскіе бенефиціи [2].

Бросимъ взглядъ за предѣлы франкскаго королевства; и тамъ мы не увидимъ, чтобы другіе германскіе короли раздавали свои земли въ бенефицій.

[1] Григорій Турскій, V, 3: «Villas ei rex a fisco indulserat“.—VIII, 21: «Res de fisci munere promeruerat».—IX, 38: «Res quas a fisco meruerant».—X, 19: «Villas per regis chartas emerui».—Слово *mereri* не должно вводить насъ въ заблужденіе или вызывать предположеніе, что рѣчь идетъ здѣсь о родѣ договора между королемъ, который даетъ, и вѣрнымъ человѣкомъ, который долженъ заслуживать. Надо обратить вниманіе на смыслъ, который имѣло слово *mereri*, или чаще, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, *merere.* Оно значило — получать и, главнымъ образомъ, получать отъ благости государя. Въ этомъ смыслѣ употреблялось оно уже въ языкѣ римскаго императорскаго дворца или администраціи; примѣры см. въ Кодексѣ Θеодосія, I, 2, 8, VIII, 9, 1; X, 8, 4; X, 9, 2; XI, 13, 1; XI, 22, 3; XI, 24, 6, § 8; XII, 1, 118; и *Interpretatio,* I, 2, 4, и т. д Выраженіе *merere ex fisco,* безъ сомнѣнія, употреблявшееся въ императорскихъ актахъ, употреблялось, конечно, и въ меровингскихъ хартіяхъ; *Diplomata,* № 270: «Quod ex nostra largitate meruerunt»; № 328: «Villa quod genitor noster Amalgarius et Amoloaldus de fisco promeruerunt».

[2] См. *Vita S. Maximini,* 12, *Acta SS. Bened.* I, 588: «Praedium quod regali munere ei datum fuerat».—*Vita S. Berchari,* ibidem, II, p. 841.—*Vita S. Bathildis,* 8, ibidem, II, p. 780: «Magnam silvam ex fisco dedit».—*Vita S. Eligii,* I, 15, 17.

Правды Аламанновъ, Баваровъ и Лонгобардовъ не даютъ никакого указанія на королевскіе бенефиціи [1]. Правда Вестготовъ формально объявляетъ, что земли, жаловавшіяся королями,—собственность пожалованныхъ, что послѣдніе передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ или наслѣдникамъ, согласно гражданскому закону [2], и что они могутъ даже завѣщать ихъ или распоряжаться ими путемъ продажи [3]. Правда Бургундовъ особенно поучительна тѣмъ, что современна первому періоду франкской монархіи. Король Гундебальдъ объявляетъ, что пожалованія, совершенныя его родителями, наслѣдственны [4]. Онъ замѣчаетъ, что такъ какъ пожалованія всегда совершались при посредствѣ писанныхъ актовъ, то пожалованный долженъ при требованіи показывать свою хартію [5]. Но онъ не

[1] Правды Аламанновъ и Баваровъ упоминаютъ родъ бенефиція, о которомъ мы будемъ говорить дальше, но который не есть королевскій бенефицій и является совершенною противоположностью бенефиція военнаго.

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 2, 2: «Donationes regiae potestatis quae in quibuscunque personis collatae sunt, in eorum iure consistant... In nomine eius qui hoc promeruit transfusa permaneat, ut quidquid de hoc facere voluerit potestatem in omnibus habeat. Si is qui hoc promeruerit, intestatus discesserit, debitis secundum legem heredibus res ipsa successionis ordine pertinebit».

[3] Это видно изъ словъ «si intestatus discesserit» и изъ словъ «quidquid facere voluerit potestatem habeat».

[4] *Lex Burgundionum*, I, 3: «Si quis de populo nostro a parentibus nostris munificentiae causa aliquid percepisse dinoscitur, id quid ei con'atum est etiam ex nostra largitate, ut filiis suis relinquat praesenti constitutione praestamus».

[5] *Lex Burgundionum*, I, 4: «Donationum nostrarum textus ostendant».

дѣлаетъ и намека ни на какую военную службу, которая была бы связана съ пожалованіями. Если онъ прибавляетъ, что дѣти пожалованныхъ должны будутъ служить ему съ тѣмъ же усердіемъ, какъ ихъ родители, то этотъ очень естественный призывъ не походитъ на спеціальное и тѣсное обязательство, которое было связано позднѣе съ фьефами [1]. Ничто здѣсь не указываетъ, чтобы пожалованіе было временнымъ и строго условнымъ. Впрочемъ, истинное значеніе этого мѣста ясно видно, если его сравнить съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ *Papianus*, то-есть, изъ римскаго закона Бургундіи. Тотъ же порядокъ устанавливается тутъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Что касается пожалованій, которыя дѣлаютъ короли, то владѣніе ими перейдетъ отъ пожалованныхъ къ ихъ наслѣдникамъ и потомъ къ наслѣдникамъ послѣднихъ, согласно закону" [2]. Въ обоихъ сводахъ, составленныхъ въ Бургундіи, предписывается совершенно одинаковое правило, и это показываетъ намъ, что королевскія пожалованія, относились ли

[1] *Ibidem*: «Superest ut posteritas eorum ea devotione et fide deserviat ut augere sibi et servare circa se parentum nostrorum munera cognoscat».—Въ двухъ другихъ мѣстахъ того же свода встрѣчается упоминаніе о королевскихъ пожалованіяхъ, *munificentiae* (глава LIV и addit. II, 13, *Pertz*, p. 577), и всегда безъ малѣйшаго намека на обязательства военной службы или на отмѣняемость пожалованія.

[2] *Papianus*, I, 3: «De donationibus dominorum, proprietas accipientium etiam circa heredes et proheredes lege firmatur» (*Pertz*, Leges, III, p. 596).—Извѣстно, что въ этой первой части *Papianus* глава за главою соотвѣтствуетъ *Lex Gundobada*. Итакъ, текстъ изъ *Papianus*, I, 3, имѣетъ то же значеніе, что текстъ Бургундской Правды, I, 3.

они къ Бургундамъ или къ Римлянамъ, отличались однимъ и тѣмъ же характеромъ; фактъ этотъ обнаружился уже изъ разсмотрѣнія различныхъ хартій франкскихъ королей. Составители *Papianus*, опираясь по существу на римскій законъ, ссылаются тутъ, какъ на авторитетъ, на конституцію императора Гонорія о вѣчности императорскихъ пожалованій [1].

Это проливаетъ свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Когда мы видимъ, что франкскіе короли, равно какъ и короли вестготскіе и бургундскіе, дѣлаютъ пожалованія земель своимъ воинамъ, духовенству, или своимъ чиновникамъ, мы склонны сначала думать, что они дѣйствуютъ согласно германскому обычаю. Возможно, конечно, что подобный обычай существовалъ и въ древней Германіи, но достовѣрно, что германскіе короли нашли его въ Галліи установленнымъ и практиковавшимся тѣмъ правительствомъ, преемниками котораго они стали. Имперія являлась собственницей безчисленныхъ домэновъ, и императоры употребляли ихъ часто на то, чтобы вознаграждать своихъ чиновниковъ, придворныхъ и солдатъ. Въ дѣйствіяхъ государей IV-го вѣка не было ничего обычнѣе, какъ пожалованіе земель изъ ихъ личныхъ домэновъ. Это дѣло составляло компетенцію одного изъ самыхъ важныхъ департаментовъ центральнаго управленія [2]. Оно было также предметомъ многихъ

[1] Кодексъ Θеодосія, XI, 20, 4: «Largitates, tam nostrae clementiae, quam retro principum, tenere perpetem firmitatem praecipimus» (законъ 423 года).

[2] *Scrinium* или *primiscrinium beneficiorum*. См. *Notitia dignitatum*, изд. *Boecking*, т. I, стр. 44 и 260, т. II, стр. 54.

императорскихъ указовъ, часть которыхъ вошла въ кодексы Θеодосія II и Юстиніана [1]. Если сравнить эти императорскія конституціи съ дипломами франкскихъ королей на тотъ же предметъ, то обнаружатся удивительныя аналогіи. Выраженія употребляются одни и тѣ же. Императорское пожалованіе называлось *largitas, munificentia, donatio, beneficium* [2]; тѣ же названія безпрестанно встрѣчаются въ актахъ франкскихъ, вестготскихъ или бургундскихъ королей [3]. Получить пожалованіе называлось въ VII-мъ вѣкѣ *merere ex fisco*; выраженіе это употреблялось, безъ сомнѣнія, въ императорской канцеляріи [4]. Императорскія пожалованія всегда совершались посредствомъ писанныхъ актовъ, *annotationes* [5], пожалованія франкскихъ королей—посредствомъ *praecepta* или *auctoritates*. Формулы императорскихъ пожалованій утеряны для насъ [6]; но фор-

[1] Кодексъ Θеодосія, X, 8; X, 9, 2; X, 10, 5 и 6; X, 10 14; XI, 20, 1—4; Кодексъ Юстиніана, XI, 60 (61).

[2] «Quibus possessiones sacra largitate donatae sunt» (Кодексъ Юстиніана, XI, 60 (61), 6)—«Largitates nostrae clementiae» (Кодексъ Θеодосія, XI, 20, 4).—«Principalis liberalitas» (Кодексъ Θеодосія, X, 8, 2 и 3).—«Munificentia principalis» (Кодексъ Θеодосія, X, 10, 15; XI, 20, 1; XI, 20, 6).—«Beneficium principale» (Кодексъ Θеодосія, X, 9, 2; X, 10, 14).

[3] «Munificentiae» (*Lex Burgundionum*, I, 3; LIV).—«Largitas» (*Ibidem*).—«Regalis munificentiae collatio» (*Lex Wisigothorum*, V, 2, 2).—»Munificentia, indulgentia, largitas» (*Diplomata*, №№ 266, 269, 270, 271, 277 и т. д.).

[4] Григорій Турскій, VIII, 22: «Quaecunque de fisco meruit». Также VIII, 21; IX, 38; X, 19; *Pardessus*, II, стр. 105. Ср. Кодексъ Θеодосія, XI, 20, 4.

[5] «Annotationes» (Кодексъ Θеодосія, X, 8, 1: Кодексъ Юстиніана, X, 10, 2.

[6] Мы находимъ, впрочемъ, нѣкоторыя указанія на нихъ въ

мулы меровингскихъ пожалованій написаны на настоящемъ латинскомъ языкѣ и полны выраженій, напоминающихъ обычную въ Римской Имперіи фразеологію [1]. Даренія императоровъ не заключали никакого условія военной службы; это условіе не существовало и въ дареніяхъ франкскихъ королей. Пожалованія императоровъ подразумѣвали полную собственность жалуемаго; правда, императоры фактически часто стремились брать ихъ назадъ, но они открыто признавали, что по праву—пожалованія были вѣчныя и наслѣдственныя [2]. Перейдя отъ римскихъ императоровъ къ

законѣ 313 года, Кодексъ Θеодосія, X, 8, 1 (Кодексъ Юстиніана, X, 10, 2): «Hoc verbo ea vis continebatur quam antea scribebamus: *cum adiacentibus, et mancipiis, et pecoribus, et fructibus, et omni iure suo*».

[1] Напримѣръ, слова *integro statu*, употреблявшіяся въ императорскихъ annotationes (Кодексъ Θеодосія, X, 8, 1, законъ 313 года) встрѣчаются въ формѣ *in integrum*. Точно также выраженіе императорскихъ дипломовъ—«cum adiacentibus et mancipiis et pecoribus et fructibus et omni iure suo» (*Ibidem*) въ нѣсколько удлиненномъ видѣ встрѣчается во всѣхъ меровингскихъ пожалованіяхъ. «Hi quibus pro laboribus suis ac meritis aliquid donaverimus» (Кодексъ Θеодосія, X, 8, 3) обратилось въ приведенное нами выше «merito sublevantur» или въ «pro fidei suae respectu», которое находимъ въ другомъ мѣстѣ. «In bene meritos» Θеодосіева Кодекса (XI, 20, 4) переноситъ насъ къ «meritis compellentibus» Маркульфа, I, 17. Прибавьте рядъ такихъ выраженій, какъ слѣдующія: «Munificentia nostra donamus, ex nostra largitate, ex nostra indulgentia, qui nostra largitate meruerunt», которыя всѣ вышли, видимо, изъ римской императорской канцеляріи.

[2] Законъ 340 года, въ Кодексѣ Θеодосія, X, 10, 5: «Donatarum rerum dominium his tradatur quos anteriores tempus imperialis donationis ostenderit». — Законъ 384 года, Кодексъ

франкскимъ королямъ, практика земельныхъ пожалованій осталась такою же и приводила къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Можно еще замѣтить, что императоры называли иногда такой родъ пожалованія *beneficium*; но слово это только подчеркивало благодѣяніе или милость, которую они дѣлали [1]. Тотъ же терминъ употреблялся иногда и франкскими королями по отношенію къ ихъ земельнымъ дарамъ [2]. Онъ не пріобрѣлъ и здѣсь другого смысла кромѣ обозначенія благодѣянія или милости и употреблялся, какъ синонимъ съ *largitas* или *munificentia*. Онъ никоимъ образомъ не указывалъ, что пожалованіе было пожизненное или условное. Понятіе, присоединившееся позднѣе къ слову *beneficium*, тогда еще не заключалось въ немъ.

Въ меровингскихъ хартіяхъ никогда не проводится правила, чтобы въ какомъ-нибудь опредѣленномъ случаѣ земли эти могли быть взяты королями обратно. На практикѣ мы видимъ нѣсколько примѣровъ, когда такого рода земли отбирались.

Юстиніана, XI, 62 (61), 6: «Hi quibus patrimoniales possessiones vel a nobis vel a parentibus nostris sacra largitate donatae sunt, inconcusse possideant atque ad suos posteros mittant».

[1] «Beneficii principalis» (Кодексъ Θеодосія, X, 9, 2). — «Beneficium a nobis indultum» (Кодексъ Θеодосія, X, 10, 14).

[2] *Diplomata*, № 280: «De nostre largitatis beneficio».—№ 340: «Hoc nostre concessionis beneficium firmum esse volumus ut pontifex de ipsa dicta villa habendi, tenendi, dandi, commutandi habeat potestatem».—Ср. *Miracula S. Ioannis Reomaensis*, c. 10 (Acta SS. Bened. I, стр. 639): «Beneficia a praedictis regibus praestita per praecepta chartarum quae usque nunc in archivis monasterii condita sunt».

Но изъ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ не слѣдуетъ выводить торопливаго заключенія, будто отмѣняемость пожалованій составляла ихъ сущность. Григорій Турскій приводитъ два подобныхъ примѣра, но мы должны замѣтить въ обоихъ, что пожалованныхъ преслѣдовали за преступленіе, именно за измѣну и полученныя ими отъ фиска земли были отняты у нихъ лишь въ силу судебнаго приговора. Въ одномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о Гунтраммѣ Бозонѣ, который поддерживалъ узурпатора Гондовальда и кромѣ того обвинялся въ преступленіи по общему праву [1]. Въ другомъ примѣрѣ королевскій конюшій (comes stabuli) Суннегизилъ и референдарій Галломагнъ обвиняются въ заговорѣ на жизнь короля [2]. Если король взялъ назадъ земли, пожалованныя названнымъ лицамъ, это еще не доказываетъ, что онъ и дарилъ ихъ съ правомъ возврата или пожизненно. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны вспомнить, что преступленія противъ короля франкскіе законы карали конфискаціей имущества [3]. Другія варварскія правды опредѣляли

[1] *Greg. Turonensis*, VIII, 21: «Cum Guntchramnus (Boso) de his interpellatus nullum responsum dedisset, clam aufugit. Ablatae sunt ei omnes res quae in Arverno de fisci munere promeruerat».

[2] *Ibidem*, IX, 38.—Добавьте сюда дѣло Година (V, 3) поддерживавшаго злоумышленіе Меровея противъ Хильпериха: «Villas quas ei rex a fisco indulserat, abstulit».

[3] *Lex Ripuaria*, LXIX: «Si quis regi infidelis extiterit, de vita componat et omnes res suae fisco censeantur».—*Marculf*. I, 32: «Dum ille faciente revello et omnes res eius sub fisci titulum praecipimus revocare».—*Rozière*, № 40 (*Zeumer*, стр. 293): «Dignam subierunt sententiam et res eorum secundum legitimas sanctiones (въ другомъ мѣстѣ legum sanctionem) fisco nostro sociatae sunt».

такое же наказаніе [1]. И въ римскомъ имперскомъ правѣ преступленіе объ оскорбленіи величества всегда влекло за собой конфискацію. А въ двухъ, описанныхъ Григоріемъ Турскимъ случаяхъ, рѣчь идетъ именно о такомъ преступленіи [2], слѣдовательно конфискація была произведена здѣсь безусловно на основаніи права. Земли Гунтрамна Бозона и Суннегизила были отобраны у нихъ не потому, что пожалованіе было временнымъ, а потому, что люди эти совершили преступленіе [3]. Это настолько вѣрно, что казна завладѣла даже не одними пожалованными королемъ землями, но и родовыми ихъ имѣніями и всею ихъ собственностью вообще. Намъ извѣстно даже больше примѣровъ конфискаціи родовыхъ земель, чѣмъ пожалованныхъ королемъ [4]. Ясно, что если король

[1] *Edictum Rotharis*, 1: «Si quis contra animam regis consiliaverit, animae suae incurrat periculum et res eius infiscentur».—Ср. *Lex Alamannorum*, XXV; *Lex Baiussariorum*, II, 1; *Lex Wisigothorum*, II, 1, 7.

[2] О *crimen lesae maiestatis* у Франковъ см. *Greg. Tur.* V, 25: «Burgolenus et Dodo ob crimen maiestatis... res omnes eorum fisco conlatae sunt».—X, 19: «Ob crimen lesi maiestatis... reum mortis... multa regalibus thesauris sunt inlata».—V, 28 (27): «Additum quod essent rei maiestatis et patriae proditores».

[3] Другой такого же рода случай описанъ въ завѣщаніи Бертрамна, № 198: «Villam quam Vaedola coram iustitia (regis) reddidit».

[4] *Greg. Tur.* III, 14.—Когда Мундерихъ попытался захватить королевскую власть,—«res eius fisco conlatae sunt»; эти *res* не были дарами короля, а собственными помѣстьями Мундериха.—V, 3: Когда референдарій Сиггонъ измѣнилъ Хильпериху, «res eius, quas in Sessionico habuerat, Ansoaldus obtinuit»; въ этомъ случаѣ *res* безразлично можетъ означать родовыя имѣнія или земли, полученныя имъ отъ Хильпериха.—V, 25: Эннодій приговоренъ

могъ отбирать родовыя помѣстья виновнаго или противника, то тѣмъ болѣе могъ онъ брать назадъ пожалованныя имъ самимъ имѣнія [1]. Онъ дѣйствовалъ тогда не въ силу принципа отмѣняемости пожалованія, а въ силу своего права наказывать. Онъ не отбиралъ бенефиціевъ, но конфисковалъ имущество. Такія дѣйствія не имѣли ничего общаго съ правилами феодальнаго землевладѣнія, но они согласовались съ римскимъ правомъ и правомъ Франковъ.

Понятно также и то, что иногда, за меньшія преступленія, король не конфисковалъ всего имущества, и въ такомъ случаѣ довольствовался отобраніемъ пожалованныхъ имъ самимъ имѣній, оставляя данному лицу родовыя его имущества. Григорій Турскій даетъ примѣръ такого различенія; онъ сообщаетъ, что король, простивъ Суннегизила, отдалъ ему его собственныя имѣнія и не отнялъ у него пожалованныхъ земель [2].

къ изгнанію и имѣнія его конфискованы; историкъ называетъ опредѣленно—имѣнія, *facultates*, а не бенефиціи.—V, 26 (25): Имѣнія Бурголена и Додона конфискованы, «res omnes tam eorum quam patris fisco conlatae sunt»; выраженія эти ясно указываютъ, что рѣчь идетъ о частныхъ и родовыхъ помѣстьяхъ.—VII, 29: Эберульфъ, обвиненный въ смерти Хильпериха, былъ преданъ казни; всѣ его имѣнія безъ различія взяты фискомъ, при чемъ король, согласно обычаю, уступилъ большую ихъ часть своимъ вѣрнымъ; даже родовыя его имѣнія, оставленныя сначала вдовѣ, были захвачены фискомъ и розданы, «*quae de propriis rebus*» (въ другомъ мѣстѣ *quod a prioribus*) ei relictae fuerant, suis fidelibus condonavit».

[1] *Ibidem*, VIII, 38. in fine.

[2] *Greg. Tur.* VIII, 38, in fine.

Нѣкоторые новѣйшіе историки были удивлены тѣмъ, что по смерти короля преемникъ его утверждалъ новыми грамотами пожалованія своего предшественника. Они слишкомъ быстро заключили отсюда, что пожалованія были по существу временными. Заключеніе это преувеличенное и неточное. Чтобы составить правильное понятіе о такихъ возобновленіяхъ хартій, намъ достаточно положить передъ глазами текстъ примѣнявшейся въ такихъ случаяхъ формулы: „Королевская власть справедливо подтверждаетъ въ пользу людей, всегда пребывавшихъ вѣрными предшественникамъ нашимъ и намъ, сдѣланныя имъ пожалованія, или помѣстья ихъ отцовъ [1].—Такой то славный мужъ представилъ намъ хартіи предшествующихъ королей, которыя свидѣтельствуютъ, что такія-то и такія помѣстья были пожалованы его родителямъ [2], и онъ просилъ насъ утвердить нашимъ дипломомъ всю совокупность его имущества, (*omne corpus facultatis suae*) [3], какъ то, что онъ и его родители получили по королевскому пожалованію, такъ и то, что досталось ему путемъ продажи, передачи, дара, обмѣна или всякимъ другимъ правильнымъ

[1] *Marculf.* I, 31 (изд. Zeumer, стр. 62): «Merito regalis clementia in illis conlata munera vel proprietate parentum confirmare deliberat, quos cognoscit anteriorum regum... vel nobis fidem integram conservasse...»

[2] «Cartas precedentium regum nobis protulit recensendas, qualiter parentibus suis loca aliqua fuisse concessa».

[3] Выраженіе «omne corpus facultatis», означающее совокупность имущества, часто встрѣчается въ меровингскихъ текстахъ; см. *Andegavenses*, 41; *Marculf.* II, 7; оно встрѣчается въ Анделотскомъ договорѣ и во многихъ дипломахъ.

путемъ [1]. Мы охотно даруемъ ему утвержденіе. Вслѣдствіе чего мы и повелѣваемъ, чтобы все, чѣмъ онъ владѣетъ, по наслѣдству ли отъ родителей, или въ вознагражденіе его услугъ, все, что досталось ему по королевскому пожалованію или было пріобрѣтено другими законными путями,— земли, дома, рабы или движимые предметы, все это вполнѣ было бы закрѣплено за нимъ такъ, чтобы составляло полную его собственность, и чтобы онъ могъ передавать все дѣтямъ своимъ и потомству" [2].

Въ приведенной формулѣ наблюдаются двѣ важныя подробности. Во-первыхъ, подтвержденіе распространяется не только на земли, пожалованныя королемъ, но также и на родовыя имѣнія, или на пріобрѣтенныя путемъ купли; и тѣ, и другія подтверждаются въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Слѣдовательно, актъ этотъ не болѣе доказываетъ право отобранія пожалованій, чѣмъ право отобранія аллодовъ. Во-вторыхъ, формула ни однимъ словомъ не указываетъ, что земли были пожалованы лишь пожизненно; она объявляетъ,

[1] «Petiit ut eum de omni corpore facultatis suae, tam quod regio munere ipse vel parentes sui promeruerunt, quam quod per venditionis, cessionis, donationis, commutationesque titulum... iustae et rationabiliter est conquesitum... per nostrum in ipso deberemus confirmare preceptum».

[2] «Precipientes ut quicquid ex successione parentum, vel eius utilitate, tam quod munere regio vel quod quodlibet instrumenta cartarum ad eodem iustae pervenit, tam in villabus, mancipiis, aedificiis, accolabus... per hanc auctoritatem firmamus, cum Dei et nostra gratia, in integritate hoc valeat possidere et suis posteris deraelinquere».—Есть и другая подобная же формула, *Marculf.* I, 17.

наоборотъ, что онѣ составляютъ наслѣдственную собственность, что настоящій владѣлецъ получилъ ихъ отъ родителей [1], что онъ оставитъ ихъ своимъ потомкамъ. Другая формула подтвержденія опредѣленно указываетъ, что вѣрный, получившій землю въ даръ отъ короля, „владѣетъ ею по праву собственности"; формула добавляетъ, „что онъ можетъ оставить ее своимъ дѣтямъ, или завѣщать, кому хочетъ, наконецъ, дѣлать съ нею все, что ему заблагоразсудится" [2].

Итакъ, подобныя подтвержденія собственности не означаютъ, что пожалованія были временными или пожизненными. Въ нихъ никогда не высказывается такой мысли. То были грамоты, воспроизводившіяся при смѣнѣ каждаго поколѣнія, но повторявшія каждый разъ, что пожалованіе было вѣчное. Онѣ ни въ чемъ не походятъ на свидѣтельства объ уплатѣ феодальныхъ пошлинъ при передачѣ фьефовъ (*reliefs*), которыя мы увидимъ позже, такъ какъ по настоящему онѣ не были возобновленіями пожалованія. Онѣ потому именно не имѣли ничего общаго съ институтомъ бенефиціевъ, что примѣнялись ко всякаго рода собственности [3].

[1] «Quod parentes sui promeruerunt».

[2] *Marculf.* I, 17 (*Rozière*, № 152): «Sicut constat villa illa ab ipso principe illo memorato ei fuisse concessa, et eam iure proprietario possidere videtur... ipse et posteritas eius eam teneant et possedeant et cui voluerint ad possedendum relinquant, vel quicquid exinde facere decreverint, ex nostro permisso libero perfruantur arbitrio».

[3] Въ житіи святого Мавра говорится, что по просьбѣ Флора король Теодебертъ даровалъ его племяннику Рандрамну все, чѣмъ Флоръ владѣлъ по королевскому пожалованію: «De-

Разобранные тексты обнаруживают часть той совокупности обычаевъ, которые приводили королей къ вмѣшательству во всѣ акты частной жизни. Завѣщатель часто просилъ короля утвердить его завѣщаніе, даритель—его даръ, покупатель—его покупку, наслѣдникъ—его наслѣдство [1]. Никто не считалъ свои права упроченными, если они не были гарантированы королевской грамотой. Такъ какъ каждый богатый домъ хранилъ свой архивъ [2], то люди прилагали, повидимому,

dit ei per sceptrum regale quod manu gestabat quaecunque Florus patruus eius ex regali possederat dono».—Но надо замѣтить, что въ тотъ же день Флоръ просилъ короля написать дипломъ, въ силу котораго «собственныя его земли» передавались монастырю, «ut praeceptum regiae dignitatis facere iuberet super testamentum quod ipse de propriis rebus quas illi loco tradiderat scribere rogaret». Такимъ образомъ, Флоръ считалъ одинаково нужнымъ вмѣшательство короля, какъ при дарѣ монастырю родовыхъ своихъ имѣній, такъ и при передачѣ тѣхъ, которыя онъ получилъ по королевскому пожалованію. Ни тотъ, ни другой актъ не указываетъ, что онъ не имѣлъ полнаго права собственности на имѣнія. Оба акта являлись, собственно, долгомъ уваженія къ королю или скорѣе еще предосторожностью для будущаго; но ни въ томъ, ни въ другомъ актѣ не признается отсутствіе права. Прибавлю, что выраженіе «quae possederat dono» не заключало въ себѣ понятія о бенефиціи (*Vita S. Mauri*, 53, Acta SS. Bened. I, стр. 291—292).

[1] Примѣры см. у Маркульфа, I, 12; I, 13; I, 20; ср. *Diplomata*, №№ 137, 245; *Rozière*, №№ 317 и 318 (*Zeumer*, стр. 289 и 459); *Vita S. Geremari*, 7; *Vita S. Mauri*, 53.

[2] *Marculf*. I, 34: «Omnia instrumenta cartarum quod ipsi vel parentes sui habuerunt, tam quod ex munificentia regum possedit, quam quod per vendicionis, cessiones, donationes, commutationesque titulum habuit, una cum domo sua incendium concrematas esse».—*Andegavenses*, 33: «Instrumenta cartarum quam plurimas, vindicionis, caucionis, cessionis, donacionis, dotis».—*Ibidem*, 31.—*Arvernenses*, 1.—*Rozière*, 403—414.

особое стараніе увеличить число документовъ, обезпечивавшихъ права собственности. При этомъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что меровингское правительство извлекало изъ составленія подобныхъ грамотъ какой-нибудь доходъ. Слѣдуетъ еще представить себѣ смуты того времени, нарисовать себѣ безграничный произволъ власти королей, особенно же ихъ совѣтниковъ, слѣдуетъ подумать, какъ мало гарантировано было соблюденіе закона въ интересахъ простыхъ частныхъ лицъ. Никто не былъ увѣренъ въ сохраненіи своей земли, если онъ не могъ показать грамоты, не умершаго, а находившагося нынѣ во власти короля. Такимъ образомъ, при каждомъ новомъ царствованіи каждый отправлялся къ королю выпрашивать эту грамоту, но, вѣроятно, получалъ это не безвозмездно. Утвержденія не были признаніемъ отсутствія права; они являлись присоединявшейся къ праву гарантіей [1]. Въ силу подобной же предосторожности епископъ Бертрамнъ, желая обезпечить выполненіе своего завѣщанія, заранѣе запасся королевскимъ утвержденіемъ. Онъ просилъ его не спеціально для полученныхъ отъ короля имѣній; онъ просилъ и получилъ его для всего своего состоянія безъ раз-

[1] Это высказано во многихъ памятникахъ. Напримѣръ, формула Маркульфа, I, 13, показываетъ намъ совершенно частный актъ между двумя частными лицами, совершающійся однако въ присутствіи короля, и король указываетъ на причину этого: «Quicquid in presentiam nostram agetur vel per manu nostra videtur esse transvulsum, volumus ut maneat in posterum robustissimo iure» (*Zeumer*, p. 51, *Rozière*, № 216).

личія [1]. Такіе обычаи—любопытные элементы жизни эпохи, но мы плохо бы поняли ихъ, если бы предположили, что они подразумѣвали полное отсутствіе наслѣдственнаго права [2].

Говорятъ, что анделотскій договоръ даровалъ „лейдамъ" неотмѣняемость бенефиціевъ, и это доказываетъ будто, что до тѣхъ поръ королевскіе бенефиціи были отмѣняемы, то-есть, жаловались на время. Но Анделотскій договоръ, текстъ котораго данъ намъ Григоріемъ Турскимъ [3],

[1] *Testamentum Bertramni* (Diplomata, т. I, стр. 198): «Quia domnus Chlotarius rex suum praeceptum manus suae iure firmatum mihi dedit ut de propria facultate quod ex parentum successione habeo seu quod manere suo consecutus sum aut aliunde comparavi, tam pro animae meae remedio quam propinquis meis seu fidelibus meis delegare voluero liberum utendi tribuit arbitrium».

[2] Въ *Gesta Dagoberti*, 26, есть одна фраза, въ которой усматривали указаніе пожизненнаго пожалованія: «Landegisilus dum viveret eam villam per praeceptum regale promeruerat».—*Dum viveret* переводили именно—«пожизненное пользованіе». Но если прочитать всю главу, то видно, что слова эти имѣютъ другое значеніе. Разсказавъ о смерти Ландегизила, хроникеръ прибавляетъ, что при жизни своей онъ имѣлъ королевское пожалованіе; а такъ какъ Ландегизилъ былъ братомъ королевы Нантильды, то послѣдняя, будучи, вѣроятно, наслѣдницей, по бездѣтности Ландегизила, просила у короля позволенія пожаловать эту землю Сенденисскому аббатству, что и было сдѣлано. Ничто въ этой главѣ не указываетъ на отмѣняемость бенефиціевъ.—Мы не будемъ говорить здѣсь о трехъ дипломахъ, въ которыхъ констатируется, что нѣкоторыя земли «возвращены фиску», *ad fiscum revocari*; эти дипломы, составленные въ 677, 688 и 695 годахъ, выходятъ за предѣлы опредѣленнаго нами въ предшествующей главѣ времени для настоящаго изслѣдованія и принадлежатъ къ другой эпохѣ.

[3] *Greg. Tur.* IX, 20.—Король Гунтрамнъ велѣлъ прочитать автору этотъ текстъ: «Pactionem ipsam relegi rex coram adstantibus iubet». Есть вѣроятіе, что епископъ Турскій снялъ съ него копію; онъ озаглавливаетъ данный отрывокъ: «Exemplar pactionis».

не говоритъ ничего о бенефиціяхъ. Въ немъ не встрѣчается этого слова и никакого другого, аналогичнаго ему термина. Въ немъ говорится лишь о „дарахъ" королей, и терминомъ, который обычно употреблялся, являются слова—*munificentiae regum*: они же всегда примѣнялись, съ IV вѣка и до VII-го, къ пожалованіямъ въ полную собственность [1]. Не сказано, что пожалованія можно было брать назадъ; не сказано также, что ихъ нельзя будетъ брать назадъ со времени этого соглашенія. Сказано только, что пожалованія остаются прочною собственностью, *quisque cum securitate possideat*. Замѣтимъ даже, что рѣчь идетъ здѣсь не о недавнихъ пожалованіяхъ, а о тѣхъ, которыя были сдѣланы двадцать шесть лѣтъ тому назадъ и болѣе, „о пожалованіяхъ прежнихъ королей до смерти Хлотара" [2]. Такъ вотъ, мы видимъ земли, находившіяся въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій, и владѣніе ими утверждается на будущія времена.

Почему же стороны, заключившія Анделотскій договоръ нашли нужнымъ внести въ него эту статью? Они сдѣлали это по той простой причинѣ, что среди предшествовавшихъ междоусобій

[1] *Greg. Tur.* IX, 20 (изд. Société de l'Histoire de France, т. II, стр. 160; изд. Monumenta Germaniae, стр. 377): «Et de id quod per munificentias praecedentium regum unusquisque usque transitum Chlotarii regis possedit, cum securitate possedeat».

[2] Хлотаръ I-й умеръ въ 561 году; Анделотскій договоръ состоялся въ 587 году.

многіе, получившіе пожалованія отъ того или другого короля, измѣнили этому королю, и пожалованія оказались отобраны. Произошелъ рядъ законныхъ конфискацій, къ которымъ присоединились и несправедливые захваты [1]. Надо было исправить зло. Потому короли и начали съ обезпеченія земельной собственности. „Ни одинъ изъ нашихъ подданныхъ того или другого королевства не потерпитъ нарушенія своихъ правъ; всякій будетъ владѣть или вернется къ владѣнію принадлежащими ему имѣніями“ [2].—Они соглашаются даже отдать по суду каждому то, что могло быть отнято у него безъ совершенія имъ преступнаго дѣянія [3]. Они говорятъ еще, что „будутъ уважены и сохранены всѣ пожалованія, сдѣланныя ими церквамъ или вѣрнымъ“ [4]. Это обычная фор-

[1] *Greg. Turonensis*: «Si aliquid cuicumque per interregna sine culpa tultum est.».

[2] *Ibidem*: «Quicquid unicuique fidelium in utriusque regno per legem et iusticiam redebetur, nullum ei praeiudicium paciatur, sed liceat res debetas possedere atque recipere».—Въ этомъ отрывкѣ нѣтъ ни одного слова, которое вызывало бы образъ бенефиція; болѣе вѣроятно, что рѣчь идетъ о частной собственности; слова *per legem* указываютъ, что говорится объ установленномъ по закону способѣ владѣнія, то-есть, именно о собственности. Таково же значеніе словъ *res debitas*. Слово *fidelis* означало въ VI вѣкѣ то подданныхъ, то вѣрныхъ.

[3] *Ibidem*: «Si aliquid... sine culpa tultum est, audiencia habita, restauretur».—И здѣсь также говорится о собственныхъ имѣніяхъ. Возвращеніе старыхъ пожалованій королей указано лишь въ слѣдующей фразѣ: «Et quod exinde fidelibus personis ablatum est, de praesenti recipiat».

[4] *Ibidem*: «Quidquid antefati reges» (во всемъ текстѣ договора выраженіе *antefati* или *praefati reges* относится къ Хильдеберту II и къ Гунтрамну.

мула утвержденія. Она вовсе не означаетъ, что до тѣхъ поръ пожалованія были отмѣняемы или пожизненны.

Тѣ, кто представляетъ себѣ Анделотскій договоръ какъ милость „лейдамъ“, не читали текста, или читали его невнимательно. Это просто соглашеніе между двумя королями. Оно ничего не даетъ новаго людямъ, которыхъ называли лейдами [1]. Напрасно стали бы мы искать тамъ хоть одну фразу, которая констатировала бы наличность бенефиція. Когда здѣсь говорится о производимыхъ королями пожалованіяхъ, изъ „земель фиска“, пожалованія представляются, какъ окончательныя, вѣчныя [2], и вовсе не дается понять, чтобы это было нововведеніе. Анделотскій договоръ не имѣетъ ничего общаго съ бенефиціальнымъ порядкомъ [3].

[1] О *leudes* говорится лишь, что тѣ изъ нихъ, которые измѣнили Гунтрамну, «будутъ ему возвращены», что лейды Сигеберта, которые оставили его, также будутъ «возвращены изъ мѣстъ, въ которыхъ они находятся», и переданы въ руки его сына.

[2] Такъ, напримѣръ, сказано, что все, что дочь Гунтрамна пожелаетъ пожаловать *de agris fiscalibus*, будетъ пожаловано навѣки, *perpetuo conservetur*. То же повторяется дальше и въ болѣе общихъ выраженіяхъ: «Si quid de agris fiscalibus pro arbitrii sui voluntate cuiquam conferre voluerint, fixa stabilitate in perpetuo conservetur nec ullo tempore convellatur».

[3] Такъ какъ мы желаемъ приводить всѣ тексты, то надо представить отрывокъ Григорія Турскаго, VIII, 22, въ которомъ говорится, что когда Ванделинъ, *nutritor Childeberti regis*, умеръ, то «quaecumque de fisco meruit, fisci iuribus sunt relata».—Полагали, что и тутъ рѣчь шла о бенефиціяхъ, которые, по смерти получившаго ихъ, естественно возвращались къ фиску. Но дѣло вовсе не такъ выясняется изъ даннаго текста Григорія Турскаго. Ванделинъ былъ nutritor regis, то-есть, нѣчто въ родѣ

Памятники хорошо удостовѣряютъ лишь то, что при Меровингахъ, поставленныхъ въ трудное положеніе между алчностью тѣхъ, которые требовали земель, и вялостью тѣхъ, которые, получивъ дары, желали только ихъ сохранять, а отъ службы уклонялись, прибѣгали къ произвольному отобранію пожалованій.

Пожалованія часто отбирались фактически, но это не значитъ, что по существу они были отмѣняемы. Короли нерѣдко старались взять назадъ

воспитателя малолѣтняго Хильдеберта; это была чисто домашняя обязанность, съ которой могло быть связано пользованіе нѣсколькими имѣніями. Быть можетъ, у Ванделина не было дѣтей: могли быть и другія основанія къ тому, чтобы по смерти его, имѣнія, которыя онъ получилъ отъ фиска, вернулись къ фиску же; такой частный случай не можетъ доказывать, что королевскія пожалованія были вообще отмѣняемы.—Григорій Турскій говоритъ еще: «Obiit Bodygisilus dux, sed nihil de facultate eius filiis minuatum est» (VIII, 22); мы не знаемъ, кто такой былъ Бодегизилъ? Состояла ли его *facultas*, о которой идетъ рѣчь, изъ земель фиска, оставленныхъ его сыновьямъ королемъ? Состояла ли она изъ собственныхъ земель, которыя, согласно почти постоянному обычаю эпохи, утверждалъ за нимъ король? Или она состояла изъ должностей и мѣстъ, которыя король передавалъ его сыновьямъ? Или же Григорій Турскій просто хочетъ сказать: «Бодегизилъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ; ничего изъ большого его состоянія не пропало для его сыновей.» Напрасно во всякомъ случаѣ усматривали въ этой фразѣ намекъ на обычай брать назадъ королевскіе бенефиціи.—То же самое и въ слѣдующей фразѣ (IX, 35): «Mortuo (Waddone) filius eius ad regem abiit resque eius obtenuit». Если прочитать всю главу, то видно будетъ, что говорится не о бенефиціяхъ; *res* означаетъ имѣнія, состояніе, и если сынъ Воддана долженъ былъ отправиться къ королю для того, чтобы получить ихъ, то это потому, что Водданъ былъ убитъ въ ссорѣ, то-есть, совершая преступленіе.

данныя ими земли, но давали они безъ оговорки, что возьмутъ дары назадъ. Въ документахъ нѣтъ ни одной строки, гдѣ было бы сказано, что земли по праву должны вернуться къ государямъ. Когда имъ случалось отбирать земли обратно, они приводили обыкновенно причину „что тѣхъ, кто выказалъ себя неблагодарнымъ, или невѣрнымъ, справедливо лишить полученныхъ ими благодѣяній“ [1]. Короли вовсе не говорятъ, что имѣли право брать эти земли обратно потому, что уступили ихъ на время, или потому, что сохраняли за собой верховную собственность надъ ними.

Наоборотъ, они не разъ признаютъ, что пожалованія ихъ вѣчныя; больше того, каждый король признаетъ вѣчными пожалованія своего предшественника. Таковъ смыслъ объявленія Гунтрамма и Хильдеберта въ Анделотѣ. Хлотару II принадлежатъ два еще болѣе ясныя объявленія: „Всѣ пожалованія, сдѣланныя по щедрости нашихъ предшественниковъ церкви, или клирикамъ, или мірянамъ должны оставаться навѣки“ [2]. Возможно,

[1] *Diplomata*, № 386: «Merito beneficia quae possident amittere videntur qui non solum largitoribus ipsorum beneficiorum ingrati existunt, verum etiam infideles eis esse comprobantur... Omnes res suas ad nostrum fiscum iussimus revocari.»—Надо замѣтить, что въ этой фразѣ слово *beneficia* не означаетъ ничего другого кромѣ благодѣянія или милости. Я думаю также, что *infideles* имѣетъ здѣсь то же значеніе, что въ Рипуарской Правдѣ, LXIX,—значеніе измѣнниковъ королю.

[2] *Chlotarii praeceptio*, c. 12 (*Boretius*, p. 19, *Baluze*, 7): «Quaecunque ecclesiae vel clericis aut quibuslibet personis a praefatis principibus munificentiae largitate conlata sunt, omni firmitate perdurent».

что на практикѣ онъ часто уклонялся отъ этого правила, особенно во время смутъ 613 года, но указомъ 614 года онъ обѣщаетъ вернуть отнятыя имъ пожалованія: „Все, что пожаловали и утвердили предшественники наши и мы сами, должно сохраняться въ неприкосновенности; то, что вѣрные наши и лейды утратили во время войнъ между королями, будетъ имъ возвращено“ [1].

Такимъ образомъ, въ памятникахъ VI и VII вѣковъ, мы встрѣчаемъ полное пожалованіе въ собственность, а не временную или условную уступку. Нельзя, конечно, доходить до утвержденія, что короли никогда не практиковали и такого рода земельныхъ уступокъ. Изъ того, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ не встрѣчается подобныхъ примѣровъ, не слѣдуетъ, чтобы фактъ былъ безусловно невозможенъ. Достаточно будетъ констатировать, что первые меровингскіе короли жаловали свои земли въ полную собственность и мы никогда не видимъ, чтобы они уступали ихъ въ бенефиціальное пользованіе. Главное же, мы никогда не видимъ, чтобы при пожалованіяхъ они ставили условіе военной службы.

Въ итогѣ, если остановиться между царствованіемъ Хлодовеха и серединой VII-го вѣка, и изслѣдовать, какое употребленіе дѣлали короли изъ

[1] *Chlotarii edictum*, c. 16, 17 (*Boretius*, p. 23): «Quidquid parentes nostri anteriores principes vel nos per iustitia visi fuimus concessisse et confirmasse, in omnibus debeat confirmari. Et quae unus de fidelibus ac leudibus, interregno faciente, visus est perdidisse, generaliter absque alico incommodo de rebus sibi iuste debitis praecipimus revertere».

своихъ домэновъ въ продолженіе этихъ ста шестидесяти лѣтъ, надо будетъ признать, что они не пользовались своими землями для установленія общей системы бенефиціевъ. Слѣдовательно, бенефиціальный строй не былъ установленъ тотчасъ послѣ завоеванія; онъ не существовалъ въ первые годы франкской монархіи; онъ не вышелъ въ готовомъ видѣ изъ первоначальныхъ отношеній между королемъ и вѣрными. Онъ не родился отъ мѣропріятій, выходившихъ изъ королевскаго дворца. Главною почвою его не явились королевскія домэны. Происхожденія его мы должны искать въ другой средѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Римскій прекарій.

Подвергнувъ изслѣдованію государственный строй какъ Римской Имперіи, такъ и древней Германіи, мы не нашли ни въ томъ, ни въ другомъ ничего, что носило бы феодальный характеръ. Мы не усмотрѣли ни здѣсь, ни тамъ ничего, что походило бы на фьефъ, или даже на зародышъ его— бенефицій. Надобно произвести такое же изслѣдованіе въ области институтовъ частнаго быта.

Въ этихъ послѣднихъ, дѣйствительно, намъ и удастся уловить начала феодализма. Феодализмъ не родился изъ какой-нибудь политической системы; онъ получилъ начало въ обычаяхъ частной жизни. Онъ отнюдь не создался сразу изъ рѣзкаго пере-

ворота политическихъ порядковъ; онъ выросъ изъ медленно слагавшейся традицiи повседневныхъ жизненныхъ фактовъ. Частная жизнь послужила почвой, въ которой зерна его проростали. Онъ утвердился какъ крѣпкiй устой въ нравахъ частныхъ лицъ и въ ихъ отношенiяхъ задолго до своего появленiя въ формѣ политическаго организма.

Итакъ, корни феодализма слѣдуетъ искать въ частной жизни общества. Если бы германская старина была намъ хорошо извѣстна, если бы древнiе историки и памятники освѣдомляли насъ о правѣ древнихъ Германцевъ и ихъ обычаяхъ съ достаточною точностью, мы нашли бы и у нихъ, быть можетъ, много явленiй и особенностей, способствовавшихъ образованiю бенефицiя и фьефа. Но мы знаемъ, и то поверхностно, лишь нѣкоторыя, самыя общiя черты ихъ быта. Подробности отъ насъ ускользаютъ, а для нашего изслѣдованiя особенно нужны именно мельчайшiя подробности. Практика германскаго землевладѣнiя, въ области какъ собственности, такъ и пользованiя землею, намъ именно совсѣмъ мало извѣстна. Потому то, быть можетъ, и не находимъ мы въ Германiи первыхъ началъ феодализма. Изслѣдованiе, за которое мы беремся, можно произвести лишь относительно римскаго общества, такъ какъ оно—единственное, право и жизнь котораго мы дѣйствительно знаемъ. Мы не станемъ отсюда заключать, что феодализмъ болѣе римскiй, чѣмъ германскiй институтъ; утверждать этого мы никогда не сможемъ съ полной увѣренностью, такъ какъ сравненiе между римскимъ и германскимъ обществомъ не можетъ быть произведено научно. Зародыша феодализма мы ищемъ въ римскомъ обществѣ потому, что единственно его прошлое можемъ мы изучить въ достаточныхъ подробностяхъ, ибо отъ него одного сохранились авторы, законы и, что особенно важно, юридическая литература.

Не хочу вовсе сказать, что мы непремѣнно найдемъ въ римскомъ обществѣ такой институтъ, о которомъ можно было бы утверждать: онъ одинъ былъ началомъ бенефицiя и фьефа. Такого института не существовало. Но мы увидимъ тамъ совокупность обычаевъ и жизненной практики, которые, соединяясь и комбинируясь между собой, могли породить феодальный строй. Мы говорили въ предшествующемъ томѣ нашего труда о правѣ собственности на землю, о правѣ собственности на личность, то-есть, о рабствѣ, затѣмъ наконецъ о положенiи вольноотпущенниковъ, о колонатѣ, о держанiи земли, о земельной единицѣ, называвшейся *villa*. Все это были элементы, которые, хотя и не заключали въ себѣ прямо феодальнаго характера, взятые въ отдѣльности, но которые вошли однако въ составъ феодальнаго порядка. Феодализмъ не могъ бы образоваться безъ нихъ, и они сохранились въ немъ. Надо намъ теперь перенести наши наблюденiя въ сферу другихъ явленiй, которыя присоединились и привились къ выше названнымъ и силою медленнаго процесса переродили въ концѣ концовъ весь общественный организмъ.

I.

О владѣніи и пользованіи по римскому праву.

Выдвинемъ прежде всего концепцію, которая въ данной области съ большою силою господствовала въ сознаніи Римлянъ: именно они строго различали между владѣніемъ и собственностью [1]. Собственность, *dominium*, была правомъ; владѣніе, *possessio*, являлось по преимуществу фактомъ [2]. Собственность представляла законную связь, устанавливавшуюся между землею и человѣкомъ, независимо отъ всякаго матеріальнаго факта, даже независимо отъ воли этого человѣка [3]. Связь эта, стоявшая надъ индивидуальною волею, продолжалась и за предѣлами жизни личности; она передавалась наслѣдственно. Чтобы порвать ее, то-есть, передать другому, надо было прибѣгнуть къ торжественнымъ, строго юридическимъ актамъ. Владѣніе, не будучи правомъ, было фактомъ, съ которымъ считалось право [4]. Не всякій, кто занималъ землю, владѣлъ ею. Рабъ не владѣлъ землею; свободный арендаторъ или колонъ также не владѣли; но можно было, и не занимая земли непосредственно, даже живя очень далеко, владѣть ею при помощи своего раба, своего арендатора, своего уполномоченнаго или колона [1]. Владѣніе, всегда отличавшееся отъ собственности [2], иногда соединялось съ нею, иногда отдѣлялось отъ нея. Одинъ и тотъ же человѣкъ могъ быть и *dominus*, и *possessor* [3]; въ другихъ же случаяхъ на той же землѣ одинъ человѣкъ могъ быть *possessor*, а другой *dominus* [4]. Различіе это особенно глубоко проводилось въ первые два вѣка Имперіи. Собственникомъ земли въ Галліи былъ въ ту пору императоръ, а жители ея являлись лишь ея владѣльцами [5].

[1] *Festus* (verbo *possessio*): «Possessio est usus quidam agri, non ipse ager, nec qui dicit se possidere is suam rem potest dicere» (это слова Элія Галла, юриста временъ Цицерона). См. *Huschke*, Iurisprudentia anteiustiniana, стр. 96—97, 4-е изданіе.

[2] *Iavolenus*, Dig. L, 16, 115: «Quidquid adprehendimus, cuius proprietas ad nos non pertinet, hoc possessionem appellamus».

[3] *Ulpian*. Dig. XLI, 2, 17: «Differentia inter dominium et possessionem haec est quod dominium nihilominus eius manet qui dominus esse non vult».

[4] По крайней мѣрѣ, право преторское. Существовали «interdicta adipiscendae possessionis causa vel retinendae vel recuperandae». См. *Gaius*, IV, 143. Ср. также формулу претора: «Uti nunc possidetis eum fundum... ita possideatis, adversus ea vim fieri veto» (*Festus*, v. Possessio).

[1] *Gaius*, II, 89: «Per eos quos in potestate habemus, adquiritur nobis possessio».—*Ibidem*, IV, 153: «Possidere videmur, non solum si ipsi possidemus, sed etiam si nostro nomine aliquis in possessione sit, qualis est colonus et inquilinus».—*Paul.* Sententiae, V, 2.—*Dig.* XLI, 2, 8, 25; «Et per colonos et per servos nostros possidemus».

[2] *Ulpian*. Dig. XLI, 2, 12: «Nihil commune habet proprietas cum possesione».

[3] Можно «possidere iure dominii» (*Ulpian*. Dig. XXXIX, 2, 15, § 33). Можно также «capere dominium possidendo» (*African*. Dig. XXXIX, 2, 44).

[4] *Dig*. XLI, 2, 19; 23.

[5] *Gaius*, II, 7: «In provinciali solo... dominium populi romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum vel usumfructum habere videmur». — За исключеніемъ Нарбоннской области, всѣ части Галліи были императорскими провинціями. Слова «in solo provinciali» слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ римскаго оффиціальнаго языка: это та земля, которая не была италійскою;

Разстояніе, отдѣлявшее владѣніе отъ собственности, со временемъ уменьшилось. Именно, слѣдуетъ отмѣтить, что на языкѣ императорской эпохи, даже на языкѣ юрисконсультовъ, слово *possessio* употреблялось много разъ для обозначенія помѣстья [1], а слово *possessor*—для обозначенія его собственника [2]. Въ самихъ законахъ наиболѣе крупные земельные собственники назывались *possessores* [3]. Но такіе термины не должны насъ вводить въ заблужденіе. Разница между владѣніемъ и собственностью сохранялась всегда. О ней свидѣтельствуютъ законы императоровъ, даже институціи Юстиніана. Только одна собственность продолжала называться словомъ *dominium* или *proprietas*; она одна обнимала въ одно и то же время и право пользованія, и право завѣщанія, и право отчужде-

это также земля, которая не принадлежала союзнымъ городамъ; такимъ образомъ даже въ Галліи было много территорій, не подходившихъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ говоритъ Гай.

[1] У Ульпіана *possessio*—синонимъ съ *praedium* (*Dig.* XXVII, 9, 5, § 10 и 12), а также съ *patrimonium* (*Dig.* L, 4, 18, § 21).—«Vilici possessorum», (*Dig.* XI, 4, 1).—Ср. *Fragmenta Vaticana*, § 24: «Possessionem venditam esse (законъ Діоклетіана); *Cod. Iust.* IX, 39, 2: «Si in possessione latitant... dominus possessionis».—*Cod. Theod.* VI, 3, 1: «Senatoriae possessiones»—синонимъ «senatorum fundi»; *Cod. Theod.* X, 8, 1: «Si annotationes nostrae contineant possessionem sive domum quam donaverimus integro statu donatum... cum omni iure suo»...

[2] *Dig.* II, 8, 15: «Sciendum est possessores immobilium rerum satisdare non compelli... fundi possesores».

[3] *Ulpian.* Dig. L, 9, 1: «Ordini et possessoribus cuiusque civitatis».—*Cod. Theod.* XI, 7, 12: «Potentiorum possessorum domus» (законъ 383 года); XI, 27, 6: «Honoratorum, decurionum, possessorum».—Ср. «possessores Aquenses» въ надписяхъ изъ Эксъ-ле-Бенъ, *Corpus inscriptionum latinarum*, XII, №№ 2459, 2460, 5874.

нія [1]. Такимъ образомъ, Римская Имперія пріучила людей къ различенію двухъ этихъ понятій—теоретическому и въ то же время практическому, которое и утвердилось навсегда въ ихъ умѣ и въ ихъ привычкахъ: такое различеніе стало впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ главныхъ правовыхъ элементовъ феодальнаго строя.

У Римлянъ самостоятельно практиковалось также право пользованія (*usufructus*), которое они не смѣшивали ни съ собственностью, ни съ владѣніемъ [2]. Юристы опредѣляли его такъ: „Узуфруктъ есть право пользоваться какимъ-нибудь предметомъ (*ius utendi*), который составляетъ собственность другого, и собирать съ него плоды, не уничтожая и не видоизмѣняя сущности предмета" [3]. На основаніи права пользованія, собственность дѣлилась между двумя людьми [4]. Одинъ былъ собственникомъ земли, *dominus fundi*; другой—собственникомъ плодовъ, *dominus fructuum* [5]. Каждый изъ нихъ распоряжался своимъ правомъ съ полной свободою; человѣкъ, которому принадлежало пользованіе, могъ продавать, отдавать въ наемъ, или переда-

[1] Кодексъ Θеодосія, VIII, 18, 1.

[2] *Gaius*, Dig. XLI, 1, 10 (Institut. II, 93): «Usufructuarius non possidet».—*Ulpian.* ibidem, XLIII, 26, 6: «Fructuarius est in praedio, et tamen non possidet».

[3] *Institut.* II, 4: «Usus fructus est ius alienis rebus utendi, fruendi, salva rerum substantia».

[4] *Institut.* ibidem: «Usus fructus a proprietate separationem recipit... Siquis alicui usum fructum legaverit, heres nudam habet proprietatem, legatarius usum fructum».—*Dig.* XXXIII, 2: «De usu et usu fructu».

[5] *Institut.* II, 1, § 36.

вать свое пользованіе третьему [1], и въ то же время собственникъ могъ продавать землю [2]; оба права существовали рядомъ, не затрагивая одно другого. При этомъ пользованіе было правомъ, по существу, временнымъ: оно прекращалось или въ заранѣе опредѣленный срокъ, или со смертью пользующагося [3]. Земля неизбѣжно возвращалась тогда въ руки собственника [4].

Благодаря существованію отдѣльныхъ правъ владѣнія и пользованія, могло случаться, что одно и то же поле принадлежало тремъ людямъ, какъ бы поставленнымъ другъ надъ другомъ: въ рукахъ одного находилась собственность или верховное право распоряженія, *dominium*; у другого было владѣніе, право реальной эксплуатаціи, *do-*

[1] *Ibidem*, II, 5, 1: «Minus iuris in usu est quam in usu fructu. Is qui nudum usum habet... nulli alii ius quod habet aut vendere aut locare aut gratis concedere potest, cum is qui usumfructum habet potest haec omnia facere». — *Ulpian. Dig.* XIX, 2, 9: «Si fructuarius locaverit fundum in quinquennium et decesserit, heredem eius non teneri».—*Fragmenta Vaticana*, 41: «Usumfructum locari et venumdari posse a fructuario nulli dubium est» (законъ Діоклетіана).

[2] *Dig.* XXI, 2, 46: «Fundum, cuius usus fructus Attii erat, mihi vendidisti».

[3] *Paul.* Sententiae, III, 6, 33: «Finitur usus fructus aut morte aut tempore... tempore, quoties ad certum tempus usus fructus legatur, veluti biennio aut triennio».—Иногда пользованіе можно было передавать первымъ наслѣдникамъ, и такимъ образомъ оно устанавливалось для двухъ поколѣній людей; это видно изъ слѣдующихъ словъ Ульпіана въ Дигестахъ, VII, 4, 5: «Nisi forte heredibus legaverit».

[4] *Institut.* II, 4, 4: «Revertitur ad proprietatem et ex eo tempore nudae proprietatis dominus incipit plenam habere in re potestatem».

minium utile; третьему, наконецъ, передавалось держанье, то-есть, обработка [1]. Сосуществованіе этихъ трехъ людей и этихъ трехъ положеній, въ связи съ одною и тою же землей, продолжалось и въ средніе вѣка и образовало одну изъ самыхъ выдающихся особенностей феодальнаго земельнаго порядка.

Римскія владѣніе и пользованіе какъ бы передали нѣкоторые изъ своихъ элементовъ бенефицію послѣдующихъ вѣковъ, но въ бенефиціи вскрываются также другія основныя черты, которыхъ не было ни въ поссессіи, ни въ узуфруктѣ по римскому праву. Чтобы найти эти черты, надо изучить еще одну римскую форму аграрныхъ отношеній, которая пережила Имперію и передалась средневѣковью. Это та практика, которая называлась на латинскомъ языкѣ *possessio precaria*, или однимъ словомъ *precarium*. Конечно, не одинъ только римскій прекарій породилъ меровингскій бенефицій, но онъ сыгралъ въ его образованіи большую роль.

2.

О характерѣ прекарія по трактатамъ юрисконсультовъ.

Прекарій не занимаетъ никакого мѣста въ римскихъ законахъ. Ни двѣнадцать таблицъ, ни другіе законы республики, ни кодексы Θеодосія II

[1] Примѣръ см. въ Дигестахъ, VII, 1, 58: на одной и той же землѣ юрисконсультъ показываетъ человѣка, который былъ ея собственникомъ, женщину, которой принадлежало пользованіе, и колоновъ, которые платили послѣдней pensio.

или Юстиніана не трактуютъ объ этомъ предметѣ. Если вопросъ затрогивается иногда въ кодексахъ, то лишь случайно, въ видѣ намека и всегда въ неблагопріятномъ смыслѣ [1]. Изъ этого перваго замѣчанія мы можемъ заключить, что прекарій не былъ установленъ законодателемъ. Прекарій являлся простою жизненною практикою и притомъ практикою внѣзаконною. Поэтому-то юрисконсульты и говорили, что онъ стоялъ за предѣлами права [2] или входилъ въ область того неопредѣленнаго и неяснаго права, которое Римляне называли *ius gentium* [3]. Итакъ, слѣдовъ прекарія мы можемъ искать, собственно, не въ законахъ, а лишь рядомъ съ ними.

Прекарій возникъ въ римскомъ обществѣ очень давно. О примѣненіи его свидѣтельствуетъ Теренцій, приводя формулу, и, вѣроятно, уже старую, въ которой онъ упоминался [4]. Та же формула содержится въ одной изъ самыхъ древнихъ римскихъ надписей, гдѣ начертанъ одинъ изъ аграрныхъ законовъ [5]. По поводу другого аграр-

[1] Прекарій упоминается только въ одномъ законѣ Александра Севера (Кодексъ Юстиніана, IV, 54, 3), въ двухъ законахъ Діоклетіана (Кодексъ Юстиніана, VIII, 6, 1; VIII, 9, 2), въ одномъ законѣ Валентиніана и Валента (Кодексъ Юстиніана, VII, 39, 2) и въ двухъ законахъ Зенона (Кодексъ Юстиніана, IV, 65, 33; VIII, 4, 10).

[2] *Paul.* Dig. XL, III, 26, 14: «Quia nulla eo nomine iuris civilis actio esset».

[3] *Ulpian.* ibidem, XLIII, 26, 1: «Ex iure gentium descendit».

[4] *Terent.* Eunuchus, 319 (II, 4): «Vel vi vel clam vel precario fac tradas».—Намекъ на прекарій дѣлаетъ уже Плавтъ: «Petere me precario a vobis iussit» (*Plaut.* Amphitr. prolog. v. 21).

[5] Lex vulgo dicta Thoria, въ *Corpus inscriptionum latinarum*, I, 80, c. 18: «Quod neque vi neque clam neque precario possederit».

наго закона на прекарій дѣлаетъ намекъ Цицеронъ въ третьей своей рѣчи противъ Рулла [1]. Правда, что всѣ эти источники изображаютъ прекарій какъ фактъ, не создающій никакого права, даже несовмѣстимый съ правомъ; но въ то же время они указываютъ, что практика прекарія существовала при республикѣ [2]. Онъ былъ даже настолько распространенъ и давалъ поводъ къ такимъ многочисленнымъ спорамъ и тяжбамъ, что суду приходилось считаться и съ нимъ, и для него сложилась даже особая юридическая формула [3]. Она должна была не охранять его, а, напротивъ, указывать, что онъ не былъ законнымъ актомъ [4]. Да и въ самомъ дѣлѣ, терминъ *precarium* или выраженіе *precario possidere* обладаютъ лишь отрицательнымъ значеніемъ; они вовсе не были опредѣленіемъ какого-нибудь права, а констатировали только отсутствіе права и спеціально невозможность пріобрѣтать его въ силу давности.

Но если законодатели могли оставлять прека-

[1] *Cicero*, in Rullum, III, 3: «Etiamne si clam, si precario venit in possessionem?»

[2] Прекарій случайно отмѣченъ еще Титомъ Ливіемъ, III, 47 и VIII, 35. — Сенека даетъ почти точное его опредѣленіе, когда говоритъ: «Sapiens corpus suum seque ipsum inter precaria numerat, vivitque ut commodatus sibi et reposcentibus redditurus» (*Seneca*, De tranquillitate, 11).

[3] *Dig.* XLIII, 17, 1: «Ait praetor: Uti eas aedes nec vi nec clam nec precario alter ab altero possidetis, quominus ita possideatis vim fieri veto».—Ср. *Gai.* IV, 149—150; *Aelius Gallus* (Huschke, 4 Aufl.) p. 96—97.

[4] Прекарій рѣдко указывается въ извѣстныхъ донынѣ надписяхъ. См. *Corpus inscriptionum latinarum*, III, 3626; X, 1285, 4480, 5904.

рій въ сторонѣ, все же онъ былъ слишкомъ распространенъ въ жизни, чтобы имъ не занялись юрисконсульты. Современникъ Цицерона Элій Галлъ, современникъ Августа Антистій Лабеонъ и современникъ Тиберія Массурій Сабинъ обратили вниманіе на этотъ обычай [1]. Позднѣе о немъ говорили въ своихъ трудахъ Сцевола, Гай, Паулъ и Ульпіанъ. Отсюда видно, что если онъ занималъ немного мѣста въ правѣ, то занималъ его много на практикѣ. А потому мы находимъ въ Дигестахъ цѣлую главу о прекаріи, которая содержитъ въ себѣ лишь небольшую часть отвѣтовъ, какіе давали объ этомъ щекотливомъ предметѣ свѣдующіе люди (*prudentes*), спеціалисты-правовѣды, къ совѣту которыхъ безпрестанно обращались по этому поводу.

Главнымъ образомъ на основаніи такихъ отвѣтовъ юрисконсультовъ мы и будемъ изслѣдовать, что такое былъ прекарій въ теоріи и по существу. Затѣмъ, путемъ наблюденія надъ нѣкоторыми фактами реальной исторіи, мы постараемся выяснить, чѣмъ онъ являлся въ дѣйствительности [2].

Ульпіанъ опредѣляетъ его такъ: „Прекаріемъ называется то, что уступается человѣку по его

[1] См. *Aelius Gallus*, Fragmenta, 12 (у *Huschke*, Iurisprudentia anteiustiniana, изд. 4-е, стр. 96); Лабеонъ цитируется по поводу прекарія въ Дигестахъ, XLIII, 26, 8, § 7 и 8, и 22, § 1; Сабинъ также упоминается въ Дигестахъ, XLIII, 26, 8, § 1.

[2] Прекарій могъ примѣняться къ движимымъ предметамъ (*Gaius*, IV, 90) и къ лицамъ рабскаго состоянія (*Dig.* IX, 4, 22); но мы будемъ его изучать лишь въ его отношеніяхъ къ землѣ.

просьбѣ и лишь для пользованія“ [1]. Довольно ясно обнаруживается, что *precarium* происходитъ отъ *preces*. Просьба была необходимымъ элементомъ прекарія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Ульпіанъ: „Человѣкъ владѣетъ прекаріемъ по той единственно причинѣ, что обращался о томъ съ просьбою“ [2]. Безъ *rogatio*, то-есть, безъ личной просьбы никогда не было прекарія [3]. О такой просьбѣ безпрестанно напоминаютъ юрисконсульты. Они много разъ называютъ прекарный актъ — *precarii rogatio*. Рядомъ съ прекаріемъ они никогда не употребляютъ такого термина, кото-

[1] *Ulpian. Dig.* XLIII, 26, 1: «Precarium est quod precibus petenti utendum conceditur».

[2] *Dig.* XLIII, 26, 2, § 3: «Ex hac solummodo causa quod preces adhibuit».—Нѣкоторые утверждали, что просьба не была необходима и приводили слѣдующія слова Ульпіана: «Fieri potest ut quis non rogaverit, sed habeat precario» (XLIII, 26, 4, § 2); но это урѣзанная цитата; надо всмотрѣться въ контекстъ.—Ульпіанъ здѣсь прибавляетъ: «Utputa servus meus rogavit, mihi adquisivit precarium, vel quis alius qui meo iuri subiectus est». — Слѣдовательно, Ульпіанъ хочетъ сказать, что были случаи, когда человѣкъ, получившій прекарное пожалованіе, обращался съ просьбой не самъ, а вмѣсто себя поручалъ обращаться съ нею своему рабу, арендатору или приказчику. Надо прочитать весь отрывокъ Ульпіана: на тринадцати строкахъ онъ содержитъ слово *rogare* девять разъ, и совершенно очевидно, что *precarium* никогда не обходился безъ *rogatio*.

[3] *Paul.* Sententiae, V, 6, 12: «Heres eius qui precariam possessionem tenebat, si in ea manserit, magis dicendum est clam videri possidere; *nullae enim preces eius videntur adhibitae*».—Исидоръ Севильскій, пользовавшійся, повидимому, древними источниками, опредѣляетъ прекарій такъ: «Precarium est dum prece rogatus... permittit in possessione fundi morari... et dictum precarium quia prece aditur» (*Isidor.* Origines, V, 25).

рый означалъ бы—заключать договоръ, покупать, продавать, дарить или завѣщать. Изъ двухъ людей, между которыми слагался прекарный актъ, одинъ назывался *rogatus*, другой обозначался словами—*qui rogavit*.

Прекарій никогда не былъ договоромъ, контрактомъ. Онъ не заключался между двумя равными другъ другу людьми, которые соглашались бы какъ равные. Онъ устанавливался между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ являлся просителемъ, почти умоляющимъ, а другой отвѣчалъ на эту просьбу отказомъ или согласіемъ [1].

Просьба и отвѣтъ могли производиться устно или письменно. Они могли даже совершаться при посредничествѣ третьихъ лицъ [2]. Юрисконсульты

[1] Приводятъ, однако, выдержку изъ Ульпіана, гдѣ въ перечисленіи различныхъ контрактовъ упоминается и прекарій. Дигесты, L, 17, 23: «Contractus quidam dolum dumtaxat recipiunt, quidam et dolum et culpam; dolum tantum, depositum et precarium; dolum et culpam, mandatum, commodatum, venditum, pignori acceptum, locatum».—Такое уклоненіе поразило комментаторовъ. Но нѣтъ нужды говорить, что Ульпіанъ хотѣлъ здѣсь сказать о квази-контрактахъ. Онъ объясняетъ въ другомъ, болѣе ясномъ мѣстѣ (Дигесты, XLIII, 26, 8, § 3), почему понятіе *dolus* примѣняется къ прекарію; и въ этомъ мѣстѣ онъ не говоритъ, что прекарій—договоръ; онъ утверждаетъ, наоборотъ, что прекарій—противоположность договора. Употребленіе слова *contractus* примѣнительно къ прекарію въ Дигестахъ (см. L, 17, 23), представляетъ единственный такого рода примѣръ: мы встрѣчаемъ этотъ фактъ въ чисто искусственномъ перечисленіи, такъ что онъ не можетъ пересилить совокупность гораздо болѣе ясныхъ текстовъ изъ всей главы *De precario* въ Дигестахъ.

[2] *Gaius*, Dig. XLIII, 26, 9: «Precaria possessio consisti (въ болонскихъ рукописяхъ—constitui) potest vel inter praesentes vel inter absentes, veluti per epistulam vel per nuntium».—*Ulpianus*, ibidem, 4: «Utputa si servus meus rogavit, vel quis alius qui meo iuri subiectus est».

нѣсколько разъ указываютъ случаи, когда просьба излагалась письменно [1]. Можно предположить, что на обычномъ языкѣ такая грамота называлась *epistola precatoria*, хотя въ памятникахъ выраженіе это встрѣчается лишь начиная съ VI-го вѣка [2]. Быть можетъ, иногда составляли двойную грамоту; вторая должна была заключать объявленіе воли дающаго, и эта вторая грамота могла называться въ просторѣчіи *epistola praestaria*; это выраженіе мы дѣйствительно встрѣтимъ, но только позднѣе [3]. Замѣтимъ, впрочемъ, что просьба въ какой бы то ни было формѣ, была обязательна, формальный же и опредѣленный отвѣтъ обязателенъ не былъ. Юрисконсультъ Паулъ говоритъ, что собственникъ не долженъ былъ давать внѣшняго знака своего пожалованія [4]. Онъ могъ довольствоваться

[1] *Gaius*, ibidem: «Per epistolam». — *Paulus*, Sententitae, V, 6, 11: «Qui per epistolam sibi concedi postulavit».

[2] Первый примѣръ, насколько намъ извѣстно, даетъ равенскій папирусъ; см. *Marini*, Papiri diplomatici, № 138, p. 205; но и эта *epistola precatoria* относится, повидимому, только къ прекарному займу денегъ. Въ Галліи это выраженіе становится распространеннымъ лишь въ формулахъ.

[3] Мы натолкнемся на эти выраженія въ VI вѣкѣ; нельзя, конечно, утверждать, что они были въ употребленіи уже въ III-мъ Слово *praestare* употреблялось для дарованія прекарія (*Ulpian*. Dig. XLIII, 26, 8).—Отъ времени Имперіи до насъ не дошло ни одной *epistola praestaria*; есть аналогичная грамота, предоставляющая прекарную уступку узуфрукта, въ отрывкѣ изъ Сцеволы (*Dig*. XXXIX, 5, 32).

[4] *Paulus*, Sententiae, V, 6, 11: «Precario possidere videtur non tantum qui per epistolam vel quacumque alia ratione hoc sibi con-

молчаливымъ согласіемъ, особенно если хотѣлъ избѣжать всего, что могло бы такъ или иначе его связать.

Во всякомъ случаѣ, результатомъ просьбы одного и отвѣта или молчаливаго согласія другого оказывался актъ, который не могъ обладать характеромъ настоящаго обязательства и по существу являлся лишь милостью. Ульпіанъ называетъ его родомъ дара [1]. Паулъ дѣлаетъ замѣчаніе, что онъ больше походитъ на пожалованіе или благодѣяніе, чѣмъ на договоръ [2]. Возможно, что слова—прекарій и даръ употреблялись въ ходячемъ языкѣ одинаково: одинъ и тотъ же актъ былъ прекаріемъ, если на него смотрѣть со стороны того, кто просилъ, и даромъ, если смотрѣть со стороны того, кто давалъ.

Послѣдствія прекарія не походили однако на послѣдствія пожалованія. Второе было актомъ гражданскаго права, и оно давало полную собственность. А такъ какъ первый стоялъ внѣ закона, то при его посредствѣ собственность никоимъ образомъ не могла передаваться. Единственнымъ дѣйствіемъ прекарія было пользованіе и владѣніе [3]. Пожалованіе дѣлалось навсегда, а вѣчнаго прекарія нельзя было бы себѣ и представить.

cedi postulavit, sed et is qui, nullo voluntatis indicio, patienti tamen domino, possidet».

[1] *Ulpian.* Dig. XLIII, 26, 1: «Quod genus liberalitatis ex iure gentium descendit».

[2] *Paulus,* Dig. XLIII, 26, 14: «Magis ad donationes et beneficii causam quam ad negotii contracti spectat precarii conditio».

[3] *Ulpian.* Dig. XLIII. 26, 6, 4: «Precarium possessionis rogatur, non proprietatis».

Въ самомъ дѣлѣ, прекарій по необходимости прекращался со смертью той или другой изъ двухъ сторонъ. Таково было обязательное послѣдствіе того принципа, по которому прекарій не могъ происходить изъ другого источника кромѣ просьбы одного человѣка и милости другого. Если получившій прекарное пожалованіе умиралъ, наслѣдникъ его не могъ и думать о сохраненіи имущества, ибо не онъ обращался съ просьбою о его полученіи [1]. Если умиралъ даровавшій прекарное пожалованіе, наслѣдникъ его не обязанъ былъ продолжать благодѣяніе, виновникомъ котораго онъ не былъ, и просьба о которомъ не была къ нему обращена [2].

[1] Эту причину и приводитъ юрисконсультъ Паулъ (*Sententiae,* 5, 6, 12): «Nullae enim preces eius videntur adhibitae».

[2] *Pompon.* Dig. XIX, 2, 4: «Precarii rogatio ita facta, quoad is qui eam dedisset, vellet, morte eius tollitur». Ср. съ этимъ слова Ульпіана, *Dig.* XLIII, 26, 1: «Quamdiu is qui concessit patitur».—Есть тексты, указывающіе, какъ кажется съ перваго взгляда, противоположное.—*Dig.* XLIII, 26, 8, § 1: «Quod a Titio precario quis rogavit, id etiam ab herede eius precario habere videtur... etiamsi ignoret heredem»; *ibidem,* 12: «Precario rogatio et ad heredem eius qui concessit transit». Но въ этихъ двухъ отрывкахъ юрисконсульты хотятъ только сказать, что по отношенію къ получившему прекарное пожалованіе наслѣдникъ жалователя является собственникомъ, и къ нему онъ долженъ былъ обращаться съ просьбою о продленіи милости. Они не думаютъ утверждать, что наслѣдникъ обязанъ возобновить прекарій; они объясняютъ только, что если онъ не отберетъ имѣнія, прекарій будетъ продолжаться отъ его имени. Ср. то, что говорится о случаѣ продажи собственности, отданной въ прекарное пользованіе (*Dig.* XLIII, 26, 8, § 2): «Videamus si a me precario rogaveris et ego eam rem alienavero, an precarium duret re ad alium translata; magis est ut, si ille non revocet, posse interdicere quasi ab illo precario habeas,

Больше того, прекарій можно было отмѣнить во всякое время. Онъ не былъ даже пожизненнымъ. Это опять же вытекало изъ самой его сущности. „Прекарій есть то, что дарується по просьбѣ человѣка съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался уступленнымъ, пока разрѣшаетъ жалователь", говоритъ Ульпіанъ [1]. Юрисконсультъ прибавляетъ: „Дарующій прекарное пожалованіе даетъ его съ тѣмъ только условіемъ, что можетъ взять назадъ въ тотъ день, когда захочетъ прервать прекарій" [2]. Это происходитъ отъ того, что прекарій былъ лишь актомъ милости [3]. А римскій умъ не постигалъ, чтобы человѣкъ могъ быть стѣсненъ собственною милостью. Если человѣкомъ не двигалъ иной мотивъ кромѣ доброты, то не допускалось, чтобы онъ былъ связанъ ею.

Ни просьба одного, ни одолженіе другого не могли образовать правовой связи, *vinculum iuris*,

non quasi a me; et si passus est aliquo tempore a se precario habere, recte interdicet quasi a se precario habeas». — Ни покупатель, ни наслѣдникъ не обязаны признавать прекарія; но если они возобновляютъ его, или если они не выказываютъ, по крайней мѣрѣ, желанія взять его назадъ, то пользующійся прекаріемъ будетъ держать его отъ нихъ: вотъ смыслъ того, что говорятъ юрисконсульты. Ср. отрывки 5 и 6. — Въ сущности смерть жалователя уничтожаетъ прекарій, и въ этомъ отношеніи прекарій отличается отъ пользованія, ибо «licet dominus proprietatis rebus humanis eximatur, ius utendi fruendi non tollitur» (*Fragmenta Vaticana*, 42).

[1] *Ulpian.* Dig. XLIII, 26, 1: «Utendum tamdiu quamdiu is qui concessit patitur».

[2] *Ibidem*: «Qui precario concedit, sic dat quasi tunc recepturus cum sibi libuerit precarium solvere».

[3] *Ulpian.* Dig. XLIII, 26, 8, § 3: «Cum totum ex liberalitate descendat eius qui precario concessit».

между этими двумя людьми. Такимъ образомъ, дѣйствіе милости дающаго длилось лишь до тѣхъ поръ, пока длилось его желаніе быть добрымъ. Если мѣнялось желаніе [1], по одному этому прекращалось пожалованіе, и пожалованный предметъ тотчасъ же возвращался въ его руки [2], „ибо справедливо, говоритъ еще Ульпіанъ, чтобы ты пользовался моимъ даромъ до тѣхъ лишь поръ, пока я того захочу, и чтобы даръ этотъ былъ взятъ назадъ, какъ только воля моя измѣнится" [3]. „Оказывающій благодѣяніе одинъ является судьею продолжительности, которую онъ хочетъ назначить своему благодѣянію" [4].

Могло случиться, что грамота пожалованія заранѣе указывала срокъ прекарію [5]. Его можно было назначить на годъ, на пять лѣтъ или даже на болѣе долгій срокъ [6]. Но условіе это не служило гарантіей для пользующагося прекаріемъ и

[1] «Mutata voluntate», *Dig.* XLIII, 26, 2, § 2.

[2] *Ulpian.* XLIII, 26, 2: «Precarium revocare volenti competit».

[3] *Ulpian.* XLIII, 26, 2: «Est enim natura aequum tamdiu te liberalitate mea uti quamdiu ego velim, et ut possim revocare cum mutavero voluntatem». — *Pompon.* Dig. XLIII, 26, 15: «Et habet summam aequitatem ut eatenus quisque nostro utatur quatenus ei tribuere velimus».

[4] *Celsus*, Dig. L, 17, 191: «Quem modum esse beneficii sui vellet, ipsius aestimationem esse».

[5] *Ulpian.* Dig. XLIII, 26, 4: «Qui precario ad tempus rogavit». — *Pompon.* ibidem, 5: «Si manente adhuc precario, tu in ulterius tempus rogasti, prorogatur precarium». — *Celsus*, ibidem, 12: «Cum precarium aliquid datur, si convenit ut in kalendas Iulias precario possideat».

[6] *Ulpian.* ibidem, 8, § 7: «Nonnunquam in longum tempus precarium conceditur».

не связывало дающаго. Могъ ли прекаристъ воспользоваться этимъ условіемъ, чтобы воспрепятствовать собственнику отобрать данное имущество до указаннаго срока? Такой вопросъ былъ предложенъ одному юрисконсульту. „Никоимъ образомъ, отвѣчалъ тотъ: подобное условіе не имѣетъ никакой силы; оно не можетъ привести къ тому, чтобы ты владѣлъ вещью другого съ тѣхъ поръ, какъ собственникъ больше не хочетъ, чтобы ты ею владѣлъ“ [1].

Итакъ, прекарій не имѣлъ ничего общаго съ настоящимъ пожалованіемъ или даромъ [2]. Дававшій всегда оставался настоящимъ и единственнымъ собственникомъ уступаемаго имущества. Его милость или благодѣяніе не устраняли и не уменьшали его права. Земля ни одной минуты не переставала ему принадлежать. Онъ допускалъ, чтобы ее занималъ другой, но этотъ добровольный отказъ отъ владѣнія оставлялъ собственность неприкосновенною [3]. Это настолько справедливо, что лицо, предоставлявшее прекарій, сохраняло право продавать, отчуждать и завѣщать уступленную землю [4]. И наоборотъ, владѣлецъ прекарія

[1] *Celsus*, Dig XLIII, 26, 12: «Cum precario aliquid datur, si convenit ut in kalendas Iulias precario possideat, numquid exceptione adiuvandus est ne ante ei possessio auferatur? Sed nulla vis est eius conventionis ut rem alienam domino invito possidere liceat».

[2] *Ulpian*. Dig., XLIII, 26, 1: «Distat a donatione eo quod qui donat sic dat ne recipiat, at qui precario concedit sic dat quasi recepturus... Et est simile commodato».

[3] *Ulpian*. ibidem, L, 17, 119: «Non alienat qui dumtaxat omittit possessionem».

[4] *Ulpian*. ibidem, XLIII, 26, 8, § 2.

не могъ ни продавать, ни завѣщать, или какимъ-нибудь инымъ способомъ передавать его. Онъ никогда не могъ сказать, что земля принадлежала ему [1]. Онъ говорилъ только, что держалъ по прекарному разрѣшенію, *habebat precario* [2].

Съ другой стороны, прекарій опять же существенно отличался отъ найма. Въ одномъ отношеніи онъ былъ какъ бы выше его: онъ давалъ нѣчто большее, чѣмъ простое право пользованія; прекаристу фактически принадлежало настоящее владѣніе. Тексты римскаго права не оставляютъ въ этомъ смыслѣ никакого сомнѣнія: изъ нихъ ясно видно, что при наймѣ владѣніе не принадлежало арендатору [3]; и наоборотъ, получавшій землю въ видѣ прекарія считался ея владѣльцемъ [4],

[1] *Gaius*, Dig. VI, 2, 13: «Neque is qui precario rogavit eo animo nanciscitur possessionem ut credat se dominum esse».

[2] Отмѣтимъ выраженіе «Titius a me habet precario» (XLIII, 26, 8). -Можно замѣтить, что юрисконсульты безпрестанно сравниваютъ прекарное владѣніе съ обманнымъ или насильственнымъ владѣніемъ. См. формулу претора: «quod nec vi nec clam nec precario».—*Ulpian*. XLIII, 26, 2: «Ait praetor: Quod precario habes, aut dolo malo fecisti ut desineres habere». Также Паулъ (*Paulus*, Sententiae, V, 6, 12) сравниваетъ владѣющаго по прекарію съ владѣющимъ *clam*.

[3] *Ulpian*. Dig. XLIII, 26, 6: «Fructuarius et colonus sunt in praedio, et tamen non possident».—См. Дигесты, XLI, 2, 37 и 40; XLI, 3, 33.

[4] *Ulpian*. ibidem, XLIII, 26, 4, § 1: «Meminisse nos oportet cum qui precario habet etiam possidere».—*Gaius*, ibidem, 9: «Precaria possessio».—*Paulus*, Sententiae, V, 6, 12: «Qui precariam possessionem tenebat».—*Pompon*. Dig. ibidem, 17: «Qui precario fundum possidet, is interdicto Uti possidetis uti potest».—*Ibidem*, 15: «Eum qui precario rogaverit ut sibi possidere liceat, nancisci possessionem non est dubium».—Наконецъ, Ульпіанъ даетъ замѣтить, что

и за нимъ были обезпечены связанныя съ этимъ правомъ юридическія преимущества [1].

Итакъ, прекаристъ стоялъ нѣкоторымъ образомъ выше арендатора, но въ другомъ отношеніи онъ оказывался ниже его. Наемъ всегда производился при посредствѣ настоящаго контракта, и въ силу этого контракта обѣ стороны взаимно обязывались одна передъ другою [2]. Отсюда слѣдовало, что арендаторъ обладалъ опредѣленными правами даже по отношенію къ собственнику и могъ искать противъ него на судѣ. При прекаріи же не было контракта и никакого рода обязательства вообще. А потому прекаристъ не былъ вооруженъ никакимъ правомъ по отношенію къ жалователю. Единственнымъ его правомъ было то, что „по просьбѣ своей онъ получилъ благодѣяніе", какъ говоритъ юрисконсультъ [3]; въ глазахъ

собственникъ, прекращая прекарій, снова вступаетъ во владѣніе, «recipit possessionem» (XLI, 2, 13, § 7). – Иногда могло случаться, что въ видѣ прекарія просилась лишь уступка пользованія (*usufructus*); тогда въ немъ не заключалось владѣнія. См. *Dig.* XLIII, 26, 6; другой примѣръ, *ibidem*, 3.

[1] Разница между прекаристомъ и арендаторомъ ясно выражена въ слѣдующей выдержкѣ изъ Яволена (XLI, 2, 21): «Qui alienam rem precario rogavit, si eamdem a domino conduxit, possessio ad dominum revertitur».—Ульпіанъ (ibidem, XLI, 2, 10) показываетъ, что арендаторъ могъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы перемѣнить аренду на прекарій и обратно. См. *Iulian.* ibidem, XLI, 3, 33, § 6.

[2] *Ulpian.* Dig. L, 16, 19: «Contractum autem ultro citroque obligationem quod Graeci συνάλλαγμα vocant, veluti locationem-conductionem».

[3] *Ulpian.* ibidem, XLIII, 26, 2: «Ex hoc solummodo causa quod preces adhibuit et impetravit».

же закона это не было юридическимъ полномочіемъ, а потому гражданское право и не давало ему на судѣ никакого значенія [1].

Правда, за отсутствіемъ въ его пользу защиты въ гражданскомъ правѣ, ему оказывалъ нѣкоторое покровительство преторскій судъ; онъ охранялъ прекариста такъ называемымъ интердиктомъ [2]; но надо хорошо понимать, что, охраняя его отъ всякаго третьяго лица, которое пожелало бы оспаривать его владѣніе, этотъ судъ никогда не защищалъ его отъ собственника, если тотъ хотѣлъ отобрать назадъ свое имѣніе [3]. „Интердиктъ *uti possidetis* давался ему противъ всѣхъ кромѣ жалователя" [4], говоритъ юрисконсультъ. Напрасно сталъ бы онъ являться къ судьѣ; „его прекарное владѣніе не имѣло никакого значенія на судѣ" [5]. Напрасно даже сталъ бы онъ предъявлять грамоту прекарія; подобная грамота не давала ему никакого права по отношенію къ собственнику. Судьѣ оставалось только произнести

[1] *Paul.* Dig. XLIII, 26, 14: «Nulla eo nomine (precarii) iuris civilis actio».

[2] *Paul.* ibidem, XLIII, 26, 14: «Interdictum de precariis introductum est».

[3] *Gaius*, IV, 154: «Qui precario possidet impune deicitur».—*Paul.* Sententiae, V, 6, 7: «Qui precario possidet ab adversario impune deicitur».

[4] *Pompon.* Dig. XLIII, 26, 17: «Qui precario fundum possidet, is interdicto Uti possidetis adversus omnes, *praeter eum quem rogavit*, uti potest».

[5] *Ulpian.* Dig. X, 3, 7, § 4: «Hoc iudicium locum non habet, si precario possideant... Precaria (possessio) iusta quidem, sed quae non pergat ad iudicii vigorem».

формулу: „Ты долженъ вернуть этому человѣку то, что держишь отъ него въ видѣ прекарія“ [1].

При наймѣ арендаторъ былъ увѣренъ въ томъ, что его не тронутъ до указаннаго срока; умирая, онъ передавалъ договоръ своему наслѣднику. Прекаристу передавать было нечего; его владѣніе никогда не было за нимъ обезпечено; его можно было взять назадъ, „лишь только измѣнялась воля жалователя“. Единственнымъ закономъ въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ была воля благодѣтеля.

Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей римскаго прекарія было то, что уступка его должна была быть даровою. Формально юрисконсульты не высказывали этого правила, котораго мы не находимъ, конечно, и ни въ одномъ законѣ. Но такъ какъ въ многочисленныхъ выдержкахъ изъ юрисконсультовъ никогда нѣтъ упоминанія о цѣнѣ, то мы вправѣ думать, что никакая плата никогда и не указывалась въ прекарныхъ актахъ, и безплатность являлась для нихъ неизмѣннымъ правиломъ. Причина этого ясна. Если бы назначалась какая-нибудь плата, одно это уже отняло бы у прекарія характеръ чистой милости и превратило бы его въ родъ договора [2]. А именно этого и требовалось здѣсь избѣжать.

[1] *Dig.* XLIII, 26, 2: «Ait praetor: Quod precario ab illo habes, id illi restituas».—Прекаристъ не долженъ былъ даже дожидаться рѣшенія судьи: «Alienam possessionem precario detinentes, si non eam dominis recuperare volentibus restituerint, sed litem usque ad definitivam sententiam expectaverint... ad similitudinem invasoris alienae possessionis». Это - законъ 484 года въ Кодексѣ Юстиніана, IV, 63, 33.

[2] Въ силу слѣдующаго принципа: «Locatio-conductio intelligitur si merces constituta est» (*Institut.* III, 24).—Ср. *Gaius*, III, 142.

Однако, такая безвозмездность не должна вводить насъ въ заблужденіе. Она являлась вообще болѣе кажущеюся, чѣмъ дѣйствительною. У жалователя всегда были косвенныя средства заставить оплатить свое благодѣяніе. Не будемъ представлять себѣ прекарій актомъ чистаго великодушія; чаще всего онъ являлся настоящею сдѣлкою и болѣе къ выгодѣ собственника, чѣмъ прекариста. Собственникъ могъ ставить такія условія, какія хотѣлъ. Мы не видимъ, что мѣшало бы ему требовать, напримѣръ, ежегоднаго оброка. Правда, онъ никогда не прибѣгалъ къ суду, чтобы заставить его платить, но платежъ достаточно обезпечивался его правомъ въ каждую минуту изгнать прекариста. Если онъ не требовалъ денежнаго оброка, то могъ установить другой. За свое благодѣяніе онъ могъ претендовать на реальную благодарность, на уваженіе, которое выражалось бы въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ; онъ могъ разсчитывать на то, что въ языкѣ Римлянъ называлось *obsequium*, то-есть, на совокупность реальныхъ услугъ и повиновенія. Никакой формальный договоръ, никакой, по крайней мѣрѣ, признававшійся судомъ договоръ не указывалъ прекаристу его обязанностей; но пожалованіе его могло быть въ каждое мгновеніе взято назадъ. Не нужно было ничего большаго. Само собою разумѣлось, что если онъ желалъ сохранить благодѣяніе, то долженъ былъ продолжать заслуживать его. Всѣми своими силами и всѣми средствами онъ долженъ былъ ста-

раться, „чтобы воля не измѣнялась“. Обязательства его не были такого же свойства, какъ установленныя контрактомъ; они были неопредѣленны и вслѣдствіе этого неограниченны; его не связывали и не охраняли точныя условія. Онъ находился во власти своего благодѣтеля. Такъ какъ онъ не имѣлъ иного основанія для владѣнія кромѣ той просьбы, съ которою обращался къ собственнику, то по отношенію къ послѣднему онъ оставался въ постоянномъ положеніи просителя. Чтобы земля не оказалась отъ него отобрана, нужно было, чтобы просьба его ежедневно какъ бы молчаливо возобновлялась, и чтобы ежедневно оказывалось ему благодѣяніе. Итакъ, безплатность прекарнаго владѣнія являлась въ большинствѣ случаевъ совершеннымъ ущербомъ для прекариста, никогда не знавшаго, гдѣ кончались его обязанности, и постоянно чувствовавшаго себя въ зависимости отъ воли давшаго ему землю.

Намъ придется позже припомнить указанныя здѣсь отличительныя черты римскаго прекарія.— 1) Онъ былъ актомъ, не входящимъ въ право и примѣнявшимся лишь на практикѣ. 2) Онъ устанавливался не путемъ контракта, а путемъ объявленія просьбы одного человѣка и благосклонной воли другого. 3) Онъ не только не былъ наслѣдственнымъ или отчуждаемымъ, но не являлся даже пожизненнымъ и могъ быть отмѣняемъ во всякое время. 4) По формѣ онъ былъ даровымъ, но могъ соединять съ собою разнаго рода обязательства. 5) Прекаристъ, который не былъ защищенъ ни закономъ, ни контрактомъ, имѣвшимъ силу на судѣ,

оказывался тѣмъ самымъ особенно подчиненнымъ волѣ жалователя, и прекарій устанавливалъ такимъ образомъ личную зависимость одного человѣка отъ другого [1].

3.

Вліяніе прекарія въ римской исторіи.—Сходство между строемъ римской республики и феодализмомъ.

Практика прекарія оказала большое вліяніе на исторію Рима. Позволительно представить здѣсь рядъ фактовъ изъ этой исторіи. Они окажутся не безъ нѣкотораго сходства съ тѣми, появленіе которыхъ мы увидимъ въ средніе вѣка. Такое сравненіе покажетъ намъ, насколько соціальныя и политическія учрежденія зависятъ отъ способовъ владѣнія землею.

Прекарій встрѣчается съ начала Рима и до конца Имперіи. Онъ появляется въ различныхъ формахъ, но всегда производитъ одно и то же дѣйствіе, выражающееся въ подчиненіи прекариста собственнику. Онъ устанавливаетъ между этими

[1] Терминъ *beneficium* рѣдко примѣнялся юрисконсультами къ прекарію; они употребляли здѣсь предпочтительно слово *largitas* или *liberalitas*. Но Паулъ замѣчаетъ, что прекарій относится «ad beneficii causam» (*Dig*. XLIII, 26, 14), и для обозначенія этого рода актовъ онъ употребляетъ еще въ другомъ мѣстѣ термины «beneficium et nuda voluntas» (*ibidem*, XIII, 6, 17, § 3).—Въ другомъ мѣстѣ (*Sententiae*, V, 6, 10), онъ еще болѣе ясно показываетъ связь между понятіями *beneficium* и *precarium*: «Quod precario habet, restituat... Quod ex beneficio suo unusquisque iniuriam pati non debet».

двумя людьми связь зависимости, которая обозначалась древнимъ словомъ—кліентела, а въ послѣдующіе вѣка называлась другими словами.

Историки Рима констатируютъ существованіе прекарія съ перваго же вѣка существованія города. Они удостовѣряютъ, что собственность земли принадлежала сначала лишь главарямъ патриціанскихъ *gentes*. Послѣдніе раздавали участки своимъ кліентамъ, получавшимъ при этомъ лишь прекарное, во всякомъ случаѣ отбираемое владѣніе. Эти правила послужили основаніемъ для господства патриціата и сдѣлались органомъ могучей связи, которая соединяла кліента съ патрономъ [1]. Это и заставило Савиньи сказать, что съ древнѣйшей

[1] *Savigny*, De la possession, № 42, франц. перев. *Béving*, стр. 408: «Земли эти всегда давались (кліентамъ) подъ условіемъ права отобранія ихъ по волѣ дающаго; обязательство въ собственномъ смыслѣ не было необходимо вслѣдствіе узъ, неизбѣжно связывавшихъ кліента съ патрономъ».—*Mommsen*, Histoire romaine, trad. Alexandre, I, 257—258: «Patres распредѣляютъ свои поля между своими земледѣльцами; они дѣлятъ ихъ на участки для обработки подвластными имъ людьми... Это владѣніе существенно походило на ту форму, которая называлась позже precarium. Получившій сохранялъ его до тѣхъ лишь поръ, пока было угодно собственнику; не существовало законнаго способа сохранить владѣніе вопреки его волѣ; прекаристъ могъ быть изгнанъ каждую минуту».—Теорія эта, которую я считаю вѣрною, основывается, съ одной стороны, на двухъ текстахъ—одномъ Варрона (De lingua latina, V, 55), и другомъ—Діонисія Галикарнасскаго (II, 7), которые говорятъ, что земля была раздѣлена между тридцатью куріями; это означаетъ, что патриціи, бывшіе единственными активными членами курій, являлись одни ея собственниками; съ другой стороны, теорія основывается на текстѣ Феста, напоминающемъ объ обычаѣ patres распредѣлять свои земли между бѣдняками: «agrorum partes attribuebant tenuioribus».

эпохи „*precarium* устанавливалъ между кліентомъ и патрономъ связь, подобную узамъ вассалитета“ [1].

Перенеся вниманіе въ III-й вѣкъ исторіи Рима, къ первымъ годамъ республики, мы найдемъ и тамъ прекарій. Слова этого нѣтъ, правда, у Тита Ливія, но прекарій обнаруживается въ одномъ разсказанномъ имъ случаѣ. Онъ ставитъ передъ нашими глазами центуріона, „впавшаго въ долги и лишеннаго за долги отцовскаго поля“ [2]. Если внимательный читатель остановится на этихъ словахъ, его возьметъ сначала сомнѣніе. Залогъ имущества (ипотека) и отобраніе его за долги не существовали въ древнѣйшемъ правѣ Рима [3]. Значитъ Титъ Ливій ошибся или сочинилъ драматическій разсказъ по произволу? Нѣтъ, онъ передаетъ фактъ, который нашелъ въ старыхъ анналахъ, и который былъ, вѣроятно, истиннымъ происшествіемъ; но авторъ разсказываетъ его, не объясняя. Наоборотъ, мы ошибочно поняли бы текстъ Ливія, если бы подумали, что кредиторъ приступилъ къ отобранію недвижимаго имущества должника, какъ бы онъ сдѣлалъ въ наши дни. Центуріонъ былъ лишенъ имущества не въ силу прямого наложенія на него запрещенія, котораго не разрѣшало римское право, а косвеннымъ путемъ. Въ моментъ, когда онъ совершалъ заемъ, онъ продалъ свое поле тому, отъ кого получилъ ссуду,

[1] *Savigny*, De la possession, 42.

[2] *Tit. Liv.* II, 23: «Ait se aes alienum fecisse, id cumulatum usuris se agro paterno avitoque exuisse».

[3] См. *Accarias*, Manuel du droit romain, 3-е изд. стр. 694.

и цѣною продажи являлась именно взятая въ долгъ сумма [1]. Онъ оставался однако на своемъ полѣ и продолжалъ собирать съ него плоды; но лишенный *dominium'a*, превратившійся въ простого владѣльца, онъ оставался тамъ лишь въ силу разрѣшенія новаго хозяина, то-есть, по прекарію [2]. Въ тотъ день, когда господинъ убѣдился, что долгъ не будетъ ему возвращенъ, онъ выдворилъ прекариста, *agro exuerat.* Вотъ, какъ можно объяснить разсказъ Тита Ливія. Онъ даетъ намъ усмотрѣть практику прекарія и ея гибельныя послѣдствія въ это первое время римской республики. Онъ разъясняетъ намъ также значеніе вопроса о долгахъ, такъ сильно волновавшаго въ тотъ моментъ жизнь Рима. И, можетъ быть, все это находится въ таинственной связи съ возникновеніемъ плебейскаго трибуната, учрежденнаго для того, чтобы оказывать нѣкоторое покровительство тѣмъ, кто вовсе не получалъ защиты гражданскаго права.

Переступивъ еще дальше черезъ промежутокъ въ три вѣка, мы опять найдемъ прекарій широко господствующимъ въ римскомъ обществѣ, но въ новой формѣ. Извѣстно, что въ силу права завоеванія земли покоренныхъ народовъ обращались въ собственность римскаго государства. Государство дѣлило, обыкновенно, эти земли на три части. Первая либо возвращалась назадъ прежнимъ собственникамъ, либо продавалась частнымъ лицамъ, либо ассигнировалась колонистамъ, то-есть, она превращалась въ личную собственность и не составляла больше государственнаго домэна, *ager publicus* [1]. Вторая часть отдавалась въ наемъ цензорами, взимавшими за нее арендную плату. Наймы возобновлялись правильными контрактами черезъ каждые четыре года [2]. Оставалась третья часть, быть можетъ, самая значительная [3]. Государство сохраняло ее въ своей собственности, но не отдавало въ аренду; „оно объявляло, что разрѣшаетъ желающимъ обрабатывать ее“ [4].

Такое разрѣшеніе занимать землю безъ договора и обрабатывать ее безъ правового обезпеченія и есть прекарій. Подобные участки на государственныхъ земляхъ назывались *agri occupatorii*. По многочисленнымъ отрывкамъ изъ Тита Ливія и изъ Цицерона можно замѣтить, что временные владѣльцы ихъ обозначались, обыкновенно, словомъ *possessores* [5]. Давать такое названіе арендаторамъ

[1] Ниже мы объяснимъ эту операцію; она сопровождалась обыкновенно фидуціарнымъ актомъ, въ силу котораго новый пріобрѣтатель обязывался перепродать землю обратно, когда долгъ будетъ заплаченъ.

[2] Аттическое право также знало такую фиктивную продажу земли кредитору; причемъ должникъ оставался на землѣ въ качествѣ арендатора, до погашенія долга. Римская практика примѣняла скорѣе прекарій, не оставлявшій должнику никакой гарантіи.—О прекаріи, возникавшемъ вслѣдствіе долга см. *Gaius*, II, 60; *Ulpian*. Dig. XLIII, 26, 6, § 4; *Celsus*, ibidem, 11.

[1] *Appian*. Bell. civ. I, 7: «Τῆς γῆς τῆς δορικτήτου τὴν μὲν τοῖς οἰκιζομένοις ἐπιδιῄρουν ἢ ἐπίπρασκον»—Cp. *Sicul. Flacc*. De condic. agror. (ed. Lachmann, p. 157); *Hygin*. ibid. p. 117 etc.

[2] *Ibidem*: «Ἢ ἐξεμίσθουν».—Эта операція извѣстна была подъ именемъ «censoriae locationes».

[3] *Appian*. Ibidem: «Ἣ καὶ μάλιστα ἐπλήθυεν».

[4] *Appian*. Ibidem: «Τὴν δὲ ἀργὸν οὖσαν ἐκ τοῦ πολέμου ἐπεκήρυττον τοῖς ἐθέλουσιν ἐκπονεῖν».

[5] *Tit. Liv*. II, 61: «Claudio causam *possessorum* sustinenti»; IV,

было бы противно языку и праву; оно не примѣнялось также и къ лицамъ, пользовавшимся узуфруктомъ; оно подходило лишь къ прекаристамъ. Къ тому же достовѣрно извѣстно, что настоящимъ собственникомъ этихъ земель было римское государство, что оно имѣло право отбирать ихъ по своему желанію, не должно было при этомъ возмѣщать убытковъ временнымъ владѣльцамъ и даже заранѣе предупреждать ихъ [1]. Достаточно было взять назадъ разрѣшеніе на владѣніе, которое было раньше дано, и состоявшаяся уступка земли отмѣнялась по волѣ государства. Это именно отличительныя черты прекарія [2]. Если, по праву собственника, государство требовало, чтобы владѣвшіе такими землями отдавали ему десятую часть жатвы [3], то это не представляло настоящаго аренд-

51: «Lex agraria *possesso* per iniuriam agro publico patres pellebat»; VI, 14: «*Possidendis* publicis agris»; XLII, 1: «Agrum publicum cuius ingentem modum *possidere* privatos constabat»; XLII, 19: «Magna pars agri Campani, quem privati passim *possederant* recuperata in publicum erat».—*Cicero*, In Rullum, III, 3: «Quod quisque *possidet*»; Ad Atticum, II, 15: «Qui agros publicos *possident*»; In Rullum, II, 5: «In agris publicis qui a privatis *possidebantur*»; De officiis, II, 22: «Qui agrariam rem tentant ut *possessores* suis sedibus pellantur». Ср. *Marquardt*, Staatsverwaltung, т. I, изд. 2-е, стр. 99 и слѣд.

[1] Примѣры внезапно отнятыхъ земель см. у *Tit. Liv.* XXVIII; 46; XLII, 19, *Appian.* Bell. Mithr. I, 22; *Cicer.* In Rullum, II, 15.

[2] Отсюда также слѣдующія выраженія Тита Ливія: «Possessor *per iniuriam* agro publico» (IV, 51); «*iniusti* possessores» (VI, 39); «*iniuria* et *iniustus*» означаютъ просто отсутстіе права, отсутствіе документа, его дающаго.

[3] *Appian.* Bell. Civ. I, 7.—*Tit. Liv.* IV, 36: «Vectigali possessoribus agrorum imposito».

наго контракта и не превращало оккупантовъ въ арендаторовъ [1].

Такимъ образомъ, практика прекарія распространилась вмѣстѣ съ римскимъ завоеваніемъ настолько широко, что большая часть земли въ Италіи и въ провинціяхъ оказалась собственностью римскаго государства и находилась въ фактическомъ владѣніи людей, занявшихъ ее безъ опредѣленнаго права, засвидѣтельствованнаго документально [2]. Разсмотримъ теперь, каковы были послѣдствія такого громаднаго распространенія прекарнаго владѣнія.

Земля, занятая такимъ образомъ, безъ опредѣленнаго права, легально не могла ни продаваться, ни дариться, не переходила и по наслѣдству. Правда, на дѣлѣ она передавалась отъ отца къ сыну, отчуждалась третьимъ лицамъ, даже завѣщалась или отдавалась въ приданое [3]; но то была лишь практика, терпимая государствомъ, которое закрывало глаза на подобные акты, не признавая, однако, за ними никакой законной силы. Владѣніе занимавшаго землю (оккупанта) не могло быть охра-

[1] Нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы римское право признавало аренду изъ части продукта настоящимъ контрактомъ. Юрисконсульты доказываютъ, что нѣтъ истинной *locatio-conductio* тамъ, гдѣ отсутствуетъ денежная плата, *certa merces*.

[2] О протяженіи *agri publici* см. *Cicero*, In Rullum, II, 15—16, 19, 21, 28; III, 3—4.

[3] *Cicero*, De officiis, II, 23: «Agrum multis annis aut saeculis possessum cum ego emerim».—*Florus*, II, 1 (III, 13): «Relictas sibi a maioribus sedes, quasi iure hereditario, possidebant».—*Appian.*, Bell. Civ. I, 9: «Προὔφερον... τάφους τε πατέρων ἐν τῇ γῇ, καὶ διαιρέσεις ἐπὶ τοῖς κλήροις ὡς πατρῴοις, καὶ προῖκας γυναικῶν».

няемо ни гражданскимъ правомъ, ни преторскимъ судомъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, бѣдные и маленькіе люди не въ состояніи были использовать для себя *ager publicus*. Терпимость государства шла лишь на выгоду богатымъ и сильнымъ. Древніе историки говорятъ намъ, что бѣдные, пытавшіеся занять клочокъ предоставленной якобы для всѣхъ государственной земли, вскорѣ оказались вытѣснены богатыми [1]. Причину этого явленія легко опредѣлить. Во всякомъ обществѣ, гдѣ частная собственность не охраняется государственной властью, слабѣйшій легко обирается сильнѣйшимъ. Сильнѣйшимъ въ разбираемую нами эпоху былъ богатый, такъ какъ онъ держалъ въ своемъ распоряженіи рабовъ; особенно же могущественъ былъ римскій сенаторъ, такъ какъ онъ располагалъ магистратурами, проконсульскою властью (*imperium*), судами, законами. Такимъ образомъ, почти неизбѣжно произошло, что громаднымъ земельнымъ фондомъ государства завладѣли сенаторскія фамиліи [2]. По недостатку устойчиваго

[1] *Appian*. Bell. Civ. I, 7: «Οἱ πλούσιοι τὰ ἀγχοῦ σφίσιν ὅσα ἦν βραχέα πενήτων, τὰ μὲν ὠνούμενοι πειθοῖ, τὰ δὲ βίᾳ λαμβάνοντες».— *Sallust*. Iugurtha, 41: «Ut quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebatur».—*Cassius Hemina* (ap. *Nonium*): «Quicumque per plebitatem agro publico eiecti sunt» (*Krause*, Fragmenta historicorum latinorum, p. 165).

[2] Титъ Ливій (IV, 48) говоритъ, что большею частью этихъ земель владѣли римскіе *nobiles*; въ другомъ мѣстѣ (IV, 51) авторъ сообщаетъ, что *ager publicus* находился во владѣніи *patres*; онъ прибавляетъ, что *nobilitas* силилась удержать за собой это владѣніе. Въ другомъ еще мѣстѣ (VI, 5), Ливій указываетъ, что владѣніе на ager publicus захватили *nobiles*.—Ср. *Sallust*. Iugurtha, 41.

права и вслѣдствіе небрежности или поблажки государства знатные расширили свои владѣнія [1]; у нихъ оказались въ рукахъ не только помѣстья, но цѣлые округа [2]. Прекарій роковымъ образомъ велъ къ латифундіямъ.

Прекарій наложилъ своеобразную печать на самую организацію римскаго общества. Историкъ обязанъ поставить себѣ вопросъ, что сталось съ прежними земледѣльцами, лишенными ихъ полей римскимъ завоеваніемъ. Многіе изъ нихъ были свободными людьми, и извѣстно, что, за немногими исключеніями, они и остались свободными. Большинству этого населенія не представлялось иныхъ средствъ къ жизни кромѣ земледѣлія. Очевидно, что за землей для своего пропитанія они обратились къ крупнымъ собственникамъ. Послѣднимъ въ самомъ дѣлѣ не доставало рабовъ, чтобы наполнить ими захваченныя громадныя пространства и обработать ихъ. Кромѣ того и законъ принуждалъ ихъ держать на своихъ земляхъ въ извѣстной пропорціи свободныхъ людей [3]. Разумѣется, не будетъ празднымъ дѣломъ изслѣдованіе вопроса, каково могло быть положеніе этихъ людей, поселенныхъ богатыми владѣльцами на ихъ земляхъ. Можно ли предположить, что они явились управителями или надсмотрщиками надъ рабами помѣстья? Мы знаемъ, наоборотъ, что Римляне любили поручать исправленіе подобныхъ функцій (*vilici*, *actores*)

[1] «Agros continuaverunt» (*Tit. Liv.* XXXIV, 4).

[2] *Appian*. Bell. Civ. I, 7: «Οἱ πλούσιοι πεδία μάκρα ἀντὶ χωρίων ἐγεώργουν».

[3] *Idem*, I, 8: «Καὶ ἐς ταῦτα αὐτοῖς ἀριθμὸν ἐλευθέρων ἔχειν ἐπέταξαν».

именно избраннымъ изъ своихъ рабовъ, а вовсе не свободнымъ людямъ. Ставить во главѣ *familia* рабовъ человѣка, который не былъ рабомъ того же господина, или, по крайней мѣрѣ, его вольноотпущенникомъ было противно обычаямъ и казалось опаснымъ. Легче ли предположить, что эти свободные люди становились арендаторами? Но правильный наемъ былъ невозможенъ на земляхъ, которыя занимались безъ права. Арендный контрактъ могъ заключаться лишь собственникомъ, а здѣсь не было собственника. Если бы такіе контракты здѣсь заключались, мы не видимъ, какую бы силу они пріобрѣли на судѣ.

Остается только одна возможность: эти свободные люди были прекаристами. Богатый Римлянинъ, захватывавшій громадныя государственныя земли по снисходительности государства, то-есть, на прекарныхъ основаніяхъ, въ свою очередь уступалъ участки на этихъ земляхъ другимъ людямъ, которые получали ихъ отъ него на тѣхъ же условіяхъ [1].

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи должны мы представлять себѣ обширную территорію занятыхъ частными лицами государственныхъ земель (*ager publicus occupatorius*) въ послѣдніе два вѣка римской республики. Будучи по праву собственностью государства, она фактически находилась во владѣніи 400 или 500 знатныхъ римскихъ фамилій; затѣмъ

[1] Аппіанъ ясно даетъ это понять. Онъ замѣчаетъ, что въ моментъ, когда Тиберій Гракхъ предлагалъ лишить римскую знать оккуппированныхъ государственныхъ земель, было множество людей, какъ бы раздѣлявшихъ владѣніе этими землями и имѣвшихъ основаніе опасаться новаго закона («πλῆθος ὅσον ἐκοινώνει τῆσδε τῆς γῆς, δεδιότες ὁμοίως»).

подъ ними на тѣхъ же земляхъ располагалось нѣсколько милліоновъ свободныхъ людей, италійцевъ или провинціаловъ, которые занимали землю какъ бы вторично. Первые были прекаристами по отношенію къ государству; вторые—прекаристами по отношенію къ первымъ. Образовалась лѣстница держальцевъ и поддержальцевъ, которые зависѣли одни отъ другихъ и посредственно либо непосредственно зависѣли всѣ отъ государства. Участь этихъ двухъ разрядовъ прекаристовъ была неодинаковая. Такъ какъ прекаристами перваго разряда являлись въ общемъ правилѣ сенаторы и въ ихъ рукахъ находилось управленіе, то ихъ зависимость по отношенію къ государству сдѣлалась призрачною. Историки говорятъ, что они даже освободили себя отъ уплаты ежегодной десятины. Наоборотъ, зависимость „субоккупантовъ“ по отношенію къ „оккупантамъ“ ощущалась очень сурово, такъ какъ то были въ массѣ слабые люди, не находившіе никакой правовой защиты, ибо многіе изъ нихъ даже не были римскими гражданами.

Такое тѣсное подчиненіе мелкихъ прекаристовъ крупнымъ составляло, весьма вѣроятно, причину того широкаго развитія кліентелы, которое тогда замѣчается. У большинства жителей Италіи и провинцій распространился обычай искать покровительства одного изъ римскихъ вельможъ. Они вступали подъ патронатъ или каждый въ отдѣльности, или цѣлыми городами, даже народами. Мы бы очень ошиблись, если бы представили себѣ, что этотъ патронатъ оставался пустымъ словомъ или оказывался только актомъ милости сильнаго къ сла-

бымъ. Въ Римѣ все оплачивалось тѣмъ или инымъ путемъ. Когда мы видимъ, что любая сенаторская фамилія тянетъ за собою толпу кліентовъ, что она могла вызвать на форумъ, на выборы или на судъ населеніе цѣлаго италійскаго округа, мы легко угадываемъ, что каждая изъ этихъ фамилій держала именно на своихъ земляхъ многочисленное населеніе такъ или иначе подчиненнаго ей люда. Она владѣла этими людьми такъ же какъ самыми землями; земли и люди какъ бы составляли одно цѣлое. Именно прекарій связывалъ каждаго человѣка съ каждымъ участкомъ земли, а того и другой съ вельможею. Такимъ образомъ, кліентела и прекарій выросли вмѣстѣ вслѣдъ за великими завоеваніями Рима.

Надобно выдвинуть здѣсь одинъ изъ изумительнѣйшихъ фактовъ римской исторіи: когда всѣмъ италійцамъ было дано право римскаго гражданства, власть аристократіи нисколько не пострадала отъ такой перемѣны. Такое обстоятельство, какъ увеличеніе сразу вдвое или втрое состава гражданскаго тѣла могло, конечно, переродить политическій строй и произвести паденіе аристократіи. Но этого не случилось. Своеобразное явленіе это еще не было хорошо выяснено историками. Возможно, что главной его причиною была именно практика прекарія, захватившаго большую половину всей почвы. Въ качествѣ гражданъ, италійцы сдѣлались по закону равны сенаторамъ, но какое множество изъ нихъ осталось при этомъ ихъ кліентами и зависимыми отъ нихъ людьми въ качествѣ прекарныхъ землепользователей занятой тѣми земли!

Въ Римѣ установилось тогда демократическое устройство, и тѣмъ не менѣе въ немъ господствовала аристократія. Дѣло въ томъ, что если были демократичны тамъ законы, то общество аристократизировалось въ силу группировки интересовъ, въ силу выработавшихся аграрныхъ порядковъ и, всего болѣе, въ силу распространенности практики прекарнаго землевладѣнія. Дѣйствительно, римская республика была союзомъ нѣсколькихъ сотенъ очень богатыхъ и очень могущественныхъ фамилій, богатыхъ главнымъ образомъ въ силу захвата ими громаднаго земельнаго фонда государства и могущественныхъ главнымъ образомъ тысячами подчиненнаго люда, которыя каждая держала подъ собою на тѣхъ же земляхъ.

Такой общественный строй нельзя, конечно, отожествлять съ феодальнымъ. Но, однако, между тѣмъ и другимъ наблюдается нѣкоторое сходство въ структурѣ, которое не должно ускользать отъ историка. Въ римской республикѣ господствовали практика прекарія и кліентела подобно тому, какъ въ средневѣковой монархіи господствовали практика бенефиція и вассалитетъ. Вотъ почему оба общества, хотя одно называлось республикою, другое монархіею, отличались, по существу, такою аристократическою окраскою всѣхъ отношеній.

Аграрные законы воплощаютъ борьбу, происходившую противъ такого строя. По первому впечатлѣнію кажется страннымъ, что нападки на аристократію всегда производились въ формѣ законовъ, регулировавшихъ землевладѣніе. Но, въ самомъ дѣлѣ: чтобы измѣнить правленіе, надо было

измѣнить положеніе земель. Аграрные законы не были враждебны частной собственности; они стремились, наоборотъ, установить частную собственность тамъ, гдѣ она не существовала. Всѣ они касались громадныхъ земель, которыя государство допустило захватить безъ права. Они отнимали государственныя земли у тѣхъ, кто владѣлъ ими по милости государства, то-есть, по формѣ прекарія, съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ частнымъ лицамъ на полномъ правѣ собственнности [1]. Для примѣра возьмемъ законъ Тиберія Гракха; имъ постановлялось, что каждый изъ прежнихъ владѣльцевъ (оккупантовъ — *possessores*) государственной земли (*ager publicus*), сохранитъ не болѣе 500 югеровъ „въ полную собственность“ [2], а излишекъ будетъ раздѣленъ и распредѣленъ между мелкими собственниками [3]. Такимъ образомъ, настоящимъ результатомъ аграрныхъ законовъ

[1] Таковъ точный смыслъ выраженія *dividere agrum*. — См. *Tit. Liv*. II, 41: «Dividere agrum, dimidium Latinis, dimidium plebi»; II, 48: «Ut ager ex hostibus captus viritim divideretur»; VI, 36: «Quum bina iugera agri plebi dividerentur». — Самою распространенною и также самою практичною формой аграрнаго закона являлось основаніе колоній. *Tit. Liv*. Epitome, 60: «Legibus agrariis latis effecit ut complures coloniae in Italia deducerentur».

[2] Это ясно сказано у Аппіана, I, 11: «Κτῆσιν εἰς ἀεὶ βέβαιον ἑκάστῳ πεντηκοσίων πλέθρων καὶ παισίν».

[3] *Appian*. ibidem. — У насъ нѣтъ текста закона Семпронія, но изъ сборника римскихъ землемѣровъ можно видѣть, что примѣненіе этого закона выражалось именно въ основаніи большого числа колоній съ установленіемъ въ нихъ полнаго права частной собственности на землю. См. *Gromatici veteres*, изд. Lachmann, стр. 169, 209, 210, 211, 219, 232, 239, 242, 253. — Ср. *Cicero*, In Rullum, II, 12.

должно было быть превращеніе порядка прекарнаго пользованія на государственныхъ земляхъ въ частную собственность [1]. Законы эти направлялись къ такой же цѣли, къ какой, можно предположить, привелъ бы въ XIV-мъ вѣкѣ законъ, который бы пытался превратить всѣ фьефы въ аллоды. Они представляли собою постоянно возобновлявшееся усиліе преобразовать землевладѣніе въ сторону развитія собственности и свободы. Цѣлый рядъ подобныхъ законовъ чередовался одинъ за другимъ, начиная съ закона Спурія Кассія до закона Рулла; послѣдній предлагалъ распродать всѣ *agri publici*, а это сразу привело бы къ исчезновенію системы прекарной оккупаціи.

Однако, извѣстно, что аристократіи почти всегда удавалось либо отвергать аграрные законы, либо обходить ихъ. Тѣ изъ нихъ, какіе приводились въ исполненіе, осуществлялись лишь отчасти, и они лишь въ небольшой степени ослабили порядокъ оккупаціи государственныхъ земель, который и оставался до конца республики опорою сенаторскаго правленія.

Разсматриваемый конфликтъ явился одною изъ главныхъ причинъ, породившихъ имперію. Для всякаго, кто изучалъ подробности фактовъ и подлинные тексты, ясно, что переворотъ, такой общій и такой глубокій, не могъ быть созданъ властолюбіемъ одного человѣка. Ясно также, что тѣ или иныя политическія теоріи оставались безусловно чужды этому перевороту. Истиннымъ его

[1] См. *Lex vulgo dicta Thoria* въ «Corpus inscriptionum latinarum», I, p. 49, 71, 75.

двигателемъ были матеріальные интересы большинства. Стремленія превратить государственныя земли въ частныя, прекарное владѣніе въ полную собственность, а также положеніе кліента въ личную свободу,—вотъ какіе мотивы господствовали тогда въ душѣ большинства людей, и они то опредѣлили ходъ событій. Невозможность жить дольше при описанномъ порядкѣ всеобщей непрочности земельнаго обезпеченія и всеобщей зависимости привела къ тому, что могущественная партія, болѣе сильная въ Италіи, чѣмъ въ Римѣ, а въ провинціяхъ—чѣмъ въ Италіи, свергла сенаторское правленіе и приняла имперію.

Всмотритесь теперь въ имперскій строй, какимъ онъ слагался въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ. При утвержденіи его исчезаютъ и не появляются вновь два явленія: съ одной стороны, огромное земельное богатство сенаторскихъ фамилій [1], съ другой, аграрные законы. Великая проблема предшествующихъ вѣковъ, сложный земельный вопросъ, была разрѣшена; исторія не сохранила воспоминанія обо всѣхъ мѣропріятіяхъ, которыми было осуществлено крупное дѣло; но общій результатъ совершенно очевиденъ. Нѣкоторые изъ *agri publici* были проданы, другіе „ассигнированы“ колоніямъ; можетъ быть, многіе оказались „пожалованы“ провинціальнымъ владѣльцамъ; остававшееся было сдано въ правильную аренду по срочнымъ контрактамъ. Прекарій исчезъ

[1] *Tacit.* Annales, III, 55. «Dites olim familiae nobilium».— Діонъ Кассій приводитъ нѣсколько примѣровъ разоренія, которое внезапно потерпѣли многія сенаторскія фамиліи.

съ огромныхъ территорій, на которыхъ онъ раньше утвердился. Замѣтьте, что юрисконсульты временъ имперіи, которые довольно часто говорятъ о прекаріи, никогда не упоминаютъ, чтобы онъ примѣнялся тогда на государственныхъ земляхъ. Они говорятъ о немъ лишь какъ о соглашеніи между частными лицами, какъ о безобидномъ явленіи, ни въ чемъ не напоминающемъ страшную язву, распространившуюся было въ предшествующія времена надъ всѣмъ завоеваннымъ Римлянами міромъ. Всѣ прекаристы и подъ-прекаристы государства исчезли, и почти всѣ занимавшіяся ими земли обратились въ частную собственность. Такимъ образомъ составился многочисленный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Первый періодъ имперіи оказался торжествомъ среднихъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ частной собственности и личной свободы.

Мы здѣсь только указываемъ факты и не можемъ останавливаться на нихъ. Дѣло идетъ лишь о сравненіи, которое можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на послѣдующія наши изслѣдованія.

4.

Прекарій въ концѣ имперіи, согласно Сальвіану.

Положеніе вещей постепенно измѣнилось въ концѣ Имперіи. Обнаружились явленія, сходныя съ тѣми, какія предшествовали паденію республики и вызвали его. Незамѣтно, черезъ пять вѣковъ римскій міръ снова очутился въ положеніи, подобномъ прежнему.

Практика прекарія продолжалась во все время Имперіи. Мы нашли его у юрисконсультовъ II вѣка. Онъ медленно укоренился именно на земляхъ частныхъ лицъ и разросся такъ широко, что скоро снова сталъ представлять опасность. Теперь, еще разъ, мы найдемъ его въ концѣ Имперіи, и онъ вскрывается у писателя, который прямо указываетъ на него какъ на новую язву.

Сальвіанъ писалъ въ Галліи какъ разъ въ эпоху, когда начинались германскія нашествія. Онъ говоритъ о прекаріи какъ проповѣдникъ, а не какъ юристъ, то-есть, пользуется имъ какъ образомъ для сравненія. Но термины, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, достаточно опредѣленны, чтобы обнаружить передъ нами природу прекарія и дѣйствія, которыя онъ производилъ. Интересно разсмотрѣть въ подробностяхъ весь любопытный отрывокъ [1].

Желая убѣдить вѣрующаго христіанина, что тотъ долженъ завѣщать свое имущество церквамъ, авторъ напоминаетъ ему, что богатства земныя даны ему Богомъ. Такой образъ даетъ ему аргументъ для вывода, что богатый находится въ томъ же положеніи передъ Богомъ, въ какомъ прекаристъ передъ своимъ благодѣтелемъ. „Никто не сомнѣвается, что всѣ здѣшнія богатства даны намъ по милости Божіей", говоритъ онъ; „а потому мы должны ими пользоваться лишь для служенія ему и употреблять ихъ только на дѣла, угодныя ему,

[1] «Precarii possessores» (*Salvian.* Ad Ecclesiam, ed. Halm, p. 124; ed. Baluze, p. 225).

ибо всѣ блага наша исходятъ отъ его щедротъ" [1]. Тутъ мы встрѣчаемъ лишь намекъ на прекарій, и онъ можетъ показаться неяснымъ; но вотъ нѣчто болѣе ясное. Для развитія своей мысли Сальвіанъ ищетъ сравненія и беретъ наглядный образецъ изъ дѣлъ мірскихъ, именно изъ извѣстной всѣмъ его читателямъ практики прекарія [2]: „Когда какой-нибудь человѣкъ получаетъ по благодѣянію отъ другого въ пользованіе какое-нибудь имущество, онъ не становится въ силу этого собственникомъ послѣдняго [3]; и если, забывъ того, кто уступилъ ему пользованіе, онъ пытается отнять у него самую собственность и присвоить ее себѣ, не говоримъ ли мы, что онъ неблагодарнѣйшій и вѣроломнѣйшій человѣкъ [4], забывающій того, отъ кого получилъ благодѣяніе, и желающій лишить права собственности на имущество того, отъ кого пріобрѣлъ лишь владѣніе этимъ имуществомъ" [5]. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о прекаріи, и сами юрисконсульты не указывали ярче характера или природы этого акта, который являлся лишь благодѣяніемъ, и въ силу котораго хозяинъ имущества, уступая

[1] *Ibidem*: «Nemini dubium est quod ea quae Dei dono accepimus, ad Dei cultum referre debemus et in eius opere consumere, quae eiusdem sumpsimus largitate».

[2] *Ibidem*: «Quod quidem humanarum rerum exempla docent».

[3] «Si usus rerum aliquarum cuipiam homini alterius hominis beneficio ac largitate tribuatur... fructum rerum indeptus est».

[4] «Si... is immemor illius a quo fructum rerum indeptus est, avertere ab eo ipso proprietatem rei praestitae conetur, nonne ingratissimus atque infidelissimus iudicetur?..»

[5] «...Qui, oblitus hominis benefici atque liberalissimi, spoliare illum iure dominii sui velit qui eum ipsum usus possessione ditavit».

пожалованному лишь фактическое владѣніе имъ, полную собственность оставлялъ въ своихъ рукахъ.

Марсельскій священникъ продолжаетъ: „Таково и наше положеніе передъ Богомъ. Мы получили лишь пользованіе даннымъ намъ отъ него имуществомъ. Это одолженное на время имущество. Мы какъ бы прекарные его владѣльцы [1]. Мы владѣльцы, пользующіеся его доходами [2]. Желаемъ ли мы отнять у Бога право собственности и присвоить его себѣ? Развѣ мы не знаемъ, что имѣемъ право лишь пользоваться даннымъ имѣніемъ и пользоваться по совѣсти [3]? Мы держимъ его лишь до тѣхъ поръ, пока разрѣшаетъ тотъ, кто ихъ намъ уступилъ. Съ момента, когда имущество уходитъ изъ нашихъ рукъ вслѣдствіе смерти, владѣніе должно вернуться въ руки даровавшаго, то-есть, Бога“ [4].

Всѣ характерныя особенности прекарія собраны вмѣстѣ на этой страницѣ. Прекарій не болѣе какъ

[1] «Et nos usum tantum earum rerum accepimus quas tenemus; commodatis enim a Deo facultatibus utimur, et quasi precarii possessores sumus».

[2] «Cum possessores usufructuarii simus».

[3] «Cur avertere a proprietate domini atque alienare tentamus? Cur non bona fide datis a Deo rebus utimur?»

[4] «Tenuimus quoad licuit, tenuimus quoad permisit ille qui praestitit».—Сальвіанъ прибавляетъ, что, умирая, держалецъ долженъ возвратить имущество Богу, то-есть, церкви, въ силу слѣдующаго чисто юридическаго довода: «Quid rectius quam ut, ubi res ab eo discedit qui usum habuit, revertatur ad eum possessio qui utendam concessit?»—Мы замѣтимъ, что слова *possessio revertitur* тѣ самыя, которыя употребляются юрисконсультами.—См. *Dig.* LXI, 2, 21.

отбираемое по желанію владѣніе, никогда не наслѣдственное. Заслуживаютъ вниманія самыя слова, которыя употребляетъ Сальвіанъ. Мы должны среди нихъ отмѣтить—*dominium* и *usus*; жалователь, *qui praestat*, есть—благодѣтель, *homo beneficus*, а пожалованіе происходитъ отъ благодѣянія—*beneficio et largitate*. Прекаристъ—простой держалецъ: онъ держитъ, *tenet*. Онъ долженъ пользоваться добросовѣстно *bona fide*. На немъ лежатъ обязательства особаго рода. Онъ долженъ быть признательнымъ, *memor hominis benefici*; если онъ уклоняется отъ такого долга, то становится неблагодарнымъ, *ingratissimus*, вѣроломнымъ, *infidelissimus*. Сальвіанъ особенно хорошо и ярко характеризуетъ понятіе объ обязанностяхъ прекариста, когда говоритъ: онъ такъ долженъ пользоваться дарованнымъ имуществомъ, „чтобы дѣлать честь тому, отъ кого его получилъ“ и „употреблять его лишь для служенія ему“ [1]. Всѣ эти слова, сходившія съ пера Сальвіана какъ обычные и привычные его читателямъ термины, встрѣтятся и въ языкѣ послѣдующаго вѣка.

5.

Операціи, съ которыми соединялся прекарій; патронатъ надъ землею.

Юрисконсульты съ одной стороны, Сальвіанъ съ другой даютъ намъ только теорію прекарія.

[1] «Ea ad Dei cultum referre, in eius opere consumere .. Agnoscere munus Dei...»

Остается разсмотрѣть, чѣмъ былъ прекарій на практикѣ.

Можно удивляться, что прекарій, который по природѣ своей былъ актомъ чистой индивидуальной щедрости, занималъ, однако, въ жизни римскаго общества большое мѣсто. Происходитъ это потому, что онъ былъ таковымъ лишь по имени и по внѣшности. Въ дѣйствительности онъ чаще всего являлся спекуляціей. Онъ былъ однимъ изъ способовъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ извлекалъ доходъ или выгоду.

Подъ общей формой прекарія совершались три различныя хозяйственныя операціи. Пересмотримъ эти три операціи, какъ онѣ производились въ римскомъ обществѣ прежде, чѣмъ изучать ихъ во франкскомъ.

1 — При помощи первой изъ нихъ прекарій входилъ въ общую систему займовъ и долговъ. Римляне долго не знали системы залога имуществъ. Даже тогда, когда они позаимствовали ее отъ Грековъ, они рѣдко прибѣгали къ ней. Они продолжали пользоваться болѣе старымъ пріемомъ, который былъ имъ болѣе привыченъ, и который — что особенно важно — заимодавцы имѣли основанія предпочитать. Заемщикъ, если ему не удавалось получить ссуду безъ залога, предлагалъ свою землю. Онъ продавалъ ее кредитору по всѣмъ законнымъ формамъ. Покупною цѣною являлась, обыкновенно, та сумма, въ которой онъ нуждался. Правда, совершая такую продажу, онъ получалъ отъ кредитора такъ называемую *fiducia*, то-есть, обѣщаніе продать ему землю обратно въ тотъ

день, когда онъ вернетъ взятую сумму и проценты на нее [1]. Тутъ то и появлялся прекарій. Мелкій хлѣбопашецъ, который оказывался лишеннымъ своего поля и между тѣмъ кромѣ этого поля не имѣлъ, можетъ быть, другого средства къ жизни, обращался къ сдѣлавшемуся собственникомъ кредитору съ просьбою и получалъ отъ него разрѣшеніе остаться на своей прежней землѣ, обрабатывать ее и пользоваться ея плодами. Онъ получалъ ее въ видѣ прекарнаго пожалованія. Такимъ образомъ, онъ дѣлался прекаристомъ на той самой землѣ, которая составляла прежде его собственность [2].

Тотъ же результатъ получался иногда нѣсколько другимъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы продавать землю кредитору, должникъ закладывалъ ему ее посредствомъ акта, называемаго у Римлянъ *pignus* [3]. При такой сдѣлкѣ онъ также лишался своего поля, которое переходило къ заимодавцу. Но и тутъ также онъ могъ обратиться къ кредитору съ просьбою и получить отъ него милостивое позволеніе воздѣлывать его для себя по пре-

[1] *Fiducia* встрѣчается уже у Цицерона, Pro Flacco, 21. — Ср. *Gaius*, II, 59: «Qui rem alicui fiduciae causa mancipio dederit...»

[2] *Gaius*, II, 60: «Cum fiducia contrahitur... cum creditore... soluta quidem pecunia competit ususreceptio; nondum vero soluta, ita demum competit si non precario rogaverit ut eam rem possidere liceret».

[3] Функціею *pignus* было передать кредитору владѣніе; онъ не передавалъ полной собственности; въ этомъ смыслѣ кредиторъ не имѣлъ, что особенно важно, права отчуждать: «Pignus, manente proprietate debitoris, solam possessionem transfert» (*Florentin*. Dig. XIII, 7, 35).

карному пожалованію [1]. Возникновеніе прекарія какъ слѣдствія займа, было фактомъ чрезвычайно частымъ и обычнымъ. „Это случается ежедневно", говоритъ Ульпіанъ [2]. И другіе юрисконсульты упоминаютъ этотъ обычай [3]. Одинъ грамматикъ позднѣйшей эпохи, но пользовавшійся древними источниками, опредѣляетъ прекарій, именно, только какъ послѣдствіе займа: это явное преувеличеніе, но оно доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что таковъ былъ очень распространенный путь его распространенія: „Прекарій возникаетъ тогда, говоритъ онъ, когда должникъ обратится съ просьбою къ кредитору и получитъ разрѣшеніе остаться на своей землѣ и собирать съ нея плоды" [4].

Такимъ образомъ, прекарій былъ не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ казался снаружи. Въ теоріи, дающій его являлся великодушнымъ благодѣтелемъ; на практикѣ, онъ оказывался кредиторомъ. Въ теоріи, онъ давалъ свою землю; въ дѣйствительности же, онъ самъ получалъ землю должника и только разрѣшалъ ему пользоваться ею съ сохраненіемъ за собою права по произволу отмѣнить такое дозволеніе. Правда, такое отношеніе прекращалось въ тотъ день, когда должникъ уплачивалъ свой долгъ [1]. Но если онъ его не уплачивалъ, то оставался прекаристомъ до своей смерти, а сыновья его сгонялись съ земли, если кредиторъ не желалъ возобновить для нихъ прекарную уступку [2].

2—Прекарій появлялся еще при одномъ актѣ, сдѣлавшемся чрезвычайно распространеннымъ въ концѣ имперіи, а именно при актѣ заключенія патроната. Это вопросъ, о которомъ намъ придется спеціально говорить въ другомъ мѣстѣ; но теперь уже надобно указать тотъ особый видъ патроната, который назывался въ римскихъ законахъ „патронатомъ надъ земельными имуществами" [3]. Впрочемъ, свѣдѣнія наши о немъ неполны, такъ какъ объ этомъ обычаѣ у насъ имѣется лишь восемь императорскихъ постановленій, которыя только для того упоминаютъ о немъ, чтобы объ-

[1] *Ulpian.* Dig. XLIII, 26, 6, § 4: «Si quis rem suam pignori mihi dederit et precario rogaverit».

[2] *Ulpian.* ibidem: «Quotidie enim precario rogantur creditores ab his qui pignori dederunt».

[3] *Celsus,* ibidem, XLIII, 26, 11: «Si debitor rem pigneratam precario rogaverit».—*Iulianus,* ibidem, XLI, 2, 36: «Qui pignoris causa fundum creditori tradit.. si eumdem precario rogaverit».—*Florentinus,* ibidem, XIII, 7, 35: «Pignus possessionem transfert ad creditorem; potest tamen precario debitor re sua uti».—*Iulianus,* ibidem, XIII, 7, 29: «Si rem mihi pignori dederis ac precario rogaveris».

[4] *Isidor.* Origines, V, 25: «Precarium est dum prece rogatur creditor permittit debitorem in possessione fundi sibi obligati demorari et ex eo fructus capere; et dictum precarium quia prece aditur».

[1] *Celsus,* Dig. XLIII, 26, 11: «Si debitor rem pigneratam precario rogaverit, soluta pecunia precarium solvitur; quippe id actum est ut usque eo precarium teneret».

[2] Мы не думаемъ, чтобы всѣ должники обращались такимъ образомъ въ прекаристовъ. Вмѣсто прекарія, должникъ могъ предложить аренду по договору. См. *Marcian.* Dig. XLI, 2, 37: «Re pignoris nomine data, deinde a creditore conducta».—*Florentin.* ibidem, XIII, 7, 35: «Potest et precario et pro conducto debitor re sua uti».—*Iulian.* ibidem, XLI, 3, 33, § 6: «Conductio idem praestat quod si apud creditorem res esset; possidet creditor; sed si utrumque intercesserit et precarii rogatio et conductio, intelligitur creditor possidere».

[3] «Patrocinium fundorum», *Cod. Theod.* XI, 24, 4; «De patrociniis vicorum», *ibidem.*

явить его запрещеннымъ [1]. Кромѣ того о немъ идетъ рѣчь въ нѣсколькихъ фразахъ Сальвіана, который также больше думаетъ о его осужденіи, чѣмъ объ истолкованіи [2].

Изучая императорскіе законы, которые запрещаютъ подобный патронатъ, можно прежде всего замѣтить, что они относятся къ сельскимъ жителямъ, а не къ городскимъ ремесленникамъ. Законъ 370 года спеціально воспрещаетъ земледѣльцамъ (*agricolae*) вступать подъ патронатъ какого-нибудь магната [3]. Люди, которые называются здѣсь *agricolae*, не могутъ быть приняты ни за сельскихъ рабовъ, ни за колоновъ; очевидно, рѣчь идетъ о свободныхъ крестьянахъ-собственникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ 395 года воспрещаетъ сильнымъ вельможамъ брать подъ свое покровительство *vici*, то-есть, селенія свободныхъ крестьянъ [4], и тотъ же законъ называетъ этихъ людей „собственниками" [5]. Законъ 399 года обозначаетъ словомъ *rustici* вступавшихъ подъ патронатъ мелкихъ людей; но и изъ него выясняется, что эти крестьяне владѣли собственными землями [6]. Наконецъ, другой законъ того

[1] Шесть въ Кодексѣ Θеодосія, XI, 24; два въ Юстиніановомъ Кодексѣ, XI, 54 (53), ed. Krüger.

[2] *Salvian*. De gubernatione Dei, V, 8.

[3] *Cod. Theod.* XI, 24, 2: «Abstineant patrociniis agricolae».

[4] *Ibidem*, XI, 24, 3: «Quicumque vicos in suum detecti fuerint patrocinium suscepisse, constitutas luent poenas».

[5] *Possessores.*—Терминъ этотъ, когда онъ стоитъ отдѣльно, всегда означаетъ землевладѣльцевъ.

[6] *Cod. Theod.* XI, 24, 4: «Qui *rusticis* patrocinia praebere temptaverit, quadraginta librarum auri se sciat dispendium pro singulorum *fundorum* praebito patrocinio subiturum».

же года высказываетъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что эти люди были крестьяне и собственники [1].

Въ перечисленныхъ законахъ можно еще отмѣтить, что подъ патронатъ отдавалась не столько личность крестьянина, сколько его земля. Это видно изъ самыхъ выраженій, въ которыхъ законодатель устанавливаетъ наказаніе патрона штрафомъ въ двадцать или сорокъ фунтовъ золота „за каждую взятую имъ подъ свой патронатъ землю" [2].

Первымъ послѣдствіемъ возникновенія патроната дѣйствительно являлась передача земли мелкаго крестьянина въ руки того, кто дѣлался его покровителемъ. Это ясно указано въ законѣ 415 года, гдѣ мы читаемъ, что патронъ „сталъ собственникомъ помѣщенныхъ подъ его патронатъ имѣній" [3]. Мы должны, стало быть, признать, что, подъ видомъ установленія покровительства сильнаго надъ слабыми, патронатъ прежде всего имѣлъ послѣдствіемъ передачу собственности на землю изъ рукъ слабыхъ въ руки сильнаго.

[1] *Ibidem*, XI, 24, 5. «Si quis agricolis vel vicanis *propria possidentibus* patrocinium repertus fuerit ministrare».

[2] *Ibidem*, XI, 24, 2: «Per singulos fundos viginti et quinque auri libras dare debeant».—*Ibidem*, 4: «Quadraginta librarum auri se sciat dispendium pro singulorum fundorum praebito patrocinio subiturum».

[3] *Cod. Theod.* XI, 24, 6, praefatio: «Illis duntaxat pulsandis qui ex Caesarii et Attici consulatu (397 годъ) *possessiones sub patrocinio possidere* coeperunt»—Мы наблюдали выше, что въ языкѣ Кодексовъ слова *possidere* и *possessio* говорятся о настоящей собственности.—Можно замѣтить, какъ въ томъ же законѣ, § 6, сказано, что благодаря этому же патронату церкви достигли «владѣнія» (*possessio*) нѣкоторыми землями, и что онѣ владѣютъ ими вполнѣ, *firmiter*.

Какъ совершалась самая передача, законы не объясняютъ. Въ одномъ изъ нихъ только говорится, что она происходила иногда „путемъ фиктивныхъ актовъ преступнаго характера", *commentis audacibus* [1]. Другой законъ даетъ намъ усмотрѣть, что между обоими людьми совершался актъ или рядъ актовъ, которые правильно проходили черезъ нотарія или табелліона, и акты эти выражались въ формѣ „пожалованія, продажи, аренднаго контракта или другого какого-либо договора" [2].

Вотъ, какъ, повидимому, происходило дѣло. Мелкій крестьянинъ, нуждавшійся почему-нибудь въ покровительствѣ знатнаго вельможи [3], обращался прямо къ нему. Онъ просилъ его оказать покровительство не только его личности, но даже больше его землѣ (*fundus*). Знатный, вѣроятно, возражалъ, что онъ можетъ охранять лишь то, что ему принадлежитъ. Тогда крестьянинъ передавалъ ему свою землю или путемъ чистаго дара, или путемъ продажи. Эту то продажу законъ 370 года и называетъ фикціей или обманомъ. Дѣйствительно

[1] *Ibidem*, XI, 24, 2: «Abstineant patrociniis agricolae, subiugandi supplicio, si talia sibimet adiumenta commentis audacibus conquisierint».

[2] Законъ 468 года, Кодексъ Юстиніана, XI, 54, 1: «Si quis ad patrocinium cuiuscumque confugerit, id quod huius rei gratia geritur sub praetextu donationis vel venditionis seu conductionis aut cuiuslibet alterius contractus, nullam habeat firmitatem; tabelliones qui talia instrumenta perficere ausi fuerint, bonorum proscriptione plectendis».

[3] Иногда это дѣлалось, чтобы избѣгнуть обязанности платить подать: «Fraudandorum tributorum causa», *Cod. Theod.* XI, 24, 4.

она являлась лишь фиктивной продажей, такъ какъ продавецъ не получалъ никакой платы. Въ теченіе цѣлаго вѣка императоры воспрещали подобныя сдѣлки; они строго наказывали за нихъ, но, вопреки ихъ усиліямъ, мелкіе собственники ходатайствовали о патронатѣ передъ знатными и оплачивали этотъ патронатъ, предоставляя имъ свои маленькія недвижимости [1].

Можно думать, что передача права собственности не влекла за собою ухода крестьянина съ участка. Наоборотъ, онъ для того только и ходатайствовалъ о патронатѣ, чтобы мирно остаться на своемъ полѣ. Онъ продолжалъ, стало быть, занимать его: это видно изъ самихъ законовъ, которые грозятъ отнять у него эту землю въ наказаніе за проступокъ [2]. Наконецъ, еще одинъ законъ показываетъ намъ, что крестьяне, оставаясь на своихъ поляхъ, обязывались нести въ пользу патрона ежегодный оброкъ или доставлять ему какую-нибудь другую выгоду [3].

[1] Либаній въ своей рѣчи Περὶ τῶν προστασιῶν (изд. Reiske, 1793, т. II, стр. 501 и 507) упоминаетъ объ особомъ видѣ патроната надъ крестьянами, не совсѣмъ одинаковомъ съ тѣмъ, который описывается въ законахъ, но приближавшемся къ нему.— Зосимъ отмѣчаетъ примѣръ подобнаго же патроната и показываетъ, что обычай существовалъ даже среди знатныхъ фамилій. Лукіанъ, сынъ большого должностнаго лица, разсказываетъ авторъ, взялъ Руфина въ патроны и передалъ ему большую часть своихъ имѣній (*Zosim.* V, 2, ed. Bekker, p. 247).

[2] *Cod. Theod.* XI, 24, 5: «His quoque agricolis terrarum suarum dispendio feriendis».—Другіе законы (*ibidem*, 1 и 3) заставляютъ крестьянина платить земельный налогъ съ этой земли, на которой онъ, видимо, оставался.

[3] *Codex Iustin.* XI, 54, 2: «Quis vicanis patrocinium pollicea-

Здѣсь и появляется прекарій, хотя онъ прямо не названъ. Мелкому крестьянину-собственнику удавалось оставаться на своемъ полѣ лишь по милости патрона, обратившагося въ собственника этого поля. Онъ передалъ патрону право собственности и могъ получить отъ того лишь пользованіе. Подобно тому, какъ мы выше видѣли, что должникъ дѣлался прекаристомъ кредитора, такъ же и мелкій собственникъ становился прекаристомъ своего покровителя.

Это положеніе довольно ясно показано Сальвіаномъ. И онъ также говоритъ о людяхъ, которые были мелкими земельными собственниками; имъ принадлежали небольшіе клочки земли, называемые имъ *resculae*, маленькіе участки, *agelli* [1]. Но, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, или по другой какой-либо причинѣ [2], они стремились пріобрѣсти патронатъ богатаго [3]. Послѣдній, если вѣрить Сальвіану, никогда не дарилъ своего покровительства, а продавалъ его, *patrocinium vendit* [4].

tur neque agricolas suscipiat redituum promissionem vel aliud lucrum pro eo accipiens».

[1] *Salvian.* De gubernatione Dei, V, 8: «Non confugiunt ad barbaros... quia transferre illuc resculas atque habitatiunculas non possunt... agellos ac tabernacula sua...»

[2] Согласно своей привычкѣ, Сальвіанъ указываетъ лишь на желаніе уклониться отъ подати. Дѣйствовали, конечно, и другіе мотивы. Въ своей рѣчи Περὶ τῶν προστασιῶν Либаній указываетъ очень разнообразныя причины этого явленія.

[3] *Salvian.* ibidem: «Tradunt se ad tuendum protegendumque maioribus...»

[4] «Nec grave hoc arbitrarer si patrocinia ista non venderent, si quod se dicunt humiles defendere, humanitati tribuerent, non cupiditati».

Прежде чѣмъ оказывать покровительство, онъ отбиралъ имущество, *spoliat* [1]. Добивавшіеся покровительства мелкіе собственники должны были начинать съ передачи покровителю почти всего, что они имѣли [2].

Сальвіанъ обнаруживаетъ, однако, рядомъ съ этимъ, что мелкіе собственники не оставляли своихъ земель; земли лишались только ихъ сыновья [3]. Отецъ, отказываясь отъ своего права собственности, испрашивалъ сохраненія пользованія. Но пользованіе было лишь непостояннымъ, ибо въ силу соглашенія „нѣчто временно оставлялось отцу, дѣти же теряли все“ [4].

Такимъ образомъ, путемъ дара, или путемъ фиктивной продажи, мелкій собственникъ передавалъ землю своему покровителю. Онъ сохранялъ лишь пожизненное пользованіе ею. Въ меровингское время мы снова встрѣтимъ такого рода актъ подъ именемъ прекарія.

Надо прибавить, что та же практика, за которую марсельскій священникъ такъ горько укорялъ богатыхъ, примѣнялась и церковью. Законъ 415 года, воспрещающій этотъ видъ патроната, принужденъ сдѣлать исключеніе въ пользу церквей. „Изъ уваженія къ религіи“ законъ утверждаетъ сдѣланныя ими такимъ путемъ пріобрѣтенія. Онъ

[1] «Tueri pauperes videntur ut spolient».

[2] «Omnes hi qui defendi videntur, defensoribus suis omnem fere substantiam suam prius quam defendantur addicunt».

[3] «Ut patres habeant defensionem, perdunt filii hereditatem».

[4] «Hoc enim pacto aliquid parentibus temporarie attribuitur ut in futuro totum filiis auferatur».

ставитъ только условіемъ, чтобы церковь платила земельную подать съ доставшихся ей такимъ образомъ земель [1].

3. Въ принципѣ, прекарій сильно отличался отъ найма. Наемъ, *locatio-conductio*, былъ контрактомъ, который связывалъ обѣ стороны и давалъ обѣимъ права; прекарій не былъ контрактомъ и ни въ чемъ не связывалъ дающаго. Отдача въ наемъ всегда сопровождалась опредѣленною платою, *merces*; прекарій былъ въ теоріи безплатнымъ. Въ противоположность арендатору, прекаристъ являлся владѣльцемъ, но владѣльцемъ, произвольно отрѣшаемымъ отъ владѣнія. Классическое право нисколько не смѣшивало прекарія съ наймомъ. Но въ послѣдніе вѣка Имперіи дѣло сильно измѣнилось.

Тотъ самый текстъ Ульпіана, который объясняетъ различіе между прекаріемъ и наймомъ, показываетъ также, что могли быть случаи, когда арендаторъ по договору отказывался отъ своей аренды для полученія прекарія [2]. Случалось такъ же, что прекаристъ мѣнялъ свой прекарій на кон-

[1] *Codex. Theod.* XI, 24, 6, § 6: «Quidquid autem ecclesiae venerabiles (id est Constantionopolitana et Alexandrina) possedisse deteguntur, id, pro intuitu religionis, ab his praecipimus firmiter retineri; sub ea videlicet sorte ut in futurum functiones omnes sciant subeundas».—См. комментарій Годфруа изд. Ritter, т. IV, стр. 190. На будущее время законъ какъ будто воспрещаетъ церквамъ всякое новое пріобрѣтеніе такого рода; въ дѣйствительности, онъ оставлялъ все по прежнему.

[2] *Ulpianus*, Dig. XLI, 2, 10: «Si quis ante conduxit, postea precario rogavit, videbitur discessisse a conductione».

трактъ найма [1]. Обѣ формы отношеній, какъ ни противоположны были онѣ въ теоріи, часто сближались въ жизни и занимали мѣсто одна другой. Со времени Ульпіана онѣ могли и соединяться. Одинъ и тотъ же человѣкъ могъ быть на той же самой землѣ и арендаторомъ по контракту, и прекаристомъ [2]. Старые юрисконсульты высказывались противъ такого соединенія. Ульпіанъ предпочиталъ, чтобы дѣлался ясный выборъ въ опредѣленіи договора или формы владѣнія: „Если арендная плата такъ низка, что кажется фиктивною, мы скажемъ, что передъ нами только прекарій“. Но плата могла быть реальною и довольно высокой; въ такомъ случаѣ юрисконсультъ не рѣшается высказать точное заключеніе [3]. Очевидно, что прекарій и аренда, очень различные въ принципѣ, на практикѣ соединялись и смѣшивались въ различныхъ степеняхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что аренда часто принимала видъ прекарія. Для этого было достаточно отсутствія письменнаго договора о наймѣ либо арендѣ. Возможно даже, что собственникъ находилъ бо-

[1] *Ulpianus*, ibidem: «Si ante rogavit, postea conduxit, conduxisse videbitur».—Въ этомъ случаѣ possessio возвращалось къ собственнику: «Qui alienam rem precario rogavit, si eamdem a domino conduxit, possessio ad dominum revertitur» (Dig. XLI, 2, 21).

[2] *Iulianus*, ibidem, XLI, 33, § 6: «Si utrumque intercesserit et precarii rogatio et conductio».

[3] *Ulpian*. ibidem, XLI, 2, 10: «Si quis et conduxerit et rogaverit precario uti possideret, si quidem nummo uno conduxit, nulla dubitatio est quin ei precarium solum teneat, quia conductio nulla est quae est in nummo uno; sin vero pretio, tunc distiguendum quid prius factum est».

лѣе выгоднымъ отдавать свою землю въ видѣ прекарныхъ пожалованій, чѣмъ сдавать ее правильнымъ арендным҄ъ контрактомъ; онъ могъ и такъ извлекать изъ нея не меньше доходовъ. Такая форма была особенно выгодна для управителей, завѣдывавшихъ большими помѣстьями и, благодаря прекарію, забиравшихъ мелкихъ держальцевъ въ полную свою власть. Итакъ, часто случалось, что прежніе арендаторы превращались въ прекаристовъ, что на такомъ же правѣ на землѣ помѣщались другіе земледѣльцы, и что въ привычкахъ людей прекарій занялъ понемногу мѣсто аренды. Колонатъ, съ одной стороны, и прекарій, съ другой, сдѣлались двумя самыми обычными способами держанья земли; первый являлся формою болѣе строгою и надежною, второй — болѣе почетною и свободною.

Одинъ законъ IV вѣка упоминаетъ о прекаристахъ, занимавшихъ землю сорокъ лѣтъ. Онъ объявляетъ, что законъ сорокалѣтней давности не существуетъ для нихъ. Ясно, что, владѣя землей по прекарному пожалованію, никогда нельзя было присвоить себѣ собственности. Тотъ же законъ даетъ понять, что этотъ родъ прекарія уже не остается безплатнымъ, что прекаристы уплачиваютъ оброкъ, устанавливаемый обычаемъ [1].

[1] *Cod. Iustin.* VII, 39, 2 (законъ 365 года): «Male agitur cum dominis praediorum si tanta precario possidentibus praerogativa defertur, ut eos post quadraginta annorum spatia decursa inquietare non liceat».

[2] *Ibidem*: «Ita tenent ut ob hoc ipsum solitam debeant praestare mercedem».

Такъ измѣнился прекарій. Хотя по имени онъ и былъ безвозмедною милостью, но для крупныхъ собственниковъ онъ сдѣлался способомъ извлекать доходъ съ земли. Онъ замѣнилъ аренду по контракту, или, скорѣе, сталъ самъ родомъ найма. Мы увидимъ вскорѣ, что особенно церковь примѣняла его въ такомъ направленіи.

Въ итогѣ, прекарій, который по праву являлся только благодѣяніемъ, приспособлялся къ интересамъ и примѣшивался къ самымъ различнымъ видамъ сдѣлокъ. Онъ обезпечивалъ кредитору уплату ссуженныхъ имъ денегъ. Онъ оплачивалъ покровительство, оказываемое богатымъ бѣдному. Онъ служилъ собственнику средствомъ доходной эксплуатаціи его земель. Онъ проникалъ такимъ образомъ во всѣ привычки людей, во всѣ уголки жизни общества.

Но римскій прекарій стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ военнаго устройства. Какъ бы разнообразны ни были связанныя съ нимъ обязательства, мы ни по какому признаку не видимъ, чтобы прекаристъ былъ повиненъ нести въ пользу жалователя военную службу. Ни въ войскѣ, ни въ администраціи Римской Имперіи не находимъ мы слѣдовъ практики прекарія.

Онъ развивался въ средѣ, гдѣ осуществлялись главные людскіе интересы, а война занимала мало мѣста въ римскомъ обществѣ временъ имперіи, и войско отступило на второй планъ. Прекарій установился и господствовалъ лишь среди игры матеріальныхъ интересовъ населенія. Продолженіе нашихъ изслѣдованій покажетъ, что примѣ-

неніе его мало по малу измѣнилось, и что онъ перенесся впослѣдствіи на другую почву; но прежде всего было полезно изслѣдовать, каковы были его свойства, и какое онъ оказывалъ вліяніе на интересы и на отношенія въ частной жизни. Когда назначеніе его измѣнитъ характеръ, надо будетъ припомнить природу этого прекарія, который, къ чему бы онъ ни примѣнялся, всегда предполагалъ наличность просителя и благодѣтеля, который на одной и той же землѣ отдѣлялъ собственность, принадлежавшую одному, отъ владѣнія, передававшагося другому, который предоставлялъ всегда произвольно отбираемое пожалованіе и подчинялъ пожалованнаго не закону или договору, а волѣ дающаго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прекарій въ меровингскомъ государствѣ.—Прекарій на свѣтскихъ земляхъ.

Надобно теперь изслѣдовать, продолжалось ли существованіе прекарія, природу, формы и различныя сферы примѣненія котораго мы разсмотрѣли въ римскомъ обществѣ,—и послѣ варварскихъ нашествій, и сохранилъ ли онъ ту же природу, тѣ же формы и послѣдствія. Надо изучить отдѣльно практику прекарія у простыхъ частныхъ лицъ, на земляхъ, которыя можно назвать свѣтскими, и на земляхъ церкви.

Нашими документами являются законы и грамоты.—Своды законовъ, составленные послѣ нашествій, не содержатъ въ себѣ совокупности опредѣленныхъ постановленій, которыя имѣли бы предметомъ установку правилъ для прекарія. Произошло это по той же причинѣ, по какой подобной системы правилъ не существовало также и въ Кодексѣ Θеодосія. Прекарій у Римлянъ стоялъ внѣ закона, представлялъ практику, которою законодатель не долженъ былъ заниматься непосредственно. Законодатели меровингскаго времени также не занимались имъ, ибо прекарій и тогда оставался внѣ права, развивался рядомъ съ правомъ.

Но подобно тому, какъ Кодексъ Θеодосія упоминалъ о прекаріи случайно и по поводу другихъ актовъ, такъ же и редактированные послѣ германскихъ нашествій своды (или „правды“) неоднократно обнаруживаютъ его и свидѣтельствуютъ, что практика его продолжается.

Сводъ римскаго права изданный у Бургундовъ, (*lex Romana Burgundionum*) говоритъ о прекаріи по поводу продажи. Онъ показываетъ, что человѣку разрѣшалось продать свою землю и взять ее отъ новаго собственника обратно, въ качествѣ прекарія. Законъ требовалъ только, чтобы между двумя актами прошелъ извѣстный промежутокъ. „Чтобы продажа получила полную силу, надо, чтобы передача земли была совершена согласно установленной формѣ и новый собственникъ былъ введенъ во владѣніе; лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, можетъ быть представлена просьба о прекаріи; тогда тотъ самый человѣкъ, который

продалъ землю, получитъ прекарное владѣніе“ [1]. Мы видимъ здѣсь, что прекарій остался въ жизни общества, и это былъ тотъ же римскій прекарій съ его двумя основными чертами, съ прошеніемъ или просьбой, *precaria*, и съ уступкой владѣнія, *possessio*.

Вестготскіе короли также какъ и бургундскіе приказали составить особую *lex Romana*. Сводъ былъ обнародованъ Аларихомъ II въ 506 году. Составители включили въ него то, что было сказано о прекаріи юрисконсультомъ Пауломъ [2]. На первомъ мѣстѣ выдвигается главное правило, что прекаристъ всегда можетъ быть изгнанъ собственникомъ безъ всякаго удовлетворенія [3]. По этому поводу составители свода объясняютъ сужденіе древняго юрисконсульта слѣдующимъ комментаріемъ: „На прекарномъ порядкѣ владѣетъ тотъ, кто обратился съ просьбою объ оставленіи его во владѣніи съ разрѣшенія собственника“ [4]. Таково было опредѣленіе, данное Ульпіаномъ за три вѣка передъ тѣмъ. Новые редакторы прибавляютъ въ концѣ слова: „или фидуціарнаго кредитора“; это показываетъ намъ, что, какъ и во время Ульпіана, прекарій часто возникалъ вслѣдствіе займа.

[1] *Lex Romana Burgundionum* (vulgo *Papianus*), cap. XXXV (у *Pertz*, Leges т. III, стр. 616): «Venditionem ex hoc maxime vim firmitatis accipere si traditione celebrata possessio fuerit subsecuta. Si vero post possessionem dierum aut mensium precaria fuerit subsecuta ut ille iterum qui vendidit rem videatur possidere, documenti professio firmitatem precariae possessionis obtineat».

[2] *Lex Romana Wisigothorum*, изд. Haenel, стр. 422; *Paulus*, Sententiae, V, 7.

[3] *Lex Romana Wisigothorum*, cap, 5: «Qui vi aut clam aut precario possidet ab adversario vi impune deiicitur».

[4] *Lex Romana Wisigothorum*, ibidem, interpretatio: «Possidet precario qui per precem postulat ut ei in possessione commorari liceat, permissu domini vel creditoris fiduciam».

Законодатель 506 года вставляетъ затѣмъ сдѣланное уже Пауломъ замѣчаніе, что прекарій можетъ назначаться посредствомъ грамоты, но что грамота не небходима [1]; „собственникъ можетъ не давать никакого внѣшняго знака для закрѣпленія своей воли; по прекарному пожалованію владѣетъ всякій, кто владѣетъ по допущенію со стороны настоящаго собственника“. Законодатель кончаетъ напоминаніемъ, что пожалованіе не переходитъ къ наслѣднику пожалованнаго, и если наслѣдникъ остается на землѣ, владѣніе его запятнано обманомъ и преступно [2].

Сводъ этотъ, составленный по повелѣнію вестготскаго короля, не былъ отмѣненъ съ изгнаніемъ Вестготовъ изъ Аквитаніи. Онъ остался въ полной силѣ. Онъ распространился даже на всю Галлію. По этому своду управлялась большая часть населенія франкскаго королевства въ продолженіе шестого, седьмого и восьмого вѣковъ. Такимъ образомъ, въ законахъ, практиковавшихся въ

[1] *Ibidem*, 9: «Precario possidere videtur non tantum qui per epistolam vel qua alia ratione postulavit hoc sibi concedi, sed et is qui nullo voluntatis indicio, patiente tamen domino, possidet».

[2] *Ibidem*, 10: «Heres eius qui precariam possessionem tenebat, si in ea manserit, magis dicendum est clam possidere».—*Interpretatio*: «Aestimandus est clam id est occulte manere; actio proprietatis domino adversus eum iure competit».—Слова *si in ea manserit* должны относиться къ случаю, когда остался сынъ и не испросилъ у собственника возобновленія пожалованія.

странѣ населеніе не переставало встрѣчать главныя правила римскаго прекарія [1].

Основывая королевство Остготовъ, Теодерихъ (Великій) повелѣлъ составить сводъ законовъ общій для всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ этомъ сводѣ можно найти формулу римскаго претора для прекарія—„qui nec vi nec clam nec precario possidet"; это та же формула, которую мы читали въ Дигестахъ, и которую встрѣчали уже у Теренція и у Плавта [2].

Вестготскій сводъ говоритъ о прекаріи въ двухъ мѣстахъ. Одинъ разъ, онъ запрещаетъ одно изъ связывавшихся съ нимъ злоупотребленій. „Виновный, котораго законъ наказываетъ конфискаціей имущества, говорится здѣсь, путемъ дара спѣшитъ передать свои земли церкви, или частному лицу и тотчасъ же проситъ ихъ назадъ въ прекарное пользованіе, такъ что фискъ не можетъ ни на что наложить рукъ, а виновный ничего не теряетъ" [3]. Въ другомъ мѣстѣ законодатель разрѣшаетъ прекарій какъ родъ найма. Указавъ различные способы найма земли, онъ прибавляетъ: „Если въ прекарной грамотѣ сказано, что земля

[1] Можно даже отмѣтить, что эти правила содержатся также въ *Epitome Guelpherbitana* и *Epitome monachi*, написанныхъ, самое раннее, въ VIII-мъ вѣкѣ. См. *Haenel*, стр. 123.

[2] *Edictum Theodorici*, ср. 76: «Qui nec violenter, nec abscondite, nec precario possidet».

[3] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 7: «Multi reperiuntur qui, argumento fallaci, in ecclesiis aut uxoribus aut filiis aut amicis seu in quibuscunque personis suas inveniuntur transduxisse facultates, et quae fraudulenter in dominio alieno contulerant, iure precario reposcentes recipiant; unde nihil de suis rebus visi sunt amisisse».

дана на опредѣленное число лѣтъ и получившій ее по истеченіи ихъ долженъ вернуть ее собственнику въ какой тотъ потребуетъ срокъ, онъ и долженъ вернуть ее безъ промедленія, согласно принятому уговору" [1]. Здѣсь видно, что прекарій былъ иногда формой аренды, какъ и въ Римской Имперіи, что онъ устанавливался тогда посредствомъ грамоты, и грамота могла обозначать срокъ прекарія, какъ мы уже видѣли у Ульпіана. Вестготскій Законъ записанъ лишь въ въ VII-мъ вѣкѣ; когда его составляли, римскаго владычества не существовало уже двѣсти лѣтъ, и однако обычай прекарія продолжался въ эти два вѣка и продолжался согласно римской практикѣ [2].

Въ только что приведенныхъ примѣрахъ прекарій обнаруживается на свѣтскихъ земляхъ; о церковныхъ прекаріяхъ нѣтъ еще рѣчи.

Франкскіе законы не содержатъ въ себѣ никакихъ постановленій ни о прекаріи, ни о бенефиціи. Не надо терять изъ вида того, что законы, дошедшіе до насъ подъ именемъ франкскихъ, то-есть, Салическая и Рипуарская Правды, составляютъ лишь слабую часть законодательства, дѣй-

[1] *Ibidem*, X, 1, 12: «De terris quae definito annorum numero per placitum dantur. Si per precariam epistolam certus annorum numerus fuerit comprehensus, ita ut ille qui susceperit terras post quodcumque tempus domino reformaret, iuxta conditionem placiti terras restituere non moretur».

[2] Нечего, значитъ, удивляться, что Исидоръ Севильскій, писавшій въ VII-мъ вѣкѣ, даетъ слѣдующее, чисто римское опредѣленіе прекарія: «Precarium est dum prece creditor rogatus permittit debitorem in possessione fundi demorari; et dictum precarium quod prece aditur» (*Origines*, V, 25).

ствовавшаго у Франковъ отъ V-го вѣка до VIII-го. Въ нихъ не содержится даже все уголовное право. Что касается права гражданскаго, то его надо искать или въ хартіяхъ, или въ различныхъ сборникахъ формулъ.

Буржскій сборникъ даетъ намъ формулу прекарія, то-есть, одинъ изъ образцовъ *epistolae precariae*, о которыхъ говорилъ уже юрисконсультъ Паулъ, и о которыхъ напоминается въ *Papianus* и въ вестготскомъ правѣ [1]. Нѣкій владѣлецъ прекарія умеръ; дѣти его, которыя не наслѣдовали прекарія, обращаются съ просьбой, чтобы возобновлено было для нихъ дозволеніе, и вотъ сущность этого прошенія: „Господину нашему, такому-то, и госпожѣ нашей, такой-то“ [2]. Такое вступленіе, въ которомъ слѣдовало проставить имена собственниковъ, достаточно ясно показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ прекаріемъ, учрежденнымъ на землѣ свѣтскаго, простого частнаго человѣка. „Извѣстно, что отецъ нашъ занималъ эту, принадлежащую вамъ, землю, и что онъ написалъ вамъ для этого прекарную просьбу; мы пишемъ вамъ такую же грамоту и подписываемъ ее, и смиренно просимъ, чтобы милость ваша разрѣшила намъ владѣть тою

[1] Этотъ сборникъ, навѣрно, относится къ меровингскому времени; рукопись, въ которой онъ до насъ дошелъ (Bibliothèque nationale, № 10756, fonds latin), принадлежитъ къ первой половинѣ VIII-го вѣка. См. *Zeumer*, стр. 166. Что касается формулы, она, безъ сомнѣнія, болѣе ранняя, чѣмъ рукопись, въ которую она внесена. Невозможно сказать, VIII-го ли она вѣка, VII-го, или VI-го.

[2] *Formulae Bituricenses*, № 2, Zeumer, p. 169; Rozière, № 324: «Dominis suis illo et illae».

же землей“ [1]. Мы видимъ уже здѣсь два основныхъ элемента римскаго прекарія: „просьбу“ одного и „милость“ другого [2]. „Но чтобы наше владѣніе этой землей не наносило никакого ущерба ни вамъ, ни вашимъ наслѣдникамъ, мы влагаемъ въ ваши руки эту прекарную грамоту. Если мы скажемъ потомъ, что земля, которою мы владѣемъ, не ваша собственность, съ нами надо поступать какъ съ захватчиками чужой земли; мы будемъ подлежать уплатѣ вамъ штрафа, сообразно со строгостью законовъ, и вы будете имѣть право согнать насъ съ этой земли, не нуждаясь ни въ какомъ судѣ“ [3]. Это—совершенно римскій прекарій, въ которомъ такъ ясно отличалось владѣніе отъ собственности.

Описывая римскій прекарій, мы говорили, что онъ являлся безплатнымъ на томъ основаніи, что долженъ былъ сохранять видъ чистаго благодѣянія. То же самое повторяется и здѣсь въ томъ

[1] «Quia inscium non habetur quod genitor noster in re vestra manere dinoscitur et precariam vobis fecit, quam nos similiter renovamus et signantes firmamus, et ut nos ibidem pietas vestra manere permittat humeliter postulamus».

[2] *Pietas vestra* мы переводимъ: милость ваша. Это самое распространенное значеніе слова *pietas* въ языкѣ VI-го вѣка; примѣръ: *Greg. Tur.* Historia Francorum, III, 34. Въ томъ же смыслѣ говорили *pietas Dei*, благость Божія, *ibidem*, III, 28.

[3] «Sed ne possessio nostra vobis heredibusque vestris praeiudicium inferat, hanc precariam vobis deposuimus, spondentes quod, si ullo umquam tempore huius cartulae condicionem obliti... hoc quod possedemus non vestrum esse dixerimus, tamquam praevasores improbos iuxta legum severitate vestris partibus componamus et nos ipsos exinde proieciendos absque ullius iudicis interpellatione integrum potiamini arbitrium».

смыслѣ, что въ актѣ не указана никакая арендная плата. Но мы отмѣчали также, что безплатность римскаго прекарія была лишь кажущеюся, такъ какъ собственникъ всегда могъ свободно ставить какія хотѣлъ условія человѣку, котораго онъ могъ выдворить по произволу. Эта сторона дѣла ясно указана въ нашей формулѣ. Просители пишутъ въ своей грамотѣ: „Мы обязываемся дѣлать все, что управители вашихъ помѣстій прикажутъ намъ отъ вашего имени; а если мы не будемъ исполнять вашихъ приказовъ съ полнымъ повиновеніемъ, вы будете имѣть право прогнать насъ [1].“ И здѣсь также мы узнаемъ римскій прекарій, который, вмѣсто назначенія опредѣленной арендной платы, подчинялъ одного человѣка произволу другого.

Сборникъ буржскихъ формулъ, несомнѣнно, относится къ меровингскому времени. Рукопись, которая намъ его сохранила, можетъ быть пріурочена къ первой половинѣ VIII-го вѣка [4]. Входящая въ ея составъ формула, разумѣется, болѣе ранняя; нельзя сказать, VI-го ли она или VII-го вѣка. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что формула эта находится въ сборникѣ VIII вѣка, показываетъ намъ, что она употреблялась законовѣдами до этого времени, и можно думать, что она

[1] «Si, in quibuslibet ambastiis aut ubi a vestris actoribus ex vestro praecepto fuerimus imperati, non procuraverimus cum omni oboedientia adimplere... vestris partibus conponamus et nos exinde proiciendos...»

[2] Это рукопись 10756 изъ латинскаго отдѣла Національной библіотеки. Ср. *Zeumer*, стр. 166.

послужила образцомъ для сотенъ актовъ. Можно замѣтить, что въ этой формулѣ нѣтъ ни одной строки, которая бы не была согласна съ тѣмъ, чему учили Паулъ и Ульпіанъ, и нѣтъ въ ней также ни одного слова, которое не принадлежало бы къ чистому латинскому языку [1]. Видно, наконецъ, что формула упоминаетъ „стипуляцію“ и ссылается на *Lex Aquiliana* [2]; поразительно, что составители всѣхъ актовъ, написанныхъ въ Галліи, согласно этой формулѣ, объявляли себя подчиненными послѣдствіямъ аквиліановой стипуляціи, то-есть, закона, установленнаго преторомъ Галломъ Аквиліемъ, современникомъ Цицерона [3].

Другой сборникъ, тотъ, который былъ составленъ Маркульфомъ въ серединѣ VII-го вѣка, въ самой глубинѣ меровингскаго періода и въ совершенно франкской странѣ, даетъ намъ другой образецъ прекарной грамоты [4]. Рѣчь идетъ здѣсь о

[1] Одно лишь слово *ambastiis* не принадлежитъ къ классической рѣчи. Было ли это слово взято изъ народнаго языка? Былъ ли это терминъ языка кельтскаго, оставшійся въ употребленіи въ Галліи (см. *Caesar*, VI, 15)? *Ambascia* встрѣчается и въ Салической Правдѣ въ смыслѣ полномочія или приказа.

[2] *Ibidem*: «Haec stipulans stipulati sumus atque spondimus, Aquiliani legis mentione firmamus».

[3] Формула *stipulatio Aquiliana* буквально воспроизведена въ Дигестахъ, XLVI, 4, 18, и въ Институціяхъ Юстиніана, III, 29.—О частомъ употребленіи *stipulatio* въ меровингскихъ хартіяхъ см. *Formulae Andegavenses*, 27, 37, 56; *Arvernenses*, 5; *Turonenses*, 18; *Bituricenses*, 4, 9, 15; *Marculf*. II, 1, 3, 4, 6, 7, 9, 19, 22, 23, 24, 29, 32, 36, 39; *Senonicae*, 1, 4, 23, 42, 43, 45, 51 и т. д.; *Lindenbrogianae*, 1, 6, 7, 11, 12, 13.—Ср. *Codex Fuldensis*, №№ 12, 13, 14, 22 etc.

[4] *Marculf*. II, 41; Rozière, № 325.

прекаристѣ, который, измѣнивъ своему долгу, пытался присвоить собственность на уступленную землю; онъ проигралъ дѣло, но потомъ собственникъ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе и вернулъ ему пользованіе землей; онъ только принужденъ былъ написать слѣдующую грамоту: „Славному господину, собственному моему господину (слѣдовало имя послѣдняго). Вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ и вопреки справедливости я пытался прежде похитить у васъ собственность на землю, которая принадлежитъ вамъ, и пользованіе которою вы мнѣ уступили; но я не смогъ этого сдѣлать, такъ какъ не имѣлъ на то права. Вы взяли землю и изгнали меня съ нея [1]. Но потомъ, по просьбѣ почтенныхъ лицъ, вы вернули ее мнѣ для воздѣлыванія [2]. Потому я и обращаюсь къ вашей милости съ настоящей прекарной грамотой, чтобы мнѣ было разрѣшено занимать эту землю до тѣхъ поръ, пока это вамъ будетъ угодно безъ ущерба для вашего блага. Я обязуюсь платить вамъ такіе же оброки, какъ и другіе люди, владѣющіе вашими землями. Если же я не уплачу ихъ, или запоздаю съ платежомъ, или проявлю нежеланіе платить, то настоящей грамотой я объявляю, что

[1] «Domno inlustri illo et mihi proprio domno illi (ille). Dum pro malorum hominum consilium, quod non debueram, de terra vestra quem excolere videor, revellare conavi, et ipsa terra ad proprietate sacire (volui), et non potui, quod nec ratio prestetit, et vos vel agentes vestri eam ad parte vestra revocastis vel nobis (nos) exinde eiecistis...»

[2] «Sed postea ad petitionem bonorum hominum nobis eam ad excolendum reddedistis».

подчинюсь законной карѣ, и что вы будете имѣть право прогнать меня съ этой земли“ [1].

Здѣсь также мы находимъ всѣ черты римскаго прекарія: просьбу берущаго одолженіе и милость дающаго; полное сохраненіе права собственности для второго, для перваго одну лишь уступку пользованія и притомъ такого, которое всегда можно отмѣнить, которое продолжается „столько времени, сколько хочетъ“ собственникъ. Правда, въ настоящемъ случаѣ прекарій сводится къ роду найма. По формѣ тутъ еще соблюдается правило безплатности, такъ какъ не проставлена никакая денежная цѣна, но получившій пользованіе обязывается „исполнять такія же повинности, какъ и другіе землепользователи“, повинности, которыя онъ не обозначаетъ, но которыя, несомнѣнно, хорошо извѣстны ему. Самая неопредѣленность условія отдаетъ его во власть собственника, а потому и не удивительно, что онъ называетъ пожалователя „собственнымъ своимъ господиномъ“, *suus proprius dominus*. Прекаристъ, котораго собственникъ всегда могъ изгнать, и который долженъ или повиноваться всѣмъ его приказамъ, или отказаться отъ земли, дѣйствительно находится въ положеніи зависимаго человѣка: у него есть сеньоръ или господинъ. Дѣйствія прекарія уже замѣтны.

[1] «Propterea hanc precaria dominatione vestrae emittimus, ut quamdiu vobis placuerit ut eam teneamus, absque ullo vestro praeiudicio; quicquid reliqui accolani vestri faciunt nos reddere spondimus. Quod si non fecerimus, et ob hoc neglegentes tardi aut contumacis fueremus, publicae pro hanc precaria condempnati, ut lex praestat tardis aut neglegentibus, et de ipsa terra nos ponteficium habeatis eiciendum».

Вестготская формула, то-есть, формула римская, которая примѣнялась въ государствѣ Вестготовъ, написана такъ: „Такому-то, который всегда будетъ моимъ господиномъ, я такой-то. — Очутившись въ нуждѣ и не находя никакого средства къ жизни, я прибѣгнулъ къ вашей милости и просилъ васъ разрѣшить мнѣ поселиться на такой-то, принадлежащей вамъ землѣ съ тѣмъ, чтобы пользоваться ея плодами. Согласившись на мою просьбу, ваше могущество благоволило дать мнѣ эту землю, въ столько-то мѣръ (сѣмянъ), въ качествѣ прекарія. Вслѣдствіе чего я и обязываюсь настоящей прекарной грамотой никогда не нарушать вашего права, а скорѣе быть готовымъ во всемъ служить вамъ“ [1].

Сдѣлка, описанная въ этихъ формулахъ, несомнѣнно, именно та, которая называлась у Римлянъ *precarium*. Нѣкоторые современные ученые утверждали, что римскій *precarium* исчезъ и вмѣсто этого термина употреблялось слово *precaria*, обозначавшее, якобы, другого рода сдѣлку. Документы не подтверждаютъ такого взгляда. Внимательно раз-

[1] *Formulae Wisigothorum*, 36, изд. Rozière, 1854, стр. 25 (Zeumer, стр. 591): «Domino semper meo illi ille. Dum de die in diem egestatem paterer, et huc illuc percurrerem ubi mihi pro compendio laborarem et minime invenirem, tunc ad dominationis vestrae pietatem cucurri, sugerens ut mihi iure praecario in locum vestrum, quod vocatur ill, ad excolendum terras dare iuveres; quod et vestra annuens dominatio petitioni meae effectum tribuit, et terras, ut mea fuit postulatio, ad modios tot, iure praecario dare dignavit. Proinde per huius praecariae meae textum spondeo nullo tempore aliquam contrarietatem parti vestrae afferre, sed in omnibus pro utilitatibus vestris adsurgere».—Ср. также формулу № 37.

смотрѣвъ употребленіе обоихъ терминовъ, мы не найдемъ между ними той разницы, которую предполагали ученые. Слово *precarium* продолжали употреблять въ теченіе всего изучаемаго періода, на что мы и находимъ много примѣровъ въ текстахъ VII-го, VIII-го и IX-го вѣковъ [1]. Оно обозначало самую сдѣлку и то, что составляло ея предметъ. Что касается самого слова *precaria*, то оно отличалось отъ *precarium* такъ, какъ прилагательное отличается отъ существительнаго, но и то, и другое слово относились къ тому же самому акту. Слово *precaria*, которое мы видѣли въ нашихъ формулахъ, и которое сто разъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ, не означало новой какой-нибудь операціи. Оно было простымъ прилагательнымъ. Говорилось *epistola precaria* [2], или же первое изъ этихъ двухъ словъ только подразумѣвалось. Впрочемъ, прилагательное *precaria* не было ни чѣмъ инымъ, какъ слово *precatoria*; оба употреблялись параллельно [3]. Буквальнымъ смысломъ этого выраженія

[1] Для VII-го вѣка мы находимъ на него примѣры въ Вестготскомъ Законѣ, II, 1, 7: «iure precario»; въ вестготскихъ формулахъ, 36 и 37; у Исидора Севильскаго, V, 25: «Precarium est»; въ одномъ франкскомъ дипломѣ (Pardessus, № 429): «Instrumentum precarii». Для VIII-го вѣка, въ Лептинскомъ соборѣ, у *Sirmond*, I, стр. 540: «Sub precario». Для IX-го вѣка, въ Верберійскомъ соборѣ 853 года: «Iure precario».—Ср. въ капитуляріяхъ Бенедикта Левита, V, 3 и VII, 142: «Precario possidere» (*Baluze*, т. I, 411 и 524); *Traditiones Sangallenses*, № 22: «Pro precario volo habere»; *Polyptychum Irminonis*, стр. 299: «Habere in precarium».

[2] «Epistola precatoria», *Lex Wisigothorum*, X, 1, 12.

[3] «Epistola precatoria», *Fortunat.* VIII, 20 (заглавіе). Маркульфъ (II, 5), употребляетъ *precaria* и *precatoria* въ одной фор-

было: „просительная грамота"; оно означало ту самую форму грамоты, о какой говорили уже римскіе юрисконсульты, и которая предшествовала дарованію прекарія.

Precaria или просительная грамота находилась въ большомъ употребленіи въ меровингское время. Причина этого ясна. Грамота вручалась собственнику и сохранялась имъ. Позднѣе, если была въ томъ надобность, она могла служить ему оправдательнымъ документомъ. Могъ возникнуть споръ; въ одинъ прекрасный день прекаристъ могъ назвать себя собственникомъ. Надо было, чтобы законный собственникъ имѣлъ въ своихъ рукахъ доказательство своего права. Просительная грамота являлась достаточнымъ и полнымъ доказательствомъ, ибо во время Меровинговъ, какъ и во время римскихъ юрисконсультовъ, тотъ фактъ, что земля была получена „по просьбѣ", достаточно указывалъ, что землепользователь не имѣлъ на нее никакого права. По засвидѣтельствованіи того, что просьба дѣйствительно была сдѣлана, римскому судьѣ оставалось произнести только одну формулу: „Верни этому человѣку то, что получилъ отъ него по просьбѣ". Подобнаго же рода

мулѣ и, очевидно, для обозначенія одного и того же акта. Замѣтимъ, что въ *Turonensis*, 7, въ однѣхъ рукописяхъ стоитъ *precaria*, въ другихъ *precatoria*. Любопытное замѣчаніе можно еще сдѣлать относительно *Lex romana Wisigothorum*: рѣчь идетъ объ одномъ отрывкѣ изъ Паула, который воспроизводится въ различныхъ позднѣйшихъ *Epitome*; Паулъ написалъ «epistola»; *Epitome Guelferbitana* замѣняетъ слово epistola словомъ «precatoria», а *Epitome S. Galli* замѣняетъ его выраженіемъ «epistola rogatoria». Тождественность этихъ словъ бросается въ глаза.

приговоръ постановлялъ, безъ сомнѣнія, и меровингскій судья [1]. Просительная грамота показывала ему, который изъ двухъ спорящихъ былъ настоящимъ собственникомъ [2].

Просительная грамота вовсе не носила характера договорнаго акта. Она была скорѣе вещественнымъ доказательствомъ, которое заранѣе давалъ противъ себя прекаристъ. Понемногу, текстъ формулы удлинился, такъ какъ нашли удобнымъ включать туда въ видѣ обѣщаній тѣ условія, которымъ долженъ былъ подчиниться прекаристъ.

Таково было истинное значеніе подобныхъ *precariae*. Собственники обыкновенно требовали возобновленія ихъ отъ времени до времени, напримѣръ, черезъ пятилѣтній промежутокъ. Это не было возобновленіемъ договора, это было скорѣе возобновленіемъ документа или еще скорѣе возобновленіемъ признанія. Надо было, чтобы отъ времени до времени прекаристъ письменно подтверждалъ, сознавался въ томъ, что онъ не былъ собственникомъ. Формальность эту могли однако опускать. Изъ предусмотрительности и изъ вящей осторожности собственникъ заставлялъ прекариста пи-

[1] Примѣръ, хартія у *Tardif*, №№ 14 и 32.

[2] Нѣчто подобное встрѣчается и у Лонгобардовъ. *Rotharis*, 227: «Si quis comparaverit terram et quinque annos inter praesentes possederit, posteaque ipse venditor heredes eius pulsaverit, dicendo quod praestitisset, non vendidisset, ostendat libellum scriptum ubi rogatus fuisset praestandi. Et si libellum non habuerit, nihil aliud faciat emptor nisi praebeat sacramentum, et liceat eum firmiter possidere quod sibi comparavit».—Повидимому, *libellus ubi rogatus fuisset praestandi* — это *precaria*, и документъ служитъ собственнику гарантіею права.

сать слѣдующую фразу въ первоначальной грамотѣ: „Настоящая грамота всегда сохранитъ полную свою силу, если бы даже она и не была возобновлена, и если бы прошло тридцать лѣтъ и болѣе“ [1]. Легко угадать, почему здѣсь вставлена цифра—тридцать лѣтъ: надо было отмѣтить, что тридцатилѣтняя давность не будетъ имѣть силы. Прекаристъ никогда не пріобрѣтетъ права противопоставлять своему собственнику давность; таково было положеніе римскаго права.

Обычай подобныхъ грамотъ удивляетъ сначала тѣхъ, кто не очень знакомъ съ нравами эпохи, или кто любитъ повторять, что одна церковь удержала тогда практику письменнаго дѣлопроизводства. Наоборотъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что писанные акты были въ большомъ ходу, даже у мірянъ въ меровингскую эпоху. Продажи, пожалованія и завѣщанія чаще всего совершались письменно, даже тогда, когда въ нихъ не были замѣшаны интересы церкви [2]. Такъ же совершались и назначенія приданаго [3], судебные приговоры или

[1] *Bituricenses*, 2: «Et si haec precaria denuo renovata non fuerit, absque alia, per trigenta annorum spatia seu amplius, integram obtineat firmitatem».—*Marculf.* II, 41: «Pro hanc precaria, ac si (будто) semper per quinquenium renovata fuisset».

[2] *Lex Ripuaria*, LIX: «Si quis aliquid vendiderit, testamentum conscribatur et septem testibus firmetur».—*Lex Burgundionum*, XLIII: «Donationes et testamenta valebunt si septem testes signa aut subscriptiones adiiciant».—Ср. LI, 1: «Per scripturam»; *ibidem*, LX: «Aut scripturis legitimis aut certe quinque ingenuorum testimonio».

[3] *Lex Ripuaria*, XXXVII: «Si quis mulierem disponsaverit, quidquid ei per cartarum instrumenta conscripserit inconvulsum permaneat». — *Formulae Turonenses*, 14: «Scripturarum sollemnitate»; *Andegavenses*, 1, 39, 53; *Marculf.* II, 15; *Lindenbrogianae secundum legem Salicam*, 7; *Salicae Merkelianae*, 15; *Salicae Bignonianae*, 6.

соглашенія между сторонами [1], освобожденія рабовъ [2]. Каждый богатый домъ хранилъ свой архивъ, гдѣ сберегались всѣ контракты и всѣ документы, относящіеся къ кругу интересовъ семьи [3]. Нѣтъ признака, который заставилъ бы предположить, что эти привычки менѣе привились къ семьямъ франкскаго происхожденія, чѣмъ къ семьямъ римскаго. Нечего, значитъ, удивляться тому, что часто писались прекарныя грамоты, какъ писались и акты продажи. Эти грамоты составлялись, вѣроятно, въ безчисленномъ числѣ даже у мірянъ, хотя мы знаемъ ихъ лишь по нѣсколькимъ формуламъ и по отдѣльнымъ текстамъ.

Одну *precatoria* мы находимъ тамъ, гдѣ всего менѣе ожидали бы ее найти—въ стихотвореніяхъ Фортуната. Онъ получилъ отъ Григорія Турскаго разрѣшеніе на пользованіе однимъ *ager*; онъ долженъ былъ, слѣдовательно, написать грамоту, свидѣтельствующую о его просьбѣ; эту грамоту

[1] *Lex Ripuaria*, LIX, 7: «Quicumque in causa victor extiterit, semper iudicium conscriptum accipiat, aut testis».—О *cartae compositionales*, см. *Rozière*, № 241 и слѣд.

[2] Объ освобожденіяхъ посредствомъ грамоты см. *Lex Ripuaria*, LVIII; *Lex Burgundionum*, LXXXVIII.—Даже освобожденіе посредствомъ динарія служило поводомъ къ составленію грамоты; *Lex Ripuaria*, LVII, 1: «Si quis secundum legem Rebuariam ingenuum dimiserit et dinarium iactaverit, et eius rei cartam acceperit».— Ср. формулы *Marculf.* I, 22; *Rozière*, №№ 55, 56, 58, 59 (manumissiones per denarium).

[3] Этотъ обычай засвидѣтельствованъ, напримѣръ, формулами *apennis*. См. *Andegavenses*, 31, 32, 33; *Turonenses*, 27, 28; *Marculf.* I, 33, I, 34.

онъ называетъ *precatoria*. Правда, онъ излагаетъ ее въ плохихъ стихахъ; но есть пунктъ, по которому онъ долженъ высказаться опредѣленно, онъ опредѣленно и говоритъ: „Когда заявите требованіе, земля будетъ отдана назадъ въ ваше распоряженіе, и мы возвратимъ ее настоящему собственнику“ [1]. Это какъ разъ тѣ выраженія, которыя подходили къ прекарію.

Около 600 года, два лица, принадлежавшія, повидимому, къ франкскому племени, Бертрамнъ и Гундоландъ, были совмѣстными собственниками виллы Неогилъ; они уступили ее въ пожизненное пользованіе женщинѣ по имени Дундана, и послѣдняя вручила имъ прекарный актъ [2].

Прекарій не всегда былъ совсѣмъ простою сдѣлкою, въ силу которой собственникъ уступалъ пользованіе своимъ имуществомъ. Мы видѣли, что въ римскомъ обществѣ онъ являлся добавленіемъ къ различнымъ другимъ актамъ, которые онъ нѣкоторымъ образомъ покрывалъ. То же самое повторялось въ меровингское время. Одно мѣсто въ *Lex Romana* VI-го вѣка показываетъ, что онъ возникалъ вслѣдствіе займа. Три дошедшихъ до насъ формулы показываютъ намъ три другихъ примѣненія прекарія.

[1] Quando reposcetur, vestris redit usibus agrum
Et domino proprio restituemus arvum.
(*Fortunat.* Carm. VIII, 20).

[2] *Testamentum Bertramni*, I, стр. 209—210: «Ego et vir illuster Gundolandus Dundonae usufructu concessimus... sicut precatu iamdictae matronae convenit».—Тутъ Бертрамнъ является не епископомъ, а простымъ частнымъ лицомъ.

Въ одной изъ нихъ [1] мы видимъ человѣка, который продалъ землю другому и получилъ за нее плату; потомъ онъ обращается съ просьбой къ купившему и беретъ землю обратно, но не по арендному договору, а въ силу одной „воли“ новаго собственника. Ясно, что это прекарій [2]. Осложняется этотъ актъ лишь тѣмъ, что этотъ человѣкъ получилъ „милость“, отдавъ взамѣнъ другое помѣстье, пользованіе которымъ онъ, впрочемъ, также сохранилъ и послѣ того [3]. Въ продолженіе его жизни обѣ земли останутся въ его рукахъ; но онѣ составляютъ уже теперь собственность человѣка, которому обѣ достанутся и фактически по его смерти. Это—тотъ типъ сдѣлки, который мы снова встрѣтимъ, когда рѣчь будетъ идти о церковныхъ прекаріяхъ; приведенная старая формула турскаго сборника показываетъ намъ, что она совершалась и между свѣтскими лицами [4].

[1] *Turonenses*, 6; Rozière, № 332; Zeumer, стр. 138.

[2] Это вытекаетъ изъ словъ: «Postea mea fuit petitio et vestra decrevit voluntas». Оба слова—*petitio* и *voluntas* означаютъ нѣчто противоположное договору. Нѣкоторое значеніе имѣетъ и слово *postea*. Оно стоитъ для доказательства, что между продажей и полученіемъ прекарнаго пожалованія прошелъ нѣкоторый промежутокъ. Это согласно съ правиломъ, указаннымъ въ *Papianus*, XXXV. Если бы рѣчь шла о сохраненіи узуфрукта, промежутокъ совсѣмъ бы не былъ необходимъ (*Cod. Iustin.* VIII, 53, 28).

[3] «Et ego pro huius meriti beneficii oblego vobis rem proprietatis meae sitam in pago illo... ea ratione ut, quamdiu advixero, utrisque partibus sub vestro pretexto (въ парижской рукописи 2123, отъ IX вѣка, стоитъ—beneficio) tenere et usurpare debeam... et post meum discessum vos heredesque vestri vel cui a vobis permissum fuerit in eorum faciant revocare potestatem».

[4] По крайней мѣрѣ, ни въ вступленіи, ни въ самой фор-

Въ другой формулѣ рѣчь идетъ о соглашеніи между отцомъ и его сыновьями. По смерти матери сыновья сдѣлались собственниками земли, полученной ею въ приданое отъ мужа; отецъ проситъ у сыновей и добивается того, что они оставляютъ ему данное помѣстье въ качествѣ прекарія: ему будетъ принадлежать лишь пользованіе, безъ права отчужденія, и кромѣ того онъ обѣщаетъ, что вернетъ ее „когда они захотятъ“ [1]. Мы имѣемъ еще одну формулу, въ которой прекарій появляется лишь для того, чтобы скрыть пожалованіе права собственности [2]: желая оказать преимущество одному изъ своихъ дѣтей, отецъ фиктивно продаетъ ему одно изъ своихъ помѣстій, а тотчасъ послѣ того сынъ пишетъ актъ, по которому отдаетъ ему то же помѣстье въ прекарное владѣніе, упоминая,

мулѣ нѣтъ ни одного выраженія, которое могло бы относиться къ церкви, или къ монастырю. Стоящій въ предисловіи эпитетъ *venerabili* не означаетъ непремѣнно духовное лицо; онъ примѣнялся иногда и къ свѣтскимъ, напримѣръ, въ слѣдующей формулѣ, *Rozière*, № 251 (*Lindenbrogianae*, 13): «Inter venerabilem virum illum et uxorem ipsius convenit». Полагаю, что формула написана для всѣхъ разрядовъ собственниковъ, безъ различія. Объ употребленіи званія «venerabilis» см. еще *Andegavenses*, 4, «index» *Zeumer*, стр. 781.

[1] *Marculf*. II, 9; Rozière, 337: «...Dum mea fuit petitio... mihi ad usum beneficii tenere et excolere absque ullo vestro preiudicio permisistis... Quandocunque volueritis et vobis placuerit, absque ulla mea contrarietate aut repetitione... in vestra debeatis revocare dominatione».

[2] Правда, эта формула—позднѣе изучаемой нами эпохи. Она стоитъ въ сборникѣ *Rozière* подъ № 338. Она принадлежитъ къ коллекціи формулъ, составленной въ послѣдніе годы IX-го вѣка, или въ первые годы X-го (*Collectio Sangallensis*, 14, изд. Zeumer, стр. 405).

что уступка дѣлается ему на всю жизнь [1]. Эта двойная операція приводитъ къ тому результату, что по смерти отца сынъ возьметъ помѣстье, какъ съ давнихъ поръ принадлежащую ему собственность, и братья не смогутъ включить его въ составъ наслѣдства.

Наконецъ, мы находимъ,—правда, не въ королевствѣ Франковъ, а въ королевствѣ Вестготовъ,—двѣ формулы, гдѣ уступка прекарнаго владѣнія совершается лишь подъ условіемъ арендной платы. Нѣкто пишетъ въ своей прекарной грамотѣ: „Я обязываюсь платить вамъ ежегодно десятину и *exenia*, какъ то въ обычаѣ у обработывающихъ вашу землю [2]. — „Согласно старому обычаю, пишетъ другой, я обязуюсь ежегодно платить вамъ десятину съ сухихъ и жидкихъ плодовъ, со скота и съ растеній“ [3]. Можно бы сказать, что это арендный контрактъ, если бы не два отличія: первое, у берущаго землю тонъ просьбы или мольбы; второе, не указано никакого срока пользованію, почему оно и было отмѣняемымъ по желанію и

[1] *Rozière*, стр. 407: «Complacuit mihi ut res quas a patre comparavi, diebus vitae suae per hanc precariam represtarem».—Тутъ слово *precaria* имѣетъ значеніе, которое мы часто будемъ встрѣчать, начиная съ VIII-го вѣка: вмѣсто того, чтобы обозначать грамоту просителя, оно означаетъ грамоту дающаго; оно замѣняетъ слово *praestaria*.

[2] *Formulae Wisigothorum*, 36: «Decimas vero praestationes vel exenia, ut colonis est consuetudo, annua inlatione me promitto persolvere».

[3] *Ibidem*, 37: «Spondeo me annis singulis secundum priscam consuetudinem de fruges aridas et liquidas atque universa animalia vel pomaria seu in omni re.. »

почему наниматель не получалъ никакой гарантіи.

Вотъ заключеніе, которое мы въ правѣ высказать на основаніи различныхъ свѣдѣній, только что извлеченныхъ нами изъ законовъ, или изъ формулъ: Римскій прекарій продолжалъ практиковаться послѣ германскихъ нашествій по всему западу; онъ практиковался свѣтскими лицами и на земляхъ свѣтскихъ лицъ; онъ сохранилъ всѣ основныя черты, которыми отличался въ римскомъ обществѣ, а именно, въ принципѣ онъ происходилъ отъ просьбы и являлся лишь отмѣняемою милостью; онъ устанавливался обыкновенно посредствомъ „просительной грамоты", *precaria*, которая писалась получающимъ землю и сохранялась дающимъ; эта грамота не составляла договора, но была въ рукахъ собственника оправдательнымъ документомъ противъ прекариста и могла содержать обѣщанія или обязательства послѣдняго; наконецъ, прекарій могъ входить въ комбинацію сложныхъ актовъ; онъ могъ соединяться съ наймомъ, съ займомъ, съ пользованіемъ; во всѣхъ случаяхъ онъ оказывалъ одно и то же дѣйствіе: онъ помѣщалъ на землѣ владѣльца, который не былъ собственникомъ, и который, для сохраненія своего владѣнія, долженъ былъ подчиняться произволу собственника.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Прекарій въ меровингскомъ государствѣ. — Прекарій на церковныхъ земляхъ.

Мы обладаемъ лишь небольшимъ количествомъ памятниковъ, относящихся къ прекарію на свѣтскихъ земляхъ; ихъ имѣется больше для изученія того же вопроса на земляхъ церковныхъ. Съ одной стороны, мы можемъ пользоваться соборными постановленіями, съ другой, въ нашемъ распоряженіи находятся двадцать двѣ формулы актовъ и съ десятокъ дипломовъ [1].

Извѣстно, что церкви принадлежали въ VI-мъ вѣкѣ значительныя имѣнія. Мы должны еще помнить, что эти владѣнія не принадлежали всей христіанской церкви какъ цѣлому; они являлись частной собственностью каждаго епископства или, какъ говорили тогда, каждой (мѣстной) церкви, и управленіе ими лежало на епископѣ [2]. Монастыри также владѣли земельными имуществами, которыми управляли аббаты.

Всѣ эти помѣстья обрабатывались крестьянами, рабами или колонами, и церковь примѣняла два

[1] *Archives nationales*, Tardif, №№ 14 и 32; *Diplomata*, Pardessus, №№ 429, 488, 489, 509, 547, 557, 558 и *additamenta*, №№ 27, 42, 47.

[2] Орлеанскій соборъ, 511, c. 15: «De his quae parochiis (*parochia* на языкѣ того времени служила терминомъ, означавшимъ епархію) in terris, vineis, mancipiis fideles obtulerint, antiquorum canonum statuta serventur ut omnia in episcopi potestate consistant».

способа для извлеченія изъ нихъ дохода. Съ однихъ она сама собирала платежи и оброки; это была прямая эксплуатація. Другія она могла или сдавать арендаторамъ по опредѣленному договору, или уступать въ прекарное владѣніе.

Обычай отдачи въ аренду по контракту, сохранявшійся церквами въ Италіи, не вполнѣ былъ оставленъ ими и въ Галліи, но онъ становился болѣе рѣдкимъ. Преобладало же примѣненіе прекарія. Церковь пользовалась прекаріемъ въ четырехъ видахъ, которые мы и разсмотримъ послѣдовательно.

I.

Прекарій въ пользу клириковъ и служителей данной церкви.

Первая операція, которая легче всего должна была прійти въ этой области на умъ епископу, была именно уступка нѣкоторыхъ изъ помѣстій лицамъ изъ подчиненнаго ему духовенства [1]. Агдскій соборъ, происходившій въ 506 году, упоминаетъ объ этой практикѣ и разрѣшаетъ ее [2]. Правда,

[1] Одно посланіе папы Геласія, отъ 494 года, высказывается противъ такого рода уступокъ и рекомендуетъ скорѣе отдачу земель въ аренду (см. *Decretum*, causa XII, quest. 2, § 23; *Corpus iuris canonici*, изд. 1687 г. стр. 239); но мало вѣроятія, чтобы запрещеніе было безусловнымъ, и чтобы оно одержало верхъ въ Галліи. При томъ же восемь лѣтъ спустя папа Симмахъ говоритъ объ этихъ же уступкахъ, какъ о совершенно законныхъ (*Decretum*, causa XVI, quest. 1, § 61, *ibidem*, p. 269).

[2] Соборъ въ Агдѣ, *Sirmond*, I, 163; *Mansi*, VIII, 325: «Res

говоритъ онъ о ней лишь случайно и въ очень короткихъ словахъ; но если мы разберемъ ихъ, то узнаемъ прекарій. *Salvo iure ecclesiae, in usum praestare* не можетъ означать ничего другого: начиная съ V-го вѣка, слово *praestare* служитъ для обозначенія прекарнаго пожалованія [1]. Слова *in usum* указываютъ предѣлъ уступки, которая шла не далѣе предоставленія права пользоваться вещью. Наконецъ, слова *salvo iure ecclesiae* выражаютъ основное условіе прекарія, состоявшее въ томъ, чтобы оставлять неприкосновеннымъ право соб-

ecclesiae... clericis, salvo iure ecclesiae, in usum praestari permittimus».—Правда, соборъ предоставляетъ такое разрѣшеніе только примѣнительно къ самымъ незначительнымъ помѣстьямъ, *minusculas res*.

[1] Въ одномъ законѣ 422 года *praestare* является синонимомъ съ *commodare*; ср. тотъ же законъ въ Кодексѣ Θеодосія, II, 31, 1 и въ Кодексѣ Юстиніана, IV, 26, 13; изъ двухъ названныхъ текстовъ въ одномъ стоитъ *commodet*, въ другомъ *praestet*. — См. также приведенный нами выше отрывокъ изъ Сальвіана, Ad Ecclesiam, I, 5 (изд. Halm, стр. 124); то, что давалось въ прекарное владѣніе, называется здѣсь *res praestita*; тотъ, кто давалъ, обозначается словами *qui praestitit*.—Въ Салической Правдѣ, гл. LII, читаемъ: «*De re praestita*. Si quis alteri aliquid praestiterit de rebus suis et (alter) ei noluerit reddere... Res meas noluisti reddere quas tibi praestiteram».—Таково же употребленіе слова въ Баварской Правдѣ, I, 1, 1 и въ Правдѣ Вестготовъ, X, 1, 13 и 14.—Въ Указѣ Ротариса, 227, оно противопоставляется термину *vendere*. «Dicendo quod praestitisset, nam non vendidisset»; и здѣсь говорится именно объ имуществѣ, которое нужно вернуть при первомъ требованіи. Слѣдующая фраза: «Ubi rogatus fuisset praestandi» ясно указываетъ, что рѣчь идетъ о прекаріи.—См. *Liutprand*, 137.—Отсюда происходитъ слово *praestaria*, о которомъ мы будемъ говорить дальше, отсюда и значеніе французскаго слова *prêter*.

ственника и, главное, препятствовать установленію давности. Въ самомъ дѣлѣ, дальнѣйшія постановленія того же собора показываютъ, что духовное лицо, получившее такого рода пожалованіе, „занимаетъ землю съ разрѣшенія епископа“ [1], но, „не можетъ никакимъ образомъ ни продавать, ни иначе отчуждать ее“ [2], „что онъ владѣетъ ею, не становясь никогда ея собственникомъ“ [3]; наконецъ, ясно указывается, что владѣніе этого рода никогда не даетъ мѣста давности [4]. Всѣ эти черты принадлежатъ прекарію и только ему одному.

Та же самая практика упоминается въ слѣдующей статьѣ актовъ Орлеанскаго собора 511 года: „Если епископъ изъ милости передалъ священникамъ виноградники или земли для временнаго владѣнія, то права его церкви на эти имущества не должны потерпѣть никакого ущерба, и законъ давности не можетъ быть ей противопоставленъ“ [5]. Надо замѣтить, что слова „изъ милости“ стоятъ въ этомъ отрывкѣ не случайно. Они имѣютъ

[1] Соборъ въ Агдѣ, с. 22: «Sicut permiserunt episcopi, teneant».

[2] *Ibidem*: «Vendere autem aut donare non praesumant»; с. 49: «Nihil commutare, vendere, donare audeant».—Тѣ же выраженія встрѣтятся въ прекарныхъ грамотахъ, которыя мы увидимъ дальше.

[3] *Ibidem*, с. 59: «Possederunt... non in ius proprium».

[4] *Ibidem*, с. 59.

[5] Орлеанскій соборъ, 51, с. 23, *Sirmond*, *1*, 182: «Si episcopus, humanitatis intuitu, vineolas vel terrulas clericis vel monachis praestiterit excolendas vel pro tempore tenendas, etiamsi longa transisse annorum spatia comprobantur, nullum praeiudicium ecclesia patiatur, nec saeculari lege praescriptio quae ecclesiae aliquid impediat, opponatur».

опредѣленное значеніе. „Милость“ дающаго, хотя бы она и была только фиктивною,—характерная черта, по которой узнается прекарій. На дѣлѣ, уступка, о которой идетъ рѣчь, награждаетъ за службу; но въ теоріи, надо, чтобы она оставалась не чѣмъ инымъ, какъ милостью [1].

Характеръ этой уступки хорошо указанъ соборомъ 517 года. Предполагается тотъ случай, когда клирикъ, служившій прежде одной церкви, произведенъ въ епископы другой. Онъ можетъ сохранить въ первой епархіи земли, купленныя имъ въ собственность или въ пользованіе путемъ правильнаго акта; но долженъ вернуть „то, что пріобрѣлъ отъ церкви благодаря милости“, „то, что держалъ въ качествѣ простого дара [2]“. Ліонскій соборъ 567 года говоритъ еще о передачахъ земли, которыя предоставляли лишь право временнаго владѣнія [3]; онъ называетъ ихъ милостями, *munificen-*

[1] Надо также замѣтить, что предосторожности противъ давности составляютъ еще одну изъ чертъ, которыя характеризуютъ прекарій. Если бы вопросъ шелъ объ арендѣ или о пользованіи, не было бы нужды говорить объ этомъ, такъ какъ ни то, ни другое не давало владѣнія. Прекарій—единственный актъ, дававшій владѣніе, а потому и слѣдовало отмѣтить, что это владѣніе не даетъ мѣста для *praescriptio temporis*.

[2] Эпаонскій соборъ (нынѣ это—городъ Альбонъ въ Дофинэ), 517 года, с. 14 (у Sirmond, I, стр. 196, или въ *Opera Aviti*, изд. Peiper, стр. 169): «Quisque clericus aliquid de munificentia ecclesiae cui servierat adeptus et ad summum sacerdotium alterius civitatis fuerit ordinatus, quod dono accepit, reddat; quod usu vel proprietate secundum instrumenti seriem probabitur emisse, possideat».—Слова *munificentia ecclesiae*, которыя мы встрѣтимъ дальше, составляютъ какъ бы внѣшній признакъ, отмѣчающій прекарій.

[3] Ліонскій соборъ, 567, с. 5 (*Sirmond*, I, стр. 327): «Quas-

tiae, терминомъ, который исключаетъ понятіе о договорѣ и представляетъ въ то же время противоположность аренды и продажи.

Подобныя уступки были даровыми: нѣтъ указанія, чтобы новые владѣльцы обязывались платить какой-нибудь оброкъ или сборъ. Онѣ являлись кромѣ того временными. По смерти пожалованнаго епископская церковь, безъ сомнѣнія, брала землю назадъ [1]. Она отбирала ее также въ томъ случаѣ, если клирикъ оставлялъ епархію [2]. Можно думать, что церковь брала также назадъ землю, если клирикъ прекращалъ свое служеніе, или если епископъ не былъ доволенъ его службой. Ничто не мѣшало собственнику взять назадъ свое имущество. Пожалованіе, очевидно, оставалось отмѣняемымъ по волѣ дающаго [3].

Этотъ видъ прекарія чаще всего давалъ поводъ составленію грамоты. Ее называли и здѣсь просительной грамотою, *epistola precatoria* или *precaria*. Она писалась жалуемымъ и вручалась имъ епископу, который пользовался ею какъ доказатель-

cumque munificentias de rebus ecclesiae clericis aut servientibus episcopus in usum dederit». Это противопоставляется тому, что онъ давалъ въ собственность, «de propriis in proprietatem».

[1] Орлеанскій соборъ 511 года, гл. 13; Орлеанскій соборъ 541 года, гл. 18; Арльскій соборъ 554 года, с. 6.

[2] Соборъ въ Эпаонѣ, гл. 14.

[3] Ліонскій соборъ 567 года, гл. 5, вводитъ въ прекарій элементъ прочности: онъ не хочетъ, чтобы новый епископъ отнималъ пожалованія, сдѣланныя предшественникомъ. Но соборъ стремится тутъ скорѣе помѣшать чрезмѣрному произволу, чѣмъ отмѣнить право.

ствомъ собственности и оправдательнымъ документомъ противъ притязанія на давность [1].

Подобныя уступки могли совершаться и въ пользу свѣтскихъ людей, служителей церкви. Это указываютъ Орлеанскій соборъ 541 года [2] и Ліонскій соборъ 567 года [3]. Реймсскій соборъ 625 года напоминаетъ также, что „всякій человѣкъ“ можетъ получить отъ церкви „по прекарному пожалованію“ имѣніе, которое не становится отъ этого его

[1] До насъ не дошло ни одной формулы изъ этой категоріи прекарія. Но практикованіе ихъ засвидѣтельствовано одною статьею въ актахъ Эпаонскаго собора 517 года, которая показываетъ, что составленіе грамоты не было безусловно необходимо: «Clerici quod, etiam sine precatoriis, de ecclesiae remuneratione possident, in ius proprietarium praescriptione temporis non vocetur» (*Sirmond*, Concilia, I, стр. 197; *Peiper*, Aviti opera, стр. 170). Видно, что слова «etiam sine precatoriis» указываютъ, что чаще всего требовалась именно письменная грамота. Соборъ принимаетъ предосторожности на случай, если епископъ упускалъ изъ вида слѣдовать такому обычаю.—Ср. Толедскій соборъ 638 года, гл. 5; «Si quis clericorum stipendium de rebus ecclesiae episcopi largitate percepit, sub precariae nomine debeat professionem facere».—Что касается епископа-жалователя, то онъ по своему выбору могъ совершать пожалованіе устно или посредствомъ грамоты. Орлеанскій соборъ 541 года, с. 18: «Si quis clericus aliquid de iure ecclesiastico, seu verbo seu per scripturam acceperit ad utendum».

[2] Орлеанскій соборъ 541 года, с. 34: «Quisquis agellum ecclesiae in diem vitae suae pro qualibet misericordia a sacerdote acceperit possidendum».—Слова *pro misericordia* и слово *possidendum* обозначаютъ прекарій; мы увидимъ дальше, что была склонность отдавать прекарій пожизненно. Напоминаемъ, что *sacerdos* значило епископъ.

[3] Ліонскій соборъ, 567, с. 5: «Quascumque munificentias clericis *aut servientibus* episcopus in usum dederit».

собственностью, и надъ которымъ онъ не можетъ пользоваться правомъ давности [1].

Таково одно изъ примѣненій прекарія, которое дѣлала церковь. Въ этой первой формѣ мы встрѣчаемся безусловно съ старымъ римскимъ прекаріемъ, который происходитъ отъ „просьбы" и даруется изъ „милости" [2], является даровымъ, во всякое время по желанію отмѣняемымъ, или, самое большое, пожизненнымъ [3]. Онъ продолжалъ практиковаться на всемъ протяженіи средневѣковья.

Но мы видѣли что у Римлянъ прекарій былъ во многихъ случаяхъ принадлежностью другихъ, не безкорыстныхъ актовъ. Это самое увидимъ мы сейчасъ и въ практикѣ церкви.

2.

О прекаріи, замѣняющемъ аренду.

Церковь пользовалась прекаріемъ какъ родомъ аренды. У насъ есть формула „просительной грамоты", составленная такъ: „Господину преподобному мужу, руководителю этой церкви, я такой-то. Согласно моей просьбѣ волею вашею рѣшено даровать мнѣ на условіи простого пользованія такое-то, принадлежащее вамъ помѣстье, расположенное въ такомъ-то мѣстѣ, со всѣми его доходами, принадлежностями и угодіями, такимъ образомъ, чтобы я не имѣлъ права ни продавать, ни дарить, ни отчуждать въ ней что-либо, но чтобы, подъ защитою вашей власти, я могъ владѣть ею и занимать ее такъ долго, какъ продлится на то ваше рѣшеніе" [1]. Если мы остановимся на этомъ текстѣ, то узнаемъ настоящій римскій прекарій. Дѣло начинается съ того, что представляется „просьба"; затѣмъ дается понять, что актъ не имѣетъ иного источника кромѣ „воли" дающаго; указывается, что уступка касается „пользованія", а не собственности; прекаристъ признаетъ себя подчиненнымъ, *sub vestro praetexto* [2], и формально объявляетъ, что пользованіе его продлится лишь столько времени, сколько продлится воля жалователя. Это настоящій прекарій какъ у юрискон-

[1] Реймсскій соборъ, Sirmond, I, стр. 480; Mansi, X, стр. 591: «Quae per precariam impetrantur ab ecclesia, ne diuturnitate temporis in ius proprium usurpentur».

[2] Надо замѣтить, что идея милости всегда высказана какимъ-нибудь словомъ во всѣхъ текстахъ: «humanitas» (соборъ 511 года), «munificentia» (соборъ 517 года), «misericordia» (соборъ 541 года), «munificentias» (соборъ 567 года), «per precariam impetrantur» (соборъ 625 года), «largitas» (соборъ 638 года).

[3] Пожизненный прекарій упоминается на Орлеанскомъ соборѣ 541 года. Мы не находимъ этого вида прекарія въ оставшихся отрывкахъ римскихъ юрисконсультовъ, касающихся даннаго вопроса, но знаемъ отъ Ульпіана, что прекарій могъ устанавливаться «на долгое время». *Dig.* XLIII, 26, 8.

[1] *Formulae Turonenses*, 7, Rezière, № 319: «Domino venerabile illo rectorem ecclesiae illius ego ille. Ad meam petitionem vestra decrevit voluntas ut mihi villam vestram sitam in pago illo, cum omni merito ad se pertinentem vel aspicientem, usufructuario ordine mihi conservare iuberitis; ea ratione ut mihi non liceat aliubi nec vendere nec donare nec in ullo modo distrahere, sed sub vestro pretexto, quatenus vestrum manserit decretum, hoc tenere et usurpare».

[2] «Sub vestro pretexto». Парижская рукопись, № 2123 IX вѣка прибавляетъ: «beneficio». Ср. *Turonenses*, 37: «Sub pretexto ipsius basilicae tenere».

сультовъ III-го вѣка. Но дальше мы видимъ въ формулѣ нѣчто новое: „А потому я обязуюсь платить вамъ ежегодный оброкъ, состоящій изъ такой-то суммы денегъ“ [1]. Послѣ этихъ словъ грамота продолжается такъ: „По кончинѣ моей, вышеназванное помѣстье во всей его цѣлости, со всѣми угодіями, со всѣмъ, что я воздвигну на его землѣ, перейдетъ въ ваши руки или въ руки вашихъ повѣренныхъ, безъ необходимости совершать актъ передачи или дожидаться какого-либо особаго рѣшенія судьи. Никто изъ моихъ наслѣдниковъ не долженъ дѣйствовать на перекоръ этой грамотѣ, и настоящая грамота навсегда сохранитъ полное свое дѣйствіе, какъ будто бы она возобновлялась каждые пять лѣтъ“ [2]. Весь приведенный конецъ, который приводитъ къ стипуляціи [3], обнаруживаетъ безусловно римскій характеръ акта и представляетъ изъ себя не что иное какъ развитіе старыхъ прекарныхъ грамотъ. Единственное нововведеніе настоящей формулы состоитъ въ томъ, что въ грамоту вошло назначеніе ежегоднаго сбора. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить нѣсколько странный способъ выраженія этого послѣдняго условія. Прекаристъ

[1] «Unde censivi me annis singulis ad festivitatem ipsius sancti partibus vestris reddere argentum tantum».

[2] «Si aut ego ipse aut ullus de heredibus meis contra hanc precariam aliquam calumniam vel repetitionem generare praesumpserit, illud quod repetit non vindicet... Et haec precaria, quamvis per diversorum annorum curricula a me fuisset possessa» (въ парижской рокописи 10756 стоитъ «fuisset res possessa»), nullum praeiudicium vobis non preparetur, sed ita firma res maneat quasi per quinquennium fuissset renovata».

[3] «Cum stipulatione subnixa».

не говоритъ: „Вы обложили меня налогомъ“, онъ говоритъ: „Я самъ назначилъ себѣ повинность“, *censivi me*. Повидимому, назначеніе повинности лишь робко проскальзываетъ въ текстъ хартіи, какъ будто боятся лишить актъ прекарія того характера милости [1], который былъ ему присущъ.

Анжуйскій сборникъ формулъ содержитъ текстъ, похожій по существу на только что разобранный [2].

Въ одномъ изъ сборниковъ формулъ, называемыхъ салическими [3], находимъ такую формулу, въ которой условія аренды выражены уже болѣе опредѣленно, при чемъ, однако, основы прекарія не уничтожаются: „Господину и преподобному отцу во Христѣ, аббату такого-то монастыря... Я такой-то, составитель настоящаго прошенія, прибѣгаю къ вамъ [4]. Согласно моей просьбѣ, волею ва-

[1] Въ позднѣйшихъ формулахъ епископъ не боится уже сказать: «Censivimus te», *Rozière*, № 320 (*Zeumer*, p. 401).

[2] *Andegavenses*, 7; Rozière, 322.—Она начинается также со словъ «ad meam petitionem»; выраженіе «vestra voluntas» замѣнено словами «pietas vestra»; на языкѣ того времени *pietas* значитъ—доброта. Затѣмъ надо замѣтить «fecistis beneficium de re vestra», выраженіе, которое мы объяснимъ ниже. Словъ «quantum decretum vestrum manserit» въ ней нѣтъ, но не сказано также, что прекаристъ получитъ землю «in diem vitae suae». Собственно, не установлено никакого срока; во всякомъ случаѣ по смерти прекариста земля вернется церкви. Плата указана словами: «Spondeo vobis annis singulis censo soledus tantus».—Употребленіе слова «spondeo» позволяетъ предположить, что формула древняя.

[3] *Formulae Salicae Merkelianae*, 5; *Zeumer*, стр. 242, *Rozière*, 321.

[4] *Ibidem*: «Domino et in Christo venerabili patri illo abbati ex monasterio illius... ego in Dei nomine ille precator ad vos accedo».—

шею рѣшено было даровать мнѣ такую-то, принадлежащую вамъ землю, такъ чтобы въ силу вашего благодѣянія я могъ пользоваться ею и обрабатывать ее, пока живъ[1]. Настоящею прекарною грамотою я обязуюсь платить вамъ ежегодный оброкъ во столько-то динаріевъ. Если мнѣ случится запоздать съ платежомъ, я дамъ вамъ вѣрное обезпеченіе и при жизни своей не буду лишенъ земли[2]. Но при этомъ я не буду имѣть права ни отчуждать ея, ни уменьшать ея цѣнности, я буду лишь пользоваться ею. По смерти моей вы снова возьмете ее въ свои руки со всѣми сдѣланными мною на ней улучшеніями и постройками. Настоящая прекарная грамота сохранитъ полное свое дѣйствіе, не нуждаясь въ возобновленіи черезъ каждые пять лѣтъ".—Приведенная

Во многихъ формулахъ получающій пожалованіе называетъ себя *precator* (№№ 321, 329, § 2, 349; *Salicae Merkelianae*, 5, 35; 36); въ другихъ случаяхъ «supplex vester» (№№ 326; *Sal.*, 33); или же онъ говоритъ: «Supplicantes ad vos accedimus» (№№ 329, *Sal.* 34). Думаю, что въ *Charta Ibboleni*, неподлинной, но написанной по образцу подлинныхъ *precariae*, надо читать «*precator* ad vobis accedo», а не «*peccator*».

[1] «Iuxta quod mea (fuit) petitio, et vestra et patrum vestrorum decrevit voluntas ut illa rem vestram in loco illo, tam terris, domibus, etc. per vestrum beneficium, dum advixero, ad usufructuandum vel ad excolendum relaxare deberitis».—Излишне, конечно, подчеркивать, что слово *deberitis* въ формулахъ не подразумѣваетъ никакого понятія объ обязанности и играетъ въ этого рода текстахъ лишь роль вспомогательнаго глагола.

[2] «Et spondimus vobis in hanc precaria censo annis singulis, quod evenit festivitas illius, denarios tantos vobis vel partibus sancti illius dare studeam; et si de ipso necglegens vel tardus apparuero, fidem vobis exinde faciam vel transsolvam, et ipsa rem dum advixero non perdam».

грамота опять же отражаетъ на себѣ въ полномъ видѣ римскую традицію. Формы прекарія тщательно сохранены, и большинство терминовъ принадлежитъ самому древнему римскому прекарію. Вставлены однако два новыхъ условія: съ одной стороны, цифра ежегоднаго платежа, съ другой—формальное обѣщаніе, что прекаристъ не будетъ выдворенъ съ земли при жизни.

Вотъ еще одно нововведеніе.—Послѣ того, какъ прекаристъ подалъ свою грамоту, онъ добивается чтобы жалователь далъ ему въ свою очередь отвѣтную бумагу. Существовалъ ли подобный обычай въ римскомъ прошломъ? Мы не находимъ ясныхъ на то указаній[1]. Съ большою ясностью появляется онъ въ меровингское время. Такимъ образомъ, для прекарнаго акта стали составлать двойную грамоту. Одна свидѣтельствовала о просьбѣ, *epistola precatoria* или *precaria*, другая свидѣтельствовала о пожалованіи, *epistola praestaria*[2]. Обѣ грамоты совершенно соотвѣтствовали одна другой,

[1] Въ такомъ именно смыслѣ, впрочемъ, можно бы понять одинъ отрывокъ изъ Гая. См. *Dig.* XLIII, 26, 9: «Precaria possessio consisti (constitui) potest vel inter praesentes vel inter absentes, veluti per epistolam vel per nuntium».—*Epistola*, о которой здѣсь говорится, скорѣе грамота жалователя, чѣмъ просителя. Указанія на подобныя грамоты нѣсколько разъ встрѣчаются въ Дигестахъ, напримѣръ, XXXIX, 5, 32; XXXIX, 5, 35.

[2] *Rozière*, №№ 320, 323, 327, 328, § 2 (*Zeumer*, стр. 490, № 4; стр. 263; *Paris.* 1; стр. 160, *Add. ad Turonenses*, 3, стр. 99; *Marculf.* II, 40). Иногда грамота называется *commendatitia*; см. *Rozière*, №№ 321, § 2; 329, § 2; 342, § 3; 349, § 2 (*Zeumer*, стр. 243, № 6; стр. 255, № 35; стр. 236, № 22; стр. 265, № 37).—Въ хартіяхъ VIII вѣка оба акта одинаково называются *precariae*. См. *Diplomata*, № 557: «Placuit ut duas precarias».

заключали одни и тѣ же условія и тотъ же размѣръ платежа; въ нихъ повторялись одинаковыя слова [1].

Epistola praestaria указывала обыкновенно срокъ пожалованія; оно могло даваться на пять, десять, пятнадцать лѣтъ [2]; оно могло простираться и на всю жизнь прекариста. Есть, напримѣръ, одна *praestaria* парижскаго епископа, которою онъ жалуетъ восемь югеровъ земли и мельницу нѣкимъ мужу, женѣ и ихъ первому наслѣднику именно на всю жизнь [3].

Изъ всѣхъ разобранныхъ текстовъ узнаемъ, что практиковалась настоящая аренда земли; но ее окружаютъ и обставляютъ всѣ формы прекарія. Благодаря назначенію цѣны, опредѣленію срока и двойной грамотѣ этотъ актъ принимаетъ видъ правильнаго договора. Нельзя однако сказать, что то былъ контрактъ въ полномъ смыслѣ слова; обѣ стороны не договариваются на равныхъ началахъ; мы не стали бы также утверждать, что *praestaria* связывала жалователя или что она имѣла силу

[1] «Has oblegationes uno tenore conscriptas firmas permaneant» (*Turonenses*, 6; Rozière, 332).— «Unde inter nos convenit, ut duas epistolas... uno tenore conscriptas adfirmare deberimus» (*Merkelianae*, 33, Rozière, 326).—«Convenit hanc epistolam prestaturia in vobis pariter conscribere» (*Marculf.* II, 40; Rozière, 328, § 2).—Ср. *Charta Ibboleni*, Diplomata, II, 29); «Hae precariae uno tenore».

[2] *Rozière*, № 320 (*Zeumer*, стр. 490). Обычай назначать опредѣленный срокъ установился уже во время имперіи; см. законъ 470 года, въ Кодексѣ Юстиніана, I, 2, 14: «Tunc eius temporis quod inter utrosque convenerit, sive in diem vitae suae ab eo qui desiderat postuletur, pacto cum eo qui hoc elegerit ineat oeconomus (ecclesiae) atque conscribat per quae et tempus intra quod hoc praestari placuerit».

[3] *Zeumer*, стр. 263; *Rozière*, 323 (*Formulae Parisienses*).

передъ судомъ. Здѣсь обнаруживается не старая аренда по контракту, а появляется новый родъ аренды по прекарію.

3.

Прекарій, соединенный съ продажею и даромъ.

Прекарій соединялся и связывался еще съ продажею. Въ этомъ отношеніи церковь лишь продолжала обычаи, практиковавшіеся во всемъ римскомъ обществѣ.

Римскій законъ не разрѣшалъ, чтобы продажа и прекарій совмѣщались въ одномъ актѣ [1]. Точно также и въ меровингское время оба совершались отдѣльно; они слѣдовали одинъ за другимъ. Продавецъ начиналъ съ того, что писалъ запродажный актъ: „Удостовѣряю, что продалъ вамъ, не фиктивно, а дѣйствительно и безъ всякаго принужденія, такое то помѣстье, доставшееся мнѣ по наслѣдству отъ моихъ родителей и содержащее земли, дома, рабовъ и свободныхъ крестьянъ; я перевелъ на васъ свои права и свою собственность, я передалъ вамъ его и ввелъ васъ во владѣніе, за что и получилъ отъ васъ условленную плату во столько то солидовъ золота; отнынѣ земля принадлежитъ вамъ, и вы можете дѣлать съ нею все, что захотите“ [2].—Затѣмъ, послѣ нѣкотораго промежутка времени, продавецъ снова приходилъ къ аббату и вручалъ ему слѣдующую гра-

[1] *Papianus*, XXXV.

[2] *Bignonianae*, 20, Zeumer, стр. 235; Rozière, № 342, § 1.

моту: „Я явился къ вамъ, принося вамъ просьбу [1]. Продавъ вамъ эту землю, я обратился къ вамъ затѣмъ съ просьбой о томъ, чтобы вы уступили мнѣ ее въ пожизненное пользованіе, и вы согласились, почему я и пишу вамъ настоящую прекарную грамоту, подписанную мною и нѣсколькими почтенными людьми; и я вручаю вамъ ее, обѣщая платить вамъ ежегодно столько то динаріевъ въ день праздника святого [2]; если я опоздаю уплатить вамъ эту сумму въ условленный день, я сдѣлаюсь должникомъ вашимъ согласно закону, а въ силу вашего разрѣшенія я буду владѣть этою землею и пользоваться ею въ продолженіе моей жизни; при этомъ я не буду имѣть права ни продавать, ни дарить, ни портить ее и не буду имѣть права присваивать себѣ собственность на эту землю и включать ее въ составъ своего наслѣдства“ [3].

Формулы не говорятъ намъ, какія побужденія заставили такого то собственника превратиться за нѣкоторую сумму денегъ въ арендатора-прекариста [4]. По старому римскому праву заемщикъ продавалъ свою землю кредитору и бралъ ее назадъ, но въ прекарное владѣніе. Церковь не оставила намъ формулъ, которыя опредѣленно описывали бы именно такую сдѣлку, но можно предполагать, что многія изъ такихъ продажъ, сопровождавшихся вслѣдъ затѣмъ прекаріемъ, скрывали дѣлавшіяся ею ссуды. Правила церкви запрещали ей ростовщичество, и сдѣлка, о которой мы говоримъ, походила на ростовщичество лишь по своимъ результатамъ. Другіе жертвовали церкви свои имѣнія даромъ и брали ихъ въ прекарное владѣніе.

[1] *Bignonianae*, 21, Rozière, 342, § 2: «Precator accessi vobis ..»

[2] «Sed *postea* taliter vobis supplicavimus, ut ipsam porcionem ad usu beneficio ad excolendum, quamdiu advivo, mihi prestare deberitis».

[3] Соотвѣтствующую *praestaria* см. у Rozière, 344 (*Turonenses*, 34).

[4] См. *Diplomata*, additamenta, № 34, т. II, стр. 444, и *Zeuss*, Trad. Wissenburgenses, № 226.

По первому впечатлѣнію можно бы было подумать, что этотъ родъ даренія былъ тою самою сдѣлкою, которая называлась въ римскомъ правѣ дареніемъ съ сохраненіемъ пользованія (узуфрукта). Но это было бы невѣрнымъ заключеніемъ. Оба рода актовъ совершались въ VII-мъ вѣкѣ, и они не походили одинъ на другой. Дареніе съ сохраненіемъ пользованія совершалось согласно усвоенному римскимъ правомъ принципу [1], посредствомъ только одной грамоты, писавшейся слѣдующимъ образомъ: „Я дарую эту землю навѣки и передаю ее изъ своего права въ ваше, но такъ, что пока буду живъ, я сохраню пользованіе и владѣніе ею“ [2]. Или же акты подобнаго рода гласили еще такъ: „Я приношу эту землю въ даръ, сохраняя пользованіе и такъ, что по смерти моей монастырь возьметъ ее въ свое владѣніе“ [3].—Прекарій являлся вещью совсѣмъ иного рода.

[1] Кодексъ Θеодосія, VIII, 12.

[2] *Marculf.* II, 3 (Rozière, 215); *Turonenses*, 37 (Rozière, 214); *Salzburgenses*, 5 (Rozière, 218); *Diplomata*, №№ 585, 513; *ibidem*, т. II, стр. 431, 439—440, 446; *Greg. Tur.* Miracula Martini, IV, 11.—Ср. *Marini*, Papiri diplomatici (1805 г.), № 84, 491-й годъ; № 88 и т. д.

[3] *Miracula S. Benedicti*, III, 4, стр. 133—135.

Даритель начиналъ съ совершенія дарственнаго акта по формулѣ, не содержавшей ни упоминанія о пользованіи, ни какой-либо другой оговорки. Отреченіе его отъ собственности было полнымъ [1]. Затѣмъ онъ снова являлся къ епископу или аббату и просилъ, чтобы та же земля была ему обратно уступлена въ пользованіе. Онъ писалъ новую грамоту, въ которой могъ напомнить, что это онъ принесъ землю въ даръ; но онъ не могъ никакъ ссылаться здѣсь на то, чтобы этотъ даръ создавалъ для него какое-нибудь право. Ходатайство его носило такую форму и заявлялось столь же смиренно, какъ будто бы онъ и не былъ вовсе дарствователемъ [2]. Онъ писалъ свою *precaria* или просительную грамоту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Достовѣрно то, что я передалъ вамъ въ полную собственность такое то имѣнье, расположенное въ такомъ то мѣстѣ. Но затѣмъ я обратился къ вамъ съ просьбой, и по милости вашей мнѣ было разрѣшено сохранить эту же землю, пока я живъ, и на время жизни моей жены, съ тѣмъ, чтобы владѣть ею и пользоваться ея доходомъ [3]. Въ удостовѣреніе чего я вручаю вамъ настоящую прекарную грамоту, для утвержденія того,

[1] *Marculf.* II, 4 (Rozière, 345, § 1).

[2] Такъ же и *praestaria* (Rozière, № 320) писалась совершенно одинаково, была ли земля пожалована другимъ или самимъ прекаристомъ (*Zeumer*, стр. 490, № 4). См. напримѣръ, Эльзасскую хартію, въ которой видно, что Вольфгунда пожертвовала свои земли Виссенбургскому монастырю: «Postea ibi super ipsa terra ad commanendum licentiam dedistis, propterea vobis tale epestola precaturia fieri rogaris» (*Diplomata*, т. II, стр, 433).

[3] *Marculf.* II, 5 (Rozière, 345, 2).

что какъ бы продолжительно ни было наше владѣніе, оно не нанесетъ никакого ущерба вашему праву; намъ будетъ принадлежать лишь пользованіе; земля же съ тѣми улучшеніями, которыя мы сдѣлаемъ на ней, по смерти нашей поступитъ вамъ, если бы даже настоящая просительная грамота и не возобновлялась каждые пять лѣтъ“ [1].

Такимъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, когда церковь имѣла дѣло съ жертвователемъ, она заставляла писать просительную грамоту, *precatoria* или *precaria* [2], въ силу которой даритель ставилъ себя подъ ея милость. Въ случаѣ надобности, бумага должна была служить для доказательства права церкви. Въ *Archives nationales* находимъ два судебныхъ приговора, изъ которыхъ видимъ, что между церковью и свѣтскимъ человѣкомъ возникла тяжба по поводу помѣстій, которыя были пожертвованы и потомъ взяты въ прекарное владѣніе. Дѣло пошло на королевскій судъ. Епископъ представилъ прекарную грамоту и выигралъ дѣло [3].

Такой именно родъ прекарія устанавливался часто на всю жизнь дарителя, и это оговаривалось въ актѣ. Такъ, прекарій, не походя юридически на

[1] См. *Senonicae*, 15 и 32 (Rozière, 340, 2; 339, 2; ibidem, 341, Zeumer, стр. 490, № 3). Въ послѣдней встрѣчаемъ упоминаніе о ежегодномъ платежѣ: «Censistis me».—Ср. *Lindenbrogianae*, 4 (Rozière, 346): «Censistis nobis».—*Lex Alamannorum*, II, 1: «Si quis res suas ad ecclesiam dederit... et post haec ad beneficium susceperit, quod spondit persolvat censum de illa terra». Часто случалось, какъ видимъ, что это пользованіе оплачивалось цензомъ, какъ бы оплачивалась аренда земли.

[2] Въ рукописяхъ встрѣчается и то, и другое слово.

[3] *Tardif*, №№ 14 и 32.

сохраненіе пользованія, приводилъ на дѣлѣ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Чрезъ прекарій достигалось пользованіе [1].

Иногда въ грамотѣ говорилось, что уступка пользованія будетъ распространяться на сыновей, иногда даже на внуковъ жертвователя [2]. Могло также случаться,—но имѣющіеся примѣры относятся лишь къ IX-му вѣку,—что пользованіе навсегда должно было оставаться въ семьѣ дарствователя, но лишь по прямой линіи его потомства. Ежегодный платежъ являлся обычнымъ условіемъ этого пользованія [3].

Такого рода актъ, въ которомъ соединяются дареніе и пользованіе, часто объясняется чувствомъ благочестія; оно не доходитъ однако до того, чтобы собственникъ вполнѣ лишалъ себя имущества при жизни: это щедрость, но не самоотверженіе. Вѣра, быть можетъ, также потребность въ безопасности и желаніе покровительства церковнаго часто должны были заставлять мелкихъ собственниковъ жертвовать церкви земли, которыя они получали

[1] *Charta Adalgiseli*, Patrologia lat. t. LXXXVII, col. 1347: «Villa quam germana mea Ermegundis ecclesiae Virdunensi dedit et ego sub usufructuario per precatoriam possedi».—Есть примѣры дарствованія и прекарія въ одномъ актѣ.—*Traditiones Sangallenses*, № 22 (758-й годъ): «Ego Richarius trado omnia ad monasterium... Ego pro precario volo habere usque vita mea».—*Ibidem*, № 24: «Ego Hetti trado ad monasterium quidquid... In eam vero rationem ut per precariam de vobis hoc recipiam et annis singulis persolvam censum».

[2] *Merkelianae*, 36 (Rozière, 349); *Diplomata*, №№ 513, 514.

[3] *Rozière*, № 354; *Zeumer*, p. 352, № 8.

отъ нея потомъ на условіи платежа ценза. Отсюда могли произойти многія цензивы [1].

4.

О прекаріи въ обмѣнъ „голой“ собственности на землю.

Существовало еще другое примѣненіе прекарія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ довольно сложнымъ актомъ, соединявшимъ въ себѣ формы даренія и прекарія и по существу бывшимъ коммерческою сдѣлкой. Состоялъ онъ въ томъ, что собственникъ получалъ отъ церкви пользованіе какою-нибудь землею и за это передавалъ ей „голую“ собственность на другую ему принадлежащую землю. Онъ дѣлался тогда владѣльцемъ обѣихъ земель по прекарію, а церковь становилась собственникомъ и той, и другой земли. То были спекуляціи, при которыхъ выигрывали что-нибудь, или разсчитывали выиграть, каждая изъ договаривающихся сторонъ.—Собственникъ сотни югеровъ пріобрѣталъ пользованіе на всю свою жизнь двумя стами югеровъ; онъ удваивалъ свою запашку и свой достатокъ; но по смерти его церковь удвоитъ свою собственность.

[1] См. *Polytyque d'Irminon*, IX, 264 стр. 110: «Donationem quam fecit Landa. Dedit mansum unum... Solvit inde denarios quatuor».—Другой примѣръ, *ibidem*, IX, 265, стр. 110. Тутъ данная земля, или, по крайней мѣрѣ, равноцѣнная ей (№ 266) находится въ рукахъ наслѣдниковъ дарителя. См. IX, 268, стр. 110. Но нельзя сказать, что разсмотрѣнный видъ сдѣлокъ былъ общимъ началомъ цензивы, какъ утверждаетъ *Buche*, Revue historique de droit, 1884, т. I, стр. 75.

Такого рода сдѣлки описываются уже въ одномъ римскомъ законѣ отъ 470 года. Въ законѣ этомъ, очевидно, внушенномъ и продиктованномъ самою церковью, императоры запрещаютъ тѣмъ, кто управляетъ ея землями, продавать или какимъ-либо образомъ отчуждать ихъ. Они только разрѣшаютъ имъ уступать земли „тому, кто ходатайствуетъ о временномъ ими владѣніи и о пользованіи въ силу одной только своей просьбы“ [1]. — Эти первыя слова достаточно ясно обнаруживаютъ прекарій. Ниже прибавлено: „Долженъ быть совершенъ писанный актъ, указывающій, что̀ даетъ церкви получающій пользованіе въ обмѣнъ на оказанное ею благодѣяніе, и само собою разумѣется, что по смерти своей онъ оставитъ церкви не только полученную имъ землю, но и другую землю такого же размѣра и такой же стоимости, въ полную ея собственность, съ рабами ея и колонами“ [2]. — Вѣроятно, законъ этотъ не былъ извѣстенъ въ Галліи; но онъ лишь утвер-

[1] Кодексъ Юстиніана, I, 2, 14, законъ императоровъ Льва и Анѳимія: «Si oeconomus ecclesiae perspexerit expedire ut desideranti cuiquam certarum possessionum atque praediorum ad ius ecclesiasticum pertinentium temporaria ususfructus possessio pro ipsius petitione praestetur».—Мы замѣчаемъ, насколько это характерные для прекарія термины.

[2] *Ibidem*, § 9: «Manifestum sit quod quacumque acceperit (ecclesia) ad vicem huius beneficii gratia... Ita scilicet ut, sive completo spatio quod inter eos fuerit constitutum, seu mortis suae tempore si hoc quoque convenerit, is qui possessionem ecclesiasticam susceperit, non minus quam alterius tantae quantitatis quantae acceperat reditus, cum ipso praediorum dominio... colonis et mancipiis ecclesiae relinquat» (См. также Новеллы Юстиніана 7 и 120).

ждалъ и санкціонировалъ практику, уже повсемѣстно примѣнявшуюся церковью на дѣлѣ.

Вотъ одна изъ формулъ, употреблявшихся при совершеніи такого рода актовъ: „Господину апостольскому мужу, епископу такому-то, я такой-то и жена моя такая-то. Согласно нашей просьбѣ, благость ваша соизволила разрѣшить намъ пользоваться этою землею въ теченіе нашей жизни. Мы же за это пользованіе, а также для спасенія души нашей жертвуемъ вамъ по смерти нашей такое-то помѣстье, расположенное въ такомъ-то пунктѣ [1]. При жизни нашей намъ будетъ принадлежать пользованіе тою и другою землею, а послѣ нашей смерти вы и повѣренные ваши возьмете въ свою власть обѣ земли, безъ всякаго спора со стороны нашихъ наслѣдниковъ. Прекарную грамоту не нужно будетъ возобновлять, согласно обычаю; достаточно будетъ настоящей грамоты, и она навсегда сохранитъ полную силу“ [2]. Условіемъ такого двойного держанія

[1] *Rozière*, 328; *Marculf*. II, 39: «Quatenus ad nostram petitione vestra habuit pietas ut locello aliquo ecclesiae vestrae nobis ad beneficium excolere permisistis, et nos pariter alio locello vobis visi fuimus condonasse».

[2] *Ibidem:* «Post nostrum discessum prefata loca, absque ulla alla renovata precaria, vos in vestra faciatis revocare dominacione».—Другая формула, *Rozière*, 326 (*Merkelianae*, 33): «Ego ille supplex vester. Dum iuxta quod mea fuit petitio et vestra decrevit voluntas, ut illam rem vestram in loco illo per vestrum beneficium dum advixero mihi ad excolendum vel usufructuandum relaxare deberitis... et ego pro ipso usu de ipsa re vestra dedi vobis alteram rem meam nuncupantem illam, sitam in pago illo quae hereditate mihi obvenit; in ea ratione ut quamdiu advixero in utraque parte loca mihi liceat tenere et usufructuare. Et pro hac re precaria vobis emitto et

иногда ставился ежегодный цензъ [1].

Соотвѣтственно грамотѣ прекариста выдавалась епископомъ разрѣшительная грамота [2]: „Согласно вашей просьбѣ, мы разрѣшили вамъ обработывать эту землю, и вы дали церкви взамѣнъ такое-то, составляющее вашу собственность, помѣстье, которое поступитъ намъ по вашей смерти. А посему мы пишемъ вамъ настоящую praestaria съ тѣмъ, чтобы въ теченіе вашей жизни вы сохраняли обѣ земли, не нарушая правъ церкви, и чтобы по смерти вашей обѣ земли поступили намъ или нашимъ преемникамъ согласно тому, что говорится въ вашей прекарной грамотѣ".— Ясно, что въ данномъ случаѣ церковь, разрѣшавшая пользованіе, формальнымъ образомъ обязывалась не отбирать земли до установленнаго срока [3].

Мы видимъ, насколько уже удаляется описанная сдѣлка отъ первоначальнаго римскаго *precarium*. Въ самомъ дѣлѣ, это договоръ, по которому церковь уступаетъ пользованіе, чтобы взамѣнъ получить собственность. Однако, онъ продолжаетъ называться прекаріемъ [4], и сдѣлка устанавливается не путемъ дѣйствительнаго контракта, а посредствомъ прекарной грамоты, сопровождаемой, правда, отвѣтной грамотой, разрѣшающей пользованіе.

censo spondo annis singulis tantum quantum inter nos convenit dare studeam...»

[1] *Rozière*, 329; *Merkelianae*, 35, 331, § 2 (*Salicae Lindenbrogianae*, 3, болѣе поздняго времени).

[2] *Rozière*, 327 (*Zeumer*, стр. 160); *ibidem*, 329, 2 (*Salicae Merkelianae*, 35).

[3] Онъ пишетъ, напримѣръ: «Ideo convenit hanc epistolam vobis pariter conscribere ut, dum advixeritis, nec nos nec successores nostri ipsa locella de vestra potestate ponteficium auferendi non habeamus» (*Marculf*. II, 40).

[4] «Hartwig presbyter tradidit ad ipsum monasterium medietatem de ecclesia, et mansos serviles, et e contra recepit ecclesiam et mansos serviles sex... in ea ratione ut id ipsum quod tradidit diebus vitae suae habeat in precarium». *Appendice au Polyptyque d'Irminon*, p. 299.

Нѣтъ сомнѣнія, что наибольшая выгода отъ такихъ соглашеній приходилась на долю той изъ двухъ сторонъ, которая не умирала. Церковь пріобрѣла такимъ путемъ много земельныхъ имуществъ [1]. Понятно поэтому, что одинъ агіографъ сказалъ о Верденской церкви, что она значительно увеличила свои владѣнія „благодаря обычаю прекарія" [2]. Столь же ярко высказывается и составитель житія Дезидерія Кагорскаго, когда сообщаетъ, что святой епископъ пріобрѣлъ для своей церкви много земель „никого не обирая, а благодаря своимъ благодѣяніямъ и покупкамъ". Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о прекаріи [3]. Итакъ, писатели прямо признаютъ, что прекарій былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возраставшаго богатства церквей. Не забудемъ, что практика его никогда не прекращалась на церковныхъ земляхъ. Правила его мы видѣли въ одномъ римскомъ законѣ 470-года; мы найдемъ ихъ опять въ одномъ

[1] Это тотъ родъ прекарія, отъ котораго у насъ имѣется больше всего формулъ, №№ 326, 327, 328, 329, 330.

[2] *Patrologia latina*, t. CXXXII, col. 514.

[3] *Ibidem*, LXXXVII, 234: «Non ulli tollendo, sed benefaciendo et coemendo».

капитуляріи Карла Лысаго и въ дипломахъ конца IX-го вѣка [1].

Таковы разновидности въ употребленіи прекарія, примѣнявшіяся церковью на ея земляхъ. Во-первыхъ, она уступала земли въ прекарное владѣніе членамъ духовенства, служителямъ церкви и свѣтскимъ лицамъ, которыхъ хотѣла привязать къ себѣ; это было продолженіемъ настоящаго римскаго прекарія, то-есть, прекарія дарового и по произволу отбираемаго. Во-вторыхъ, она пользовалась прекаріемъ подъ видомъ сдачи земли въ аренду, причемъ оказалось достаточно вставить въ древнюю формулу прекарной грамоты одну строку, указывавшую размѣръ ежегоднаго платежа. Затѣмъ церковь связывала еще прекарій съ продажею, какъ то практиковалось во времена Римской Имперіи. То, что мы назвали бы пріобрѣтеніемъ „голой" собственности, совершалось подъ видомъ прекарія. Такъ же поступала она и съ дареніемъ и вслѣдствіе этого произошло, что старое римское дареніе съ сохраненіемъ пользованія было

[1] *Baluze*, II, 32.—Въ одномъ дипломѣ 894 года видимъ мужчину и женщину, которые жертвуютъ свою собственность и получаютъ въ прекарное владѣніе то же помѣстье съ нѣсколькими другими церковными землями «iure usufructuario», *Bouquet*, IX, стр. 463—464. Ср. *Polyptyque d'Irminon*, XII, 1—3, стр. 122—123. Одна женщина, по имени Ада, принесла въ даръ церкви два манса, составлявшихъ пятьдесятъ бунуаріевъ съ нѣсколькими сервами. «Pro qua donatione deprecata est»—два участка земли, расположенныхъ по сосѣдству и заключавшихъ восемьдесятъ бунуаріевъ: «Solvit inde solidos tres». Другіе примѣры, *ibidem*, XII, №№ 15, 18, 35, 39; *Prolégomènes*, стр. 241, № 1. См. еще *Regino*, кн. 1, с. 363, 365.

понемногу замѣнено полнымъ дареніемъ, сопровождавшимся прекаріемъ. Наконецъ, церковь соединяла прекарную уступку принадлежавшей ей земли съ принятіемъ пожертвованія въ собственность ей другой земли и удваивала такимъ образомъ свое достояніе.

Итакъ, примѣненіе прекарія расширилось и видоизмѣнилось съ теченіемъ временъ. Но не слѣдуетъ терять изъ вида, что по существу сохранялся все тотъ же прекарій. Онъ удержалъ всѣ старыя формы. При какомъ бы случаѣ ни прибѣгали къ нему, мы всегда находимъ въ актѣ о немъ „просьбу" или „прошеніе" одной изъ сторонъ и „волю", или „милость", „благодѣяніе" другой. Остается безъ перемѣны ясно обозначенное различеніе между „собственностью", которая цѣликомъ остается у дающаго прекарій, и „владѣніемъ", „пользованіемъ", „правомъ пользованія", „эксплуатаціей" [1], которая жалуется получающему прекарій. Владѣніе это всегда остается временнымъ; но оно не во всѣхъ уже случаяхъ по желанію отбирается; обыкновенно, опредѣляется его срокъ. Чаще всего оно длится столько же времени, какъ и жизнь прекариста; оно можетъ продолжаться въ теченіе двухъ и даже трехъ поколѣній; но всегда ему будетъ конецъ, и помѣстье неизбѣжно вернется въ руки своего собственника [2]. Это владѣніе не только временное, оно также и условное, и чаще всего облагается

[1] «Excolere».

[2] Это происходитъ даже въ тѣхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, когда уступка именуется вѣчною. Наслѣдуется оно всегда лишь по прямой линіи и на извѣстныхъ условіяхъ.

ежегоднымъ цензомъ. Прекаристъ могъ улучшать ввѣренную ему землю, могъ возводить тамъ новыя постройки, но не имѣлъ права ни на какое вознагражденіе.

Прекарій не могъ получить такого развитія, сдѣлаться столь распространенною практикой, примѣшаться къ столькимъ различнымъ аграрнымъ операціямъ иначе, какъ пріобрѣтя извѣстную прочность, окруживъ себя болѣе вѣрными чѣмъ первоначально гарантіями. Неопредѣленность прежняго *precarium* не подходила больше къ новымъ формамъ разросшагося прекарія. Такъ установился обычай двойной грамоты. Нельзя сказать, что тѣмъ самымъ прекарій превратился въ контрактъ. Къ нему никогда не примѣнялся терминъ контракта, его продолжали называть милостью. Самая двойная грамота не имѣетъ опредѣленной формы контракта. Но неудивительно, что въ силу общей склонности церкви къ порядку прекарій долженъ былъ получить отъ нея все болѣе ясныя и точныя правила. Онъ принялъ отъ нея формы квази-контракта. Прекаристъ, который часто былъ арендаторомъ, продавцомъ и даже жертвователемъ, соглашался писать прекарный актъ по установленнымъ для этого акта смиреннымъ формуламъ; но онъ все же опредѣленно хотѣлъ знать, какъ далеко простираются его обязательства; предѣлъ этотъ онъ указывалъ въ своей грамотѣ, и сама церковь принимала передъ нимъ нѣкоторыя обязательства въ грамотѣ, которая давалась ему въ отвѣтъ. Такимъ образомъ, прекарій во многихъ случаяхъ становился если не настоящимъ кон-

трактомъ, то, по крайней мѣрѣ, очень точнымъ соглашеніемъ, подчиненнымъ опредѣленнымъ правиламъ [1].

Не слѣдовало пропустить мимо вниманія происшедшихъ измѣненій, которыя были внесены въ прекарій временемъ, практикой и духомъ порядка. Но очень важно отмѣтить еще и то обстоятельство, что основныя формы этого акта не измѣнились. Это все тотъ же римскій прекарій. Послѣ имперіи онъ сохранился во все время меровингской эпохи, измѣняясь, какъ можетъ измѣняться отъ времени всякая практика. Онъ примѣнялся на земляхъ свѣтскихъ лицъ и, вѣроятно, еще больше на церковныхъ [2]. Онъ распространился на всѣ сферы земель-

[1] Его называютъ *pactum* (законъ 470 года), или еще *placitum* (формулы). Иногда встрѣчается выраженіе «inter nos convenit». Но слова «convenit» и «conventio» встрѣчаются уже у Цельса, *Dig*. XLIII, 26, 12.

[2] Римское происхожденіе церковнаго прекарія признаютъ: *Labuolaye*, Droit de propriété, стр. 296; *Guérard*, Prolégomènes au polyptyque de l'abbé Irminon, стр. 567; *Pépin Leballeur*, стр. 176; *Demante*, Revue historique du droit français, 1860.—Но, согласно Роту (*Roth*), Feudalität, стр. 168, и Лёнингу (*Löning*), Geschichte des deutschen Kirchenrechts, II, стр. 710, церковная *precaria* существенно отличалась отъ римскаго *precarium*. Ротъ утверждаетъ даже, что precaria IX вѣка не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ precarium. Ошибка его происходитъ оттого, что онъ принимаетъ во вниманіе лишь римскій precarium въ чистомъ видѣ, какъ его опредѣляютъ юрисконсульты. Если бы онъ изучилъ его въ практикѣ, если бы онъ замѣтилъ, что и въ римскомъ уже обществѣ precarium соединялся съ арендой, съ продажей, и т. д., и что даровымъ онъ былъ лишь по виду, то разстояніе между римскимъ и средневѣковымъ прекаріемъ показалось бы ему менѣе значительнымъ. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что precaria отличается отъ precarium лишь по своимъ примѣненіямъ,

ныхъ отношеній. Вознагражденіе слугъ производилось посредствомъ прекарія; аренда, пользованіе, пріобрѣтеніе собственности совершались посредствомъ прекарія. Такимъ образомъ, прекарій со-

даже не по всѣмъ примѣненіямъ, а только по нѣкоторымъ. Различія между ними принадлежатъ къ числу тѣхъ, какія время и практика могутъ внести во всякаго рода акты; это не основныя различія. Кромѣ того, разница, которая поражаетъ между precarium въ III вѣкѣ и въ VII-мъ, въ большой степени можетъ зависѣть отъ того, что первый мы знаемъ только благодаря юрисконсультамъ, тогда какъ второй изучаемъ и по актамъ изъ жизненной практики. Если бы о прекаріи VII го вѣка мы знали только то, что о немъ говорятъ законы, мы получили бы очень неполное понятіе о его природѣ. И, наоборотъ, если бы отъ III-го вѣка сохранилось десятка три формулъ различныхъ актовъ, въ которые входилъ бы прекарій, мы составили бы себѣ, быть можетъ, совсѣмъ другое понятіе о римскомъ precarium. Возможно, значитъ, что крайнее различіе, которое мы усматриваемъ между прекаріями обѣихъ эпохъ, въ большой степени зависитъ отъ разницы источниковъ, которые насъ освѣдомляютъ.—Прибавлю, что тѣ, кто сравниваетъ церковную precaria съ римскимъ precarium, придаютъ слову precaria такое значеніе, котораго оно не имѣло. Въ VII-мъ вѣкѣ такъ же, какъ и въ III-мъ, самый актъ назывался precarium; precaria было прилагательнымъ, относящимся къ просительной грамотѣ. Precarium устанавливался посредствомъ одной или двухъ грамотъ, которыя назывались precaria и praestaria. Истиннымъ различіемъ между precarium и precaria было различіе, которое существуетъ между актомъ и писаннымъ условіемъ этого акта. Смыслъ слова precaria хорошо опредѣляется: 1) текстами, въ которыхъ мы читаемъ epistola precaria; 2) тѣми текстами, гдѣ это слово пишется precatoria; 3) фразами, въ которыхъ прекаристъ пишетъ: «Precarium vobis emitto» (*Rozière*, 326; *Merkelianae*, 33), или «emittimus» (*Rozière*, 345, § 2; *Zeumer*, стр. 349, № 3); 4) извѣстнымъ числомъ формулъ, изъ которыхъ видно, что precaria будетъ возобновляться; 5) тѣмъ, что въ судебныхъ приговорахъ мы видимъ, какъ одинъ изъ тяжущихся представляетъ precaria и проситъ ее прочесть (*Tardif*, 14, 32; *Diplomata*, № 509).—Правда, со временемъ значеніе слова precaria исказилось и стали смѣшивать прекарную грамоту съ самымъ предметомъ прекарія. Уже въ *Turonensis*, 7, слово это имѣетъ два значенія. Расширяя слово, говорили «tenere precariam» (*Irminon*, IX, 269, стр. 110), «habere in precaria» (*ibidem*, XIV, § 3, стр. 164, и XIX, 58, стр. 205), или еще «filius meus succedat in ipsam precariam» (*Rozière*, 349, § 1; *Merkelianae*, 36), равно какъ говорили «habere in praestariam» (*Saint-Remi*, IX, 8).—Еще позднѣе произошло новое искаженіе смысла и смѣшеніе понятій; мы читаемъ въ формулахъ, что епископъ объявляетъ объ уступкѣ земли «per suam precariam»; онъ называетъ «precaria» грамоту, которую пишетъ самъ, вмѣсто того, чтобы называть ее «praestaria». Примѣры на это можно найти у *Rozière*, №№ 329, § 2; 330, § 2; 333, 334, 335, 347, 348, § 2; *Merkelianae*, 35; *Sangallenses*, 15; *Augienses*, A, 18, 19, 20; B, 2, 3, 4, 5); но можно убѣдиться, что эти формулы относятся къ IX-му вѣку и были написаны въ окраинныхъ областяхъ Франкскаго государства, особенно въ Аламанніи.

единился съ самыми разнообразными актами и проникъ въ привычки населенія тысячью путей. Нельзя сказать навѣрно, что измѣненія, которыя въ немъ произошли, сильно исказили его суть, то-есть, обновили понятія, которыя люди связывали съ нимъ раньше. Весьма вѣроятно, что щедрый жертвователь, котораго заставляли писать смиренную просительную грамоту, смотрѣлъ на себя какъ на настоящаго прекариста и считалъ себя обязаннымъ дѣйствительно оказывать покорность и подчиненіе, о которыхъ заявлялось въ словахъ грамоты. Несмотря на пережитыя измѣненія, прекарій продолжалъ производить тѣ же дѣйствія. Онъ ставилъ въ зависимость, или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени подчинялъ прекариста дающему прекарій. Главное же, онъ до безконечности размножилъ число земель, подчиненныхъ

верховной собственности, и людей, подчиненныхъ высшему собственнику.

Надо, тѣмъ не менѣе, отмѣтить, что ни одна изъ дошедшихъ до насъ прекарныхъ грамотъ не упоминаетъ, что получившій прекарное пожалованіе повиненъ былъ нести личную службу и особенно военную службу въ угоду другому человѣку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бенефицій меровингской эпохи.

I.

Нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія о бенефиціи.

Beneficium — одно изъ явленій, особенно часто встрѣчаемыхъ въ памятникахъ VI-го, VII-го и VIII-го вѣковъ. Онъ обозначаетъ институтъ или практику, очень распространенную и весьма важную. Чтобы составить о немъ ясное понятіе, надобно прежде всего устранить нѣкоторыя мнѣнія, которыя сами собою приходятъ на умъ. Мы склонны думать: 1) что бенефиціи были категоріей земель, отличныхъ отъ аллодовъ, на которыя не распространялось полное право собственности; 2) что бенефиціи предоставлялись исключительно племени завоевателей, особенно воинамъ; 3) что владѣніе такими землями подчинялось условію военной службы. Эти три положенія долго господствовали

въ исторіи [1]; надо разсмотрѣть ихъ одно за другимъ.

1. Ни въ одномъ памятникѣ нельзя найти подтвержденія факта, будто въ эпоху водворенія Франковъ была создана особая категорія земель, выдѣленныхъ для нѣкотораго спеціальнаго назначенія. Фактъ такой первостепенной важности, несомнѣнно, оставилъ бы какое-либо воспоминаніе среди людей послѣдующаго вѣка. Однако, ни Григорій Турскій, ни другіе хроникеры не говорятъ о немъ даже намекомъ. Ничего подобнаго не произошло ни у Бургундовъ, ни у Вестготовъ.

Эта гипотеза даже противорѣчитъ имѣющимся памятникамъ. У насъ есть много хартій или формулъ, по которымъ мы ясно видимъ порядокъ землевладѣнія. Всѣ земли подлежали продажѣ, даренію, наслѣдственной передачѣ, завѣщаніямъ; мы никогда не находимъ указанія на особый классъ земель, которыхъ нельзя было ни продавать, ни завѣщать. Во всей массѣ документовъ нельзя найти и признака, чтобы земли распадались на двѣ категоріи: — на группу аллодовъ и на группу бенефиціевъ.

Аллодъ, къ тому же, и не былъ землей; такъ называлось наслѣдственное право на землю или на всякій другой предметъ. Иного значенія это слово не имѣло въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ. Вы нигдѣ не прочитаете: „Аллоды"; но постоянно увидите: „Я владѣю по аллоду этой землей, этимъ рабомъ, этими деньгами". Вы читаете: „Я владѣю этой зе-

[1] Роту мы обязаны тѣмъ, что онъ первый сталъ ихъ оспаривать.

млей по отцовскому или материнскому аллоду", то-есть, по наслѣдству отъ отца или отъ матери. Салическая Правда не говоритъ о земляхъ-аллодахъ, но въ ней есть глава „о наслѣдованіяхъ", *de alodibus*.

То же можно повторить и о терминѣ *beneficium*; нѣтъ слова, которое чаще встрѣчалось бы въ памятникахъ. Но оно никогда не примѣняется къ землѣ. Вы нигдѣ не увидите въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ, чтобы земля „была бенефиціемъ". Вы замѣтите только, что человѣкъ владѣетъ землей или всякимъ другимъ предметомъ „по бенефицію". *Habere beneficio, tenere per beneficium*,—вотъ выраженія, которыя тогда постоянно употреблялись.

Очевидно, слова — аллодъ и бенефицій, не будучи вовсе обозначеніями двухъ различныхъ видовъ земель, могли примѣняться, въ качествѣ наименованій различныхъ правъ, къ одной и той же землѣ и въ одно и то же время. Аббонъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи, что „помѣстье Бурже принадлежитъ ему въ качествѣ аллода, а нѣкій Австроальдъ владѣетъ имъ какъ бенефиціемъ" [1]. Подобные примѣры безчисленны въ хартіяхъ и въ грамотахъ. Всякая земля принадлежитъ „по аллоду" одному человѣку и въ то же время, „по бенефицію", она можетъ находиться въ рукахъ другого.

[1] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, т. II, стр. 371: «Dono... quicquid in Bregis de alode parentum nostrorum quem Austrualdus in beneficio habet».—Точно также во многихъ другихъ хартіяхъ авторъ акта объявляетъ, что онъ приноситъ въ даръ или завѣщаетъ землю, которою другой «владѣетъ въ качествѣ бенефиція».

Точно также въ римскомъ правѣ одна и та же земля могла составлять собственность одного *dominus* и въ то же время находиться во владѣніи другого *possessor* [1].

2.—Бенефицій не былъ исключительною привилегіею воиновъ. Мы видимъ его и въ рукахъ священниковъ. Въ одной хартіи 713 г. Эрлемундъ объявляетъ себя собственникомъ помѣстья, „которымъ священникъ Бертхарій владѣетъ отъ него по бенефицію" [2]. Другая хартія того же года показываетъ намъ епископа Берарія, который уступилъ нѣкоему аббату „въ бенефицій" одинъ монастырь [3]. Обычай сохраняется и въ слѣдующемъ вѣкѣ, и полиптихи показываютъ намъ еще священниковъ, владѣющихъ небольшими землями „по бенефицію [4].

Бенефицій обнаруживается также въ рукахъ женщинъ. Въ одной грамотѣ отъ первой половины VII вѣка епископъ Оксеррскій пишетъ, что церковь его владѣетъ нѣсколькими помѣстьями въ Кагорской епархіи и отмѣчаетъ, что одно изъ этихъ помѣстій было отдано „въ бенефицій" нѣкой женщинѣ, по имени Хоматіи [5]. Въ хартіи 676 года Ансбертъ завѣщаетъ землю, принадлежащую ему на правѣ полной собственности, и постано-

[1] См. выше.

[2] *Diplomata*, № 484, II, 292: «Quem Bertocarius sacerdos usque nunc per nostrum beneficium tenuit».

[3] *Ibidem*, № 489, стр. 298.

[4] *Polyptych. Sancti Remigii*, p. 7: «Herluinus presbyter tenet mansum in beneficio».—*Ibidem*, p. 78: «Presbyter ipsius ecclesiae habet in beneficio mansum».

[5] Epistolae ad Desiderium Caturcensem episcopum, у *Dom Bouquet*, IV, 38.

вляетъ, что сестра его Сиголина „будетъ владѣть ею по бенефицію“ [1]. Въ хартіи 677 года, нѣкій Гунальдъ и жена его Деодата заявляютъ, что они владѣютъ одной виллой „по бенефицію“, совмѣстно и до смерти того, кто послѣдній останется въ живыхъ [2].

Наблюденіе надъ текстами даетъ поводъ еще къ другому замѣчанію. Бенефицій не всегда относится къ большому помѣстью, какимъ естественно долженъ быть тотъ бенефицій, который могъ бы жаловаться начальнику воиновъ, вѣрному или лейду короля. Слово „бенефицій“ могло также примѣняться къ очень небольшой землѣ, даже просто къ держанію. На землѣ крупнаго собственника въ бенефиціальное владѣніе могъ даваться собственникомъ одинъ небольшой надѣлъ (*mansus*). Такая практика упоминается въ писцовой книгѣ аббатства Сенъ-Жерменъ-дэ-Прэ [3]. Полиптихъ Ремигія указываетъ, что въ бенефиціальномъ владѣніи могли находиться простые рабскіе надѣлы (*mansi serviles*) [4].

Стало быть, бенефицій не предоставлялся также

[1] *Diplomata*, № 437, II, 238: «Germana mea sub usu et beneficio hoc debeat tenere».—Выраженіе это мы пояснимъ ниже.

[2] *Ibidem*, № 384: «De villa Gaviriaco nobis beneficium fecistis»... (Это хартія, можетъ быть, не подлинная). Въ *Archives nationales*, Tardif, № 32, находимъ другой примѣръ женщины, владѣющей *per beneficium*.

[3] *Polyptych. Irminon.* I, 39, p. 5: «Ratgis habet in beneficio mansos ingenuiles tres». I, 40: «Habet Teodradus in beneficio mansos ingenuiles duo».

[4] Полиптихъ св. Ремигія, стр. 13: «Mansum servilem tenet Erchanfridus in beneficium».—*Ibidem*, p. 78: «Habet in beneficio mansum servilem».

исключительно людямъ изъ высшаго класса. Мы видимъ землю, находившуюся въ бенефиціальномъ владѣніи у кузнеца [1], другую у повара [2]. На королевскихъ имѣніяхъ по бенефицію часто владѣли слуги, на которыхъ лежалъ присмотръ за лошадьми [3]. Въ сенъ-жерменскомъ полиптихѣ видно, что многіе записанные какъ держащіе „по бенефицію“ одинъ или два манса, были мелкими крестьянами, колонами. Мы находимъ бенефицій въ рукахъ простыхъ вольноотпущенниковъ; а такіе недавніе рабы не были ни вполнѣ свободными людьми, ни воинами. Аббонъ завѣщаетъ „участки колоновъ, которыми владѣетъ по бенефицію вольноотпущенникъ его Сигуальдъ“ и „другіе участки колоновъ, которые находились также въ бенефиціальномъ владѣніи у его вольноотпущенника Баронта“ [4]. Ничего не мѣшало даже, чтобы бенефицій жаловался рабу; подобный примѣръ мы видимъ въ одной хартіи 728 года [5].

Что касается различія расъ въ вопросѣ о раздачѣ бенефиціевъ, то оно нигдѣ не обнаруживается. Ни у писателей, ни въ хартіяхъ нѣтъ ни одной фразы, которая показывала бы, что бенефицій

[1] *Ibidem*, p. 13.

[2] *Ibidem*, p. 7.

[3] Капитулярій *De villis*, c. 50 (*Boretius*, стр. 88): «Poledrarii qui liberi sunt et in ipso ministerio beneficia habuerint, de illorum vivant beneficiis».

[4] *Testamentum Abbonis*, II, p. 372, 373: «Colonicas quem Sigualdus libertus noster in beneficio habet... Colonicas quem Baronta libertus noster in beneficium habet».

[5] *Diplomata*, t. II, p. 357.

являлся правомъ, присущимъ людямъ франкскаго происхожденія.

Въ дѣйствительности всякій могъ владѣть „по бенефицію", мужчина и женщина, мірянинъ и священникъ, воинъ и крестьянинъ, Франкъ и Римлянинъ. Привилегіи воиновъ нигдѣ не замѣтно; мы увидимъ даже, что въ числѣ множества людей, упоминаемыхъ въ качествѣ владѣльцевъ „по бенефицію", ни разу не встрѣчается обозначенія воинскаго званія.

3. — Многіе современные историки предполагали, что разъ бенефицій былъ условною уступкою, то главнымъ его условіемъ являлась военная служба. И здѣсь также мы вскрываемъ ошибку. Ничего подобнаго нельзя вычитать въ текстахъ меровингскаго времени. Отъ этого періода много осталось памятниковъ, и они особенно богаты свѣдѣніями о порядкѣ землевладѣнія. Въ очень многихъ текстахъ, относящихся къ бенефиціальному пожалованію, мы ни разу не находимъ, чтобы съ нимъ связывалось обязательство воинской службы. Много разъ упоминаются, наоборотъ, совершенно другія условія, даже несовмѣстимыя съ первымъ. Мы видимъ, что бенефиціалы должны были вносить ежегодную арендную плату, въ видѣ ли денегъ, или въ видѣ продуктовъ земли, или даже они обязывались отправлять барщину [1]. Это—повинности крестьянскія, а не воинскія.

[1] Такъ, напримѣръ, Теодрадъ, владѣвшій по бенефицію двумя съ половиною манзами, долженъ былъ платить ежегодный цензъ въ три динарія серебромъ и отдавать пятнадцать мѣръ зерна (*Irminon*, I, 40, стр. 5). Нодельбертъ, владѣвшій въ качествѣ бенефиція однимъ манзомъ, долженъ былъ отбывать за это такую же повинность, какъ сосѣдъ его Томагій, а именно двадцать четыре дня барщины въ годъ, нѣсколько извозовъ, поставлять три воза дровъ, и обрабатывать 400 полосъ земли (*Saint-Remi*, VI, 2 и 4, стр. 7). Эрханфридъ, владѣвшій по бенефицію, также долженъ былъ вносить тѣ же сборы, что и сосѣди его—колоны.

Итакъ, изъ ума нашего надо устранить три невѣрныя понятія: 1) что бенифиціи были землями особаго разряда, противоположными аллодамъ; 2) что они исключительно предоставлялись Франкамъ и воинамъ; 3) что владѣніе ими было подчинено условію военной службы.

2.

„Beneficium" меровингскаго времени.—Анализъ памятниковъ и опредѣленіе терминовъ.

Какъ сложилась практика бенефиція въ меровингскомъ обществѣ, это мы можемъ узнать изъ прямого изслѣдованія памятниковъ.

Наши источники—это писатели, законы и хартіи (грамоты).

Писатели не даютъ никакихъ свѣдѣній о занимающемъ насъ вопросѣ. Григорій Турскій не говоритъ о бенефиціи ни слова. Онъ сообщаетъ о пожалованіяхъ королей, но мы видѣли, что дѣло шло здѣсь о подаркахъ въ полную собственность, подлежавшихъ конфискаціи лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ. Что касается бенефиціальныхъ раздачъ, онъ никогда не описываетъ ихъ. Самаго

слова бенефицій, *beneficium*, нѣтъ у Григорія Турскаго. Вы не находите его также ни у Фредегара, ни у другихъ анналистовъ.

Не болѣе освѣдомляютъ насъ и законы. Бенефицій не упоминается ни въ Салической, ни въ Рипуарской Правдахъ[1]. Въ нихъ нѣтъ совсѣмъ этого слова; не встрѣчается такъ и никакого германскаго слова, которое имѣло бы то же значеніе. Бургундская Правда говоритъ о дарахъ королей; она ни слова не упоминаетъ о бенефиціальныхъ уступкахъ. Своды Баваровъ, Аламанновъ, Вестготовъ, и Лонгобардовъ даютъ о бенефиціи каждый по одной лишь строкѣ.

Напротивъ того, въ хартіяхъ и особенно въ формулахъ хартій бенефицій упоминается очень часто и очень ясно описывается. Добавимъ, что искать его не слѣдуетъ и въ королевскихъ хартіяхъ; слово это встрѣчается въ нихъ очень рѣдко и случайно. Мы находимъ бенефицій въ частныхъ актахъ; благодаря имъ, мы и знаемъ этотъ терминъ.

Слово это—латинское, *beneficium*. Надобно даже замѣтить, что Германцы, которые внесли въ меровингскую латынь много словъ изъ своего языка, не дали, однако, слова для обозначенія бенефиція. Въ ту эпоху мы не находимъ ни одного германскаго термина, который соотвѣтствовалъ бы бенефицію, который переводилъ бы его или имѣлъ бы съ нимъ нѣкоторое сходство по значенію. Можно предположить, что подобное слово существовало, но оно не встрѣчается ни въ

[1] Бенефицій упоминается лишь въ *Additamentum Legi Ripuariae* 803-го года (*Sohm*, стр. 109).

одномъ изъ нашихъ памятниковъ, отъ V-го вѣка до X-го. Изъ хартій видно, что Франки и Галлы пользовались именно словомъ *beneficium* одинаково.

Въ классической латыни *beneficium* означало благодѣяніе, милость. Если при помощи изученія многочисленныхъ имѣющихся примѣровъ употребленія этого слова мы постараемся выжать его смыслъ, то увидимъ, что Римляне подразумѣвали подъ бенефиціемъ благодѣяніе, которое совершалось безъ принужденія къ нему закономъ или какою-либо обязанностью. Юрисконсультъ Паулъ прибѣгаетъ къ нему, какъ синониму съ понятіемъ *nuda voluntas*, свободнаго желанія, которое не опредѣляется никакимъ постороннимъ мотивомъ[1]. Существенный признакъ, заключавшійся въ понятіи *beneficium*, указывалъ на отсутствіе обязательства у того, кто совершалъ благодѣяніе, и отсутствіе права, даже заслугъ у того, кто его получалъ[2]. Среди соглашеній между людьми *beneficium* являлся противоположностью контракта[3].

[1] *Paul.* Dig. XIII, 6, 17, § 3: «Quod principio beneficii ac nudae voluntatis fuerat converti in...»

[2] Потому то Гиртій можетъ такъ выражаться о лицахъ, получившихъ отличія больше изъ милости, чѣмъ по заслугамъ: «Ordines in exercitu beneficio non virtute consecuti sunt» (*Hirtius*, De bello Africano, 54). Также точно говоритъ біографъ Александра Севера: «Praesides, proconsules et legatos nunquam fecit ad beneficium sed ad iudicium vel suum vel senatus» (*Lamprid.* Alexander, 46). Въ томъ же значеніи *Cicero*, Ad Atticum, VIII, 1: «Pompeius me movet, beneficio, non auctoritate».

[3] Такимъ то образомъ Паулъ противополагаетъ въ цитированной выше выдержкѣ *beneficium* и *nuda voluntas* терминамъ — *negotium*, *mutuae praestationes*, *civiles actiones*. Ср. еще *idem*, Dig.

Изъ классической латыни терминъ перешелъ въ латынь, на которой Галлія продолжала говорить при франкскихъ короляхъ, и онъ сохранилъ свое прежнее значеніе. Говорилось: *beneficia Dei*. Божьи благодѣянія;[1] *beneficia regis*, дары королей[2]. Подобные примѣры безчисленны. Слово это всегда сохранило въ себѣ понятія благодѣянія, милости, совершенно добровольной уступки.

Первое заключеніе, внушаемое чтеніемъ хартій, то, что слово *beneficium* никогда не обозначаетъ ни земли, ни вообще какого-либо предмета. Вы никогда не найдете выраженія *habere beneficium*, *possidere beneficium*. Никто не владѣетъ бенефиціемъ. Вотъ различныя сочетанія, въ которыхъ встрѣчается это слово: *Fecistis mihi beneficium de terra vestra*, то-есть, буквально: „Вы облагодѣтельствовали меня

XLIII, 26, 14: «Magis ad beneficii causam quam ad negotii contracti spectat».

[1] *Rozière*, № 146, *Zeumer*, p. 305, № 26: «Si de beneficiis a Deo nobis collatis locis Deo dicatis aliquid conferimus».—Значеніе благодѣянія видно еще въ такихъ выраженіяхъ, какъ слѣдующія: «Quociens inter ingenuis personis lex beneficium edocet...» (*Arvernenses*, 6; *Rozière*, № 163); «Si oportuna beneficia ad loca sanctorum vel sacerdotibus prestare non desinemus» (*Rozière*, 32; *Zeumer*, p. 111, № 3); «Hoc nostrae concessionis beneficium» (*Diplomata*, № 340).

[2] Житіе Евзиція (Bouquet, III, стр. 429): «Plura de his beneficiis quae a rege impetraverat Eusicio donavit». Изъ этой фразы видно, что *beneficia* были не условными уступками, а полными дареніями. Точно также въ дипломѣ № 386: «Merito beneficia qui possident». Также Орлеанскій соборъ 511 года, с. 7: «Pro petendis beneficiis», чтобы просить у королей различныхъ милостей.

вашею землею"[1]. *Aliquid ad beneficium accipere*, получить что-либо изъ благодѣянія, въ качествѣ благодѣянія[2]; или *aliquid ad beneficium praestare*, уступить, даровать въ качествѣ благодѣянія[3]. Получавшій владѣніе въ бенефицій говорилъ: „Вы оставляете мнѣ эту землю по благодѣянію", *terram mihi per vestrum beneficium relaxatis*[4], или же: „землею этою я буду владѣть по вашему благодѣянію", *rem per vestrum beneficium habebo*[5]. Дававшій говорилъ: „Я передалъ то-то въ твои руки изъ благодѣянія", *aliquid ad beneficium in manu tua tibi praestiti*[6], или же: „Мы даруемъ тебѣ эту землю по нашему благодѣянію", *hanc rem per nostrum beneficium tibi concedimus*[7]. Если никогда не встрѣчается *possidere beneficium*, то встрѣчается *aliquid possidere per beneficium alicuius*[8]; а это не можетъ означать ничего иного, какъ владѣть по чьему либо благодѣянію. Такое значеніе обнаруживается изъ многихъ примѣровъ. Лонегизилъ пишетъ: „Вы разрѣшили мнѣ владѣть этою землею по вашему благодѣянію", *per vestrum beneficium tenere*

[1] *Formulae Andegavenses*, 7; *Rozière*, 322: «Fecistis mihi beneficium de rem vestra hoc est locello in pago illo...»

[2] *Turonenses*, 44; *Rozière*, 378.

[3] *Marculf*. II, 25, *Rozière*, 368.

[4] *Formulae Salicae Merkelianae*, 5; *Rozière*, 321, § 1.

[5] *Merkelianae*, 22; *Rozière*, 336.—Довольно часто встрѣчается также выраженіе: «Sub usu beneficii vestri»; *Turonenses*, 1, etc. (*Rozière*, 212); *Traditiones Laureshamenses*, № 14, I, p. 32, а также: «Sub usu beneficio».

[6] *Senonicae*, 24; *Rozière*, 380.

[7] *Merkelianae*, 6: *Rozière*, 321, § 2.

[8] *Archives nationales*, K, 3, 6; *Tardif*, № 32: «Per beneficium ipsius abbatis hoc possidebat».

permisistis [1]. Гадоиндъ завѣщаетъ свое помѣстье Мартиніакъ, которымъ „по благодѣянію его владѣлъ" нѣкій Лупъ, *per meum beneficium tenuit* [2]. Гунальдъ говоритъ монахамъ: „Вы облагодѣтельствовали меня помѣстьемъ Гавиріакъ", *de villa Gaviriaco nobis beneficium fecistis* [3]. Другой пишетъ: „Мы приносимъ въ даръ виллу нашу Луканіакъ, которою по благодѣянію нашему владѣлъ Эрпоальдъ", *per nostrum beneficium habuit* [4]. Одинъ завѣщатель отказываетъ землю, которую Аустроальдъ держалъ по благодѣянію, *in beneficio habet* [5]. Очевидно, подъ *beneficium* не разумѣлся предметъ владѣнія; слово обозначало актъ благодѣянія, въ силу котораго лицо владѣло вещью. *Beneficium* всегда былъ чьимъ либо благодѣяніемъ [6]. Это слово означало

[1] *Diplomata*, № 238.

[2] *Ibidem*, № 300.

[3] *Ibidem*, № 384.

[4] *Diplomata*, № 438. То же самое и въ № 484, хартіи 713 года: «Villa Proliaco quem Bertocarius sacerdos usque nunc per nostrum beneficium tenuit». — То же и въ *Traditiones Wissenburgenses*, №№ 195, 257, 267: «Quod tenetur per nostrum beneficium».—Говорится также: «In meo beneficio»; хартія 794 года у *Lacomblet*, № 4: «Agrum quem Hildigerus in meo beneficio habuit».

[5] *Diplomata*, № 559, т. II, стр. 371: «Quem Austrualdus in beneficio habet»; стр. 372: «Quem Sigualdus in beneficio habet»; стр. 374: «Quem Marabertus in beneficio habet»; стр. 377: «In Matanatis quem de alode parentum meorum habeo quem Beroleos in beneficio habuit».—См. еще хартію Хродеганга, отъ 745 года, № 586: «Donamus... quod Teudonius per beneficium S. Stephani tenuit. Donamus etiam quod Candidianus cancellarius per beneficium tenuit».

[6] Можно замѣтить, что въ формулахъ и хартіяхъ Меровингскаго времени слово *beneficium* никогда не употребляется въ видѣ прямого дополненія; оно не употребляется также во множественномъ числѣ; человѣкъ можетъ имѣть нѣсколько *villae per beneficium*, а не нѣсколько *beneficia*.

извѣстный видъ пожалованія, а не пожалованныя земли [1]. Говоря „бенефиціи", современные ученые выражаются не такъ, какъ источники, ибо послѣдніе никогда не употребляютъ этого слова во множественномъ числѣ; чтобы приблизиться къ текстамъ, надо говорить „бенефицій" или „благодѣяніе" или „бенефиціальная уступка" [2].

Однако, при извѣстномъ знакомствѣ съ тенденціями человѣческаго языка, мы не удивимся, что тотъ же терминъ, который означалъ благодѣяніе, очень скоро сталъ употребляться для обозначенія земли, составлявшей предметъ этого благодѣянія. Но надо замѣтить, что примѣры такого примѣненія слова рѣдки въ VII-мъ вѣкѣ и начинаютъ часто встрѣчаться лишь въ VIII-мъ [3]. Ученые новыхъ временъ понимали *beneficium*, какъ опредѣленный предметъ, „бенефиціи", придавая слову специальное значеніе. Средневѣковые же люди переводили его на своемъ языкѣ только какъ благодѣяніе вообще [4].

[1] Выраженіе «per vestrum beneficium» замѣнялось иногда—«per vestram beneficentiam», *Traditiones Fuldenses*, №№ 33 и 63.

[2] Таково же употребленіе слова и въ дипломахъ Аламанской области. Говорили: «Per beneficium tenere, per beneficium concedere» или «relaxare». См. *Traditiones Frisingenses*, №№ 63, 121, 251, 269, 281, 313, 323, 412; *Salzburger Formelbuch*, № 3; *Traditiones Lunaelacenses*, №№ 71, 110 b, 133.—*Traditiones Passavenses*, № 28 (*Pertz*, III, 376).

[3] Примѣръ у *Pardessus*, т. II, стр. 477: «Beneficia quae in beneficio habeamus».

[4] Актъ 1262 года (приводимый у *Godefroi*, V. Bienfait): «Ce que le devant dit tenait pour son beaufet».—*Coutume de Bretagne*

Каковъ же былъ характеръ этого „благодѣянія“? Какую оно имѣло силу? Почему такъ старались отмѣчать его въ актахъ и какое понятіе соединяли съ нимъ люди? Чтобъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ, надо разсмотрѣть, какое онъ занималъ мѣсто въ разнаго рода актахъ.

1.—Если мы начнемъ съ актовъ даренія, то съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтимъ, что въ нихъ нѣтъ слова *beneficium*. Мы знаемъ, что дареніемъ передавалось во Франкскомъ государствѣ также, какъ и въ Римской Имперіи, полная и вѣчная собственность. Казалось бы, что главнымъ образомъ здѣсь и слѣдовало бы встрѣчать *beneficium*, ибо, если существуетъ истинное благодѣяніе и полное великодушіе, то оно осуществляется именно тогда, когда дарятъ навѣки, когда дарятъ, ничего не удерживая. Мы имѣемъ двадцать три формулы даренія церквамъ [1], девятнадцать свѣтскимъ лицамъ [2] и девять королевскихъ пожалованій [3]. Ни въ одной изъ нихъ не

art. 241, изд. 1746 года, т. II, стр. 34: «Si les terres etaient chargées de douaire, ou en bienfaict, elles devraient être baillées à mi-prix»; Аржантрейскій комментарій прибавляетъ: «Bienfait était (ici) le viage ou l'usufruit donné par l'ainé au juveigneur; mais cela se doit entendre régulièrement de tout usufruit».—См. *Coutumier général*, II, 80; II, 729.

[1] *Rozière*, №№ 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 212, 213, 214, 215, 217 (ср. изд. *Zeumer*, стр. XI).

[2] *Idem*, №№ 159, 160, 161, 162, 163, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 216, 245, 246, 248, 249, 251, 252, 253, 258.—Прибавьте «libelli dotis», №№ 219—240.

[3] *Idem*, №№ 142—152.

употреблено слово *beneficium* [1]. Слова: „я благодѣтельствую васъ своей землей“, которыя мы встрѣтимъ въ другомъ мѣстѣ, никогда не произносились пожалователемъ. У насъ есть формула, по которой знатный человѣкъ даетъ землю своему *gasindus* [2]; у насъ есть та формула, по которой онъ даетъ землю своему *fidelis* [3]; въ обѣихъ дѣло идетъ о дареніи въ собственность и навсегда [4]; ни въ одной изъ нихъ не начертано слово *beneficium*. Мы имѣемъ формулу, примѣнявшуюся королями при дареніи ими земли слугамъ и вѣрнымъ [5]; рѣчь идетъ также о дареніи въ вѣчную собственность [6], и мы читаемъ здѣсь опять слово *beneficium*. У насъ осталось довольно много королевскихъ дипломовъ, жаловавшихъ землю на вѣчныя времена; слово *beneficium* не встрѣчается въ нихъ [7].

[1] Мы не говоримъ объ одномъ или двухъ случаяхъ, гдѣ оно стоитъ въ неясной начальной фразѣ, напримѣръ, въ № 163 (*Arvernenses*, 6), или еще о нѣкоторыхъ общихъ формулахъ, каковы: «Si oportuna beneficia ad loca sanctorum prestare non desinimus» (*Rozière*, 32, etc.); но оно никогда не употребляется въ текстахъ, свидѣтельствующихъ о дареніяхъ.

[2] *Rozière*, № 161; *Marculf*. II, 36.

[3] *Rozière*, № 160; также № 163 (*Turonenses*, 4; *Arvernenses*, 6).

[4] «Ita ut quicquid exinde facere volueritis, iure proprietaris liberam habeas patestatem» (№ 160). «Iure proprietario... tu aut haeredes tui debeatis possidere» (№ 161).—«Cedimus tibi in perpetuum, hoc est de nostro iure tua tradimus dominatione» (№ 163)

[5] *Marculf*. I, 14; *Rozière*, № 147.

[6] *Idem*: «Perpetualiter... iure proprietario teneat atque possedeat et suis posteris aut cui voluerit ad possedendum relinquat».

[7] Терминами, которые здѣсь употреблялись, были *donum* или *munus*. Встрѣчается иногда въ актахъ и слово *beneficium*, но оно понимается въ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ. «De nostre argitatis beneficio» (*Diplomata*, № 280, дипломъ, считается, впро-

Итакъ, вотъ первый пріобрѣтенный результатъ. Короли и частныя лица никогда не переставали дѣлать дары въ вѣчную собственность; но не къ этимъ дарамъ примѣнялся терминъ „благодѣяніе“; надо искать его въ актахъ другого рода.

2.—Возьмемъ тотъ изъ сборниковъ, который считается самымъ древнимъ,—Анжуйскія формулы. Какъ сборникъ, онъ былъ составленъ въ VI вѣкѣ, но каждая изъ помѣщенныхъ въ немъ формулъ, вѣроятно, болѣе ранняя. Мы находимъ въ немъ шесть формулъ, въ которыхъ актъ называется *beneficium*. Изъ шести формулъ пять относятся къ займу денегъ [1]. Одинъ заемщикъ пишетъ: „Настоящимъ письменнымъ обязательствомъ [2] я удостовѣряю, что въ видѣ благодѣя-

чемъ, подложнымъ); «Hoc nostre concessionis beneficium firmum esse volumus» (№ 340, дипломъ, имѣется лишь въ копіи XIII-го вѣка); «Maximum nobis permanere praemium ad aeternae retributionis beatitudinem confidimus si ad loca sanctorum opportuna beneficia concedimus» (дипломъ Хильдеберта, I, № 162; *K. Pertz*, № 3); «Pro adipiscenda vita aeterna, hunc beneficium ad locum sanctum vise fuimus prestitisse» (дипломъ Хлодовеха, II, № 322; *Tardif*, № 11); то, что называется здѣсь *beneficium*, не есть дареніе; этотъ дипломъ подтверждаетъ просто привилегіи и имущество Сенъ-Денисскаго аббатства.—Слово *benificia* сохраняетъ также неопредѣленный смыслъ милости въ слѣдующемъ текстѣ: «Merito beneficia quae possident amittere videntur qui largitoribus ipsorum beneficiorum ingrati exsistunt» (дипломъ Теодериха III, № 386; *K. Pertz*, № 46). Слово *beneficium* никогда не встрѣчается въ текстахъ, устанавливающихъ дареніе.

[1] *Formulae Andegavenses*, ed. *Zeumer*, №№ 18, 22, 38, 48, 60; *Rozière*, №№ 381, 375, 371, 395, 369.

[2] *Ibidem*, 22; *Rozière*, 375: «Per anc caucione». Въ римскомъ правѣ подъ *cautio* разумѣлась грамота, которую заемщикъ вручалъ кредитору. См. *Paul*. Sententiae, II, 31, 32; III, 6, 59; V, 25, 5; Кодексъ Θеодосія, I, 27, 1; формулу для cautio можно найти въ Дигестахъ, XII, 1, 40.

нія получилъ отъ васъ столько то солидовъ деньгами. За благодѣяніе это я даю вамъ въ залогъ мой виноградникъ, находящійся въ такомъ то мѣстѣ; вы будете собирать съ него плоды до тѣхъ поръ, пока у меня будутъ ваши деньги; по истеченіи столькихъ то лѣтъ я верну вамъ то, что долженъ, и возьму назадъ настоящую росписку“ [1]. Другой, „получившій по благодѣянію столько то унцій серебра“, обязывается служить кредитору до уплаты долга столько то дней въ недѣлю [2]. Въ другомъ мѣстѣ кредиторъ поручаетъ своему повѣренному преслѣдовать судомъ должника, „которому онъ оказалъ благодѣяніе во столько то унцій серебра“ [3].

Одна, также очень древняя формула Турскаго сборника содержитъ подобныя же выраженія: „По моей просьбѣ милостью вашею рѣшено было ока-

[1] *Ibidem*, 22: «Constat me accepisse per anc caucione *ad prestetum beneficium*... in argento soledus tantos. Et in pignore tibi condicionis demitto tibi *pro ipso beneficium* inter annus tantus vinia medio iucto... in villa illa... ut interim res vestras micum abuero, illa blada quem ibidem Deus dederit in tua revoces potestatem. Et si ipsi annis tantus compliti fuerunt, rem vestram redere debiam et caucionem meam recipere facias...»—То же самое въ № 60 (Rozière, 369): «Accipi ad pristetum beneficium argento uncias tantas».—Здѣсь должникъ обязывается уплатить двойную сумму, въ случаѣ если не расплатится въ назначенный день.

[2] *Ibidem*, 38; *Rozière*, 371.

[3] *Andegavenses*, 48; *Rozière*, 395: «Beneficium ei feci argento uncias tantas».—То же самое въ № 18; *Rozière*, 381: «Ei beneficium fecit argento untias tantas».

зать мнѣ на столько то лѣтъ благодѣяніе такимъ то, принадлежащимъ вамъ, имуществомъ; я же, взамѣнъ того благодѣянія, закладываю вамъ такую то, принадлежащую мнѣ, землю, чтобы вы пользовались сборами съ нея до того дня, когда я уплачу вамъ долгъ; если же я не уплачу въ условленный день, то долженъ буду отдать вамъ двойную сумму" [1]. Кредиторъ, съ своей стороны, говоритъ: „Ты получилъ мои деньги изъ благодѣянія, и ты расплатился со мною, я даю тебѣ въ томъ росписку" [2].

Тоже самое повторяется въ сборникѣ Маркульфа, составленномъ въ VII-мъ вѣкѣ. Вотъ грамота заемщика: „Согласно моей просьбѣ, и такъ какъ доброта ваша пришла на помощь нуждѣ моей, вы изъ благодѣянія даровали мнѣ фунтъ серебра; настоящимъ письменнымъ актомъ я обязываюсь заплатить вамъ его въ календы такого то мѣсяца; иначе я долженъ буду выдать вамъ двойную сумму" [3]. Наконецъ, подобную же формулу содержитъ и Санскій сборникъ; креди-

[1] *Ibidem*, 13; *Rozière*, 376: «Ad meam petitionem vestra decrevit voluntas ut mihi beneficium de rebus vestris illis inter annos tantos facere deberitis. Et ego pro huius meriti beneficii obpignoro vobis locello...»

[2] *Turonenses*, 44; *Rozière*, 378: «Solidos nostros numero tantum ad beneficium accepisti... (et reddidisti)... ideo hanc epistolam evacuaturiam fecimus».

[3] *Marculf*. II, 25; *Rozière*, 368: «Dum ad mea petitione, necessitate supplendo vestra bonitas habuit ut libere de argento de rebus vestris nobis ad beneficium praestetistis, ideo per hunc vinculum cautionis spond.o me kalendas illas ipso argento vestris partibus esse redditurum. Quod si non fecero, et dies placitus transierit, pro duplum me aut heredis meos teneatis obnoxium».

торъ даетъ своему должнику росписку „въ такомъ то числѣ золотыхъ монетъ, вложенныхъ имъ въ его руку изъ благодѣянія" и отданныхъ обратно заемщикомъ [1].

Такимъ образомъ, терминъ *beneficium* примѣнялся къ ссудѣ денегъ. Дать взаймы или „оказать благодѣяніе"—одно и то же [2]. Салическая Правда не говоритъ о томъ, что писатели новѣйшихъ временъ называютъ бенефиціями; но въ ней есть статья о займѣ. Во всѣхъ почти рукописяхъ статья эта носитъ заглавіе *De re praestita* [3]; но одна рукопись замѣняетъ эти слова выраженіемъ *beneficium alterius* [4]; итакъ „данное въ долгъ имущество" и „благодѣяніе другого" были тождественными выраженіями. Для обозначенія данныхъ взаймы суммъ епископы Орлеанскаго собора писали на своемъ чисто латинскомъ языкѣ *praestita beneficia* [5].

[1] *Senonicae*, 24; *Rozière*, 380. См. *ibidem*, 3; *Rozière*, 372.

[2] Всѣ ли займы были «благодѣяніями», не сумѣю сказать Замѣчаю только, что въ нашихъ формулахъ не указываются проценты; они взыскиваются, но косвеннымъ образомъ, такъ какъ въ ожиданіи платежа кредиторъ получалъ урожай съ заложенной земли или пользовался рабочими днями должника; но прямо проценты, *usura*, не помѣчены въ актѣ. Третій Орлеанскій соборъ (c. 9) разрѣшаетъ «praestita beneficia», то-есть, займы, лишь бы къ нимъ не прибавлялись *usurae*, то-есть, проценты. Возможно, что спеціально «благодѣяніемъ» назывался этотъ родъ займа безъ процентовъ, или со скрытыми процентами.

[3] *Lex Salica*, LII. Статья эта начинается такъ: «Si quis alteri aliquid praestiterit de rebus suis et (alter) ei noluerit reddere».

[4] Это варшавская рукопись Губе; заголовокъ таковъ: «Si quis beneficium alterius reddere noluerit». Продолженіе текста ясно показываетъ, что рѣчь идетъ не о томъ, что называлось позднѣе бенефиціальной землей.

[5] Третій Орлеанскій соборъ, 538 года, c. 27; *Sirmond*,

3.—Предметомъ такого рода бенефиція могла также быть и земля. Вотъ текстъ седьмой формулы Анжуйскаго сборника: „Господину преподобному аббату такому-то, равно какъ и конгрегаціи такого то святого, я такой то. Согласно моей просьбѣ и по добротѣ вашей вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе уступкою принадлежащей вамъ земли (*fecistis mihi beneficium de re vestra*), заключающей въ себѣ домъ, поля, луга, колоновъ и рабовъ, съ тѣмъ, чтобы я владѣлъ ею и пользовался ею безъ ущерба для вашихъ правъ и для правъ святого; я обязываюсь ежегодно вносить вамъ арендную плату во столько то монетъ золотомъ; а по кончинѣ моей земля эта снова поступитъ въ ваше владѣніе со всѣми сдѣланными мною на ней улучшеніями“ [1]. — Ясно, что и здѣсь также вопросъ идетъ о нѣкоторомъ видѣ ссуды, но именно о ссудѣ земли. Сдѣлка очень походитъ на аренду, такъ какъ упоминается ежегодная плата. Но это не вполнѣ римская аренда, такъ какъ не производится наемъ на опредѣленное число лѣтъ. Срокомъ, который здѣсь обозначенъ, была продолжи-

стр. 255: «Ut clericus pecuniam non commodet ad usuras, nec de praestitis beneficiis quicquam amplius quam datur speret».

[1] *Andegavenses*, 7; *Rozière*, 322: «Domino venerabile et in Christo parti illo abbate vel omnis congregacio nostra et domni illius, ego ille. Quia ad peticionem meam habuit pietas vestra, fecitis mihi beneficium de rem vestra et domni illius (id est sancti) hoc est locello... tam casis, campis, terris, mancipiis, accolabus, pratis, pascuis .. (absque) vestrum preiudicium et domni illius tenire et possedire (debeam), et spondio vobis annis singulis cinso soledus tantus, et post meum discessum iure vestro cum rem meliorata revertatur».

тельность жизни берущаго. Получался нѣчто въ родѣ пожизненной аренды, и актъ назывался „благодѣяніемъ“ [1].

Такое же значеніе слова *beneficium* встрѣчаемъ опять въ Вестготской Правдѣ. Въ главѣ, гдѣ трактуется объ арендѣ земель, читаемъ: „Тотъ, кому земли даны на условіи аренды, ежегодно долженъ платить собственнику арендныя деньги; даже смерть собственника не расторгаетъ соглашенія; если съемщикъ пропускаетъ платежи, то собственникъ отбираетъ землю, и съемщикъ, вслѣдствіе вины своей, теряетъ полученное имъ благодѣяніе“ (*beneficium quod fuerat consecutus amittat*) [2].

4.—*Beneficium* встрѣчается еще въ актахъ, которыми устанавливается пользованіе (*usufructus*). „Вы разрѣшили мнѣ держать эту землю какъ бла-

[1] Эта формула сходна съ седьмой формулой *Turonensis*; но послѣдняя—*precaria*, тогда какъ наша анжуйская формула не носитъ признаковъ прекарія. Въ актѣ 719-го года одинъ графъ получаетъ отъ аббата землю «по благодѣянію»; онъ платитъ за нее ежегодно фунтъ серебра и даетъ двѣ барщины. *Traditiones Wissenburgenses*, 267: «...Mihi in beneficium praestitistis ut dum advixero... in ea ratione ut annis singulis argenti libra una... vobis reddere debeam».

[2] *Lex Wisigothorum*, X, 1, 11: «Terras quae ad placitum canonis datae sunt, quicunque suscepit ipse possideat, et canonem domino singulis annis qui fuerit defunctus exsolvat, quia placitum non oportet irrumpi. Si canonem constitutum singulis annis implere neglexerit, terras dominus pro suo iure defendat, quia sua culpa beneficium quod fuerat consecutus amittat qui placitum non implesse convincitur». — *Canon* — называлась арендная плата за землю въ римскомъ правѣ. См. *Ascon.* In or. Cic. III in Verr. Cp. *Lamprid.* Heliogabal. 29; *Vopisc.* Firmus, 5; *Nov. Theod.* II, 26, 1 (*Haenel*, p. 113).

годѣяніе, пожизненно“ [1], говоритъ узуфруктуаръ. А вотъ въ Турскомъ сборникѣ формула даренія съ сохраненіемъ себѣ пользованія, что было актомъ согласнымъ съ римскимъ правомъ: „Настоящей грамотой я дарую церкви святого Мартина собственное мое имѣніе, расположенное въ такомъ то мѣстѣ, заключающее въ себѣ земли, строенія, виноградники, луга, лѣса, колоновъ и рабовъ; я перевожу его въ полную собственность изъ моего права въ право святого Мартина съ тѣмъ условіемъ, что, пока я живъ, я буду владѣть имъ и пользоваться имъ на правѣ благодѣянія отъ васъ“ (*sub usu beneficii vestri*) [2]. Въ аналогичныхъ формулахъ выраженіе это замѣняется словами— *sub usu beneficio*, которые въ VII-мъ вѣкѣ составляли ходячій терминъ для обозначенія пользованія (узуфрукта) [3].

Двое супруговъ взаимно дарятъ другъ другу пользованіе. Сначала мужъ пишетъ: „Пока ты будешь жива, ты будешь владѣть всѣми моими имѣніями на правѣ пользованія“ (*usufructuario ordine*).

[1] *Marculf.* II, 39; *Rozière*, 328: «Nobis ad beneficium dum advivimus excolere permisistis».

[2] *Turonenses*, 1; *Rozière*, 212: «Per hanc epistolam donationis dono donatumque in perpetuo esse volo ad basilicam sancti Martini... villa iuris mei... cum terris, aedificiis, accolabus, mancipiis, libertis, vineis, silvis, pratis... totum et ad integrum de iure meo in vestra vel sancti Martini iure proprietario trado atque transfundo; ea vero ratione ut, quamdiu advixero, sub usu beneficii vestri praedictas res tenere et usurpare debeam».

[3] *Marculf.* II, 6; *Rozière*, 213: «Sub usu benefitio tantum».— *Ibidem*, II, 3; *Rozière*, 213: «Sub usu benefitio tantummodo».— *Ibidem*, II, 8: «Sub usu beneficio».

Затѣмъ пишетъ жена: „Точно такъ же, пока ты будешь живъ, ты будешь владѣть всѣми моими имѣніями на правѣ благодѣянія“ (*sub usu beneficio*) [1]. Оба выраженія, видимо, однозначущи.

Сыновья судились съ своимъ отцомъ изъ-за нѣсколькихъ земель, составлявшихъ часть ихъ материнскаго наслѣдства. Они выиграли дѣло и были введены во владѣніе „материнскимъ аллодомъ“; но затѣмъ они уступили отцу пожизненное пользованіе этими самыми землями. Отецъ пишетъ актъ, въ которомъ говоритъ: „Вы разрѣшили мнѣ держать эти земли на правѣ благодѣянія“ (*ad usum beneficii*) [2]. Одинъ завѣщатель отказываетъ свою землю церкви съ сохраненіемъ пользованія для своей сестры; онъ пишетъ: „Пусть сестра моя владѣетъ землей на правѣ пользованія и благодѣянія“ [3]. Образовался даже глаголъ *beneficiare*, который означалъ пожалованіе изъ благодѣянія, то-есть, уступку въ простое пользованіе [4]. У насъ есть формула акта, посредствомъ котораго человѣкъ передавалъ другому собственность на свои земли.

[1] *Ibidem*, II, 8; *Rozière*, 249.

[2] *Ibidem*, II, 9; *Rozière*, 337: «Vos omni alode genetrice vestrae, in presentia bonorum hominum aut reges altercantes, contra nos evindicastis et in vestra potestate omne alode recepistis, sed dum mea adfuit petitio, ipsas villas mihi ad usum beneficii tenere et excedere absque ullo vestro preiudicio permisistis».

[3] *Charta Anseberti*, Diplomata, № 437: «Germana mea sub usu et beneficio teneat et post discessum...»

[4] *Formul. Sirmond*, 38; *Zeumer*, p. 160; *Rozière*, № 327: «Curas quas tibi usufructuario ordine beneficiavimus».— *Traditiones Laureshamenses*, I, стр. 35: «Sub usufructuario beneficiare».—*Diplomata*, II, 357: «Maurowiler quod Amalo in beneficiatum habuimus».

Актъ былъ заключенъ передъ королемъ, какъ могло происходить со всякаго рода актами. Но любопытно вглядѣться здѣсь въ способъ примѣненнаго обхода. Даритель начиналъ съ полной передачи своихъ земель въ руки короля подъ условіемъ, чтобы король разрѣшилъ ему сохранить ихъ пожизненно „въ качествѣ благодѣянія", то-есть, „въ пользованіи"; затѣмъ король заранѣе объявлялъ, что по смерти этого пользователя земли перейдутъ къ человѣку, который былъ ему указанъ дарителемъ; онѣ будутъ принадлежать ему на правѣ собственности, равно какъ и наслѣдникамъ его на вѣчныя времена [1]. Очевидно, рѣчь идетъ здѣсь не о томъ, что писатели новѣйшаго времени называютъ меровингскими бенефиціями. Это просто передача частной собственности съ сохраненіемъ пользованія подъ гарантіей короля. Пользованіе обозначено словами *usus beneficium*.

5.—Изо всѣхъ категорій актовъ терминъ *beneficium* примѣнялся чаще всего къ прекарному пожалованію, и мы находимъ его во всѣхъ родахъ прекарія. Даровой прекарій, то-есть, напримѣръ, земля, уступавшаяся духовному лицу по прекарію цер-

[1] *Marculf.* I, 13; *Rozière*, 216: «*Preceptum de leseuverpo per manu regis.* Veniens ille fidelis noster in palatio nostro villas illas sua spontanea volontate nobis per fistuca visus est leseuverpisse vel condonasse, in ea ratione ut, dum vixerit, eas *sub usu beneficio* debeat possidere, et post suum discessum nos ipsas villas fidele nostro illo visi fuimus concessisse. Quapropter decernimus ut ipsas villas, dum advixerit, usufructuario ordine debeat possidere, et post eius discessum memoratus ille hoc habeat, teneat et possedeat et suis posteris aut cui voluerit ad possedendum relinquat».

ковью, которой онъ служилъ, назывался *beneficium* [1]. Такъ же именовался и тотъ прекарій, подъ которымъ скрывалась аренда. Пользовавшійся землею пишетъ: „Я просилъ васъ и только съ вашего соизволенія получилъ эту землю по вашему благодѣянію; я, съ своей стороны, обязываюсь настоящей прекарной грамотой платить вамъ ежегодный цензъ въ столько то динаріевъ" [2]. Дальше идетъ соотвѣтствующая *praestaria*: „Ты просилъ меня и волею нашей мы даровали тебѣ эту землю по нашему благодѣянію" [3]. Или же: „Согласно твоей просьбѣ и мольбѣ, волею нашей рѣшено сдѣлать тебѣ благодѣяніе такою то, принадлежащею намъ, землею съ тѣмъ, чтобы ты держалъ ее, владѣлъ ею и обрабатывалъ ее въ продолженіе пяти, или десяти, или пятнадцати лѣтъ; и мы назначили тебѣ такой то ежегодный цензъ" [4]. Вотъ еще примѣръ

[1] Толедскій соборъ 638 года, с. 5, въ *Corpus iuris canonici*, p. 244: «Qui *beneficium* ab ecclesia acceperit, eius professionem nomine precariae faciat... ut si quis clericorum stipendium de rebus ecclesiae cuiusquam episcopi percepit largitate...»

[2] *Merkelianae*, 5; *Rozière*, 321, § 1: «Mea (fuit) petitio et vestra decrevit voluntas ut illa rem vestram, in loco illo, per vestrum beneficium, dum advixero, mihi relaxare deberitis... Et spondimus vobis in hanc precaria censo annis singulis denarios tantos vobis dare studeam...»

[3] *Ibidem*, 6; *Rozière*, 321, § 2: «Tua fuit petitio et nostra decrevit voluntas ut illa rem per nostrum beneficium tibi concedere deberimus».—Слово *debere* представляетъ въ этихъ формулахъ родъ вспомогательнаго глагола, съ которымъ вовсе не связывается понятіе объ обязательствѣ.

[4] *Rozière*, № 320: «Dum tua fuit petitio et nostra non denegavit voluntas ut prestitum beneficium de res nostras tibi facere debemus, quod sunt in pago illo... ut quamdiu advixeris, (aut) annos

прекарія, слѣдовавшаго за продажею: „Я прибѣгаю къ вамъ, моля о томъ, чтобы землю, которую я продалъ вамъ, и за которую получилъ плату, вы даровали мнѣ по вашему благодѣянію“ [1]. Дающій землю отвѣчаетъ въ *prestaria*: „Такъ какъ вы обратились къ намъ съ просьбою, то мы уступаемъ вамъ эту землю по нашему благодѣянію“ [2].

Тоже самое происходило даже на почвѣ даренія. Когда прекаристомъ оказывается никто иной какъ самъ даритель, и тогда даже пожизненная уступка, которую ему дѣлается, называется благодѣяніемъ. Въ сборникѣ Маркульфа мы видимъ человѣка, который совершаетъ полное и неограниченное дареніе; затѣмъ онъ достигаетъ того, что подаренное имъ помѣстье возвращается ему въ прекарное владѣніе. Тогда онъ пишетъ: „Милость ваша разрѣшаетъ мнѣ владѣть этою землею по благодѣянію“ [3].

quinque, (aut) decem, (aut) quindecim ipsas res abere vel posidere debeas... Et censivimus te annis singulis...».

[1] *Merkelianae*, 36; *Rozière*, 349: «Precator ad vos accedo... ut illa rem vestra loco nunccupante illo, quam nos ante hos dies accepta vestra pecunia per venditionis titulum visus sum vendidisse... dum advixero, *per vestrum beneficium* mihi concedere deberitis».

[2] *Ibidem*, 37; *Rozière*, 349, § 2: «Qualiter vos precatores ad nos accessistis ut... iam dicta rem tam terris, domibus, *per nostrum beneficium* tibi concedere deberimus» —То же самое въ формулахъ №№ 342, 343 (*Bignonianae*, 20, 22; *Merkelianae*, 7, 8).—Въ № 332 (*Turonenses*, 6) этотъ родъ уступки называется *beneficium*.

[3] *Marculf*. II, 5; *Rozière*, 345: «Vestra benevolentia habuit ut ipsa villa nobis ad beneficium usufructuario ordine excolendum tenere permisistis».—Актъ этотъ называется *epistola precaria* и въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ всѣ характерныя формы прекарія.—То же самое въ *Senonicae*, 16 и 32; *Rozière*, 340 и 339, гдѣ мы читаемъ: «Ad beneficium prestare, sub uso beneficio vestro tenere».

Такимъ образомъ „благодѣяніе“, *beneficium*, всегда соединяется съ прекаріемъ и сливается съ нимъ [1].

Дошедшія до насъ реальныя хартіи согласны съ формулами. Лонегизилъ, получившій землю въ пользованіе, пишетъ: „Вы разрѣшили мнѣ держать эту землю по вашему благодѣянію“ [2]. Въ другомъ мѣстѣ говорится о помѣстьѣ, „которое аббатъ Сиграннъ получилъ въ благодѣяніе по прекарію“ [3]; онъ написалъ прекарную грамоту, дабы признать, „что онъ просилъ“ это помѣстье ее получилъ его „на обычныхъ условіяхъ благодѣянія“ [4]. Въ другомъ мѣстѣ, мы видимъ землю, пожертвованную церкви, и жертвователь, получающій и въ прекарное владѣніе, пишетъ: „Вы уступили мнѣ по благодѣянію помѣстье Гавиріакъ на все время моей жизни“ [5].

На королевскомъ судѣ разбиралось дѣло объ одной землѣ; одна изъ сторонъ предъявила пре-

[1] Ср. формулу изъ *Marculf*. II, 40 (*Rozière*, 328, § 2) съ формулою—*Merkelianae*, 35 (329, § 2). Выраженія—«per nostram precariam» и «per nostrum beneficium» употребляются тамъ какъ передающія совершенно ту же мысль. «Possidere per precatoriam»—синонимъ съ «possidere per beneficium» (*Bayer*, Urkundenbuch der Mittelrheinischen Territorien, I, стр. 7, годъ 636). *Du Cange* приводитъ хартію, гдѣ мы читаемъ: «In beneficio tenere et precario more» (т. I, стр. 650, столбецъ 3). См. еще: «In beneficio seu precaria», въ грамотѣ 713 года (*Bouquet*, т. IV, стр. 687).

[2] *Diplomata*, № 237: «Per vestrum beneficium mihi tenere permisistis».

[3] *Ibidem*, № 288: «Quod Sigrannus abbas in beneficium per precariam adeptum habet».

[4] *Ibidem*: «Quod eam rem petisset atque beneficiario iure diebus vitae suae percepisset».

[5] *Diplomata*, № 384: «De villa Gaviriaco nobis tempore vitae nostrae beneficium fecistis».

прекарія, слѣдовавшаго за продажею: „Я прибѣгаю къ вамъ, моля о томъ, чтобы землю, которую я продалъ вамъ, и за которую получилъ плату, вы даровали мнѣ по вашему благодѣянію“ [1]. Дающій землю отвѣчаетъ въ *prestaria*: „Такъ какъ вы обратились къ намъ съ просьбою, то мы уступаемъ вамъ эту землю по нашему благодѣянію“ [2].

Тоже самое происходило даже на почвѣ даренія. Когда прекаристомъ оказывается никто иной какъ самъ даритель, и тогда даже пожизненная уступка, которую ему дѣлается, называется благодѣяніемъ. Въ сборникѣ Маркульфа мы видимъ человѣка, который совершаетъ полное и неограниченное дареніе; затѣмъ онъ достигаетъ того, что подаренное имъ помѣстье возвращается ему въ прекарное владѣніе. Тогда онъ пишетъ: „Милость ваша разрѣшаетъ мнѣ владѣть этою землею по благодѣянію“ [3].

quinque, (aut) decem, (aut) quindecim ipsas res abere vel posidere debeas... Et censivimus te annis singulis...».

[1] *Merkelianae*, 36; *Rozière*, 349: «Precator ad vos accedo... ut illa rem vestra loco nunccupante illo, quam nos ante hos dies accepta vestra pecunia per venditionis titulum visus sum vendidisse... dum advixero, *per vestrum beneficium* mihi concedere deberitis».

[2] *Ibidem*, 37; *Rozière*, 349, § 2: «Qualiter vos precatores ad nos accessistis ut... iam dicta rem tam terris, domibus, *per nostrum beneficium* tibi concedere deberimus» —То же самое въ формулахъ №№ 342, 343 (*Bignonianae*, 20, 22; *Merkelianae*, 7, 8).—Въ № 332 (*Turonenses*, 6) этотъ родъ уступки называется *beneficium*.

[3] *Marculf*. II, 5; *Rozière*, 345: «Vestra benevolentia habuit ut ipsa villa nobis ad beneficium usufructuario ordine excolendum tenere permisistis».—Актъ этотъ называется *epistola precaria* и въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ всѣ характерныя формы прекарія.—То же самое въ *Senonicae*, 16 и 32; *Rozière*, 340 и 339, гдѣ мы читаемъ: «Ad beneficium prestare, sub uso beneficio vestro tenere».

Такимъ образомъ „благодѣяніе“, *beneficium*, всегда соединяется съ прекаріемъ и сливается съ нимъ [1].

Дошедшія до насъ реальныя хартіи согласны съ формулами. Лонегизилъ, получившій землю въ пользованіе, пишетъ: „Вы разрѣшили мнѣ держать эту землю по вашему благодѣянію“ [2]. Въ другомъ мѣстѣ говорится о помѣстьѣ, „которое аббатъ Сиграннъ получилъ въ благодѣяніе по прекарію“ [3]; онъ написалъ прекарную грамоту, дабы признать, „что онъ просилъ“ это помѣстье ее получилъ его „на обычныхъ условіяхъ благодѣянія“ [4]. Въ другомъ мѣстѣ, мы видимъ землю, пожертвованную церкви, и жертвователь, получающій и въ прекарное владѣніе, пишетъ: „Вы уступили мнѣ по благодѣянію помѣстье Гавиріакъ на все время моей жизни“ [5].

На королевскомъ судѣ разбиралось дѣло объ одной землѣ; одна изъ сторонъ предъявила пре-

[1] Ср. формулу изъ *Marculf*. II, 40 (*Rozière*, 328, § 2) съ формулою—*Merkelianae*, 35 (329, § 2). Выраженія—«per nostram precariam» и «per nostrum beneficium» употребляются тамъ какъ передающія совершенно ту же мысль. «Possidere per precatoriam»—синонимъ съ «possidere per beneficium» (*Bayer*, Urkundenbuch der Mittelrheinischen Territorien, I, стр. 7, годъ 636). *Du Cange* приводитъ хартію, гдѣ мы читаемъ: «In beneficio tenere et precario more» (т. I, стр. 650, столбецъ 3). См. еще: «In beneficio seu precaria», въ грамотѣ 713 года (*Bouquet*, т. IV, стр. 687).

[2] *Diplomata*, № 237: «Per vestrum beneficium mihi tenere permisistis».

[3] *Ibidem*, № 288: «Quod Sigrannus abbas in beneficium per precariam adeptum habet».

[4] *Ibidem*: «Quod eam rem petisset atque beneficiario iure diebus vitae suae percepisset».

[5] *Diplomata*, № 384: «De villa Gaviriaco nobis tempore vitae nostrae beneficium fecistis».

карную грамоту, доказывавшую, что Ангантруда владѣла лишь „по благодѣянію аббата"; опираясь на эту грамоту королевскій судъ постановилъ, что Ангантруда не была собственницей и приговорилъ ея наслѣдниковъ вернуть землю [1]. Точно также въ одномъ судебномъ приговорѣ 719-го года епископъ Рабангарій предъявилъ прекарную грамоту, гласившую, что Ратгисъ владѣетъ оспариваемымъ помѣстьемъ „по благодѣянію монастыря", и судъ сейчасъ же приговорилъ Ратгиса и его наслѣдниковъ вернуть землю [2]. — Въ томъ же году графъ Адальгардъ пишетъ аббату Ратфриду документъ— *epistola precatoria*, въ которой говоритъ: „Эти земли, эти луга и лѣса вы уступили мнѣ по благодѣянію съ тѣмъ, чтобы я владѣлъ ими въ теченіе моей жизни, уплачивая вамъ ежегодно одинъ фунтъ серебра и давая два дня извоза" [3]. Мнѣ кажется, здѣсь ясно видно, чѣмъ была уступка изъ благодѣянія. „Благодѣяніе", „милость", какъ и прекарій, эти термины примѣнялись ко всякой временной и условной уступкѣ. Бенефицій былъ формою, облекавшею заемъ, узуфруктъ, даже аренду. Онъ

[1] *Archives nationales*, K, 3, 6; *Tardif*, № 32: «Ipsum instrumentum seu precariam ostendit relegendum per quod ipsa Angantrudis per beneficium ipsius abbatis hoc possidebat».

[2] *Diplomata*, № 509: «Rabangarius cartam precariam ostendit relegendam qualiter ipsas villas ipse Ratgisus pro beneficio ab ipso monasterio tenuisset, ubi habebat insertum ut ipsas villas usufructuario ordine dum advivebat, tenere debuisset».

[3] *Zeuss*, Traditiones Wissenburgenses, № 267, стр. 256: «Ego comes et precator... Mihi in beneficium prestitistis... in ea ratione ut annis singulis vobis reddere debeam argenti libram unam, angarias duo... Si quis vero contra hanc precatoriam...»

не исключалъ ни денежнаго ценза, ни даже натуральной повинности.

Мы знаемъ, такъ сказать, исторію одного Эльзасскаго бенефиція, по тремъ дипломамъ. Въ 718 году Хродоинъ, собственникъ помѣстій Хоганбахъ и Порціонелла приноситъ ихъ въ полный и неограниченный даръ Виссенбургскому монастырю; сохранилась дарственная грамота, и въ ней нѣтъ слова *beneficium* [1]. Но, три мѣсяца спустя, онъ получаетъ тѣ же помѣстья въ прекарное владѣніе и пишетъ: „Милость ваша склонила васъ даровать мнѣ эти же земли въ благодѣяніе на время моей жизни" [2]. Черезъ шесть лѣтъ онъ умираетъ. Сынъ его Гибартъ никоимъ образомъ не наслѣдуетъ этихъ земель. Чтобы получить пользованіе ими, онъ долженъ обратиться къ монастырю и получить возобновленіе „благодѣянія". Такимъ образомъ, онъ пишетъ новую *precatoria*, въ которой говоритъ: „Милость ваша побудила васъ даровать мнѣ эти земли изъ благодѣянія" [3]. Нѣсколько лѣтъ спустя, другой обитатель Эльзаса, по имени Гильдрадъ, обращается къ аббату Морбахскому со слѣдующею прекарною грамотой: „Я, Гильдрадъ, прошу и молю вашу милость, чтобы она даровала мнѣ принадлежащую вашей церкви землю для пользованія по благодѣянію, и я обязываюсь платить вамъ за нее ежегодно цензъ" [4]. Другой по-

[1] *Diplomata*, Additamenta, № 40, т. II, стр. 448.

[2] *Ibidem*, № 41, т. II, стр. 449: «Vos pietas tetigit ut ipsas res mihi in beneficium praestaretis sub usu fructuario dum vixero».

[3] *Ibidem*, № 47, т. II, стр. 453.

[4] *Ibidem*, № 557: «Ego Hildradus preco et suplico gracie vestre

лучаетъ отъ сенъ-галленскаго монастыря „по благодѣянію и въ силу прекарной грамоты“ землю, за которую долженъ будетъ вносить ежегодный сборъ изъ пива и хлѣба [1].

6.—Если мы будемъ искать *beneficium* въ законахъ, изданныхъ во время меровингскаго періода, то увидимъ, что онъ тамъ лишь едва обозначенъ. Ни Салическая Правда, ни Рипуарская, ни Бургундская, ни Капитуляріи меровингскихъ королей не содержатъ ни этого слова, ни какого-либо соотвѣтствующаго выраженія. Баварская Правда, редактированная въ VII-мъ вѣкѣ по приказанію и подъ внушеніемъ франкскихъ королей, говоритъ о бенефиціи одинъ лишь разъ, именно слѣдующимъ образомъ: „Тотъ, кто пожертвуетъ церкви землю, не можетъ взять ее назадъ ни самъ, ни его наслѣдники, если только епископъ этой церкви не согласится отдать ее ему по благодѣянію“ [2].

ut michi in usum beneficii rem ecclesie vestre in Mathinhaim et Annegisvilla concedere deberitis... Et censuimus nos ad vos pro hanc re, annis singulis, cera libras qinque reddere debeam. Et si de ipso censu negligens apparuero... Unde placuit ut duas precarias absque quinquennii renovatione facte fuissent...»—Подобный же актъ въ № 558, *Diplomata*, т. II, стр. 369. Ср. еще хартію, относящуюся къ одному помѣстью во Фландріи; собственникъ приноситъ его въ даръ монастырю и получаетъ потомъ въ качествѣ благодѣянія отъ монастыря, *pro beneficio monasterii*.

[1] *Traditiones Sangallenses*, № 32, стр. 35; это—*praestaria*: «Res illas quas nobis Waramannus tradidit in villa Parauva, ei *per beneficium* per cartulam istam *precariam* repraestare deberemus... et ille nobis censum exinde solvat, id est per singulos annos viginti siglas de cervisa....»

[2] *Lex Baiuwariorum*, I, 1, 1: «Nisi defensor ecclesiae ipsius per beneficium praestare voluerit ei».

Аламанская Правда также не знаетъ иного бенефиція кромѣ даруемаго церковью: „Если кто пожертвовалъ свои земли церкви и для пропитанія своего получилъ потомъ эти же земли въ качествѣ благодѣянія пожизненно, то пусть онъ обяжется платить и платитъ этой церкви ежегодный цензъ съ этой земли, и пусть онъ составитъ объ этомъ писанный актъ съ тѣмъ, чтобы по смерти его епископъ взялъ землю обратно и сыновья его не могли наслѣдовать ее“ [1].—Вестготская Правда упоминаетъ *beneficium* лишь одинъ разъ, именно ссылаясь на съемку земли за установленную плату [2].—Остготская Правда не упоминаетъ о бенефиціи совсѣмъ. Въ Лонгобардской Правдѣ это слово содержится одинъ только разъ съ примѣненіемъ его къ простой ссудѣ [3].

[1] *Lex Alamannorum*, II, 1: «Si quis liber res suas ad ecclesiam dederit, et post haec a pastore ecclesiae *per beneficium* susceperit ad victualem necessitatem conquirendam diebus vitae suae, et quod spondit persolvat ad ecclesiam censum de illa terra, et hoc per epistolam fiat...»

[2] *Lex Wisigothorum*, X, 1, 11: «Qui terras ad placitum canonis suscepit... beneficium amittat».—Слово *beneficia* встрѣчается въ этомъ сводѣ въ другихъ мѣстахъ, но съ инымъ значеніемъ; напримѣръ, IV, 5, 5, гдѣ говорится о тѣхъ, кто получаетъ что-либо *patronorum beneficiis;* но тамъ говорится о дарахъ, пожалованіяхъ въ полную собственность; доказательствомъ этого служитъ то, что въ слѣдующей строкѣ прибавлено: получившій землю въ даръ можетъ продавать ее. Тутъ нѣтъ ничего общаго съ бенефиціемъ. Точно также немного дальше выраженіе «regiis beneficiis» означаетъ королевскіе дары всякаго рода, а не земли, данныя *in beneficio*.

[3] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 327; *De caballo praestito*: «Si quis praestitum aut conductum caballum aut bovem aut canem habuerit, et dum *in ipso beneficio* aut conductura est, damnum fecerit,

Таковъ результатъ изслѣдованія памятниковъ; таковы единственныя формы, въ какихъ появляется передъ нами *beneficium* въ меровингскую эпоху. Мы должны были пересмотрѣть всѣ тексты, чтобы отчетливо увидѣть, какое значеніе соединяли люди того времени съ даннымъ терминомъ. Переводимъ ли мы его словомъ „благодѣяніе", или предпочитаемъ повторять слово „бенефицій", — смыслъ его, очевидно, остается тотъ же: слово показываетъ, что уступка владѣнія была лишь милостью. Терминъ вызывалъ въ умѣ ту ассоціацію, что уступавшій оставался чуждъ какой-нибудь иной побудительной причины кромѣ желанія „благодѣтельствовать", и что, слѣдовательно, получившій владѣніе не обладалъ самъ по себѣ никакимъ правомъ на его полученіе, наконецъ, что такая уступка, исходя лишь изъ благодѣтельной воли, не могла дать пожалованному никакихъ правъ по отношенію къ жалователю [1].

Если дѣло шло о вѣчномъ пожалованіи, то не упоминалось о „благодѣяніи", ибо тогда, наоборотъ, ясно надо было указать, что даритель отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на землю, безъ изъятія. Побудительною причиною акта выставляли тогда „спасеніе своей души", или „заповѣди

non requiratur proprio domino, sed ille qui praestitum post se habuit, ipse damnum componat». Слова—«in ipso beneficio» означаютъ время, въ теченіе котораго была *praestita* лошадь.

[1] Такое же опредѣленіе *beneficium*, даетъ *Liber de feudis*: «Beneficium nihil aliud est quam benevola actio tribuens gaudium capientibus... Huius autem generis species quaedam est beneficium illud quod ex benevolentia datur alicui ut proprietas quidem rei immobilis beneficiatae penes dantem remaneat...» (*De feudis*, III, 1).

религіознаго закона", или же, если дѣло шло о свѣтскомъ лицѣ, „оказанныя услуги". Если бы дарствователь указывалъ на свое „благодѣяніе" и упомянулъ о немъ одномъ, то тѣмъ самымъ онъ ввелъ бы въ актъ элементъ, который ослабилъ бы пожалованіе [1]. Если же дѣло шло, наоборотъ, о временныхъ и условныхъ уступкахъ, то дарствователь писалъ, что онъ склонился къ нимъ только „изъ благодѣянія", и заставлялъ пожалованнаго признать это даже тогда, когда благодѣяніе его было лишь кажущимся. Выраженіе „изъ благодѣянія" или „по благодѣянію" имѣло завѣдомо для всѣхъ ограничительное значеніе. Оно указывало размѣръ и предѣлъ уступки. Оно одно уже составляло юридическій документъ въ рукахъ дарствователя. Оно свидѣтельствовало, что тотъ не отказался отъ своего права. Оно заранѣе разрѣшало ему взять свое имущество назадъ.

Древне-римскій преторъ произнесъ: „Вѣрни то, чѣмъ ты владѣешь по прекарію".—Точно такъ же всѣ понимали, что надо было возвратить и то, чѣмъ владѣешь безъ иного права кромѣ благо-

[1] Мы не хотимъ сказать, чтобы слово *beneficia* никогда не встрѣчалось въ длинномъ текстѣ дарственныхъ актовъ. Мы читаемъ, напримѣръ, въ дипломѣ Хильдеберта I-го, (*Pertz*, № 3) или, по крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ этому диплому: «Maximum nobis generare praemium ad aeternae retributionis beatitudinem confidimus si ad loca sanctorum opportuna beneficia concedimus».—Въ предисловіи диплома Теодериха III (*Pertz*, № 58) читаемъ: «Merito beneficia quae possident amittere videntur qui largitoribus ingrati existunt».—Но слово *beneficium* никогда не найдется въ самомъ актѣ,—и что особенно важно, его нѣтъ среди реченій, устанавливающихъ дареніе.

дѣянія другого лица. Сказать: я владѣю по благодѣянію было равносильно признанію: я не собственникъ даннаго имущества. Такимъ образомъ, слово прекарій и благодѣяніе были равнозначущими терминами. Одинъ и тотъ же актъ былъ и прекаріемъ, и благодѣяніемъ: прекаріемъ со стороны человѣка, который просилъ, благодѣяніемъ со стороны человѣка, который далъ [1].

[1] Можно спросить себя, существовало ли уже такое значеніе слова *beneficium* въ языкѣ Римской имперіи. Мудрено было бы отвѣтить на вопросъ отрицательно, ибо отъ этой эпохи не осталось ни одной хартіи, ни одного диплома, ни одного памятника практики такого рода, какъ меровингскія хартіи и формулы, указывающія значеніе словъ *beneficium*.—Не легче дать и утвердительный отвѣтъ, и онъ былъ бы неосторожнъ. Сдѣлаю лишь слѣдующее замѣчаніе: даренія въ полную собственность, о которыхъ часто говорится въ Сводахъ (Кодексъ Θеодосія, X, 8; X, 9, 2; X, 10, 5—6; XI, 20, 1; Кодексъ Юстиніана, XI, 62), никогда не называются *beneficia*, и слово *beneficium* не употребляются въ нихъ. Означаетъ ли это, что примѣненіе этого слова ограничивалось наименованіемъ уступокъ въ пожизненное пользованіе. Гигинъ (edit. Lachmann, p. 202, 203, 295) открываетъ намъ примѣненіе слова *beneficium* къ землямъ, уступавшимся городамъ и частнымъ лицамъ, которыя однако не становились предметомъ полной собственности. Одно мѣсто (295-й стр.) особенно ясно указываетъ, что такія земли не становились собственностью тѣхъ, кому разрѣшалось ихъ занимать. Надо еще замѣтить, что такія *beneficia* записывались въ особый регистръ, отдѣльный отъ описи дареній въ полную собственность и называвшійся *liber beneficiorum*. Особому отдѣлу дворцовой канцеляріи, называвшемуся *scrinium beneficiorum*, принадлежалъ родъ надзора за этими землями. Можно ли было брать ихъ назадъ? Не знаемъ. Надпись, относящаяся къ одному корсиканскому городу (*Orelli*, 4031), показываетъ, что уступка *beneficia* должна была возобновляться при каждомъ новомъ императорѣ, и что городъ сохранилъ свои *beneficia* отъ Августа до Веспасіана вслѣдствіе возобновлявшихся такимъ

Единственное ощутительное различіе между римскимъ *precarium* и меровингскимъ *beneficium* выражается въ томъ, что послѣдній становится обыкновенно пожизненнымъ. Не похоже, чтобы его можно было отбирать по произволу. Рѣдко говорится, что онъ прекращался вслѣдствіе „измѣнившейся воли“. *Beneficium* сдѣлался такою распространенною практикою, что пришось дать ему нѣкоторую устойчивость. Дарствователь обязывался, повидимому, по крайней мѣрѣ, когда предметомъ уступки являлась земля, не брать ее назадъ до смерти пожалованнаго. Впрочемъ, надобно замѣтить, что мы знаемъ *beneficium* лишь изъ формулъ актовъ; мы не вполнѣ увѣрены, чтобы въ дѣйствительности пожизненное владѣніе оказывалось всегда обезпечено.

Описанный бенефицій или благодѣяніе являлся актомъ изъ частныхъ отношеній. Онъ разрѣшался всѣмъ; духовныя лица, какъ и свѣтскія, могли оказывать благодѣянія своими землями. Онъ примѣнялся также ко всему. Благодѣянія оказывались подъ видомъ суммы денегъ, коня или быка такъ же какъ въ формѣ помѣстій. Дарствователь могъ ставить своему благодѣянію такія условія, какія хотѣлъ. Онъ могъ требовать денежной платы, могъ требовать взносовъ произведеніями земли, даже барщины, равно какъ могъ сдѣлать свое благодѣяніе и даровымъ. Среди указанныхъ въ нашихъ

образомъ уступокъ (см. *Mommsen*, Staatsrecht, т. II, 2-е изд. стр. 1071, № 2). — Существовали въ реальной жизни такіе обычаи, которые ускользаютъ отъ нашего вниманія, и о которыхъ мы ничего не можемъ утверждать.

документахъ условій, мы ни разу не встрѣчаемъ только военной службы.

3.

„Бенефицій" королей [1].

Въ только что приведенныхъ хартіяхъ, формулахъ и законахъ можно было замѣтить, что *beneficium* учреждался частными лицами или церквами. Ни одинъ законъ не упоминаетъ бенефиціи, который практиковался бы королями. Его не раскрываетъ ни одна хартія, ни одна формула. Ни одинъ современный писатель не называетъ королевскихъ бенефиціевъ. Это странная вещь, что у насъ такъ много и такихъ совершенно ясныхъ актовъ о бенефиціи, даровавшемся церквами, и ни одного акта о бенефиціи, который даровали бы короли.

Есть много королевскихъ дипломовъ и формулъ, касающихся уступокъ фискальныхъ земель; но они вскрываютъ даренія въ полную собственность. Языкъ актовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ: „Мы жалуемъ, пишетъ король, такое-то, принадлежащее нашему фиску помѣстье; мы жалуемъ его навѣки, полностью и безъ изъятія; тотъ, кому мы жалуемъ его, будетъ пользоваться полнымъ правомъ собственности на него; онъ будетъ дѣлать съ нимъ, что захочетъ, онъ оставитъ его своимъ потомкамъ или тѣмъ,

[1] Ср. ниже главу объ иммунитетѣ.

кого выберетъ себѣ въ наслѣдники" [1].—Это полное дареніе въ собственность, а не бенефицій. Поэтому слово *beneficium* вовсе не вписано въ текстъ [2].

Нельзя однако предположить, чтобы франкскіе короли совсѣмъ не практиковали *beneficium* на своихъ доменахъ. Они были собственниками своихъ земель такъ же какъ частныя лица были собственниками своихъ. Ихъ право собственности являло совершенно одну и ту же природу. Они совершали съ землями операціи даренія, продажи, мѣны; нѣтъ основанія, почему бы они не „оказывали" ими также „благодѣянія", то-есть, почему бы они не примѣняли временныхъ уступокъ земли. *Beneficium* вошелъ въ обычай эпохи, среди Франковъ одинаково какъ среди Римлянъ и внутри церкви; нельзя допустить, чтобы короли не знали и не употребляли бенефиція.

За неимѣніемъ прямыхъ доказательствъ, мы находимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя косвенныя указанія. Григорій Турскій, не называющій *beneficium* по имени, повидимому, намекаетъ на него въ четырехъ мѣстахъ своей „Исторіи Франковъ".

Разсказывая, какъ у Франка Эберульфа, признаннаго виновнымъ въ убійствѣ Хильпериха, были конфискованы земли, историкъ дѣлитъ, какъ кажется, эти земли на два разряда: съ одной стороны, ему представляется частное его имущество, съ другой, то, что онъ держалъ въ простомъ

[1] *Marculf.* I, 14; *Rozière*, 185: «Ex nostra largitate aut cui voluerit ad possedendum relinquat vel quicquid exinde facire voluerit, ex nostro permisso liberam in omnibus habeat potestatem».

[2] См. также *Marculf.* I, 17.

пользованіи, *commendatum* [1]. Нѣкоторые ученые новаго времени объясняютъ это слово какъ равнозначущее съ *beneficium*, и это объясненіе вполнѣ правдоподобно [2].

[1] *Greg. Tur.* VII, 22: «Res Eberulfi diversis conceduntur... Quod vero commendatum habuit, publicatum est».—Смыслъ словъ—«publicatum est» не вызываетъ сомнѣнія. Ихъ надо перевести: «поступило въ государственную казну». Что касается *commendare*, то оно смѣшалось съ *commodare* и значило—«одолжить». Примѣры: Рипуарская Правда, LXXIV; Вестготская Правда, V, 5, 3—8; Баварская Правда, XIV. А выраженіе «terram suam alteri commendare», которое будто бы находится въ Салической Правдѣ, встрѣчается лишь въ текстѣ Герольда и не отъискивается ни въ одной извѣстной рукописи (см. *Hessels*, 420, *Behrend*, стр. 119). Но встрѣчается «epistola commendatitia», какъ синонимъ «praestaria», въ *Formulae Merkelianae*, №№ 6, 8 и 35 (*Rozière*, №№ 321, 2; 343, 2; 329, 2) и въ *Bignonianae*, 22 (*Rozière*, 342); а подобное употребленіе слова показываетъ, что понятіе *beneficium* соединилось со словомъ *commendare*, начиная, по крайней мѣрѣ, съ VII-го вѣка.

[2] Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе *Guérad*, Prolégomènes au polyptyque de l'abbé Irminon, стр. 528, и *G. Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. II, стр. 315 изданія 3-го. Оно оставляетъ во мнѣ нѣкоторое недоумѣніе. Все основано на словахъ «quod commendatum habuit». Я же замѣчу, что на языкѣ того времени «habuit» было вспомогательнымъ глаголомъ и «commendatum habuit» являлось просто особою формою прошедшаго времени, подобно «commendavit».—Принимая во вниманіе обычное у Григорія Турскаго словоупотребленіе, правильно будетъ понять слова такъ: «то, что Эберульфъ отдалъ на храненіе». Въ такомъ случаѣ рѣчь идетъ обо всемъ что угодно, только не о полученныхъ имъ отъ короля земель.—Обращаю еще вниманіе, что у самого Григорія Турскаго *commendare* употребляется нѣсколько разъ и вовсе не въ значеніи «давать въ бенефиціальное владѣніе», а въ смыслѣ «отдавать на храненіе» или «поручать». См. V, 19: «Uno seni per iuramentum audita commendavit»; V, 18: «Reperit res Brunichildae reginae apud Praetextatum commendatas». Въ изучаемомъ нами

Въ другомъ мѣстѣ историкъ разсказываетъ о смерти Ванделина и говоритъ: „все, что онъ получилъ отъ фиска, вернулось къ фиску“ [1]. Если нельзя предположить, что у Ванделина не было законныхъ наслѣдниковъ, надо вывести отсюда, что „земли фиска“ онъ получилъ лишь пожизненно. Бодегизилъ умеръ въ то же время, но „ни одна часть изъ его имущества не была отнята у его сыновей“, замѣчаетъ Григорій Турскій [2]. Повидимому, Григорій хотѣлъ здѣсь сказать, что король могъ бы отобрать земли, которыми владѣлъ Бодегизилъ, но пожелалъ оставить ихъ сыновьямъ его. Если мысль писателя такова, то онъ намекаетъ на пожизненное владѣніе, а таковымъ могъ быть лишь бенефицій.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ объ убійствѣ Ваддона и прибавляетъ, что „сынъ его отправился къ королю и получилъ его земли“ [3]. Если бы Ваддонъ обладалъ землями, которыя составляли его полную собственность, что мы такъ часто видимъ у Франковъ, то сыну его не было бы надобности отправляться просить ихъ у короля; онъ унаслѣдовалъ бы ихъ по праву, согласно Салической Правдѣ. Если же ему понадобилось „получить“ ихъ отъ короля, то это значитъ, что

мѣстѣ «quod commendatum habuit» могло бы означать «то, что Эберульфъ довѣрилъ церкви, въ которой искалъ пріюта».

[1] *Greg. Tur.* VIII, 22: «Wandelinus, nutritor Childeberti regis, obiit... Quaecumque de fisco meruit, fisci iuribus sunt relata».

[2] *Idem*: «Obiit Bodygisilus dux, sed nihil de facultate eius filiis minuatum est».

[3] *Greg. Tur.* IX, 35, in fine: «Filius eius ad regem obiit resque eius obtenuit».

Ваддонъ владѣлъ ими въ силу лишь пожизненной уступки, то-есть, по бенефицію. — Точно также Суннегизилъ и Галломагнъ были приговорены къ конфискаціи всего ихъ имущества за преступленіе въ оскорбленіи величества; король помиловалъ ихъ, но оставилъ имъ „лишь то, что составляло ихъ собственность“ [1]. Такія выраженія историка могли бы заставить предположить, что оба указанныя лица держали другія земли въ бенефіальномъ владѣніи, и что тѣ именно были отобраны королемъ.

Таковы единственные, очень неясные признаки королевскаго бенефиція въ VI-мъ вѣкѣ. Отъ конца VII-го у насъ есть одинъ дипломъ, въ которомъ Теодерихъ (Тьерри) III напоминаетъ, что помѣстье Ланьи занимали одинъ за другимъ дворцовые мэры Эброинъ, Варатонъ и Гислемаръ, и что по смерти Варатона оно было „возвращено фиску“ [2]. Довольно вѣроятно, что Варатонъ владѣлъ Ланьи лишь по королевскому бенефицію, и поэтому по смерти его король взялъ Ланьи обратно [3]. Изъ другого диплома 695 года мы знаемъ, что послѣ того, какъ помѣстье Нансэ, принадлежавшее раньше церкви города Ліона, путемъ мѣны перешло около 690 года въ составъ фискальнаго домэна, оно оказалось тогда „уступлено“ королемъ

[1] *Idem*, IX, 38: «Quibus nihil aliud est relictum, nisi quod habere proprium videbantur».

[2] *Archives nationales*, Tardif, № 25; Pardessus, № 410: «Villa Latiniaco... qui fuit inlustribus viris Ebroino, Vuarattune et Ghislemaro et post discessum ipsius Vuarattune in fisco nostro fuerat revocata».—Варатонъ умеръ въ 686 году, *Fredegar*. Chronicon, 99.

[3] Кажется, Варатонъ не оставилъ сына; сынъ его Гислемаръ умеръ раньше него. *Fredegar*. Chronicon, 98, 99.

Паннихію по смерти этого лица было „возвращено“ фиску [1]. Весьма вѣроятно, и здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ бенефиціемъ, хотя терминъ *beneficium* опредѣленно не упомянутъ.

По поводу всѣхъ разобранныхъ примѣровъ приходится сдѣлать одно замѣчаніе. Оказывается, всѣ лица, имена которыхъ мы только что видѣли, были слугами или чиновниками короля. Мы усматриваемъ даже слѣдующее: именно въ то время, когда они владѣли упомянутыми фискальными землями, всѣ они дѣйствительно исправляли государственныя должности. Эберульфъ былъ кубикуляріемъ короля [2]. Ванделинъ — воспитателемъ малолѣтняго Хильдеберта; Бодегизилъ — герцогомъ, то-есть, однимъ изъ самыхъ высокихъ сановниковъ въ административной іерархіи; Ваддонъ послѣ того, какъ отправлялъ функціи графа въ Сэнтской области и начальника двора королевы Ригонты, состоялъ на личной службѣ у королевы Брунегильды [3]; Суннегазилъ былъ главнымъ конюшимъ; Галломагнъ — референдаріемъ [4]; Варатонъ былъ палатнымъ мэромъ; мы не знаемъ, какую должность занималъ Паннихій, но его титулъ *illuster vir* указываетъ, что онъ во всякомъ случаѣ являлся крупнымъ чиновникомъ въ администраціи. Бросается въ глаза, что всѣ извѣстные намъ люди, которые вла-

[1] *Archives nationales*, Tardif, № 34; Pardessus, № 433: «De fisco inlustri viro Pannichio fuit concessum, et post discessum predicto Pannichio ad parti fisci nostri fuit revocatum».

[2] *Greg. Tur.* VII, 21.

[3] *Idem*, VI, 45 и VII, 43.

[4] *Idem*, IX, 38.

дѣли королевскими землями пожизненно, состояли на дѣйствительной службѣ у короля. Это приводитъ къ мысли, что короли пользовались бенефиціемъ главнымъ образомъ для того, чтобы вознаграждать своихъ должностныхъ лицъ. Такъ какъ денежнаго оклада жалованій не существовало, то его замѣнило пользованіе однимъ или двумя помѣстьями. Короли прибѣгали въ одно и то же время къ дареніямъ въ собственность для обогащенія своихъ друзей, или для вознагражденія за прошлыя услуги и къ пожалованію бенефиціальнаго владѣнія въ уплату за настоящія услуги. Можно даже допустить, что такое пользованіе извѣстными землями связывалось скорѣе съ данною должностью чѣмъ съ такимъ-то человѣкомъ. Оно передавалось всѣмъ, кто смѣнялъ одинъ другого въ одной и той же должности. Такъ, напримѣръ, помѣстьемъ Ланьи владѣли одинъ послѣ другого Эброинъ, Варатонъ и Гислемаръ, которые были дворцовыми мэрами одинъ послѣ другого; помѣстье это снова досталось Варатону, когда онъ вторично вступилъ въ должность мэра [1]. Таковъ особый характеръ королевскаго бенефиція, если вѣрить единственнымъ документамъ, въ которыхъ можно его уловить.

Было ли съ нимъ связано условіе военной службы? Ничто не указываетъ на это. Ясно, что разъ *beneficium* вознаграждалъ за службу, то для сохраненія владѣнія имъ необходимо было, чтобы служба продолжалась. Если надѣленный бенефи-

[1] См. съ одной стороны Хронику Фредегара (с. 98 и 99), съ другой—вышеупомянутый дипломъ, *Tardif*, № 25.

ціемъ являлся графомъ или референдаріемъ, слѣдовало, чтобы онъ исполнялъ должности графа или референдарія; если же онъ былъ скорѣе воиномъ, онъ скорѣе долженъ былъ исполнять службу воинскую. Въ такомъ смыслѣ могла быть связана обязанность военной службы съ пользованіемъ нѣкоторыми землями фиска. Но все же не надо думать, что такая служба была спеціальною обязанностью даннаго лица. При Меровингахъ всѣ свободные люди должны были нести военную службу, Галлы какъ и Франки, бѣдные какъ и богатые, люди, не имѣвшіе бенефиціевъ такъ же какъ и тѣ, которые получили его.

Новѣйшіе историки задавались вопросомъ, были ли „королевскіе бенефиціи" отбираемы по произволу, пожизненны или, наслѣдственны? Такой вопросъ не возникалъ передъ умомъ людей VI-го или VII-го вѣковъ. По крайней мѣрѣ, у писателей того времени не встрѣчается никакого намека на него. Утверждали, что по Анделотскому договору 587 года лейды добились, чтобы бенефиціи не отбирались больше по произволу. Анделотскій договоръ, текстъ котораго до насъ дошелъ, не содержитъ ничего подобнаго. Въ немъ нѣтъ даже самаго слова бенефицій [1]. Тамъ говорится вскользь

[1] Въ одной изъ послѣднихъ строкъ встрѣчается слово *beneficia*, но совсѣмъ въ другомъ значеніи. Вотъ эта фраза: «Если одинъ изъ двухъ договаривающихся, то-есть, одинъ изъ двухъ королей нарушитъ настоящее соглашеніе, онъ потеряетъ всѣ преимущества (*beneficia*), которыя даетъ или обѣщаетъ это соглашеніе».—Ясно, что *beneficia* взято здѣсь въ общемъ смыслѣ, который придавался слову въ латинскомъ языкѣ, и это мѣсто не имѣетъ никакого отношенія къ уступкѣ «per beneficium».

о старыхъ пожалованіяхъ прежнихъ королей, которыя потеряли силу въ междоусобіяхъ; тамъ нѣтъ также ни малѣйшаго указанія на бенефиціальныя пожалованія королей, еще живыхъ и царствовавшихъ. Кромѣ того надо бы вспомнить, что Анделотскій трактатъ не былъ заключенъ между королями и лейдами; то было простое соглашеніе между двумя королями.

Напрасно стали бы искать въ хроникахъ хотя бы одной фразы, которая указывала бы, что какой-либо классъ людей или какая-либо политическая группа добивались сдѣлать бенефицій формою вѣчнаго владѣнія. Такая мысль могла прійти въ голову лишь дюдямъ нашего времени и подъ вліяніемъ невѣрнаго представленія, которое они составили себѣ о „бенефиціяхъ“. По установившемуся тогда опредѣленію подъ *beneficium* разумѣлся особый способъ временной уступки земли, и никому не приходило въ голову пытаться измѣнить смыслъ этого выраженія. Человѣкъ, который владѣлъ землею *per beneficium*, могъ просить, чтобы та же земля была ему дана въ собственность; онъ могъ и получить ее; въ такомъ случаѣ на мѣстѣ *beneficium* выступало правильное дареніе. Но чтобы кто-нибудь требовалъ общаго преобразованія характера бенефиціальныхъ уступокъ въ полныя пожалованія,—этого нельзя вывести ни изъ какихъ свидѣтельствъ или указаній [1].

[1] Ясно, что короли могли передавать бенефицій отъ отца къ сыну, какъ даетъ понять Григорій Турскій относительно сыновей Бодегизила и Ваддона, но это значило только, что короли возобновляли тогда уступку.

Королевскій *beneficium* не отличался иною природою чѣмъ *beneficium* частныхъ лицъ. Короли заимствовали его у частныхъ лицъ и у церквей; они практиковали его въ такихъ же формахъ, какъ тѣ. Они уступали его человѣку, который имъ служилъ; они, естественно, брали его назадъ, когда этотъ человѣкъ умиралъ, или переставалъ служить, или когда онъ служилъ дурно. Бенефицій отмѣнялся такъ же, какъ былъ смѣняемъ чиновникъ и въ такой же мѣрѣ. Грамота, относящаяся къ землѣ Ланьи, показываетъ, что Варатонъ потерялъ ее, потерявъ должность мэра, и вновь получилъ, когда снова былъ возведенъ въ эту должность.

4.

Послѣдствія распространенія бенефиція.

Изслѣдованіе документовъ сводитъ меровингскій бенефицій къ предѣламъ акта чистаго частнаго права. То было простое соглашеніе такого же характера, какъ и всѣ соглашенія, которыя собственникъ можетъ заключать относительно своего имущества. Въ немъ нѣтъ ничего политическаго, ничего строго феодальнаго. Возникнувъ въ римскомъ обществѣ, такого рода бенефицій приспособился къ существовавшему строю, и примѣнявшія его поколѣнія людей не видѣли въ немъ конечно, какого-либо элемента строя новаго, который долженъ былъ бы измѣнить порядокъ жизни Европы. Случилось однако такъ, что постоянно

возраставшая практика бенефиція привела къ тремъ важнымъ послѣдствіямъ.

1.—Первое состояло въ уничтоженіи многихъ мелкихъ единицъ собственности. Правда, формулы писались такъ, что бенефицій или благодѣяніе представлялись актами чистаго великодушія. Если вѣрить такой редакціи, бенефицій всегда долженъ былъ являться уступкой богатаго бѣдному. Но мы признали уже, что формулы оказываются часто лишь видимостью дѣла. Въ большинствѣ случаевъ, онѣ скрывали здѣсь подъ собою актъ, противоположный тому, который заявляли.

Beneficium то являлся родомъ аренды, при которой собственникъ ничего не давалъ. То онъ соединялся съ продажей и соотвѣтствовалъ для собственника пріобрѣтенію новаго имущества. То онъ слѣдовалъ за дареніемъ или фиктивной продажей, и въ такомъ случаѣ собственникъ, совершенно ничего не вручая, наоборотъ, все получалъ.

Иногда заемщикъ здѣсь закладывалъ свою землю за нѣкоторую сумму денегъ и съ тѣхъ поръ уже владѣлъ ею только „по благодѣянію". Въ другихъ случаяхъ мелкій собственникъ уступалъ свое имѣньице для улучшенія личнаго существованія и получалъ въ видѣ эквивалента пользованіе соотвѣтственною другою землею. Наконецъ, часто случалось такъ, что мелкій собственникъ, нуждаясь въ покровительствѣ и не имѣя возможности защищать свою землю отъ захвата сильнаго однѣми своими силами, отдавалъ эту землю подъ патронатъ церкви или знатнаго человѣка; онъ отказывался отъ собственности; изъ собственника становился бенефиціаломъ; прежній его аллодъ превращался для него въ бенефицій. Многія изъ нашихъ формулъ, которыя кажутся дарами благочестія, воплощаютъ лишь вынужденныя отчужденія изъ страха или нужды. Тысячи хартій, навѣрно, устанавливавшихъ подобные же акты между свѣтскими лицами, только не дошли до насъ.

Бенефицій рѣдко являлся землею, которую богатый уступалъ бѣдному. Но часто въ немъ обнаруживается земля, которую бѣдный отдавалъ богатому. Система бенефиціевъ развивалась главнымъ образомъ снизу. *Beneficium*—это былъ путь, посредствомъ котораго мелкая собственность поглощалась крупною.

2.—Вторымъ послѣдствіемъ разсматриваемаго теченія было то, что на очень значительной части земель владѣніе и собственность оказались раздѣленными. Различеніе между *possessio* и *dominium* существовало и въ римскомъ правѣ; но на практикѣ оно являлось тогда исключеніемъ. Съ широкимъ же распространеніемъ бенефиція въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ оно сдѣлалось понемногу фактомъ обычнымъ и нормальнымъ. Въ силу господства рабства и колоната дѣло сложилось уже раньше такъ, что обработка земли (земледѣліе) почти повсемѣстно была отдѣлена отъ собственности (землевладѣнія). Теперь же на большинствѣ земель утверждалось даже три человѣка, поставленныхъ какъ бы одинъ надъ другимъ: земледѣлецъ, бенефиціальный владѣтель и собственникъ.

3.—Третьимъ слѣдствіемъ практики бенефиція было установленіе отношеній зависимости между

свободными людьми. Документы показали намъ, что, вопреки своему названію, бенефицій или благодѣяніе не былъ даровою милостью. Очень рѣдко давался онъ безъ всякаго условія. Тотъ, кто его получалъ, долженъ былъ какимъ-нибудь способомъ оплатить милость.

Иногда онъ оплачивалъ ее ежегоднымъ цензомъ. То было, можетъ быть, самое легкое условіе, ибо предѣлы его обозначались въ ясныхъ выраженіяхъ; бенефиціалъ зналъ, по крайней мѣрѣ, точный размѣръ своихъ обязательствъ. Но мы должны замѣтить, что акты свѣтскаго бенефиція не заключаютъ вовсе такой опредѣленной статьи. Условія уступки обозначались въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. „Я буду вносить вамъ то, что вамъ вносятъ другіе, занимающіе ваши помѣстья", говоритъ иногда пожалованный бенефиціемъ [1]. Или: „Я буду повиноваться всѣмъ приказамъ, которые вы дадите мнѣ черезъ своихъ повѣренныхъ" [2]. Въ другихъ случаяхъ ничего такого не записывалось, но во всякомъ случаѣ подразумѣвалось, что уступка будетъ подлежать отобранію по произволу пожалователя.

Надо остерегаться ошибки! Мы видимъ соотвѣтствующія другъ другу прекарную и престарную грамоты и склонны думать, что эти двѣ грамоты составляли въ совокупности контрактъ. Но, во-первыхъ, мы не знаемъ, насколько распространена была практика грамотъ—praestariae. Мы можемъ предположить, что мелкій бенефиціалъ

[1] *Marculf.* II, 41; *Rozière*, 325.
[2] *Bituricenses*, 2; *Rozière*, 324.

не легко получалъ ее отъ знатнаго жалователя [1]). При томъ, если разсмотримъ содержаніе и силу грамотъ такого типа, то замѣтимъ въ нихъ, что для дающаго онѣ не устанавливали никакого обязательства. Онъ говоритъ: „Ты просилъ меня, и я уступаю тебѣ эту землю, я уступаю ее тебѣ по моему благодѣянію". Часто онъ еще прибавляетъ: „Я уступаю ее тебѣ на всѣ дни твоей жизни".— Но это признаніе „благодѣянія" не устанавливало опредѣленнаго, формальнаго обязательства, которое имѣло бы законную силу. Въ прекарной записи стоятъ, наоборотъ, торжественные термины *spondemus*, *stipulatio;* въ престаріи ихъ совершенно нѣтъ. Пожалованный связывалъ себя, жалователь нисколько.

Можно задаться вопросомъ, имѣлъ ли право собственникъ, уступившій свое благодѣяніе „пожизненно", брать его назадъ до смерти пожалованнаго. Памятники не очень ясно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Но все же передъ нами лежитъ одинъ судебный актъ VII-го вѣка, который обнаруживаетъ тяжбу о землѣ, находившейся въ бенефиціальномъ владѣніи. Ангантруда пожертвовала одно помѣстье Сенъ-Денисскому аббатству и получила это самое помѣстье обратно „по прекарію и благодѣянію" [2]. Въ подобныхъ случаяхъ церковь заставляла писать себѣ прекарію и давала взамѣнъ престарію: престарія всегда устанавливала, что благодѣяніе да-

[1] Можно замѣтить, что большая часть нашихъ *praestariae* относится къ крупнымъ помѣстьямъ, и онѣ даны тѣмъ самимъ лицамъ, которыя на дѣлѣ были сами ихъ дарителями.
[2] *Tardif*, № 32.

валось пожизненно, *diebus vitae tuae*. Обѣ стороны, вслѣдствіе возникшаго спора о взаимныхъ правахъ, явились къ королевскому суду. Аббатъ показалъ прекарную грамоту, написанную ему Ангантрудой. По ея прочтеніи, судъ, не останавливаясь ни на какомъ другомъ соображеніи, не принимая во вниманіе обѣщанія, которое должно было находиться въ соотвѣтствующей престаріи и не вдумываясь въ то, что владѣлица бенефиція была въ дѣйствительности жертвовательницей, приговорилъ, чтобы помѣстье вернулось въ руки аббата.

Большого вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что своды, которые были редактированы въ меровингское время во всѣхъ странахъ запада, не содержатъ никакихъ постановленій относительно бенефиція. Нѣкоторые изъ нихъ упоминаютъ о немъ вскользь, но ни одинъ не устанавливаетъ относящихся къ нему правилъ, ни одинъ не даетъ такой формѣ владѣнія ни малѣйшей гарантіи. Законодательство, повидимому, не знало бенефиція. Оно не входило въ отношенія, какія могла установить между двумя людьми бенефиціальная уступка. Тѣ самыя законодательства, которыя стараются оградить собственность и упорядочить ея передачу, не даютъ никакого покровительства бенефицію. Отсюда вытекало большое неравенство между двумя людьми: уступающій бенефицій, который былъ собственникомъ, имѣлъ за себя законъ; бенефиціала, который не былъ собственникомъ, не поддерживалъ никакой законъ. Если бы онъ захотѣлъ обратиться къ суду, то не могъ даже указать никакой формы процесса, котораго онъ

бы могъ придерживаться, ни на какой законъ, на которой онъ могъ бы сослаться.

Такимъ образомъ, бенефиціалъ оставался въ зависимости отъ уступавшаго землю, находился въ безконтрольной его власти или милости. Отношенія между ними не опредѣлялись ни договоромъ, ни закономъ, а лишь волею одного изъ нихъ. Правда, бенефиціалъ сохранялъ одно средство вернуть себѣ независимость; для этого ему было достаточно отдать землю. Но, пока онъ держалъ ее, онъ оказывался человѣкомъ подчиненнымъ. Благодѣяніе привязывало его къ благодѣтелю лично. Онъ не былъ ни рабомъ, ни колономъ, ни арендаторомъ по отношенію къ тому, но, въ силу одного факта, что „владѣлъ по благодѣянію отъ него“, онъ оказывался привязаннымъ къ нему всѣми чувствами, всѣми интересами. Вводя новый способъ владѣнія, бенефицій измѣнилъ положеніе земель и черезъ это положеніе многихъ людей. То былъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ аристократическихъ видовъ эксплуатаціи земель: онъ замѣнялъ договоръ, который ставилъ двухъ людей въ равныя отношенія и подчинялъ обоихъ одному общему закону, такого вида соглашеніемъ, которое подчиняло одного изъ нихъ другому.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О патронатѣ у Галловъ и у Германцевъ.

Надобно перенести теперь наше изслѣдованіе на другого рода обычай, который не лишенъ сход-

ства съ практикой бенефиція и мало-по-малу сочетался съ нею. Мы хотимъ говорить о совокупности явленій, которыя нашъ языкъ обозначаетъ словами: патронатъ, кліентела, покровительсгво, защита, спасаніе, коммендація, вѣрность, мундебурдъ, труста, васселажъ.—Подъ этими различными наименованіями подразумѣвается, собственно, одинъ и тотъ же институтъ, который, видоизмѣняясь, передавался изъ вѣка въ вѣкъ. Институтъ этотъ состоялъ по существу въ томъ, что одинъ человѣкъ ставилъ себя въ зависимость отъ другого.

Зависимость такого рода не должна смѣшиваться ни съ зависимостью раба по отношенію къ господину, ни съ зависимостью вольноотпущенника по отношенію къ патрону. Дѣло идетъ здѣсь о подчиненіи свободнаго человѣка, о подчиненіи добровольномъ.

Древнимъ обществамъ было знакомо повиновеніе гражданина государству, или подданнаго государю, который самъ воплощалъ государство. Мы же будемъ говорить о повиновеніи, которое одинъ человѣкъ добровольно отдаетъ личности другого. Это подчиненіе индивидуальное, личное.

Первоначальнымъ фактомъ, порождающимъ эту форму зависимости, является то обстоятельство, что слабый или бѣдный человѣкъ нуждается въ человѣкѣ сильномъ или богатомъ. Онъ естественно ищетъ у того покровительства и, чтобы получить послѣднее, подчиняется ему. Между двумя людьми заключается обязательство: одинъ долженъ будетъ покровительствовать, другой—повиноваться.

Патронатъ развивался сначала въ области частной жизни, прежде чѣмъ проникъ въ политическія отношенія. Онъ долго практиковался частными людьми, прежде чѣмъ сдѣлался государственнымъ институтомъ. Раньше чѣмъ изъ него сложился феодальный порядокъ, онъ зародился и выросъ въ частной жизни въ глубинѣ эпохъ, которыя предшествовали его образованію.

Патронатъ настолько противорѣчитъ современнымъ понятіямъ, что намъ нѣсколько трудно его уразумѣть. Онъ былъ, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ обычаевъ, какія обнаруживаются въ исторіи. Вѣроятно, онъ представляетъ собою бытовую форму, глубоко присущую человѣческой природѣ. Очень рѣдко управляются общества достаточно правильно такъ, чтобы всѣ входящія въ нихъ единицы дѣйствительно могли реально пользоваться покровительствомъ общихъ законовъ и государственной власти. Отсюда-то почти съ необходимостью происходитъ, что болѣе слабый изъ двухъ людей вступаетъ подъ зашиту болѣе сильнаго; тѣмъ самымъ онъ отдаетъ себя въ его власть. Подобное частное покровительство, патронатъ, развивается особенно широко въ общежитіяхъ безпокойныхъ и мало устойчивыхъ. Могущество его находится всегда въ обратномъ отношеніи къ авторитету государственной власти. Въ развитіи обществъ то государственная власть оттѣсняетъ патронатъ и заставляетъ его исчезать, то патронатъ оттѣсняетъ государственную власть и отодвигаетъ ее въ тѣнь.

Патронатъ можетъ возникнуть и въ обществахъ,

хорошо устроенныхъ и правильно управляемыхъ. Неравенство состоянія, большое разстояніе между богатствомъ и нуждою, извѣстная особенность экономическаго порядка, иногда способъ рекрутированія людей на государственныя должности, любовь къ стяжанію у однихъ, честолюбіе у другихъ,—вотъ многообразныя причины, которыя могутъ заставить человѣка искать покровительства у болѣе чѣмъ онъ богатаго или сильнаго. Поэтому патронатъ и кліентела, въ различныхъ формахъ и неравныхъ степеняхъ, могутъ встрѣчаться въ обществахъ, очень отличающихся другъ отъ друга.

Мы разсмотримъ сейчасъ послѣдовательно всѣ три народа, которые, путемъ смѣшенія ихъ крови и институтовъ, способствовали образованію французскаго общественнаго строя. У нихъ у всѣхъ мы найдемъ патронатъ.

I.

Галлы.

Галлы знали патронатъ и кліентелу до германскихъ нашествій, даже до римскаго завоеванія. Придя въ страну, Цезарь нашелъ практику патроната въ полномъ дѣйствіи у Галловъ. Онъ указываетъ намъ Гельвета Оргеторикса, знатнаго и въ то же время богатаго человѣка [1], который, кромѣ громаднаго персонала рабовъ, собралъ во-

[1] *Caesar*, De bello Gallico, I, 2: «Apud Helvetios nobilissimus fuit et ditissimus Orgetorix».

кругъ себя много кліентовъ. Послѣдніе были свободными людьми, ибо Цезарь не смѣшиваетъ ихъ съ рабами [1].

Каковъ былъ принципъ такой кліентелы? Цезарь не останавливается на его разслѣдованіи, но указываетъ во всякомъ случаѣ, что многіе изъ галльскихъ кліентовъ были задолжалыми, *obaerati*. Трудно повѣрить, чтобы рѣчь шла здѣсь о денежныхъ долгахъ; но Оргеториксъ могъ ссужать имъ скотъ или землю. Люди, называвшіеся должниками, были, можетъ быть, колонами [2]. Этотъ родъ кліентелы не носилъ военнаго характера. То была кліентела слугъ и работниковъ. Быть можетъ, она занимала большое мѣсто въ древне-галльскомъ обществѣ; она встрѣчается и въ старыхъ законахъ Ирландіи.

Цезарь говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ, что знатные владѣли рабами и одновременно окружены были кліентами [3]. У галльскихъ племенъ было сословіе знати, галльское названіе которой Цезарь переводитъ терминомъ „всадники“ [4]. Каж-

[1] *Ibidem*, I, 4: «Omnem suam familiam ad hominum milia decem undique coegit, et omnes clientes obaeratosque suos, quorum magnum numerum habebat, eodem conduxit».—Въ этихъ словахъ надо различать два элемента: съ одной стороны *familia*, то-есть, рабовъ, число которыхъ доходило до десяти тысячъ; съ другой стороны, кліентовъ, которые также были очень многочисленны, но количество ихъ не обозначено.

[2] Надо замѣтить, что во время Цезаря слово *obaerati* примѣнялось къ мелкимъ держальцамъ. *Varro*, De re rustica, I, 17.

[3] *Caesar*, VI, 19: «Servi et clientes». Діодоръ Сицилійскій также указываетъ у Галловъ свободныхъ слугъ, V, 29: «Θεράποντας ἐλευθέρους ἐκ τῶν πενήτων καταλέγοντες».

[4] *Caesar*, VI, 15: «Equitum genus».

дый членъ этого сословія держалъ вокругъ себя группу „кліентовъ и амбактовъ“ [1]. Эти два слова, одно латинское, другое галльское, соотвѣтствовали одно другому, какъ бы переводили одно другое [2]. Цезарь прибавляетъ, что вліяніе и власть человѣка измѣрялись количествомъ его кліентовъ и приближенныхъ.

Эбуронъ Амбіориксъ также имѣлъ кліентовъ. Надо замѣтить, что Цезарь обозначаетъ ихъ словами *comites* и *familiares*, то-есть, терминами, которые мы найдемъ также и въ Римѣ для обозначенія кліентовъ. Кліенты Амбіорикса жили въ домѣ

[1] *Idem*: «Eorum ut quisque est genere copiisque amplissimus ita circum se plurimos ambactos clientesque habet».

[2] Согласно *Arbois de Jubainville*—«ambact» есть слово кельтскаго происхожденія, употреблявшееся сначала Галлами и заимствованное потомъ отъ нихъ Германцами. См. его статью—«Origines gauloises» въ «Revue historique», январь 1886, стр. 22. Таково же приблизительно мнѣніе *Zeuss*, Grammatica celtica, стр. 761. Главнымъ доказательствомъ служитъ текстъ Феста: «Ambactus apud Ennium Gallica lingua servus appellatur». Во всякомъ случаѣ мы должны обратить вниманіе, что этотъ текстъ находится не у Феста, а у Павла Діакона (изд. *Müller*, стр. 4), и весьма было бы важно, если бы сохранился стихъ Эннія, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ пользовался этимъ словомъ и примѣнялъ его къ Галламъ.—Моммзенъ (Histoire romaine, франц. перев. Alexandre, т. VII, стр. 21, примѣчаніе) также ссылается на текстъ, который приписываетъ Фесту; онъ признаетъ, что Энній зналъ это галльское слово, живя за 189 лѣтъ до нашей эры. При томъ Моммзенъ склоненъ производить слово «ambact» изъ германскаго языка, какъ многіе его соотечественники; будто Галлы заимствовали его у Германцевъ. Это смѣлое предположеніе.—Намъ же кажется, что въ этомъ вопросѣ мы не можемъ сказать ничего твердаго кромѣ того, что Цезарь обозначаетъ словомъ *ambact* извѣстную категорію галльскихъ кліентовъ.

своего господина. Разъ ихъ оказалось достаточно, чтобы защитить Амбіорикса противъ отряда римской конницы [1]. Арвернъ Верцингеториксъ, совсѣмъ молодой еще и задолго до своего возвышенія, распоряжался уже достаточнымъ числомъ кліентовъ, такъ что могъ составить себѣ изъ нихъ небольшое войско [2].

Принципомъ кліентелы была потребность слабыхъ въ покровительствѣ. Государство Галловъ, называемое Цезаремъ *civitas*, было устроено очень несовершеннымъ образомъ. Оно рѣдко оказывалось въ силѣ заставить знатныхъ повиноваться и защищать слабыхъ [3]. Такимъ образомъ и происходило, что слабый, не чувствуя себѣ поддержки въ государствѣ, искалъ опоры въ другомъ человѣкѣ. Онъ обращался къ кому-либо изъ знати и просилъ его защиты отъ другихъ сильныхъ. Было справедливо, чтобы такое покровительство оплачивалось. Цѣною его оказалась зависимость. Покровительствуемый поступалъ подъ власть покровителя. Цезарь ясно говоритъ это: „Въ каждомъ государствѣ, даже въ каждомъ округѣ находимъ частныя сообщества людей [4]; каждая изъ такихъ группъ имѣетъ своего особаго начальника [5]; на-

[1] *Caesar*, VI, 30: «Comites familiaresque eius angusto in loco paulisper equitum nostrorum vim sustinuerunt».

[2] *Idem*, VII, 4: «Convocatis suis clientibus, facile incendit...»

[3] *Idem*, VI, 13: «Plerique... iniuria potentiorum premuntur».

[4] *Caesar*, VI, 11: «In Gallia, non solum in omnibus civitatibus atque in omnibus pagis partibusque... factiones sunt».—О значеніи слова *factio* см. *Festus*, ed. Müller, p. 86.

[5] *Caesar*, VI, 11: «Earum factionum principes sunt qui summam auctoritatem eorum iudicio habere existimantur».—Эти слова

чальникъ рѣшаетъ все; онъ пользуется верховною властью и руководитъ всѣми предпріятіями"[1]. „Обычай этотъ очень древній, прибавляетъ Цезарь. Онъ происходитъ отъ того, что всякій человѣкъ изъ народа желаетъ найти покровителя, который будетъ защищать его отъ болѣе сильнаго, чѣмъ онъ, человѣка[2]. Начальникъ защищаетъ своихъ людей отъ притѣсненій, насилія и обмана[3]. Если бы онъ не защищалъ ихъ, то потерялъ бы всякую власть"[4]. Это настоящій патронатъ. Люди прибѣгали къ нему для того, чтобы найти безопасность. Вступая въ него, они отказывались отъ своей независимости. „Защищающій ихъ получаетъ надъ ними такія права какъ господинъ надъ своими рабами"[5].

Наряду съ такой кліентелой, заключавшейся въ цѣляхъ мира, существовала еще другая, совершенно военнаго характера. Цезарь описываетъ ее въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ онъ пользуется словомъ *clientes*; въ другомъ употребляетъ кельтскій или аквитанскій терминъ *soldur*[6]. Этотъ родъ

указываютъ, что группа выбирала начальника, или, скорѣе, что каждый человѣкъ свободно присоединялся къ начальнику.

[1] *Idem*: «Principes... quorum ad arbitrium iudiciumque summa omnium rerum consiliorumque redeat».

[2] *Idem*: «Eius rei causa antiquitus institutum videtur ne quis ex plebe contra potentiorem auxilii egeret».

[3] *Idem*: «Suos quisque opprimi et circumveniri non patitur».

[4] *Idem*: «Neque, aliter si faciat, ullam inter suos habet auctoritatem».

[5] *Idem*, VI, 13: «In hos eadem sunt iura quae dominis in servos».

[6] *Caesar*, VII, 40 и III, 22.—Оба мѣста, мы скоро увидимъ, относятся къ одному и тому же институту.

кліентелы характеризуется тою особенностью, что она заключалась путемъ религіознаго обѣта и рода клятвы. Человѣкъ становился „преданнымъ, посвященнымъ" своему начальнику (*devotus*)[1]. Причемъ на языкѣ Цезаря терминъ этотъ не принималъ того чисто метафорическаго значенія, которое онъ пріобрѣлъ во французскомъ языкѣ (*dévoué*); онъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ понятіе „обѣта" (*le voeu*), то-есть, дара своей личности, который человѣкъ приносилъ своему вождю заранѣе на тотъ случай, когда ему понадобится жизнь отдавшагося[2]. Другой римскій писатель, говоря о томъ же классѣ людей, замѣчаетъ „что они заранѣе посвятили свою жизнь благополучію вождя"[3]. Съ той минуты, принадлежа ему всецѣло, они должны были дѣлить съ нимъ счастье и несчастье. Когда онъ умиралъ, они также должны были умереть. Таково было слѣдствіе заключеннаго по отношенію къ нему религіознаго обязательства[4].

[1] *Idem*, III, 22: «Cum sexcentis *devotis* quos illi soldurios vocant».

[2] Цезарь употребляетъ слово *devoti* не случайно; онъ повторяетъ его нѣсколькими строками ниже: «Cuius se amicitiae *devovisset*».—О значеніи словъ *devovere* и *devotio* см. *Cicero*, De officiis, III, 25; De natura Deorum, III, 6.— *Tacit.* Annales, II, 69; *Suetonius*, Caligula, 3; *Tit. Liv.* VIII, 9.

[3] *Valerius Maximus*, II, 6, 11 (изд. Kempf): «Celtiberi nefas esse ducebant proelio superesse cum is occidisset pro cuius salute *spiritum devoverant*».

[4] Религіозный обѣтъ обнаруживается прежде всего изъ выраженія *se devovere*, трижды употребленнаго Цезаремъ и Валеріемъ Максимомъ, затѣмъ изъ слова *nefas*, которое одинаково употребляютъ оба писателя, говоря о тѣхъ же самыхъ людяхъ (*Valerius Maximus*, II, 6, 11; *Caesar*, VII, 40).

Ученые предполагали, что подобная преданность внушалась утонченнымъ нравственнымъ чувствомъ, родомъ рыцарской чести. Но утверждать это значитъ сильно ошибаться въ человѣческой природѣ. Безкорыстіе и жертва были такъ же исключительны въ древнихъ обществахъ какъ и въ нашихъ. Вѣрность и преданность, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, являлись лишь слѣдствіемъ заключеннаго двумя людьми договора. Они нуждались одинъ въ другомъ. Одному нужна была пища, одежда, земля или покровительство. Другому были нужны слуги и воины. Потому-то одинъ вступалъ подъ покровительство другого. „Преданные“ были настоящими кліентами. Потому-то Цезарь и называетъ ихъ такъ въ другомъ мѣстѣ [1].

Итакъ, Галлы знали кліентелу въ обоихъ ея видахъ: кліентелу службы и труда и военную кліентелу [2]. Ученые нашего времени, начинающіе знакомиться съ древними институтами Ирландіи, указываютъ и тамъ практику патроната и кліентелы. Среди обитателей этой страны развивался съ первыхъ вѣковъ средневѣковья родъ феодализма, хотя къ нимъ и не проникалъ никакой германскій элементъ. Феодализмъ не произошелъ у нихъ ни отъ завоеванія, ни отъ преобладанія одной расы надъ другою. Онъ свободно выросъ

[1] *Caesar*, VII, 40: «Litavicus cum suis *clientibus* quibus more Gallorum nefas est etiam in extrema fortuna deserere *patronos*».

[2] Тѣ же узы патроната и кліентелы устанавливались между различными галльскими государствами. Напримѣръ, Эбуроны были «кліентами» Тревировъ (*Caesar*, IV, 6). Эдуи держали подъ своею властью много племенъ-кліентовъ (*idem*, VI, 12).

изъ обычаевъ патроната. Ученые выдвигаютъ здѣсь ту особенность, что въ корнѣ ирландскаго патроната лежалъ не столько принципъ военной силы, сколько богатства. Кліентомъ, будущимъ вассаломъ становился чаще всего бѣдный, которому богатый давалъ какую-нибудь частицу своего состоянія, въ видѣ скота или денегъ, чтобы прикрѣпить его къ себѣ родомъ долга и сдѣлать изъ него своего подданнаго [1]. Можно предположить, что подобная практика была присуща всѣмъ вообще древнимъ галльскимъ племенамъ.

2.

Германцы.

Въ спеціальномъ своемъ сочиненіи о Германіи Тацитъ не описываетъ патроната. Въ этой маленькой книжкѣ не встрѣчается ни слово патронатъ, ни слово кліентела. Но въ другихъ своихъ произведеніяхъ, по поводу излагаемыхъ имъ фактовъ, историку приходилось много разъ если не описывать, то упоминать о германской кліентелѣ.

Когда Херускъ Сегестъ отправляется въ римскій лагерь, его сопровождаетъ „многочисленная

[1] Мы можемъ лишь указать эти факты, опираясь на труды ученыхъ, которые ихъ излагаютъ; наше незнакомство съ кельтскимъ языкомъ мѣшаетъ намъ провѣрить ихъ точность и изучить подробности. Съ пользою для дѣла можно обратиться къ *Sumner Maine*, Institutions primitives, стр. 163 и слѣдующія франц. перевода Durieu de Leyrits; ср. *d'Arbois de Jubainville*, Etudes sur le droit celtique, 1881, стр. 59—68.

толпа кліентовъ" [1], и эти кліенты, видимо, свободные люди даже, по большей части, воины, ибо историкъ замѣчаетъ, что многіе изъ нихъ несли еще отнятую раньше у войска Вара добычу, доставшуюся имъ при дѣлежѣ [2]. Когда Ингвіомеръ отдѣляется отъ Арминія, чтобы присоединиться къ союзникамъ Рима, онъ окруженъ толпою кліентовъ [3]. Одинъ, побѣжденный другими Германцами, германскій король Ванній обращается въ бѣгство, и кліенты слѣдуютъ за нимъ.

Кромѣ того, если разсмотрѣть внимательно то мѣсто, гдѣ Тацитъ говоритъ о германскомъ *comitatus*, станетъ ясно, что, не произнося слова кліентела, авторъ описываетъ ее [5]. Люди, которые пристаютъ къ вождю, называются у него „товарищами", *comites*; но мы ошиблись бы, если бы видѣли въ нихъ равныхъ вождю, ибо латинское слово *comites* не имѣетъ такого значенія и, кромѣ того, одной строкой ниже Тацитъ именуетъ ихъ уже „свитою", *qui sectantur*. Авторъ замѣчаетъ, что у Германцевъ „не считается вовсе позорнымъ, находиться среди *comites*"; замѣчаніе это не имѣло бы никакого смысла, если бы слово *comites* не указывало здѣсь на дѣйствительно низшее положеніе. То же подтверждается подробностями, которыя слѣдуютъ дальше. „Среди *comites* обнаруживаются неравен-

[1] *Tacit*. Annal. I, 57: «Magna cum propinquorum et clientium manu».

[2] *Idem*: «Ferebantur et spolia Varianae cladis, plerisque eorum qui tum in deditionem veniebant praedae data».

[3] *Idem*, Annales, II, 45: «Cum manu clientium».

[4] *Idem*, ibidem, XII, 30: «Secuti clientes».

[5] *Tacit*. Germania, 13.

ства и ступени; ступени устанавливаются вождемъ" [1]. Клятва связываетъ товарища съ вождемъ до такой степени тѣсно, что жизнь, воля, даже честь перваго принадлежатъ второму [2]. Подобныя ассоціаціи [3], образовывавшіяся главнымъ образомъ въ цѣляхъ войны, существуютъ однако и въ мирное время; онѣ являются постоянными группами [4]. Вождь кормилъ и награждалъ товарища. Товарищъ, спутникъ сражался за него, не за родину. Отъ него, а не отъ государства получалъ онъ копье и боевого коня. Онъ могъ, впрочемъ, оставить своего вождя, чтобы перейти къ другому [5]. Но пока онъ повинуется вождю, онъ долженъ исполнять всѣ его повелѣнія, жертвовать жизнью для его спасенія, или умирать съ нимъ вмѣстѣ. Во всемъ этомъ мы узнаемъ подчиненіе человѣка не государству, не закону и не королю, а другому человѣку, и это

[1] «Gradus quinetiam comitatus habet, iudicio illius quem sectantur».

[2] *Tacit*. 14: «Illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae eius adsignare praecipuum sacramentum est; principes pro victoria pugnant, comites pro principe».

[3] *Idem*, 13: «Iuvenum globus».

[4] Это вытекаетъ изъ словъ: «in pace decus» (въ гл. 13).

[5] Это вытекаетъ изъ словъ: «Magna principum aemulatio cui plurimi comites»; и дальше: «Magnum comitatum non nisi bello tueare». Но мы не сумѣли бы сказать, была ли подчинена перемѣна вождя извѣстнымъ условіямъ, которыя бы затрудняли такія отпаденія и дѣлали бы ихъ рѣдкими. Слово *iuvenum*, стоящее въ 13 главѣ, позволяетъ думать, что люди не оставались въ такихъ узахъ всю жизнь, что въ извѣстномъ возрастѣ они выходили изъ нихъ, чтобы вступить въ правильную жизнь въ рамкахъ *civitas*.

подчиненіе, какимъ бы словомъ оно ни называлось, есть кліентела или патронатъ.

То обстоятельство, что на ходячемъ языкѣ тацитовскаго времени слово *comites* говорилось о кліентахъ, а слово *comitatus*, какъ увидимъ дальше, объ образующемся путемъ кліентелы товариществѣ,—позволяетъ думать, что въ этомъ мѣстѣ авторъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ описать кліентовъ и кліентелу.

Описанные обычаи держались у Германцевъ и послѣ эпохи Тацита. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя Амміанъ Марцеллинъ разсказываетъ, что побѣжденный аламанскій король по имени Хонодомаръ отдается Римлянамъ; онъ идетъ въ ихъ лагерь „одинъ", но вскорѣ затѣмъ двѣсти воиновъ бѣгутъ въ свою очередь отдаться побѣдителю. Историкъ замѣчаетъ, что эти люди не входили въ составъ войска, или въ число подданныхъ короля. Они и дѣйствутъ не какъ простые подданные. Амміанъ говоритъ, что они его „товарищи" [1]. Онъ прибавляетъ, что отдаваться Римлянамъ ихъ заставляло не что иное какъ убѣжденіе, что жить, если вождь ихъ умеръ, и оставаться свободными, если онъ въ плѣну, являлось бы для нихъ позоромъ. Эти люди были, значитъ, лично связаны съ вождемъ [2]. Между ними обнаруживаются также степени, такъ какъ Амміанъ

[1] *Ammian.* XVI, 12, 60: «Comitesque eius ducenti numero».

[2] Амміанъ упоминаетъ о *comites* еще въ другомъ мѣстѣ, XVII, 10, 8, гдѣ говоритъ, что Юліанъ удержалъ заложниками четырехъ *comites* аламанскаго короля, «quorum ope et fide maxime nitebatur».

замѣчаетъ, что двѣсти изъ нихъ были простыми *comites*, тогда какъ трое являлись *amici* [3]. Повидимому, этими двумя терминами, очень опредѣленное различие которыхъ въ языкѣ Римлянъ мы сейчасъ установимъ, историкъ хотѣлъ перевести два также различныхъ термина изъ языка Германцевъ.

Полтора вѣка спустя, Іорданъ разсказываетъ, что, когда молодой Теодерихъ захотѣлъ воевать съ Сарматами, не имѣя на то разрѣшенія короля-отца, онъ собралъ вокругъ себя „кліентовъ и друзей" въ количествѣ шести тысячъ человѣкъ и составилъ изъ нихъ себѣ войско [1].

Comites, clientes, amici—это въ одно и то же время и *comitatus*, и кліентела: это военная кліентела, дружина. Существовали ли у Германцевъ другія формы кліентелы? Возможно и даже вѣроятно, что да; но наши документы не указываютъ на нихъ.

Многіе новые ученые думали, что когда Германцы захватили Имперію, они были организованы въ небольшія группы товарищей, дружинниковъ. Они представляли вестготскій, бургундскій или франкскій народъ раздѣленнымъ на множество мелкихъ отрядовъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ собственнаго вождя. По этой теоріи выходитъ, что въ толпѣ завоевателей организующимъ общество принципомъ была военная кліентела или дружина, то-есть, рядъ мелкихъ группъ-кліентелъ или вассальныхъ союзовъ связывались между собою іерархически, — и всѣ вмѣстѣ представляли изъ себя лѣстницу начальниковъ, подъ-начальниковъ и вои-

[3] XVI, 12, 60: «Comites et tres *amici* iunctissimi».

новъ, довольно сходную съ тѣмъ, чѣмъ явилась позже феодальная лѣствица.

Документы не оправдываютъ такой гипотезы. Въ томъ, что намъ говорятъ о Бургундахъ, Вестготахъ или Франкахъ ихъ современники, нѣтъ ни одной строки, которая подтверждала бы ее. Въ ихъ описаніяхъ нѣтъ ни одной черты, которая могла бы подойти къ такому представленію. Ничто не позволяетъ сказать, чтобы пришельцы были соединены между собою узами патроната. Нашествіе произведено было не феодальными организмами.

Однако, отбросивъ крайнее мнѣніе, слѣдуетъ признать, что обычай патроната и кліентелы Германцы практиковали въ древнѣйшія времена, и сохранили его во время вторженій. Онъ не превращался во всеобщій институтъ, не становился принципомъ политическаго строя; государства Германцевъ, въ томъ видѣ какъ ихъ описываетъ Тацитъ, были устроены совсѣмъ по инымъ правиламъ. Но варвары знали патронатъ какъ добровольную и личную практику, къ которой люди прибѣгали свободно, по своему желанію, по своей выгодѣ или нуждѣ. Когда они вторглись въ Галлію, они принесли съ собою патронатъ въ своихъ понятіяхъ и нравахъ.

Надобно, впрочемъ, сдѣлать одно замѣчаніе. Практика патроната, то-есть, подчиненія одного человѣка другому, свойственныя столько же Германцамъ, сколько и Галламъ, не была ни у тѣхъ, ни у другихъ элементомъ политическаго устройства. Цезарь, описывающій галльскія государства, никогда не смѣшиваетъ публичной власти, принадлежавшей магистратамъ, съ чисто личною властью патрона надъ кліентами. Тацитъ, который описываетъ германскія государства, называя ихъ *civitates*, рисуетъ картину такого строя, въ который не входилъ *comitatus*. Итакъ, у Галловъ и у Германцевъ институтъ патроната не составлялъ существенной части политическихъ учрежденій. Въ этомъ и обнаруживается коренная разница между античными обществами и средневѣковыми. Родъ вассалитета уже существовалъ въ послѣднихъ, но онъ стоялъ внѣ государства. Ни у Галловъ, ни у Германцевъ этотъ видъ вассалитета не породилъ феодальнаго строя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Патронатъ и „коммендація“ въ римскомъ обществѣ.

Господство Рима не вело къ утратѣ галльскими племенами обычаевъ кліентелы и патроната, такъ какъ эти обычаи существовали также въ римскомъ обществѣ.

Кліентелу, о которой мы будемъ здѣсь говорить, не нужно смѣшивать съ кліентелой первобытныхъ временъ, которая была родомъ религіозной и родовой связи. Она не смѣшивается также съ другимъ видомъ кліентелы, которая создавалась путемъ освобожденія рабовъ. Первобытная кліентела была наслѣдственной; кліентела вольноотпущенниковъ была обязательной. Та же, о которой мы будемъ говорить, являлась добровольною.

Рѣчь идетъ объ узахъ патроната, покровительства, подчиненія, заключавшихся по свободному желанію обѣихъ сторонъ.

Мы видѣли патронатъ въ Германіи и въ Галліи; мы будемъ изслѣдовать этотъ же институтъ, болѣе пространно, въ римскомъ обществѣ. Изъ того, что мы больше будемъ распространяться о немъ, не надо заключать, что въ римскомъ обществѣ онъ занималъ больше мѣста, чѣмъ въ Германіи и въ Галліи, такъ какъ доказать это было бы нельзя. Мы больше будемъ о немъ распространяться лишь по тому, что у насъ здѣсь больше документовъ. Въ Римѣ лучше, чѣмъ въ Галліи или Германіи, мы сможемъ изучить патронатъ въ подробностяхъ, увидѣть принципъ его и его природу.

Такое изслѣдованіе имѣетъ значеніе и для исторіи средневѣковья. Полезно будетъ остановить наше вниманіе на жизненной практикѣ, которая могла передаваться изъ среды въ среду; интересно всмотрѣться даже въ слова, которыя перешли отъ античныхъ народовъ къ средневѣковымъ. Важно изучить характеръ патроната раньше той эпохи, когда изъ него вышелъ феодальный строй. Надо разобрать отличія или сходства, какія римскій патронатъ обнаруживаетъ сравнительно съ патронатомъ послѣдующихъ вѣковъ. Сущность исторической науки состоитъ въ наблюденіи надъ преемственностью фактовъ и надъ постепенностью ихъ измѣненій.

I.

Добровольная кліентела въ послѣдніе два вѣка римской республики.

Объ интересующей насъ кліентелѣ говоритъ уже Плавтъ [1]. Дѣйствующее лицо одной изъ его комедій жалуется на причиняемыя ею неудобства: „Глупый и несносный обычай! Это обычай наиболѣе знатныхъ и лучшихъ изъ насъ. Всѣ бьются, у кого будетъ больше кліентовъ. Берутъ всѣхъ, кто явится, не заботясь о качествѣ“ [2]. Очевидно, что кліенты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, свободные люди, мелкіе люди, которые ищутъ патрона, и которыхъ въ такой же мѣрѣ ищетъ патронъ. Такъ же какъ въ Германіи и въ Галліи вліяніе и власть знатнаго человѣка въ Римѣ измѣрялись числомъ его кліентовъ. Чтобы пріобрѣсти покровительство, чтобы получить поддержку въ своихъ тяжбахъ, а въ случаѣ нужды и пропитаніе,—каждый слабый нуждается въ патронѣ. Патронъ же нуждается во всѣхъ своихъ кліентахъ, чтобы постоянно быть окруженнымъ

[1] Извѣстно, что Плавтъ переводилъ греческія пьесы, но извѣстно также, что нравы и обычаи онъ описывалъ чисто римскіе.

[2] *Plaut.* Menechm. IV, 2:
Ut hoc utimur maxime more moro
Molestoque multum! Atque uti quique sunt
Optumi maxumi, morem habent hunc:
Clientes sibi omnes volunt esse multos;
Bonine an mali sint, id haud quaeritant.

свитой, чтобы распоряжаться голосами ихъ въ дни выборовъ.

Тотъ же родъ кліентелы описанъ Теренціемъ. Авторъ не хочетъ вести рѣчь о ней спеціально; онъ переводитъ пьесу Менандра, который не зналъ ея въ Аѳинахъ. Но, переводя стихи, въ которыхъ греческій поэтъ говорилъ о простомъ покровительствѣ, въ силу привычекъ своего языка Теренцій употребляетъ термины, относившіеся къ римскому патронату. Одно изъ его дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Отдаю и ввѣряю себя твоему покровительству (*tuae fidei*) и беру тебя себѣ въ патроны“ [1]. И дальше: „Таиса ввѣрила себя кліентелѣ и покровительству моего отца; она отдалась намъ, она совсѣмъ наша“ [2]. Выраженія эти, принадлежавшія ходячему языку Римлянъ, характеризуютъ добровольную кліентелу. Тутъ передъ нами не неопредѣленныя слова, это формальные термины, почти формула акта, посредствомъ котораго человѣкъ отдавался патрону.

Тѣ же самые термины, *se commendare*, *se dare*, *clientela*, *fides*, *patronus*, будутъ употребляться для обозначенія того же акта во все время Римской Имперіи, а потомъ въ періоды меровингскій и каролингскій.

Цицеронъ также говоритъ о кліентелѣ, и знаменательно выраженіе, какимъ онъ обозначаетъ ее. Быть кліентомъ, это значитъ „находиться подъ

[1] *Terentius*, Eunuchus, V, 2, 70: «Me tuae commendo et committo fidei, te mihi patronum capio» (или cupio?).

[2] *Ibidem*, V, 9: «Thais patri se commendavit in clientelam et fidem, nobis dedit se.—Fratris igitur Thais tota est».

вѣрностью другого и въ его кліентелѣ“ [1]. Еще одно мѣсто у него показываетъ основной характеръ патроната; онъ не только добровольный, но временный: кліентъ могъ даже оставить того, кого онъ выбралъ сначала и перейти къ другому патрону. „Эти люди, сообщаетъ авторъ, перестали приносить свое почтеніе и повиновеніе Росцію и перешли подъ покровительство и въ кліентелу Хризогона“ [2].

Выраженіе „находиться подъ вѣрностью другого“ было, несомнѣнно, ходячимъ, быть можетъ, даже установленнымъ выраженіемъ, такъ какъ оно встрѣчается въ текстѣ одного закона 122-го года до нашей эры, сохраненномъ для насъ на одномъ мраморѣ [3]. *Lex Acilia de repetundis*, разрѣшающій всякому чужестранцу жаловаться на римскаго магистрата за взятки и заставляющій претора давать этому чужестранцу патрона, который поддерживалъ бы его на судѣ [4], заключаетъ въ себѣ слѣдующее своеобразное постановленіе: „Преторъ долженъ заботиться о томъ, чтобы не назначать патрономъ для чужестранца человѣка, кліентомъ котораго былъ бы обвиняемый магистратъ, или

[1] *Cicero*, Pro Roscio Amerino, 33: «Quaere in cuius fide sint et clientela».

[2] *Ibidem*, 37: «Omnes eum colere atque observare destiterunt ac se in Chrysogoni fidem et clientelam contulerunt».

[3] *Lex Acilia*, въ «Corpus inscriptionum latinarum», т. I, № 98, § 10, стр. 58: «Cuius in fide is erit».—То же выраженіе повторяется въ § 33, стр. 60.

[4] *Patronus*, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, просто защитникъ на судѣ; его патронатъ огриничивается представительствомъ за чужестранца передъ юстиціею.

предки котораго были бы кліентами предковъ обвиняемаго“ [1]. Слова эти проливаютъ большой свѣтъ на явленіе кліентелы. Прежде всего, они показываютъ, что кліентела могла быть наслѣдственной. Они показываютъ также, что кліентела создавала такую связь, при которой человѣкъ, бывшій уже патрономъ обвиняемаго, не могъ, повидимому, вступаться за обвинителя. Они показываютъ, и это главное, что обычай патроната былъ очень распространенъ, что даже магистраты могли находиться въ положеніи кліентовъ. Итакъ, кліенты не исчерпывались тою толпой праздношатающихся, которые являлись каждое утро къ дверямъ богатаго просить подачки. Существовали кліенты болѣе высокаго разряда. Можно было даже быть магистратомъ, всадникомъ, сенаторомъ и все же являться кліентомъ болѣе знатнаго человѣка. Кліенты существовали во всѣхъ классахъ общества.

Тотъ же законъ доказываетъ еще, что кліентела не считалась унизительнымъ положеніемъ, ибо о ней говорится здѣсь, какъ о законномъ и признанномъ фактѣ.

Такъ какъ существовало нѣсколько классовъ кліентовъ, то для нихъ выработалось и нѣсколько наименованій. Простое названіе „кліентъ“, примѣнявшееся ко всѣмъ вообще, приняло мало-по-малу нѣсколько унизительное значеніе. Кліентамъ болѣе высокаго разряда давали болѣе высокое названіе *comites*. Мы должны все-таки обратить вниманіе, что въ латинскомъ языкѣ слово *comes* не имѣло

[1] *Lex Acilia*: «Cuius in fide is erit maioresve in maiorum fide fuerint».

въ точности такого же значенія, какое мы придаемъ слову „товарищъ“. Въ нашемъ языкѣ товарищъ — это, обыкновенно, равный; у Римлянъ *comes* былъ главнымъ образомъ „сопровождающимъ“, человѣкомъ, который составлялъ свиту, „человѣкомъ изъ свиты другого“ [1]. *Comitem vocamus qui sequatur*, говоритъ Ульпіанъ [2]. Итакъ, этотъ терминъ выражалъ не идею равенства, а идею подчиненности. Такимъ же образомъ и Цицеронъ называетъ *comites* привязанныхъ къ нему людей,— людей свободныхъ и стоящихъ значительно выше вольноотпущенниковъ, но которые повиновались его приказамъ, и на которыхъ онъ возлагалъ свои порученія [3].

Къ кліентамъ, по крайней мѣрѣ, къ самымъ высокимъ изъ нихъ примѣнялось также званіе *amicus*. Это былъ условный терминъ. Вѣжливость требовала, чтобы патронъ называлъ такъ тѣхъ изъ своихъ людей, которые имѣли право на нѣкоторое уваженіе. Это названіе вошло, повидимому, въ ходъ со времени Сципіона Эмиліана. Аппіанъ переводитъ, очевидно, слово *amici*, когда говоритъ, что Сципіонъ, отправляясь изъ Рима для принятія

[1] *Comes* противополагается слову *dux*; *dux* это тотъ, кто идетъ впереди, *comes*—кто идетъ сзади. См. у *Cicero*, De amicitia, 11: «Nec se comitem illius furoris sed ducem praebuit»; *idem*, Pro Marcello, 4: «Huius rei tu idem et dux es et comes». См. *Vergilius*, VI, 778: «Addere se comitem alicui»; *Plinius*, Hist. nat. Praefatio, 22: «Profiteri se comitem Platonis».

[2] *Ulpianus*, Dig. XLVII, 10, 15, § 16.

[3] *Cicero*, Ad Atticum, VIII, 1: «Misi hominem certum de comitibus meis».—Слово *comitatus* всегда означало чей-нибудь кортежъ или свиту.

командованія испанскимъ войскомъ, „взялъ съ собою пятьсотъ друзей“ и образовалъ изъ нихъ когорту, которую назвалъ когортой друзей“ [1]. Терминъ *amici* появляется здѣсь въ первый разъ въ примѣненіи къ непосредственно приближеннымъ начальника или вельможи [2]. Онъ сохранитъ это значеніе въ теченіе всей Римской Имперіи и послѣ нея.

Съ тѣхъ поръ каждый римскій вельможа обладалъ своею группою „друзей“, то-есть „кліентовъ“. Друзей было такъ много, что онъ не могъ знать ихъ именъ: ему нуженъ былъ особый номенклаторъ, чтобы называть ихъ при пріемахъ; и номенклаторъ не всегда могъ довѣрять своей памяти: онъ велъ списокъ, гдѣ были занесены ихъ имена [3]. Эти люди должны были являться каждый день „съ поклономъ“ къ господину [4]. Они приходили „большою толпою“ и „стучали въ дверь“ [5]. Дверь не всегда открывалась. Она пріотворялась отъ времени до времени, чтобы дать войти нѣкоторымъ иэъ нихъ [6]. Различали „друзей первой аудіенціи“

[1] *Appian*. Bell. Hispan. c. 84: «Φίλους πεντακοσίους, οὓς εἰς ἴλην καταλέξας, ἐκάλει φίλων ἴλην».

[2] Подобный же терминъ употреблялся въ Греціи, въ Македоніи, въ Египтѣ.

[3] «Quos vix nomenclatorum complectitur aut memoria aut manus», *Seneca*, De beneficiis, VI, 34. Авторъ говоритъ, какъ философъ, играя двумя различными значеніями слова *amicus*, онъ противополагаетъ дѣйствительному другу, котораго называетъ *res rara*, этихъ *amici* римскаго общества.

[4] *Seneca*, De beneficiis, VI, 34: «Quorum disponitur salutatio».

[5] *Idem*: «Isti amici qui agmine magno ianuam pulsant».

[6] *Idem*: «Amicum vocas, qui per fores maligne apertas non intrat, sed illabitur».

и тѣхъ, которыхъ вводили лишь на вторую, если таковая назначалась [1]. Въ ожиданіи доступа они размѣщались у воротъ дома, болѣе и менѣе близко отъ входа, согласно ихъ мѣсту въ „дружбѣ“ господина [2].

Гаю Гракху и Ливію Друзу приписывалось первое распредѣленіе *amici* на нѣсколько разрядовъ. У этихъ двухъ знаменитыхъ дѣятелей, которыхъ исторія рисуетъ демократами, кромѣ массы простыхъ кліентовъ, было столько *amici*, что они сочли будто бы нужнымъ установить „среди этой массы друзей“ правильную классификацію [3]. У нихъ были друзья перваго, второго и третьяго ранга [4]. Первые узнавались по тому, что отъ времени до времени они получали аудіенцію и могли видѣть господина съ глаза на глазъ; вторыхъ вводили къ нему только по группамъ; что касается друзей третьяго разряда, то они подходили къ патрону всѣ вмѣстѣ большою толпой [5].

Разсматривать всѣ различныя формы, какія принимала кліентела, было бы слишкомъ долго. Возьмемъ, по крайней мѣрѣ, одинъ примѣръ. Требацій Теста, довольно богатый собственникъ [6] и очень

[1] *Idem*: «Qui in primas et secundas admissiones digeruntur».

[2] *Idem*: «Est proprium superbiae magno aestimare introitum ac tactum sui liminis, et pro honore dare ut ostio suo propius assideas, ut gradum prior intra domum ponas».

[3] *Idem*: «Primi omnium Caius Gracchus et Livius Drusus instituerunt segregare turbam suam».

[4] *Idem*: «Habuerunt itaque amicos primos, habuerunt secundos».

[5] *Seneca*, De beneficiis: «Alios in secretum recipere, alios cum pluribus, alios universos».

[6] *Cicero*, Ad, familiares, VII. 20.

честолюбивый человѣкъ [1], вступилъ въ кліентелу Цицерона въ ранней молодости и находился въ числѣ его *amici* [2]. Мы видимъ, что въ качествѣ друга онъ долженъ былъ служить Цицерону „совѣтомъ и трудами" [3]. Цицеронъ долженъ былъ давать ему взамѣнъ покровительство, *tueri*, и старался подвинуть его карьеру [4]. Разъ Цицеронъ, конечно, въ интересахъ Требація, придумалъ перевести его изъ своей кліентелы въ кліентелу Цезаря. И это было въ римскихъ обычаяхъ. Онъ сообщаетъ въ письмѣ, „что поручилъ и отдалъ его" Цезарю [5], а въ посланіи къ Цезарю онъ говоритъ: „Я посылаю къ тебѣ Требація и отдаю его тебѣ всецѣло, переводя его изъ своихъ рукъ въ твои" [6]. Впрочемъ, въ письмахъ, которыя онъ продолжалъ писать молодому человѣку, онъ сохраняетъ тонъ патрона и

[1] Онъ былъ потомъ народнымъ трибуномъ и курульнымъ эдиломъ; онъ пріобрѣлъ извѣстность главнымъ образомъ, какъ юрисконсультъ.

[2] *Cicero*, Ad familiares, VII, 17: «Quum te ex adolescentia tua in amititiam fidemque meam contulisses».—Какъ увидимъ дальше, слова *amicitia* и *fides* характерны для кліентелы.

[3] *Ibidem*: «Non mediocri afficiebar utilitate ex consilio atque opera tua».

[4] *Ibidem*: «Semper te non modo tuendum, sed etiam augendum atque ornandum putavi».

[5] *Cicero*, Ad familiares, VII, 17: «Ei te commendavi et tradidi».

[6] *Ibidem*, VII, 5: «Totum hominem tibi trado de manu in manum tuam».—Термины, примѣняемые здѣсь Цицерономъ къ кліентелѣ, примѣнялись обыкновенно къ передачѣ собственности.—Въ качествѣ другого примѣра такого способа передачи кліента я могъ бы привести нѣкоего Клавдія, котораго Сципіонъ отдалъ Цезарю, «tradidit et commendavit» (*Caesar*, De bello civili, III, 57). Эти слова были, вѣроятно, установленными терминами для такого рода актовъ.

руководителя, и изъ нихъ можно видѣть, съ какимъ смѣшеніемъ учтивости и авторитетности патронъ говорилъ съ кліентами этого высшаго разряда [1].

Достовѣрно не извѣстно, не былъ ли самъ Цицеронъ, имѣвшій такихъ кліентовъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей карьеры, кліентомъ Помпея. Это объясняло бы и его неожиданные политическіе успѣхи и многіе другіе факты изъ его жизни. Такое предположеніе, можетъ быть, помогло бы открыть единство въ измѣнчивой по наружности жизни великаго оратора.

Такъ какъ римская кліентела заключала въ себѣ нѣсколько разрядовъ и имѣла множество оттѣнковъ, то для обозначенія ихъ и существовали различныя наименованія. Мы видѣли уже названія *cliens, comes, amicus*. Кліенты обозначались также терминомъ *familiares* [2]; они дѣйствительно были частью большой *familia* патрона, то-есть, его дома. Терминъ *necessarius* отмѣчалъ соединявшую обоихъ людей тѣсную связь [3]. Согласно двумъ мѣстамъ у Горація и одному письму Августа къ кліенту давали

[1] *Cicero*, Ad familiares, VII, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14.—Эти письма относятся къ 700-му году отъ основанія Рима; одно отъ 704-го года (IV, 1) показываетъ, что Требацій былъ еще *familiaris* у Цицерона.

[2] *Cicero*, Ad familiares, IV, 1: «Trebatius, familiaris meus».—Pro Roscio Amerino, 7: «Glaucia cliens et familiaris istius Roscii».

[3] *Caesar*, De bello civili, III, 57: «Caesar Clodium in suorum necessarium numero habere instituerat, huic dat litteras mandataque...»—*Cicero*, Ad familiares, XII, 2; Ad Brutum, 6.—Въ одной надписи 378-го года (*Henzen*, 6418) встрѣчается одинъ разъ слово *peculiaris*.

еще, повидимому, наименованіе *conviva* или *convictor*; это указывало, что онъ раздѣлялъ жизнь патрона, садился иногда за его столъ [1].

Горацій, естественно, зналъ всѣ формы кліентелы, обычныя въ его время, и онъ описываетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вспомнимъ сообщаемую имъ исторію Вультея Мены. „Долго старался Вультей удержаться отъ притягательной силы кліентелы; бѣдный человѣкъ, онъ все-таки зарабатывалъ себѣ жизнь; у него былъ свой уголъ (*lorem certum*); онъ никому не принадлежалъ. Но богачъ Филиппъ вздумалъ сдѣлать его своимъ кліентомъ. Онъ осыпаетъ его любезностями, заманиваетъ въ свой домъ, и вотъ Вультей становится *cliens* и *conviva* [2]. Онъ становится въ одинъ прекрасный день даже *comes*, то-есть, ему дѣлается честь — позволяется идти въ свитѣ господина разъ, когда тотъ отправляется въ свой загородный домъ“ [3]. И все же онъ остается слишкомъ ничтожною фигурою, чтобы его наградили титуломъ *amicus*.

Патронъ даритъ ему деньги или ссужаетъ ихъ,

[1] *Horat.* Epist. I, 7, 75: «Mane cliens et iam certus conviva».— *Idem*, Sat. I, 6, 47: «Sum tibi, Maecenas, convictor».—Ср. одно письмо Августа, цитируемое Светоніемъ (Vita Horat): «Tanquam si convictor mihi fueris».—Слѣдуетъ сблизить съ этимъ текстъ Цицерона, въ которомъ говорится о «domesticae convictiones», то-есть, о совокупности людей, принадлежащихъ къ дому (*Epist. ad Quinct.* I, 1).

[2] *Horat.* Epist. I, 7.

[3] *Horat.* Epist. I, 7, 75:

Iubetur
Rura suburbana indictis comes ire Latinis.
Impositus mannis...

заставляетъ его купить землю и превращаетъ его въ крестьянина. Но Вультей сожалѣетъ о сдѣлкѣ и кончаетъ тѣмъ, что упрашиваетъ своего патрона вернуть ему свободу.

Горацій самъ былъ кліентомъ, но болѣе высокаго разряда; Меценатъ внесъ его „въ списокъ друзей [1]“. Слово „другъ“ не должно вводить насъ въ заблужденіе. Между всемогущимъ Меценатомъ и молодымъ Гораціемъ, который почти ничего еще не создалъ и былъ тогда лишь мелкимъ писцомъ при квестурѣ, не могло быть рѣчи о томъ, что называемъ дружбою мы. Меценатъ одинъ только разъ говорилъ съ Гораціемъ, чтобы спросить его, кто онъ такой [2]. Допустить его „въ число друзей“, или, какъ говоритъ Горацій въ другомъ мѣстѣ, „въ число своихъ людей“ [3], значило принять его въ свою группу, въ свою свиту, въ свой домъ, подъ свое покровительство, въ высшіе разряды своей кліентелы. Меценатъ увозитъ его иногда въ путешествіе; разъ онъ посадилъ его рядомъ съ собою въ театрѣ, и весь городъ восхищался такимъ отличіемъ [4]; но важной тайны онъ, можетъ быть, и не довѣрилъ бы ему [5]. Не сомнѣваюсь, что Горація соединяло съ Меценатомъ чувство дружбы; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ пишетъ, что онъ „другъ“ Мецената, онъ хочетъ только сказать, что онъ его кліентъ [6].

[1] *Horat.* Sat. I, 6, 62: «Iubesque esse in amicorum numero».

[2] *Ibidem*, 56—60.

[3] *Idem*, Satirae, II, 6, 41: «Suorum in numero».

[4] *Horat.* Satirae, II, 6, 42.

[5] *Ibidem.*

[6] Этотъ стихъ въ самомъ дѣлѣ относится къ тому моменту

Итакъ, можно считать за достовѣрное, что подъ названіями *clientela, comitatus, amicitia* въ римскомъ обществѣ существовалъ добровольный патронатъ.

2.

Отношенія между кліентами и патронами.

Мы желали бы опредѣленно описать, какъ заключалась связь покровительства, какова была ея природа, какого рода отношенія она устанавливала между обѣими сторонами. Но вслѣдствіе недостаточности и неясности нашихъ документовъ сдѣ-

когда Горацій былъ представленъ Меценату во второй разъ; между двумя представленіями прошелъ промежутокъ въ девять мѣсяцевъ. Светоній говоритъ, что въ его время существовало посланіе Горація въ прозѣ, «commendantis se Maecenati», но что посланіе это онъ считаетъ подложнымъ, потому что оно написано не яснымъ стилемъ. Было бы очень хорошо, чтобы это посланіе нашлось, если оно даже и подложное.—Согласно Светонію, Августъ Горація упрекалъ, что тотъ пренебрегъ его дружбой: «Amicitiam nostram sprevisti». Это, несомнѣнно, намекъ на то, что Горацій отказался перемѣнить домъ Мецената на домъ Августа (*Suetonius*, изд. Hase, т. II, стр. 451).—Другимъ amicus Мецената былъ Меллисъ, о которомъ неизвѣстно было, свободный ли онъ или рабъ; онъ былъ подаренъ Меценату, какъ рабъ-грамматикъ, но потомъ говорится: «cum se gratum et acceptum in modum amici videret». (*Suetonius*, Grammatici, 21).—Такое значеніе слова *amicus* ясно указано Цицерономъ, Pro Murena, 34; онъ говоритъ о «tenuiorum amicorum assiduitas», состоявшей въ томъ, чтобы находиться въ кортежѣ знатныхъ, когда они отправляются на форумъ. По словамъ Саллюстія (Catilina, 26), Цицеронъ во время заговора Катилины «circum se praesidia amicorum atque clientium occulte habebat» (Ср. *Marquardt*, Privatleben, стр. 200 и слѣд.).

лать это очень трудно. Писатели, которые такъ часто упоминаютъ о патронатѣ, никогда не говорятъ ни о его характерѣ, ни о послѣдствіяхъ. Такъ какъ писали они не для насъ, а для своихъ современниковъ, то они не давали себѣ труда опредѣлять то, что всѣмъ было извѣстно. Не облегчаютъ насъ законы также и юридическіе тексты вообще. Они освѣдомляютъ насъ относительно патроната вольноотпущенниковъ, но ничего не сообщаютъ о добровольномъ патронатѣ свободныхъ людей [1].

Правда, въ самомъ умолчаніи законовъ мы можемъ усмотрѣть одну изъ особенностей патроната. Если законы не останавливаются на немъ, это была, вѣроятнѣе всего, внѣзаконная практика. Патронатъ стоялъ за предѣлами политическаго строя, также внѣ частнаго права. Юрисконсульты Дигестъ, которые представляютъ намъ всѣ правовыя затрудненія и даютъ ихъ разъясненіе, не

[1] По крайней мѣрѣ, до IV-го вѣка тексты почти молчатъ. У Цицерона есть одно мѣсто, въ которомъ съ перваго взгляда можно увидѣть относящееся къ такому патронату предписаніе закона. Это то, что онъ говоритъ о *ius applicationis* въ De oratore, I, 39. Но при внимательномъ разсмотрѣніи видно, что рѣчь идетъ о видѣ патроната, спеціально относящемся къ чужестранцамъ: «Qui Romam in exsilium venisset, cui Romae exsulare ius esset, sese ad aliquem quasi patronum applicuisset». Нѣкоторые юрисконсульты думали, что въ случаѣ, когда чужестранецъ умиралъ, не оставляя завѣщанія, имущество его наслѣдовалъ патронъ. Такъ какъ удаленіе съ родины порвало его семейныя узы, то не находили возможнымъ признать для него иного наслѣдника кромѣ патрона. Тутъ приняли правило о вольноотпущенникахъ. Но на основаніи этой кліентелы совершенно особаго рода не надо дѣлать заключеній о кліентелѣ римскихъ гражданъ.

устанавливаютъ никакого рѣшенія, мнѣнія или толкованія относительно такого патроната [1]. Мы можемъ отсюда заключить, что патронатъ не возбуждалъ вообще юридическихъ вопросовъ. Онъ не являлся предметомъ тяжбъ, и, конечно, писатели никогда не упоминаютъ ни объ одномъ судебномъ дѣлѣ, къ которому онъ послужилъ бы поводомъ. Такъ какъ онъ стоялъ внѣ права, то и не служилъ поводомъ къ какому-либо судебному акту. Вотъ первое, установленное положеніе, и оно очень важно.

Другія основныя черты патроната обнаружатся изъ разсмотрѣнія употреблявшихся для наименованія его словъ.

Самымъ обычнымъ, повидимому, терминомъ для обозначенія акта вступленія въ кліенты было *se commendare* [2]. Это слово не понималось въ неопредѣленномъ значеніи французскаго *recommander*, поручать. Оно значило „отдавать въ руки другого". Такъ говорилось по словамъ Ульпіана, о вещи, отдававшейся кому-нибудь на храненіе, *commendare nihil aliud est quam deponere* [3]. Говоря *me commendo*, кліентъ хотѣлъ выразить, что онъ отдавалъ себя въ руки патрона. Чтобы выразить это еще сильнѣе, онъ прибавлялъ: *me trado* [1], онъ дѣйствительно отдавалъ себя. Онъ говорилъ даже, что отдаетъ себя всего, *totum trado* [2]. Употребляли еще очень сильное выраженіе *se dedere* [3]: кліентъ всецѣло предоставлялъ себя. Преобладающею въ актѣ кліентелы идеею было то, что онъ отказывался отъ личности своей лишь съ тѣмъ, чтобы отдать ее всю въ руки патрона [4].

Для обозначенія отношеній, которыя устанавливались между обоими людьми, въ силу подобнаго рода связи, служило нѣсколько терминовъ: *clientela*, *patrocinium*, *tutela*, *amicitia*, и особенно *fides*. Послѣднее слово употреблялось всего чаще. Замѣтьте, что если памятники пользуются какими-нибудь двумя словами, то они употребляютъ одно изъ четырехъ первыхъ безразлично, но послѣднее всегда [5]. Если примѣнялось одно только слово,

[1] Они едва упоминаютъ кліентовъ два или три раза случайно. Примѣръ, *Paul.* Dig. XLVII, 2, 90: «Si libertus patrono, vel cliens, vel mercenarius...»

[2] *Terent.* Eunuchus, V, 2, 70: «Me tuae commendo fidei, patronam capio».—*Ibidem*, V, 9: «Patri se commendavit in clientelam et fidem».—*Cicero*, Ad familiares, VII, 17: «Commendavi et tradidi».—*Caesar*, De bello civili, III, 57: «Traditum sibi et commendatum».—*Sueton.* Vita Horatii: «Epistula Horatii commendantis se Maecenati».

[3] Ульпіанъ въ Дигестахъ, L, 16, 186.—Ср. Дигесты, XVI, 3, 24 и 26.

[1] *Cicero*, Ad familiares, VII, 17. *Caesar*, De bello civili, III, 57.

[2] *Ibidem*, VII, 5: «Totum tibi trado».—Въ другомъ мѣстѣ, въ метафорическомъ смыслѣ Цицеронъ употребляетъ то же выраженіе; *ibidem*, II, 6: «Me totum tibi commendo et trado».

[3] *Aulus Gellius*, V, 13: «Qui se in fidem patrociniumque dediderunt». Ср. *Terentius*, Eunuchus, V, 9: «Nobis dedit se».

[4] Едва ли надо говорить, что Римляне употребляли слово *commendare* также метафорически, и что въ этомъ случаѣ оно сильно приближается къ слову *recommander*. Примѣры въ Дигестахъ, XVII, 1, 12, § 12; XXXV, 1, 5; XLI, 1, 65; XLVII, 2, 67 (66) и нѣсколько разъ въ письмахъ Цицерона и Плинія. Но рядомъ со словами *patrocinium*, *clientela*, *fides* оно употреблялось всегда въ собственномъ смыслѣ.

[5] «In fidem patrociniumque» (*Aulus Gellius*, V, 13); «in clientelam et fidem» (*Terentius*, Eunuchus, V, 9); «in fidem clientelamque» (*Orelli*, 3056; *Corpus inscriptionum latinarum*, II, 1343, 369;

то это было именно *fides*[1]. Повидимому, оффиціальнымъ и законнымъ выраженіемъ для обозначенія этого рода кліентелы было *esse in fide*; такую формулу мы находимъ въ *Lex Acilia*[2]. Всѣ другія слова—просто пояснительныя; выраженіе *fides* было, повидимому, спеціальнымъ терминомъ. *Clientela* и *patrocinium* примѣнялись и къ другимъ родамъ покровительства; *fides* примѣнялось лишь къ изучаемому нами здѣсь виду патроната.

Чтобы составить правильное понятіе о патронатной связи, надо было бы знать значеніе слова *fides*, то-есть, понятіе, которое съ нимъ соединялось въ умѣ. Среди весьма различныхъ примѣненій этого слова мы открываемъ одно первоначальное и постоянное значеніе: принятіе обязательства[3]. Но вопросъ

Wilmanns, 2850, 2851, 2859); «in fidem clientelamque» (*Corpus inscriptionum latinarum*, II, 3695); «in fidem et amicitiam» (*Cicero*, Ad familiares, VII, 17); «in fidem et tutelam» (*Titus Livius*, XXXVIII, 31) etc. etc.

[1] *Terentius*: «Me tuae commendo et committo fidei»; *Cicero*, Pro Roscio, 37: «Se in fidem Chrysogoni contulerunt»; *Aulus Gellius*, XX, 1, 40: «Clientem in fidem acceptum».

[2] «Cuius in fide is erit maioresve in maiorum fide fuerint».—Формула повторяется въ законѣ два раза.—Точно также *Cicero*, Pro Roscio Amerino, 33: «Quaere in cuius fide sint»; Pro Plancio, 41: «Municipia quae in fide mea sunt»; *Caesar*, VI, 4: «Quorum erat in fide».

[3] Это ярко обнаруживается въ выраженіяхъ «obligare fidem suam» (*Cicero*, Philipp. V, 18); «fidem suam exsolvere» (*Titus Livius*, XXVII, 5); «fidem suam liberare» (*Cicero*, Ad familiares, XII, 7; Pro Flacco, 20); «fidem violare» (*idem*, De finibus, II, 20); «fidem fallere» (*idem*, De officiis, I, 13); «in fide stare» (*idem*, Pro Rabirio, 10); «fides persoluta» (*Corpus inscriptionum latinarum*, II, 5042).—*Cicero*, De finibus, II, 20: «Regulus propter fidem quam dederat hosti».

идетъ здѣсь объ обязательствѣ особаго рода. Чтобы отдать себѣ въ этомъ отчетъ, возьмемъ самый древній текстъ, въ которомъ встрѣчается данный терминъ. Это будетъ постановленіе сената (*senatus-consultum*) о Вакханаліяхъ, отъ 185-го года до нашей эры. Сенатъ, желая сказать, что запрещаетъ людямъ всякаго рода ассоціаціи, говоритъ: *inter se coniurare, neve convovere, neve conspondere, neve fidem inter se dare*[1]. Четыре выраженія воплощаютъ здѣсь четыре рода союзовъ, въ какіе могли соединяться люди. *Coniurare*—это обязательство посредствомъ религіозной клятвы, *iuramentum; convovere*—обязательство посредствомъ обѣщанія богамъ, которое называли *votum; conspondere* — юридическое обязательство путемъ *sponsio*. Слѣдовательно, *fidem dare* означало обязательство, которое не было ни религіознымъ, ни юридическимъ, а чисто моральнымъ. Потому-то и видно, что слово *fides*, такъ часто встрѣчающееся въ латинскомъ языкѣ, никогда не примѣняется ни къ религіознымъ, ни къ строго правовымъ обязательствамъ[2]. Сущностью этого рода обязательства является то, что оно не

[1] *Corpus inscriptionum latinarum*, I, № 196, стр. 43.

[2] *Bona fides* противополагается *strictum ius* (*Institut.* IV, 6, 28). Сюда же присоединяются выраженія *emptor bonae fidei* (Дигесты, VI, 2, 7; XI, 7, 14); «Qui bona fide adeptus sit possessionem» (Дигесты, LXI, 3, 24).—Ср. *Corpus inscriptionum latinarum*, II, 5042: «Quod spopondit fideve sua esse iussit».—*Bona fide* въ смыслѣ: по совѣсти см. *Plautus*, Aulular. IV, 10, 42.—Долгъ доброй совѣсти передается еще распространеннымъ оффиціальнымъ выраженіемъ: «Uti eis a republica fideve sua esse videbitur» (*Lex Agraria*, Corpus inscriptionum latinarum, т. I, № 200, § 35; *ibidem*, № 203). Ср. приводимый Светоніемъ *senatus-consultum* (De rhetoribus, 1).

предписывается ни божескими законами, ни гражданскимъ правомъ, то-есть, что оно—добровольное и исходитъ только отъ желанія заключающихъ его лицъ [1].

Такова, значитъ, природа изучаемаго вида союзности: онъ заключался свободно и связывалъ совѣсть. Слово *fides*, которое примѣняется иногда къ кліенту [2], еще чаще относится къ патрону. Патронъ принимаетъ кліента *in fidem suam* [3]. Кліентъ „поручаетъ себя *fidei* патрона“ [4]. „Онъ—на его совѣсти“. Итакъ, вѣрность, совѣсть патрона упоминается въ нашихъ текстахъ чаще, чѣмъ вѣрность кліента; обстоятельство это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, то, что первый былъ такъ же связанъ,

[1] Вслѣдствіе этого *fides* означало и точность въ исполненіи обязанностей, вытекавшихъ изъ этого долга совѣсти: «Fides, id est dictorum conventorumque constantia» (*Cicero*, De Officiis, I, 7; Partitiones, 22). — По новому дальнѣйшему развитію слово *fides* пріобрѣтаетъ значеніе довѣрія, внушаемаго человѣкомъ вслѣдствіе его исправности въ исполненіи такого рода обязанностей; отсюда же происходитъ употребленіе слова въ смыслѣ кредита между торговыми людьми: «Cum fides esset angustior». (*Caesar*, De bello civili, III, 1); «fidem concidisse» (*Cicero*, De Lege Manilia, 7).

[2] «Cluentum fides» (*Plaut*. Menechm. VI, 2, 6, ed. Ritschl). — «Potes huius tibi patere fides?» (*Seneca*, De beneficiis, VI, 34).

[3] *Aul. Gell.* XX, 1, 40: «Clientem in fidem acceptum».— *Wilmanns*, 2850; *Orelli*, 3693: «In fidem suam recepit».

[4] *Terentius*: «Me commendo tuae fidei». *Cicero*, Pro Roscio, 37 «Se in fidem Chrysogoni contulerunt».— *Corpus inscriptionum latinarum*, I, 532: «In eius fidem convenimus».— *Aulus Gellius*, V, 13: «Clientes qui in fidem nostram se dediderunt».— *Lex Acilia*: «In cuius fide erit».— *Cicero*, Pro Roscio, 33: «In cuius fide sint»; Pro Plancio, 41: «Municipia quae in fide mea sunt».

какъ и второй. Союзъ *fides* связывалъ обѣ стороны одинаково [1].

Потому онъ и заключался путемъ проявленія обѣихъ воль. Никто не могъ быть кліентомъ вопреки своему желанію. Никто не могъ принудить человѣка стать его патрономъ. Итакъ, для установленія кліентелы требовались два акта: актъ кліента, поручавшаго себя вѣрности, защитѣ патрона, и актъ патрона, принимавшаго и вводившаго кліента въ свою вѣрность. Совершались ли оба эти акта письменно? Ничто не подтверждаетъ послѣдняго. Достаточно было двухъ словесныхъ заявленій; но нужно было, чтобы они были произнесены.

Мы располагаемъ большимъ количествомъ надписей, обнаруживающихъ, какъ устанавливалась кліентела между городомъ и патрономъ; этотъ видъ патроната, въ самомъ дѣлѣ, распространялся на города, провинціи и *collegia* такъ же, какъ на отдѣльныя личности. Такой коллективный патронатъ не во всемъ былъ сходенъ, правда, съ патронатомъ надъ отдѣльными лицами, но онъ находился съ нимъ все же въ тѣсномъ сродствѣ и, безъ сомнѣнія, заимствовалъ отъ него свои формы. Именно и данный патронатъ осуществлялся всегда путемъ соединенія двухъ раздѣльныхъ актовъ. Городъ начиналъ съ выбора лица, которое онъ и просилъ быть своимъ патрономъ. Затѣмъ это лицо отвѣчало, что принимаетъ городъ въ свою кліентелу и вѣрность [2].

[1] *Sueton*. Caesar, 71: «Studium et fides erga clientes».

[2] См. надпись 12 го года до нашей эры, у *Orelli*, 3693: «Sena-

Когда путемъ подобнаго двойного заявленія союзъ оказывался заключеннымъ, на обѣ стороны возлагались взаимныя обязанности. Обязанности эти не опредѣлялись закономъ. Законъ могъ устанавливать патронатъ вольноотпущенника, но этотъ свободный патронатъ не находился въ кругу его вѣдѣнія. Потому-то мы можемъ ознакомиться съ характеромъ такихъ взаимныхъ обязанностей лишь по нѣкоторымъ указаніямъ писателей.

Патронъ долженъ былъ защищать кліента во всѣхъ его тяжбахъ. Одно дѣйствующее лицо изъ комедіи Плавта жалуется на всѣ заботы и непріятныя хлопоты, которыя доставляетъ обязанность патрона: „Всегда надо заботиться о нихъ;

tus populusque civitatium stipendiariarum pago Gurzenses hospitium fecerunt quom L. Domitio Cn. f. Ahenobarbo eumque et posteris eius sibi posterisque sueis patronum cooptaverunt. Isque eos posterosque eorum in fidem clientelamque suam recepit».—Надпись 158-го года до нашей эры у *Henzen*, 6413: «Colonia Iulia Augusta Usellis hospitium fecit cum M. Aristio Albino Atiniano eumque cum liberis posterisque suis patronum cooptaverunt. M. Aristius Albinus Atinianus hospitium fecit cum populo coloniae Iuliae Augustae Usellis, liberos posterosque eorum in fidem clientelamque suam suorumque recepit».—См. точно также у *Wilmanns*, №№ 2850, 2851, 2849; *Orelli*, №№ 3056, 3057, 3058; *Henzen*, №№ 6415, 6416, 6418 и т. д.—Въ указанныхъ примѣрахъ оба акта соединены въ одной и той же надписи; иногда онѣ начертывались на двухъ различныхъ камняхъ. Въ такихъ случаяхъ получалась съ одной стороны, надпись, въ которой городъ записывалъ постановленіе и въ немъ просилъ, чтобы извѣстное лицо «соблаговолило принять его въ свою кліентелу» (*Orelli*, 4036; *Wilmanns*, 2853, 2835, 2849, 2855), съ другой, надпись, въ которой патронъ изъявлялъ свое согласіе (*Wilmanns*, 2852). — Для патроната надъ *collegia* см. *Wilmanns*, №№ 1880, 2114, 2130, 2230, 2233, 2855 2861; *Orelli*, №№ 194, 1079, 2404, 4112 и т. д., и т. д.

когда кліентовъ вызываютъ на судъ, вызываютъ также и патрона; онъ долженъ говорить въ ихъ пользу, какъ бы ни было худо ихъ дѣло; онъ долженъ являться передъ всякаго рода трибуналами, передъ народомъ, передъ преторомъ, передъ спеціальнымъ судьею“ [1]. Надо было защищать кліента отъ всякаго насилія, даже противъ всякаго обвиненія или спора [2]. Надо было обезпечивать его безопасность [3], заботиться о его интересахъ такъ же, какъ опекунъ заботился объ интересахъ питомца [4].

[1] *Plaut.* Menechm. IV, 2:
Iuris ubi dicitur dies, simul
Patronis dicitur, quippe qui pro illis
Loquantur, male quae fecerint; aut ad
Populum, aut in iure, aut ad iudicem res est.

Точно также *Horat.* Carm. III, 5, 53—54; Epistolae, II, 1, 104: «Clienti promere iura». *Ovid.* Ars amatoria, III, 552: «Facundus causam saepe clientis agat». — *Sueton.* Augustus, 56: «Affuit et clientibus».

[2] *Cicero*, De divinatione, 21: «A clientibus suis iniurias propulsare eorumque fortunas defendere».

[3] «Tutos defensosque praestet» (*Wilmanns*, 2856).—«Patrocinio tuendos» (*ibidem*, 2852); «patrocinio fulciendos» (*ibidem*, 2860).— *Aul. Gell.* XX, 1, 40: «Clientem tuendum esse contra cognatos».

[4] Авлъ Геллій (V, 13) ставитъ кліентовъ рядомъ съ питомцами раньше *cognati* и *affines*. Авторъ прибавляетъ слѣдующую фразу, заимствованную имъ изъ рѣчи Цезаря верховнаго жреца: «Neque clientes sine magna infamia deseri possunt».—Не ссылаюсь на Законъ Двѣнадцати Таблицъ: «Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto» (цитируемый Сервіемъ, VI, 609). Вѣроятно, кліентела, о которой здѣсь говорится, есть древняя религіозная и семейная кліентела. Кліентела, которую разбираемъ мы, никогда, повидимому, не давала повода къ столь строгимъ постановленіямъ.

Другія обязанности патрона видоизмѣнялись въ зависимости отъ соціальнаго положенія его кліента. Если, принадлежа къ высшимъ классамъ, кліентъ добивался магистратуры, патронъ долженъ былъ оказывать ему помощь и содѣйствіе, способствовать его политической удачѣ. Если то былъ человѣкъ изъ низшихъ классовъ, патронъ долженъ былъ доставлять ему хоть какую-нибудь должность или ссужать ему денегъ, давать ему клочокъ земли. Если то былъ кліентъ изъ самыхъ послѣднихъ категорій, онъ кормилъ его, какъ бы обезпечивая ему праздное существованіе.

Съ своей стороны, и кліентъ былъ связанъ особенными обязанностями. Покровительство не обходилось безъ подчиненія. Оба понятія связывались въ умахъ людей почти до сліянія въ одно цѣлое. Быть въ чьей-либо „вѣрности"—это значило быть въ зависимости отъ него, быть подъ его началомъ, почти въ его полномъ распоряженіи [1]. Обязанности кліента, которыя, конечно, не приравнивались къ обязанностямъ раба, обозначались словами *colere* и *observare* [2]; первое изъ этихъ двухъ словъ указывало главнымъ образомъ на почтеніе и уваженіе, второе—на повиновеніе волѣ господина [3]. Предѣлъ такихъ обязанностей не былъ точно обозначенъ. Было только извѣстно, что,

[1] Отсюда выраженіе: «In fidem ditionemque» (*Titus Livius*, XXXVIII, 31). Ср. *Iuvenal.* IX, 71: «Deditus devotusque cliens».

[2] *Cicero*, Pro Roscio Amerino, 37.—То же выраженіе повторяется въ рѣчи Pro Murena, 34: «A quibus diligenter observari videmur et coli».

[3] См. «observare leges», у *Cicero*, De officiis, II, 11.

если патронъ выставлялъ себя кандидатомъ, кліентъ долженъ былъ подавать за него голосъ и способствовать его избранію неустанно и непостыдно [1]. Если патронъ велъ тяжбу, кліентъ долженъ былъ сопровождать его въ судъ. Онъ слѣдовалъ за нимъ по улицамъ города даже въ обыкновенное время, чтобы оттѣнить его положеніе и возвысить престижъ. Каждое утро онъ являлся привѣтствовать его и принимать его приказанія.

Кліентъ не несъ по отношенію къ патрону никакой военной повинности. Мы видимъ, правда, что пятьсотъ „друзей" Сципіона сдѣлались его тѣлохранителями. Несомнѣнно также, что всякій военачальникъ держалъ около себя нѣсколько кліентовъ или нѣсколько друзей. Но это не констатируетъ нисколько факта общей обязанности военной службы кліентовъ. Римскій кліентъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ воиномъ государства, а не патрона.

Являлась ли кліентская зависимость наслѣдственною? Надписи, относящіяся къ патронату надъ городами, всегда упоминаютъ о наслѣдственности [2]. Но отъ патроната надъ городами было бы смѣло дѣлать заключенія къ патронату надъ отдѣльными лицами. *Lex Acilia* показываетъ, что предки одного человѣка находились подъ покровительствомъ у предковъ другого, при чемъ лично эти два

[1] *Cicero*, Pro Murena, 34.

[2] «Eum liberos posterosque eius sibi liberis posterisque suis patronum cooptaverunt»(*Orelli*, №№ 3056, 3057, 3058, 3693).—*Henzen*, 6413.—*Wilmanns*, № 1883: «Ab avo et maioribus patrono civitatis».

человѣка не были вѣрными другъ другу. Такія слова закона даютъ понять, что этотъ патронатъ часто являлся наслѣдственнымъ, но не былъ таковымъ по необходимости. Точно также и Цицеронъ говоритъ о людяхъ, предки которыхъ были „въ вѣрности" у Росція, но потомъ покинули этотъ родъ сами, чтобы перейти въ кліентелу къ Хризогону. Авторъ представляетъ эту перемѣну какъ вещь не похвальную саму по себѣ, но дозволенную. Дѣйствительно, представлялось естественнымъ, чтобы кліентела передавалась отъ отца къ сыну, но это не было обязательно. Договоръ являлся по существу свободнымъ; воля отца не могла принуждать сына. Нѣкоторыя надписи указываютъ, что города-кліенты возобновляли актъ кліентелы по смерти каждаго изъ патроновъ, хотя декретъ составлялся навѣки [1]. Это позволяетъ предположить, что аналогичный обычай существовалъ и между отдѣльными лицами, и если кліентела оставалась наслѣдственною, все же нужно было, чтобы выраженіе воли возобновлялось при смѣнѣ каждаго поколѣнія [2].

Таковъ былъ характеръ римской кліентелы во время республики, насколько намъ позволяютъ о томъ судить документы. Она соединяла мелкихъ людей около сильныхъ и самихъ сильныхъ соединяла между собой іерархически, ибо человѣкъ могъ имѣть кліентовъ и могъ самъ быть кліен-

[1] *Orelli*, №№ 156 и 4036; *Henzen*, 6415.

[2] Не доказано даже, чтобы узы кліентелы связывали человѣка на всю жизнь. Замѣтьте, что слово *commendare* означало временную передачу съ правомъ взять назадъ.

томъ болѣе могущественнаго человѣка, чѣмъ онъ.

Практика патроната пріобрѣла большое значеніе въ соціальномъ строѣ римской республики. Она объясняетъ, что наряду съ законами о всеобщемъ равенствѣ, знатныя фамиліи всегда сохраняли власть. Право голоса принадлежало всѣмъ, но голосовали группами кліентскіе союзы. Законъ открывалъ магистратуры самымъ мелкимъ и самымъ бѣднымъ людямъ, но фактически ихъ доставляли кліенты могущественнымъ патронамъ. Въ Римѣ, какъ у Германцевъ, какъ и у Галловъ, сила человѣка измѣрялась числомъ его кліентовъ [1]. Римская республика была союзомъ двухъ или трехсотъ фамилій, вокругъ каждой изъ которыхъ группировались тысячи людей. Эта кажущаяся демократія была лѣстницей патроновъ и кліентовъ. Кліентелы не существовало въ законахъ, она не входила въ политическое устройство; но она фактически господствовала въ обществѣ. Не касаясь политическаго строя, она не породила феодальнаго порядка; но изъ римскаго республиканскаго общества она создала общество самое аристократическое, какое когда-либо существовало.

3.

Патронатъ продолжается въ первые три вѣка Имперіи.

Замѣна республики имперіей не явилась тѣмъ полнымъ и кореннымъ переворотомъ, какимъ пред-

[1] *Horat.* Carm. III, 1, 13: «Illi turba clientium sit maior».

ставляли себѣ многіе новые историки. Власть лишь перемѣстилась; законы очень мало подверглись измѣненію; нравы же совсѣмъ не измѣнились.

Обычай патроната и кліентелы сохранился. Правда, исчезновеніе комицій уменьшило значеніе кліентелы, но она сохранилась, по крайней мѣрѣ, какъ свита знатныхъ и богатыхъ людей. При Неронѣ Сенека описываетъ толпу *amici*, собиравшихся каждое утро на поклонъ господину къ его дверямъ [1]. Тацитъ упоминаетъ въ одномъ случаѣ о нѣкоемъ Игнатіи, котораго называетъ одновременно кліентомъ и другомъ Сорана, и въ одинъ прекрасный день предаетъ его [2]. Тотъ же историкъ говоритъ намъ въ другомъ мѣстѣ, что большая и лучшая часть народа была связана съ знатными домами въ качествѣ или кліентовъ, или вольноотпущенниковъ [3]. Ювеналъ даетъ пространное изображеніе кліентелы, и черта, которую приходится у него особенно отмѣтить, это, что среди кліентовъ были лица знатнаго рода, даже люди, занимавшіе магистратуры [4]. Итакъ, кліентела не была спеціально

[1] *Seneca*, De beneficiis, VI, 34.

[2] *Tacit*. Annales, XVI, 32: «Egnatius, cliens Sorani, et tunc emptus ad opprimendum amicum».

[3] *Idem*, Historiae, I, 4: «Pars populi magnis domibus annexa, clientes libertique». Этой *pars populi*, которую онъ называетъ *integra*, онъ противополагаетъ толпу, *plebs sordida*; такъ, въ его мнѣніи кліентела не есть удѣлъ послѣднихъ слоевъ народа, а, наоборотъ, тѣхъ элементовъ, какіе можно назвать наиболѣе порядочными.

[4] *Iuvenal*. Satirae, I, 99:

Iubet a praecone vocari
Ipsos Troiugenas; nam vexant limen et ipsi

присуща самымъ низшимъ классамъ. Позднѣе, письмо Марка Аврелія къ Фронтону показываетъ, что домъ знатнаго, его *familia*, состояла изъ рабовъ, вольноотпущенниковъ, *clientes* и *amici* [1]. Ульпіанъ также показываетъ вокругъ богача большую группу людей, которую онъ раздѣляетъ на вольноотпущенниковъ, кліентовъ и друзей [2]; Многія надписи упоминаютъ также о патронатѣ. Онѣ свидѣтельствуютъ о привычкѣ кліентовъ почитать умершаго патрона памятниками, иногда статуями. Мы видимъ на нихъ имена лицъ, которыя называютъ себя кліентами. Въ другихъ случаяхъ читаемъ, что памятникъ знатному лицу воздвигается человѣкомъ, который называлъ его „своимъ прекраснымъ патрономъ“; по первому впечатлѣнію можно подумать, что то былъ вольноотпущенникъ; но такъ какъ онъ не носитъ имени патрона, то приходится считать его свободнорожденнымъ, который сдѣлался кліентомъ по доброй волѣ [3].

Nobiscum. Da praetori, da deinde tribuno;
Sed libertinus prior est.

[1] *Front*. Epistolae, I, 9: «De funere mandamus; sciat familia quemadmodum lugeat; aliter plangit servus manumissus, aliter cliens... aliter amicus».

[2] *Ulpian*. Dig. IX, 3, 5, § 1: «Si quis gratuitas habitationes dederit libertis et clientibus... Si quis amicis suis modica hospitiola distribuerit». Паулъ также упоминаетъ о кліентѣ, *Dig*. XLVII, 2, 90 (89): «Si libertus, vel cliens, vel mercenarius».

[3] *Orelli*, № 3061: «L. Iunius L. f. Tarquitianus fecit monumentum A. Acilio Carito patrono optumo, bene de se merenti». Юній не вольноотпущенникъ Ацилія, ибо не носитъ его имени; онъ былъ его кліентомъ.—*Henzen*, 7085: «C. Manlio C. f. censori perpetuo (въ городѣ Caere) clientes patrono».— *Orelli*, 1175: «A. Lelio Apelliti cli-

Нѣтъ, стало быть, сомнѣнія въ томъ, что личное подчиненіе одного человѣка другому продолжалось и въ римской имперіи. Люди группировались около знатныхъ, или около богатыхъ подъ именами *clientes*, *comites* и *amici*, которыя были почти равнозначущими терминами.

4.

Императорская кліентела.

Императорскій домъ обладалъ особенно многочисленною свитою изъ кліентовъ. Императоры всего лучше могли вознаграждать за усердіе и услуги. Мы находимъ у нихъ кліентовъ подъ тѣми же именами *comites* и *amici*. Императорскій *palatium* населенъ былъ тремя разрядами людей: рабами, которые исполняли обыкновенно домашнія услуги; вольноотпущенниками, которые чаще всего назначались въ канцеляріи; свободными людьми, людьми изъ всадническаго, даже изъ сенаторскаго сословія, которые, подъ именемъ друзей, составляли свиту государя, его кортежъ, его дворъ.

Ни одинъ историкъ не описалъ подробно этихъ приближенныхъ государя, но многіе упоминаютъ о нихъ при случаѣ. Такъ Тацитъ говоритъ о

enti carissimo».—*Cagnat*, Impôts indirects chez les Romains, стр. 60: «Genio C. Aurelii Materni, praefecti stationis Quadragesimae civitatis Mediomatricorum, Cathirigius Delficus cliens».—Плиній говоритъ объ этой привычкѣ воздвигать патронамъ памятники (Hist. nat. XXXIV, 4 (9), 17): «Mox in domibus privatis atque in atriis honos clientium instituit sic (statuis) colere patronos».

нѣкоемъ Секстѣ Вистиліи, человѣкѣ высокаго положенія, бывшемъ преторѣ, который послѣ того, какъ состоялъ въ „друзьяхъ" Друза, былъ допущенъ въ *cohors amicorum* Тиберія [1]. Светоній разсказываетъ намъ, что Тиберій дѣлилъ своихъ *comites* на три разряда, согласно положенію каждаго; только первые два носили званіе друзей; къ третьимъ примѣнялось лишь менѣе высокое наименованіе *grati* [2]. „Друзья" перваго разряда только одни свободно допускались на аудіенціи государя; ихъ называли *amici liberae admissionis*; положеніе ихъ отмѣчалось внѣшнимъ признакомъ: они имѣли право носить золотое кольцо, на которомъ было вырѣзано изображеніе государя [3]. Это было какъ бы знакомъ отличія, указывавшимъ на степень въ императорской кліентелѣ. Калигула, Клавдій, Неронъ также окружены были „когортою друзей" [4]. Поэтъ Луканъ

[1] *Tacit.* Annales, VI, 9 (15): «Tiberius Sextum Vistilium praetoruim, quem Druso fratri percarum, in cohortem suam transtulerat». Ср. статью Моммзена въ томѣ IV-мъ «Hermes», стр. 127 и слѣд.

[2] *Sueton.* Tiber. 46: «Tiberius comites... nunquam salario, cibariis tantum sustentavit; una modo liberalitate... quum, tribus classibus factis pro dignitate cuiusque, primae sexcenta sestertia, secundae quadringenta distribuit, ducenta tertiae, quam non amicorum, sed gratorum appellabat».

[3] *Plin.* Hist. nat. XXXIII, 3 (12), 41: «Quibus admissionis liberae ius dedissent imaginem principis ex auro in annulo gerendi».—Обычай, введенный Клавдіемъ, былъ уничтоженъ Веспасіаномъ; но раздѣленіе *amici* на три класса не было уничтожено.

[4] *Sueton.* Caligula, 19: «Comitante cohorte amicorum»; *Idem*, Galba, 7: «Gratissimus Claudio receptusque in cohortem amicorum».—Въ надписи временъ Клавдія одно лицо называется «ex cohorte amicorum» (*Corpus inscriptionum latinarum*, V, 7165).

былъ принятъ въ когорту Нерона. Онъ заслужилъ эту честь нѣсколькими стихами, напечатанными въ прославленіе этого государя [1].

Положеніе императорскаго друга называлось *contubernium principis* [2]. Оно именовалось также *convictus principis*, такъ какъ было родомъ совмѣстной жизни, и кліентъ являлся нѣкоторымъ образомъ сотрапезникомъ государя [3]. Оно обозначалось еще именемъ *comitatus* — товарищество, свита [4]. Въ такую группу попадали изъ милости государя и исключались изъ нея по его немилости [5].

Быть „другомъ государя" являлось, конечно, честью для человѣка по отношенію къ другимъ людямъ. Такъ случилось, что слово, служившее первоначально лишь обозначеніемъ домашней кліентелы, сдѣлалось оффиціальнымъ титуломъ. Въ надписяхъ встрѣчаются упоминанія, что такое-то лицо было „другомъ" государя [6]. Въ такомъ случаѣ

[1] *Sueton.* Vita Lucani: «Cohorti amicum additus».

[2] *Spartian.* Hadrianus, 8: «Optimos quosque de senatu in contubernium imperatoriae maiestatis adscivit».—Ср. *Sueton.* Vespasianus, 4: «Prohibitus contubernio et salutatione»; Tiberius, 56.

[3] *Tacit.* Annales, VI, 9 (15): «Convictu principis».—*Suetonius*, Tiberius, 56: «Convictores».

[4] *Idem*, Historiae, II, 65: «Cluvius comitatui principis adiectus».

[5] *Suetonius*, Vespasianus, 4: «Prohibitus contubernio». *Idem*, Nero, 5: «Dimissus e cohorte amicorum».—*Tacit.* Annales, VI, 9 (15: «Convictu principis prohibitus».—*Suetonius*, Tiberius, 56: «A contubernio removit».

[6] *Corpus inscriptionum latinarum*, V, 5050; Клавдій пишетъ: «Misi Iulium Plantam amicum et comitem meum qui cum adhibitis procuratoribus meis...»—X, 8038; Веспасіанъ пишетъ: «Amicus et procurator meus».—V, 5811: «Amico et comiti Augusti nostri».—Кодексъ Юстиніана, I, 18, 4, годъ 290: «Apud cor-

надписи лишь свидѣтельствуютъ объ установившемся обычаѣ. Видно, что въ повседневной жизни, въ просторѣчіи, въ перепискѣ человѣкъ любилъ украшать себя этимъ почетнымъ званіемъ.

„Друзья" государя не были обязательно друзьями его преемника. Но во всякомъ случаѣ постепенно установился обычай, чтобы группа переходила отъ одного императора къ другому. Одинъ историкъ указываетъ, что друзья Тацита остались друзьями послѣдующихъ государей [1]. Другой историкъ отмѣчаетъ какъ ненормальный фактъ, что Коммодъ отослалъ нѣсколькихъ изъ друзей своего отца [2]. Прежде чѣмъ стать императоромъ, Максиминъ находился въ числѣ „друзей" Каракаллы и Геліогабала. Его біографъ разсказываетъ, что обиженный разъ шуткой послѣдняго, онъ удалился изъ дворца и ушелъ со службы; но авторъ прибавляетъ, что императоръ не вычеркнулъ его изъ списка друзей [3]. Это позволяетъ думать, что званіе друга государя мало-по-малу становилось по-

rectorem virum clarissimum amicum nostrum».—Ульпіанъ, Дигесты, XXXVII, 14, 17; рескриптъ Марка Аврелія: «Volusius Maecianus amicus noster... Aliis amicis nostris iuris peritis... Salvi Iuliani amici nostri hanc sententiam fuisse».

[1] *Suetonius*, Titus, 7: «Amicos elegit quibus etiam post eum principes, ut et sibi et reipublicae necessariis, acquieverunt praecipueque sunt usi».

[2] *Lamprid.* Commodus, 3: «Patris ministeria seniora summovit amicos senes abiecit».

[3] *Iulius Capitolinus*, Maximini, 4—5: «A militia discessit, et tamen retentus est per amicos Heliogabali».—Это не значитъ, что онъ остался другомъ Геліогабала, такъ какъ историкъ прибавляетъ, что онъ не хотѣлъ больше видѣть его и удалился въ уединеніе.

стояннымъ, почти несмѣняемымъ. Еще во время Александра Севера продолжали раздѣлять друзей на три разряда[1].

Акты мучениковъ и житія святыхъ драгоцѣнны какъ документы тѣмъ, что они показываютъ обычаи и мысли эпохи. Мы довольно часто видимъ въ нихъ, что какой-нибудь проконсулъ, пытаясь вернуть христіанина къ оффиціальному культу, обѣщаетъ ему богатства и почести. Въ числѣ почестей онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ званіе *amicus Caesaris*. „Если ты принесешь жертву богамъ, говоритъ онъ мученику, ты получишь все, ты будешь даже другомъ государя“ [2]. Онъ какъ бы не знаетъ болѣе сильнаго довода и не видитъ болѣе высокой чести [3].

То же произошло и съ *comites*. „Сопровождающіе“ очень скоро обратились въ сановниковъ.

[1] *Lamprid.* Alex. Sev. 20: «Amicos primi loci, secundi loci, et etiam inferiores».

[2] *Vita S. Ignatii*, Acta Sanctorum, IV, 25: «Si vis referri in numerum meorum amicorum» (это говоритъ Троянъ).—*Ibidem*, 30: «Si vis inter meos amicos annumerari».—*Vita S. Marii*, ibidem (январь, II, стр. 582): «Eris amicus imperatoris».—*Ibidem*, p. 583: «Sitis amici principum».—*Vita S. Sebastiani*, 33, ibidem (январь, II стр. 634): «Cum sit amicus imperatorum.—*Vita S. Iulianae*, ibidem (февраль, II, стр. 875): «Erat quidam senator, in civitate Nicomedia, amicus imperatoris».

[3] О сохраненіи этого званія въ IV-мъ вѣкѣ см. *Iulian.* Panegyricus Constantii, c. 99; *Sanctus Gregorius Nazianz.* Oratio VII. In laudem Caesarii; авторъ разсказываетъ, какъ отецъ его Цезарій, прибываетъ въ Константинополѣ, назначается сенаторомъ, дѣлается первымъ врачомъ дворца, и его допускаютъ въ число друзей: «Καὶ τοῖς φίλοις τοῦ βασιλέως ἀριθμούμενος τὰς μεγίστας καρποῦται τιμάς» (*Patrologia graeca*, t. XXXV, col. 763—768).

Они стали украшать себя титуломъ *comes principis* или *comes Augusti*. Этотъ признакъ императорской кліентелы сдѣлался знакомъ отличія. При редактированіи похвальныхъ надписей, въ которыхъ каждое лицо облекается всѣми, полученными въ теченіе его жизни, почетными званіями, очень заботились о томъ, чтобы не опустить титула императорскаго *comes* [1]. Что *comes* сдѣлался придворнымъ саномъ, ясно видно изъ того, что при совмѣстномъ царствованіи двухъ императоровъ давалось званіе *comes Augustorum* [2].

Comites—„товарищи“, какъ и „друзья“, раздѣлялись на три класса. Были *comites* перваго, *comites* второго и третьяго разрядовъ [3]. Одно и то же лицо иногда являлось сначала товарищемъ второго разряда, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ оно подвигалось въ служебной карьерѣ, оно становилось *comes*—перваго разряда; и то, и другое званіе заносилось въ надгробную или похвальную надпись [4].

Положеніе *comes*'а называлось *comitiva*; оно признавалось законами и считалось въ числѣ оффи-

[1] *Corpus inscriptionum latinarum*, III, 1457: «Frontoni consuli... comiti divi Veri principis».—II, 4121: «Comes Severi et Antonini».—X, 408: «Comes Antonini et Commodi».—VI, 1704: «C. Saturnino comiti domini nostri Constantini».—X, 3732: «Comes domini nostri Constantini Augusti».

[2] *Ibidem*, X, 5061: «Comes Augustorum nostrorum».—Титулъ *comes* перешелъ въ греческій языкъ; надписи упоминаютъ о «κόμιτες πρώτου τάγματος», или «δευτέρου τάγματος».

[3] «Comes ordinis primi», *Corpus inscriptionum latinarum*, X, 1695, 1696, 1700, 3846; *Orelli*, 3161, 3191; *Henzen*, 6473, 6916; «Comes ordinis secundi», *Orelli*, 3185; «Comes ordinis tertii», *idem*, 1187, etc.

[4] *Orelli*, 3184, 3672.

ціальныхъ званій Имперіи [1]. Оно пріобрѣталось почти по праву при исправленіи извѣстныхъ должностей [2]. Оно давало право подходить къ государю и привѣтствовать его въ дни церемоній.

Приближенные государя назывались также всѣ вмѣстѣ *comitatus*. Это слово принимаетъ постепенно значеніе того, что на современномъ языкѣ называется дворомъ. Рядъ примѣровъ, до V-го вѣка, показываетъ, что въ обыденномъ языкѣ *comitatus* говорилось для обозначенія сразу и императора, и его приближенныхъ [3].

Обширная императорская кліентела не замедлила охватить всѣ государственныя должности.

[1] Кодексъ Θеодосія, XIII, 3, 17: «Cum comitivae dignitate».—Обо всемъ этомъ вопросѣ см. прекрасные комментаріи Годфруа.

[2] Кодексъ Θеодосія, XIII, 3, 17—19; VI, 13, 1; XII, 1, 75, etc. *Lydus*, De magistratibus, стр. 106. Кодексъ Юстиніана, II, 7, 20.

[3] *Tacit.* Historiae, II, 65: «Comitatui principis».—*Macer*, Dig. XLIX, 16, 13, § 3: «Neque Romae neque in sacro comitatu agere potest.»—*Lamprid.* Alexander, 15: «Purgavit palatium suum comitatumque, abiectis ex aulico ministerio cunctis infamibus».—*Ammian. Marcell.* XVI, 6, 1: «In comitatu Augusti».—*Sulpicius Severus*, Vita S. Martini, II, 6: «Quo tempore episcopatus Martino datus est, fuit ei necessitas adire comitatum».—*Ausonius*, Epistolae, 17, Ad Symmachum: «Dum in comitatu degimus ambo».—Сардикскій соборъ, 347-й годъ, с. 8 (*Mansi*, III, 25): «Ne episcopi ad comitatum accedant nisi imperatoris litteris evocati fuerint».—Посланіе Теодериха, у *Cassiod.* Variarum, I, 8: «Ad nostrum venire properet comitatum».—Ср. еще у бл. Августина, посланіе 88 (*Migne*, t. II, col. 304): «Ad comitatum meum mittas». *Ibidem*, col. 306: «Legatos ad comitatum miserunt». *Ibidem*, col. 308: «Valentinum qui tunc in comitatu erat».

Въ то время какъ вольноотпущенники государя наполняли канцеляріи, провѣрявшія и направлявшія администрацію, на *amici* возлагались довѣренныя порученія, важныя должности или начальническія мѣста [1]. Тѣ, которые оставались во дворцѣ, образовали сначала судебный совѣтъ, состоявшій при императорѣ во время отправленія имъ судебныхъ функцій [2]. Скоро изъ нихъ сложился особый государственнный совѣтъ. Антонинъ Пій не принималъ никакого рѣшенія, не посовѣтовавшись о дѣлѣ съ своими *amici*, говоритъ его біографъ; по ихъ мнѣнію онъ редактировалъ свои указы [3].

Маркъ Аврелій произвелъ большую реформу: съ одной стороны, онъ удалилъ *amici* изъ постояннаго общества государя, отъ его развлеченій, его стола [4]; но съ другой, онъ образовалъ изъ нихъ

[1] Примѣромъ является Юлій Планта, котораго Клавдій послалъ, чтобы уладить какое-то затрудненіе въ провинціяхъ; см. *Corpus inscriptionum latinarum*, V, 5050. Ср. также *Tacit.* Annales, XI, 31: «Claudius potissimum quemque amicorum vocat».—Одинъ изъ *amici*, Турраній, былъ «praefectus rei frumentariae». Другой, Лузій Гета—префектомъ преторія. Одинъ *amicus* Веспасіана занималъ должность прокуратора, *Corpus inscriptionum latinarum*, X, 8038.

[2] Это видно изъ слѣдующаго мѣста у Спартіана, Hadrianus, 18: «Hadrianus, cum iudicaret, in consilio habuit, non amicos suos et comites solum, sed iurisconsultos». Нововведеніе, приписываемое Спартіаномъ Адріану, состояло въ томъ, что онъ призвалъ юрисконсультовъ; итакъ, его предшественники имѣли въ своемъ *consilium* однихъ *amici* и *comites*.

[3] *Iulius Capitolinus*, Pius, 6: «Neque de provinciis neque de ullis actibus quicquam constituit nisi quod prius ad amicos retulit, atque ex eorum sententia formas composuit».

[4] Юлій Капитолинъ говоритъ это въ смыслѣ укора: «Dederunt etiam crimini quod aulicam arrogantі confirmaverit, summo-

постоянный совѣтъ, съ которымъ обсуждалъ всѣ и слѣдовать сужденіямъ котораго поставилъ для себя закономъ [1]. Черезъ это *amici* перестали быть простыми придворными и сдѣлались высшимъ учрежденіемъ государства.

Также и *comites principis* обратились въ государственныхъ чиновниковъ. Напримѣръ, главою финансоваго управленія сталъ въ концѣ концовъ *comes* императора, которому поручены были „священныя щедроты", *comes sacrarum largitionum.* Во главѣ канцелярій центральной администраціи стали *comites* императора, которымъ были ввѣрены *scrinia* (департаменты, отдѣленія). Другіе *comites* управляли провинціями, и установился обычай говорить comes Востока, comes Египта, comes Испаніи, comes Марсели. Были еще такіе, которые назывались военными comites. Въ буквальномъ смыслѣ, эти выраженія означали товарищей государя, на которыхъ лежало управленіе провинціей или военное начальствованіе.

Позднѣйшій французскій титулъ „comte" происходитъ оттуда. Филіація легко обнаруживается. Первоначально *comes* былъ кліентомъ знатнаго или богатаго человѣка. Затѣмъ онъ дѣлается кліен-

vendo amicos a societate communi et a conviviis» (*Iulius Capitolinus,* Marcus, 29).

[1] *Iulius Capitolinus,* Marcus, 22: «Semper cum optimatibus non solum bellicas res sed etiam civiles, priusquam faceret aliquid, contulit. Denique sententia illius praecipua semper haec fuit: Aequius est ut ego tot talium amicorum consilium sequar quam ut tot tales amici meam unius voluntatem sequantur».—Замѣтьте въ этой фразѣ тождественность двухъ словъ, *optimates* и *amici,* обозначающихъ однихъ и тѣхъ же людей.

томъ, приближеннымъ, придворнымъ государя. Потомъ становится самымъ высокимъ должностнымъ лицомъ. Послѣ нашествій варваровъ онъ остается чиновникомъ меровингскаго или каролингскаго короля и продолжаетъ управлять провинціями. Позднѣе, наконецъ, правитель такихъ областей дѣлается феодальнымъ „графомъ" (comte).

Это не значитъ, что феодализмъ происходитъ отъ римскаго *comitatus,* и особенно не значитъ, что онъ происходитъ отъ него непосредственно. Къ этому факту должно будетъ присоединиться много другихъ, должно будетъ произойти много перемѣнъ раньше, чѣмъ окончательно восторжествуетъ феодализмъ. Императорскій *comitatus,* несомнѣнно, обнаруживаетъ нѣкоторыя общія черты съ вассалитетомъ франкскихъ королей, но онъ отличается отъ него, по меньшей мѣрѣ, тѣмъ, что никогда не отдѣлялся отъ монархической власти и всегда работалъ для нея.

5.

Римскій патронатъ въ IV-мъ вѣкѣ.

Обычай кліентелы, *commendatio,* патроната перешелъ, такимъ образомъ, изъ Республики въ Имперію. Онъ никогда не прерывался. Въ IV-мъ вѣкѣ онъ получилъ широкое развитіе и пріобрѣлъ особый характеръ.

Общественный строй той эпохи былъ въ одно и то же время очень монархическимъ и сильно аристократическимъ. Можно припомнить то, что

мы говорили выше о господствѣ крупной собственности. Современные той эпохѣ историки, которые, какъ Амміанъ, входятъ достаточно глубоко въ подробное описаніе нравовъ, чтобы дать намъ ясное понятіе о римскомъ обществѣ, показываютъ намъ, что оно было богато, но что богатство и земля сосредоточивались въ сравнительно небольшомъ числѣ рукъ. Амміанъ говоритъ, напримѣръ, что люди сенаторскихъ фамилій держали при себѣ безчисленный составъ служащихъ и не показывались публично безъ свиты, походившей на войско[1]. Другой историкъ разсказываетъ, что было много римскихъ фамилій, которымъ земельныя ихъ помѣстья приносили ежегодно одними денежными платежами 4000 фунтовъ золота. Къ этому присоединялись оброки натурой, зерномъ, масломъ, виномъ и всѣ другіе доходы, которые тѣ же люди извлекали изъ отправленія государственныхъ должностей [2]. На нынѣшнія цѣны это образовало бы четыре или пять милліоновъ франковъ дохода.

Къ такимъ огромнымъ богатствамъ присоеди-

[1] *Ammian.* XXVIII, 4, 6: «Praegresso exercitu arma cogentes, manipulatim concitato fragore sequitur multitudo servorum... Comitantibus singulos quinquaginta ministris... Adulatoribus offerunt genua suavianda vel manus... Horum domus otiosi garruli frequentant, variis adsentandi figmentis plaudentes... Notarii triginta adsistunt...»—Точно также Сидоній (Epistulae, I, 6) говоритъ о двухъ сенаторахъ, которые никогда не выходили изъ своего дома безъ того, чтобы около нихъ не тѣснилась толпа кліентовъ: «Arctabat clientium praevia, pedisequa circumfusa populositas».

[2] *Olympiodor.* Fragmenta, 44 (ed. Didot. p. 67): «Πολλοὶ οἶκοι Ῥωμαίων προσόδους κατ' ἐνιαυτὸν ἐδέχοντο ἀπὸ τῶν κτημάτων ἀνὰ τεσσαράκοντα χρυσοῦ κεντηνάρια, χωρὶς τοῦ σίτου καὶ τοῦ οἴνου καὶ τῶν ἄλλων ἁπάντων εἰδῶν».

нялись безчисленныя кліентелы. Каждый изъ крупныхъ вельможъ держалъ кліентовъ не только непосредственно при своей особѣ, но и при каждомъ изъ своихъ крупныхъ помѣстій. Амміанъ даетъ намъ любопытную иллюстрацію. Онъ говоритъ о Петроніи Пробѣ. То былъ человѣкъ знатнѣйшаго рода, сынъ и внукъ консуловъ и префектовъ преторія; онъ—человѣкъ могущественный по своему богатству; онъ извѣстенъ всему римскому міру, ибо во всѣхъ почти провинціяхъ владѣетъ помѣстьями. Персоналъ его служащихъ огромный. Историкъ различаетъ въ средѣ его два элемента—рабовъ и кліентовъ [2]. Какъ патронъ онъ долженъ былъ поддерживать процессы огромной кліентелы. По словамъ Амміана, онъ сохранялъ административные посты, чтобы лучше защищать своихъ кліентовъ; онъ четыре раза занималъ должность префекта преторія послѣ того, какъ раньше служилъ проконсуломъ Африки. Онъ предпочелъ бы отдыхъ, но безчисленная кліентела какъ бы вынуждала его оставаться на государственной службѣ; ей нужно было, чтобы онъ оставался сильнымъ [3]. До насъ дошла надпись, относящаяся

[1] *Ammian.* XXVII, 11, 1: «Probus... claritudine generis et potentia et opum amplitudine cognitus orbi romano, per quem universum paene patrimonia sparsa possedit».—Ср. *Ausonius*, Gratiarum actio, VIII, 36: «Patrimonia sparsa sub regnis».

[2] *Ammian.* XXVII, 11, 4: «Clienti vel servo».

[3] *Ammian.* ibidem, 3: «Ille marcebat absque praefecturis, quas (ob) iurgia familiarum ingentium capessere cogebatur... dominum suum mergentium in rem publicam».—Исторію этого человѣка см. еще у Амміана, XXVIII, 1, 31; XXIX, 6, 9; XXX, 3, 1; XXX,

къ тому же лицу [1]. Мы видимъ изъ нея, что жители Истріи и Венеціи воздвигли въ честь его памятникъ при его жизни, въ благодарность за полученную отъ него милость. Мы замѣчаемъ въ ея текстѣ, что эти люди называютъ его „своимъ патрономъ", а себя „его людьми" [2]. Мы не знаемъ, получилъ ли Петроній Пробъ такіе же памятники въ другихъ провинціяхъ; но можно догадаться, что людей, патрономъ которыхъ онъ состоялъ, было много повсюду.

Аммiанъ еще и въ другой разъ упоминаетъ о практикѣ кліентелы. По случаю одного процесса объ отравленіи, онъ говоритъ, что на многихъ „знатныхъ" ложно донесли, будто они употребляли „своихъ кліентовъ" для преступныхъ дѣйствій [3].

Мы видимъ еще изъ одной проповѣди бл. Августина, что обычай кліентелы былъ очень распространеннымъ явленіемъ [4]: „Вы знаете, что каждый опирается на своего патрона, говоритъ онъ своей паствѣ. Если вамъ угрожаетъ кто-нибудь, вы становитесь кліентами сильнаго и говорите своему противнику: „Пока господинъ мой живъ, ты ничего не сдѣлаешь мнѣ". Такъ и у насъ всѣхъ есть патронъ Христосъ, и при этомъ патронѣ намъ нечего бояться. Имѣющіе патрона—его кліенты; и у насъ патронъ нашъ Христосъ". Святой Августинъ говоритъ людямъ, которые знаютъ, что достигнуть покровительства сильнаго составляетъ предметъ честолюбія, элементъ безопасности и даже гордости слабыхъ.

5, 4. Ср. *Tillemont*, Histoire des empereurs, т. V, стр. 42.—Къ нему адресовано одно посланіе Авзонія.

[1] *Henzen*, 6418; *Wilmanns*, 1234: «Nobilitatis culmini, litterarum et eloquentiae lumini, auctoritatis exemplo, provisionum ac dispositionum magistro, humanitatis auctori, moderationis patrono, devotionis antistiti Petronio, Probo, v. c. proconsul Africae, praefecto praetorio per Illyricum, Italiam et Africam, consuli ordinario, ob insignia erga se remediorum genera, Veneti adque Histri peculiares eius patrono praestantissimo». Надпись относится къ 378-му году.

[2] «Peculiares eius patrono».—*Peculiares*—одинъ изъ терминовъ, употреблявшихся въ ту эпоху вмѣсто слова *clientes*, которое не казалось уже достаточно сильнымъ.

[3] *Ammian*. XXVIII, *1*, 10.

[4] *Sermones*, 130; *Migne*, t. V col. 728.

Не безполезно замѣтить, что слово *cliens* вышло изъ употребленія въ ту самую эпоху, когда кліентела развивалась съ особою силою. Грамматикъ Сервій, дойдя до слова *clientes* въ своемъ комментаріи къ Вергилію, считаетъ необходимымъ объяснить и перевести его. „Кліенты это тѣ, кого мы называемъ нынѣ *suscepti*", говоритъ онъ [1]. Смыслъ послѣдняго термина очевиденъ: слова *recipere* или *suscipere* всегда употреблялись для обозначенія акта, по которому патронъ принималъ и бралъ кліента въ свою „вѣрность". Глаголъ *suscipere* часто встрѣчается съ такимъ значеніемъ въ законахъ IV вѣка [2]. Слѣдовательно *susceptus*—это кліентъ. Съ того времени слово *cliens* встрѣчается рѣдко и лишь у нѣкоторыхъ писателей, которые выказываютъ притязаніе держаться стараго языка [3].

[1] *Servius*, Aeneis, VI, 609: «Clientes quos nunc susceptos vocamus».

[2] Кодексъ Θеодосія, XI, 24, 1: «In defensionem suam suscepise».—XI, 24, 3: «Suscepisse in suum patrocinium».—XI, 24, 4: «Clientelam suscipere rusticorum».

[3] Такъ Сидоній Аполлинарій употребляетъ его четыре

Почти повсюду оно замѣнено словомъ *susceptus*. Послѣдній терминъ употребляютъ Симмахъ, блаженный Августинъ, Цезарій Арльскій, Паулинъ Ноланскій, Сальвіанъ, Эннодій, Іорданъ [1]. Оттого мы и не найдемъ больше въ меровингскихъ текстахъ слова *cliens*, а найдемъ слово *susceptus*.

Кліентела этого вида прогрессируетъ въ IV-мъ вѣкѣ; она распространяется на всѣ классы общества и принимаетъ самыя разнообразныя формы.

Люди изъ высшихъ классовъ дѣлались кліентами по честолюбію. Богатый и знатнаго рода человѣкъ хотѣлъ достигнуть служебныхъ почестей, административныхъ или придворныхъ должностей; онъ искалъ поддержки человѣка съ уже готовой карьерой и, чтобы получить его покровительство, отдавался ему въ качествѣ кліента. Историкъ Зосимъ представляетъ намъ примѣръ. Лукіанъ былъ сыномъ префекта преторія; онъ очень богатъ; онъ всего можетъ добиться, но онъ еще молодъ; чтобы скорѣе возвыситься, ему нужна поддержка; онъ беретъ „въ патроны“ Руфина [2], который былъ тогда главнымъ совѣтникомъ императора. Не будемъ предполагать, что рѣчь идетъ здѣсь о неопредѣленномъ покровительствѣ, по-

раза, Epistolae, III, 4; I, 9; IV, 24; VII, 2. Оно встрѣчается также у блаженнаго Августина, Sermo, 130, изд. Migne, V, 728.

[1] *Symmach*. Epistol. V, 41.—*Sanctus Augustinus*, Epistolae, 54.—*Paulinus*, Epistola ad Alethium.—*Cesarius Arelat*. sermo V.—*Salvianus*, De gubernatione Dei, V, 8, §40 (изд. Holm, стр. 62).—*Iordanis*, De rebus Geticis, 60.—*Ennodius*, Epistolae, 3, 4 (стр. 75, изд Hartel); 3, 20, etc.

[2] *Zosim*. V, 2: «Ἐχρῆτο προστάτῃ Ῥουφίνῳ».

добномъ высокой протекціи нашего времени. Тутъ заключена была связь патроната въ спеціальномъ смыслѣ слова, со всѣми ея послѣдствіями. То не было также даровое покровительство, ибо для полученія его Лукіанъ долженъ сдѣлать то же, что всѣ кліенты: онъ передаетъ своему патрону собственность на свои земли [1]. Взамѣнъ того, Руфинъ исполняетъ свою обязанность патрона: онъ добивается отъ императора для своего кліента высокой должности намѣстника Востока (*comes Orientis*), то-есть, верховное управленіе азіатскими провинціями [2].

Такова одна изъ формъ патроната, а вотъ еще другія. Мы знаемъ, что въ Римской Имперіи правосудіе не отправлялось спеціальною корпораціею людей, подобной тому, что мы называемъ теперь судейскимъ сословіемъ. Рѣшеніе гражданскихъ процессовъ, какъ и судъ надъ преступленіями, лежалъ на государственныхъ чиновникахъ, именно, на правителяхъ провинцій и на префектахъ преторія. Всю іерархію высшаго чиновничества заполнялъ въ то время богатый классъ, магнаты, которые владѣли обширными помѣстьями во всѣхъ частяхъ Имперіи. Сословіе крупныхъ собственниковъ было въ то

[1] *Zosim*, V, 2: «Τὰ τιμιώτατα τῶν ὄντων αὐτῷ κτημάτων εἰς ἐκεῖνον μετενεγκών».—Я удивленъ словомъ «μετενεγκών»: историкъ не употребляетъ ни термина, который значилъ бы давать, ни такого, который значитъ продавать. Не идетъ ли здѣсь рѣчь объ особомъ способѣ передачи, о способѣ, спеціально примѣнявшемся собственникомъ, передающимъ патрону свое право, сохраняя пользованіе?

[2] *Idem*: «Κόμητα τῆς ἑῴας πεποίηκε, αὕτη ἡ ἀρχὴ... ἐφεστάναι πᾶσι τοῖς τὰς τῆς ἑῴας ἐπαρχίας ἰθύνουσι».

же время сословіемъ государственныхъ чиновниковъ, слѣдовательно, и судейскимъ сословіемъ. Это приводило къ послѣдствіямъ, которыя мы можемъ замѣтить въ юридической литературѣ и даже въ законодательствѣ. Это приводило также къ послѣдствіямъ, сказывавшимся въ формѣ процессуальныхъ дѣйствій на судѣ. Множество разбросанныхъ у писателей того времени подробностей позволяетъ видѣть, что у этихъ знатныхъ и могущественныхъ людей установились такія крѣпкія привычки солидарности и взаимной поддержки, что человѣку изъ низшаго класса почти невозможно было выиграть дѣло у одного изъ нихъ. Отсюда для слабыхъ и вытекала необходимость брать одного изъ нихъ въ патроны. Императоры запрещали это, но тщетно. Складка образовалась и именно въ силу общихъ и устойчивыхъ причинъ. Законы Клавдія II-го и Діоклетіана [1], не воспрепятствовали сложенію и распространенію этого обычая. Для примѣра вспомнимъ, что Аммiанъ говоритъ намъ, будто тотъ же Петроній Пробъ защищалъ на судѣ всѣхъ своихъ кліентовъ, виновныхъ и невиновныхъ; онъ поддерживалъ ихъ, были ли они правы, или не правы, во всѣхъ ихъ тяжбахъ [2]. Мы безъ труда угадываемъ, что многіе истцы спеціально становились кліентами Петронія

[1] Законъ 293-го года въ Кодексѣ Юстиніана, II, 13 1: «Constituit divus Claudius parens noster ut iactura causae afficerentur ii qui sibi potentiorum patrocinium advocassent».

[2] *Ammian.* XXVII, 11, 3 и 4: «Ob iurgia familiarum... nunquam innocentium per cupiditates immensas, ut multa perpetrarent impune... Si eorum quempiam crimen ullum compererat admisisse, vel ipsa repugnante iustitia, sine respectu boni honestique defendebat».

Проба, чтобы выиграть свои дѣла. Пробъ не только сохранялъ за собою кліентовъ усердіемъ въ ихъ защитѣ; онъ безпрестанно пріобрѣталъ новыхъ, такъ какъ всѣ знали, что съ нимъ можно было навѣрно выиграть процессъ. Нѣкоторые законы, сохраненные въ Кодексѣ Θеодосія, позволяютъ отмѣтить соглашенія, которыя устанавливались между кліентомъ и патрономъ. Если тяжба касалась движимости, то одна изъ двухъ сторонъ требовала оспариваемой суммы или долга, какъ принадлежащихъ патрону; онъ „переводилъ ее на свое имя" [1]. Если тяжба шла о недвижимомъ имуществѣ, то одна изъ двухъ сторонъ переводила оспариваемую землю на имя патрона [2]. Результатомъ такихъ уловокъ было то, что кліентъ выигрывалъ свое дѣло, но также и то, что патронъ становился законнымъ собственникомъ оспариваемаго предмета, съ предположеніемъ, что онъ потомъ такъ или иначе придетъ съ кліентомъ къ соглашенію. Нельзя и перечесть, сколько тысячъ и милліоновъ людей попали такимъ образомъ, сами они и ихъ имущества, въ кліентелу, отъ которой не смогли уже больше освободиться.

Современникъ Θеодосія Великаго, Либаній, въ одной рѣчи, написанной, къ несчастью, неяснымъ и фальшиво-изысканнымъ языкомъ риторовъ

[1] Законъ 422 года въ Кодексѣ Θеодосія, II, 13: «Si cuiuscunque modi cautiones ad potentum fuerint delatae personas, debiti creditores iactura mulctentur».—*Interpretatio*: «Qui cautiones exigendas potentibus dederint, omne debitum perdant».

[2] Законъ 400 года въ Кодексѣ Θеодосія, II, 14, 1. См. Interpretatio.

того времени, описываетъ склонность крестьянъ отдаваться подъ патронатъ. „Одни дѣлаютъ это, говоритъ онъ, чтобы пріобрѣсти защитника противъ насилій; другіе, чтобы самимъ безнаказанно совершать насилія“ [1].—Повидимому, сильный человѣкъ всегда получалъ удовлетвореніе на судѣ, а слабый выигрывалъ дѣло лишь при посредствѣ того, чьимъ кліентомъ онъ становился. Кліентела сдѣлалась цѣною, которою оплачивалось все.

Любопытнѣе всего здѣсь то, что подъ патронатъ попадали не одни только бѣдные. Либаній позволяетъ замѣтить, что многіе изъ этихъ людей были собственниками [2]. Мелкая собственность исчезла далеко еще невполнѣ. Но потому ли, что ей не доставало безопасности, или потому, что она давала слишкомъ мало преимуществъ, мелкіе крестьяне втягивались въ патронатъ. Многіе законы изъ Кодекса Θеодосія свидѣтельствуютъ о такомъ стремленіи, которое они пытаются тормозить. „Мы воспрещаемъ земледѣльцамъ поступать подъ патронатъ сильныхъ“, говоритъ императоръ [1]. Земледѣльцы же, о которыхъ онъ говоритъ, были собственниками, ибо онъ прибавляетъ, что будетъ конфисковать ихъ земельныя имущества [2]. Онъ угрожаетъ имъ смертною казнью и самого патрона наказываетъ штрафомъ въ 25 фунтовъ золотомъ „за каждую единицу земельной собственности, которую онъ возьметъ подъ патронатъ“ [3]. Послѣднее постановленіе раскрываетъ передъ нами характеръ обязательства, которое установилось между двумя людьми: мы видимъ отсюда, что кліентъ отдавалъ не только себя, но также и свою землю [4].

Къ такимъ же послѣдствіямъ приводило и желаніе уклониться отъ платежа налоговъ. Мы не хотимъ впадать здѣсь въ обычныя сѣтованія о тяжести налоговъ въ римской имперіи. Но надо вспомнить, что земельная подать составляла въ то время главную часть общей тягости плательщиковъ, такъ какъ косвенные налоги были сравни-

[1] *Libanius*, «Περὶ τῶν προστασιῶν» (изд. Reiske, т. II, стр. 501 и слѣдующія): «Εἰσὶ κῶμαι μεγάλαι, πολλῶν ἑκάστη δεσποτῶν αὗται καταφεύγουσιν ἐπὶ τοὺς ἱδρυμένους στρατιώτας, οὐχ ἵνα μὴ πάθωσι κακῶς ἀλλ' ἵνα ἔχωσι ποιεῖν».—Либаній, который говорилъ эту рѣчь на спеціальномъ процессѣ, упоминаетъ лишь о патронатѣ надъ воинами; само собою разумѣется, что гражданскіе чиновники дѣлали то же, что военные начальники; это вытекаетъ, если нужно, изъ Кодекса Θеодосія, XI, 24, 4: «Qui patrocinia praebere tentaverit, cuiuslibet fuerit dignitatis, sive magistri utriusque militiae sive comitis sive ex proconsulibus vel vicariis vel augustalibus vel tribunis sive ex ordine curiali vel cuiuslibet alterius dignitatis».—Либаній прибавляетъ, что эта кліентела оплачивалась нѣкоторою долею отъ произведеній земли.

[2] Съ другой стороны, онъ прибавляетъ, что многіе колоны отдавались покровителю для того, чтобы избавиться отъ платежа повинностей своему помѣщику. *Ibidem*, стр. 507—523.

[1] Законъ 370-го года, въ Кодексѣ Θеодосія, XI, 24, 2: «Abstineant patrociniis agricolae».

[2] *Ibidem*: «Non quantum patroni suscipere consuerant, sed dimidium fiscus assumat».—*Ibidem*, lex 5: «Si quis agricolis propria possidentibus patrocinium repertus fuerit ministrare, propriis facultatibus exuatur; his quoque agricolis terrarum suarum dispendio feriendis qui ad patrocinia confugerint».

[3] *Ibidem* (lex 2): «Per singulos fundos».—*Ibidem*, 4: «Quadraginta librarum auri se sciat dispendium pro singulorum fundorum praebito patrocinio subiturum».

[4] Къ тому же роду фактовъ относится, вѣроятно, то, что законъ говоритъ о куріалахъ: «Ad potentium domus confugiunt» (законъ 362-го года изъ Кодекса Θеодосія, XII, 1, 50).

тельно незначительны. То, что не составляетъ и десятой доли всѣхъ налоговъ во Франціи настоящаго времени, составляло въ то время цѣлую половину ихъ, или даже двѣ трети. Слѣдовательно, мелкій крестьянинъ, еще больше, чѣмъ теперь, стремился уклониться отъ земельной подати. Ему представлялось простое средство: оно состояло въ томъ, чтобы передать землю на имя сильнаго. Земля не дѣлалась свободною отъ налоговъ въ рукахъ послѣдняго, но она платила ихъ иначе и по иному способу взиманія. Эта разница создавала такое облегченіе въ повинностяхъ отданной крупному собственнику земли, что оба человѣка могли найти нѣкоторую выгоду, одинъ въ томъ, чтобы уступить ее, другой въ томъ, чтобы взять имущество [1]. Передача производилась путемъ патроната. Мелкій крестьянинъ просилъ богатаго сенатора принять его и его землю въ его кліентелу. Съ этого дня, оставаясь свободнымъ человѣкомъ, онъ обращался въ кліента; продолжая пользоваться своею землею, онъ не имѣлъ больше права собственности на нее.

Вотъ отличительная черта кліентелы IV-го вѣка. Съ верхнихъ до нижнихъ ступеней соціальной лѣстницы, былъ ли кліентъ богатымъ честолюбцемъ какъ Лукіанъ, о которомъ мы говорили,

[1] Законъ 395 года изъ Кодекса Өеодосія, XI, 24. 3: «Quoscunque vicos defensionis potentia publicis muneribus constiterit obviare».—Законъ 399-го года, *ibidem*, 4: «Eos qui fraudandorum tributorum causa ad patrocinia confugerint».—См. *Libanius*, «Περὶ τῶν προστασιῶν», стр. 504. Намекъ на ту же практику содержится въ новеллѣ Маіоріана, VII, изд. Haenel, 315.

былъ ли онъ ведущимъ тяжбу мелкимъ собственникомъ, или нуждающимся въ защитѣ бѣднымъ крестьяниномъ, кліентела всегда влекла за собою вмѣстѣ съ подчиненіемъ лица и подчиненіе земли.

Это—послѣдствіе кліентелы. Сальвіанъ показываетъ его довольно ясно. „Слабые отдаютъ себя сильнымъ *ad tuendum*, чтобы получить ихъ покровительство“, говоритъ онъ; это, очевидно, патронатъ. „Они дѣлаются подчиненными богатыхъ, *dedititios divitum*, поступаютъ подъ ихъ авторитетъ и въ ихъ власть, *in ius ditionemque eorum*“. Мы видимъ здѣсь—подчиненіе личности. „Чтобы пользоваться покровительствомъ, они начинаютъ съ передачи покровителямъ почти всего, что имѣютъ, и сыновья ихъ лишаются наслѣдства“ [2]. Это—подчиненіе земли, то-есть, передача полнаго права собственности на нее въ руки патрона.

Ко всѣмъ приведеннымъ побужденіямъ, толкавшимъ людей искать патроната, прибавимъ еще одно, на которое указалъ блаженный Августинъ. Онъ говоритъ о самыхъ бѣдныхъ людяхъ: „Они поступаютъ въ подчиненіе къ богатымъ для того, чтобы тѣ кормили ихъ“ [3].

Благодаря всѣмъ разсмотрѣннымъ причинамъ, кліентела разросталась и завладѣвала понемногу большинствомъ людей. Кромѣ толпы рабовъ и

[1] *Salvian*. De gubernatione Dei, V, 8, § 38 (Halm, стр. 62).

[2] *Ibidem*, § 39: «Omnes hi qui defendi videntur, defensoribus omnem fere substantiam suam priusquam defendantur addicunt, ac sic, ut patres habeant defensionem, perdunt filii hereditatem... possessio ab his recessit».

[3] *S. Augustinus*, Civitas Dei, II, 20: «Obsequuntur divitibus pauperes causa saturitatis».

колоновъ, домъ богача насчитывалъ большой персоналъ кліентовъ. Просмотрите письма современника Θеодосія и Гонорія, Симмаха. Такъ какъ онъ былъ очень богатъ и занималъ высшія государственныя должности, то имѣлъ также обширную кліентелу. Съ домомъ его было связано, въ составъ его входило много, навѣрно, свободнорожденныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ были даже высокаго происхожденія [1]. Онъ рѣдко называетъ ихъ именемъ кліентовъ [2], чаще обозначаетъ ихъ словами *familiares mei* [3], *domestici mei* [4], „домашніе", иногда *amici* [5]. И среди нихъ есть люди высокаго положенія [6]. Онъ постоянно употребляетъ присущія патронату выраженія, ибо

[1] *Symmach.* Epistolae, IX, 11: «Ursum domui nostrae cum familia sua obnoxium».

[2] *Idem*, III, 76: «Paregorius cliens noster».

[3] *Idem*, II, 70; V, 82: «Familiares nostri»; VII, 45: «Familiaribus meis»; VII, 48; IX, 18: «Familiares nostros in Hispaniam misimus, quibus equorum mandavimus coemptionem».

[4] *Idem*, II, 71: «Cyriaco domestico meo»; V, 56: «Domesticos meos»; IX, 57: «Aselus, domesticus noster». Иногда онъ говоритъ: «Homines mei», V, 96; VI, 12; VI, 46; V, 87; V, 56.

[5] *Idem*, IV, 38: «Gaudentius amicus meus in gremium patrocinii tui confugit».—V, 83: «Amicis nostris negotium dedimus ut in Hispania equos emerent».—IX, 12: «Quos equos amici mei in rem missi iusta pretii definitione mercentur».—Разъ онъ называетъ тѣхъ же людей *cultores*.—IX, 37: «Dignus est qui domus tuae cultoribus inseratur».—V, 50: «Relatum in cultores tuos Aurelium esse gaudeo».—V, 81: «Acrio, honestissimo viro, cultori tuo».

[6] Напримѣръ, Гауденцій, который былъ «generis senatorii» (VII, 45), Азеллъ, «qui in urbanis castris militiae stipendia confecit» (IX, 37); другой еще, «qui fungitur militia in scriniis litterarum» (VII, 124); Діарій, преподаватель медицины, который проситъ однако «patrocinio tradi» (III, 37).

патронатныя отношенія были до него явленіемъ очень знакомымъ [1]. Сидоній Аполлинарій свидѣтельствуетъ о практикѣ кіентелы въ Галліи. Авторъ показываетъ, съ одной стороны, кліентовъ низшаго разряда, которые окружаютъ господина и служатъ ему [2]; съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ людей довольно знатнаго рода, которые становятся кліентами еще болѣе знатнаго [3].

Эти обычаи и нравы не должны ускользать отъ вниманія историка. Писатели того времени мало говорятъ о нихъ, ибо писатели меньше всего говорятъ о томъ, что всего болѣе привычно въ ихъ время. Законы упоминаютъ о нихъ, лишь пытаясь съ ними бороться. Эти обычаи имѣли, однако, большое значеніе для общества той эпохи. Они опредѣлили его внутреннее устройство. Обще-

[1] См. напримѣръ, грамоту *commendatio*, посредствомъ которой онъ хочетъ перевести Зенодора изъ своего дома въ домъ Винцентія; *Epistolae*, IX, 9: «Probo homines ad clientelam tuam pertinere cupientes. Ideo amici mei Zenodori laudabilem voluntatem commendatione non differo, eumque in domus tuae sacrarium tanquam mystagogus induco».—IX, 57: «Asellus admissus in clientelam tuam».—I, 93: «Zenonem commendare non debeo quem scio ad clientelam tuam et amicitias pertinere».—II 74: «Patrocinio culminis tui per me traditus atque commissus».—III, 37: «Diarius tuo patrocinio tradi optavit; fac igitur ut commendatum tuearis auxilio».—Если даже многія изъ этихъ выраженій употреблялись въ переносномъ смыслѣ, то тѣмъ не менѣе они указываютъ на цѣлый комплексъ обычаевъ.

[2] *Sidonius*, Epistolae, IV, 24: «Pueri clientesque».

[3] Посмотримъ, напримѣръ, на Аманція, который дѣлается comes Марсели, *Epistolae*, VII, 2.—Ср. III, 4 и IV, 8: «Gozolas cliens culminis tui».—Ср. *Vita S. Fulgentii a discipulo scripta*, c. 3, Acta Sanctorum, январь, I, 33: «In possessione propria, nescientibus clientibus, orabat».

ство Римской имперіи было свиду вполнѣ монархически организованнымъ, но благодаря крупному землевладѣнію и практикѣ патроната оно стало вполнѣ аристократическимъ. Свободный человѣкъ пріобрѣлъ незамѣтнымъ образомъ привычку подчиняться не государству, не государю, а другому частному человѣку. Повсюду явился патронъ, сеньоръ; повсюду также распространился кліентъ. Въ различныхъ формахъ, кліентела охватывала всѣ классы. Она создавала родъ лѣствицы, по которой люди іерархически группировались.

Можно себѣ представить въ воображеніи, что императорская власть была бы уничтожена не нашествіемъ Германцевъ, а инымъ какимъ-либо способомъ. Въ такомъ случаѣ, самымъ сильнымъ институтомъ, который бы оставался для управленія людьми по ея исчезновеніи, былъ бы патронатъ. Итакъ, патронатъ или кліентела стали бы тогда главною соціальною связью, подобно тому какъ нѣсколько вѣковъ позднѣе, когда власть новыхъ королей ослабѣла, для объединенія общества оставалась лишь феодальная связь. Слѣдовательно, такой новый строй обнаружилъ бы нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что представлялъ собою позднѣе феодализмъ. Наибольшую разницу между ними составляло бы то, что описанная нами аристократія лишена была бы военнаго характера, ибо главное, что отличало римскій патронатъ отъ того, который мы увидимъ впослѣдствіи, это то, что онъ не былъ военнымъ. Патронъ походилъ на сеньера и кліентъ на вассала во многихъ отношеніяхъ, но кліентъ не былъ воиномъ своего патрона. Императорская

власть сохранила за собою всю военную силу. Аристократія, которой она дала образоваться около себя, была аристократіею мирною. *Patrocinium, clientela, commendatio* не содержала въ себѣ еще до сихъ поръ ничего военнаго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Патронатъ и коммендація во франкскомъ государствѣ.

Итакъ, обычай патроната или личнаго подчиненія одинаково существовалъ у Галловъ, у Германцевъ и у Римлянъ. Онъ сохранился и въ меровингскомъ обществѣ. Онъ даже еще больше развился въ немъ. Неурядица того времени и ослабленіе государственной власти благопріятствовали такому развитію.

На территоріи Галліи жили тогда двѣ расы, и обѣ одинаково примѣняли патронатъ. Населеніе говорило на двухъ языкахъ, и въ обоихъ существовалъ рядъ терминовъ для его наименованія.

Въ латинскомъ языкѣ, на которомъ продолжало говорить большинство обитателей страны, сохранились всѣ термины, примѣнявшіеся къ патронату во времени Римской имперіи. Этотъ родъ личнаго подчиненія сохранилъ названіе *patrocinium*, терминъ, съ которымъ въ латинскомъ языкѣ соединялось два понятія: покровительства и власти. Патронатъ называли также *tuitio* или *defensio*, древними словами, примѣнявшимися въ римскомъ обществѣ къ отношеніямъ патрона и кліента.

Терминъ *clientes* сдѣлался очень рѣдкимъ; онъ мало встрѣчался уже въ IV-мъ вѣкѣ. Замѣнившій его терминъ *suscepti* продолжалъ употребляться. Названіе *amici* сохранилось также еще нѣкоторое время.

Актъ, посредствомъ котораго одинъ человѣкъ вступалъ въ подчиненіе къ другому, продолжалъ называться старымъ латинскимъ словомъ *commendatio*. У Меровинговъ часто встрѣчалось также выраженіе *se commendare*, которымъ пользовались и въ римскомъ обществѣ впродолженіе шести вѣковъ. Человѣкъ, находившійся въ подчиненіи у другого, назывался часто *commendatus*. Соединявшая этихъ двухъ людей нравственная связь продолжала называться *fides;* если этотъ терминъ появляется менѣе часто, чѣмъ во время имперіи, то прилагательное *fidelis* становится все болѣе и болѣе распространненнымъ.

Хотя германскій языкъ и не могъ быть такъ же богатъ въ этомъ отношеніи какъ латинскій, въ немъ не было однако недостатка въ выраженіяхъ для обозначенія обычаевъ, которые столько же являлись германскими, сколько римскими. Повидимому, интересующій насъ родъ подчиненія назывался въ германскомъ языкѣ *mund*: мы встрѣчаемъ это слово въ меровингскихъ текстахъ въ формѣ *mundium* или *mundeburdis*. Этотъ терминъ не обладалъ тѣмъ опредѣленнымъ и яснымъ значеніемъ, какое заключалось въ словѣ патронатъ. Онъ примѣнялся къ власти отца, къ власти опекуна, власти господина надъ своимъ рабомъ. Онъ естественно распространился и на власть покровителя надъ

тѣмъ, кому онъ оказывалъ покровительство. Какъ и латинское слово *patrocinium*, онъ соединялъ въ себѣ двѣ идеи—покровительства и власти.

Моральная связь, называвшаяся въ латинскомъ языкѣ *fides*, въ германскомъ называлась *trust*.— „Esse in truste alterius“ было выраженіемъ аналогичнымъ съ древнимъ „esse in fide alterius“. Отсюда образовалось слово *antrustio*.

Покровительство всегда влекло за собою подчиненіе. Человѣкъ, вступившій въ такую зависимость, назывался человѣкомъ другого, *homo alterius*, и терминъ *homo* все больше и больше соединялся съ признакомъ подчиненія. Соотвѣтствующимъ германскимъ терминомъ было слово—*leude*. „Быть человѣкомъ другого“, или „быть лейдомъ другого“—говорилось безъ различія. Господинъ одинаково могъ сказать: „мои люди“ или „мои лейды“ [1]. Равнозначущимъ терминомъ и, повидимому, терминомъ германскимъ, являлось слово *gasindi*. Въ употребленіе начинаетъ входить еще *vassus*; но сначала оно имѣетъ другое значеніе.

Изъ того, что мы находимъ одновременно и латинскіе, и германскіе термины, не слѣдуетъ заключать, что одни являлись переводомъ другихъ. Мы не скажемъ, что люди галльской расы придумали послѣ нашествій слова *patrocinium*, *tuitio*, *fides* для того, чтобы передать германскія *mund* или *trust*; они уже нѣсколько вѣковъ хранили въ сво-

[1] Агіографы, претендующіе на употребленіе классической латыни, переводятъ «leudes» словомъ «clientes»: «Pippinus dixit clientibus qui sibi assistebant» (*Vita S. Rigoberti*, c. 7); «in palatii domesticis ac clientibus» (*Vita S. Aldrici*, c. 5).

емъ языкѣ эти термины и примѣняли ихъ къ тому же предмету. Мы не станемъ также предполагать, что при соприкосновеніи съ галльскими народами Германцы надумали дать словамъ *mund* и *trust* новое значеніе для того, чтобы перевести латинскія выраженія патроната. И то, и другое предположеніе одинаково недопустимо. Надо полагать такъ: И Галлы, и Германцы, одинаково знакомые съ практикою патронатныхъ отношеній, одинаково выработали и термины для ихъ обозначенія.

Патронатъ, мундебурдъ, коммендація, вѣрность, труста, какое бы слово ни употребляли памятники, каждое вызываетъ передъ нами одну и ту же совокупность обычаевъ. Рѣчь идетъ о формѣ подчиненія, которая была знакома людямъ съ давнихъ поръ, но которую они главнымъ образомъ практиковали отъ VI вѣка нашей эры до VIII-го, и которая привела ихъ къ феодализму.

Мы намѣреваемся изучить патронатный строй въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ настолько полно, какъ только позволитъ состояніе документовъ. Первое, что выяснилось для насъ изъ изученія памятниковъ, это то, что общественный порядокъ разсматриваемыхъ эпохъ лишенъ былъ того синтетическаго единства, въ какомъ его обыкновенно себѣ представляютъ. Онъ не обладалъ также съ начала франкскаго королевства законченнымъ характеромъ и не выработалъ всѣхъ тѣхъ правилъ, какія станутъ замѣтны впослѣдствіи. Представлять себѣ этотъ строй законченнымъ съ перваго дня и совершенно сложившимся было бы большою ошибкою. Надо, слѣдовательно, отказаться отъ опредѣ-

ленія его одною общею формулою. Чтобы понять его, надо прибѣгнуть къ анализу, то-есть, изучить различныя его стороны, разсмотрѣть разныя формы, прослѣдить за его измѣненіями.

Способъ анализа, о которомъ здѣсь можно подумать прежде всего, это—раздѣлить наблюденіе по расамъ. Можно бы разсматривать съ одной стороны, какъ практиковался порядокъ патроната или мундебурда людьми франкскаго происхожденія, съ другой, какъ онъ практиковался Галло-Римлянами. Но такой пріемъ анализа, какъ бы онъ ни казался естественъ, не осуществимъ фактически. Дѣло въ томъ, что если у насъ и найдется нѣсколько текстовъ, въ которыхъ можно различить, къ какой расѣ принадлежатъ люди, то въ большинствѣ текстовъ такое различие невозможно провести. Языкъ не можетъ служить здѣсь указаніемъ на ту или другую расу. Наши памятники всѣ написаны на одномъ языкѣ. Существовалъ тогда только одинъ оффиціальный языкъ, одинъ письменный языкъ для обѣихъ народностей, и то былъ языкъ латинскій. Употребленіе нѣсколькихъ словъ германскаго происхожденія не проливаетъ никакого свѣта на нашъ спеціальный вопросъ. Было бы удобно, если бы, смотря по тому, встрѣчается ли въ актѣ слово *mundeburdis* или слово *tuitio*, можно было утверждать, что актъ составленъ людьми франкскаго или людьми римскаго происхожденія. Но мало-мальски внимательное наблюденіе показываетъ, что Римлянинъ употребляетъ терминъ *mundeburdis*, и что Германецъ съ своей стороны можетъ употреблять терминъ *tuitio*. Еще чаще случа-

лось, что одинъ и тотъ же человѣкъ, какого бы рода онъ ни былъ, употреблялъ оба термина безъ различія, попеременно. Итакъ, попытки анализа патронатнаго порядка по племенамъ не могутъ привести къ цѣли. Настаивать на такомъ пріемѣ значило бы итти по ложному пути.

Лучшимъ пріемомъ анализа явилось бы раздѣленіе предмета по классамъ людей. Это, по крайней мѣрѣ, единственно, возможный способъ по состоянію документовъ. Три разряда людей примѣняли патронатъ и группировали вокругъ себя „коммендировавшихся" или „вѣрныхъ". Эти три категоріи людей были: духовенство, свѣтскія частныя лица и короли. Мы послѣдовательно изучимъ, какъ сложился патронатъ, какъ онъ понимался и примѣнялся тѣми или другими. Надо будетъ изслѣдовать, совершенно ли одинаковый порядокъ осуществлялся во всѣхъ трехъ случаяхъ. Сходства и различія при этомъ равно заслуживаютъ вниманія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Коммендація церкви.

Примѣняла ли патронатъ церковь или, другими словами, искали ли слабые элементы общества личнаго подчиненія духовенству?

Одна формула, принадлежащая къ сансскому сборнику, показываетъ намъ, что свободные люди могли становиться „подъ мундебурдъ или защиту церквей". Извѣстно, что употреблявшееся въ подобной связи слово „церковь" означало епархіальную единицу или бывшаго ея главою епископа [1].

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ дипломовъ, дошедшихъ до насъ отъ франкскихъ королей [2], встрѣчаемъ слѣдующую знаменательную строку: „Монастырь со всѣмъ его имуществомъ, со всѣми его *homines*, *gasindi*, *amici*, *suscepti*" [3]. Первый изъ перечисленныхъ четырехъ терминовъ обозначаетъ не монаховъ, которые никогда бы не были названы *homines*, а всѣхъ, зависѣвшихъ отъ монастыря людей. Слово *gasindi*—терминъ, вѣроятно, германскаго происхожденія, которымъ обозначали въ VI-мъ вѣкѣ свободныхъ слугъ. *Amici* — старое римское названіе людей, составлявшихъ свиту знатнаго. *Suscepti* — слово, замѣнившее въ языкѣ V-го вѣка слово *clientes*. Всѣ термины были, каждый самъ по себѣ, вполнѣ ясны, но такъ какъ дѣловой языкъ того времени любилъ многословіе, то составитель диплома прибавляетъ еще, чтобы лучше подчеркнуть свою мысль: „Всѣ тѣ, кто уповаетъ на этотъ монастырь, и кто находится подъ его покрови-

[1] *Formulae Senonicae*, 6 (*Zeumer*, стр. 187 - 188; *Rozière*, № 105): «Defensione vel mundeburde aecclesiarum, aut bonorum hominum, ubicumque se eligere voluerit, licentiam habeat ad conquirendum».

[2] См. дипломъ Хильдеберта I-го, 546 года, въ пользу анизольскаго монастыря, въ Манской епархіи. — Подлинникъ этого диплома не сохранился; мы знаемъ его лишь по копіи, сдѣланной съ него въ монастырскомъ хартуляріи; но Bréquigny, Pardessus и K. Pertz сходятся въ томъ, что его можно считать въ числѣ подлинныхъ дипломовъ. *Bréquigny*, № 26; *Pardessus*, № 144; *Pertz*, № 4.

[3] «Abbatem et ipsum monasterium una cum omnibus rebus vel hominibus suis, gasindis, amicis, susceptis».

тельствомъ“ [1].—Весь этотъ рядъ выраженій показываетъ, что монастырь обладалъ подданными. Рѣчь идетъ притомъ не о рабахъ. Эти выраженія никогда не служили къ наименованію рабовъ или сервовъ; они спеціально примѣнялись къ свободному и добровольному подчиненію, устанавливавшемуся путемъ патроната. Итакъ, анизольскій монастырь владѣетъ такого рода подчиненными людьми, и весь отрывокъ показываетъ, что эти подданные составляютъ съ нимъ одно цѣлое. Король, который говоритъ какъ бы самолично въ дипломѣ признаетъ, что монастырь и его кліенты, или подданные составляютъ нераздѣльную группу.

Двѣ формулы изъ сборника Маркульфа совпадаютъ съ разобраннымъ дипломомъ. А онѣ должны были служить образцами для очень большого количества частныхъ актовъ. Итакъ, фактъ, указанный въ анизольскомъ дипломѣ, не былъ исключительнымъ. Одна изъ этихъ только-что указанныхъ формулъ служила образцомъ для епископовъ [2]; другая — для монастырей и епископовъ вмѣстѣ [3]. Обѣ формулы показываютъ, что

[1] «Vel qui per ipsum monasterium sperare videntur, vel unde legitimo redebit mitio».

[2] *Marculf.* I, 23 (*Rozière*, 455): «Apostolicom virom illom... pro nostris utilitatibus ibi ambulare precipimus; ideo iubemus ut omnes causas suas suisque amicis aut gasindis seu undecunque ipse legitimo redebit mitio... omnes causas eius aut amicorum in suspenso resedant».

[3] *Marculf.* I, 24 (*Rozière*, 9): «Nos apostolico aut venerabile (оба прилагательныхъ всегда служатъ аттрибутами, одно епископа, другое аббата) cum omnibus rebus vel hominebus suis aut gasindis vel amicis seu undecunque ipse legitimo reddebit mittio (мы объяснимъ это выраженіе ниже).. Et si aliquas causas adversus eum vel suo mitthio surrexerint...»

около епископа или аббата ютилась группа *gasindi* и *amici*, которые только на него опирались и жили въ зависимости отъ него“.

Мы должны разслѣдовать, какъ произошло, что монастырь или церковь пріобрѣли себѣ подданныхъ. Намъ не надо говорить о рабахъ. Вопросъ не идетъ здѣсь также о вольноотпущенникахъ, на которыхъ ложился обязательный патронатъ. Такими подданными оказываются люди, свободно заключившіе узы патроната и тѣмъ самымъ лично отдавшіеся епископу или аббату.

Отношенія подобнаго рода возникали прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо получалъ уступку церковной земли изъ милости [1]. Такое по произволу отбиравшееся владѣніе влекло за собою подчиненіе получавшаго лица.

Третій орлеанскій соборъ, 538-го года, хорошо это объясняетъ; совѣтуя новому епископу не производить общей отмѣны сдѣланныхъ его предшественникомъ пожалованій, онъ напоминаетъ, что владѣльцы должны проявлять къ нему „повиновеніе и преданность“ [2]; онъ добавляетъ, что „если выказывается какая-нибудь непокорность съ ихъ

[1] Орлеанскій соборъ, 541, с. 34: «Quisquis agellum ecclesiae in diem vitae suae pro aliqua misericordia ab episcopo acceperit ad possidendum».—Ліонскій соборъ 567-го года, с. 5: «Quascunque munificentias clericis aut servientibus episcopus in usum dederit».

[2] Орлеанскій соборъ, 538-го года, с. 17: «Ut obedientiam et affectum episcopo praebeant».

стороны или какое-нибудь нерадѣніе, то епископъ воленъ отобрать землю"[1].

Мы не знаемъ подробностей объ управленіи церковныхъ земель въ ту эпоху. За неимѣніемъ документовъ, мы не знаемъ, выработаны ли были опредѣленныя формальности для внѣшней символизаціи вступленія „въ повиновеніе". Мы не знаемъ, было ли необходимо составленіе акта о *commendatio* для полученія какимъ-либо лицомъ церковныхъ земель. Насколько намъ извѣстно, такое условіе встрѣчается лишь въ Вестготской Правдѣ. Въ этомъ сводѣ, составленномъ подъ вліяніемъ церкви, упоминаются люди, которые коммендировались, или родители которыхъ коммендировались церкви ради владѣнія землею этой церкви. Та же статья указываетъ, что эти люди должны были „служить церкви, землею которой они владѣли", и если служба ихъ прекращалась, отбиралась тотчасъ же и земля[2]. Въ церковной практикѣ утвердилась тогда повсемѣстно достаточная общность пріемовъ, и можно допустить, что обычай *commendatio*, находившійся въ силѣ въ испанской церкви, долженъ былъ примѣняться и галльскою. Безъ сомнѣнія, случалось довольно часто, что человѣкъ „коммендировался" въ какой-нибудь формѣ епис-

[1] *Ibidem*: «Si inobedientia vel contumacia accipientis in aliquo exstiterit, culpa agnita, in arbitrio sit (episcopi) utrum vel qualiter debeat revocari». *Sirmond*, Concilia, I, 253.

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 1, 4: «Qui filios suos in obsequium ecclesiae commendaverint et terras ecclesiae possederint... Si de servitio ecclesiae, cuius terram possident, discesserint, statim terram amittant».

копу, то-есть, отдавалъ себя подъ его руку и покровительство для полученія пользованія землей[1].

Чаще, можетъ быть, имѣлъ мѣсто обратный актъ. Въ видахъ какой-нибудь выгоды собственникъ „коммендировалъ" свою землю церкви. Мы встрѣчали уже эту практику въ Римской имперіи. Одинъ параграфъ закона 415-го года показываетъ, что много земель поступило такимъ образомъ въ руки церкви[2]. Имперское правленіе не могло воспретить епископамъ того, что̀ оно воспрещало еще свѣтскимъ лицамъ.

Мы не видимъ, почему бы исчезла такая практика послѣ паденія римской имперіи. Нашествія Германцевъ могли лишь усилить ее. Составитель житія святого Бенедикта разсказываетъ, что одинъ крестьянинъ, подвергшійся нападенію со стороны варвара-Гота, хотѣвшаго отнять у него землю, чтобы остановить насиліе, заявилъ, что „коммендировалъ" свои земли Бенедикту, аббату Монтекассинскаго монастыря[3]. Случай разсказанъ такъ, что изъ

[1] Слѣды этого обычая сохранились, повидимому, въ выраженіи *epistola commendatitia*, посредствомъ которой уступалась церковная земля въ прекарное владѣніе. Мнѣ кажется, что это выраженіе не вошло бы въ повседневный языкъ, если бы обычай *commendatio* не былъ довольно распространенъ. *Bignonianae*, 22; *Merkelianae*, 6, 8, 35, 37.

[2] Кодексъ Θеодосія, XI, 24, 6. Ср. комментарій Годфруа, изд. Ritter, т. IV, стр. 190.

[3] *Vita S. Benedicti a Gregorio Magno scripta*, въ Acta Sanctorum ordinis Benedicti, I, 23, c, 31: «Gothorum quidam, Totilae regis temporibus... in rapinam rerum inhians, dum quemdam rusticum tormentis affligeret... rusticus sese res suas Benedicto commendasse professus est... Hoc a torquente creditur, suspensa interim crudelitate... Cessavit rusticum tormentis affligere... ut quis esset Benedic-

сообщенія выходитъ, будто Готъ понялъ то, что ему говорилъ Итальянецъ: фактъ не показался ему ни страннымъ, ни ненормальнымъ, и онъ пощадилъ „коммендированныя" монастырю земли. Итальянскій крестьянинъ нашелъ такимъ образомъ лучшій способъ для обезпеченія себѣ мирной жизни на своемъ полѣ. Патронатъ церкви, служившій во время Имперіи средствомъ уклоняться отъ податей, сдѣлался послѣ нашествій оплотомъ отъ насилія.

Изучите обычаи того времени въ посланіяхъ Григорія Великаго. Григорій былъ Римляниномъ и главою церкви. У него въ сочиненіяхъ — все римское, или все церковное. А онъ очень часто упоминаетъ о *commendatio* церкви и о возникавшемъ изъ нея патронатѣ или *tuitio*. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, какъ нѣкій Донатъ, ссылаясь на разнаго рода насилія, которымъ онъ подвергался, обратился къ нему съ просьбою о полученіи „покровительства" церкви, и Григорій приказалъ своему уполномоченному въ Кампаніи взять его „подъ защиту" [1]. Замѣтимъ, что Григорій Великій дѣйствуетъ здѣсь не въ качествѣ органа государственной власти. Онъ ни въ какомъ смыслѣ не былъ государемъ. Но церковь его богата, вліятельна, сильна; человѣкъ проситъ отъ него покровительства и получаетъ желанное; рѣчь идетъ здѣсь именно о частномъ патронатѣ. Въ другомъ мѣстѣ

tus, qui eius res susceperat, demonstraret... Rusticus duxit ad monasterium».

[1] *Gregorius Magnus*, Epistolae, IX, 19: «Donatus, diversis oppressionibus se gravari commemorans, ecclesiastica tuitione petiit fulciri... Ideo mandamus ut eum defendas».

папа говоритъ о вдовѣ, „коммендировавшейся" церкви; по смыслу слова *commendare* это значитъ, что она отдала себя въ руки церкви чтобы пріобрѣсти „ея покровительство" [1]. Григорій упоминаетъ о нѣкоемъ Люминозѣ, „утверждавшемъ, что онъ сдѣлался слугою церкви святой Маріи" и имѣетъ, слѣдовательно, право на поддержку „церковнаго покровительства" [2]. Онъ говоритъ о торговцѣ Либератѣ, который „коммендировался римской церкви"; вѣроятно, потому онъ и живетъ на помѣстьѣ этой церкви и получаетъ отъ нея небольшое содержаніе [3]. Или еще Григорій сообщаетъ о богатомъ собственникѣ, по имени Романѣ, который „коммендировалъ свои помѣстья и своихъ людей церкви", причемъ папа пишетъ одному изъ своихъ повѣренныхъ, чтобы тотъ „взялъ подъ свое покровительство" и земли, и людей и усердно защищалъ ихъ въ случаѣ, если возникаютъ или могутъ возникнуть въ будущемъ тяжбы о нихъ [4]. Послѣдній примѣръ показываетъ намъ,

[1] *Ibidem*, XII, 13: «Se tuitioni ecclesiasticae commendavit».— Ср. 13: «Nostrae tuitioni se commisit».

[2] *Ibidem*, XII, 42: «Quia servum Sanctae Mariae se esse asserit, necesse est ut ecclesiastica tuitione valletur».

[3] *Gregorius Magnus*, Epistolae, I, 44: «Liberato negotiatori qui se ecclesiae commendavit, qui habitat in massa Cinciana, annuam continentiam a te volumus fieri, cuius continentiae summam ipse aestima».

[4] *Ibidem*, XII, 37: «Filius noster Romanus possessiones suas et homines qui in illis sunt partibus (то-есть, въ Кампаніи) vestrae voluit experientiae commendari. Hac vobis praeceptione mandamus ut possessiones hominesque ipsius servata aequitate tueri non desinatis, atque ita in omnibus causis utilitatibusque ipsius concurrere studeatis quatenus ille se hac adiutum commendatione cognoscat».

что самыя знатныя лица такъ же, какъ и самыя маленькія, могли совершать актъ *commendatio* и отдавать себя подъ покровительство церкви [1].

Описанные обычаи не были спеціально присущи именно римской церкви. Григорій пишетъ, что одна вдова просила покровительства равенской церкви и „коммендировала себя“ ей [2]. Одинъ богатый собственникъ также „коммендировалъ“ здѣсь епископу „свои земли и своихъ людей“, и папа обязалъ епископа взять „земли и людей“ подъ свое покровительство и охранять ихъ отъ всякой обиды [3]. Мы желали бы знать, существовали ли установленныя формы подобной *commendatio*, ясно ли были опредѣлены обязательства, которыя она влекла за собою. Въ этомъ можно сомнѣваться. Но Григорій пишетъ людямъ, которые понимаютъ его; потому онъ не даетъ имъ объясненій, какія намъ важно было бы получить [4].

Документы Галльской церкви еще болѣе неопредѣленны. Одна хроника говоритъ, правда, что когда былъ основанъ монастырь св. Бенигна въ

[1] Романъ былъ высокимъ сановникомъ имперіи; какъ бывшій преторъ, онъ носилъ званіе «gloriosus».

[2] *Gregorius Magnus*, Epistolae, VIII, 20: «Mulier vobis petiit commendari, vos hortamur ut ei tuitionem impendatis».

[3] *Ibidem*, X, 58: «Homines suos et possessiones episcopo volui commendari... Vos adhortamur ut possessiones eius hominesque tueri debeatis nec eos a quibuslibet vexari patiamini».

[4] Съ другой стороны, надо обратить вниманіе, что слова «commendare», «patrocinium», «tueri» и другія подобныя выраженія употреблялись часто въ переносномъ смыслѣ; они означали тогда лишь простую рекомендацію, порученіе въ современномъ смыслѣ; иногда они были даже лишь терминами вѣжливости.

Дижонѣ, въ VI-мъ вѣкѣ, то „окрестные свободные люди отдали себя и свои имущества подъ покровительство святого“ [1]. Но хроника была написана лишь въ XI-мъ вѣкѣ, и все, что можно здѣсь сказать, это, что указанный обычай относится скорѣе къ VI-му или къ VII-му вѣку, чѣмъ къ тому времени, когда она была написана. Хроника прибавляетъ, что эти люди обязались платить алтарю святого ежегодный цензъ который былъ ими установленъ добровольно [2]. Такимъ образомъ церковное покровительство цѣнилось достаточно высоко, чтобы многимъ казалось стоющимъ его покупать.

Слѣды разсматриваемыхъ обычаевъ сохранились, можетъ быть, въ сборникахъ формулъ анжуйскихъ и турскихъ. Одинъ актъ продажи редактированъ такъ: „Я заявляю, что продалъ такое то поле, такого то размѣра, расположенное на территоріи такого то святого, въ такомъ то помѣстьѣ, граничащее съ такимъ то и такимъ то; я продалъ его за такую то, условленную съ покупателемъ, сумму, и отнынѣ купившій можетъ дѣлать съ этимъ полемъ все, что захочетъ, не нарушая правъ святого, которому принадлежитъ эта земля. Никто изъ моихъ наслѣдниковъ и никакое другое лицо не можетъ дѣйствовать вопреки этому продажному акту, подъ опасеніемъ уплаты штрафа въ размѣрѣ двойной вышеуказанной стоимости:

[1] *Chronicon S. Benigni*, Bouquet, III, стр. 469 (изд. Jos. Garnier, p. 32): «Liberi homines ibidem commanentes se et sua commiserunt patrocinio Sancti Benigni».

[2] *Ibidem*: «Annis singulis persolvebant ad eius altare censum a semet constitutum».

половина штрафа поступитъ купившему, другая половина повѣренному святого. Продажа эта и изъявленіе моей воли должны сохранять силу на-вѣки" [1].

Особенно заслуживаетъ здѣсь вниманія, во-первыхъ, то, что проданное поле объявляется „расположеннымъ на территоріи святого" [2]; затѣмъ—спеціально то, что о землѣ этой сказано, то-есть, что „она принадлежитъ святому и права его не будутъ нарушены" [3]. Сейчасъ видно, что подъ выраженіемъ „святой" надо понимать—монастырь или церковь того святого, подъ чьимъ покровительствомъ они находились. Но трудность заключается здѣсь въ уясненіи вопроса, какъ было возможно, чтобы частное лицо продавало землю, на которую собственность принадлежала церкви или монастырю.

Это обстоятельство не представляетъ единичнаго факта; то же встрѣчается въ турскомъ сборникѣ формулъ. Здѣсь также человѣкъ, который говоритъ языкомъ настоящаго собственника, продаетъ виноградникъ или поле, которое онъ и объявляетъ своею собственностью (*iuris mei*); онъ получаетъ за нее установленную покупателемъ и имъ плату; онъ переноситъ на покупателя „все свое право распоряжаться ею", но прибавляетъ, однако, слова: „безъ нарушенія правъ святого", *salvo iure sancti* [4].

[1] *Andegavenses*, 21 (*Rozière*, 280).
[2] «Et est super terraturio sancti illius».
[3] «Absque preiudicium sancti illius, cuius terre esse videtur».
[4] *Turonenses*, 8 (*Rozière*, 279).

Та же оговорка встрѣчается еще въ анжуйскомъ сборникѣ формулъ, именно въ актѣ дара при жизни [1], въ актѣ обмѣна земель [2], въ назначеніи приданаго [3], въ пожалованіи сыну [4]. Мы узнаемъ ее же, хотя и въ менѣе ясныхъ чертахъ, въ кабальномъ обязательствѣ [5] и въ актѣ добровольнаго перехода въ рабство [6]. Наконецъ, сходную съ нею оговорку мы узнаемъ еще въ двухъ другихъ актахъ анжуйскаго и турскаго сборниковъ формулъ, съ тою разницей, что та же самая оговорка относится вмѣсто святого къ свѣтскому человѣку [7].

Отыскать этому объясненіе нелегко [8]. Единственная серьезная попытка была сдѣлана Бруннеромъ. Этотъ ученый думаетъ, что вопросъ идетъ здѣсь о земляхъ, взятыхъ въ вѣчную аренду. Онъ полагаетъ, что настоящимъ собственникомъ оставалась церковь, а арендаторъ пріобрѣталъ право передавать свою аренду другому путемъ продажи или даренія [9]. У меня возникаетъ много

[1] *Andegavenses*, 1, c.: «Salvi iure sancti illius, cuius terre esse videtur».
[2] *Ibidem*, 8: «Absque preiudicium sancti illius».
[3] *Ibidem*, 40; *Rozière*, 227.
[4] *Ibidem*, 58; *idem*, 358.
[5] *Ibidem*, 22; *idem*, 375.
[6] *Ibidem*, 25; *idem*, 46.
[7] *Ibidem*, 37; *idem*, 171: «Super terraturio vir inluster illo»; *Turonenses*, 42: «Salvo iure ipsius terrae».
[8] См. *Waitz*, II, 1, стр. 291, 3-е изд.
[9] *H. Brunner*, Die Erbpacht der Formelsammlungen von Angers, въ «Zeitschrift der Savigny-Stiftung», 1884.—См. также *Löning*, Geschichte des Kirchenrechts, т. II, стр. 710.—Ср. *Esmein*, въ «Revue historique de Droit», мартъ, 1885 года.

сомнѣній по поводу такой теоріи. Ни одна изъ десяти только что разсмотрѣнныхъ нами формулъ не содержитъ ни одного слова, которое намекало бы на наемъ или упоминало о годовой арендной платѣ. Если сравнить эти акты со всѣми другими актами, посредствомъ которыхъ люди, явно бывшіе собственниками, продавали, дарили или мѣняли свою землю, то обнаружится что стиль въ нихъ совершенно тотъ же, одинаковы и термины, что всѣ эти акты приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, и право полной собственности выражено въ нихъ съ одинаковою силою. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы человѣкъ, говорившій въ этихъ формулахъ, былъ простымъ фермеромъ. Онъ держитъ тонъ собственника, и актъ его есть дѣйствительная передача собственности [1].

Если разсмотрѣть формулы внимательно, ничего къ нимъ не прибавляя, то въ нихъ видны будутъ два собственника: человѣкъ, который продаетъ землю, и святой, о которомъ сказано, что она ему принадлежитъ. Замѣтно также, что изъ двухъ какъ бы болѣе полнымъ собственникомъ являетъ себя продавецъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ отчуждаетъ свою землю безъ вмѣшательства церкви или монастыря. Онъ не просилъ разрѣшенія на продажу; такое разрѣшеніе не оплачивалось никакимъ *laudemium*; не видно даже, чтобы онъ совѣтовался съ епископомъ или аббатомъ. Присутствіе ихъ не помянуто; они не утверждали продажи, имъ не приходилось одобрять ее. Продавецъ и покупатель дѣйствовали одни, добровольно, свободно; цѣна устанавливалась ими, и соглашеніе ихъ оказывало полное и вѣчное дѣйствіе. Продавецъ включалъ только въ составъ акта нѣсколько словъ, которыми указывалъ, что надъ нимъ существовалъ другой собственникъ — святой. Надъ своимъ правомъ онъ ставилъ верховныя права, ничѣмъ, впрочемъ, не стѣснявшія свободу его сдѣлокъ.

[1] Не думаю, чтобы можно было очень полагаться на заголовокъ 4-го № *Andegavenses*: «Hoc est vindicio de terra conducta». Извѣстно, что заглавія тутъ не подлинныя; Вайтцъ и Цеймеръ думаютъ, что слово «conducta» - ошибка переписчика.— Бруннеръ также даетъ очень гипотетическую теорію о томъ, какъ *undi perpetuarii* перешли отъ городовъ къ церквамъ.

Произведенныя наблюденія приводятъ насъ къ мысли, что указанныя земли были лишь „коммендированы“ церкви и поставлены подъ ея покровительство. Категорически утверждать это на основаніи документовъ, сводящихся къ тремъ-четыремъ словамъ, было бы слишкомъ смѣло. Но намъ кажется, что такое объясненіе всего лучше согласуется съ общимъ характеромъ текстовъ. Оно примиряетъ кажущееся противорѣчіе между объявленіемъ человѣка, что земля принадлежитъ церкви, и его же распоряженіемъ этою землею, будто онъ былъ ея настоящимъ собственникомъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ полнымъ собственникомъ и не отказывался отъ такого права въ тотъ день, когда во избѣжаніе какого-нибудь насилія отдавалъ подъ покровительство святого себя и свою землю; онъ помѣстилъ свою землю на имя святого, или, согласно римскому выраженію, начерталъ имя святого на своей землѣ; но онъ уступилъ такимъ

образомъ лишь верховное право и сохранилъ подъ нимъ свободу распоряжаться своимъ имуществомъ. Назначала ли церковь плату за свое покровительство? Удовлетворялась ли она повтореніемъ признанія ея права при всякой перемѣнѣ владѣльца? Формулы позволяютъ отвѣтить на послѣдній вопросъ утвердительно. Но возможно, что условія, вродѣ небольшого ежегоднаго дара, подразумѣвались. Изъ одной формулы особенно выясняется, что церковь пользовалась на земляхъ, собственницей которыхъ была объявлена, извѣстными судебными правами. Замѣчается, что въ случаѣ спора объ этихъ земляхъ часть штрафа, уплачиваемая обыкновенно фиску, поступала здѣсь церкви [1]. Стало быть, земля эта и этотъ человѣкъ находились въ извѣстнаго рода подчиненіи; но мы не можемъ сказать, было ли оно слабо или строго выражено.

Нѣкоторые другіе документы показываютъ, что римскій обычай *commendatio* сохранился въ пользу церквей. Собственникъ расположеннаго въ Кагорской епархіи помѣстья пишетъ епископу этой епархіи: „Я прошу васъ взять подъ вашу защиту это помѣстье и живущихъ на немъ людей; соблаговолите считать ихъ принятыми или коммендированными; поступайте съ ними, какъ съ

[1] *Andegavenses*, 21: «Si fuerit ego ipsi aut aliquis de heredibus meis vel qualibet extranea persona, qui contra hanc vindicione agere conaverit, inferit inter tibi et agente sancti illius, duplet...»—Въ другихъ аналогичныхъ формулахъ писали: «Inferat inter tibi et fisco» (*Andegavenses*, 2, 3, 19, 27; *Marculf*. II, 11; *Bituricenses*, 15; *Senonicae*, 5, 6, 11, 14, 23, 25; *Merkelianae*, 9, 10).—Въ другой анжуйской формулѣ, № 30, приговоръ по земельному вопросу постановляется аббатомъ.

своею собственностью“ [1]. Другое лицо пишетъ тому же епископу: „Я коммендирую вамъ эти помѣстья и желаю, чтобы живущіе на нихъ люди были коммендированы вамъ“ [2].

У современныхъ агіографовъ часто также встрѣчается, что юношу, предназначеннаго къ духовной карьерѣ, отдавали въ руки епископа посредствомъ акта, называвшагося *commendatio* [3]. Конечно, рѣчь идетъ о патронатѣ особаго рода; на патронѣ лежитъ главнымъ образомъ обязанность обучить и подготовить къ духовному сану; покровительствуемый—по преимуществу ученикъ.

Но вотъ, впрочемъ, и иного рода патронатъ. Гонтрана Бозона преслѣдуютъ два франкскихъ короля, какъ виновнаго въ убійствѣ; Верденскій епископъ беретъ его подъ свое покровительство. Больше всего заслуживаетъ здѣсь вниманія не са-

[1] *Epistola ad Desiderium*, Bouquet, IV, 44: «Ut villam Curticellam et homines ibi consistentes sub vestra defensione tanquam propriam familiam dignetis habere receptos et commendatos».—Есть ли это настоящая *commendatio* въ строгомъ смыслѣ акта? Въ этомъ можно сомнѣваться, ибо здѣсь епископъ Рауракъ Неверскій обращается къ другому епископу. Но если бы даже онъ и говорилъ только въ переносномъ значеніи, все же здѣсь употребляются ходячія выраженія и эти выраженія указываютъ на обычай.

[2] *Epistola ad Desiderium*, IV, 48: «Haec vobis commendamus ut omnes qui ibi manent sint vobis commendati».

[3] Примѣръ см. у Bouquet, *Vita S. Attalae*, c. 1, Patrologia, t. LXXXVII, col. 1055: «Arigio pontifici a genitore commendatus est».—Продолженіе разсказа показываетъ, что существовала группа юношей, *sodales*, коммендированныхъ именно такимъ образомъ епископу.—*Vita S. Lantberti*, 3; Acta Sanctorum ordinis Benedicti, III, 1: «Pater eius commendavit eum supradicto antistiti divinis dogmatibus erudiendum».

мый фактъ, а выраженія, которыми пользуется Григорій Турскій. Онъ говоритъ, что „епископъ принимаетъ человѣка въ свою вѣрность“ [1]; а это значитъ также, что „онъ беретъ его подъ свою руку и власть“ [2]; какъ патронъ, онъ долженъ спасать его отъ насилія, онъ долженъ даже защищать его на королевскомъ судѣ [3].

Въ другомъ разсказѣ Григорій Турскій повѣствуетъ, что епископъ руанскій Претекстатъ былъ окруженъ группою „вѣрныхъ“. Здѣсь бросается въ глаза, что вѣрные очень ясно отдѣлены отъ клириковъ. „Пораженный смертельнымъ ударомъ, епископъ позвалъ къ себѣ на помощь окружавшихъ его клириковъ; но никто изъ нихъ не осмѣлился приблизиться къ нему; руками своихъ вѣрныхъ онъ былъ отнесенъ въ домъ свой“ [4].

[1] *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, IX, 10: «Eum sua in fide susciperat».—Это старое римское выраженіе; быть можетъ, авторъ переводитъ подобное же франкское выраженіе.

[2] Ср. главу 8-ю, гдѣ Григорій пишетъ, что король «posuit eum in manu episcopi», говоря: «Sit penes te, sacerdos».

[3] Это видно изъ слѣдующаго замѣчанія Григорія Турскаго: «Pontifex non adfuit, quia convenerat (regibus) ut absque ullius defensione regi praesentaretur ut non excusaretur a sacerdote».

[4] *Greg. Tur.* VIII, 31: «Ille vero vocem emittens ut clerici qui aderant adiuvarent, nullius ope de tantis adstantibus est adiutus... In cubiculo suo inter manus fidelium deportatus et in suo lectulo collocatus est.»—Ср. выраженіе «creditos suos», которое я встрѣтилъ лишь одинъ разъ; смыслъ его не совсѣмъ ясенъ, но онъ содержитъ, повидимому, то же понятіе, что и слово «fideles». Нѣкто говоритъ епископу: «Transmitte abbates et creditus tuos» (*idem*, IX, 10). Буквально, это люди, къ которымъ питаютъ довѣріе; VII, 40; In gloria martyrum, 71; *Vita Eligii*, II, 74: «Misit solidos per creditam personam». Въ Liber in gloria confessorum, 62, слово «creditus» соотвѣтствуетъ, повидимому, «fidelis»: «Per hominem creditum diregit eclaesiae».

Епископъ Манскій Бертрамнъ также имѣлъ около себя нѣсколько человѣкъ, которыхъ называлъ своими „друзьями“ или „вѣрными“ [1]. Онъ „кормилъ“ ихъ, то-есть, удовлетворялъ всѣмъ ихъ нуждамъ; они ему „служили“, служили также его церкви.

Всѣ эти разбросанныя въ документахъ черты не даютъ намъ такого точнаго понятія о церковномъ патронатѣ, какое бы намъ хотѣлось получить. Мы ясно не схватываемъ ни условій, согласно которымъ онъ заключался, ни обязательствъ, какія онъ влекъ за собою для обѣихъ сторонъ. Быть можетъ, правилъ и не было, или правила видоизмѣнялись въ зависимости отъ воли или соціальнаго положенія лицъ. Не было ничего установленнаго, ничего устойчиваго въ вопросахъ, которыми не занимался ни гражданскій законъ, ни церковное законодательство. Все, что можно сказать, это—что *commendatio*, *patrocinium*, *tuitio*, примѣнявшіяся уже въ Имперіи, продлились и позже на пользу церкви. Церковь вовсе не осуждала этой практики.

[1] *Testamentum Bertramni*, Pardessus, № 230, стр. 210—212: «Fidelissimis meis Warnehario et Walconi, quia mihi fideliter ab adolescentia eorum vel sanctae cum integra fide deservisse noscuntur».—«Quidquid fideli nostro Cherulfo dedimus».—«Fidelissimo amico meo Chadeleno».—«Fideli meo Bertoleno».—«Rogo atque iubeo ut quanticunque amici mei vel fideles servientes fuerint, semper memores sint nutrituгae meae».—«Adiuro Cabimoaldum episcopum ut semper memor sit nutriturae meae vel patrocinii Sancti Petri».

Мы не должны также терять изъ виду, что не христіанская церковь, какъ вселенное цѣлое, принимала *commendatio* или давала свое покровительство или свой мундебурдъ. Единства церкви, съ точки зрѣнія матеріальныхъ актовъ, интересовъ и даже патроната, не существовало. Человѣкъ коммендировался лично какому-нибудь епископу, или, употребляя языкъ того времени, „какой-нибудь церкви". Другой коммендировался „святому", то-есть, аббату монастыря. Патронатъ, даже церковный, былъ по существу личнымъ договоромъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О коммендаціи и мундебурдѣ частныхъ лицъ [1].

I.

О тѣхъ, которые „коммендировались" потому, что не имѣли „пищи и одежды".

Мы изслѣдовали выше *commendatio* въ римскомъ обществѣ. Она сохранилась и въ меровингскомъ даже со слѣдующею особенностью: изучая ея практику въ эпоху Имперіи, мы спрашивали себя, устанавливалась ли *commendatio* путемъ писаннаго акта, и не нашли отвѣта на вопросъ; при Меровингахъ, наоборотъ, писанный актъ и формула встрѣчаются въ памятникахъ. Въ эту эпоху вообще много писали. Объ обычаѣ писанныхъ актовъ свидѣ-

[1] *Roth*, Beneficialwesen, стр. 167; Feudalitaet, стр. 314; *Waitz*, т. II; *Ehrenberg*, Commendation und Huldigung nach fränkischem Recht, 1877; *Meyer*, въ «Zeitschrift der Savigny-Stiftung», 1882.

тельствуютъ Правда рипуарскихъ Франковъ и Баварская Правда; еще лучше свидѣтельствуютъ о немъ сотни дошедшихъ до насъ формулъ. Формулы существовали для всѣхъ актовъ частной жизни; была формула и для *commendatio*, то-есть, для акта вступленія подъ мундебурдъ или покровительство другого человѣка.

Она находится въ турскомъ сборникѣ формулъ [1]. Мы приведемъ ее дословно; она обнаружитъ нѣсколько важныхъ фактовъ; въ ней заслуживаютъ вниманія самый стиль и слова. Озаглавлена она такъ: „О коммендирующемся подъ власть другого". Съ первыхъ словъ, стало быть, видно, что „коммендироваться"—это значило: отдаваться въ руки, „во власть" другого человѣка [2].

Актъ составлялся въ формѣ письма и, конечно, писалъ его низшій: „Господину благородному мужу такому-то, я такой-то" [3]. Это просто меровингская манера вписывать оба имени; обычай требовалъ, чтобы человѣка, къ которому обращаются, называли господиномъ. Всякій, впрочемъ, человѣкъ, если только онъ не принадлежалъ къ совсѣмъ низкому классу, носилъ какое-нибудь почетное званіе: онъ былъ *illuster*, или *magnificus*, *laudabilis*, или, по крайней мѣрѣ, *honestus*, и учтивость того времени требовала, чтобы, когда ему писали, его называли тѣмъ титуломъ, на какой онъ имѣлъ право.

[1] *Formulae Turonenses*, № 43; *Zeumer*, стр. 158; *Sirmondicae*, 44; *Rozière*, 43.

[2] «Qui se in alterius potestate commendat».

[3] «Domino magnifico illo, ego ille».

„Достовѣрно всѣмъ извѣстно, что мнѣ нечѣмъ питаться и не во что одѣваться, въ силу чего я и обратился къ вашей милости [1] и по своей волѣ рѣшилъ отдать себя и коммендировать подъ вашъ мундебурдъ“ [2]. Для обозначенія акта, какой онъ совершаетъ, этотъ человѣкъ употребляетъ три опредѣленныхъ термина: *mundeburdum*, *tradeкe*, *commendare*. Изъ трехъ терминовъ, одинъ—германскій два другіе—римскіе, и примѣнялись они къ такого рода акту въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, германское и римское выраженія соединены въ одномъ и томъ же текстѣ. Одинъ и тотъ же человѣкъ употребляетъ ихъ поперемѣнно и смѣшиваетъ ихъ, потому что они всѣ вошли въ обыденную рѣчь.

„Такъ какъ я вручилъ и отдалъ себя подъ вашъ мундебурдъ, то вы должны будете помогать мнѣ и поддерживать меня какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ, дабы, съ своей стороны, я могъ служить и угождать вамъ“ [3]. Вотъ взаимныя обяза-

[1] Таково значеніе словъ «pietati vestrae» въ меровингское время: «pietas regis», милость короля; «pietas divina», милость Божія.

[2] «Dum omnebus habetur percognitum qualiter ego minime habeo unde me pascere vel vestire debeam, ideo petii pietati vestrae et mihi decrevit voluntas ut me in vestrum mundoburdum tradere vel commendare deberem; quod ita et feci».—Выраженія «omnibus habetur percognitum, decrevit voluntas, quod ita et feci»—это обычный стиль всѣхъ формулъ того времени:—Глаголъ «debere», также бывшій въ употребленіи, не имѣлъ опредѣленнаго значенія обязательства; это родъ вспомогательнаго глагола; приведемъ примѣры: *Turonenses*, 14: «Mihi placuit ut... deberem»; 24: «Convenit nobis ut... deberimus»; *Marculf.* II, 23, etc.

[3] «Eo videlicet modo ut me tam de victu quam et de vesti-

тельства, вытекающія изъ заключаемаго союза. А вотъ что еще лучше указываетъ на подчиненіе низшаго: „И пока я буду живъ, я долженъ буду нести вамъ службу свободнаго человѣка и послушаніе“ [1]. Подчиненіе выражено двумя чисто латинскими словами, *servitium* и *obsequium*. Власть высшаго выражена на слѣдующей строкѣ тремя словами: *potestas*, *mundeburdum* и *defensio* [2]; покровительство, мундебурдъ и власть, дѣйствительно,—три тождественныхъ термина. Характеръ мундебурда выступаетъ уже довольно ясно.

Раньше, чѣмъ перевести вторую половину формулы, надо сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Человѣкъ, „коммендирующій“ себя, то-есть, отдающій себя въ руки другого, начинаетъ съ заявленія, что ему не на что питаться и одѣваться. Принимать это выраженіе въ буквальномъ и матеріальномъ смыслѣ было бы ошибкою. Это, очевидно, лишь формула; это формальные и обязательные термины. Надо было, чтобы низшій написалъ ихъ для того, чтобы ясно было установлено его низкое

mento, iuxta quod vobis servire et promereri potuero, adiuvare vel consolare debeas».—Относительно смысла слова *consolare*, *solatium* надо припомнить, что *solatium* безпрестанно имѣетъ значеніе *auxilium*. См. *Gregorius Turon.* II, 32: «Solatium praebere»; *idem*, IV, 10; III, 6: «In solatium vocare»; *Gregorius Magnus*, Epistolae, I, 13; X, 25; *Decretum Childeberti*, 4.

[1] «Et dum ego in caput advixero, ingenuili ordine tibi servicium vel obsequium impendere debeam».—Нѣтъ надобности напоминать, что на языкѣ эпохи *vel* не было раздѣлительнымъ союзомъ, а имѣло, наоборотъ, значеніе *et*.

[2] «De vestra potestate vel mundoburdo...».—«Sub vestra potestate vel defensione».

положеніе. Правда это или нѣтъ, но надо было, чтобы онъ объявилъ себя абсолютно бѣднымъ въ знакъ того, что онъ всѣмъ будетъ обязанъ тому, кого беретъ себѣ патрономъ и главой [1].

Онъ пишетъ также, что отдаетъ себя подъ мундебурдъ „по рѣшенію своей воли". Онъ удостовѣряетъ, что дѣйствуетъ свободно, не уступаетъ никакому принужденію. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо, чтобы актъ *commendatio* былъ или казался добровольнымъ. Онъ могъ совершиться лишь по свободному желанію двухъ людей.

Наконецъ, человѣкъ, пишущій грамоту и обязывающійся „служить", дѣлаетъ однако ту оговорку, что будетъ служить лишь „какъ свободный". Рѣчь идетъ, стало быть, не о рабствѣ. Мы имѣемъ другія формулы, согласно которымъ человѣкъ вступалъ въ рабство; онѣ написаны въ иныхъ выраженіяхъ; въ нихъ нѣтъ ни термина *commendare*, ни слова мундебурдъ [2]. Коммендація оставляетъ человѣку его достоинство свободнаго человѣка, и правило это останется правиломъ вассалитета.

Теперь приведемъ вторую часть формулы: „Я не буду имѣть права выйти изъ-подъ вашей власти и мундебурда; я останусь въ вашей власти

[1] Прибавьте еще одно: соблюдалось правиломъ, чтобы, покидая своего патрона, вассалъ оставлялъ ему все, что заработалъ на его службѣ; значитъ, было въ интересахъ господина заставить его написать, что въ моментъ, когда онъ поступалъ на службу патрона, у него ничего не было.

[2] См. напримѣръ, въ томъ же сборникѣ *Turonenses*, № 10.— Не знаемъ, почему *Zeumer*, на 132 стр. своего изданія, утверждаетъ, будто нашъ № 43 служитъ тому же назначенію какъ № 10; между обѣими формулами нѣтъ ничего общаго.

и подъ вашей охраной во всѣ дни своей жизни [1]. Между нами было условлено, что если одинъ изъ насъ нарушитъ настоящее соглашеніе, то уплатитъ другой сторонѣ такое то число солидовъ, и соглашеніе это навсегда останется неизмѣннымъ. Установлено также между нами, что будетъ написано и подписано двѣ одинаковыхъ грамоты настоящаго акта".

Во второй части выдвигаются черты, которыхъ не было въ первой. Первая часть носила характеръ просьбы (*petii*). Вторая пріобрѣтаетъ скорѣе характеръ договора (*convenit*). Это даже взаимно обязующій договоръ, и онъ заключается посредствомъ двухъ грамотъ „одинаковаго содержанія", вручаемыхъ обѣимъ сторонамъ. Оба человѣка объявляются равными другъ другу, *pares*. Они одинаково связаны, какъ одинъ, такъ и другой. Въ случаѣ нарушенія оба слова подчиняются карательной статьѣ неустойки, и сумма для обоихъ одна и та же. Наконецъ, договоръ составленъ пожизненно. Ни одна, ни другая сторона не имѣетъ права порвать его. Его можетъ расторгнуть одна смерть; но во всякомъ случаѣ онъ не былъ наслѣдственнымъ или передаваемымъ.

Было бы, однако, большою ошибкою предположить, что всякая *commendatio* должна была походить на тотъ видъ ея, формулу котораго мы только-что привели. Прежде всего ошибочно было бы думать, что соглашеніе всегда устанавливалось путемъ

[1] «De vestra potestate vel mundoburde tempore vitae meae potestatem non habeam subtrahendi, nisi sub vestra potestate vel defensione diebus vitae meae debeam permanere».

писаннаго акта. Слѣдуетъ замѣтить, что формула, которую мы сейчасъ цитировали, единственная въ такомъ родѣ. Ее находимъ лишь въ одномъ изъ девяти меровингскихъ сборниковъ формулъ; даже изъ четырехъ рукописей того сборника, въ которомъ она находится, текстъ ея содержится лишь въ одной. Это позволяетъ предположить, что она была не очень употребительна. Эта формула показываетъ, что *commendatio* могла совершаться письменно, даже посредствомъ двойной грамоты; но она не можетъ заставить насъ предположить, что составленіе грамоты было обязательно. Вѣчность договора и воспрещеніе какъ той, такъ и другой сторонѣ порывать его — не слѣдуетъ также принимать за общія правила. Наконецъ, статья о неустойкѣ или карательное постановленіе, падавшее на того изъ двухъ людей, который нарушитъ свое обязательство, это черта, — которой мы не найдемъ ни въ какомъ другомъ примѣрѣ.

Очевидно, передъ нами находится лишь одна изъ разновидностей *commendatio*, а не *commendatio* вообще.

Но и въ данной формулѣ можно все же различить нѣкоторыя черты, общія всѣмъ родамъ *commendatio*, которыя снова встрѣтятся въ вассалитетѣ. Изъ нея можно видѣть, что человѣкъ, который „коммендируетъ себя", отдается „во власть" другого. Изъ нея можно усмотрѣть, что мундебурдъ, власть и покровительство—одно и то же. Изъ нея можно еще установить принципъ добровольности договора и взаимности обязательствъ. Въ ней замѣчается, наконецъ, моральное равен-

ство, существовавшее между низшимъ и высшимъ: хотя одинъ изъ нихъ „служитъ" другому и нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ ему, они называются однако *pares* другъ другу.

Поставимъ ли мы по поводу этой формулы расовый вопросъ? Станемъ ли изслѣдовать, были ли эти два человѣка Франками или Римлянами? Тотъ, кому адресована грамота, названъ только *vir magnificus*; множество примѣровъ доказываетъ, что этотъ титулъ, равно какъ и титулъ *vir illuster* или *vir laudabilis* носили люди франкскаго и римскаго происхожденія безъ различія. Во всей формулѣ нѣтъ ни одного слова, которое позволило бы угадать расу того, кто становится господиномъ. Что касается человѣка, поступающаго подъ мундебурдъ и коммендирующаго себя, то въ пространной своей грамотѣ онъ также не говоритъ, къ какой принадлежитъ расѣ. Языкъ, которымъ онъ пользуется,—латинскій. Встрѣчается, правда, слово германскаго происхожденія—*mundeburdum*, но то же самое выражено и другими, латинскими словами. Слово *mundeburdum* не больше доказываетъ, что это Германецъ, чѣмъ слова *commendare*, *potestas* и *defensio*, что онъ Римлянинъ [1]. Если, впрочемъ, отвлечься отъ этого единственнаго слова, то всѣ остальныя пятнадцать строкъ написаны на чистѣй-

[1] Обратимъ вниманіе, что слово *mundeburdis* одинаково употреблялось, какъ церковью, такъ и мірянами. См. акты собора, который называется бордосскимъ, 662-го года, у *Pardessus*, Diplomata, т. II, стр. 130. Ср. *Formulae Senonicae*, 6: «Defensione vel mundeburde aecclesiarum». См. большое число королевскихъ дипломовъ, формула которыхъ, очевидно, продиктована епископами или монахами, и гдѣ встрѣчается слово *mundeburdis*.

шей латыни, конечно, не на классической или литературной, а на той, которая была въ обиходѣ живой рѣчи въ III-мъ и IV-мъ вѣкахъ нашей эры [1]. Всѣ слова имѣютъ то самое значеніе, какое имѣли во время имперіи. Обороты и построенія принадлежатъ въ самомъ дѣлѣ латинскому языку. Нельзя предположить, чтобы эта формула была написана варварами, выражавшимися на чужомъ языкѣ. Нѣтъ также признаковъ, чтобы она была переводомъ германской формулы. При томъ же, она принадлежитъ къ турскому сборнику формулъ, гдѣ все, и языкъ, и право—римскіе, и гдѣ всегда цитируются римскіе законы, а не Салическая Правда. И все-таки мы не въ правѣ заключить отсюда, что актъ, о которомъ идетъ рѣчь, составленъ Римляниномъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что много римскихъ формулъ употреблялось Франками при продажахъ, дареніяхъ или завѣщаніяхъ. Въ итогѣ, невозможно сказать, принадлежатъ ли намѣченные нашею формулою акты Римлянамъ или Франкамъ. Разумнѣе всего предположить, что они принадлежатъ обѣимъ расамъ, безъ различія.

Можно сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу заключеннаго неизвѣстными людьми акта. Онъ не содержитъ въ себѣ ничего военнаго. Человѣкъ, идущій подъ мундебурдъ, не представляется воиномъ. Онъ обязывается „служить“ своему господину; онъ не обязывается сражаться за него. Господинъ обѣщаетъ „питать и одѣвать его“, но не обѣщаетъ ему ни копья, ни боевого коня. Во всемъ этомъ нѣтъ рѣчи ни о войскѣ, ни о воинахъ, ни о воинской службѣ.

[1] Къ настоящей ходячей латыни III-го и IV-го вѣковъ принадлежатъ слова «me pascere», «vestire», «pietas» въ смыслѣ доброты, «decrevit voluntas», «tradere vel commendare», «servire et promereri», «adiuvare vel consolare», «obsequium», «convenit ut», «convenientiis», «duas epistolas uno tenore conscriptas». Выраженіе «solidos componat» относится, быть можетъ, лишь къ V-му или VI-му вѣку.

2.

О тѣхъ, которые „коммендируютъ себя“ ради достиженія почестей и должностей.

Перейдемъ къ другому роду *commendatio*. Мы видѣли, что во время римской имперіи богатые и знатнаго рода люди вступали подъ покровительство какого-нибудь вельможи императорскаго двора ради того, чтобы продвинуться впередъ на пути къ крупной карьерѣ. Тѣ же привычки сохранились въ меровингское время. Онѣ сохранились такъ же какъ монархическая власть, какъ придворная жизнь, какъ іерархія должностей, какъ служебная карьера.

Понятно, что законы не упоминаютъ о такого рода *commendatio*, и мы не находимъ ея формулы; но писатели, особенно тѣ, которые описываютъ нравы эпохи, не разъ имѣютъ случай указывать ее и даютъ намъ конкретные ея примѣры.

Вотъ передъ нами человѣкъ, по имени Дезидерій, который сдѣлался позже епископомъ, даже святымъ, но началъ карьеру въ положеніи служащаго при дворѣ короля. Его біографъ прежде всего сообщаетъ намъ, что онъ былъ римскаго

происхожденія. „Онъ принадлежалъ къ одному изъ самыхъ почтенныхъ и знатныхъ галльскихъ родовъ", говоритъ авторъ [1]. Онъ получилъ также вполнѣ римское образованіе, „изучилъ изящную словесность, галльское краснорѣчіе и римскіе законы" [2]. Съ такимъ образованіемъ онъ поступилъ во дворецъ и рано былъ возведенъ въ должность королевскаго казначея [3]. Съ тѣхъ поръ многіе стали добиваться его патроната. Біографъ разсказываетъ, что „много епископовъ, герцоговъ и придворныхъ должностныхъ лицъ жило подъ крыломъ его покровительства", *sub ala tuitionis eius degebant* [4]. Переводитъ ли біографъ этими словами германское слово мундербурдъ? Возможно, но не

[1] *Vita S. Desiderii Caturcensis*, Bouquet, III, 527; Patrologiae, t. LXXXVII; *Labbe*, Biblioteca manuscriptorum, t. I, p. 711: «Parentibus honestissimis et apud Gallicanas familias prae ceteris generositate ornatis».—Дезидерій родился въ Альбійскомъ округѣ, куда Франки не проникали. Отца его звали Сальвіемъ. Его мать носила германское имя Ерхенефриды и была, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ Германкой; смѣшанные браки встрѣчались часто, а данный союзъ тѣмъ болѣе понятенъ, что Сальвій жилъ при дворѣ франкскихъ королей. Во всякомъ случаѣ, сохранялись письма Ерхенефриды, письма къ ея сыну, изложенныя хорошимъ латинскимъ языкомъ.—Братьевъ и сестеръ Дезидерія звали Рустикъ, Сіагрій, Авита и Селена; все это имена, бывшія въ ходу у жителей Галліи.

[2] *Ibidem*: «Litterarum studiis eruditus est... Gallicanamque eloquentiam... ac deinde legum Romanarum indagationi studuit».

[3] «Sub adolescentiae adhuc annos, thesaurarius regis... inter proceres gerebat... Opulentissimos thesauros huius arbitrio rex commisit».

[4] *Ibidem*, c. 3: «Multi quoque episcoporum, ducum ac domesticorum sub ala tuitionis eius degebant; multi nobilium sibi eum gratificare gaudebant».

удостовѣрено. *Tuitio* было однимъ изъ терминовъ, которыми обозначался и римскій патронатъ. Во всякомъ случаѣ, вотъ человѣкъ, который не былъ Франкомъ, который не былъ также воиномъ, и который видитъ, какъ люди стремятся собраться вокругъ него и „жить подъ его покровительствомъ" потому, что онъ былъ вліятельнымъ должностнымъ лицомъ [1].

Григорій Турскій разсказываетъ исторію нѣкоего Патрокла. Мы не знаемъ, былъ ли онъ Римляниномъ или Франкомъ; онъ родился въ Буржской области въ царствованіе Хлодовеха; сынъ Этерія и братъ Антонія, онъ носилъ одно изъ тѣхъ греческихъ именъ, которыя были тогда, какъ и прежде, въ ходу въ Галліи. Ребенкомъ, говоритъ Григорій Турскій, онъ посѣщалъ школу; вѣроятно, рѣчь идетъ объ одной изъ деревенскихъ школъ, гдѣ онъ изучилъ „начальныя основанія грамоты" [2]. Въ юности онъ былъ „коммендированъ одному изъ королевскихъ вельможъ, по имени Нунніону [3]."

[1] Есть письма, писанныя Дезидерію въ этотъ періодъ его жизни. См. напримѣръ, письмо Вера, также Римлянина, который былъ уже, быть можетъ, епископомъ Родезскимъ (онъ сдѣлался епископомъ въ 625-мъ году; Дезидерій сталъ епископомъ Кагорскимъ лишь въ 630); онъ пишетъ: «Domino illustri et a nobis peculiarius suscipiendo domno Desiderio optimati... cum nos vestro patrocinio potiamur... Dum patrocinia vestra elegimus, et hactenus nos defensio protectionis vestrae insigniter munivit» (*Bouquet*, IV, 48).

[2] *Greg. Turon.* Vitae Patrum, IX, 1: «Scolas puerorum expetivit, traditisque elementis ac deinceps quae studio puerili necessaria erant».

[3] *Greg. Turon.* Vitae Patrum, IX, 1: «Dehinc Nunnioni qui

Тотъ же историкъ сообщаетъ въ другомъ мѣстѣ о человѣкѣ, какъ можно предположить, Франкскаго рода, который „коммендировалъ“ своего сына одному изъ наиболѣе знатныхъ лицъ двора Хильдеберта II, по имени Гогону [1]. Изъ приведенныхъ двухъ примѣровъ видно, что актъ *commendatio* не совершался непремѣнно лично тѣмъ, кто вступалъ подъ покровительство; если онъ былъ еще ребенкомъ или юношею, актъ могъ быть совершенъ его отцомъ; но ребенокъ тѣмъ самымъ не оказывался связаннымъ на всю жизнь [2]. Другой случай, разсказанный Григоріемъ Турскимъ, выясняетъ, что рабъ немедленно послѣ освобожденія могъ „коммендирать себя покровительству“ герцога [3].

У поэта Фортуната, который не обладаетъ ни яснымъ языкомъ, ни точною мыслью, мы можемъ извлечь мало свѣдѣній. Можно, однако, сослаться на стихотвореніе, въ которомъ у него попадается одинъ изъ спеціальныхъ терминовъ, примѣнявшихся

quondam cum Childebertho Parisiorum rege magnus habebatur, ad exercendum commendatus est».

[1] *Idem*, Historia Francorum, V, 46: «Transobadus filium suum cum Gogone, qui tunc regis erat nutricius, commendaverat».— Трансобадъ былъ священникомъ, и Григорій Турскій намекаетъ, что онъ отдалъ своего сына подъ патронатъ знатнаго, чтобы получить поддержку для достиженія епископата.

[2] Это доказываетъ исторія Патрокла, который оставилъ своего патрона по смерти отца и вернулся въ свою страну.

[3] *Greg. Turon.* IV, 46: «Andarchius... Felicis senatoris servus... despicere dominos coepit, et se patrocinio Lupi ducis commendavit... Lupus insinuavit eum Sygibertho regi... Quem ille per loca diversa dirigens, locum praebuit militanti».—Послѣднее слово примѣняется ко всякаго рода службѣ; Андархій никогда не былъ воиномъ, онъ сдѣлался герцогомъ Овернскимъ.

къ мундебурду. Обращаясь къ герцогу Хродину, авторъ говоритъ: „Есть люди, которые признаютъ тебя ихъ покровителемъ и кормильцемъ“, *tutorem nutritoremque* [1]. Чтобы понять значеніе послѣдняго слова, надо припомнить то, что Григорій Турскій говорилъ о Патроклѣ: „коммендированный“ Нунніону, онъ былъ „питаемъ“ имъ [2]; такъ же у Григорія епископъ, который писалъ Дезидерію и напоминалъ ему время, когда тотъ находился подъ королевскою *trustis*, выражаетъ это такими словами: „Когда вы кормились во дворцѣ“ [3]. Въ завѣщаніи Бертрамна мы видимъ, что однимъ изъ названій патроната было *nutritura;* онъ прощается съ своими „вѣрными“, говоря имъ: „вспоминайте всегда, что я кормилъ васъ“, *memores sitis meae nutriturae* [4]. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одинъ хроникеръ, говоря о человѣкѣ, находящемся подъ покровительствомъ герцога Хродина, называетъ его „питомцемъ“, *nutritum suum* [5]. Такіе обороты сохранятся надолго въ ходячей рѣчи и, шесть вѣковъ спустя, вассалъ будетъ еще называться „питомцемъ“.

Житія святыхъ свидѣтельствуютъ объ обычаяхъ *commendatio*. Сигираннъ по выходѣ изъ

[1] Carmina, IX, 16.

[2] *Greg. Turon.* Vitae Patrum, IX, 1: «A quo cum nitriretur».

[3] Письмо Аббона къ Дезидерію, *Bouquet*, IV, 46: «In palatio regis, ubi innutriti fuistis».

[4] *Testamentum Bertramni*, Pardessus, № 230, т. I, стр. 212: «Rogo atque iubeo ut quanticunque amici mei vel fideles servientes fuerint, memores sint nutriturae meae... Adiuro Cabimoaldum episcopum ut semper memor sit nutriturae meae vel patrocinii Sancti Petri».

[5] *Historia epitomata*, c. 59.

школы [1] былъ привязанъ „къ могущественному вельможѣ Флаокату, для прокормленія“ [2], потому что его отецъ хотѣлъ провести его ко двору; Сигираннъ дѣйствительно скоро сдѣлался королевскимъ кравчимъ. Точно также Арнульфъ въ ранней молодости „ввѣренъ“ былъ дворцовому мэру Гундульфу, изъ-подъ патроната котораго онъ скоро перешелъ въ королевскую трусту [3]. Арнульфъ былъ Франкъ; Элигій принадлежалъ, повидимому, къ римской или галльской семьѣ; рожденный и воспитанный въ Лиможѣ, хорошо обученный своему ремеслу, онъ ищетъ удачи въ дворцовой карьерѣ; но чтобы попасть во дворецъ, онъ долженъ пріобрѣсти защиту вельможи; „онъ отдается подъ покровительство казначея Бобона и живетъ подъ его началомъ“ [4].

Можно подмѣтить, что и духовныя лица обнаруживали склонность также вступать подобнымъ образомъ подъ мундебурдъ знатныхъ. Овернскій

[1] *Vita Sigiranni*, въ Acta Sanctorum ordinis Benedicti, II, 432: «In primaeva aetate est in scholis traditus quatenus litterarum primordia, ut solet, perciperet».

[2] *Ibidem*: «Deinde, transacto tempore, Flaocado cuidam potenti viro causa nutriendi adiunctus, Francorum in palatio devenit, ibique ab eodem ad altiora provocatus, pincerna regis in pueritia est deputatus».

[3] См. *Vita Arnulfi*, написанную его современникомъ (с. 2): «Arnulfus, prosapia genitus Francorum, nobilis parentibus... Cum iam bene edoctus ad roboratam pervenisset aetatem, Gundulfo subregulo, rectori Palatii vel consiliario regis exercitandus in bonis artibus traditur» (Acta Sanctorum ordinis Benedicti, II, 149).

[4] *Vita Eligii*, ab Audoeno, I, 4: «Notus factus est cuidam regis thesaurario, Bobboni vocabulo, cuius se patrocinio committens, sub eius ditione degebat» (*Bouquet*, III, 552).

соборъ 535 года счелъ нужнымъ воспретить это, такъ какъ патронатъ вельможи могъ служить имъ средствомъ ускользать изъ-подъ власти ихъ епископа [1]. Орлеанскій соборъ 538-го года отмѣчаетъ любопытный фактъ, что были духовныя лица, отказывавшіяся исполнять дѣло своего служенія и ссылавшіяся въ извиненіе на то, что имъ мѣшали обязанности передъ патронами [2]. Парижскій соборъ 615 года долженъ былъ повторить запрещеніе духовенству обращаться къ королю или вельможамъ и добиваться ихъ патроната [3]. Такое же запрещеніе постановлено Шалонскимъ соборомъ 642-го года для аббатовъ и монаховъ и распространено на повѣренныхъ и управителей монастырскихъ имѣній [4]. Соборы боролись такимъ образомъ съ очень сильнымъ соціальнымъ теченіемъ. Но въ концѣ концовъ они уступили ему, и такъ называемый бордосскій соборъ 662-го года разрѣшилъ духовенству „вступать подъ мундебурдъ свѣтскихъ лицъ, какъ

[1] *Concilium Arvernense*, 535, c. 4 (Sirmond, I, 242): «Ne a potentibus saeculi clerici contra episcopos suos ullo modo erigantur».

[2] *Concilium Aurelianense*, 538, c. 11 (Sirmond, I, 251): «Si qui clerici ministeria suscepta agere detrectent, et excusationem de patrociniis quorumcunque praetendunt ne officium impleant, ac sacerdotes suos sub huiusmodi causa aestimant per inobedientiam contemnendos... inter clericos non habeantur neque ex rebus ecclesiasticis stipendia ulla percipiant».

[3] *Concilium Parisiense*, 615, c. 3 (Sirmond, I, 471): «Si quis clericus, contempto episcopo, ad principem vel ad potentiores homines ambulaverit vel sibi patronos elegerit... non recipiatur».

[4] *Concilium Cabilonense*, 642 г., c. 15 (Sirmond, I, 492): «Ut abbates et monachi aut agentes monasteriorum patrocinio saeculari non utantur».

было въ обычаяхъ“, но подъ условіемъ разрѣшенія епископа [1].

Итакъ, передъ нами открывается рядомъ съ *commendatio* бѣдняка, объявлявшаго, „что ему не на что кормиться и одѣваться“, другой родъ *commendatio* человѣка, отдававшаго себя въ руки вельможи изъ честолюбія или ради успѣховъ карьеры. Этотъ патронатъ или мундебурдъ практиковался въ VI-мъ вѣкѣ безъ различія расъ или классовъ. „Коммендироваться“ могли всѣ люди, бѣдные какъ и богатые, Франки какъ и Римляне, духовные какъ и міряне. Всѣ, также безъ различія расъ и сословія, могли оказывать покровительство, лишь бы они были достаточно „сильны“, то-есть, достаточно „высоко стояли при королѣ“, чтобы покровительство ихъ было полезно.

Этотъ видъ commendatio и мундебурда не имѣлъ тогда еще никакого военнаго характера. Мы привели всѣ примѣры его, какіе находятся въ документахъ; среди нихъ не обнаруживается ни одного воина. Люди, которыхъ мы видѣли „коммендирующимися“ вельможамъ, добивались административныхъ или финансовыхъ должностей, придворныхъ мѣстъ, духовныхъ сановъ. Никто изъ нихъ, повидимому, не носилъ спеціально оружія.

Не станемъ отсюда дѣлать вывода, что среди

[1] *Concilium Burdigalense*, 662 г. въ Diplomata, Pardessus, т. II, стр. 130: «Presbyteri, diaconi, vel quicumque e clero, saeculari mundeburde, ut familiare est, nisi cum convenientia episcopi (non utantur)».—Любопытно, что Бордосскій соборъ называетъ «mundeburdis» то, что соборы Орлеанскій, Парижскій, Шалонскій именовали «patrocinium».

людей, которые „коммендировали себя“,—вообще было мало воиновъ, но скажемъ опредѣленно, что военная служба не была главнымъ и необходимымъ условіемъ акта коммендаціи.

3.

Характеръ „commendatio“: въ ней не было ничего военнаго.

Надобно продолжить дальше наши изслѣдованія. Можетъ быть, мы и отыщемъ мундебурдъ или трусту съ болѣе обозначившимся военнымъ характеромъ. Надо посмотрѣть, не существовало ли воинскихъ группъ, составленныхъ путемъ коммендаціи извѣстнаго числа человѣкъ избранному ими вождю. Для этого мы переглядимъ опять всѣ документы, особенно тѣ, которые носятъ болѣе германскій отпечатокъ. Начнемъ съ варварскихъ сводовъ.

Въ Салической Правдѣ нѣтъ ни одного мѣста, которое относилось бы къ подобному „вассалитету“. Пересмотрѣвъ всѣ ея статьи, мы нигдѣ не встрѣтимъ человѣка, который бы находился подъ мундебурдомъ другого человѣка, кромѣ только короля. Въ ней нѣтъ слова *mundeburdis*; терминъ *trustis* встрѣчается, но только въ примѣненіи къ королю. Тамъ нѣтъ ни вѣрныхъ, ни вассаловъ. Не отыскивается ни одного намека на практику мундебурда частнаго лица. Нѣтъ также ни малѣйшаго указанія на связанныя съ вождемъ военныя группы.

Такъ же обстоитъ дѣло съ Бургундской Правдой, составленной недолго спустя послѣ водворенія племени на римской почвѣ. Въ памятникѣ нѣтъ ни одного слова о мундебурдѣ, коммендаціи, трустѣ, военной дружинѣ. Ни этихъ словъ, ни выражаемыхъ ими понятій не находится въ данномъ сводѣ [1].

Въ Правдѣ рипуарскихъ Франковъ мы находимъ слово, которое служитъ, повидимому, намекомъ на искомые обычаи. Въ ней говорится о свободномъ человѣкѣ, *ingenuus*, находящемся въ зависимости отъ другого, *in obsequio alterius* [2]. Не рѣшусь утверждать навѣрно, что дѣло идетъ здѣсь о мундебурдѣ, но я склоненъ думать именно такъ [3].

[1] Въ немъ однако попадается одно слово, на которомъ было построено много теорій; это слово *faramanni* (глава 54, § 2 и 3, *Pertz*, т. III, стр. 538. Ср. *fara*, въ главѣ 107, § 11, стр. 577). Ученые не преминули усмотрѣть здѣсь подчиненныя индивидуальному вождю группы воиновъ. Но въ текстѣ не сказано ничего подобнаго. Вотъ какъ онъ читается: «De exartis novam nunc et superfluam faramannorum competitionem et calumniam a possessorum gravamine praecipimus submoveri, ut... de exartis habeant cum Burgundionibus rationem. Simili conditione de curte et pomariis circa faramannos servata». – Очевидно, дѣло идетъ о спорахъ изъ-за распашекъ и фруктовыхъ садовъ. Означаетъ ли слово *faramanni* воиновъ? Возможно, хотя утверждать этого нельзя, такъ какъ мы не знаемъ другого примѣра его употребленія. Во всякомъ случаѣ понятіе воинской группы вовсе не выражено здѣсь, и нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы эти люди были *comites*, то-есть, являясь «вассалами» особаго начальника или сеньора.

[2] *Lex Ripuaria*, XXXI (XXXIII): «Si homo ingenuus in obsequio alterius inculpatus fuerit, ipse qui eum post se eodem tempore retinuit, in praesentia iudicis repraesentet».

[3] Тѣмъ болѣе, что одинъ отдѣлъ озаглавленъ: «De eo qui in obsequio se commendat» (изд. Sohm, стр. 210 и 41). Но это заглавіе является прибавкою какого-нибудь переписчика, и оно находится лишь въ одной изъ тридцати четырехъ рукописей.

Во всякомъ случаѣ, Правда Рипуаріевъ употребляетъ совершенно латинское выраженіе. И въ ней нѣтъ слова мундебурдъ, и законъ не знаетъ иной трусты кромѣ королевской [1].

Своды Аламанновъ и Баваровъ были редактированы въ VII-мъ вѣкѣ, по приказанію франкскихъ королей. Въ сводѣ Аламанновъ мы не находимъ ни одного слова, которое бы относилось къ мундебурду, патронату, коммендаціи [2]. Въ Баварской Правдѣ нѣтъ рѣчи ни о мундербурдѣ, ни о трустѣ [3], но одинъ разъ встрѣчается римскій терминъ *commendatio*, и есть случайное упоминаніе о человѣкѣ, который „коммендировался“, то-есть, отдался другому человѣку [4]. Но больше объ этой практикѣ не сказано ничего.

Въ Правдѣ Тюринговъ и Фризовъ мы не находимъ данныхъ, которыя бы относились къ ней; нѣтъ даже никакого намека на нее. Тамъ не встрѣчаются ни германскіе термины *mundeburd*, *trustis*, *vassus*, ни латинскіе *commendatio*, *patrocinium*. Правда

[1] *Lex Ripuaria*, XI, 1.

[2] Слова *mundeburdis* нѣтъ въ Аламанской Правдѣ; слово *mundium* употребляется тамъ лишь для обозначенія власти мужа надъ женой, глава LI (LIII, стр. 110 и 111 изданія Lehmann). Слово *commendare* тамъ есть, но только въ значеніи «отдать предметъ на храненіе», см. главу VI и LXXXI (или LXXXIV). Слова *trust* тамъ нѣтъ.

[3] Слово *mundeburdis* встрѣчается лишь въ одномъ additamentum, принадлежащемъ Карлу Великому (Pertz, т. III, стр. 478).

[4] *Lex Baiuwariorum*, III, 13, 1, Walter; или IV, 28, Pertz, стр. 294: «Si quis liberum hominem... cui commendatus fuit dum vixit».

Саксовъ содержитъ выраженіе, которое можетъ быть признано намекомъ на патронатъ; въ ней говорится о „свободномъ человѣкѣ, который находился на попеченіи знатнаго“ [1], но не встрѣчается ни „мундебурдъ“, ни „труста“, ни „вассалитетъ“. Лонгобардская Правда, составленная въ VII-мъ вѣкѣ, упоминаетъ о лицѣ, который „сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, состоя на службѣ короля, либо находясь въ подчиненіи у графа или у простого частнаго человѣка“ [2]. Быть можетъ, здѣсь нужно видѣть указаніе на практику мундебурда; но нельзя рѣшиться утверждать это.

Лучше всего описанъ патронатный строй въ Вестготской Правдѣ. Онъ не называется здѣсь ни *trustis*, ни мундебурдомъ, а *patrocinium* [3]. Высшій обозначается терминомъ *patronus* [4]; низшій названъ не словомъ *vassus*, которое здѣсь никогда не встрѣчается, но понятіе это выражается описательно: тотъ, кто находится подъ покровительствомъ [5]. О такомъ человѣкѣ говорится, что онъ попалъ

[1] *Lex Saxonum*, XVII: «Liber homo qui sub tutela nobilis erat».

[2] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 167: «Si fratres... unus ex ipsis in obsequium regis aut iudicis aliquas res adquisiverit».—*Ibidem*, 225: «Si aliquid in gasindio ducis aut privatorum hominum obsequio donum munus conquisivit».—Въ другомъ мѣстѣ (§ 195) встрѣчается терминъ «se commendare», но въ примѣненіи къ женщинѣ, которая можетъ выйти изъ-подъ «mundium» своего мужа, чтобы поступить подъ «mundium» короля.

[3] *Lex Wisigothorum*, VI, 4, 2: «Ingenui in obsequio, in patrocinio constituti».—V, 3, 4: «Si quis cum aliquo patrocinii causa consistat».

[4] *Ibidem*, V, 3: «De donationibus patronorum».

[5] *Ibidem*, V, 3, 1: «Si quis ei quem in patrocinio habuerit, arma vel aliquid donaverit».

подъ покровительство путемъ *commendatio*: „se patrono commendavit“ [1].

Таковы единственныя свѣдѣнія, какія намъ даютъ варварскіе своды о патронатѣ, который практиковался всякаго рода частными людьми, помимо короля. Формулы прибавляютъ нѣсколько свѣта. Но надо замѣтить, что явленіе „вассалитета“ занимаетъ въ нихъ очень мало мѣста. Изъ ста пятидесяти, приблизительно, формулъ можно назвать только четыре, въ которыхъ говорится о немъ [2].

Король объявляетъ грамотою, что такъ какъ на такого-то епископа или такого-то вельможу возложено королемъ порученіе съ отправкою въ провинцію или въ чужіе края, то разбирательство всѣхъ дѣлъ, которыя могутъ возникнуть противъ него, будетъ отложено до времени его возвращенія [3]. Онъ прибавляетъ: „А также всѣ дѣла его *amici* или *gasindi*, сопровождаютъ ли они его въ его посольствѣ или остаются дома“ [4]. Здѣсь обнаруживается па-

[1] *Ibidem*, V, 3, 2: «Si.. sibi patronum elegerit, habeat licentiam cui voluerit se commendare».—V, 3, 4: «Si quis patrono se commendaverit».—Всѣ эти законы называются *antiquae*, то-есть, предшествующими составленію свода Хиндасвинта, изданными, слѣдовательно, до половины VII-го вѣка.

[2] *Turonenses*, 43; *Marculf*. I, 23; I, 32; II, 36. Мы не говоримъ еще о королевскомъ мундебурдѣ, это другой вопросъ (гл. 13). Мы уже видѣли формулу (I, 24), относящуюся къ мундебурду церкви.

[3] *Marculf*. I, 23 (*Rozière*, 455): «Carta de causas suspensas. Dum apostolico viro illo aut inlustri viro pro nostris utilitatibus ibi ambulare precipimus, ideo iubemus ut, dum illis partibus fuerit demoratus, omnes causas suas... in suspenso debeant resedere».

[4] *Idem*: «Omnes causas suas suisque amicis aut gasindis... iobemus ut, interim quod de illis partibus revertetur, omnes causas eius

тронатъ. Терминъ *amici* обозначалъ на латинскомъ языкѣ временъ республики и имперіи людей, подчинявшихся въ качествѣ кліентовъ или подданныхъ другому человѣку. То же значеніе слово сохранило при Меровингахъ. Завѣщаніе Бертрамна показываетъ намъ, что слова „друзья" и „слуги" были равнозначущими выраженіями [1]. Мы можемъ прочитать у Григорія Турскаго, что одинъ и тотъ же человѣкъ называется „другомъ" Сиривальда и его „подданнымъ" [2]. Что касается термина *gasindi*, который также встрѣчается въ нашей формулѣ, то это германскій терминъ, соотвѣтствующій латинскому *amici* [3].

Подчиненные знатнаго обозначались еще другими названіями. Одна формула изъ сборника Маркульфа называетъ ихъ *pares*. Этотъ терминъ, обозначавшій въ классическомъ языкѣ понятіе „равный" или „одинаковый", примѣнялся ко всѣмъ свободнымъ людямъ, связаннымъ договоромъ или

aut amicorum suorum, tam illorum qui cum ipso pergent quam qui ad proprias eorum resederint, in suspenso resedeant».

[1] *Testamentum Bertramni*, Pardessus, стр. 212: «Illud rogo et iubeo ut quanticunque *amici* mei vel fideles *servientes* fuerint, semper memores sint nutriturae meae vel benefacti mei». Оба термина, «nutritura» и «benefactum», характерны для патроната.

[2] *Greg. Turon.* Historia Francorum, III, 35: «Sirivaldum taliter nterfecit... Egresso domo *uno amicorum*, putantes ipsum Sirivaldum esse, interfecerunt eum; sed indicat eis unus ex familia non eos dominum interfecisse, sed *subditum*».—Тождественность словъ «amicus» и «subditus» здѣсь очевидна.

[3] Терминъ *gasindus* встрѣчается и у Маркульфа, I, 24 и II, 36. Значеніе слова ясно указано Лонгобардской Правдой, которая говоритъ о «gasindium ducis» въ одномъ мѣстѣ, гдѣ явно идетъ рѣчь о службѣ свободнаго человѣка (Rotharis, 225).

какою-либо другою добровольною связью [1]. Онъ понимался приблизительно въ смыслѣ „товарища". Одна формула даетъ такое объясненіе слова *pares*: это — „люди, которые слѣдуютъ за кѣмъ-либо" [2]. Такъ, начиная съ VII-го вѣка, мы видимъ, оно примѣняется къ людямъ. образующимъ свиту или кортежъ вельможи [3].

Мы находимъ также терминъ *fideles*. Въ одной формулѣ господинъ или патронъ, обращаясь къ газинду, называетъ его „своимъ вѣрнымъ" и вознаграждаетъ его за „вѣрность и службу" [4]. Точно такъ же Бертрамнъ называетъ въ своемъ завѣщаніи нѣсколькихъ людей „своими вѣрными" [5]. — Вест-

[1] Такъ, двое супруговъ названы *pares* одинъ по отношенію къ другому; см. *Marculf.* II, 39 (*Rozière*, 328). Ср. *Diplomata*, Pardessus, т. II, стр. 210.—Обѣ договаривающіяся стороны тѣмъ болѣе *pares* между собой; даже если одинъ въ соціальномъ отношеніи стоитъ гораздо ниже другого, они равны, какъ заключающіе договоръ; *Andegavenses*, 55 и 57 (Rozière, 125 и 114); *Turonenses*, 43; *Senonicae*, 5; *Merkelianae*, 34; *Bignonianae*, 13 и 19.— Считать, что слово *pares* феодальнаго происхожденія—большая ошибка.

[2] *Marculf.* I, 32; *Rozière*, 42: «Cum pares suos qui eum secuti fuerunt».—Въ *Lex Alamannorum*, XLV (XLIV) *pares* имѣетъ значеніе товарищей.

[3] *Marculf.* I, 32: «Dum ille cum pares suos... illum interfecit vel de regno nostro se transtulit... Dum predicti viri illi vel reliqui pares aut gasindi eorum... Tam ipse quam pares, gasindi vel amici».— Ср. «pares ipsius monasterii» въ *Diplomata*, № 385, дипломъ 677 года, стр. 177, гдѣ «pares» повторяется дважды.

[4] *Marculf.* II, 36 (*Rozière*, 161): «*Si aliquis... gasindo suo aliquid concedere voluerit.* Ego ille fideli nostro illi. Pro respectu fidei et servitii tui».

[5] *Testamentum Bertramni*: «Meis fidelibus... Fidelis meus Cherulfus... Fidelis meus Bertolenus... Fideles mei servientes».—*Testa-*

готская Правда называетъ „невѣрнымъ“ того, кто не исполняетъ обязанностей по отношенію къ патрону [1]. Мы видѣли раньше, что моральная связь между двумя людьми всегда называлась *fides*.

Терминъ *vassus* существовалъ въ языкѣ того времени; но онъ не имѣлъ значенія вассала. Въ Салической Правдѣ *vassus* — рабъ; онъ перечисляется среди другихъ рабовъ; онъ—тотъ изъ рабовъ, который лично служитъ господину; но изъ за этого вира его не становится выше, чѣмъ вира раба, стерегущаго свиней или подрѣзающаго виноградникъ [2]. Въ Аламанской Правдѣ *vassus* употребляется съ тѣмъ же значеніемъ [3], и мы бы

mentum Hadoindi (Pardessus, № 300): «Villam quam fidelis noster Chaddo per nostrum beneficium habet».

[1] *Lex Wisigothorum*, V, 3, 3.—Точно также Аббонъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи объ одномъ «*infidelis* qui nobis mentitus fuit». И этотъ «невѣрный» былъ клирикъ: «Et illam portionem quam de Mauringo clerico pro sua infidelitate quod nobis mentivit et per verbo dominico conquisivimus, dum et ipse nobis mentitus fuit» (*Diplomata*, № 559, т. II, стр. 377). Въ одной анжуйской формулѣ, 56 (55) встрѣчается выраженіе «nutritus noster»; *Rozière*, 164.

[2] *Lex Salica*, XXXV: «Si quis vassum ad ministerium aut fabrum ferrarium vel aurificum aut porcarium vel vinitorem aut stratorem furaverit aut occiderit... solidos triginta culpabilis iudicetur».— Замѣтимъ, что изъ 66 рукописей есть только 3, въ которыхъ можно прочитать слово *vassus*; правда, это лучшія рукописи: Парижскія 4404 и 9653 и Вольфенбюттельская. Мюнхенская рукопись замѣняетъ слово «vassum» выраженіемъ «puerum ad ministerium», а извѣстно, что въ Салической Правдѣ *puer* всегда означаетъ раба.

[3] *Lex Alamannorum*, LXXIX, 3 или LXXXI, 3; *Pertz*, стр. 73 (LXXIV, 1, *Lehmann*, стр. 138): «Si alicuius siniscalcus, qui ser-

могли привести рядъ дипломовъ, доходящихъ до VIII-го и IX-го вѣковъ, гдѣ *vassi* не что иное, какъ рабы, приставленные къ домашней службѣ [1]. Итакъ, понятіе свободной, добровольной, почетной службы не соединялось сначала съ этимъ германскимъ словомъ. Такое понятіе соединилось съ нимъ довольно поздно; оно начинаетъ появляться въ законахъ Аламанновъ и Баваровъ [2]. Повидимому, это слово обозначало прежде слугу раба, и потребовалось время для того, чтобы оно стало примѣняться къ свободному и благородному слугѣ. Добавимъ, что его нѣтъ ни въ Правдахъ Лонгобардовъ [3], ни въ Правдахъ Рипуаровъ, Вестготовъ, Бургундовъ, Тюринговъ или Фризовъ [4].

vus est, et dominus eius duodecim vassos infra domum habet, occisus fuerit, quadraginta solidis componatur».—Эти двѣнадцать *vassi* составляли домашнюю челядь, повинующуюся сенешалу, такому же рабу, какъ и они. Ср. статью 4: «Mariscalcus qui super duodecim caballos est».

[1] См. напримѣръ, въ *Traditiones Wissenburgenses*, № 159: «Dono vassallos meos et puellas meas quos ego intus sala mea habeo».— *Traditiones Sangallenses*, № 15.—*Neugart*, Codex diplomaticus Alamannorum, № 21.

[2] *Lex Alamannorum*, XXXVI (3, Lehmann): «Vassus ducis aut comitis». Это выраженіе находится въ трехъ текстахъ закона, *Hlotarii*, стр. 56; *Lantfridiana*, стр. 99; *Karolina*, стр. 142.—*Lex Baiuwariorum*, II, 15, 1: «Sive regis vassi, sive ducis».—Изъ текста ясно видно, что рѣчь идетъ о свободныхъ людяхъ.

[3] Слово *vassus* проникаетъ въ законы Лонгобардовъ начиная лишь съ Карла Великаго. См. *Liber Papiensis*, Karoli, § 18.

[4] Слово *vassus* читается въ формулѣ Маркульфа, II, 17 (*Rozière*, 129), но только въ одной изъ трехъ рукописей; трудно рѣшить, обозначаетъ ли оно вѣрныхъ, или слугъ. Оно есть также въ завѣщаніи Эбергарда, Pardessus, № 545, стр. 357; «Quod ad vassos nostros beneficiavimus»; но трудно опредѣлить значеніе,

Надо также замѣтить, что слово *leudes* никогда не встрѣчается въ примѣненіи къ инымъ „вѣрнымъ“ кромѣ королевскихъ. Наконецъ, разъ мы не находимъ также слова *trustis*, или слова *mundeburd*, примѣненными къ вѣрнымъ частнаго человѣка [1], то и принуждены спросить себя, существовало ли у Германцевъ спеціальное и опредѣленное слово, чтобы обозначать подчиненіе свободнаго человѣка другому человѣку.

Какъ бы то ни было, тексты меровингскаго времени достаточно ясно показали намъ, что подъ именами *amici*, *gasindi*, *pares* и *fideles* обнаруживаются привязавшіеся къ какому-нибудь человѣку другіе свободные люди. Желательно было бы знать, каковъ былъ характеръ скрѣплявшей ихъ связи.

Устанавливался ли патронатный союзъ путемъ писаннаго акта? Сборникъ турскихъ формулъ оставилъ намъ любопытный примѣръ грамоты *commendatio*; но мы сказали выше, что изъ этого единственнаго примѣра не слѣдуетъ строить общаго вывода.

Заключалась ли она путемъ клятвы? Легко можно предположить, что да, если вспомнить существованіе клятвы при вступленіи въ королевскую *trustis* [2]. Но это будетъ лишь распространительное толкованіе; документы же меровингской эпохи не упоминаютъ о клятвѣ на вѣрность частному патрону.

которое составитель придаетъ термину «vassus», ибо онъ говоритъ выше, что далъ *beneficium* рабу. При томъ актъ относится не ранѣе, какъ къ 728 году.

[1] *Mundoburdum* употребляется лишь въ Турской формулѣ, № 43; *trustis* никогда не употребляется.

[2] Салическая Правда, XLII, 2: «In truste dominica iuratus», въ двухъ только рукописяхъ: въ парижской 4403 B и 18237. Ср. Анделотскій договоръ, *Boretius*, стр. 14: «Sacramenta praebuerunt»; *Marculf*. I, 18: «Trustem coniurasse».

Связывалъ ли патронатный союзъ человѣка на всю его жизнь? Разсмотрѣнная нами турская формула какъ-будто наводитъ на такой выводъ; но есть большія основанія полагать, что дѣло идетъ здѣсь объ исключительномъ случаѣ. Вестготская Правда формально объявляетъ, что человѣкъ можетъ мѣнять „патрона“ и „коммендировать себя кому хочетъ“ [1]. Фактически патронатъ могъ оказаться наслѣдственнымъ, ибо сыновья патронируемаго легко могли остаться связанными съ сыновьями патрона [2]; но такая наслѣдственность никогда не является обязательною. Патронатъ по праву прекращается со смертью той или другой изъ сторонъ, и чтобы связь сохранилась, было необходимо возобновленіе договора.

Напрасно стали бы мы искать въ текстахъ какого-нибудь точнаго свѣдѣнія объ обязательствахъ, которыя лежали взаимно на патронѣ и кліентѣ другъ передъ другомъ. Въ нихъ говорится

[1] *Lex Wisigothorum*, V, 3, 1: «Si vero alium patronum elegerit, habeat licentiam cui se voluerit commendare, quoniam ingenuo homini non potest prohiberi quia in sua potestate consistit».—V, 3, 4: «Quicunque patronum suum reliquerit et ad alium tendens se contulerit, ille cui se commendaverit de ei terram...»

[2] *Ibidem*, V, 3, 1: «Si tam ipse qui in patrocinio fuit quam filii eius filiis patroni obsequi voluerint... Si vero patroni filios vel nepotes crediderint relinquendos».

„о повиновенiи", „вѣрности", „службѣ" [1], но нигдѣ не указана природа такой вѣрности, такого повиновенiя и службы.

Если обратиться къ Вестготской Правдѣ и думать, что по ней можно судить обо всемъ разсматриваемомъ институтѣ въ цѣломъ, мы принуждены были бы считать связь патроната очень тѣсной. О покровительствуемомъ говорится, „что онъ живетъ съ патрономъ" [2]. Еще лучше показываетъ его зависимость то обстоятельство, что патронъ одинъ только отвѣтственъ передъ судомъ за преступленiя, которыя могъ совершить по его приказу его подчиненный. Повидимому, послѣднiй не сохранилъ для своей воли достаточной свободы такъ, чтобы противиться господину, даже если онъ приказывалъ совершить преступленiе [3].

Въ Баварской Правдѣ „коммендированный" настолько тѣсно связанъ съ домомъ своего господина, что, если его убиваютъ, цѣна убiйства уплачивается господину. Патронъ какъ бы представляетъ родственниковъ и семью [4]. То же самое имѣло

[1] *Turonenses*, 43: «Vobis servire et promereri,., servicium vel obsequium inpendere».—*Marculf*. II, 36: «Pro respectu fidei et servitii tui quia circa nos inpendere non desistis».—*Lex Wisigothorum*, V, 3: «Obsequi... in potestate patroni manere... Si ei inveniatur infidelis».

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 3, 3: «Si quis cum aliquo patrocinii causa consistat, et aliquid, dum cum eo habitat, adquisierit...»

[3] *Ibidem*, VI, 4, 2: «Si in patrocinio vel obsequio praesumptoris retenti, ab illo hoc facere iussi fuerunt, vel cum eo hoc, eos, fecisse constiterit, solus patronus ad omnem satisfactionem et poenae et damni teneatur obnoxius; nam illi non erunt culpabiles qui iussa patroni videntur esse complentes».

[4] *Lex Baiuwariorum*, III, 13, 1 (IV, 28): «Si quis liberum hominem occiderit, solvat parentibus suis, si habet; si autem non habet, solvat duci, vel cui commendatus fuit dum vixit».

силу, кажется, и у Франковъ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ случаѣ судебнаго дѣла, начатаго противъ подвластнаго, приводъ его къ суду лежитъ на обязанности покровителя [1], или же онъ отвѣчаетъ за убытки. Патронъ долженъ защищать подначальнаго ему человѣка во всѣхъ его тяжбахъ. Потому-то, если патрона нѣтъ въ странѣ, надо ждать его возвращенiя, чтобы разбирать дѣла его „друзей и подвластныхъ" [2].

Какимъ образомъ вознаграждалась служба свободнаго человѣка? Вѣроятно, на этотъ счетъ не существовало никакого общаго правила. Одна турская формула гласитъ, что патронъ долженъ доставлять покровительствуемому „пищу и одежду" [3]. Лонгобардская Правда показываетъ, что человѣкъ, находящiйся въ услуженiи у другого, можетъ получать „дары и подарки" [4]. Вестготская Правда также говоритъ о дарахъ „оружiя и другихъ предметовъ" [5]. Одна формула Маркульфа открываетъ человѣка, который даритъ землю своему „вѣрному", своему *gasindus*, въ благодарность за

[1] *Lex Ripuaria*, XXXI: «Si ingenuus in obsequium alterius inculpatus fuerit, ipse qui eum post se eodem tempore retinuit, in praesentia iudicis repraesentare studeat, aut in rem respondere».

[2] *Marculf*. I, 23.

[3] *Turonenses*, 43: «Tam de victu quam et de vestimento».

[4] *Lex Longobardorum*, *Rotharis*, 225: «Si aliquid... in privatorum hominum obsequio, donum munus conquisivit».—То же самое 167: «Si unus ex ipsis... aliquas res adquisierit».

[5] *Lex Wisigothorum*, V, 3, 1: «Si quis ei quem in patrocinio habuerit, arma vel aliquid donaverit».

„его вѣрность и постоянную службу"; это—вѣчное дареніе. Земля, вознаграждавшая за прошлыя услуги, дарилась въ полную и наслѣдственную собственность [1].

Наряду съ указаннымъ можно замѣтить возникновеніе другихъ правилъ. Повидимому, согласно законамъ Вестготовъ люди VII-го вѣка много занимались вопросомъ о правахъ собственности „вассала". Съ одной стороны, законодатель формально говоритъ, что дары, полученные отъ патроновъ, составляютъ личную собственность пожалованнаго; слуга можетъ продавать ихъ или дарить по своему усмотрѣнію, согласно положеніямъ общаго права [2]. Состоятъ ли эти подарки изъ оружія или изъ другихъ предметовъ всякаго рода, патронъ не можетъ взять ихъ назадъ [3]. Съ другой

[1] *Marculf.* II, 36 (*Rozière*, 16): «*Si aliquis servo aut gasindo suo aliquid concedere voluerit*».—Надо замѣтить, что *servus* не можетъ означать здѣсь раба; рабу никогда не дарится земля въ полную и вѣчную собственность; *servus* здѣсь значитъ—слуга.—«Ego ille fideli nostro illo. Pro respectu fidei et servitii quia circa nos inpendere non desistis, cedimus tibi a die presente locello nuncupante illo, infra villa nostra illa, cum terris, domibus, mancipiis, vineis, pratella... ita ut iure proprietario (уступка можетъ быть также подчинена условію платежа оброка, по волѣ дарствователя) in tua revoces potestate... ut nulla redditus terrae solvere nec tu nec tua posteritas nobis vel heredibus nostris debeatis... vel quicquid exinde facire decreveris liberam habeas potestatem».—Это не единичная формула; то же самое см. *Rozière*, 163 и 164; *Arvernenses*, 6; *Andegavenses*, 56.

[2] *Lex Wisigothorum*, IV, 5, 5: «Filius qui aliquid... patronorum beneficiis promeruerit, et exinde aliquid cuicunque vendere vel donare voluerit, iuxta eam conditionem quae in aliis legibus continetur, in ipsius potestate consistat».

[3] *Ibidem*, V, 3, 1: «Si quis ei quem in patrocinio habuerit, arma dederit vel aliquid donaverit, apud ipsum quae sunt donata permaneant».

стороны, если слуга добровольно покидаетъ патрона, чтобы „коммендироваться другому", онъ долженъ „отдать тому, кого оставляетъ, все, что получилъ отъ него" [1]. Если состоящій подъ патронатомъ умираетъ, то сыновья его сохраняютъ то, что онъ пріобрѣлъ, оставаясь въ повиновеніи у того же патрона и сыновей его [2]. Если они оставляютъ родъ патрона произвольно, они должны отдать все, что отецъ ихъ получилъ отъ этого рода [3].

Законъ отличаетъ отъ имущества пожалованнаго имущество пріобрѣтенное. Онъ считаетъ, что послѣднее составляетъ настоящую собственность, на которую сыновья имѣютъ права послѣ отца. Но онъ постановляетъ въ то же время, что такъ какъ это имущество пріобрѣталось подъ покровомъ патроната, на землѣ патрона или благодаря его поддержкѣ, то родъ патрона также имѣетъ права на него. Законъ примиряетъ два принципа, предписывая раздѣлъ такого имущества пополамъ [4]. Точно такъ же, если патронируемый

[1] *Lex. Wisigothorum*, V, 3, 1: «Reddat omnia patrono quem deseruit».

[2] *Ibidem*: «Similis forma servetur circa filios patroni vel filios eius qui in patrocinio fuit, ut, si tam ipse qui in patrocinio fuit quam filii eius filiis patroni obsequi voluerint, donata possideant».

[3] *Ibidem*: «Si vero patroni filios vel nepotes, ipsis nolentibus, crediderint relinquendos, reddant universa quae parentibus eorum a patrono donata sunt».

[4] *Ibidem*: «Quicumque in patrocinio constitutus sub patrono aliquid adquisierit, medietas ex omnibus in patroni vel filiorum ipsius

становится „невѣрнымъ, то-есть, если онъ оставляетъ своего патрона, то можетъ сохранить лишь половину своихъ пріобрѣтеній [1].

Относительно земельныхъ пожалованій былъ установленъ спеціальный порядокъ. Если слуга оставляетъ своего патрона, то возвращаетъ ему полученную отъ него землю; дать ему другую землю лежитъ на обязанности новаго патрона [2]. Наконецъ, если находящійся подъ покровительствомъ человѣкъ оставляетъ послѣ себя только дочь, она должна оставаться подъ опекою и властью патрона. На обязанности послѣдняго лежитъ выбрать ей мужа изъ ея класса. Принявъ мужа изъ рукъ патрона, она сохранитъ сдѣланныя ея отцу пожалованія; но если она выйдетъ замужъ противъ воли патрона, то должна вернуть все, что получилъ ея отецъ [3].

Таковы всѣ свѣдѣнія, доставляемыя объ изучаемомъ видѣ патроната различными категоріями па-

potestate consistat. Aliam vero medietatem idem buccellarius qui adquisivit obtineat».

[1] *Lex Wisigothorum*, V, 3, 3: «Si inveniatur infidelis vel eum derelinquere voluerit, medietas adquisitae rei patrono tradatur. Aliam vero medietatem qui adquisivit obtineat».

[2] *Ibidem*, V, 3, 4: «Quicumque patronum suum reliquerit et ad alium se contulerit, ille cui se commendaverit det ei terram. Nam patronus quem reliquerit et terram et quae ei dedit obtineat».

[3] *Ibidem*, V, 3, 1: «Si buccellarius filiam tantummodo reliquerit, et filium non reliquerit, ipsam in potestate patroni manere iubemus, sictamen ut ipse patronus aequalem ei provideat qui eam sibi possit in matrimonio sociare et quidquid patri vel matri fuerit datum ad eam pertineat. Si ipsa sibi contra voluntatem patroni inferiorem maritum elegerit, quidquid patri eius a patrono fuerat donatum, patrono vel heredibus eius restituat».

мятниковъ. Мы узнаемъ названія, которыми его обозначали, и обнаруживаемъ часть правилъ, которымъ онъ былъ подчиненъ. Особенно слѣдуетъ подчеркнуть здѣсь два пункта.

Во-первыхъ, мы ясно убѣждаемся, что „коммендированнаго“ соединяла съ патрономъ, собственно говоря, не чисто моральная связь. Скорѣе то былъ союзъ, основанный на интересѣ. Низшій „коммендировался“ или для того, чтобы его „кормили“, или для того, чтобы получать „дары“. Впрочемъ, союзъ этихъ двухъ людей все же былъ чрезвычайно тѣсенъ; низшій „жилъ“ съ патрономъ; онъ принадлежалъ къ его дому, былъ его „питомцемъ“. Больше того, патронъ являлся въ нѣкоторой степени отвѣтственнымъ за преступленія подчиненнаго, былъ во всякомъ случаѣ настолько причастенъ въ его тяжбамъ, что не допускалась возможность судить опекаемаго въ отсутствіи патрона. Низшій всегда могъ свободно уйти, но пока оставался, онъ былъ подчиненнымъ человѣкомъ и владѣлъ имуществомъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ зависѣлъ отъ патрона, онъ находился „подъ его властью“ [1]; въ патронѣ покоилась его сила и источникъ всего, что онъ имѣлъ. Потому то на языкѣ времени говорилось, что „онъ смотрѣлъ на него“ и „надѣялся на него“ [2].

[1] «In potestate patroni», *Lex Wisigothorum*, V, 3, 1 и 2.

[2] *Marculf.* I, 24: «Qui per eum sperare videntur».—*Pardessus*, № 144: «Qui per ipsum monasterium sperare videntur».—*Bouquet*, V, 698: «Hominibus qui per ipsos legibus sperare videntur».—Во всѣхъ примѣрахъ, тотъ, «на кого надѣются», оказывается духовнымъ лицомъ; но мы можемъ думать, что то же выраженіе при-

✓ Второе замѣчаніе, какое надобно сдѣлать, то, что среди условій, ставившихся низшему, мы никогда не видимъ военной службы. Мы были бы склонны думать, что группа людей, образовавшаяся вокругъ вождя, была военной дружиной. Однако памятники не содержатъ никакого указанія на что-нибудь подобное. Поищите въ одиннадцати германскихъ сводахъ: вы нигдѣ не увидите, чтобы законъ признавалъ право дѣлаться вождемъ отряда воиновъ, или держать въ своей свитѣ вооруженную группу за кѣмъ-либо другимъ, кромѣ короля или королевскаго должностного лица. Современные писатели никогда не говорятъ о такомъ обычаѣ. Григорій Турскій въ своихъ пространныхъ и подробныхъ разсказахъ не упоминаетъ ни объ одномъ человѣкѣ, который былъ бы начальникомъ дружины, не будучи королевскимъ должностнымъ лицомъ. Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы ни у Фортуната, ни у агіографовъ. Самое большое, если такіе факты замѣчаются у Фредегара и въ моментъ упадка королевской власти Меровинговъ; но говорить о нихъ намъ придется лишь позднѣе. Въ V-мъ, въ VI-мъ и до половины VII-го вѣка нигдѣ не видно такихъ военныхъ отрядовъ [1]. Всякій разъ, какъ франкскій король созы-

мѣнялось къ патронату свѣтскихъ лицъ; примѣръ: *Senonicae*, 28; *Rozière*, 11.

[1] Терминъ *haricarda* въ Рипуарской Правдѣ, LXIV, и терминъ *contubernium* въ Салической Правдѣ, XLIV и XLV, означаютъ вооруженный отрядъ, составлявшійся для разбоя или набѣга: это та же *hostilis manus* Баварской Правды, IV, 23; (Pertz, 293) и *manus armata* Лонгобардской Правды (Rotharis, 19). Это не имѣетъ никакого отношенія къ военной дружинѣ.

ваетъ войско, онъ обращается не къ вождямъ дружинъ, а къ начальствующимъ отъ его имени должностнымъ лицамъ. Вестготская Правда, такъ ясно описывающая нашъ патронатъ, не представляетъ его военнымъ институтомъ [1]. Во франкскихъ формулахъ, относящихся къ коммендаціи или къ мундебурду, нѣтъ ни одной черты, которая была бы характерна для воиновъ.

Среди ученыхъ новѣйшаго времени нашлись однако такіе, которые представили себѣ германскія общества V-го и VI-го вѣковъ іерархіей мелкихъ военныхъ дружинъ. Они дали послѣднимъ даже спеціальное наименованіе ариманній, которое будто бы извлекли изъ памятниковъ.

Изъ множества меровингскихъ текстовъ они цитировали лишь одинъ. Это формула изъ сборника Маркульфа, въ которой будто бы сказано, что человѣкъ, обращавшійся къ королю, долженъ былъ явиться „со своей ариманніей"; изъ этого поспѣшили сдѣлать выводъ, что ариманнія была военной дружиной, и что человѣкъ, предстающій тутъ передъ королемъ, — ея начальникъ. Къ несчастью, слова—ариманнія, въ единственной формулѣ, гдѣ его будто бы усмотрѣли, на самомъ дѣлѣ нѣтъ; во всѣхъ рукописяхъ стоитъ не *arimannia*,

[1] Изъ находящагося въ Правдѣ слова *arma* не слѣдуетъ выводить преувеличеннаго заключенія. Правда говоритъ о дарахъ, которые дѣлалъ патронъ; ясно, что онъ могъ дарить оружіе, какъ и всякую другую вещь (V, 3, 1), какъ могъ дарить землю (V, 3, 4).—Терминъ *saio* (V, 3, 2) не означаетъ, собственно, воина; онъ примѣняется ко всякаго рода слугамъ и подчиненнымъ; см. *Cassiod*. Var. XII, 3; IV, 47; I, 24; II, 4; IX, 18; *Isidor. Sevill.* Origines, X; *Lex Wisigothorum,* II, 1, 17; VI, 1, 6; X, 2, 5.

а *arma*. Желаніе найти военную дружину заставило прочесть слово невѣрно [1].

Что касается слова *arimannia*, на которомъ ученые поторопились построить цѣлую теорію, то слѣдовало бы замѣтить сначала, гдѣ и какъ оно употреблялось. Его ни разу нельзя найти въ документахъ меровингской Галліи [2]. Его нѣтъ ни въ законахъ, ни въ формулахъ, ни у писателей. Ни разу также не встрѣчается оно въ сводахъ Аламанновъ, Бавcovъ, Тюринговъ, Фризовъ, Саксовъ и Вестготовъ. Оно существуетъ лишь въ законахъ Лонгобардовъ; и то надо отмѣтить два пункта: во-первыхъ,

[1] *Marculf*. I, 18 (*Rozière*, 8): «Quia illi fidelis, Deo propitio, noster veniens ibi in palatio nostro una cum arma sua... coniurasse». Ср. *Zeumer*, p. 55.—«Arimannia sua» было поставлено у Биньона, у Питу и другихъ издателей вплоть до Розьера, который первый возстановилъ истинный текстъ.—См. *Rozière*, т. III, стр. 315, гдѣ онъ исправляетъ ускользнувшую отъ него первоначально неточность и ясно утверждаетъ, что во всѣхъ рукописяхъ безъ исключенія стоитъ *arma*. Мы вернемся къ этой формулѣ ниже и скажемъ, почему человѣкъ, предстающій передъ королемъ, долженъ имѣть оружіе, что, собственно, не указываетъ непремѣнно, чтобы онъ былъ воиномъ по профессіи. Замѣтимъ здѣсь только, что слова «una cum arma sua» нужно связывать не съ тѣмъ, что предшествуетъ, а съ тѣмъ, что слѣдуетъ до «coniurasse». Смыслъ тотъ, что человѣкъ клянется своимъ оружіемъ. Относительно «iurare ad arma», см. *Rotharis*, 359, 366.

[2] Съ этимъ словомъ сближали слово *faramanni*, которое встрѣчается въ Бургундской Правдѣ; но слѣдовало бы установить, каковъ былъ смыслъ послѣдняго термина, повидимому, примѣнявшагося въ Бургундской Правдѣ лишь къ земледѣльцамъ и, разумѣется, не означавшаго военной группы при вождѣ. См. *fara* въ Лонгобардской Правдѣ, *Rotharis*, 177: «Si quis liber homo cum fara sua migrare voluerit». Только крайне предубѣжденный умъ можетъ подумать, будто «fara» означаетъ здѣсь воиновъ.

его нѣтъ въ изданномъ въ VII-мъ вѣкѣ указѣ Ротариса, и оно появляется лишь въ законахъ VIII-го вѣка; во-вторыхъ, и въ этихъ даже законахъ оно никогда не означаетъ воиновъ, соединенныхъ подъ начальствованіемъ спеціальнаго вождя [1]. Не находится ни одного примѣра, чтобы въ языкѣ существовало слово *arimannia*, которое бы означало группу воиновъ, соединенныхъ съ вождемъ посредствомъ мундебурда, и чтобы въ франкскомъ обществѣ существовали такого рода военные отряды.

Франкскія формулы и хартіи называютъ иногда

[1] *Arimanni* появляются прежде всего въ законахъ Ліутпранда; они упоминаются въ нихъ дважды: одинъ разъ въ числѣ должностныхъ лицъ, исполнителей воли короля: «Iudices, arimanni, actores nostri» (*Liutprand*, Notitia de actoribus regis); въ другой разъ, какъ подчиненные *iudex*'а, то-есть, государственнаго должностного лица; *Liutprand*, 44: «Si iudex neglectum fecerit ad ipsum hominem recolligendum aut arimanno suo mandatum faciendum», то-есть, «если нашъ уполномоченный не позаботился задержать виновнаго или поручить своему ариману задержать его». Затѣмъ, въ законѣ короля Ратхиса ариманнъ подсуденъ королевскому судьѣ; *Ratchis*, 1: «Si iudex neglexerit arimanno suo, diviti aut pauperi, iustitiam iudicare».—Это слово примѣняется къ любому свободному человѣку; *Ratchis*, 2: «Si quis arimannus aut quislibet homo ad iudicem suum prius non ambulaverit».—*Ratchis*, 10: «Arimannus, si mentierit et dolose dixerit». Въ законѣ Аистульфа, 4, *arimannus* говорится о свободномъ человѣкѣ, подсудномъ *iudex*'у. «Uxor arimannia» встрѣчается въ смыслѣ свободной женщины, *Ratchis*, 6.—Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальнымъ значеніемъ слова «arimannus» было «военный человѣкъ», и такое значеніе оно сохраняетъ еще у Ратхиса, 4; но нигдѣ нельзя его найти въ смыслѣ воина другого человѣка, военнаго вассала, и терминъ *arimanni* никогда не употреблялся для обозначенія частной военной группы.

группу, образовавшуюся около какого-нибудь человѣка путемъ коммендаціи или мундебурда, словомъ *mitium* [1]. Значеніе этого слова, незнакомаго, повидимому, въ другихъ странахъ, кромѣ Галліи, не очень ясно для насъ [2]. Очевидно одно, что съ нимъ соединялось понятіе власти. Яснѣе всего обнаруживается изъ нашихъ текстовъ, что оно примѣнялось къ людямъ, состоявшимъ во власти другихъ людей; однимъ изъ результатовъ такого подчиненія было то, что публичное правосудіе могло наложить на нихъ руку не иначе, какъ при посредствѣ этого человѣка [3]. Такая группа

[1] Терминъ *mitium* встрѣчается въ слѣдующихъ текстахъ: *Marculf*. I, 23; I, 24; *Senonicae*, 51; *Diplomata*, Pardessus, № 144; № 172; *Pertz*, № 97; *Tardif*, № 33; *dom Bouquet*, V, 698 и 699; Капитулярій 810 года, Boretius, стр. 115. Онъ встрѣчается также, но съ меньшей ясностью, въ *additamentum* къ *Lex Salica*, Behrend, стр. 89: «De mitio fristatito» и стр. 96; указъ Хильпериха, с. 7; *Boretius*, стр. 9.

[2] Генрихъ Бруннеръ издалъ въ январѣ 188; года (въ «Iuristische Abhandlungen, Festgabe für Georg Beseler») любопытное изслѣдованіе, въ которомъ направилъ обычную свою проницательность на «Mithio und Sperantes». Въ «mithium» онъ видитъ, главнымъ образомъ, право судебнаго представительства; «mithium»—это группа тѣхъ, представителемъ которыхъ на судѣ является одно и то же лицо.—Мы думаемъ, что это слишкомъ узкій взглядъ, и что онъ согласуется лишь съ частью текстовъ.

[3] *Marculf*. I, 23: «Omnes causas suas suisque amicis aut gasindis seu undecumque ipse legitimo redebit mitio, in suspenso debeant resedere».—*Marculf*. I, 24: «Si aliquas causas adversus eum vel suo mithio surrexerint, in nostri praesentia reserventur».—*Pardessus*, № 372: «Et si aliquas causas adversus ipsum monasterium aut mitio abbatis ortas fuerint.. in praesentiam nostrum reserventur».—См. Капитуляріи, *additamenta ad Legem Salicam*, Behrend, стр. 96: «Qui ipsum admallavit... ut ad mallobergo respondere aut convenire ubi antrustiones mithiu redebent»; стр. 97: «Ad mithio, solem culcassit»; указъ Хильперика, 7.

была нераздѣльнымъ цѣлымъ. Если случалось, напримѣръ, что король бралъ подъ свое покровительство главу ея, онъ принималъ въ то же время подъ покровительство и всю группу [1]. Но эта группа никогда не характеризуется какъ военная. *Mitium* принадлежалъ епископамъ и аббатамъ такъ же часто, какъ свѣтскимъ лицамъ [2]. Члены *mitium* не только никогда не изображаются воинами, но мы видимъ, что они не всегда даже являются свободными людьми, ибо тотъ же самый *mitium* заключаетъ въ себѣ колоновъ, вольноотпущенниковъ и даже рабовъ [3]. *Mitium* это вся совокуп-

[1] Дипломъ 546-го года; *Pertz*, № 4; *Pardessus*, № 144: «Una cum omnibus rebus vel hominibus suis, gasindis, amicis, susceptis, vel qui per ipsum monasterium sperare videntur, vel unde legitimo redebit mitio... recipimus».

[2] Формула Маркульфа, I, 24, относится къ mitium епископа или аббата. Формула I, 23 примѣняется къ свѣтскому лицу или къ епископу, безъ различія. Два *Diplomata* Pardessus, №№ 144 и 372, примѣняются къ mitium монастыря или аббата: «Mitium ipsius abbatis». То же самое у *Pertz*, № 97. То же самое также въ двухъ дипломахъ Пиппина, *Bouquet*, V, 698 и 699, и въ дипломѣ Пиппина, который приводится Вайтцемъ, II, 428: «Quos legitime ad ipsum episcopatum redibit mitio».—Есть одинъ лишь актъ, гдѣ *mitium* принадлежитъ свѣтскому лицу: это приговоръ 693 года, у *Tardif*, № 33.

[3] Это особенно замѣтно по грамотѣ изъ сборника *Pertz* № 97: «De eorum hominibus aut ingenuis aut servientibus qui ad ipsas casas legitimo redebunt mitio». — Ср. дипломъ Пиппина, цитированный Вайтцемъ, II, p. 428: «Tam de ingenuis quam de servientibus vel de qualibet natione hominum... quos legitime ad ipsum episcopatum redibit mitio».—Дипломъ Пиппина для Мюрбахскаго

ность людей, лично подчиненныхъ другому человѣку [1]. Принципъ военной службы никогда не содержится въ этомъ понятіи [2].

Мы не должны, впрочемъ, забывать, что въ изучаемую эпоху всѣ свободные люди, за исключеніемъ однихъ духовныхъ лицъ, носили оружіе.

аббатства, *Bouquet*, V, 699: «Homines ecclesiae tam ingenuos quam servos».

[1] Дипломъ Пиппина Анизольскому монастырю (*Bouquet*, V, 698): «Nec abbatibus illius loci nec mitio potestatis eorum». Судебный приговоръ 693 года (*Tardif*, 33): «Ipse Amalbertus aut mithius suus».—Многіе тексты представляютъ *mitium* какъ территоріальную группу, заключающую въ себѣ всѣхъ жителей извѣстныхъ помѣстій. *Pertz*, № 97: «Qui ad ipsas casas legitimo redebent mitio et earum agros commanere videntur». Ср. приведенный Вайтцемъ, т. II, стр. 428, дипломъ Пиппина: «Tam de ingenuis quam de servientibus in ecclesiae villis commanentibus quos legitime ad ipsum episcopatum redibit mitio». Дипломъ Пиппина Мюрбахскому аббатству (*Bouquet* V, 699): «Homines ecclesiae qui super eorum terras vel mitio commanere videntur».—*Mitium* стало даже обозначать само помѣстье, занимаемое группою подчиненныхъ; капитулярій 810-го года, Boretius, стр. 115: «Ut nec colonus nec fiscalinus foras mitio possint alicubi traditiones facere».—Полиптихъ Ирминона, стр. 115, различаетъ людей, живущихъ внутри помѣстья, «inframitici», и живущихъ внѣ его, «forasmitici» (см. Prolégomènes, p. 430).

[2] Если высказать всю мою мысль, я сильно сомнѣваюсь, что *mithium* было терминомъ, относящимся къ патронатной связи: 1) мы видимъ его въ примѣненіи къ рабамъ и къ колонамъ; 2) въ текстахъ онъ появляется всегда въ слѣдующей формѣ: «Unde legitimo redhibet mitio»; а ни слово «redhibere», ни, въ особенности, эпитетъ «legitimus» не подходятъ къ мундебурду и патронату. Есть даже нѣкоторое противорѣчіе между терминомъ *legitimus* и институтомъ, изучаемымъ нами отъ V-го до VIII-го вѣка.—Вопросъ о томъ, что такое *mitium*, представляется мнѣ почти неразрѣшимымъ.

Когда король созывалъ армію, воинами являлись и Галлы, и Франки совершенно одинаково. И земледѣлецъ, и купецъ обращались по приказу короля въ воиновъ. Въ войскѣ находились вольноотпущенники, литы, много колоновъ. Даже рабы носили оружіе, когда сопровождали своихъ господъ. Не надо, слѣдовательно, удивляться, если часто случалось, что люди, находившіеся подъ патронатомъ, носили оружіе при своихъ патронахъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы группа, образовавшаяся путемъ патроната, была по существу военною. Патронируемый, который всегда долженъ былъ „повиноваться и служить", могъ обращаться иногда въ воина. Это не значитъ, что главною и общею обязанностью покровительствуемаго было сражаться за патрона.

Судя по дошедшимъ до насъ документамъ, такой патронатъ не былъ военнымъ. Военный характеръ присоединился къ нему лишь позже.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Королевскій патронатъ.

Подобно тому, какъ патронатъ практиковался церквами, знатными и богатыми людьми, онъ практиковался такъ же и королями. Они осуществляли его нѣсколькими способами и надъ нѣсколькими категоріями лицъ. Потому онъ и выливался въ нѣсколько довольно различныхъ формъ. И здѣсь также мы должны остерегаться тѣхъ схематиза-

цій и единообразныхъ обобщеній, которыми историки новаго времени думали освѣтить данный вопросъ. Утверждать, какъ они дѣлаютъ, что *commendatio* и *trustis*—военный патронатъ и ничего болѣе, это значитъ упрощать проблему цѣною ошибки. Королевскій патронатъ болѣе сложенъ. Надо слѣдовать аналитически, разбирая одинъ за другимъ всѣ тексты.

Въ Салической Правдѣ, въ главѣ, относящейся къ похищенію свободной молодой дѣвушки, читаемъ: Если дѣвушка находится „подъ словомъ короля", *in verbo regis*, похититель долженъ будетъ уплатить королю 63 золотыхъ [1]. То же выраженіе встрѣчается въ другомъ мѣстѣ: убійство свободной молодой женщины въ состояніи беременности требуетъ удовлетворенія въ 900 золотыхъ; „но если такая женщина вступила по какому-нибудь побужденію подъ слово короля, то наказаніе достигаетъ 1200 золотыхъ" [2]. Правда Рипуарскихъ Франковъ также говоритъ о женщинѣ, находящейся „на словѣ" короля, *in verbo regis*; Правда обез-

[1] *Lex Salica*, XIII: «De raptu ingenuorum» или «De ingenuis hominibus qui ingenuas mulieres rapiunt»; § 6: «Si vero puella quae trahitur in verbo regis fuerit, fretus exinde 2500 dinarios qui faciunt solidos 63 est».—Эти слова находятся во всѣхъ рукописяхъ, въ 4404 и въ Вольфенбюттельской, равно какъ и въ Emendata. Въ 18237 и 4403 В стоитъ: «In verbo regis posita».—Надо замѣтить, что весь текстъ относится къ свободнымъ женщинамъ, *ingenuae*.

[2] «Si vero ipsa mulier quae mortua est pro aliqua causa in verbo regis missa est, 1200 solidos culpabilis iudicetur».—Статья эта находится въ Вольфенбюттельской рукописи послѣ текста Салической Правды, и въ 4404; *Behrend*, стр. 92, помѣщаетъ ее въ первое additamentum; см. *Pardessus*, стр. 188 и 333; *Hessels*, стр. 408.

печиваетъ ей особое покровительство; она назначаетъ большое наказаніе всякому, кто похититъ ее изъ-подъ „мундебурда" короля, хотя бы и для того, чтобы на ней жениться [1].

Выраженіе „слово короля" сначала удивляетъ насъ. Высказывалось предположеніе, что это было германское реченіе, что люди, писавшіе на латинскомъ языкѣ, переводили слово *mund* словомъ *verbum*. Это весьма возможно. Но надо замѣтить, что и Григорій Турскій употребляетъ два раза то же самое выраженіе [2]. А Григорій не зналъ германскихъ нарѣчій и, конечно, не имѣлъ передъ глазами какого-нибудь германскаго текста. Онъ говорилъ на латинскомъ языкѣ своего времени. Тотъ фактъ, что онъ употребляетъ это выраженіе, доказываетъ, что оно употреблялось не только людьми франкской расы; каково бы ни было его происхожденіе, было ли оно принесено Германцами, или принадлежало народному языку Галліи, оно вошло въ обычный языкъ людей VI-го вѣка [3].

[1] *Lex Ripuaria*, XXXV: «Si quis ingenuam puellam vel mulierem quae in verbo regis vel ecclesiastica est...»—*Sohm* на 215 стр. своего изданія in-folio, примѣчаніе 10, смѣшиваетъ «puella in verbo regis» 35-й статьи съ «regia» статьи 14-й. Такое сближеніе на основаніи лишь внѣшняго сходства ошибочно. Въ статьѣ 14-й, «regia», какъ «homo regius», значитъ «libertina». Наоборотъ, въ 35-й статьѣ «puella in verbo regis» формально называется «ingenua». «Ingenua ecclesiastica» той же статьи не должна также смѣшиваться, какъ дѣлаетъ Зомъ (*ibidem*, стр. 216), съ «femina ecclesiastica» 14-й статьи.

[2] *Greg. Turon.* Historia Francorum, IX, 19: «In verbo reginae positus».—Это выраженіе повторяется дважды въ одной и той же главѣ. *Ibidem*, 27: «In verbo suo (id est regis) posita».

[3] Интересно сблизить дважды употребляемое Григоріемъ

Въ томъ же значеніи употреблялись также слова *sermo regis* или *sermo tuitionis regis.* [1] То были условныя выраженія, понятныя для всѣхъ. Смыслъ ихъ очевиденъ. Слово тутъ подразумѣвается такое, которое оказываетъ покровительство, это—защита или патронатъ.

Любопытно, что раньше всего, мы видимъ, этого рода королевское покровительство даруется женщинамъ. Въ такой же формѣ обнаруживаютъ намъ его еще и другіе документы. Составителемъ житія святой Консорціи былъ человѣкъ, жившій въ VI-мъ вѣкѣ [2]; онъ, вѣроятно, зналъ обычаи и

Турскимъ выраженіе «verbum directum». См. III, 7 и IV, 14: «Verbum directum habemus, verbum directum non habemus», съ значеніемъ: за насъ стоитъ или не стоитъ право. Слово *verbum* не является здѣсь переводомъ слова *mund*.—Повидимому, *verbum* само по себѣ означало покровительство или охранное слово. Такъ употребляетъ его Павелъ Діаконъ говоря и о восточныхъ народахъ: «Edesseni acceperunt verbum» (*Historia miscella*, книга 18, in fine; ed. Migne, col. 1047); «Sophronius Ierosolymitanus sacerdos verbum accepit (ab Arabibus) ad totius Palestinae securitatem» (*ibidem*, col. 1046). Легко предположить, что *verbum* служитъ здѣсь переводомъ греческаго слова λόγος, и *Du Cange* въ самомъ дѣлѣ приводитъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ слово λόγος имѣло такое значеніе въ византійскомъ языкѣ VI-го и VII-го вѣковъ.

[1] «Extra sermonem regis», *Lex Salica*, LIX и LXXVI.—«Sub sermone tuitionis nostrae», *Marculf.* I, 24. Точно также въ латинскомъ языкѣ Григорія Турскаго, IX, 42: «Sub sua tutione et sermone».

[2] Это видно изъ 2-й главы, гдѣ авторъ говоритъ, что написанное имъ было ему разсказано священникомъ Ураніемъ и ипо-діакономъ Цельсомъ, знавшими святую лично. Такого рода утвержденій не достаточно для доказательства совершенной подлинности текста, но они указываютъ, по крайней мѣрѣ, на время первоначальнаго составленія документа.

языкъ своего времени. Вотъ, что онъ разсказываетъ [1]. Консорція родилась въ Провансѣ въ концѣ царствованія Хлодовеха; она принадлежала къ сенаторской фамиліи, то-есть, къ римскому аристократическому роду, говоритъ біографъ. Оставшись по смерти родителей очень богатою, но нуждаясь въ поддержкѣ и не желая выходить замужъ, она ходатайствовала о покровительствѣ короля Франковъ; королемъ тогда былъ Хлотаръ I-й. Она отправилась въ его дворецъ и просила его „дать приказъ, въ силу котораго она поставлена была бы въ безопасное положеніе внутри его королевства“ [2]. Это значило просить особаго покровительства для себя и въ то же время для своего имущества [3]. Король даровалъ ей то, чего она хотѣла, и повелѣлъ составить „грамоту“, въ которой объявлялъ всѣмъ, что причинившій какой-нибудь вредъ Консорціи будетъ наказанъ, какъ нанесшій обиду королю [4]. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Хлотаръ I-й умеръ, Консорція просила у преемника его Сигеберта,

[1] *Vita S. Consortiae* въ Acta Sanctorum ordinis Benedicti, I, стр. 250; у Болландистовъ, 22 іюня.

[2] «Ad Chlotarium regem perrexit petitura ab eo ut per iussionem eius quieta in regno suo manere posset».

[3] «Obsecro, ait, domine mi rex, ut mihi permittas absque ullius inquietudine in coepto virginitatis proposito permanere et quidquid in loca Deo sacrata vel in meos famulos contuli vel contulero, per vestram munificentiam ratum permaneat».

[4] «Cuius petitioni rex libenter annuens praestitit quae voluerat, epistolas per suos fideles dirigens ut cuncti cognoscerent quod si quis aliquid mali contra eam moliretur, principis offensam incurreret».—Въ грамотѣ добавлялось: «Si quid de suis facultatibus agere vellet, inconvulsum omni tempore perduraret».

новой покровительственной грамоты и получила ее [1].

Изъ этого разсказа агіографа выясняется нѣсколько важныхъ фактовъ. Женщина проситъ королевскаго покровительства; эта женщина, несомнѣнно, Римлянка. Будучи Римлянкой, она ставитъ себя въ то самое положеніе, какое указано Салической Правдой для *puella in verbo regis*. Она занимаетъ его добровольно. Она должна была обращаться съ просьбой; она должна была сама, говоритъ біографъ, совершить дальнее путешествіе, чтобы подать свою просьбу королю [2]. Покровительство даруется ей „грамотой". Это не неопредѣленное и не только теоретическое покровительство; въ грамотѣ прямо указывается, что „тотъ, кто причинитъ зло этой женщинѣ, навлечетъ на себя королевскую немилость"; это значитъ, что добиваться мести, или наказанія будетъ король. Наконецъ, это покровительство до такой степени тѣсно связывается съ личностью, что оно теряетъ свою силу по смерти того, кто его даровалъ; потому и оказалось необходимо, чтобы Консорція получила отъ новаго короля новую покровительственную грамоту.

Григорій Турскій даетъ намъ нѣсколько примѣровъ практики такихъ же обычаевъ. Молодая дѣвушка, о которой онъ не говоритъ ничего, была

[1] *Vita S. Consortiae*, c. 18, стр. 251: «Misit epistolas praecipiens ut nullus molestus esset Consortiae, sed liceret ei uti privilegio quod illi pater eius indulserat».

[2] «Ad regem ire perrexit... Cumque palatio post multos viae labores appropinquarit» (c. 12).

ли она франкскаго или римскаго происхожденія, убила королевскаго герцога, защищая отъ него свою честь [1]. Она отправилась къ королю Гунтрамну. Послѣдній, не ограничиваясь тѣмъ, что даровалъ ей жизнь, принялъ ее „на свое слово" и повелѣлъ ей вручить свидѣтельствующій о томъ дипломъ [2]. Дипломъ этотъ гласилъ, что такъ какъ она вступила *in verbum* короля, то родные убитаго герцога не будутъ имѣть права преслѣдовать ее. Около того же времени мы видимъ, какъ двѣ аббатиссы пуатьесскаго монастыря, Радегунда и Агнесса, недовольныя своимъ епископомъ, покидаютъ край, но заботятся сначала о томъ, чтобы запастись грамотою королевскаго покровительства [3]. Нѣсколько дней спустя тѣ же женщины обращаются къ королю съ просьбою, „моля его принять ихъ монастырь подъ его покровительство и слово" [4].

Мужчины, нуждавшіеся въ поддержкѣ, могли получать такое же покровительство. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нѣсколько документовъ, одинъ изъ которыхъ относится, повидимому, ко времени Хлодовеха. Есть грамота этого короля, представляющая собою дипломъ о патронатѣ [5]. Покровительствуемыми лицами являются здѣсь двое духовныхъ, два Римлянина, которые раньше служили

[1] *Greg. Turon.* Historia Francorum, IX, 27: «Amalo dux in amorem puellolae ingenuae ruit...»

[2] «Rex non solum ei vitam donavit, verum eciam praeceptionem tribui iussit ut in verbo suo posita, a nullo umquam parentum defuncti in aliquo molestiam pateretur».

[3] *Greg. Turon.* IX, 40: «Regis se tuitione munierunt».

[4] *Idem*, IX, 42: «Sub sua tuitione et sermone».

[5] *Diplomata*, изд. Pardessus, № 87.

Хлодовеху во время одной изъ его войнъ [1]. Въ дипломѣ стоитъ, что „никто не долженъ причинять зла тѣмъ, кого поддерживаетъ королевское расположеніе“ [2]. Дипломъ охраняетъ обоихъ покровительствуемыхъ „отъ всякаго несправедливаго судебнаго преслѣдованія и отъ всякаго насилія“ [3]. Впрочемъ, онъ представляетъ ту особенность, что король предписываетъ третьему лицу нести обязанности патрона; въ данномъ случаѣ это предписаніе обращено къ епископу [4]; это—особенность, которую мы вновь встрѣтимъ въ другомъ мѣстѣ [5].

[1] См. *Vita S. Maximini* въ «Acta Sanctorum ordinis Benedicti», I, стр. 582, 583. Изъ разсказа агіографа, особенно изъ 5-й и 7-й главъ, ясно видно, что священникъ Евспицій сталъ посредникомъ между жителями Вердена и королемъ. Авторъ едва скрываетъ, что Евспицій открылъ Хлодовеху ворота города.

[2] «Neque enim nocendi sunt quos regalis affectus prosequitur».

[3] «Ab omni calumnia et iniuria praesta liberos».

[4] «Tu vero, Eusebi episcope, Euspicii senectam fove, Maximino fave, et tam eos quam possessiones eorum in tua parochia ab omni calumnia et iniuria praesta liberos; neque enim nocendi sunt...»

[5] Дипломъ этотъ сохраняется лишь въ копіи, которая была найдена въ бумагахъ *Jérôme Vigner* и принята *d'Achery* съ полнымъ довѣріемъ. *Mabillon*, De re diplomatica, p. 463, также считаетъ этотъ дипломъ подлиннымъ; его мнѣніе раздѣлялось *Bréquigny*, *Pardessus* и *K. Pertz*. Недавно *Julien Havet* сталъ нападать на разсматриваемый документъ, какъ на безусловно подложный. Приведенныя имъ основанія болѣе остроумны, чѣмъ тверды. Изъ того, что не найденъ оригиналъ, который долженъ былъ находиться въ рукахъ Жерома Винье, не вытекаетъ, что Винье былъ поддѣлывателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что часть бумагъ Винье была похищена послѣ его смерти; неудивительно поэтому, что много подлинныхъ документовъ исчезло. Не болѣе обоснованъ и другой доводъ; Авэ ссылается на то, что дипломъ написанъ не по обычной формѣ меровингскихъ актовъ подобнаго рода; но несомнѣнно, что въ началѣ царствованія Хлодовеха, то-есть, послѣ взятія Вердена, не выработалось еще установленнаго типа формулъ для дипломовъ. Кромѣ того, очень неправильно было бы думать, что мы знаемъ всѣ виды дипломовъ и всѣ формулы. Такое злоупотребленіе доказательствами a priori и такія преувеличенія портятъ лучшіе тезисы. Менѣе предубѣжденный умъ скажетъ, что нашъ дипломъ сильно искаженъ по формѣ; весьма вѣроятно, что слова «per sanctam confarreationem», «absque tributis», «naulo et exactione» и нѣкоторыя другія еще слова вставлены. Дипломъ, который находился въ рукахъ у Винье, былъ самъ по себѣ лишь копіей, можетъ быть, даже послѣднею изъ цѣлаго ряда копій, и переписчики изъ вѣка въ вѣкъ прибавляли или отбавляли что-нибудь въ оригиналѣ. Между подлиннымъ дипломомъ и изобрѣтеніемъ поддѣлывателя могло существовать нѣчто среднее; этой-то середины мы и придерживаемся. Съ другой стороны, Авэ не понялъ, мнѣ думается, смысла диплома; онъ видитъ въ немъ только уступку земли; мнѣ же кажется, наоборотъ, что фраза, относящаяся къ этой уступкѣ, прибавлена. Главная суть диплома заключается въ послѣдней части его, въ словахъ, устанавливающихъ королевское покровительство, которое, согласно обычаю, какой мы встрѣчаемъ въ ту же эпоху у Остготовъ Италіи, вручено Евсебію. Я говорю, что эта часть документа подлинная, и главный мой доводъ сводится къ тому, что ни одинъ переписчикъ послѣдующихъ вѣковъ не подумалъ бы вписать въ текстъ выраженія, которыя больше не были въ ходу въ его время. Вся вторая часть диплома слишкомъ далека отъ каролингскихъ привычекъ и потому не могла быть вымышлена въ эту эпоху. Подобныя фразы могли быть начертаны лишь во время Хлодовеха или первыхъ его преемниковъ. Не уступка земли составляетъ сущность диплома; это—актъ покровительства, или королевскаго патроната: «Neque enim nocendi sunt quos regalis affectus prosequitur».—Такъ легко объясняются послѣднія слова: «Desinite inter Francos esse peregrini».—Мы безъ труда допускаемъ, что къ акту присоединялась также уступка

Тѣ же самыя грамоты о королевскомъ покровительствѣ вскрываются, если не ошибаемся, въ одномъ мѣстѣ Салической Правды. Глава XIV-я относится вся къ вооруженнымъ нападе-

ніямъ противъ путника на большой дорогѣ. Указывается преступленіе, не доходящее до убійства и ограничивающееся похищеніемъ, которое карается штрафомъ въ 63 золотыхъ. Параграфъ 4-й прибавляетъ: но если путникъ обладалъ королевскою грамотою, *praeceptum regis*, или въ другихъ манускриптахъ—*cartas de rege*, то штрафъ утраивается и доходитъ до 200 solidi [1]. Мы видимъ уже

земли; быть можетъ, первоначально существовали два отдѣльные акта, которые потомъ попытались связать воедино, или же которые соединилъ вмѣстѣ переписчикъ.—Впрочемъ, все находитъ свой естественный комментарій въ *Vita S. Maximini* (Acta Sanctorum ordinis Benedicti, I, 583), написанной, повидимому, въ VII-мъ вѣкѣ. Въ главѣ 8-й читаемъ: «Rex iussit ut (Euspicius) sibi comes fieret». c. 10: «Iubet ergo ut uterque eius comitatui iungeretur eiusque conspectui semper praesto essent... comitatui eius adhaerentibus viris...» Дальше, въ другое время, въ главѣ 11: «Conscriptae sunt conscriptiones de agro Miciacensi...»—Наконецъ, еще позже, c. 14: «Rex eosdem viros praesuli Eusebio cum praediis commendavit ut eius iuvamina tuerentur». Второе житіе святого Месмена (*Ibid.* p. 593) менѣе ясно говоритъ объ этихъ фактахъ, потому что авторъ болѣе далекъ отъ давно исчезнувшихъ обычаевъ. И все-таки изъ него можно видѣть, что Евспицій былъ сначала допущенъ въ *comitatus* короля послѣ оказанной тому въ Верденѣ услуги, что тотъ же Евспицій получилъ разрѣшеніе ввести съ нимъ въ comitatus друга и ученика своего Максимина, и что позднѣе король пожаловалъ имъ помѣстье Миси и поставилъ ихъ подъ покровительство епископа Евсебія. Совершено было нѣсколько слѣдовавшихъ одинъ за другимъ актовъ, составлено нѣсколько дипломовъ, соединенныхъ когда-нибудь въ одно цѣлое. Спеціально же здѣсь констатируется актъ покровительства, нѣкоторые отрывки подлиннаго текста котораго находятся и въ сохраненномъ у Винье документѣ.

[1] См. *Lex Salica*, XIV, XV, въ рукописяхъ, называемыхъ Emendata. Текстъ трехъ четвертей рукописей таковъ, § 4: «Si quis hominem praeceptum regis habentem contra ordinatione regis adsalire vel viae laciniam ei facere praesumpserit, 8000 dinariis qui faciunt solidos 200 culpabilis iudicetur».—Въ другихъ рукописяхъ стоитъ «de rege habuerit praeceptum», при чемъ «de rege» было лишь новой формой родительнаго падежа. Въ парижской рукописи 4627 и въ рукописи изъ Монпелье стоитъ «de rege habet cartas». Девять рукописей, притомъ лучшихъ, каковы 4404 и Вольфенбюттельская рукопись, прибавляютъ часть фразы, которой нѣтъ въ другихъ: «Et abbundivit in mallo publico». Въ четырехъ рукописяхъ слово «adsallire» замѣнено словомъ «restare» четыре другихъ пишутъ «restare aut adsallire» всѣ остальныя—«adsallire». Въ *Septem causae* стоитъ: «Contra stare» (VI, 1). Смыслъ параграфа выступаетъ съ полной очевидностью, если его читать въ связи съ предшествующими; нѣтъ никакого сомнѣнія, что рѣчь идетъ о нападеніи на большой дорогѣ.

здѣсь одно изъ послѣдствій королевскаго покровительства — тройную пеню за всякое преступленіе, совершенное противъ покровительствуемаго.

Вотъ другой примѣръ, еще лучше поясняющій характеръ и дѣйствія этого покровительства. Онъ взятъ изъ Григорія Турскаго и благопріятенъ для нашего объясненія тѣмъ, что ставитъ передъ нашими глазами точный и опредѣленный фактъ. Григорій Турскій разсказываетъ о ссорѣ двухъ людей, которыхъ онъ зналъ лично [1]. Ихъ звали Сихарій и Храмнизиндъ. Легко предположить, что они принадлежали къ франкской расѣ; однако авторъ этого не говоритъ. Онъ говоритъ только, что они были „гражданами города Тура“ [2]. Одинъ изъ нихъ находился подъ покровительствомъ ко-

[1] *Greg. Turon.* Historia Francorum, IX, 19.

[2] *Ibidem*: «Cives Turonicos». Cp. VII, 47: «Gravia tunc inter Turonicos cives bella civilia surrexerunt; nam Sicharius Iohannis quondam filius...»

ролевы Брунегильды, къ королевству сына которой принадлежалъ Туръ. Сахарій былъ *in verbo reginae*, говоритъ историкъ [1]. И вотъ, слѣдующій дальше разсказъ проливаетъ большой свѣтъ на послѣдствія этого патроната. Когда Сихарій былъ убитъ Храмнизиндомъ, наказанія убійцы добивалась, въ качествѣ покровительницы, королева. Во всякомъ другомъ случаѣ такая обязанность лежала бы на вдовѣ и дѣтяхъ погибшаго. Здѣсь ни вдова, Транквилла, ни сыновья ничего не требовали. Приговорить Храмнизинда къ конфискаціи его имущества заставила Брунегильда, „такъ какъ она держала Сихарія in verbo suo". Конфискованное имущество не пошло на вознагражденіе семьи убитаго, какъ предписывало общее право эпохи; ни Транквилла, ни сыновья ея ничего не получили. Конфискованное имущество перешло къ королевѣ, потому что Сихарій былъ *in verbo suo*. Это напоминаетъ статью Баварской Правды, по которой цѣна за убійство свободнаго человѣка, „жившаго въ коммендаціи", уплачивается патрону [2].

Въ меровингской канцеляріи существовали формулы диплома для такого рода патроната. Одна изъ нихъ была составлена такъ: „Епископамъ и аббатамъ, равно какъ славнымъ мужамъ герцогамъ, графамъ, викаріямъ и сотникамъ, король Франковъ, славный мужъ. Знайте, что такой-то человѣкъ, носящій такое-то имя, явился къ

[1] *Ibidem*: «In eius verbo Sicharius positus... Regina in verbo suo posuerat Sicharium».

[2] *Lex Baiuwariorum*, IV, 27, Pertz, III, стр. 294; Walter, III, 13.

намъ и просилъ у насъ права коммендироваться намъ; мы приняли его и принимаемъ подъ нашъ патронатъ. А потому не причиняйте ему никакого зла, не нарушайте ни въ чемъ его безопасности, не отнимайте ничего изъ его имущества и не позволяйте, чтобы кто-либо дѣлалъ что-нибудь въ ущербъ ему" [1]. Дальше идутъ слова, показывающія одно изъ дѣйствій королевскаго патроната: „Если противъ него будетъ поднятъ процессъ, и если рѣшеніе тяжбы въ подвѣдомственномъ вамъ судѣ будетъ противъ него, то дѣло должно перейти къ намъ; мы будемъ судить и постановимъ окончательный приговоръ" [2].—Такимъ образомъ находящійся подъ покровительствомъ короля могъ, если хотѣлъ, подавать въ королевскій судъ всѣ свои дѣла, или, по крайней мѣрѣ, тѣ, въ которыхъ онъ являлся отвѣтчикомъ. Онъ выходилъ изъ сферы обычной юрисдикціи, изъ подъ судебной власти герцоговъ, графовъ, викаріевъ. Онъ зависѣлъ прямо, непосредственно отъ короля [3].

[1] *Formulae Senonicae*, № 28 (*Zeumer*, стр. 197; *Rozière*, № 11): «Propterea omnino vobis rogamus atque iubimus, ut neque vos neque iuniores neque successores vestri ipso vel hominis suis, qui per ipso legitimi sperare videntur, inquietare nec condempnare nec de rebus suis in ullo abstrahere nec dismanuere non presumatis nec facere permittatis».

[2] *Formulae Senonicae*, № 28 (*Zeumer*, стр. 197; *Rozière*, № 11): «Et si talis causa adversus eo surrexerit, aut orta fuerit, et ibidem absque eorum iniquo dispondio minime definitas fuerint, adimpletis vos, quod ante nos separare vel reservatas, et talis causa ante nos defenetivam accipiant sententiam».

[3] Невозможно указать вѣкъ, когда была составлена эта формула. Она принадлежитъ къ сборнику, относящемуся лишь къ

До насъ дошли три другихъ формулы, которыя, хотя и находятся въ каролингскихъ сборникахъ, принадлежатъ все-таки къ меровингской эпохѣ. Король объявляетъ, что къ нему явился человѣкъ, обозначенный только словами „живущій въ такомъ-то городѣ"; „онъ просилъ насъ, чтобы, вслѣдствіе тѣхъ обидъ, которыя ему приходится терпѣть отъ нѣкоторыхъ злыхъ людей, мы взяли его подъ охрану нашего покровительства" [1]. Въ другомъ мѣстѣ указывается на вдову, которая проситъ „чтобы мы взяли ее подъ нашъ мундебурдъ, покровительство и защиту" [2].

Другая формула, очевидно, — меровингская, такъ какъ она находится въ сборникѣ Маркульфа, относится къ духовнымъ лицамъ. Въ ней говорится что такой-то епископъ, или такой-то аббатъ явился къ королю, и, „по его просьбѣ защитить его отъ всякой, наносимой ему злыми людьми обиды, король принялъ его подъ свое слово и покровительство" [3]. Но король делегируетъ свой патронатъ указываемому имъ сановнику; въ данномъ случаѣ, то былъ дворцовый

IX-му вѣку; но, очевидно, она древнѣе сборника, въ который была включена. Цеймеръ и Зиккель считаютъ ее меровингскою и, мнѣ кажется, это вѣрно. См. *Zeumer*, стр. 182 и *Th. Sickel*, Beiträge, III, стр. 11—14 и 100.

[1] *Rozière*, № 12; *Zeumer*, стр. 311: «Hominem pro suis necessitatibus ad nos venientem, sub sermone tuitionis ac defensionis nostre suscepimus ac retinemus».—*Rozière*, № 41; *Zeumer*, № 318.

[2] *Rozière*, № 14; *Zeumer*, № 323: «Sub nostro mundeburdo et defensione ac tuitione».

[3] *Marculf*. I, 24: «Propter malorum hominum, inlicetas infestaciones sub sermonem tuicionis nostre visi fuimus recipisse».

мэръ: „Епископъ или аббатъ будетъ подъ мундебурдомъ и защитой мэра нашего дома"; послѣдствіемъ такого положенія будетъ то, что всѣ процессы этого духовнаго сановника и всѣхъ тѣхъ, „кто живетъ подъ его началомъ", будутъ поступать „къ мэру" [1]. Дипломъ адресованъ герцогамъ и графамъ, чтобы запретить имъ причинять обиды покровительствуемому лицу и объявить имъ, что „всякое дѣло, которое возникнетъ противъ него, будетъ направлено въ королевскій судъ" [2].

Этотъ видъ патроната, который мы усматриваемъ въ Салической и Рипуарской Правдахъ, у Григорія Турскаго, у агіографовъ и въ формулахъ, и который былъ, повидимому, сильно распространенъ въ меровингскомъ королевствѣ [3], менѣе замѣтенъ въ другихъ германскихъ государствахъ. Мы не находимъ его, какъ кажется, въ Правдахъ Бургундовъ, Вестготовъ, Аламанновъ, Баваровъ и Лонгобардовъ [4]. Но слѣды его отыскиваются у Ост-

[1] *Ibidem*: «Ut sub mundeburde vel defensione inlustris vero illius, maiores domi nostri, cum omnibus rebus prefatae ecclesiae quietus dibeat resedere».

[2] «In nostri praesentia reserventur».

[3] См. также текстъ грамоты о мундебурдѣ, дарованной святому Бонифацію Карломъ Мартелломъ. *Diplomata*, № 532: «Bonifacius ad nos venit et nobis suggessit quod sub nostro mundiburdio vel defensione eum recipere debeamus... Proinde ergo taliter ei manu nostra roboratam dare visi sumus, ut ubicumque ambulare visus fuerit, cum nostro amore, vel sub nostro mundeburdio et defensione quietus vel conservatus esse debeat».

[4] Съ нимъ можно сблизить *commendatio ad curtem regis*, о которой говоритъ Лонгобардская Правда, Ротарисъ, 195 и 197; но тамъ говорится лишь объ опекѣ. Законъ гласитъ, что дѣ-

готовъ Италіи. Правда, мы встрѣчаемъ его не въ законахъ этого народа, даже не въ *Edictum Theodorici*, а лишь въ нѣкоторыхъ грамотахъ, принадлежащихъ сборнику Кассіодора. Извѣстно, что послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ грамотъ или дипломовъ, написанныхъ, очевидно, въ дворцовыхъ канцеляріяхъ, такъ какъ онѣ подписаны королемъ. Въ этихъ грамотахъ и дипломахъ наблюдается самый чистый латинскій языкъ, какимъ писали въ IV-мъ и въ V-мъ вѣкѣ; это офиціальный и традиціонный языкъ императорской канцеляріи. Канцеляріи Рима и Равенны перешли къ королямъ Остготовъ почти безъ перемѣны персонала и, конечно, безъ измѣненія языка, привычекъ, характера формулъ. Вотъ именно формулы этой романо-готской канцеляріи и сохранились для насъ въ сборникѣ Кассіодора. Мы находимъ въ немъ двѣ грамоты о королевскомъ покровительствѣ. Одна относится къ нѣкоему Петру, который просилъ покровительства „противъ злыхъ людей“ [1]; король даровалъ ему покровительство; онъ делегировалъ свой патронатъ надъ этимъ человѣкомъ должностному лицу, по имени Амарѣ; случилось такъ, что послѣдній дурно исполнялъ свои обязанности и вмѣсто того, чтобы охранять, угнеталъ подзащитнаго; новою грамотою король тогда перенесъ личное покровительство Петру на другого изъ своихъ должностныхъ лицъ [1]. Изъ этого примѣра мы узнаемъ, что патронатъ давалъ права и власть покровителю; патронатъ всегда оплачивался какимъ-нибудь способомъ [2].—Въ другой грамотѣ покровительствуемымъ лицомъ былъ врачъ, по имени Іоаннъ; онъ просилъ королевскаго патроната послѣ проиграннаго имъ дѣла на судѣ викарія римскаго префекта; король Теодерихъ согласился и поручилъ функціи патроната вмѣсто себя одному должностному лицу; этимъ должностнымъ лицомъ былъ Римлянинъ, патрицій Альбинъ [3].

Тотъ же сборникъ даетъ намъ, наконецъ, обычную формулу королевскаго патроната. Она читается на вполнѣ чистомъ латинскомъ языкѣ и написана въ стилѣ имперской канцеляріи: „Можетъ

вушка, или женщина, имѣющая причины жаловаться на своего *mundoald*, можетъ стать подъ *mundium* короля. Это не то же самое, что патронатъ, изучаемый нами здѣсь; между обоими явленіями видится лишь сходство. Замѣтимъ, что *commendatio* и *mundeburdis* были очень понятными терминами, примѣнявшимися безъ различія къ опекѣ надъ малолѣтними, къ патронату надъ вольноотпущенниками и къ добровольному патронату свободныхъ людей; хотя эти три института были по существу различны, на практикѣ въ нихъ оказывалось достаточно сходства, чтобы обычный языкъ могъ примѣнять къ нимъ тѣ же термины. См. примѣръ для mundeburdis въ Рипуарской Правдѣ, LVIII, ст. 12 13.

[1] *Cassiodor.* Var. IV, 27. Петръ не былъ первымъ встрѣчнымъ; онъ — «vir spectabilis»: «Conquestus est saionis Amarae tuitionem quam ei contra violentos indulsimus, in se potius fuisse grassatam».

[1] *Cassiodor.* Variarum, IV, 27: «Tuitionem vero postulanti contra inciviles impetus ex nostra iussione praestabis».

[2] Это особенно видно изъ словъ: «Quidquid suprascriptus Amara commodi nomine de causis memorati supplicantis accepit...»

[3] *Cassiodor.* Variarum, IV, 41: «Patricii Albini tuitio te deputata communiet».—Предшествующая грамота адресована сановнику, эта же самому покровительствуемому лицу. Слѣдовательно, обѣ формы были одинаково употребительны въ Италіи; такъ же было и у франкскихъ королей.

показаться излишнимъ просить у государя особаго покровительства, ибо государь имѣетъ твердое желаніе защищать всѣхъ своихъ подданныхъ. Однако, такъ какъ многіе злые люди тревожатъ твою безопасность, то на мольбу твою мы желаемъ даровать тебѣ особую охранную грамоту. Итакъ, мы принимаемъ тебя подъ покровъ нашей защиты и обезпечиваемъ тебѣ оплотъ противъ твоихъ противниковъ. Власть наша даруетъ тебѣ покровительство нашего имени, какъ крѣпость противъ несправедливыхъ нападеній" [1].

Если сравнимъ эту формулу, употреблявшуюся въ Италіи, съ тѣми, какія мы видѣли въ Галліи, то замѣтимъ, что выраженія въ ней другія, стиль итальянской формулы больше приближается къ настоящему стилю императорской канцеляріи, но содержаніе совершенно такое же. Рѣчь всегда идетъ объ особомъ покровительствѣ „отъ нападеній и несправедливыхъ насилій", и послѣдствіемъ являлась не только защита отъ произвола сильныхъ, но и избавленіе покровительствуемаго лица отъ судебныхъ преслѣдованій общей юстиціи.

Такова была первая форма патроната, практиковавшагося королями въ Италіи и въ меровингской Галліи. То былъ патронатъ надъ женщинами, надъ слабыми элементами общества и надъ духовными лицами. Не будемъ отожествлять явленіе съ общимъ покровительствомъ слабыхъ; вопросъ идетъ объ индивидуальной защитѣ, оказываемой лишь такой-то означенной женщинѣ, такому-то названному въ актѣ духовному лицу. Правила этого патроната довольно хорошо выясняются изъ примѣровъ, какіе мы разсмотрѣли. Первое правило, — это требованіе чтобы патронатъ испрашивался лично; изъявленіе просьбы находится во всѣхъ нашихъ документахъ; кажется даже, что просьба должна была отмѣчаться въ королевской грамотѣ. Второе правило, состояло въ томъ, что если король даетъ согласіе, онъ приказываетъ составить грамоту или дипломъ, *epistola, iussio, praeceptum*, въ обычной формѣ королевскихъ актовъ. Король или оказываетъ покровительство самъ, или уполномочиваетъ кого-нибудь оказывать его вмѣсто себя; имя уполномоченнаго вписывается въ грамоту. Королевское покровительство защищаетъ отъ насилія однимъ уже тѣмъ фактомъ, что причинившій его покровительствуемому преслѣдуется и наказывается, какъ оскорбившій самого короля, и преступленіе оплачивается выше, чѣмъ совершенное противъ всякаго другого лица. То же покровительство укрываетъ покровительствуемаго отъ преслѣдованія со стороны обычнаго суда. Оно служитъ ему оплотомъ даже противъ іерархіи королевскихъ сановниковъ. Оно защищаетъ его отъ герцоговъ, графовъ и викаріевъ, отъ администраціи и суда. Наконецъ, патронатъ налагалъ извѣстныя спеціальныя обязанности на короля; на немъ лежала не только защита, но и возмездіе. Дѣло Сихарія ясно показываетъ, что когда выступалъ королевскій патронатъ, не соблюдались обычныя положе-

[1] *Cassiodor.* Variarum, VII, 39.

нія общаго права. Денежный выкупъ и штрафъ за убійства шли въ руки покровителю.

Намъ хотѣлось бы знать, ставилъ ли король какія-нибудь условія, назначалъ ли какую-нибудь цѣну своей милости въ моментъ, когда соглашался на патронатъ. Документы не говорятъ ничего. Нѣкоторые факты, которые мы встрѣтимъ дальше, позволяютъ предположить, что нѣчто подобное здѣсь подразумѣвалось. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что это было совсѣмъ чрезвычайное покровительство, которое не сливалось съ общимъ покровительствомъ законовъ или государственной власти, а являлось покровительствомъ отдѣльнаго властнаго человѣка, и оно должно было спеціально подчинять покровительствуемое лицо этому человѣку. Нѣтъ почти сомнѣнія, что онъ подлежалъ и особымъ, личнымъ обязательствамъ. Мы не можемъ сказать, каковъ былъ ихъ характеръ. Но мы не будемъ утверждать, что къ числу ихъ принадлежала военная служба; примѣры, которые мы до сихъ поръ видѣли, относятся лишь къ женщинамъ, духовнымъ лицамъ или къ людямъ, которые явнымъ образомъ не были воинами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Королевская труста.

Существовалъ еще третій видъ королевскаго патроната; это именно тотъ, который относился къ воинамъ. Онъ, какъ кажется, игралъ въ обще-

ствѣ важную роль, но извѣстенъ онъ намъ лишь по небольшому количеству текстовъ. Главный нашъ документъ—формула диплома, который выдавалъ въ такихъ случаяхъ король. Точное толкованіе этой формулы является почти единственнымъ средствомъ, какое находится въ нашихъ рукахъ, чтобы понять данный видъ патроната [1].

„Справедливо, чтобы тѣхъ, кто обѣщаетъ намъ ненарушимую вѣрность, поддерживало наше покровительство“ [2]. Съ самыхъ первыхъ словъ мы замѣчаемъ сооотношеніе двухъ вещей, вѣрности и покровительства. Эти два элемента всегда встрѣчаются въ *commendatio* или въ патронатѣ; изъ соединенія ихъ складывается всякій патронатъ.

„Такъ какъ такой-то нашъ вѣрный, съ помощью Божіей, явился сюда во дворецъ нашъ со своимъ оружіемъ и далъ клятву въ трустѣ и вѣрности въ руку нашу, то мы рѣшаемъ и повелѣваемъ, чтобы съ настоящаго дня онъ считался въ числѣ нашихъ антрустіоновъ“ [3].

Первое, что надо отмѣтить здѣсь, это — что рѣчь идетъ о воинѣ. Послѣднее достаточно ука-

[1] *Marculf*. I, 18 (*Rozière*, № 8): «De regis antrustione». — Извѣстно, что Маркульфъ составилъ свой сборникъ около 660 года; но каждая изъ составныхъ частей сборника — болѣе древняго происхожденія.

[2] «Rectum est, ut qui nobis fidem pollicentur inlesam, nostro tueantur auxilio».

[3] «Et quia illi fidelis, Deo propitio, noster veniens ibi in palatio nostro una cum arma sua in manu nostra trustem et fidelitatem nobis visus est coniurasse, propterea per presentem preceptum decernemus ac iobemus ut deinceps memoratus ille inter numero antruscionorum conputetur».

зано словами „со своимъ оружіемъ“ [1]. Значитъ ли это, что человѣкъ былъ воиномъ по профессіи? Не будемъ заглядывать слишкомъ впередъ. Меровингскіе документы никогда не показываютъ, чтобы въ ту эпоху существовалъ классъ людей, исключительно посвященныхъ войнѣ. Скорѣе они показываютъ, что воинами были всѣ, безъ различія расъ. Въ мирное время, всѣ свободные люди, Франки и Галлы, опоясывались оружіемъ. Въ военное время, свободные люди, Франки и Галлы, призывались къ походу. Слова „съ оружіемъ“ не надо понимать такъ, какъ бы рѣчь шла объ особой категоріи общества. Эти слова только исключаютъ духовныхъ лицъ, рабовъ, совсѣмъ бѣдныхъ людей или до очевидности слабыхъ. Они указывали вообще на всякаго человѣка, который, въ случаѣ нужды, можетъ сражаться, на такого человѣка, который, если долженъ служить королю, можетъ служить ему мечомъ.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь обнаруживается нѣчто новое. Никогда, какъ мы видѣли, въ памятникахъ о римскомъ патронатѣ, не упоминалось оружіе. Одинъ человѣкъ никогда не „коммендировался“ другому, какъ воинъ. Понятіе воинской силы, видимо, исключалось изъ этого акта. Здѣсь, въ VI-мъ вѣкѣ оружіе появляется и придаетъ акту коммендаціи характеръ, котораго онъ раньше былъ лишенъ.

[1] «Una cum arma sua».—Таковъ подлинный текстъ трехъ рукописей Маркульфа; см. *Rozière*, т. III, стр. 315; *Zeumer*, стр. 55. *Arma* стоитъ или вмѣсто *armis*, или же это творительный падежъ отъ слова женскаго рода «arma», которое иногла употребляется въ памятникахъ эпохи.

Мы можемъ тутъ спросить себя, не открывается ли передъ нами новый институтъ, или это институтъ старый, къ которому прибавилась новая черта, и который измѣнился вмѣстѣ съ нею. Мы можемъ еще спросить себя, идетъ ли нововведеніе изъ Германіи и принесено завоевателями, или оно является результатомъ перемѣны, произшедшей въ нравахъ VI-го вѣка. Воинская вѣрность, которую мы видимъ передъ собою, исходитъ ли она отъ древнихъ Германцевъ, или это старый патронатъ, принявшій военную форму у вѣчно бушевавшихъ, вѣчно сражавшихся поколѣній? Документы не помогутъ разрѣшить такихъ задачъ. Согласно собственнымъ своимъ склонностямъ, умъ каждаго изслѣдователя съ одинаковой правдоподобностью можетъ высказаться въ пользу того или другого отвѣта; онъ даже можетъ допустить ихъ оба, какъ совершенно примиримые между собой.

Искавшее подобнаго покровительства лицо должно было явиться къ королю лично. Слова „придя сюда въ нашъ дворецъ“ включены въ формулу не случайно. Чтобы понять ихъ значеніе, мы должны вспомнить, что въ меровингскую эпоху всѣ подданные безъ различія при вступленіи короля на престолъ, уже приносили ему присягу; но эта общая присяга осуществлялась въ каждомъ округѣ его населеніемъ, собраннымъ вмѣстѣ, въ присутствіи королевскаго чиновника, прибывшаго спеціально чтобы принять ее. Здѣсь мы видимъ обратное: присяга приносится человѣкомъ лично; надо было, чтобы онъ явился самъ къ королю;

онъ приходилъ добровольно и безъ зова. Слѣдовательно, рѣчь идетъ здѣсь о совсѣмъ иной клятвѣ, чѣмъ та, которая требовалась отъ всѣхъ [1].

Онъ клялся *trustem et fidelitatem*. „Труста"—новый для насъ терминъ. Весьма вѣроятно, что онъ былъ германскаго происхожденія. Мы могли бы получить полную увѣренность, еслибъ, нашли его у другихъ германскихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы естественно, чтобы слово употребительное въ древней Германіи, было принесено на римскую почву разными народами-завоевателями, и мы должны были бы встрѣтить его у Вестготовъ, Бургундовъ и Лонгобардовъ. Оно оказалось бы также у оставшихся въ Германіи народовъ, каковы Аламанны, Бавары, Фризы и Саксы. Но фактически слово находится лишь въ документахъ меровингскаго королевства. Повидимому, оно примѣнялось только у Франковъ. Оно близко подходитъ, впрочемъ, къ двумъ корнямъ, остающимся и въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ въ словахъ—*Treue*, что значитъ вѣрность [2] и *Trost*—покровительство. Филологи-германисты раздѣлились въ предпочтеніи къ одной или другой изъ двухъ указанныхъ этимологій [1]. Но для насъ важнѣе, чѣмъ происхожденіе слова, употребленіе, какое ему давали. Оно встрѣчается въ нашихъ документахъ двѣнадцать разъ, съ тремя различными значеніями. 1) Въ двухъ статьяхъ указа Хлотара I го и въ прибавленіи къ Салической Правдѣ оно обозначаетъ, видимо, ассоціацію свободныхъ людей, соединившихся для общей безопасности противъ лихихъ людей [2]. 2) Въ двухъ капитуляріяхъ 779-го и 857-го года оно примѣняется къ противузаконной ассоціаціи, то-есть, къ образованію вооруженной группы подъ начальствомъ вождя для совершенія разбоевъ [3]. 3) Наконецъ, шесть разъ, именно, въ четырехъ статьяхъ Салической Правды, одной статьѣ Рипуарской Правды, равно какъ и въ

[1] Делошъ предполагаетъ, что предстающаго передъ королемъ человѣка сопровождалъ военный отрядъ; ни одно слово въ формулѣ не указываетъ на это Делошъ заключаетъ это единственно изъ предлога *cum*, встрѣчающагося въ глаголѣ *coniurare*. Правда, еслибъ дѣло шло о времени Цицерона, слово *coniurare* означало бы общую клятву. Въ меровингскую же эпоху не надо принимать во вниманіе предлога cum. *Commanere* не означаетъ ничего другого, какъ *manere*, *coniurare*—то же самое, что *iurare*. Клятва была личная.

[2] Впрочемъ, въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ «вѣрность», о которой идетъ рѣчь здѣсь. Вѣрность вассала не называлась въ нѣмецкомъ языкѣ «Treue».

[1] Питу переводилъ уже Trost какъ «вѣрность». Таково мнѣніе Сирмона, Балюза, дю-Канжа, Эйхгорна и Рота.—Гриммъ предпочелъ значеніе «помощи» или «покровительства»; см. предисловіе къ Салической Правдѣ Меркеля, стр. IV. Согласно Делошу (стр. 47), «Trust» значило—помощь или защита.

[2] *Decretio Chlotarii*, Boretius, p. 6, c. 9: «Si latro per trustem invenitur mediam compositionis trustis adquirat».—C. 16: «Iubemus ut in truste electi centenarii... licentiam habeant latrones persequere, et in truste quod defuerit causa remaneat... Quem si in truste pervenerit, medietatem sibi vindicet».—*Additamenta ad legem Salicam*, Behrend, p. 89: «Si quis truste dum vestigio minant detinere aut battere praesumpserit».

[3] Капитулярій 779-го года, c. 14: «De truste faciendo praesumat».—Капитулярій 857-го года (Baluze, II, c. 96): «Qui rapinas exercent, domos infringunt, trustes commovent...» Ср. *Leges Longobardorum*, *Caroli Magni*, 11 (Walter, т. III, стр. 584): «De truste facienda ut nemo praesumat.»

разбираемой формулѣ Маркульфа, подъ *trustis* разумѣется заключенный съ королемъ особый, тѣсный союзъ.—Надобно замѣтить, что такія три значенія слова, какъ они ни кажутся противорѣчивыми, соединяются однако общею сущностью: въ нихъ всегда содержится понятіе ассоціаціи, связи, взаимнаго обязательства.

Въ отрывкѣ изъ формулы Маркульфа смыслъ слова *trustis* яснымъ образомъ указанъ двумя сопровождающими его словами. Когда говорится, что человѣкъ „поклялся королю въ *trustis* и вѣрности“, не остается сомнѣнія, что оба термина, *trustis* и вѣрность выражаютъ одно и то же. Всякій, кто знакомъ съ меровингскими текстами, знаетъ, что называть одинъ и тотъ же предметъ двумя словами было привычною особенностью языка того времени. Говорили *tuitio et mundeburdis*, *gasindi vel amici*, *comes aut grafio*.—Также и здѣсь пишется *trustis et fidelitas*. Оба слова составляютъ какъ бы одно: поклясться королю въ трустѣ — значило то же самое, что поклясться въ вѣрности.

Подобная клятва заслуживаетъ нашего вниманія. Въ *commendatio* или римскомъ *patrocinium* мы видѣли *fides*, но не видѣли клятвы. Въ римскихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ ея признаковъ [1]. Точно

[1] У Римлянъ существовала военная клятва. *Servius*, Ad Aeneida, VIII, 1: «Apud maiores nostros legitima erat militia eorum qui singuli iurabant, et sacramentum vocabatur». Ср. *Polybius*, VI, 21, 33; X, 16. *Aulus-Gellius*, XVI, 4.—*Ammian.* XXI, 5, 10.—Слово «sacramentum» было синонимомъ военной службы; *Digesta*, XLVIII, 5, 12 (11): «Miles solvi sacramento et deportari debet». *Cod. Theod.* IX, 14, 3: «Ad nulla sacramenta perveniat»; VII, 2, 2: «Cinguli sacramenta desiderare».—Другіе тексты у *Marquardt*, Staatsverwal-

также, не упоминается клятва и при дарованіи королевскаго патроната женщинѣ или духовному лицу. Она встрѣчается только здѣсь. Рѣчь идетъ къ тому же не о религіозной клятвѣ. Клятва была въ большомъ употребленіи у людей меровингскаго времени, особенно въ сферѣ судебной: путемъ клятвы доказывалась невинность, но такая клятва всегда приносилась въ церкви [1], на алтарѣ [2], на мощахъ святого [3], или, по крайней мѣрѣ, на освя-

tung, т. II, стр. 385 и слѣдующія (2-е изд.). Но военная римская клятва была, повидимому, не то же самое, что наше «iurare trustem».

[1] У Бургундовъ судебная клятва совершается въ церкви. *Lex Burgundionum*, VIII и XLV. Ср. *Lex Romana Burgundionum*, XXIII.—*Lex Ripuaria*, LVII, 5: «In ecclesia iuret».—*Lex Baiuwariorum*, I, 5: «Iuret in altare in illa ecclesia»; I, 3; XVI, 5.—*Lex Alamannorum*, VI, 4: «Manus super capsam ponant, ut sic ille Deus adiuvet vel illae reliquiae».—*Ibidem*, XXIV: «Iuret in ecclesia».—*Turonenses*, 31: «Breve sacramenti qualiter expressus est ille in ecclesia illa».—«Sacramentum in basilica sancti», *Ibidem*, 40.—«Ad basilicam beati Martini, sacramentum exuens», *Greg. Turon.* VIII, 16.—«In basilica sancto illo ubi sacramenta percurrunt» (*Senonenses*, 2; *Rozière*, 479).—«Iurare in sancto loco» (*Vita Eligii*, II, 57).—*Lex dicta Chamavorum*, X: «In sanctis iuret».

[2] Клятва «super altario» (*Rozière*, 472, *Senonicae recentiores*, 3).—«Sacramentum super altare sancti» (*Andegavenses*, 10; *Rozière*, 482).—«Positis manibus super altare» (*Turonenses*, 40).—*Gregor. Turon.* III, 14; V, 32; V; 49; IV, 47.—«Manu missa super sanctum altare coram racineburgis» (*Rozière*, 486; *Merkelianae*, 27).—*Lex Alamannorum*, VII, (6), 2: «In ipso altare».

[3] «In palatio super capella domni Martini ubi sacramenta percurrunt» (*Marculf.* I, 38; *Rozière*, 453).—«Testimoniaverunt super altario sancti illius, in illa capella que est in curte fisci» (*Rozière*, 472; *Senonicae recentiores*, 3).—О судебныхъ клятвахъ, приносившихся въ церкви, см. *Rozière*, №№ 536 и слѣд. — «In reliquiis sanctorum» (*Lex Frisionum*, XII).—«Ponens manum super sanctum se-

щенномъ оружіи [1]. Клятва, о которой говорится въ нашей формулѣ, отличается отъ другихъ существенными чертами. Она приносится не въ церкви, а „во дворцѣ", не на мощахъ и не святому, а особѣ короля, *nobis iuravit.* Это и обусловливаетъ совсѣмъ особый характеръ этой клятвы [2]. Она не походитъ ни на христіанскую присягу, ни даже на древнюю клятву, которая всегда была религіозною [3]. Религіозный элементъ здѣсь отсутствуетъ: ни Богъ, ни святые не являются въ ней поручителями. Она связываетъ лишь совѣсть и честь. А потому это вполнѣ личная клятва; она приносится одному только лицу, какъ бы „подъ его руку".

Обычай такой клятвы сохранился. Мы усматриваемъ ее въ одной формулѣ, составленной до 660-го года; мы встрѣчаемъ ее опять у анналиста 757-го года: „Баварскій герцогъ явился къ королю Франковъ и, согласно обычаю Франковъ, коммен-

pulcrum dixit» (*Greg. Turon.* In gloria confessorum, 91).—«Ad sacratissimum corpus beati Petri sacramenta praebere» (*Greg. papae*, Epist. VII, 18).—«Sacramentum ad evangelia» (*Rotharis*, 269, 359).

[1] «Iurare ad arma sacrata» (*idem*, 359 и 363).

[2] Есть примѣръ судебной клятвы, приносимой «adprehensam manum vel arma iudicis», *Turonenses*, 30; *Rozière*, 491.

[3] Поэтому для обозначенія даннаго акта не всегда употребляется слово iurare. Агіографы чаще говорятъ—«promittere»; см. *Vita S. Columbani*, 43; *Vita Eligii*, въ *Acta Sanctorum ordinis Benedicti*, II, стр. 688.—Отмѣтимъ, впрочемъ, что «promittere» употреблялось рядомъ съ «sacramentum»; *Capitularia*, IV, 34 (Baluze, t. I, col. 783): «Sacramentum fidelitatis quod nobis promisit».—Точно также, III, 8: «Fidelitatem regi promittere» (Baluze, t. I, col. 755).—*Marculf.* I, 40: «Fidelitatem debeant promittere et coniurare».

дировалъ себя подъ его руку въ вассальное состояніе" [1]. Черезъ всѣ средніе вѣка сохранится такой родъ вассальной клятвы подъ руку сюзерена.

По принесеніи и принятіи такой клятвы человѣкъ становился антрустіономъ короля. „Пусть онъ считается въ числѣ нашихъ антрустіоновъ". О значеніи этого слова много спорили и понапрасну: значеніе его здѣсь очевидно. Человѣкъ поклялся въ вѣрности и становится вѣрнымъ. Онъ поклялся въ *trustis* и становится съ тѣхъ поръ антустіономъ. Оба способа выраженія соотвѣтствовали одинъ другому и передавали одно и то же понятіе. Послѣ того, какъ человѣкъ поклялся въ трустѣ, о немъ говорится, что онъ *in truste*, то-есть, „въ вѣрности"; этотъ терминъ, повторяется франкскими правдами пять разъ. Но *in truste* можетъ быть замѣнено словомъ *antrustio.* Справедливость высказаннаго объясненія ярко подтверждается фактомъ, что три рукописи Салической Правды въ статьѣ, относящейся къ человѣку *in truste dominica*, замѣняютъ эти слова словами *antrustio dominicus* [2]. Какъ *fidelis* есть прилага-

[1] *Annales Einhardi*, 757-й годъ: «Tassilo... more francico, in manus regis in vassaticum manibus suis se commendavit».—*Annales Laurissenses* выражаются точно также: «Tassilo in vassatico se commendans per manus» (*Pertz*, I, 140).—Позже *Annales Fuldenses* (*Pertz*, I, 401) говорятъ о Цвентибольдѣ: «Homo imperatoris, sicut mos est, per manus efficitur», а Эрмольдъ Черный, говоря о Герольдѣ, явившемся отдаться Людовику Благочестивому, выражается такъ: «Mox manibus iunctis regi se tradidit ultro... Caesar et ipse manus manibus suscepit honestis».

[2] *Lex Salica*, XLI, 3: «Si quis hominem qui in truste dominica est occiderit».—Въ рукописяхъ изъ Монпелье, Сенъ-Галлена 731

тельное отъ *fidelitas*, такъ *antrustio*—прилагательное отъ *trustis*. Антрустіонъ—это вѣрный. Можно замѣтить, что въ нашей формулѣ одинъ и тотъ же человѣкъ называется на второй строкѣ вѣрнымъ, а на седьмой антрустіономъ [1].

Итакъ, благодаря своей клятвѣ, человѣкъ дѣлался вѣрнымъ короля. Каковы будутъ послѣдствія такого союза? Наша формула не перечисляетъ ихъ; она не говоритъ, какія обязательства принималъ данный человѣкъ, потому ли что всѣ это превосходно знали и не было необходимости въ спеціальномъ указаніи, или потому, что король предпочиталъ оставлять этотъ вопросъ невыясненнымъ и не ограничивать обязанностей вѣрности ихъ перечисленіемъ. Нѣтъ спеціальнаго упоминанія о томъ, чтобы требовалась и военная служба, но легко предположить ея наличность. Такъ какъ человѣкъ долженъ былъ являться „съ своимъ оружіемъ", то само собою разумѣлось, что онъ будетъ исполнять выраженную такъ въ его клятвѣ обязанность. Однако военная служба не являлась, повидимому, спеціально выдѣленною его повинностью: она была лишь частью общаго долга вѣрности.

На королѣ же лежала функція оказывать покро-

и Парижа 4627 стоитъ: «Si quis antrustionem dominicum occiderit».

[1] Нѣкоторые ученые смѣшиваютъ антрустіона съ оптиматомъ. Дѣйствительно, оптиматы должны были быть антрустіонами, такъ какъ, несомнѣнно, они «комендировались» и вступали въ связь вѣрности; но не всѣ антрустіоны были оптиматами. Многіе антрустіоны и лейды были довольно незначительными людьми.

вительство [1]. Онъ обѣщалъ охрану тою самою грамотою, которую вручалъ своему вѣрному. Если этотъ человѣкъ отправлялся въ путешествіе, онъ бралъ съ собой свою грамоту; онъ долженъ былъ показывать ее въ каждомъ графствѣ, въ мѣстѣ, гдѣ засѣдаетъ графъ, и она становилась его охранною грамотою [2]. Впрочемъ, въ самой грамотѣ высказана ея санкція, она оканчивалась словами: „Если кто осмѣлится убить этого человѣка, пусть онъ знаетъ, что долженъ будетъ уплатить въ качествѣ виры или композиціи 600 солидовъ" [3]. Шестьсотъ солидовъ — это какъ разъ тройная сумма сравнительно съ тою, какая должна была уплачиваться за убійство всякаго другого свободнаго человѣка.

Послѣдняя часть формулы вполнѣ подтверждается франкскими законами. Въ 41-й главѣ Салической Правды читаемъ прежде всего, что убійство свободнаго человѣка наказывается двумя стами солидовъ золота; „но если этотъ человѣкъ былъ вѣрнымъ короля, наказаніемъ будетъ 600 соли-

[1] «Rectum est ut... nostro tueantur auxilio».

[2] Таковъ смыслъ § 4, XIV-й статьи Салической Правды: «Si quis hominem qui migrare voluerit et de rege habuerit praeceptum et abbundivit in mallo publico».—*Migrare* говорится о всякаго рода перемѣщеніи или путешествіи; *praeceptum* не есть разрѣшеніе *migrare*, какъ предполагали нѣкоторые ученые. *Praeceptum* и есть изучаемый нами въ настоящую минуту дипломъ антрустіоната. Слово *abundivit*, начертываемое въ рукописяхъ различно,— совершенно неизвѣстный терминъ, но смыслъ фразы не вызываетъ сомнѣнія.

[3] «Et si quis fortasse eum interficere presumpserit, noverit se wiregildo suo solidos sexcentos esse culpabilem» (*Marculf.* I, 18).

довъ“ [1]. Дальше, послѣ того, какъ наказаніе утраивается въ первый разъ за то, что жертва преступленія убита въ собственномъ домѣ, она утраивается еще во второй разъ, если человѣкъ былъ „вѣрнымъ“ короля, и доходитъ такимъ образомъ до огромной цифры 1800 солидовъ [2]. Такое же наказаніе полагалось за убійство въ походѣ [3]. Наконецъ въ 14-й главѣ, мы видимъ что если дѣло идетъ лишь о нападеніи или похищеніи на дорогѣ, то человѣкъ, имѣющій дипломъ королевскаго покровительства, получаетъ тройное вознагражденіе [4], и это позволяетъ думать, что то же правило, которое защищало его отъ убійства, защищало также отъ меньшихъ преступленій и отъ всякаго рода обидъ. Это, впрочемъ, и формально указано въ Рипуарской Правдѣ: „Если убитый человѣкъ былъ вѣрнымъ короля, пеня будетъ равняться 600 солидамъ, а также во всѣхъ другихъ случаяхъ она будетъ тройною сравнительно съ тою, какая взыскивается за другого Рипуарія“ [5].

[1] *Lex Salica*, XLI: 1, 3: «Si vero eum qui in truste dominica fuit».

[2] *Ibidem*, XLII: «Si in truste dominica est iuratus ille qui occisus est, qui eum occisse probatur, MDCCC solidos culpabilis iudicetur».

[3] *Ibidem*, LXIII: «Si vero in truste dominica fuerit ille qui occisus est, cui fuerit adprobatum, MDCCC solidos culpabilus iudicetur».

[4] «Si quis hominem qui migrare voluerit et de rege habuerit praeceptum. .»

[5] *Lex Ripuaria*, VII и XI: «Si quis homo ingenuum Ribuarium interfecerit, CC solidos culpabilis iudicetur... Si quis eum interficerit qui in truste regia est, DC solidos culpabilis iudicetur. Et quid-

Итакъ, мы видимъ здѣсь человѣка съ тройною цѣною, тройнымъ достоинствомъ въ угрозу всѣмъ тѣмъ, кто бы осмѣлился преслѣдовать его, и это свойство становится ему присуще единственно потому, что онъ вступилъ въ личную вѣрность къ королю. Желательно было бы знать, каковы были тѣ понятія, которыя привели къ установленію подобной привилегіи силою закона. Если создателемъ франкскихъ законовъ былъ король, какъ могла, спрашивается, королевская власть проявить такую силу, чтобы частнымъ своимъ авторитетомъ король могъ внести въ законы для своего вѣрнаго привилегію тройной цѣны сравнительно съ другими? Какъ могъ онъ включить въ уголовное право статью, что преступленіе противъ этого вѣрнаго будетъ наказываться въ тройной мѣрѣ строгости? Но, можетъ быть, наоборотъ, народъ былъ составителемъ разсматриваемыхъ законовъ? Какъ же могъ тогда, спрашивается, свободный народъ такъ измѣнить свое гражданское и уголовное право, чтобы поставить „вѣрнаго“ короля настолько выше настоящаго гражданина? Передъ нами встаютъ эти вопросы, но мы не видимъ ихъ разрѣшенія. Трудность увеличивается еще оттого, что другіе германскіе законы не даютъ никакого матеріала для сравненія, которое пролило бы намъ свѣтъ. Мы не находимъ такой привилегіи ни у Бургундовъ, ни у Готовъ. Въ Правдахъ Баваровъ и Аламанновъ существуетъ тройная вира, но она полагается за

quid ei fietur, similiter sicut de reliquo Ribuario in triplo componatur».

убійство церковнаго человѣка [1]. Тройная вира упоминается въ законахъ Фризовъ, Тюринговъ и Саксовъ, но за людей „благороднаго рожденія". Только у Франковъ эта привилегія принадлежитъ „вѣрнымъ" короля.

Она принадлежитъ также королевскимъ чиновникамъ, каковы герцоги, графы, (*comites*, *grafs*), викаріи сацебароны [2]. Зависитъ ли эта привилегія отъ того, что они облечены элементами королевской власти? Возможно, но мы нигдѣ не видимъ, чтобы мысль эта была прямо высказана. Точное соотвѣтствіе правила, относящагося къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ, съ тѣмъ, которое относится къ людямъ, входящимъ въ королевскую *trustis*, позволяетъ думать, что въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ одною и тою же привилегіею. Герцоги, графы и сацебароны, получавшіе свое назначеніе исключительно отъ короля, конечно, должны были „коммендироваться" ему и приносить ему клятву въ вѣрности (*trustis*) [3]. Стало быть, весьма вѣроятно, что они имѣли тройную виру потому, что входили въ составъ „вѣрныхъ" короля.

Государственныя должности, зависѣвшія отъ одной лишь воли короля, могли имъ возлагаться на людей изъ всякихъ расъ. Франкскіе законы не

[1] *Lex Baiuwariorum*, I, 10. Ср. *Lex Ripuaria*, XI, 3.

[2] *Lex Salica*, LIV; *Lex Ripuaria*, LIII; *Lex dicta Chamavorum*, VII, VIII.

[3] Это не указано въ соотвѣтствующей формулѣ для диплома о назначеніи (*Marculf*. I, 8), да и не должно было быть указано. Замѣтимъ, однако, что въ формулѣ слово *fides* повторяется три раза.

считаютъ нужнымъ и указывать, что получить званіе графа могъ и Римлянинъ; это было слишкомъ очевидно. Но они отмѣчаютъ, что имъ могъ сдѣлаться простой вольноотпущенникъ. Рипуарская Правда опредѣленно утверждаетъ, что есть графы, рожденные свободными, и другіе, рожденные „рабами короля", но „освобожденные посредствомъ таблицъ" по римскому способу [1]. Точно также въ Салической Правдѣ находимъ „свободнорожденнаго сацебарона" и „сацебарона королевскаго вольноотпущенника" [2]. За тѣхъ и за другихъ полагается тройная вира, то-есть, цѣна ихъ, зависѣвшая отъ ихъ свободнаго или рабскаго рожденія, утраивается. Одни стоятъ 600 солидовъ другіе 300.

Мы видимъ уже отсюда, что люди всякой расы и всякаго рожденія могутъ вступать въ „вѣрность" королю. Одинъ текстъ, правда, не принадлежащій прямо къ Салической Правдѣ, но присоединенный къ ней, въ самомъ дѣлѣ показываетъ намъ „римлянина или лита, находящагося въ трустѣ короля" и пользующагося такою же привилегіей, какъ всѣ люди этой трусты [3].

Можно замѣтить, что формула Маркульфа не указываетъ, будто для того, чтобы быть допущеннымъ къ клятвѣ трусты или вѣрности королю, требовались какія-нибудь условія происхожденія или состоянія. Въ ней не содержится даже ни одного слова, которое позволило бы думать, что

[1] *Lex Ripuaria*, LIII.

[2] *Lex Salica*, LIV.

[3] *Recapitulatio Legis Salicae*, Behrend, стр. 133.

для этого необходима была принадлежность къ франкской расѣ. Ни изъ одного памятника меровингскаго времени не обнаруживается также, чтобы данный институтъ происходилъ изъ Германіи или прилагался только къ Германцамъ. Обратимся теперь къ Салической Правдѣ. Въ той же главѣ, гдѣ она постановляетъ, что свободный человѣкъ изъ числа „вѣрныхъ“ короля будетъ цѣниться тройною вирою сравнительно съ другимъ свободнымъ человѣкомъ, законъ прибавляетъ, „что Римлянинъ, бывшій королевскимъ сотрапезникомъ“, также оплачивается тройною вирою сравнительно съ тою, какою оцѣнивался бы другой Римлянинъ. Оба параграфа вполнѣ точно соотвѣтствуютъ одинъ другому, и не можетъ быть сомнѣнія, что терминъ „королевскій сотрапезникъ“ также соотвѣтствуетъ понятію „антрустіона“. Таково было мнѣніе Пардессю, Б. Герара [1], Рота и Вайтца, и мы не думаемъ, чтобы его можно было опровергнуть. Добавимъ, что выраженіе „сотрапезникъ короля“ не надо понимать въ узкомъ смыслѣ. Рѣчь идетъ не о такомъ, конечно, человѣкѣ, который иногда обѣдаетъ съ королемъ. *Conviva* присходитъ отъ *cum* и *vivere*; это—то же слово, что *convictor*; и въ той, и въ другой формѣ, мы видѣли, это слово примѣнялось въ римскомъ обществѣ къ кліентамъ перваго разряда; оно употреблялось такъ же, какъ слова *familiaris*, *comes*, *amicus*, и означало человѣка, принадлежавшаго къ дому вельможи. *Conviva regis*— это человѣкъ, допущенный королемъ, въ его домъ, въ его тѣсную приближенность. То было одно

[1] *Pardessus*, стр. 489; *Guérard*, Prolégomènes, p. 517—519.

изъ самыхъ высокихъ званій въ королевской кліентелѣ или вѣрности. Его носили Франки [1]. Салическая Правда показываетъ намъ, что онъ присваивался также людямъ римскаго происхожденія (*romanus homo*). „Вѣрность“ не дѣлаетъ различія между расами.

„Вѣрность королю“, такъ ясно описанная въ формулѣ Маркульфа и въ франкскихъ правдахъ, упоминается также въ другихъ памятникахъ меровингскаго времени. Текстъ анделотскаго договора упоминаетъ о „тѣхъ, кто принесъ клятву королю Гунтрамну“ [2], „о тѣхъ, кто принесъ клятву королю Сигеберту“. Этотъ текстъ даетъ понять, что клятва принесена на всю жизнь; тотъ, кто связалъ себя съ королемъ, не имѣетъ права оставить его и перейти къ другому королю. Люди, принесшіе эту клятву, называются „лейдами“ [3]. Имъ присвоено также названіе „вѣрныхъ“ [4]. Слово лейдъ гер-

[1] Гагнерихъ названъ «Theodoberti conviva et consiliis regis gratus», въ *Vita S. Columbani*, 50. Въ *Vita Agili*, написанной въ концѣ VI-го вѣка, Акнобальдъ названъ «conviva regis» (*Acta Sanctorum ordinis Benedicti*, II, 316). У Фортуната, Конданкъ, который былъ, повидимому, Франкомъ и воиномъ, получилъ отъ короля званіе «conviva regis» (*Fortunat.* Carmina, VII, 16, 42).

[2] *Boretius*, p. 14: «Leudes illi qui domno Guntchramno sacramenta praebuerunt».

[3] *Boretius*, p. 14: «Leudes qui sacramenta praebuerunt... Ut nullus alterius leudes nec sollicitet nec venientes excipiat».

[4] *Ibidem*: «Quidquid reges ecclesiis aut fidelibus suis contulerunt». Слово *fideles* имѣло въ эпоху Меровинговъ два очень различныя значенія подобно тому, какъ была одна общая клятва, приносимая всѣми подданными и обязательная, и другая спеціальная клятва, личная, добровольная, такъ было и два рода вѣрности.

манскаго происхожденія. Повидимому, оно значило: человѣкъ, особенно же человѣкъ подчиненный и подданный. Король говорилъ: „мои лейды" [1], въ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, когда на латинскомъ языкѣ говорилось: „*mei homines*" [2]; этими словами онъ обозначалъ тѣхъ, кто зависѣлъ отъ него непосредственно, и кто принадлежалъ ему лично. Клятва превращала того, кто произносилъ ее, въ человѣка короля [3].

Указъ 615-го года говоритъ также о лейдахъ, которыхъ онъ называетъ еще вѣрными, и о вѣрности, которую они обѣщали. „Если у кого-либо изъ вѣрныхъ или лейдовъ будетъ отнято во время междоусобій имущество за то, что онъ сохранилъ вѣрность законному своему господину, то имущество будетъ ему возвращено". Здѣсь „лейдъ" и „вѣрный"—одно и то же; это—человѣкъ, связавшій свою совѣсть, *fides* [4].

[1] Иногда, но рѣдко, слово употребляется и въ другомъ значеніи: такъ, сравнивъ въ капитуляріи 596 года 2-ю статью съ 1-й, увидимъ, что *leudes* синонимъ съ *optimates* (*Boretius*, стр. 15).

[2] Выраженіе *homines regis* употребляется Григоріемъ Турскимъ въ значеніи *leudes*; VII, 13: «Eiectis de civitate hominibus Childeberthi»; V, 25 (24): «Nepotis sui hominis ab eius sunt hominibus effugati»; VIII, 11: «Ab hominibus regis peremptus».—*Fideles* имѣетъ тотъ же смыслъ. V, 49: «Omnia a fidelibus regis directa sunt»; VII, 7: «Fideles regis»; VII, 29: «Suis fidelibus condonavit».—Наконецъ, совершенно тотъ же смыслъ имѣетъ *leudes*; см. III, 23: «A leudibus suis defensatus est»; IX, 19: «Nullus alterius leudes sollicitet».

[3] Поэтому агіографы переводятъ *leudes* словомъ *clientes*; См. *Vita Ricoberti*, 7; Acta Sanctorum, I, 175: «Pippinus maior domus dixit clientibus qui sibi assistebant».—*Vita Aldrici*, 5; *ibidem*, I, 388: «In palatii domesticis ac clientibus».

[4] *Edictum Chlotarii*, c. 17 (*Boretius*, p. 23): «Et quae unus de fidelibus ac leudibus sua fide servandum domino legitimo, interregno faciente, visus est perdidisse, praecipimus revestire».

Сопоставимъ различные тексты—формулу Маркульфа, франкскіе законы, анделотскій договоръ, указъ 615-го года, и мы замѣтимъ различныя выраженія, которыя употреблялись въ нихъ для обозначенія одного и того же акта. Въ формулѣ говорится: *trustem et fidelitatem coniurare*; во франкскихъ законахъ—*esse in truste, in truste iurare*" [1]; въ анделотскомъ договорѣ—*sacramenta praebere*; въ указѣ 615-го года—*fidem servare*. Прибавимъ текстъ лѣтописца послѣдующаго вѣка, который скажетъ: *se in vassaticum in manu commendare*. Точно также человѣкъ, вступавшій въ союзъ, называется въ той же формулѣ „вѣрнымъ" и „антрустіономъ"; во франкскихъ законахъ онъ называется „антрустіономъ", въ анделотскомъ договорѣ—„лейдомъ", въ эдиктѣ 615-го года „лейдомъ" или „вѣрнымъ". Нельзя утверждать, что эти слова были вполнѣ тождественны, но оттѣнки, которые могли различать ихъ, отъ насъ ускользаютъ, и видно, что они примѣнялись къ одному и тому же классу людей. Если Салическая и Рипуарская Правды не называютъ лейдовъ, то называютъ людей *in truste*, а это были тѣ же самые люди. Если Маркульфъ не употребляетъ слова „лейдъ", онъ употребляетъ слово *antrustio*. Если „лейдъ" въ меровингскихъ капитуляріяхъ и дипломахъ рѣдкій терминъ, зато тамъ часто встрѣчается терминъ „вѣрный". Всѣ три слова, синонимы ли они, или эквиваленты,

[1] Рукопись 18237, глава LII (Behrend, стр. 55). Ср. ркп. парижскую 4403 B; *Hessels*, col. 266.

манскаго происхожденія. Повидимому, оно значило: человѣкъ, особенно же человѣкъ подчиненный и подданный. Король говорилъ: „мои лейды“ [1], въ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, когда на латинскомъ языкѣ говорилось: „*mei homines*“ [2]; этими словами онъ обозначалъ тѣхъ, кто зависѣлъ отъ него непосредственно, и кто принадлежалъ ему лично. Клятва превращала того, кто произносилъ ее, въ человѣка короля [3].

Указъ 615-го года говоритъ также о лейдахъ, которыхъ онъ называетъ еще вѣрными, и о вѣрности, которую они обѣщали. „Если у кого-либо изъ вѣрныхъ или лейдовъ будетъ отнято во время междоусобій имущество за то, что онъ сохранилъ вѣрность законному своему господину, то имущество будетъ ему возвращено“. Здѣсь „лейдъ“ и „вѣрный“—одно и то же; это—человѣкъ, связавшій свою совѣсть, *fides* [4].

[1] Иногда, но рѣдко, слово употребляется и въ другомъ значеніи: такъ, сравнивъ въ капитуляріи 596 года 2-ю статью съ 1-й, увидимъ, что *leudes* синонимъ съ *optimates* (*Boretius*, стр. 15).

[2] Выраженіе *homines regis* употребляется Григоріемъ Турскимъ въ значеніи *leudes*; VII, 13: «Eiectis de civitate hominibus Childeberthi»; V, 25 (24): «Nepotis sui hominis ab eius sunt hominibus effugati»; VIII, 11: «Ab hominibus regis peremptus».—*Fideles* имѣетъ тотъ же смыслъ. V, 49: «Omnia a fidelibus regis direpta sunt»; VII, 7: «Fideles regis»; VII, 29: «Suis fidelibus condonavit».—Наконецъ, совершенно тотъ же смыслъ имѣетъ *leudes*; см. III, 23: «A leudibus suis defensatus est»; IX, 19: «Nullus alterius leudes sollicitet».

[3] Поэтому агіографы переводятъ *leudes* словомъ *clientes*; См. *Vita Ricoberti*, 7; Acta Sanctorum, I, 175: «Pippinus maior domus dixit clientibus qui sibi assistebant».—*Vita Aldrici*, 5; *ibidem*, I, 388: «In palatii domesticis ac clientibus».

[4] *Edictum Chlotarii*, c. 17 (*Boretius*, p. 23): «Et quae unus de fidelibus ac leudibus sua fide servandum domino legitimo, interregno faciente, visus est perdidisse, praecipimus revestire».

Сопоставимъ различные тексты—формулу Маркульфа, франкскіе законы, анделотскій договоръ, указъ 615-го года, и мы замѣтимъ различныя выраженія, которыя употреблялись въ нихъ для обозначенія одного и того же акта. Въ формулѣ говорится: *trustem et fidelitatem coniurare*; во франкскихъ законахъ—*esse in truste, in truste iurare*“ [1]; въ анделотскомъ договорѣ—*sacramenta praebere*; въ указѣ 615-го года—*fidem servare*. Прибавимъ текстъ лѣтописца послѣдующаго вѣка, который скажетъ: *se in vassaticum in manu commendare*. Точно также человѣкъ, вступавшій въ союзъ, называется въ той же формулѣ „вѣрнымъ“ и „антрустіономъ“; во франкскихъ законахъ онъ называется „антрустіономъ“, въ анделотскомъ договорѣ—„лейдомъ“, въ эдиктѣ 615-го года „лейдомъ“ или „вѣрнымъ“. Нельзя утверждать, что эти слова были вполнѣ тождественны, но оттѣнки, которые могли различать ихъ, отъ насъ ускользаютъ, и видно, что они примѣнялись къ одному и тому же классу людей. Если Салическая и Рипуарская Правды не называютъ лейдовъ, то называютъ людей *in truste*, а это были тѣ же самые люди. Если Маркульфъ не употребляетъ слова „лейдъ“, онъ употребляетъ слово *antrustio*. Если „лейдъ“ въ меровингскихъ капитуляріяхъ и дипломахъ рѣдкій терминъ, зато тамъ часто встрѣчается терминъ „вѣрный“. Всѣ три слова, синонимы ли они, или эквиваленты,

[1] Рукопись 18237, глава LII (Behrend, стр. 55). Ср. ркп. парижскую 4403 B; *Hessels*, col. 266.

означали людей, поставившихъ себя въ личную зависимость отъ короля. Король называлъ ихъ съ своей стороны почетными именами „сотрапезниковъ“, „пэровъ“ [1], ибо въ меровингское время узы добровольнаго патроната представлялись съ виду, какъ и въ римскомъ обществѣ, узами равенства, узами дружбы, взаимной преданности; на дѣлѣ же, они создавали тѣсную зависимость.

Мы разбирали до сихъ поръ лишь тексты оффиціальнаго характера, законы или формулы. Писатели той эпохи также говорятъ иногда о тѣхъ же бытовыхъ явленіяхъ. Особенно ясно можемъ мы наблюдать у авторовъ, что объ этомъ думали современники. Житіе святого Колумбана было написано около середины VII-го вѣка монахомъ, современникомъ Маркульфа [2]. Монахи тогда не были еще настолько удалены отъ міра, чтобы не знать всѣхъ его обычаевъ. Святой Колумбанъ находился въ сношеніяхъ съ королями и вельможами. Его біографъ хорошо зналъ, что такое король и вельможа. Онъ помѣщаетъ разсказъ, изъ котораго мы

[1] *Formulae, Rozière*, № 10: «Ille rex, vir inluster, inlustribus viris ducibus, comitibus, vigariis, centinariis, seu omnes misus nostros discurrentibus vel omnes pares et amicos nostros». – Формула входитъ въ сборникъ Линденброга, гдѣ она стоитъ подъ № 38; Цеймеръ помѣщаетъ ее въ Additamenta къ Маркульфу, стр. 111; по мнѣнію Розьера (*Rozière*, стр. 11) она, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ меровингской эпохѣ; Цеймеръ считаетъ, какъ кажется, что она VIII-го вѣка (*Zeumer*, стр. 111, примѣчаніе).

[2] *Vita S. Columbani* (auctore Iona monacho). Этотъ Іона, послѣ того, какъ жилъ монахомъ въ Боббіо, пришелъ во Францію, въ монастырь Люксейль. Онъ умеръ около 665-го года. Житіе св. Колумбана помѣщено въ *Acta Sanctorum ordinis Benedicti*, т. II, стр. 5—29.

можемъ извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія. Колумбанъ встрѣчается съ человѣковъ, по имени Хродовальдомъ, который, „хоть и родственникъ короля Теодеберта, былъ вѣрнымъ короля Теодериха“ [1]. Онъ говоритъ ему: „Я знаю, что ты хочешь соблюдать законъ связывающаго тебя съ королемъ договора“ [2]. „Я дѣйствительно заключилъ договоръ вѣрности, отвѣчаетъ Хродовальдъ, и буду его соблюдать, пока станетъ силъ“ [3]. Колумбанъ возражаетъ: „Такъ какъ ты связанъ съ королемъ договоромъ, то будь моимъ посломъ къ тому, кто другъ твой и въ то же время твой господинъ“ [4]. Это любопытный діалогъ. Термины, можетъ быть, не вполнѣ тождественны съ тѣми, какими пользовались оба названныя лица, но это тѣ термины, которые на латинскомъ языкѣ агіографа передавали ихъ мысль всего лучше. Быть можетъ, они употребляли слово *trustis* или слово *fidelitas*; агіографъ, желавшій писать на классической латыни, перевелъ ихъ словами *foederis iura* или *foedus fidei*. Онъ ясно показалъ, по крайней мѣрѣ, понятіе, соединявшееся съ этимъ видомъ подчиненія; то былъ „договоръ о вѣрности“. Человѣкъ, „заключившій договоръ вѣрности“, становился съ тѣхъ поръ „вѣрнымъ“, а тотъ, кому онъ обѣщалъ ее, былъ для него „другомъ и господиномъ“.

[1] *Ibidem*, с. 43, стр. 25: «Amitam Theodeberti regis in coniugium habebat, regi tamen Theoderico fidelis erat».

[2] «Cognosco te regis Theoderici foederis iura servare velle».

[3] «Fatitur ille se foedus fidei promisisse et quamdiu valeret observaret».

[4] «Si regis Theoderici iunctus es foederi, amico tuo et domino eris a me legatus directus, et haec auribus eius infer».

Житіе святого Леодегарія намекаетъ на священный характеръ вѣрности: „Я передъ Богомъ обѣщалъ сохранять вѣрность королю Теодериху, говоритъ святой; я не совершу измѣны; лучше смерть, которая уничтожитъ лишь мое тѣло, чѣмъ невѣрность, которая погубитъ мою душу“ [1]. Таково представленіе, соединявшееся съ вѣрностью въ эпоху святого Леодегарія.

Послѣ разбора всѣхъ собранныхъ разнообразныхъ памятниковъ мы можемъ сдѣлать выводъ. Вѣрность находится въ связи съ разсмотрѣнными нами раньше патронатомъ или покровительствомъ. Это—видъ патроната. Это патронатъ, въ которомъ одна изъ сторонъ получала преобладаніе. Въ немъ больше всего подчеркнута вѣрность того, кто пользуется покровительствомъ. Она выражается клятвою спеціально присущаго ей характера. Она особенно связываетъ низшаго. Она налагаетъ на него обязательства, хотя и не указанныя въ нашихъ актахъ, но тѣмъ не менѣе строгія, среди которыхъ надо считать и военную службу. При томъ, союзъ это совершенно добровольный, и никто не принуждается его заключать. Онъ возникаетъ свободно; онъ представляетъ соглашеніе между двумя личностями. Человѣкъ можетъ связать только себя и эта связь не наслѣдственная. Онъ налагаетъ обязательства на обѣ стороны; одна, подъ именемъ вѣрности, должна соблюдать

[1] *Vita Leodegarii*, Acta Sanctorum ordinis Benedicti, II, 688: «Non mutabor a fide quam Theuderico promisi coram Domino conservare. Corpus meum decrevi potius in mortem offerre quam animam pro infidelitate denudare».

совсѣмъ особое повиновеніе; другая — оказывать совершенно спеціальное покровительство. Это — родъ обоюднаго договора. Та же формула опредѣляетъ это въ самомъ началѣ: „Справедливо, чтобы дарящій намъ вѣрность получалъ наше покровительство“. Еще болѣе опредѣленно выражено это писателемъ VII-го вѣка, называющимъ актъ „договоромъ о вѣрности“, *foedus fidei*.

Если бы мы сказали, что передъ нами здѣсь открылся феодализмъ, мы пошли бы слишкомъ далеко. Но мы находимъ уже здѣсь нѣкоторыя черты, которыя останутся въ феодализмѣ; прежде всего мы находимъ, какъ существенные элементы, клятву и договоръ; мы находимъ еще, какъ характерную форму, клятву, приносимую въ руку вождя, съ мечомъ у пояса, мы находимъ, наконецъ, нѣкоторые, также характерные термины: „вѣрный“, „другъ“ или „пэръ“ и, особенно, германскій терминъ, соотвѣтствующій римскому термину—*homo*.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Бенефицій и подчиненіе.

Надо здѣсь вспомнить то, что мы говорили выше о практикѣ бенефиція; онъ находился въ тѣсной связи съ патронатомъ или трустою. Патронатъ и бенефицій являются двумя институтами разнаго порядка, примѣнявшимися, одинъ къ человѣческой личности, другой къ землѣ; но они приводили къ совершенно одинаковымъ слѣдствіямъ.

Коммендированный становился человѣкомъ патрона; бенефицій становился имуществомъ собственника.

Коммендированный могъ не быть бенефиціаломъ; тогда онъ просилъ у патрона лишь пищи или покровительства; на практикѣ же чаще всего люди коммендировались для того, чтобы получить въ бенефиціальное владѣніе участокъ земли. Часто также человѣкъ, вступавшій подъ покровительство, получалъ землю въ видѣ награды: распространялся обычай, чтобы пользованіе землею прекращалось вмѣстѣ съ прекращеніемъ пользованія покровительствомъ.

Съ другой стороны, нельзя было быть бенефиціаломъ, не будучи въ то же время коммендированнымъ или вѣрнымъ. Если крупный собственникъ уступалъ часть своей земли по акту бенефиція или прекарія, то человѣкъ, получавшій отъ него эту милость, которую всегда можно было и отобрать, неизбѣжно оказывался подчиненнымъ его волѣ. Часто онъ заставлялъ его письменно обѣщать, что тотъ будетъ всегда повиноваться его приказамъ и оставаться у него въ подчиненіи; не было даже нужды, чтобы обѣщаніе это было записано. Господинъ во всякую минуту могъ требовать всего, что хотѣлъ, ибо онъ всегда могъ отнять землю назадъ [1].

[1] Этотъ принципъ формулировался еще въ XIV-мъ вѣкѣ слѣдующимъ образомъ: «Celui qui reçoit aucun bien en benefice, il est mendre que celui qui le fait» (*Oresme*, 123). Отмѣтимъ, что патронатъ и бенефицій были одинаково внѣзаконными практиками; онѣ ставили человѣка внѣ покровительства законовъ и въ личную зависимость къ д гому человѣку.

Если же, наоборотъ, возникавшій обратнымъ путемъ бенефицій являлся отказомъ отъ права собственности со стороны мелкаго собственника, который ограничивался сохраненіемъ пользованія, то онъ еще больше походилъ на коммендацію. Коммендація ставила въ зависимость человѣка, бенефицій—землю, и первая не обходилась безъ второго.

Итакъ бенефиціалъ становился въ зависимость отъ благодѣтеля, вступалъ подъ его власть. Отношенія между обоими людьми не опредѣлялись ни закономъ, ни договоромъ; ихъ опредѣляла воля одного изъ нихъ. Тотъ, кто владѣлъ лишь въ силу благодѣянія, былъ, слѣдовательно, лично связанъ съ благодѣтелемъ. Благодаря только тому, что онъ держалъ отъ него, пользовался его имуществомъ, занималъ землю по его милости, онъ вступалъ съ нимъ въ союзъ, отличавшійся по своей природѣ отъ всѣхъ законныхъ договоровъ, и болѣе крѣпкій, чѣмъ они. Онъ долженъ былъ давать господину нѣчто иное, чѣмъ ежегодный цензъ или арендную плату: онъ долженъ былъ приносить ему признательность, почтеніе и то, что тогда называлось вѣрностью. Подъ этимъ словомъ подразумѣвали не неопредѣленную преданность какъ бы вродѣ рыцарской вѣрности, а рядъ очень опредѣленныхъ обязанностей, совокупность извѣстныхъ услугъ и повинностей, можно даже сказать, полное подчиненіе тѣла и души. Правда, бенефиціалъ всегда сохранялъ средство вернуть себѣ независимость; ему было достаточно отказаться отъ бенефиція, ибо, подобно тому, какъ

должникъ связанъ съ заимодавцемъ лишь до уплаты своего долга, такъ и бенефиціалъ былъ связанъ съ пожалователемъ лишь до возвращенія земли. Отказываясь отъ пользованія землею, онъ снова получалъ свободу своей личности, но, пока онъ занималъ землю другого человѣка, онъ оставался подчиненнымъ этому человѣку. Онъ называлъ его именемъ господина, *dominus*, себя называлъ его вѣрнымъ, или слугою; онъ обязывался быть ему покорнымъ, *ut subiectus esset*, исполнять въ его пользу всѣ обязанности подчиненнаго, *ut debitam subiectionem semper faceret* [1]. „Я обѣщаю исполнять по отношенію къ вамъ тѣ же обязанности, какія исполняютъ другіе, занимающіе вашу землю".—Чѣмъ неопредѣленнѣе была формула, тѣмъ больше ставила она бенефиціала въ зависимость отъ дающаго. Часто послѣдній ограничивался тѣмъ, что заставлялъ его написать: „Если я стану когда-нибудь претендовать, что земля, которою я владѣю по вашему благодѣянію, принадлежитъ мнѣ, то я согласенъ, чтобы вы изгнали меня". Въ другихъ случаяхъ его заставляли подписать такую формулу: „Если вы дадите мнѣ какое бы то ни было приказаніе, а я откажусь повиноваться, вы будете имѣть право прогнать меня съ этой земли" [2]. Нѣтъ, слѣдовательно, сомнѣнія въ томъ, что съ этого уже времени бенефицій устанавливалъ отношеніе личной зависимости, и что изъ двухъ людей, которые заключали соглашеніе, одинъ становился подчиненнымъ другого.

[1] *Diplomata*, I, 130: «Testamentum Lonegisili».
[2] *Rozière*, № 324 (*Bituricenses*, 2).

Коммендація и бенефицій, различные по природѣ, оказывается, не легко различались на практикѣ. Рѣдко случалось, чтобы коммендированный не былъ бенефиціаломъ; было невозможно, чтобы бенефиціалъ не становился въ положеніе коммендированнаго. Вслѣдствіе патроната, человѣкъ терялъ права на свою личность; онъ принадлежалъ другому; онъ былъ вѣрнымъ, преданнымъ, вассаломъ, слугою. Въ силу акта бенефиція, земля также теряла свою независимость; она дѣлалась подчиненною; она облагалась повинностями, услугами, всякаго рода обязанностями. Человѣкъ и земля находились такимъ образомъ въ одинаковомъ положеніи подчиненности. Когда земля перестала быть аллодомъ, занимавшій ее человѣкъ переставалъ быть свободнымъ человѣкомъ. Такъ же, какъ собственность и свобода шествовали рядомъ, такъ же нераздѣльны были бенефицій и подчиненіе. Люди подчинялись одни другимъ посредствомъ ряда коммендацій; посредствомъ серіи бенефиціальныхъ актовъ земли располагались въ іерархическомъ порядкѣ однѣ подъ другими. Оба института выросли вмѣстѣ, сочетались, слились, и отъ нихъ родился почти весь феодальный строй.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Иммунитетъ.

Бенефицій и патронатъ были двумя жизненными практиками совершенно частнаго характера, зародившимися внѣ королевскаго дворца и проникшими

туда лишь поздно. Намъ остается изучить еще одинъ институтъ, вышедшій, наоборотъ, изъ королевскаго двора, который обязанъ своимъ происхожденіемъ актамъ оффиціальнаго характера. Это былъ—**иммунитетъ**. Надобно изучить его съ той же точки зрѣнія и въ ту же эпоху, какъ предшествующіе институты. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и они, онъ сыграетъ роль одной изъ самыхъ рѣшительныхъ причинъ перерожденія франкскаго государства и сложенія феодальнаго порядка. Если иммунитетъ выходилъ изъ другого источника, чѣмъ бенефицій и патронатъ, то онъ приводилъ къ одинаковому результату, который выразился въ томъ, что въ отношеніяхъ между людьми на мѣстѣ зависимости по закону стали связи по личному договору: въ сущности, бенефицій, патронатъ и иммунитетъ сводятся къ одному и тому же. Иммунитетъ былъ *beneficium*, то-есть, „благодѣяніе", какъ и тѣ уступки земли, которыя мы называли болѣе спеціально этимъ именемъ: дипломы обозначаютъ тѣмъ же словомъ и тотъ, и другой разрядъ милостей. Больше того, пожалованіе такого новаго благодѣянія приводило къ подобнымъ же послѣдствіямъ, какъ и бенефицій въ собственномъ смыслѣ. Иммунистъ становился обязаннымъ короля изъ подданнаго, какимъ онъ былъ раньше. Какъ бенефицій не уничтожалъ собственности, такъ и иммунитетъ не разрушалъ королевской власти, но онъ преобразовалъ ее въ патронатъ. Собственникъ, получавшій его отъ короля, занималъ положеніе вѣрнаго. Если иммунитетная хартія можетъ называться бенефиціемъ, то на нее можно смотрѣть и

какъ на хартію мундебурда. Именно соединяясь въ одно цѣлое подъ формою иммунитета, частныя практики бенефиція и патроната получили особое развитіе при дворѣ франкскихъ королей.

I.

Группировка источниковъ.

Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о памятникахъ. Ни одинъ современный писатель, не исключая Григорія Турскаго, не говоритъ объ иммунитетѣ. Это слово едва появляется иногда и появляется безъ объясненій, которыя ознакомили бы насъ съ нимъ. Оно упоминается въ постановленіяхъ орлеанскаго собора 511-го года [1], въ указѣ одного изъ королей, носившихъ имя Хлотара [2], въ одномъ письмѣ епископа Раурація, относящемся къ первой половинѣ VII-го вѣка [3].

[1] *Concilium Aurelianense*, c. 5 (*Mansi*, VIII, стр. 352; *Labbe*, IV, 1405): «Agrorum vel clericorum immunitate concessa».

[2] *Chlotarii constitutio*, c. 11 (*Pertz*, Leges, I, стр. 3; *Boretius*, Capitularia, стр. 18): «Ecclesiae vel clericis... qui immunitatem meruerunt». Сирмонъ приписывалъ этотъ указъ Хлотару I-му, вслѣдствіе находящагося въ той же статьѣ слова *germani*. Вайтцъ и Борецiусъ приписываютъ его Хлотару II-му и, вѣроятно, они правы. Но доводъ, который они приводятъ, а именно, что, будучи язычникомъ, дѣдъ Хлотара I-го не могъ давать иммунитетовъ церквамъ, должно назвать однимъ изъ тѣхъ апріорныхъ доводовъ, которые имѣютъ мало исторической цѣнности. Не будучи христіаниномъ, Хильдебертъ могъ имѣть дѣло съ епископами.

[3] *Epistola Rauracii, Nivernensis episcopi ad Desiderium* (dom Bouquet, IV, 44): «Sicut et immunitas nostra ex hoc continet».— *Vita*

Этого было бы достаточно для доказательства древности иммунитетныхъ уступокъ, но не достаточно для того, чтобы ознакомить насъ съ тѣмъ, въ чемъ состоялъ иммунитетъ. Но у насъ сохранились самые акты, то-есть, дипломы, которые были написаны по приказанію франкскихъ королей и подписаны ихъ рукою. Эти дипломы, даруя иммунитетъ, въ то же время опредѣляютъ его въ очень ясныхъ выраженіяхъ, и подробно перечисляютъ его дѣйствія [1].

Намъ кажется, что эти документы должны быть распредѣлены на двѣ категоріи, смотря по тому, предшествуютъ ли они вступленію на престолъ Дагоберта I-го, или слѣдуютъ за нимъ.

Прежде всего, у насъ есть дипломъ, приписываемый Хлодовеху и помѣченный 497-мъ годомъ [2]. Мы читаемъ тамъ, что франкскій король жалуетъ землю Іоанну, основателю реомэйскаго монастыря [3];

S. Bathildis, 9, въ «Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti», II, 78: «Eis emunitatis concessit».

[1] Мы пользовались изданіемъ *Pardessus*, Diplomata, chartae, epistolae, leges (1843—1849), которое осталось самымъ лучшимъ и послѣ того, какъ *K. Pertz* издалъ Diplomata въ «Monumenta Germaniae» (1872).—Тексты дипломовъ, находящихся въ «Archives nationales», можно найти у *Tardif*, Monuments historiques, cartons des rois.—О нѣкоторыхъ изъ этихъ дипломовъ надо прочитать работу *Th. Sickel*, Beiträge zur Diplomatik, въ отчетахъ о засѣданіяхъ вѣнской академіи, іюль, 1864, стр. 175 и слѣдующія.

[2] *Diplomata*, № 58, т. I, стр. 30.

[3] *Reomaeus*, въ pagus Tornodorensis (Ср. *Gregor. Turon.* De gloria confessorum, 87). Этотъ *pagus* не былъ частью бургундскаго королевства, какъ утверждали; согласно *Historia epitomata*, с. 19 онъ находился на территоріи Хлодовеха съ 493-го года.

продолженіе акта показываетъ, что ему и его преемникамъ даруется полный иммунитетъ на этой землѣ. Если бы подлинность этого акта была удостовѣрена, мы могли бы указать всѣ свойства меровингскаго иммунитета, со времени Хлодовеха; но текстъ диплома носитъ слишкомъ явные слѣды вставокъ позднѣйшаго времени [1]. Вѣроятно, это лишь искаженная и удлиненная копія стараго диплома [2]. Хлодовехъ даровалъ иммунитетъ, но не въ такой формѣ. Мы склонны даже думать, что тутъ срослись два акта: одинъ былъ хартіей мундебурда, другой—хартіей иммунитета; оба акта были соединены, но плохо слиты вмѣстѣ какимъ-нибудь преемникомъ, жившимъ въ значительно болѣе позднюю эпоху, чѣмъ первый жалователь. Мы не считаемъ этотъ дипломъ совершенно под-

Такимъ образомъ падаетъ одно изъ возраженій, какія дѣлали противъ правдивости этого диплома.

[1] Нельзя, напримѣръ, допустить, чтобы Хлодовехъ считалъ аббатовъ въ числѣ должностныхъ лицъ своего времени и ставилъ бы ихъ рядомъ съ епископами. См. Орлеанскій соборъ 511-го года, пров. 7 и 19.—Хлодовехъ не могъ написать «propter meritum tanti patroni... peculiarem patronum nostrum dominum Iohannem», такъ какъ въ моментъ, когда было сдѣлано пожалованіе земли, Іоаннъ не былъ еще святымъ.—Небольшой монастырь его не обладалъ еще тѣмъ *vici* и *villae*, о которыхъ онъ говоритъ въ актѣ. Выраженіе «primo subiugationis Gallorum anno» совсѣмъ не употребительно и тѣмъ менѣе понятно, что Хлодовехъ отлично зналъ, что завоевалъ Галлію не сразу и не въ опредѣленный день.—См. *Iunghans*, Childéric et Chlodovech фр. перев. G. Monod, стр. 145.

[2] Таково мнѣніе Брекиньи и Пардессю, и я считаю его болѣе вѣрнымъ и болѣе положительнымъ, чѣмъ мнѣніе Юнганса, совершенно отвергающаго этотъ дипломъ, какъ не имѣющій никакого значенія.

ложнымъ документомъ, но текстъ его подвергся большимъ измѣненіямъ, и во всякомъ случаѣ, онъ гораздо болѣе поздній, чѣмъ стоящая на немъ дата. Мы будемъ пользоваться имъ, но такъ, какъ бы онъ былъ актомъ VII-го вѣка, и произведемъ изслѣдованіе для выясненія, что такое былъ иммунитетъ, не во время Хлодовеха, а два вѣка спустя.

Не говоримъ ничего о дипломѣ, якобы данномъ Хлодовехомъ монастырю Сенъ-Пьеръ-ле-Вифъ въ Сансѣ [1]; онъ всѣми признанъ подложнымъ. Но другая грамота того же короля, подлинность которой допускается всѣми, обнаруживаетъ намъ пожалованіе Хлодовехомъ помѣстья Евспицію и Максимину и въ тоже время дарованіе этому помѣстью вѣчнаго изъятія отъ податей [2]. Это еще не полный иммунитетъ, какой мы увидимъ сейчасъ; но любопытно, что рядомъ съ этимъ мы имѣемъ еще два диплома, относящіеся къ тому же пожалованію и приписываемые тому же государю [3]: они длиннѣе настоящей грамоты, и иммунитетныя привилегіи выражены въ нихъ гораздо шире. Монастырь оказывается не только освобожденнымъ отъ налоговъ, но онъ поставленъ былъ въ независимость отъ

[1] *Diplomata*, изд. Pardessus, № 64; изд. Pertz, Spuria, № 2. Онъ содержитъ въ концѣ формулу полнаго иммунитета.

[2] *Ibidem*, № 87: «Absque tributo, naulo et exactione».—Надо замѣтить, что этотъ актъ отличается отъ всѣхъ, относящихся къ иммунитету актовъ тѣмъ, что адресованъ къ пожалованнымъ въ формѣ письма. Надо прибавить, что въ немъ нѣтъ слова «immunitas». Наконецъ, оба пожалованныя лица поставлены подъ «tuitio» епископа, что противно всѣмъ извѣстнымъ намъ иммунитетнымъ хартіямъ. Эту грамоту нельзя считать типичною.

[3] *Ibidem*, № 88 и 89.

всякой гражданской и церковной власти. Нельзя ли предположить, что эти дипломы—позднѣйшія копіи, въ которыя преемники первыхъ царствователей включили, что было возможно? Если такъ, то можно представить себѣ, какъ привилегія расширялась съ каждою копіей.

Отъ сыновей и внуковъ Хлодовеха намъ осталось четыре диплома, относящіеся къ предмету нашего изслѣдованія: два отъ Хильдеберта I-го; одинъ, въ пользу анизольскаго монастыря, отъ Хильпериха [1] и одинъ отъ Хлотара I-го, въ которомъ утверждается то, что было даровано реомэйскому монастырю Хлодовехомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей въ формѣ ихъ написанія, эти акты разсматриваются вообще, какъ подлинные. Но мы должны обратить вниманіе, что это скорѣе были дипломы о мундебурдѣ, чѣмъ объ иммунитетѣ, хотя главная черта иммунитета въ нихъ и обнаруживается. Намъ можно будетъ пользоваться ими, но ихъ недостаточно для того, чтобы хорошо ознакомиться съ иммунитетомъ. Итакъ, отъ времени Хлодовеха до конца VI-го вѣка, документы малочисленны, неясны и невполнѣ достовѣрны. Они показываютъ, что иммунитетъ уже существовалъ, но не позволяютъ утверждать, что онъ шелъ тогда дальше изъятія отъ налоговъ.

Послѣднее замѣчаніе подтверждается также чтеніемъ Флодоарда; этотъ хроникеръ писалъ въ X-мъ вѣкѣ, но въ рукахъ у него были гораздо

[1] Жюлліенъ Авэ недавно отвергъ три анизольскихъ диплома и отнесъ ихъ къ IX-му вѣку. См. *Iulien Havet*, Questions Mérovingiennes, IV, Ecole des Chartes, т. XLVIII, 1887.

болѣе древніе дипломы. Когда онъ говоритъ объ иммунитетѣ, дарованномъ Хлодовехомъ реймсской церкви, то ясно, что онъ видитъ въ немъ лишь освобожденіе отъ налоговъ [1]. То же самое замѣчается и тогда, когда онъ говоритъ о дипломѣ, дарованномъ той же церкви Хильдебертомъ II-мъ [2], и лишь позднѣе уже, говоря объ одномъ епископѣ VII-го вѣка, онъ описываетъ болѣе широкій иммунитетъ.

Начиная съ VII-го вѣка, число дипломовъ въ самомъ дѣлѣ становится велико, и иммунитетъ появляется въ нихъ въ полномъ своемъ развитіи и со всѣми признаками, какіе онъ сохранитъ въ теченіе шести вѣковъ.

Многіе изъ этихъ дипломовъ приписываются Дагоберту I-му; мы назовемъ только одинъ, 627-го года данный въ пользу вормсской церкви [3],

[1] *Flodoardus*, Historia ecclesiae Remensis, II, 2: «A tempore domni Remigii et Clodovei regis, ab omni functionum publicarum iugo liberrima exstitit».

[2] *Ibidem*, II, 2: «Praesul Egidius apud regiam maiestatem immunitatis praeceptum ecclesiae suae obtinuit ut ab omni fiscali functione vel mutilatione haberetur immunis».

[3] *Diplomata*, № 242. Подлинность его оспаривается, но не приводится вполнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, посколько дѣло, по крайней мѣрѣ, касается его сущности. Пертцъ относитъ его къ *spuria*.—Пардессю помѣстилъ, какъ извѣстно, въ свой сборникъ подъ ихъ датой спорные дипломы и даже дипломы, признанные подложными, и онъ былъ правъ. Искаженный актъ, передѣланный и интерполированный, можетъ быть очень полезенъ историку. Можно извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ совершенно поддѣльнаго акта, особенно если возможно разобрать, въ какое время онъ былъ поддѣланъ, и подъ условіемъ, чтобы свѣдѣнія, какія находятся въ немъ, относились не къ помѣченному на немъ времени, а къ тому, когда актъ былъ написанъ.

другой въ пользу трирской церкви, въ 632-мъ году [1], дипломъ 635-го года для *matricularii* сенъ-денисскаго аббатства [2], дипломъ 635-го года въ пользу монастыря Ребэ изъ мосской епархіи [3], наконецъ, актъ того же государя, данный сенъ-денисскому аббатству между 631-мъ и 637-мъ годами [4].

Затѣмъ мы находимъ два диплома Хлодовеха II-го, данные—одинъ монастырю Сенъ-Моръ, другой — монастырю Сенъ-Дени [5]; два диплома

[1] *Ibidem*, № 258.

[2] *Ibidem*, № 268. Фактъ иммунитета выясняется изъ употребленія словъ «absque introitu iudicum», которыя мы пояснимъ дальше.

[3] *Ibidem*, № 270. Ср. съ этимъ дипломомъ, дарующимъ гражданскій иммунитетъ, двѣ буллы Іоанна IV-го и Мартина I-го, дарующія тому же монастырю церковный иммунитетъ (*ibidem*, №№ 302 и 311).

[4] У насъ есть три текста этого диплома: два находятся въ хартуляріи Сенъ-денисскаго аббатства отъ XIV-го вѣка, (*Bibtiothèque Nationale*, lat. 5415) и третій въ *Archives nationales*, K, 1, 7. Послѣдній похожъ на первый текстъ хартулярія; второй текстъ хартулярія замѣтно отличается отъ двухъ другихъ. При этомъ текстъ, находящійся въ «Archives nationales», не подлинный; это копія IX-го вѣка. Пардессю, Пертцъ и Зиккель сходятся въ мнѣніи, что дипломъ этотъ поддѣльный, въ какомъ бы текстѣ его ни читать. Надо понимать, что онъ поддѣльный по формѣ, въ какой дошелъ до насъ, то-есть, въ лучшемъ случаѣ, что это искаженная копія настоящаго диплома. Говорили, что авторомъ перваго иммунитета, дарованнаго сенъ-денисскому аббатству, былъ Хлодовехъ, но этого не видно изъ документовъ.— Первый текстъ хартулярія можно найти у *Pardessus*, Diplomata № 282, второй текстъ въ № 281 и текстъ Arch. nat. въ «Monuments historiques» у *Tardif*, стр. 7—8.

[5] *Diplomata*, №№ 291 и 322.

Хлотара III-го въ пользу корбійскаго аббатства [1], четыре диплома Хильдеберта II-го монастырямъ сенонскому, монтьеандерскому, монастырю святого Григорія въ Эльзасѣ и шпейерской церкви [2]; пять дипломовъ Теодериха III-го монастырямъ Анизолы, Сенъ-Дени, Сенъ-Бертена, Эберсмюнстера въ Эльзасѣ, Монтье-анъ-Дера (Montier en Der) [3]; два диплома Хлодовеха III-го, Анизолѣ и Сенъ-Бертену [4]; два диплома Хильдеберта III-го, подлинный текстъ которыхъ находится въ „Archives nationales"; одинъ—въ пользу сенъ-морскаго [5], другой—въ пользу туссонвальскаго монастырей [6]; четыре диплома того же государя въ пользу монастыря святого Сергія въ Анжерѣ, въ пользу церквей Вьенны и Манса [7] и женскаго монастыря въ Аржантейлѣ [8]; два диплома Дагоберта III-го

[1] *Ibidem*, №№ 336 и 337.

[2] *Diplomata*, № 341, 367, 368 и Additamenta, т. II, стр. 424.

[3] *Ibidem*, №№ 372, 397, 402, 403.—Жюлліенъ Авэ отвергаетъ также дипломъ Теодериха III-го. Что касается другихъ анизольскихъ дипломовъ, которые мы называемъ дальше, и которые Авэ признаетъ, то см. ихъ тексты, которые Авэ приводитъ въ Questions mérovingiennes, стр. 217 и слѣдующія.

[4] *Ibidem*, №№ 417 и 428.

[5] *Archives nationales*, K, 3, 12[3]. Онъ былъ изданъ *Bordier*, въ Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1849, стр. 59 и *Tardif*. Monuments historiques, cartons des rois, № 41, ст. 34. Онъ былъ помѣщенъ въ Diplomata у K. Pertz'а, стр. 64.

[6] *Archives nationales*, K, 3, 10, *Diplomata*, изд. Pardessus, № 436. Это дипломъ подтверждаетъ прежній дипломъ Теодериха III-го.

[7] *Diplomata*, № 444, 445, 463.

[8] *Ibidem*, № 441. Дипломъ имѣетъ особую форму, и иммунитетъ въ немъ, это понятно, менѣе широкій, чѣмъ въ другихъ. Въ приложеніи Маркульфа, № 44 (*Rozière*, № 23; *Zeumer*, стр. 200—201) также отыскивается иммунитетъ, данный женскому монастырю.

въ пользу анизольскаго монастыря и мансской церкви [1]; дипломъ Хильпериха II-го въ пользу сенъ-денисскаго аббатства, подлинникъ этого диплома находится въ національномъ Архивѣ [2]; другой дипломъ того же государя въ пользу сенъ-бертенскаго монастыря [3]; четыре диплома Теодериха IV-го для Сенъ-Бертена, Анизолы, Мормюнстерскаго монастыря близъ Саверна и для мюрбахскаго монастыря [4]; дипломъ Хильдериха III-го для Сенъ-Бертена [5], и наконецъ дипломъ Пиппина, дѣйствовавшаго еще въ качествѣ дворцоваго мэра, въ пользу анизольской церкви [6].

Всѣ перечисленные акты нельзя назвать одинаково удостовѣренными со стороны подлинности. Мы имѣемъ оригиналы лишь очень небольшого ихъ числа; нѣкоторые другіе сохраняются въ копіяхъ IX-го или X-го вѣка. Большая же часть находится въ хартуляріяхъ позднѣйшей эпохи, гдѣ они могли быть искажены переписчиками. Но если бы даже мы имѣли въ рукахъ только два подлинныхъ диплома Хильдеберта III-го и одинъ дипломъ Хильпериха II-го, которые хранятся въ „Archives natio-

[1] *Ibidem*, №№ 482, 486.

[2] *Archives nationales*, K, 3, 17; *Tardif*, Monuments historiques, стр. 38—39; Diplomata, № 495.

[3] Извлеченіе изъ хартулярія, составленнаго монахомъ Фолькеномъ въ X-мъ вѣкѣ. См. *Guérard*, Cartulaire de Saint-Bertin стр. 27. *Ibidem*, 507.

[4] *Diplomata*, №№ 515, 522, 531, 542.

[5] *Ibidem*, № 570.

[6] *Ibidem*, № 568.

nales", то и этихъ трехъ безспорныхъ документовъ было бы достаточно для того, чтобы ознакомиться съ меровингскимъ иммунитетомъ. Другіе дипломы очень походятъ на только что указанные три и почти всегда содержатъ одинаковыя съ ними статьи. Можно оспаривать нѣкоторыя даты и подписи; можно кое-гдѣ сомнѣваться въ нѣкоторыхъ строкахъ, но всѣ дипломы образуютъ комплексъ памятниковъ, историческая цѣнность которыхъ безспорна [1].

Только что сдѣланное нами перечисленіе даетъ поводъ еще къ одному замѣчанію. Большое количество иммунитетныхъ дипломовъ, избѣгнувшихъ гибели, позволяетъ судить о множествѣ такого рода привилегій, получавшихся отъ меровингскихъ королей. Ихъ раздавали, повидимому, всѣ короли. Иммунитетъ ведетъ начало не отъ времени упадка Меровинговъ; онъ почти такъ же старъ, какъ франкская монархія. Онъ не былъ вырванъ у особенно слабыхъ государей; отъ Дагоберта I-го, то-есть, отъ самаго могущественнаго и самаго неограниченнаго изъ королей, мы сохраняемъ наибольшее число иммунитетовъ. Словомъ, иммунитетное пожалованіе не было актомъ, исключительнымъ или выходившимъ изъ нормальнаго порядка; то былъ весьма обычный и очень постоянный пріемъ меровингскаго управленія.

[1] Флодоардъ держалъ передъ глазами старые иммунитетные дипломы: «Quarum adhuc regalium monumenta preceptionum in archivo ecclesiae conservantur». Онъ не помѣстилъ ихъ въ своей исторіи, но резюмировалъ ихъ содержаніе, и его сводъ вполнѣ сходится съ имѣющимися дипломами.

Можно думать, что въ дворцовыхъ канцеляріяхъ (*scrinia palatii*), существовали оффиціальныя формулы и постоянные образцы для иммунитетовъ, какъ и для всѣхъ другихъ категорій актовъ. Мы убѣждаемся въ этомъ по единству стиля почти всѣхъ дипломовъ. Возникли ли они въ Австразіи или въ Нейстріи, мы наблюдаемъ всегда тотъ же самый языкъ, то же тщательно обработанное и опредѣленное построеніе рѣчи и, особенно, то же основное содержаніе.

У насъ нѣтъ текста самаго формуляра королевской канцеляріи. Но монахъ Маркульфъ составилъ въ VII-мъ вѣкѣ сборникъ формулъ, употреблявшихся въ дворцовомъ судѣ, или на судахъ графовъ, (*in palatio aut in pago*). Среди первыхъ онъ помѣстилъ шесть формулъ объ иммунитетѣ [1]. Онѣ, списанныя Маркульфомъ съ очень многихъ реальныхъ актовъ, пріобрѣтаютъ то же значеніе, что сами дипломы, для которыхъ служатъ образцомъ; и въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ своихъ основныхъ чертахъ онѣ, оказывается, согласны съ только что названными нами королевскими дипломами.

Таковы наши документы. Ихъ немного отъ

[1] *Marculf*. I, 3 (*Rozière*, 1859, № 16; *Zeumer*, стр. 43). Формула эта озаглавлена: *Emunitate regia*. — *Idem*, I, 4 (*Rozière*, 20; *Zeumer*, стр. 44): «Confirmatio de emunitatem».—*Idem*, I, 17 (*Rozière*, № 152; *Zeumer*, № 54): «Confirmacio ad secularibus viris».— Формула I, 16, также содержитъ упоминаніе объ иммунитетѣ. Формула I, 2, относится одновременно къ иммунитету, освобождавшему отъ епископа и отъ гражданскихъ властей.—Наконецъ *Appendix ad Marculfum*, 44 (Rozière, № 23; Zeumer, стр. 200), и *Senonicae*, 35, также заключаетъ въ себѣ иммунитетное пожалованіе; но, вѣроятно, оно отъ каролингскаго времени.

VI-го вѣка и очень много отъ VII-го. Они въ совокупности подлинные и почти оффиціальные. Однако, мы должны замѣтить, что всѣ эти дипломы отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ; природа ихъ одинакова. Историкъ дѣйствительно владѣетъ предметомъ лишь тогда, когда въ его распоряженіи находятся разнородные документы объ изучаемомъ предметѣ. Ему нужны противорѣчащіе другъ другу, иногда противоположные источники. Особенно нужно это для того, кто изучаетъ исторію учрежденій; онъ нуждается въ документахъ, которые освѣдомляли бы его о ихъ легальной природѣ, а также въ другихъ, которые показывали бы ихъ примѣненіе въ жизни со всѣми различіями и оттѣнками. Посмотрите, какое неправильное понятіе составляютъ себѣ нѣкоторые о франкскомъ обществѣ, когда судятъ о немъ по однимъ лишь законодательнымъ памятникамъ. Желая знать разныя стороны быта одного и того же общества, устройства одного и того же института, надобно извлекать свѣдѣнія изъ самыхъ противорѣчивыхъ документовъ. Вотъ почему, наряду съ дипломами и формулами, представляющими намъ законныя нормы иммунитета, мы желали бы найти нѣсколько описаній у историковъ или анналистовъ, нѣсколько писемъ, нѣсколько разсказовъ, которые показали бы намъ, каковъ былъ иммунитетъ на практикѣ. Отсутствіе такого рода памятниковъ и составляетъ трудность предмета, оно и ставитъ преграду нашему изслѣдованію [1].

[1] Среди новѣйшихъ трудовъ по данному вопросу назовемъ: *Pardessus*, La loi Salique, стр. 588 и слѣдующія. — *Lehuerou*, Institutions carolingiennes, стр. 245—252.—*Roth*, Geschichte des Beneficialwesens (1850), стр. 118 119.—*Zoepfl*, Deutsche Rechtsgeschichte, 1872, т. II, стр. 223 — 228. — *Idem*, Altherthümer, 1860, т. I, стр. 39 — 54. — *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. II, стр. 634 — 645 второго изданія.—*Th. Sickel*, Beitraege zur Diplomatik, III, въ «Sitzungsberichte» вѣнской академіи, 1864, іюль, стр. 175 и слѣд. Совсѣмъ недавно *Prost* напечаталъ въ «Revue historique du droit français et étranger», т. VI, серьезное изслѣдованіе объ иммунитетѣ; но нѣкоторыя положенія его кажутся намъ неправильными. Онъ, впрочемъ, мало занимается меровингскимъ періодомъ, составляющимъ главный предметъ нашего труда.

2.

Причины, которыя могли создать иммунитетъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ прямому изслѣдованію иммунитета, полезно бросить взглядъ на правленіе франкскихъ королей и ихъ администрацію. Тутъ будетъ видно, среди какихъ условій возникъ иммунитетъ, быть можетъ, удастся и усмотрѣть, какія причины его породили.

Правленіе преемниковъ Хлодовеха являлось абсолютною монархіею. Королевская власть была наслѣдственною и дѣлилась между сыновьями, какъ собственность. Многочисленные литературные памятники, описывающіе жизнь того времени, никогда не показываютъ намъ ничего такого, что походило бы на народныя собранія. Мы часто видимъ собравшихся воиновъ, но никогда не видимъ народа, который обсуждалъ бы дѣла. Франкскіе короли не встрѣчали законныхъ ограниченій въ своихъ верховныхъ правахъ.

Король соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ элементы власти. Онъ былъ верховнымъ судьей всего населенія королевства, безъ различія расъ. Окруженный высшими сановниками дворца, онъ рѣшалъ тяжбы и каралъ преступленія. Онъ присуждалъ къ заключенію, къ конфискаціи имущества, къ смерти. Довольно часто приходится видѣть, что онъ наказывалъ обвиняемаго, будь то Галлъ или Франкъ, смертью, избавляя себя отъ всякихъ судебныхъ формальностей, и противъ этого не раздавалось никакого протеста, никто не считалъ, чтобы это было превышеніемъ права. Увеличивалъ ли король число обвинительныхъ приговоровъ, какъ Хильперихъ, „ради своего обогащенія путемъ конфискацій имущества осужденныхъ", или же, какъ Дагабертъ, „онъ судилъ съ такою справедливостью, что наводилъ страхъ на знатныхъ, а бѣдныхъ наполнялъ радостью",— и въ томъ и въ другомъ случаѣ король неоспоримо признавался высшимъ судьей въ государствѣ.

Онъ взималъ подати и самъ назначалъ ихъ сумму, при чемъ мы никогда не видимъ, чтобы онъ совѣщался объ этомъ съ народомъ. Онъ начальствовалъ надъ войскомъ и по своей волѣ назначалъ воинскіе сборы. Всѣ подданные, безъ различія расъ, брались по его приказу за оружіе и шли, куда онъ хотѣлъ [1]. Онъ велъ войну или сохранялъ миръ по своему произволу; онъ принужденъ былъ, конечно, угождать своимъ воинамъ и, особенно, удовлетворять ихъ алчности, но никогда не былъ обязанъ обсуждать предстоящую войну или предстоящій договоръ съ націей или собраніемъ.

[1] См. обо всемъ этомъ и о дальнѣйшемъ подробности въ нашей книгѣ «Франкская монархія».

Такова была до конца королевская власть Меровинговъ. Даже при короляхъ, которыхъ, справедливо или нѣтъ, назвали потомъ лѣнивыми, королевская власть оставалась не менѣе абсолютною. Больше было раздоровъ, больше честолюбій кипѣло вокругъ престола, больше происходило возстаній въ странѣ, но не расширилась свобода подданныхъ. Во время междоусобій возводили и свергали королей, но никто, повидимому, не думалъ объ установленіи свободнаго строя или о законномъ ограниченіи королевской власти.

Чтобы обезпечить повиновеніе областей, королевская власть имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлую административную организацію, завѣщанную ей римской имперіей. Вмѣсто того, чтобы уничтожить ее, она ее расширила. Она увеличила число агентовъ власти. У нея были свои *duces* и *comites*, ихъ было почти столько же, сколько въ имперіи; рядомъ съ ними появились *vicarii*, *tribuni*, *centenarii*. Такъ образовалась сѣть, покрывшая все королевство; она какъ бы расширила присутствіе королевской власти повсемѣстно до самыхъ отдаленныхъ мельчайшихъ округовъ. Герцоги и графы назначались королемъ и могли имъ же смѣщаться. Викаріи, трибуны и сотники назначались, повидимому, графами, уполномоченными которыхъ они являлись. Герцоги и графы получали приказанія непосредственно отъ короля; викаріи и сотники

получали приказанія отъ графа. Всѣ они были представителями королевской власти для населенія.

Общимъ терминомъ, которымъ обозначали членовъ сложной и многочисленной административной іерархіи, было слово *iudices*. Этотъ терминъ достался франкскому королевству отъ римской имперіи, гдѣ имъ обозначались намѣстники провинцій. Онъ употреблялся въ теченіе всего меровингскаго періода. Когда мы встрѣчаемъ слово *iudex* въ законахъ или въ историческихъ памятникахъ, не слѣдуетъ думать, что рѣчь идетъ просто о должностномъ лицѣ съ судебною компетенціею, еще того менѣе, о частномъ человѣкѣ, временно облеченномъ правомъ судить. Подъ именемъ—*iudex* разумѣлись и герцогъ, и графъ, и *vicarius* или сотникъ, то-есть, такъ именовались административныя должности. Часто лица эти называются въ текстахъ *iudex publicus*, что означаетъ не что иное, какъ королевскаго судью, или королевскаго чиновника. Короли въ одинаковомъ смыслѣ говорятъ *iudices publici* или *iudices nostri*. Тѣ же люди обозначаются словами *agentes nostri*, наши должностныя лица; то были агенты короля, подобные тѣмъ, какихъ имѣли, какъ бы въ видѣ управителей епископы, *agentes episcoporum*, какихъ имѣли въ качествѣ завѣдывавшихъ ихъ помѣстьями богатые землевладѣльцы *agentes potentum*. Эти термины, примѣнявшіеся къ меровингскимъ герцогамъ, графамъ и сотникамъ, совершенно соотвѣтствуютъ употреблявшемуся во Франціи XVII-го вѣка выраженію „*officiers du roi*“. Въ современномъ французскомъ языкѣ къ меро-

вингскому термину *iudices* всего больше приближается по смыслу слово *fonctionnaires*.

На этихъ людей было возложено управленіе городами и округами отъ имени короля и въ видѣ службы королю. Подъ управленіемъ не подразумѣвалось тогда попеченіе о моральныхъ и матеріальныхъ нуждахъ населенія, содержаніи дорогъ или школъ. Управленіе, *iudiciaria potestas* [1], обнимало полицію, судъ, взиманіе налоговъ, наборъ войска и начальствованіе надъ нимъ. Все это было соединено въ рукахъ одного и того же должностного лица. Въ ввѣренномъ ему королемъ округѣ, онъ являлся одновременно администраторомъ, судьей, сборщикомъ податей и военачальникомъ. Въ каждомъ изъ этихъ вѣдомствъ онъ дѣйствовалъ по своему произволу, какъ властелинъ, отвѣтствуя лишь передъ королемъ. Документы не указываютъ, чтобы рядомъ съ нимъ существовала какая-нибудь законная сила для ограниченія его власти или для контроля надъ его дѣйствіями. Мы замѣчаемъ, правда, что на практикѣ онъ долженъ былъ ладить съ крупными собственниками округа и, въ особенности, съ епископами; но мы никогда не замѣчаемъ, чтобы рядомъ съ нимъ стояло что-либо подходящее на провинціальное или окружное собраніе. Противъ всѣхъ произвольныхъ дѣйствій правителя населеніе имѣло одно лишь прибѣжище: обращеніе къ королю; но понятно, что это при-

[1] Слова *iudicaria potestas* примѣнялись въ меровингскомъ языкѣ ко всякой публичной должности, данной королемъ: «Ducibus, comitibus, seu quacumque iudiciaria potestate praeditis» (*Diplomata*, № 306 и passim).

бѣжище было доступно лишь для самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей, тѣмъ болѣе, что множество примѣровъ заставляетъ насъ думать, что прежде всего важнымъ средствомъ для открытія себѣ дверей высшаго трибунала, являлось поднесеніе королю подарковъ [1]. Итакъ, герцсгъ, графъ, или сотникъ легко превращались въ маленькихъ мѣстныхъ тиранновъ. Они могли притѣснять, какъ судьи, могли притѣснять, какъ сборщики налоговъ, какъ военачальники [2]. Всемогущество графа было тѣмъ болѣе велико, что всѣ низшія должностныя лица назначались имъ, и, слѣдовательно, были вполнѣ ему преданы. Это ясно обнаруживается изъ предписанія короля Гунтрамна, запрещавшаго графамъ „выбирать въ намѣстники или назначать въ различныя части графства людей, которые изъ продажности потворствуютъ разбойникамъ“ [3].

Что касается самихъ графовъ, то ихъ корыстолюбіе было такъ сказать простительно. Они чаще всего покупали у короля свои должности [4]. Такъ какъ имъ не присваивалось при томъ никакого

[1] *Greg. Turon.* Historia Francorum, IV, 46; VIII, 43; X, 21. *Vita S. Rigomeri* (y dom Bouquet, III, 427).

[2] Въ особенности могли они злоупотреблять штрафомъ, называвшимся *heriban*. См. нѣсколько примѣровъ у *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, V, 28; VII, 42. Ср. *Lex Ripuaria*, LXV; *Diplomata*, т. II, стр. 233.

[3] *Guntchramni praeceptio*, Boretius, Capitularia, стр. 12. *Pertz*, Leges, I, 3. Ср. капитулярій 884-го года: «Comes praecipiat suo vicecomiti suisque centenariis». Шалонскій соборъ 813-го года, с. 21: «Comites... ministros quos, vicarios et centenarios vocant iustos habere debent».—О подчиненіи викарія графу см. въ соотв. мѣстѣ «Франкской монархіи».

[4] *Gregor. Turon.* Historia Francorum, IV, 42; VIII, 18.

жалованія, и такъ какъ для своего обогащенія, и для содержанія своей многочисленной свиты они получали лишь часть судебныхъ штрафовъ и фискальныхъ доходовъ, то они и были заинтересованы въ томъ, чтобы судъ совершался очень строго, налоги были очень высоки и военная служба сурово. Всякаго рода злоупотребленія властью приносили имъ выгоду.

У Григорія Турскаго можно найти рядъ подробностей, доказывающихъ алчность и жестокость почти всѣхъ этихъ лицъ, которымъ рѣшались противостоять одни епископы [1]. У насъ есть письмо одного епископа, который страшится для своихъ земель и для рабовъ „грабежей чиновниковъ“ [2]. Что думали о нихъ сами короли, мы можемъ прочитать въ ихъ указахъ. Хлотаръ I-й говоритъ о графѣ, который произноситъ несправедливые приговоры [3]. Гунтрамнъ считаетъ нужнымъ спеціально предписывать своимъ графамъ, чтобы они „постановляли лишь справедливыя рѣшенія“, и онъ опасается, чтобы ихъ викаріи „не поддерживали виновныхъ и не обогащались несправедливыми поборами“ [4]. Другой король угрожаетъ смерт-

[1] *Gregor. Turon.* Historia Francorum, III, 16; IV, 40; V, 48; VIII, 43; etc.

[2] *Epistola Rauracii episcopi ad Desiderium* (Bouquet, IV, 44): «Ut de iudicum infestatione liceat eis vivere cum quiete».

[3] *Constitutio Chlotarii*, 6: «Si iudex aliquem contra legem iniuste damnaverit, in nostri absentia ab episcopis castigetur» (изд. Boretius, стр. 191).

[4] *Guntramni edictum* (Boretius, Capitularia, стр. 12): «Cuncti iudices iusta studeant dare iudicia; non vicarios aut quoscumque de latere suo per regionem sibi commissam instituere praesumant qui

ной казнью чиновникамъ, которые изъ корыстолюбія будутъ отпускать на свободу виновныхъ [1]. Мы видимъ, что въ своихъ дипломахъ короли постоянно запрещаютъ своимъ агентамъ отнимать [2], узурпировать чужую землю [3], возбуждать несправедливыя обвиненія [4]. Зная, что думали о своихъ чиновникахъ короли, мы можемъ судить, что о нихъ думало населеніе.

Въ итогѣ, власть короля была абсолютная и неограниченная въ королевствѣ, власть чиновника—въ его области; никакого законнаго ограниченія не ставилось ни тому, ни другому; народу не было обезпечено никакого права противъ правителей всѣхъ возможныхъ степеней; должностное лицо являлось не защитникомъ, а грабителемъ, могущимъ обогатиться лишь на счетъ населенія: вотъ факты, предшествовавшіе иммунитету и окружавшіе его и, можетъ быть, его породившіе. Онъ возникъ именно въ описанной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе этого изслѣдованія мы увидимъ, что такая личная привилегія могла зародиться лишь при строѣ, въ которомъ не существовало общественныхъ свободъ.

---

malis operibus consentiendo venalitatem exerceant, aut iniqua quibuscumque spolia inferre praesumant».

[1] *Decretio Childeberti*, ст. 7 (изд. *Boretius*, стр. 17).

[2] «Ut nulli iudicum licentia sit aliquid defraudare» (*Diplomata*, № 270).

[3] *Ibidem*, №№ 111, 341, 372, 531.

[4] *Ibidem*, № 441: «Nullam calumniam generare praesumatis».

3.

Основные признаки иммунитета.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы составить себѣ точное понятіе объ иммунитетѣ, будетъ разобрать одинъ изъ документовъ, всего полнѣе его опредѣляющихъ. Возьмемъ формулу, стоящую въ сборникѣ Маркульфа подъ № 3. На нее можно смотрѣть какъ на самый обычный типъ этого рода пожалованій въ VII-мъ вѣкѣ.

Прочитаемъ прежде всего ея предисловіе.— „Мы полагаемъ, что являемъ свою королевскую власть во всемъ ея величіи, когда въ силу доброжелательнаго намѣренія даруемъ церквамъ — или всякому другому лицу — подобающія имъ благодѣянія и съ помощью Божіей начертываемъ обезпечивающую прочность нашихъ милостей грамоту. Итакъ, мы объявляемъ вашему усердію, что по просьбѣ апостольскаго мужа, господина такого-то, епископа такой-то церкви, мы даровали ему въ видѣ вѣчной нашей награды слѣдующую милость“ [1]. Предисловіе это не лишено значенія, и слѣдуетъ разобрать его почти отъ слова до слова.

„Мы полагаемъ“.—Это говоритъ, очевидно, король. Дѣйствительно всѣ дипломы начинаются съ

[1] *Marculf*. I, 3: «Maximum regni nostri augere credimus monimentum, si beneficia oportuna loca ecclesiarum, aut cui volueris dicere, benivola deliberatione concedimus ac, Domino protegente, stabiliter perdurare conscribimus. Igitur noverit Solertia Vestra nos ad peticionem apostolico viro domino illo, illius urbis episcopo, talem pro aeterna retributionem beneficium visi fuemus indulsisse ut...»

имени короля и съ указанія двухъ его официальныхъ титуловъ: *Rex Francorum, vir inluster*. Надо замѣтить, что всѣ иммунитетные дипломы исходятъ непосредственно отъ короля и только отъ него. Иммунитетъ никогда не даруется ни герцогомъ, ни графомъ. Это исключительно королевскій актъ. Никогда не говорится также о томъ, чтобы онъ давался по иниціативѣ или совѣту одного изъ высшихъ должностныхъ лицъ. Согласіе придворныхъ вельможъ. необходимое, повидимому, для другихъ актовъ, никогда не упоминается въ актахъ объ иммунитетѣ [1]. Король—единый виновникъ пожалованія.

Во-вторыхъ, мы замѣчаемъ, что это пожалованіе совершается всегда въ формѣ оффиціальнаго акта. Оно не производится устно или посредствомъ простой грамоты. Актъ иммунитета — настоящій королевскій указъ. Его называютъ *auctoritas* или *praeceptum* [2]. Не будемъ предполагать, что актъ

[1] Въ нѣкоторыхъ иммунитетныхъ грамотахъ стоитъ нѣсколько подписей епископовъ или графовъ; но онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ, подлинность которыхъ наиболѣе удостовѣрена.

[2] «Praesens auctoritas» (*Marculf.* I, 3).—«Haec auctoritas» (*idem*, I, 4).—«Ut haec auctoritas firmiorem habeat vigorem» (дипломъ 528-го года, № 111).—«Per propriam nostram auctoritatem» (дипломъ 637-го года, № 281).—«Huic nostrae auctoritatis decreto» (дипломъ 661-го года, № 341).—«Hac auctoritate concedimus» (дипломъ 683-го года, № 402).—«Per praesentem praeceptum» (дипломъ 546-го года, № 144).—«Praeceptum decreti nostri» (дипломъ 635-го года, № 270).—«Per hoc praeceptum decernimus» (дипломъ 682-го года, № 400).—«Per hunc praeceptum iubemus» (дипломъ 716-го года, № 495).—«Per praesente praecep-

составлялся заинтересованнымъ епископомъ, что онъ приносилъ его совсѣмъ готовымъ и представлялъ къ королевской подписи. Его писали въ дворцовыхъ канцеляріяхъ, и подавалъ его королю референдарій, проставлявшій на немъ свое имя, какъ бы для сохраненія отвѣтственности [1]. Затѣмъ онъ подписывался королемъ, и къ нему прикладывалась печать королевскимъ перстнемъ, какъ ко всякому другому декрету [2].

„Если въ силу доброжелательства нашего мы даруемъ церквамъ благодѣянія“.—Эта фраза въ формулѣ не пустое украшеніе или канцелярская риторика. По нашему мнѣнію, въ ней заключается большая важность. Она показываетъ, что пожалованіе было безусловно добровольное со стороны короля. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ дипломахъ можно видѣть, что иммунитетъ никогда не представляется правомъ церквей. Иммунитетъ всегда есть милость, *beneficium* [3]. Онъ происходитъ исклю-

tione decernimus urdenandum» (дипломъ Хильдеберта III-го, Archives nationales; Tardif, Monuments historiques, № 41).

[1] «Nordebertus obtulit» (дипломъ Хильдеберта III-го для Туссонваля); «Sygobaldus iussus obtulit» (дипломъ того же для Сенъ-Мора); «Actulius iussus optulit» (дипломъ Хильпериха II-го для Сенъ-Дени); «Chrodebertus recognovit» (дипломъ того же для того же монастыря).—«Archives nationales», К, 3, 10; К, 3, 12²; К, 3, 17; К, 3, 18.

[2] *Marculf.* I, 3: «Et ut presens auctoritas tam presentis quam futuris temporibus inviolata permaneat, manus nostrae subscribtionibus infra roborare decrevimus».—Эта фраза встрѣчается почти во всѣхъ дипломахъ.

[3] Стоящій въ формулѣ Маркульфа терминъ «beneficium» встрѣчается во всѣхъ почти иммунитетныхъ дипломахъ: «Tale nos praestitisse beneficium» (дипломъ 660-го года, № 337); «tale

чительно отъ милости короля, *ex nostra indulgentia et nostra munificentia* [1]. Составители актовъ преднамѣренно нагромождаютъ выраженія, указывающія на собственную инціативу короля, на его волю даровать милость [2]. Побудительной причиной этой милости король выставляетъ часто свое благочестіе или заботу о своемъ спасеніи [3]. Онъ пишетъ, напримѣръ: „Думая о спасеніи нашей души и о вѣчномъ воздаяніи, мы разсудили" [4]. Фразы эти стоятъ, по нашему мнѣнію, для указанія того, что король дѣйствуетъ вполнѣ по своей волѣ, безъ какого-либо давленія или обязательства и особенно безъ всякого побужденія мірского свойства. Согласно принятой всѣми формулѣ, иммунитетъ былъ всегда только милостью.

Поэтому, двумя строками дальше, читаемъ въ формулѣ Маркульфа: „По просьбѣ такого-то епи-

beneficium concessimus ut» (дипломъ 682-го года, № 400); «ipsa beneficia concessa» (дипломъ 718-го года, № 507).—Когда нѣтъ слова «beneficium», есть синонимъ его; термины «indulsimus», «indultum» повторяются безпрестанно.

[1] Дипломы 635-го года, № 270; 661-го года, № 341, и т. д.

[2] «Gratanti animo nos praestitisse» (дипломъ 546-го года, № 144); «libenti animo» (дипломъ 528-го года, № 111); «nos promptissima voluntate concessisse» (дипломъ 637-го года, № 281); «plena et integra voluntate visi fuimus concessisse» (дипломъ 673-го года, № 368).

[3] *Marculf.* I, 3, in fine: «Quod nos propter nomen Domini et animae nostrae remedium indulsimus».

[4] Дипломъ 627-го года, № 242: «De remedio animae nostrae et de futura retributione cogitantes».—Дипломъ 632-го года, № 258: «Pro divini cultus amore et animae nostrae remedio».—Дипломъ 705-го года, № 463: «Pro coelesti amore vel pro aeterna retributione».

скопа, мы даровали". Слово „просьба" должно было имѣть большое значеніе, такъ какъ мы находимъ его во всѣхъ дипломахъ [1]. Мы улавливаемъ здѣсь еще одну изъ особенностей иммунитетной уступки: она должна была дѣйствительно опредѣленно испрашиваться пожалованнымъ, и въ дипломѣ не обходилось безъ упоминанія о томъ, что условіе это было выполнено [2]. Такъ Хильдебертъ I-й пишетъ, что Харилефъ, первый аббатъ Сенъ-Калэ, обратился къ нему съ просьбой, *postulavit* [3]. Дагобертъ объявляетъ, что епископъ Модоальдъ просилъ его, *deprecatus fuit*, или что аббатъ Ангульфъ взывалъ къ королевской милости, *clementiam regni nostri supplicavit* [4]. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Хильперихъ II-й еще пользуется тѣми же выраже-

[1] «Cuius petitionem» (дипломъ 528-го года, № 111).—«Si petitionibus sacerdotum» (дипломъ 539-го года, № 136; 673-го года, № 368; 683-го года, № 402; 692-го года, № 428; 696-го года, № 436; 724-го года, № 531).—«Sacerdotum rectis petitionibus annuentes» (дипломъ 632-го года, № 258).—«Inter caeteras petitiones» (дипломъ 637-го года, № 281; 635-го года, № 270; 661-го года, № 341; 716-го года, № 495).—«Huius viri sancti petitione suscepta» (дипломъ 661-го года, № 341).

[2] «Magnoaldus abba petiit celsitudinem nostram ut» (дипломъ 696-го года, № 436).—«Quod poposcitis, quia digna est petitio et postulatio vestra» (дипломъ 697-го года, № 444).—«Nos precibus tanti viri aurem accommodantes» (дипломъ 673-го года, № 367).

[3] Дипломъ 528-го года, № 111.

[4] Дипломъ 632-го года, № 258: «Praesul Modoaldus deprecatus fuit sublimitatem nostram ut...»—Дипломъ 637-го года, № 281: «Aigulfus abba clementiam regni nostri supplicavit».—Дипломъ 674-го года, № 372: «Siviardus abba supplex clementiae regni nostri expetiit ut...»

ніями [1]. Иногда короли прибавляютъ, что просьба была принесена „смиренно“ [2].

Требовалось чтобы ходатайствующій приносилъ просьбу лично; такъ, епископъ или аббатъ долженъ былъ явиться къ королю самъ [3]. Бывали однако примѣры, что епископъ или аббатъ передавали свою просьбу черезъ посланцевъ [4]. Такая обязанность являться къ королю въ качествѣ просителя или, по крайней мѣрѣ, посылать ему прошеніе кажется мнѣ заслуживающею вниманія. Можетъ быть, скажутъ, что это мелкія подробности и пустыя формальности; но именно совокупность этихъ подробностей и формальностей даетъ намъ объясненіе иммунитета.

„Если мы даруемъ благодѣянія церквамъ—или всякому другому лицу“, *aut cui volueris dicere*.—По-

[1] Дипломъ 716-го года, № 495: «Chillardus abbas de basilica peculiaris patroni nostri Dionysii clementiae regni nostri supplicavit».

[2] «Amandus episcopus humiliter petiit» (дипломъ 637-го года, № 280). — «Humiliter deprecatus est» (дипломъ 638-го года, № 291).

[3] Дипломъ 638-го года, № 291: «Blidegisilum nostrae sublimitatis praesentiam advenisse».—Дипломъ 691-го года, № 417: «Venerabilis vir Bertinus abba... ad nostram accessit praesentiam».—Дипломъ 705-го года, № 463: «Venerabilis vir Theodebertus abba ad nostram accessit praesentiam et clementiae regni nostri suggessit ut...»—Дипломъ 721-го года, № 515: «Venerabilis vir Erkembodus abba ad nostram accedens praesentiam».—Дипломъ 743-го года, № 599: «Episcopus Dubanus ad nos venit».

[4] Дипломъ 546-го года, № 144: «Daumerus abba, missa petitione, clementiae regni nostri suggessit».—Дипломъ 562-го года, № 168: «Gallus abba, missa petitione».—Дипломъ 692-го года, № 428: «Ibbolenus abba per missos clementiae regni nostri detulit in notitiam».

слѣднія слова составляютъ въ текстѣ Маркульфа вводное предложеніе. Такъ какъ онъ записываетъ формулу, которая должна примѣняться къ разнаго рода лицамъ, то и предупреждаетъ своего читателя или юриста-практика, для котораго пишетъ, что слово церкви должно быть замѣнено другимъ выраженіемъ, если пожалованіе получаетъ не церковь. Вводное предложеніе Маркульфа очень важно: оно показываетъ, что пожалованіе могло распространяться на всякаго рода лицъ, *cui volueris*.

Правда, всѣ дошедшіе до насъ отъ временъ Меровинговъ дипломы относятся къ епископскимъ церквамъ или къ монастырямъ. Но отсюда не надо заключать, что свѣтскимъ лицамъ никогда не жаловались иммунитеты. Церковь умѣла хранить свои хартіи и добивалась возобновленія ихъ при каждомъ поколѣніи; знатныя свѣтскія фамиліи берегли свои хартіи менѣе тщательно, при томъ самыя фамиліи эти съ теченіемъ времени угасли. Что кромѣ духовныхъ лицъ иммунитетъ могъ даваться и другимъ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сборникѣ Маркульфа мы находимъ формулу иммунитета, предоставляемаго свѣтскому лицу [1]. Актъ редактированъ съ меньшими подробностями, чѣмъ когда онъ относится къ церкви, но въ немъ повторяются основныя и характерныя черты иммунитета. У насъ есть также формула для возобновленія иммунитета въ пользу свѣтскихъ лицъ, *ad*

[1] Маркульфъ, I, 14.—Въ этой формулѣ говорится о пожалованіи земли съ иммунитетомъ. Иммунитетъ ясно указанъ слѣдующими словами: «In integra emunitate, absque ullius introitus iudicum de quaslibet causas freda exigendum».

seculares viros, и мы можемъ замѣтить, что она совершенно того же типа, какъ и формулы возобновленія, относящіяся къ церкви [1]. Самая важная разница заключается въ томъ, что побудительною причиною своего благодѣянія король выставляетъ уже не благочестіе и не спасеніе своей души, а вѣрность лица, которому онъ дѣлаетъ пожалованіе [2].

Обѣ формулы подтверждаются нѣкоторыми другими документами. Въ житіи святого Элигія, написанномъ очень освѣдомленнымъ въ обычаяхъ меровингскаго двора его современникомъ, мы видимъ, что помѣстью этого святого былъ дарованъ иммунитетъ въ то время, какъ онъ жилъ еще въ мірў [3]. Въ актѣ пожалованія, совершенномъ Гарегаріемъ и женою его Трудою читаемъ, что помѣстье этихъ двухъ свѣтскихъ лицъ пользовалось полнымъ и совершеннымъ иммунитетомъ [4]. Позже,

[1] Маркульфъ, I, 17.—Фраза «Si petitionibus fidelium» замѣняетъ обычную фразу «si petitionibus sacerdotum». Просьба пожалованнаго упоминается въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: «Inlustris vir illi clementiae regni nostri suggessit... petiit ut». Совершенно добровольная милость короля указана въ той же формѣ: «Cuius peticionem gratante animo nos prestitisse cognuscite».— Актъ этотъ именуется еще терминомъ *auctoritas*.

[2] «Pro fidaei suae respectu» (*Marculf*. I, 17).—Другое различіе выражается въ томъ, что свѣтскій иммунитетъ не распространялся, какъ церковный, на всѣ помѣстья, которыя будутъ пріобрѣтены привилигированнымъ собственникомъ въ будущемъ.

[3] *Vita S. Eligii ab Audoeno*, I, 15.—Точно также мы замѣчаемъ въ дипломѣ 292-го года, что Блидегизилъ простой діаконъ, и онъ получаетъ съ землею иммунитетную привилегію какъ частный человѣкъ.

[4] *Diplomata*, № 108: «Charta Haregarii et Trudae coniugis... Nullas functiones, vel exactiones, neque exsquisita et lauda convivia, neque gratiosa vel insidiosa munuscula, neque caballorum pastus atque paravereda vel angaria aut in quodcunque functionis titulum iudiciaria potestate dici potest... sub integra emunitate sicut a nobis hucusque possessa est».—У Маркульфа есть формула даренія монастырю или церкви «de magna re», то-есть, большого помѣстья, и мы читаемъ въ ней, что дарствователь, который, несомнѣнно, былъ свѣтскимъ лицомъ, уступаетъ свою землю «remota officialium seu publicorum omnium potestate, sub integra emunitate, sicut a me possessa est» (Маркульфъ, II, 1; *Rozière*, № 571). Эта формула позволяетъ думать, что дарованіе иммунитета землѣ свѣтскаго лица не было рѣдкимъ явленіемъ.

въ IX-мъ вѣкѣ, увидимъ иммунитетные дипломы, данные не только крупнымъ сеньорамъ-помѣщикамъ, но купцамъ, даже Евреямъ. Надо, значитъ, признать, что иммунитетъ не составлялъ исключительной привилегіи церквей и монастырей. Онъ могъ дароваться всякому разряду лицъ.

„Мы объявляемъ Вашему усердію“, *noverit Solertia Vestra*.—Эти слова изъ формулы Маркульфа тѣ самыя, которыми короли пользовались, когда обращались къ своимъ должностнымъ лицамъ. Тѣ же термины, или аналогичные найдемъ во всѣхъ дипломахъ. На языкѣ того времени королю говорили: *Vestra Sublimitas*, *Vestra Gloria;* епископамъ—*Vestra Sanctitas;* должностнымъ лицамъ перваго разряда: *Vestra Magnitudo*; должностнымъ лицамъ второго разряда: *Vestra Industria*, *Vestra Solertia*, *Vestra Utilitas*. Послѣднія три слова изъ формулы Маркульфа показываютъ, что королевская грамота адресована къ государственнымъ должностнымъ лицамъ. То же подтверждается еще стоящими дальше словами: *non praesumatis*. Такъ строится текстъ всѣхъ нашихъ дипломовъ. Въ большинствѣ ихъ встрѣ-

чается еще опущенная здѣсь у Маркульфа начальная фраза: „Такой-то, король Франковъ, герцогамъ, графамъ, викаріямъ, центенаріямъ и всѣмъ нашимъ должностнымъ лицамъ“ [1]. Въ дипломахъ, гдѣ такое общее обращеніе пропущено переписчиками или вообще исчезло, въ текстѣ встрѣчаются слова—*cognoscat Magnitudo seu Utilitas Vestra,* ясно указывающія, что король обращается къ своимъ служащимъ [2]. Надо замѣтить, что когда король даруетъ

[1] «Chlotarius rex Francorum vir illustris omnibus episcopis et illustribus viris ducibus, comitibus, domesticis, vicariis, grafionibus, centenariis vel (et) omnibus iunioribus nostris» (дипломъ 539-го года, № 136).—«Dagobertus... ducibus, comitibus, domesticis, et omnibus agentibus» (дипломъ 632-го года, № 258).—«Hildericus viris illustribus ducibus seu comitibus» (дипломъ 665-го года, т. II, стр. 421).—Король употребляетъ иногда болѣе краткую формулу «omnibus agentibus» (дипломъ 660-го года, № 337; 692-го года, № 428; 705-го года, № 463; 712-го года, № 482).—Королевскій актъ адресованъ иногда только одному герцогу или графу; это происходитъ потому, что помѣстья, на которыхъ даруется иммунитетъ, расположены только въ одномъ герцогствѣ или графствѣ (дипломъ 635-го года, № 268; 638-го года, № 291); иначе король обращается ко всѣмъ чиновникамъ королевства, по крайней мѣрѣ, ко всѣмъ тѣмъ, въ округѣ которыхъ иммунистъ владѣетъ помѣстьями, «in quorum actionibus habet» (дипломъ 721-го года, № 515; 743-го года, № 570).—Дипломъ адресованъ часто епископамъ въ то же время, какъ графамъ; въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ обыкновенно о монастыряхъ, которые столько же должны были ограждать себя отъ епископовъ, сколько отъ чиновниковъ короля.

[2] «Cognoscat Magnitudo seu Utilitas Vestra» (*Diplomata*, №№ 281, 337, 368, 402, 463, 495 etc.).—«Cognoscat Industria Vestra» (№ 268).—«Cognoscat Strenuitas Vestra» (№ 336).—«Cognoscat Magnitudo seu Industria Vestra» (№ 337). См. еще №№ 144 400, 441, 463,—Въ двухъ или трехъ случаяхъ этихъ словъ нѣтъ;

какому-нибудь лицу иммунитетъ, онъ никогда не адресуетъ грамоты этому лицу. Какъ и во всякомъ королевскомъ указѣ, онъ всегда обращается къ органамъ своей администраціи [1]. Правда, самый оригиналъ акта вручался пожалованному [2]; и нельзя утверждать, чтобы копіи навѣрно посылались герцогамъ и графамъ; я даже сомнѣваюсь, чтобы отдѣльная копія сохранялась въ королевскомъ архивѣ [3]. Вѣрно однако, что пожалованіе иммунитета всегда имѣло форму не адресованной къ получающему эту привилегію грамоты, а приказа, предписаннаго королевскимъ должностнымъ лицамъ, и мы увидимъ также, что актъ прямо касался этихъ послѣднихъ.

Надобно еще сдѣлать примѣчаніе къ слѣдующей фразѣ въ формулѣ Маркульфа: „По просьбѣ апостольскаго мужа господина такого-то, епископа

но тогда есть слово «cognoscite», которое можетъ относиться только къ чиновникамъ короля.

[1] Какъ исключеніе изъ этого правила мнѣ извѣстна лишь одна грамота Хлодовеха Евспицію и Максимину (*Diplomata*, № 87). Есть также грамота Хильдеберта III-го, адресованная аббату Ефибію; но этотъ документъ, весьма отличный отъ всѣхъ нашихъ дипломовъ, по мнѣнію Пардессю очень сомнителенъ. Кромѣ двухъ только что указанныхъ случаевъ, всѣ сохраняющіяся иммунитетныя пожалованія адресованы къ королевскимъ должностнымъ лицамъ.

[2] «Ideo has litteras nostra manu firmatas domino Iohanni dedimus» (дипломъ 497-го года, № 58).—«Litteras meas mea manu firmatas eidem dedimus» (дипломъ 743-го года, № 499).

[3] Еслибы короли сохраняли копію, или черновикъ, не было бы необходимо, чтобы при каждой перемѣнѣ царствованія пожалованные представляли оригиналъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ подтвердительныхъ дипломовъ.

такой то церкви, мы даровали слѣдующую милость".—Тутъ ясно видно, что пожалованіе сдѣлано именно епископу. Правда, оно относится ко всѣмъ землямъ и помѣстьямъ, принадлежавшимъ его церкви. Но иммунитетъ получаетъ не церковная земля, а епископъ. Если эти земли становятся привилегированными, то не потому, что онѣ составляютъ церковное имущество, а только потому, что епископъ, законный ихъ собственникъ, обращался съ просьбою и ходатайствовалъ о милости. Не надо упускать изъ вида эту подробность. Мы встрѣчаемъ ее во всѣхъ нашихъ дипломахъ безъ исключенія. Въ каждомъ пожалованіи иммунитета находимъ собственное имя, имя епископа или аббата, и пожалованіе отнесено всегда къ его личности. Никогда не наблюдается коллективнаго иммунитета. Иммунитетъ никогда не дается всей совокупности церковныхъ имѣній [1], не дается даже въ одномъ и томъ же дипломѣ нѣсколькимъ церквамъ, ни нѣсколькимъ монастырямъ заразъ, ни извѣстному классу людей или извѣстной расѣ, области. Онъ всегда даруется лицу, и это лицо должно быть названо въ актѣ.

Такимъ образомъ, иммунитетъ имѣлъ характеръ вполнѣ личной милости. Былъ ли онъ пожизненнымъ или вѣчнымъ, установить довольно трудно. Съ одной стороны, дипломы полны выраженій, указывающихъ на его постоянный характеръ. „Мы желаемъ, чтобы наше благодѣяніе на-

[1] Статья XI-я изъ *Constitutio Chlotarii* относится лишь къ церквамъ и духовнымъ лицамъ, получившимъ иммунитетъ: «qui immunitatem meruerunt».

всегда шло въ пользу этой церкви" [1]. „Мы желаемъ, чтобы постановленіе наше сохранилось навѣки, при всѣхъ послѣдующихъ короляхъ, которые будутъ нашими преемниками" [2]. Почти всегда къ имени епископа прибавляются слова: „и его преемники". Пишется также, что преимущества иммунитета распространятся на помѣстья, которыя церковь или монастырь пріобрѣтутъ въ будущемъ [3]. Что значила бы эта оговорка, еслибы пожалованіе не должно было длиться всегда?

Но съ другой стороны рядъ дипломовъ показываетъ, что актъ возобновлялся съ каждымъ поколѣніемъ. Мы не сумѣли бы сказать, было ли это строго обязательно, но несомнѣнно, что таковъ былъ обычай. Иммунитетъ, дарованный первому основателю сенъ-бертинскаго монастыря, возобновлялся восемь разъ въ теченіе одного вѣка [4]. А

[1] «Ecclesiae proficiat in perpetuum» (*Marculf.* I, 3).

[2] «Quod perpetualiter mansurum esse iobemus» (*Marculf.* I, 14).—«Hoc in perpetuo volumus esse mansurum» (*Diplomata*, №№ 400, 436, 441, 486, 496, etc.).—«Hoc perenniter maneat inconvulsum» (*Marculf.* I, 4).—«Tam nobis praesentibus quam per tempora succedentibus regibus» (*Diplomata*, № 341).—«Tam nostris quam futuris temporibus» (№№ 367, 402, 403 etc.).

[3] *Marculf.* I, 3: «In villas ecclesiae quas moderno temporae habere vidaetur vel quas deinceps in iure ipsius sancti loci voluerit divina pietas ampliare».—Дипломъ 673-го года, № 307: «Quod ad praesens in quibuslibet locis possidere videntur, seu quod adhuc inantea a christianis hominibus fuerit additum vel condonatum».—Ср. №№ 258, 270, 281, 403, etc.

[4] Первый дипломъ былъ данъ Хлодовехомъ II-мъ; онъ не сохранился, но упоминается въ дипломѣ 691-го года, гдѣ говорится, что онъ былъ оффиціально прочитанъ (см. *Cartulaire de*

многочисленные дипломы съ утвержденіемъ иммунитета, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, равно какъ и формулы ихъ, какія даетъ Маркульфъ [1], содержаніемъ своимъ указываютъ, что дѣло шло не о пустой формальности, что короли не считали себя обязанными непремѣнно возобновлять уступку, что они требовали обращенія къ себѣ съ новой просьбою и выражались такъ, какъ бы давали новую милость [2]. Такъ, аббатъ Бертинъ долженъ былъ просить иммунитета четыре раза, потому что жилъ при четырехъ короляхъ; преемникъ его Еркембодъ, получилъ его въ первый разъ отъ Хильпериха II-го въ 718-мъ году, и черезъ трехлѣтній промежутокъ времени долженъ былъ просить его у Теодериха IV-го; отсюда можно, кажется, заключить, что для сохраненія дѣйствительности уступка должна была возобновляться по смерти каждаго короля, который ее даровалъ. Обратнаго рода замѣчаніе можно сдѣлать относительно хартій анизольскаго монастыря; мы видимъ въ нихъ, что

Saint-Bertin, p. 35). Второй дипломъ отъ 662-го года; онъ въ *Diplomata*, № 343, и у *Guérard*, Cartulaire de Saint-Bertin, стр. 20. Это, собственно, разрѣшеніе на обмѣнъ земель, но въ концѣ находится пунктъ объ иммунитетѣ. Затѣмъ пожалованіе было возобновлено Хильдерихомъ II-мъ, отъ котораго мы не имѣемъ диплома, Теодерихомъ III-мъ (*Diplomata*, № 400; *Cartulaire*, стр. 27); оно возобновлялось однимъ послѣ другого Хлодовехомъ III-мъ, Хильдебертомъ III-мъ, Хильперихомъ II-мъ, Теодерихомъ IV-мъ и Хильдерихомъ III-мъ (*Diplomata*, №№ 417, 507, 515, 580; *Cartulaire*, стр. 34, 42, 47, 51).

[1] Маркульфъ, I, 4; I, 17.

[2] Въ особенности см. дипломы 632-го года, № 258 и 691-го года, № 417.

тотъ же король, Хильдебертъ I-й, даетъ одинъ за другимъ два иммунитетныхъ диплома [1]; это случилось потому, что было два аббата, сначала Карилефъ, потомъ Даумеръ. Отсюда естественно, кажется, заключить, что привилегія должна была возобновляться не только по смерти подписавшаго ее короля, но также и по смерти того, кто ее получилъ.

Итакъ, съ одной стороны, въ актѣ есть термины, указывающіе на вѣчность уступки; съ другой стороны, постоянно повторяются просьбы о возобновленіи ея, какъ будто она была пожизненною. Такое противорѣчіе не удивитъ тѣхъ, кто знакомъ съ меровингской эпохой. Король, который жалуетъ, хочетъ, чтобы благодѣяніе его длилось вѣчно; король, который слѣдуетъ за нимъ, хочетъ показать, что иммунитетъ сохраняется лишь потому, что онъ пожелалъ его возобновить. По буквѣ дипломовъ иммунитетъ вѣченъ; на практикѣ онъ былъ, повидимому, отмѣняемъ. Правда, мы не часто видимъ отмѣну королемъ сдѣланнаго его предшественниками пожалованія [2]; но по стремле-

[1] Дипломъ 528-го года, № 111; дипломъ 546-го года, № 144.—Пардессю считаетъ оба диплома подлинными; Зиккель оспариваетъ первый на основаніи нѣкоторыхъ словъ и формъ, не подходящихъ, по его мнѣнію, къ той эпохѣ (*Sickel*, Beiträge zur Diplomatik, въ Отчетахъ Вѣнской Академіи, іюль 1864, стр. 188). Авэ въ своемъ изслѣдованіи о хартіяхъ монастыря Св. Калэ (Анизолы) согласился съ сомнѣніями Зиккеля и подтвердилъ ихъ. См. *Questions mérovingiennes*, IV.

[2] Я не знаю другого примѣра кромѣ приводимаго Григоріемъ Турскимъ, въ разсказѣ о Хильперихѣ (VI, 46): «Ipsas patris sui praeceptiones saepe calcavit».—Въ цѣломъ, отрывокъ

нію епископовъ и аббатовъ возобновлять дипломы мы узнаемъ, что въ умахъ господствовало мнѣніе о возможности его отмѣны королемъ. Причина этого ясно обнаруживается, если обратить вниманіе на содержаніе дипломовъ. Мы не читаемъ въ нихъ, что пожалованіе иммунитета сдѣлано потому, что земли—церковныя; такое основаніе никогда не приводится; оно было сдѣлано единственно потому, что земли принадлежали такому-то епископу или такому-то аббату, просившему о немъ лично. Иммунитетъ по существу былъ милостью, *beneficium*; онъ слѣдовалъ за просьбою, *petitio*, *preces*, которая также дѣлалась лично; казалось естественнымъ, чтобы личною являлась и привилегія. Когда человѣкъ умиралъ, сейчасъ же вставалъ вопросъ, продолжается ли милость. Возникало сомнѣніе, и въ сомнѣніи возобновлялась просьба, а король возобновлялъ милость. Не безполезно отмѣтить эти понятія и эту практику: они составляютъ одну изъ характерныхъ чертъ нравовъ времени и не остаются безъ связи съ феодальными понятіями, начинающими уже появляться.

Мы покончили съ предисловіемъ въ разсматриваемой формулѣ Маркульфа. Мы выяснили уже изъ него нѣкоторые признаки иммунитета: 1) это исключительно королевскій актъ; 2) онъ всегда исходитъ отъ свободной воли короля, которую предварительно долженъ былъ испрашивать пожалованный; 3) онъ совершается въ формѣ указа,

указываетъ, что дѣло идетъ о «praeceptiones in ecclesias conscriptae», то-есть, вѣроятно, объ иммунитетныхъ дипломахъ.

который король адресуетъ не пожалованному, а чиновникамъ и органамъ своей администраціи; 4) онъ никогда не даруется коллективно духовенству, какой-нибудь группѣ или классу; иммунитетъ всегда составляетъ привилегію отдѣльнаго лица, является ли это лицо представителемъ епархіи или монастыря, или же это лицо свѣтское; 5) пожалованіе всегда и всецѣло сохраняетъ форму благодѣянія, оно упрочивается лишь чрезъ возобновленіе его въ случаѣ смерти жалователя или пожалованнаго; иммунитетъ никогда не становится правомъ.

Здѣсь описаны, такъ сказать, внѣшніе признаки иммунитета. Теперь мы можемъ изслѣдовать, каковы были внутреннія его свойства, въ чемъ онъ заключался, изъ какихъ преимуществъ и выгодъ состоялъ.

4.

Иммунитетъ воспрещаетъ должностнымъ лицамъ государства вступать въ предѣлы помѣстья.

Слѣдимъ за продолженіемъ текста формулы, сохраненной у Маркульфа[1]. „Даруемая нами милость состоитъ въ томъ, что въ предѣлы вла-

[1] *Marculf.* I, 3: «Talem beneficium ut in villas ecclesie domni illius quas moderno temporae aut nostro aut cuiuslibet munere habere vidaetur, vel quas deinceps in iure ipsius sancti loci voluerit divina pietas ampliare, nullus iudex publicus ad causas audiendo aut freta undique exigendum non presumat ingredire; sed hoc ipse pontifex vel successores eius, propter nomen Domini, sub integra emunitatis nomine valeant dominare».

дѣній церкви этого епископа, какъ тѣхъ, которыя принадлежатъ ей нынѣ, такъ равно и тѣхъ, какія по милости Божіей она пріобрѣтетъ впослѣдствіи, не долженъ позволять себѣ вступать ни одинъ государственный чиновникъ для того ли, чтобы слушать судебныя дѣла, или чтобы взыскивать *freda*, отъ какого бы источника они ни проистекали; все это должно принадлежать епископу и его преемникамъ въ полной собственности. А посему мы повелѣваемъ, чтобы ни вы, ни подчиненные ваши [1], ни тѣ, которые будутъ послѣ васъ, и ни одно лицо, облеченное государственной должностью, никогда не вступало на владѣнія этой церкви, въ какой бы части нашего королевства они ни находились, ни чтобы выслушивать тяжбы, ни чтобы взимать штрафы. Мы воспрещаемъ вамъ осмѣливаться требовать тамъ права постоя и про-

[1] Мы такъ переводимъ слова *iuniores vestri*. Въ меровингскомъ языкѣ *senior* значитъ высшій начальникъ, «iunior»—подчиненный. Слово *Iuniores* примѣнялось въ особенности къ низшимъ агентамъ администраціи. Вотъ примѣры: «Chlotarius rex ducibus, comitibus, domesticis, vicariis, grafionibus, centenariis, vel omnibus iunioribus nostris» (*Diplomata*, № 136).—«Theodoricus rex viris illustribus, gravionibus, seu et omnibus agentibus vel iunioribus eorum» (*ibidem*, № 515).—Въ дипломѣ № 402 слова «iunioribus vestris» замѣнены словами «subditis vestris», что означаетъ буквально: «ваши подчиненные», «подначальные вамъ служащіе». Дѣйствительно, мы видѣли выше, что и центенаріи были лишь подчиненными агентами графовъ. Стало быть, *iuniores* являлось синонимомъ *subditi*.—У Григорія Турскаго, V, 26, слова «iunioribus ecclesiae» означаютъ служителей церкви, тѣхъ, кто въ другомъ мѣстѣ называются «homines ecclesiae» (см. IX, 6). То же самое значеніе обнаруживается изъ актовъ перваго парижскаго собора (ст. 4).

довольствія, равно какъ и задерживать тамъ обвиняемыхъ" [1].

Въ этомъ текстѣ, гдѣ каждое слово имѣетъ свое значеніе, можно отмѣтить двѣ строки, освѣщающія въ данной связи все остальное, о которыхъ надо говорить прежде всего: „Мы постановляемъ, чтобы ни одно государственное должностное лицо не позволяло себѣ вступать въ эти земли... Мы воспрещаемъ вамъ, наши уполномоченные, вступать на эти владѣнія".—Здѣсь раскрывается главная черта, самая сущность иммунитета. Всѣ другіе пункты могутъ быть опущены или подразумѣваться, и они дѣйствительно опущены во многихъ дипломахъ; но статья, воспрещающая чиновникамъ входъ въ помѣстье, находится во всѣхъ нашихъ актахъ. Безъ этого нѣтъ иммунитета.

Такой запретъ выражается въ хартіяхъ двумя нѣсколько различающимися способами. Иногда король употребляетъ косвенный оборотъ и говоритъ, что ни одинъ органъ администраціи, *nullus iudex publicus*, *neque quilibet iudiciaria potestate accintus*, не вступитъ въ привилегированныя помѣстья [2]. Иногда онъ употребляетъ прямой оборотъ и, обращаясь къ своимъ герцогамъ и графамъ, говоритъ

[1] «Statuentes ergo ut neque vos neque iuniores neque successores vestri nec nulla publica iudiciaria potestas quoque tempore in villas... aut ad audiendas altercationes ingredire, aut freta de quaslibet causas exigere, nec mansiones aut paratas vel fideiussores tollere non presumatis».

[2] *Diplomata*, №№ 242, 258, 270, 291, 336, 341, 357, 436, 402, 403, 444, 487, 507, 515, 542, 570, № 4 изъ Additamenta. Ср. *Marculf*. I, 2: «Nulla iudiciaria potestas nec presens nec succidia ibidem non presumat ingredere».

имъ: „Ни вы, ни ваши помощники, *neque vos neque iuniores vestri*, не будете вступать въ эти помѣстья“ [1]. Первую форму мы находимъ въ семнадцати текстахъ среди нашихъ дипломовъ, вторую—въ двадцати двухъ. Обѣ формы выражаютъ одно и то же съ одинаковою ясностью и одинаковою силою: *non praesumatis ingredi*; *nullus iudex publicus ingredi audeat; iudices publici non habeant introitum* [2].

Иногда случается, что составитель диплома пропускаетъ всѣ подробности, какія мы видѣли въ формулѣ Маркульфа. Тогда онъ ограничивается указаніемъ, что такая-то церковь, такой-то монастырь, или такое-то свѣтское лицо будутъ владѣть своими помѣстьями на полномъ правѣ иммунитета такъ, чтобы королевскіе чиновники не могли въ нихъ вступать, *absque introitu iudicum*. Весь иммунитетъ заключается въ трехъ послѣднихъ словахъ [1].

[1] *Diplomata*, №№ 58, 111, 144, 168, 281, 368, 372, 400, 402, 428, 436, 441, 463, 482, 486, 491, 495, 522, 531, 568, 599.—Обѣ формы употребляются совмѣстно въ разбираемомъ текстѣ Маркульфа и въ нѣсколькихъ дипломахъ, напримѣръ, въ дипломѣ Хильдеберта III-го для монастыря Сенъ-Моръ-дэ-Фоссэ, находящемся въ «Archives nationales».

[2] «In illas possessiones nulla unquam iudiciaria potestas praesumat ingredi» (дипломъ 661-го года, № 341).—«Ut nullus iudex publicus (vel) quislibet iudiciaria potestate accinctus in villis ipsius monasterii nullum debuisset habere introitum» (*Appendix ad Marculfum*, 44; *Cartae Senonicae*, 35).—«Nullus iudex publicus ibidem introitum nec ingressum habere deberit» (дипломъ 696-го года, № 436, въ Archives nationales, K, 3, 10).—Въ актѣ 659-го года Хлотаръ III-й даруетъ корбійскому монастырю десять помѣстій и прибавляетъ: «Nullus de iudicibus nec ad ipsum monasterium nec in curtes suas praesumat ingredi, sed pars ipsius monasterii vel omnis congregatio ibi consistens absque introitu iudicum sub integra immunitate possidere valeat vel dominare» (*Diplomata*, № 336).

Нѣкоторые ученые думали, что, даруя иммунитетъ, короли отказывались и для себя отъ всякой власти на помѣстьяхъ иммуниста. Въ подтвержденіе этого мнѣнія ссылались на то, что въ дипломахъ стояло не: *neque vos neque iuniores aut successores vestri*, а: *neque nos neque iuniores aut successores nostri*.—Очевидно, что такое измѣненіе только трехъ буквъ преобразовываетъ смыслъ фразы, даже всего диплома. При одномъ чтеніи, запретъ относится только къ чиновникамъ короля; при другомъ, король какъ-бы воспрещаетъ самому себѣ вступленіе въ привилегированныя земли. Бутарикъ, въ слишкомъ бѣгломъ очеркѣ о началахъ феодальнаго строя дѣйствительно приводитъ хартію, въ которой можно прочитать слова *nos et nostri*, и онъ заключаетъ отсюда, что короли отказывались здѣсь сами отъ всякой власти надъ иммунитетною территоріею [2].

Жаль, что Бутарикъ, выбралъ образцомъ иммунитета единственную хартію, въ которой встрѣчаются слова *nos* и *nostri*, и не предупредилъ насъ

[1] Дипломъ 635-го года, № 268; дипломъ 681-го года, № 399: «Sub emunitatis nomine absque introitu iudicum».—Маркульфъ I, 4; I, 14; I, 17. Въ нѣкоторыхъ дипломахъ (№№ 367 и 403) читается «absque interdictu iudicum»; вѣроятно, «interdictu» поставлено ошибочно вмѣсто «introitu».

[2] *Boutaric*, De l'origine et de l'établissement du régime féodal въ «Revue des questions historiques», 1875, отдѣльный оттискъ, стр. 45—50. Цитируемый имъ дипломъ былъ данъ Дагобертомъ I-мъ Сенъ-Денисскому аббатству между 631 и 637 гг. и копія его находится въ *Archives nationales* (K, 1, 7; см. *Diplomata*, № 282).

о томъ, что она единственная. Во всѣхъ другихъ хартіяхъ мы находимъ слова *vos* и *vestri* [1]. Кромѣ того, этотъ дипломъ Дагоберта I-го сомнителенъ. Экземпляръ его, хранящійся въ „Національномъ Архивѣ“, не что иное, какъ копія, и эта копія возникла не ранѣе IX-го вѣка. Прибавимъ, что мы имѣемъ два нѣсколько различающихся текста этой хартіи Дагоберта въ пользу Сенъ-Денисскаго аббатства; Пардессю помѣстилъ оба въ свой сборникъ, предупредивъ насъ, что первый сомнителенъ, а второй еще болѣе сомнителенъ [2]. Въ первомъ стоитъ: *neque vos neque sucecssores vestri* и только во второмъ — *nos* и *nostri*. Можно ли полагаться на столь мало достовѣрный документъ, когда всѣ

[1] Въ двухъ дипломахъ въ пользу реомейскаго монастыря, очень сомнительныхъ, мы находимъ слова «nos nostrique successores»; но надо замѣтить, что содержаніе акта здѣсь не то, что въ другихъ дипломахъ; рѣчь идетъ объ уступкѣ земли, и король говоритъ, что ни онъ, ни его преемники не возьмутъ этой земли обратно; это не иммунитетъ. Точно также Хлотаръ I-й отнимаетъ у себя право взимать подати, «nec nos nec publici iudices requisitiones requiramus».—И тутъ нѣтъ иммунитета. Въ 40 дипломахъ и 4 формулахъ, въ которыхъ запрещенъ «входъ» должностныхъ лицъ, стоятъ слова *vos* и *vestri*, и они относятся къ герцогамъ и графамъ.—Правда, въ дипломѣ 660-го года, даннομъ Хлотаромъ III-мъ Корбійскому аббатству, (№ 337) мы читаемъ *nos* и *nostri*: но надо обратить вниманіе, что сказуемымъ здѣсь является *praesumatis*; второе лицо множественнаго числа предполагаетъ подлежащимъ vos и vestri; значитъ, весьма вѣроятно, что nos и nostri—ошибка переписчика.

[2] См. *Pardessus*, Diplomata, Prolégomènes, стр. 55.—Авторъ извлекъ эти двѣ копіи изъ рукописи Національной библіотеки, № 5415.—К. Пертцъ помѣщаетъ дипломъ среди «spuria» и Зиккель не оспариваетъ этого въ своемъ критическомъ разборѣ его изданія (Берлинъ, 1873).

другіе противорѣчатъ ему? Въ Національномъ Архивѣ находимъ четыре иммунитетныхъ диплома, которые представляютъ не копіи, а, повидимому, оригиналы [1]; во всѣхъ четырехъ стоятъ слова *vos* и *vestri*; тѣ же слова читаемъ во всѣхъ другихъ дипломахъ, равно какъ и въ формулахъ Маркульфа [2]. Впрочемъ, рѣшающее значеніе получаетъ то, что въ половинѣ дипломовъ употребленъ косвенный или отрицательный оборотъ: *nullus iudex publicus*, что не оставляетъ мѣста для возраженія [3].

[1] *Archives nationales*, К, 3, 10; К, 3, 12[3]; К, 3, 17; К, 3, 18.—*Tardif*, Cartons des rois, №№ 37, 41, 46.

[2] Ср. другія аналогичныя формулы, относящіяся къ королевскому мундебурду, въ которыхъ можно прочитать: «Nec vos nec iuniores aut successores vestri» (*Marculf*. I, 2; *Rozière*, 9); «nullus ex vobis» (*Lindenbrog*, 38; *Marculf*. Additamenta, 2; *Rozière*, 10); «neque vos» (*Lindenbrog*, 177; *Cartae Senonicae*, 28; *Rozière*, 11); «nullus ex vobis sive ex iunioribus vestris» (*Rozière*, 12; *Formulae imperiales*, 41); «concessimus ut neque vos neque iuniores atque successores vestros» (*Appendix ad Marculfum*, 31; *Cartae Senonicae* 19; *Rozière*, 38).

[3] Надобно сдѣлать примѣчаніе къ словамъ «neque successores vestri». Съ перваго взгляда удивляетъ, что, обращаясь къ своимъ графамъ, король говоритъ имъ: «ваши преемники», это очень несогласно съ нашими понятіями. Но надо представить себѣ,—1) что меровингскіе чиновники часто перемѣщались; 2) что они не были солидарны между собою. Такимъ образомъ, графъ всегда бы могъ сослаться, что дипломъ относится не къ нему, такъ какъ онъ не былъ графомъ въ помѣченное въ немъ время. Особенно справедливо это въ томъ случаѣ, когда дипломъ спеціально адресованъ опредѣленному герцогу, или опредѣленному графу, названному по имени, что встрѣчается во многихъ дипломахъ. Было, значитъ, необходимо, чтобы какое-нибудь слово указывало, что, въ случаѣ перемѣны, преемникъ будетъ такъ же связанъ дипломомъ, какъ лицо, состоящее въ должности въ моментъ его составленія.

Споръ по данному вопросу можетъ показаться маловажнымъ. Для людей нашего времени все равно, относится ли запрещеніе къ самому королю, или къ королевскимъ чиновникамъ. Въ настоящее время это бы было безразлично. Для людей VII-го и VIII-го вѣковъ,—мы это установимъ дальше,—тутъ открывались двѣ вещи совсѣмъ неодинаковыя. А историческое чутье именно и должно выражаться въ уразумѣніи различій между понятіями и въ умѣніи точно ихъ передать.

Итакъ, сущность иммунитета выражалась не въ томъ, что король запрещалъ себѣ доступъ въ помѣстья пожалованнаго лица, а въ томъ, что онъ запрещалъ это своимъ герцогамъ, графамъ и другимъ чинамъ своей администраціи [1]. Слѣдствіемъ иммунитета было изъятіе привилегированныхъ помѣстій, собственно, не изъ-подъ королевской власти, а изъ-подъ власти всѣхъ королевскихъ чиновниковъ. Противъ нихъ-то и созданъ былъ иммунитетъ [2]. Обезпечить отъ нихъ иммуниста,—вотъ, что являлось, повидимому, заботою, преобладавшею въ умѣ жалователей такихъ дипломовъ: „Мы повелѣваемъ, чтобы ни одинъ государственный чиновникъ не противился тому,

[1] Флодоардъ резюмируетъ данный пунктъ тѣхъ дипломовъ, которые онъ имѣлъ передъ собою, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ut nullus iudex publicus in ipsas terras auderet ingredi» (*Historia ecclesiae Remensis*, II, 11).

[2] «Ut de iudicum infestatione, sicut immuuitas nostra continet, liceat eis vivere cum quiete» (*Epistola Rauracii episcopi*, y dom Bouquet, IV, 44).

что мы даруемъ" [1]. „Мы повелѣваемъ, чтобы ни одинъ чиновникъ не дѣлалъ препятствій или помѣхъ нашему благодѣянію" [2]. „Повелѣваемъ, чтобы церкви этой нечего было опасаться никакого притѣсненія, никакой несправедливой тяжбы, никакой узурпаціи отъ нашихъ чиновниковъ" [3]. Это повторяется въ разныхъ формахъ. Недовѣріе короля къ своимъ должностнымъ лицамъ проглядываетъ во всѣхъ хартіяхъ. Для большей увѣренности въ томъ, что они не будутъ учинять притѣсненій, король вовсе запрещалъ имъ дѣйствовать. Чтобы быть увѣреннымъ, что они не будутъ дѣйствовать, онъ запрещалъ имъ даже доступъ и входъ въ дома, на земли, поля и помѣстья привилегированнаго лица. Иммунитетъ не ограничивался дарованіемъ нѣкоторой безопасности и нѣкотораго права по

[1] «Iubemus ut neque vos neque iuniores seu successores vestri ex hoc contrarii non existatis» (дипломъ 673-го года, № 368).

[2] «Ut nullam refragationem, nullum impedimentum a iudicibus publicis pertimescant» (*Diplomata*, №№ 417, 486, 507, 515, 570).

[3] «Ut nulli iudicum licentia sit aliquid defraudare» (№ 270).—«Nullus iudicum audeat... sibi usurpare» (№ 341).—«Nec de rebus monasterii abstrahere nec minuere praesumatis» (№ 599).—«Ut neque vos neque iuniores vestri... aliquid de rebus monasterii minuere cogitetis aut in aliquo molesti esse velitis» (№ 111).—«Nec nullam calumniam generare non praesumatis» (№ 441).—«Iubemus ut nullus vestrum eos de quelibet causa iniuste calumniari praesumat» (Формулы, изд. Rozière, № 13; *Formulae Imperiales*, 41).—«Ut neque vos neque iuniores vestri homines iniuriari prsesumatis» (дипломъ 724-го года, № 531).—«Ut neque vos... inquietare et depravare nec de rebus abstrahere praesumatis» (дипломъ 748-го года, № 599).—«Ut nulli iudicum licentiam sit... iniquiter defraudare aut suis usibus usurpari» (Маркульфъ, I, 2).

отношенію къ королевскому чиновнику; онъ вполнѣ отстранялъ и устранялъ чиновника [1].

5.

Запрещеніе судить, заключающееся въ иммунитетѣ.

Указавъ главный пунктъ иммунитетной формулы, возвращаемся къ подробному ея изслѣдованію. Мы увидимъ изъ нея, какова была власть

[1] Запретъ распространяется иногда и на «missi ex palatio discurrentes». Нахожу послѣднее однако лишь въ трехъ дипломахъ (№№ 144, 168, 172), причемъ надо еще замѣтить, что эти три диплома принадлежатъ одному и тому же анизольскому монастырю и составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, одинъ и тотъ же документъ. Хотѣлось бы найти другіе тексты прежде, чѣмъ утверждать, что «missi», «missi a latere regis», прямые представители короля, не допускались на иммунитетныя помѣстья такъ же какъ графы и сотники. Авэ сдѣлалъ съ своей стороны это замѣчаніе и извлекъ изъ него новое доказательство противъ подлинности данныхъ дипломовъ (см. *Havet*, стр. 29 и слѣд.).—Говорить о церковномъ иммунитетѣ, посредствомъ котораго монастырь освобождался отъ власти епископа, не входитъ въ нашу задачу. Главные памятники, относящіеся къ этому предмету, слѣдующіе: 1) буллы папъ Іоанна IV-го и Мартина I-го; посланія Григорія Великаго, II, 41; VIII, 12; IX, 3; XIII, 8; посланіе папы Θеодора монастырю Боббіо; *Migne*, т. LXXXVII, стр. 99; 2) посланія и хартіи епископовъ въ Diplomata, №№ 172, 201, 221, 320, 333, 335, 344, 345, 391 401, 512; 3) письма или дипломы королей, особенно данныя монастырямъ Ребэ (Rebais) (№ 270) и Ставло (Stavelot) (№ 575); 4) формулы Маркульфа, I, 1; I, 2 (*Rozière*, №№ 574 и 575).—Формулы церковныхъ иммунитетовъ во многихъ отношеніяхъ походятъ на формулы гражданскихъ; суть дѣла состоитъ и здѣсь, главнымъ образомъ, въ устраненіи епископа и въ запрещеніи ему «входа», за исключеніемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ въ самомъ актѣ случаевъ.

королевскаго чиновника и каковъ объемъ иммунитета, состоявшаго въ изъятіи отъ этой власти.

„Государственный чиновникъ не долженъ вступать ни въ одно изъ помѣстій иммуниста для слушанія судебныхъ процессовъ", такъ гласитъ текстъ. Вотъ положеніе, которое на первомъ мѣстѣ выставляется въ формулахъ и во всѣхъ дипломахъ. Выраженія, въ которыхъ оно формулировано, очень ясны. Формула говоритъ: *ad causas audiendas* [1], а дальше, какъ синонимы, она употребляетъ слова: *ad audiendas altercationes*. Первое изъ двухъ выраженій было наиболѣе употребительно; мы находимъ его въ двадцати изъ нашихъ дипломовъ [2]. Два другихъ употребляютъ слова: *ad iudicandum*, *ad agendum* [3], являвшіяся, очевидно, синонимами. Въ трехъ дипломахъ та же мысль выражена словомъ *condemnare* [4].

[1] *Marculf*. I, 3 (Rozière; № 16); *Appendix ad Marculfum*, 44 (Cartae Senonicae, 35).

[2] *Diplomata*, ed. Pardessus, №№ 58, 242, 258, 270, 281, 291, 336, 341, 367, 403, 417, 428, 436, 482, 486, 487, 495, 507, 515, 522, 542, 568, 570, 599. Прибавьте сюда дипломъ Хильдеберта III-го въ пользу Сенъ-Морскаго аббатства.—Выраженіе «ad audiendas altercationes» вижу лишь въ дипломѣ 743-го года, № 568, и въ формулѣ Маркульфа.

[3] Дипломъ 697-го года, № 444; дипломъ 705-го года, № 463. Слова «ad agendum» также находятся въ формулѣ Маркульфа, I, 4 и занимаютъ въ ней какъ разъ то же мѣсто, какое занято словами «causas audiendas» въ I, 3.

[4] «Non condemnare praesumatis» (дипломъ 546-го года, № 144; 674-го года, № 372; 724-го года, № 531). То же выраженіе находится въ формулѣ Линденброга, 177 (Rozière, № 11; Cartae Senonicae, 28).

[5] *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, VIII, 18: «Gundovaldus comitatum Meldensim conpetiit, ingressusque urbem, causarum

Изъ ряда другихъ документовъ извѣстно, что представители короля, герцоги и графы, равно какъ и ихъ подчиненные, викаріи и центенаріи, отправляли правосудіе какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Именно отправленіе судебной власти и воспрещелось имъ иммунитетною хартіей.

Естественно возникаетъ вопросъ: возможно ли было, чтобы иммунитетъ избавлялъ пожалованнаго отъ подчиненія всякой юрисдикціи и упразднялъ для него всякое публичное правосудіе? Нѣкоторые ученые отступили передъ этимъ выводомъ, дѣйствительно оскорбляющимъ всѣ современныя понятія. Недавно Про пытался дать этому мѣсту въ дипломахъ иное толкованіе [1]. По его взгляду выраженіе *audire causas* не значило „судить“; оно

accionem agere coepit; exinde dum pagum urbis in hoc officio circuiret...»—*Idem*, VIII, 12: «Ad discuciendas causas Ratharius quasi dux diregitur». – См. *Fortunat.* Carmina, VII, 5.—Рипуарская Правда (ст. LXXXVIII), перечисляетъ всѣхъ, кто отправляетъ правосудіе: «Maiordomus, domesticus, comes, gravio». – Примѣры приговоровъ, постановленныхъ графомъ, который судилъ лично и постановлялъ рѣшенія полновластно, см. у *Greg. Turon.* Historia Francorum, IV, 43; VI, 8; In gloria confessorum, 101, In gloria martyrum, 73; De virtutibus Martini, III, 53; Vitae patrum, VII, 9.—Ср. *Vita Walarici*, въ «Acta Sanctorum ordinis Benedicti», II, 81; *Vita Amandi*, ibidem, II, 714.

[1] *Aug. Prost*, L'immunité, въ «Nouvelle Revue historique du droit», мартъ, 1882 года, стр. 137 и слѣдующія. Про вернулся еще разъ къ этому предмету, чтобы защитить свою теорію, и сдѣлалъ это талантливо, хотя и не убѣдилъ насъ. См. «*Revue historique*», т. XXIV, стр. 357 и 358, и особенно большую его статью «La justice privée et l'immunité», въ «*Memoires de la Société des Antiquaires de France*», V série, t. VII, особенно гл. 5 и гл. 6,

означало лишь „слушать судебныя пренія“; оно примѣняется къ графу или къ сотнику, который „созываетъ и держитъ судебное засѣданіе“ (*placitum*) и предсѣдательствуетъ въ „народномъ“ судѣ, рѣшенія коего лишь приводитъ въ исполненіе. Исходя изъ такой точки зрѣнія Про полагаетъ, что иммунитетная хартія только запрещаетъ графу „вести судебныя засѣданія“, то-есть, собирать народъ на судъ въ привилегированныхъ помѣстьяхъ; она не запрещаетъ ему открывать судебное засѣданіе внѣ этихъ помѣстій, рядомъ съ ними, и призывать на него иммуниста или его людей для разбирательства ихъ дѣлъ и наказанія преступленій. Согласно такому толкованію юрисдикція графа остается неприкосновенною, но она осуществляется лишь на разстояніи. Вся привилегія ограничивалась лишь тѣмъ, чтобы не допускать судью, такъ сказать, къ себѣ въ домъ.

Тексты не подтверждаютъ такого толкованія. Въ дипломахъ и хартіяхъ нѣтъ ни одного слова, которое указывало бы, что обитатели этого помѣстья должны отправляться на графскій судъ. Это не только нигдѣ не сказано, но мы увидимъ сейчасъ, что нѣкоторые оговорки въ нашихъ дипломахъ препятствуютъ графу призывать къ себѣ населеніе помѣстья. Да къ тому же, на что послужило бы иммунисту избавленіе отъ судьи у себя, если онъ долженъ былъ бы являться къ этому самому судьѣ и приводить къ нему своихъ людей?

Обратимъ также вниманіе, что въ меровингскомъ языкѣ выраженіе *audire causas* именно значитъ—судить. Оно говорится о лицѣ, которое прослушавъ

судебныя пренія, рѣшаетъ и постановляетъ приговоръ. Тексты не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ [1]. Наши дипломы употребляютъ также иногда, какъ выраженія равнозначущія, слова „*iudicare*" или „*condemnare*".

Замѣтимъ, наконецъ, что формулы и дипломы иммунитета ни разу не упоминаютъ о судебныхъ собраніяхъ. Они не говорятъ графу: „не собирайте народа"; не говорятъ народу: „не собирайтесь". Обращаясь къ графу, они гласятъ: „ни подчиненные ваши, ни вы не будете вступать въ такія-то помѣстья, чтобы творить судъ". Хартіи, относящіяся однако ко всѣмъ царствованіямъ и ко всѣмъ областямъ франкскаго государства, не содержатъ въ себѣ ни одного слова о народномъ судѣ. Онѣ не знаютъ его. Единственный судья, котораго онѣ знаютъ, былъ графъ или же его викарій и сотники.

Такое именно право судить, притомъ—единолично, отнимается у графа по иммунитету. Флодоардъ, видѣвшій старые дипломы, дарованные римской церкви, высказываетъ это положеніе самымъ опредѣленнымъ образомъ, говоря, что они запрещали королевскимъ чиновникамъ вступать на земли этой церкви и творить судъ, *iudicia facere* [2].

[1] Такъ въ началѣ текста своихъ приговоровъ король говоритъ: «Cum nos ad universorum causas audiendas in palatio nostro resideremus».—Ср. *Lex Alamannorum*, XLI: «Nullus causas audire praesumat nisi qui a duce iudex constitutus est ut causas iudicet».—Уже на языкѣ римскихъ юрисконсультовъ «causam audire» означало—судить; примѣры можно видѣть въ Кодексѣ Юстиніана I, 4, 8; I, 4, 13; III, 24, 3, и т. д.

[2] «Ut nullus iudex publicus auderet ingredi ut quaelibet iudicia praesumeret» (*Flodoardus*, Historia ecclesiae Remensis, II, 11); «ut nullus iudex publicus in terras ipsius ecclesiae auderet ingredi vel quaelibet iudicia facere» (*ibidem*, II, 17).

Но надо спросить себя, о всѣхъ ли видахъ суда идетъ здѣсь рѣчь. Замѣтимъ сначала, что, если упразднялась юрисдикція графа, то юрисдикція короля не упразднялась. Въ самомъ дѣлѣ, понятно, что, если епископъ, аббатъ или простой свѣтскій человѣкъ являлся къ государю и болѣе или менѣе униженно просилъ у него иммунитета, онъ не подразумѣвалъ подъ тѣмъ, конечно, изъятія отъ его суда. Ни проситель, ни король нисколько не имѣли этого въ виду. Епископъ просилъ у короля избавленія отъ власти графа и ничего болѣе. Если бы король отказался отъ своего права судить, онъ выразилъ бы это въ хартіи, какъ пишетъ въ ней иногда, что отказывается отъ подати. Здѣсь же онъ говоритъ только о юрисдикціи графа и подчиненныхъ графу должностныхъ лицъ: *neque vos neque iuniores vestri*. Онъ не запрещаетъ себѣ вступленіе на землю иммуниста для суда надъ нимъ, или надъ его людьми. Еще менѣе того запрещаетъ онъ себѣ призывать иммуниста, или его людей на собственный свой судъ, къ дворцовому трибуналу.

Потому то видимъ мы у Григорія Турскаго и у Фредегарія, что епископы и аббаты были судимы королемъ и несли къ нему свои тяжбы. Фактъ еще лучше выясняется изъ ряда судебныхъ дипломовъ. У насъ есть также меровингскія формулы, въ которыхъ мы видимъ епископа, вызываемаго къ королевскому суду [1]; больше того: если кто изъ его клириковъ обвиняется въ пре-

[1] *Marculf.* I, 26 (Zeumer, p. 59).

ступленіи и упорствуетъ въ отказѣ дать удовлетвореніе, епископъ долженъ силою привести его на королевскій судъ [1]. Надо, значитъ, признать, что сохраненіе королевской юрисдикціи въ иммунитетныхъ хартіяхъ подразумѣвалось, и, если короли не давали себѣ труда прямо упоминать объ этомъ, то только потому, что никому и не приходило на умъ, будто можно упразднять такую высшую юрисдикцію [2].

Есть даже нѣсколько дипломовъ, изъ которыхъ выразительно обнаруживается, что государственный судъ сохранялся. Король выражается такъ: „Если противъ монастыря или противъ людей аббата возникаетъ какое-нибудь дѣло, разбирательство коего графомъ или его подчиненными повело бы къ слишкомъ больному ущербу монастыря, то дѣло это поступитъ къ намъ, и рѣшеніе будетъ постановлено нами“ [3]. Изъ этого текста ясно видно,

[1] *Idem*, I, 27.

[2] Мы можемъ привести, примѣръ реймской церкви, уполномочивавшей при епископѣ Нивардѣ (650—670) одного изъ священниковъ защищать передъ королемъ ея тяжбы, «causas apud regiam maiestatem pro rebus ecclesiasticis vel colonorum legibus agere»; и однако реймская церковь обладала тогда уже, по меньшей мѣрѣ, двумя иммунитетными дипломами (*Flodoardus*, Historia ecclesiae Remensis, II, 10).

[3] Дипломъ 562-го года, № 168; 674-го года, № 372: «Si aliquas causas adversus ipsum monasterium aut mitio ipsius abbatis ortas fuerint, quas a vobis vel iunioribus vestris absque eorum iniquo dispendio terminatas non fuerint... in praesentiam nostram serventur et ibidem finitivam sententiam debeant accipere».—Дипломъ 748-го года, № 599: «Si tales causae adversus Dubanum abbatem aut homines suos ortae fuerint, quae in pago absque suo iniquo dispendio recte definitae non fuerint, iubemus ut sint suspensae vel

что даже и юрисдикція графа не вполнѣ отмѣнялась. Если противъ иммунитетнаго монастыря затѣвался процессъ, дѣло поступало сначала къ графу. Онъ являлся естественнымъ его судьею, если только монастырь, ссылаясь на „ущербъ“ не заявлялъ желанія перенести дѣло въ королевскій судъ. Такимъ образомъ, аббатъ не избѣгалъ общаго правосудія; привилегія его ограничивалась тѣмъ, что онъ могъ, если хотѣлъ, судиться на королевскомъ судѣ вмѣсто графскаго.

Надобно придерживаться буквальнаго текста дипломовъ. Въ нихъ не говорится: „Королевскій судья никогда не будетъ судить ни аббата, ни его людей“. Такой способъ выраженія не встрѣчается нигдѣ. Въ нихъ говорится: „Королевскій судья не будетъ вступать на помѣстья аббата или епископа для отправленія правосудія“; а это не одно и то же. Не будемъ идти дальше текстовъ; они говорятъ лишь о правосудіи, которое надо было отправлять внутри помѣстья. Они не хотятъ сказать, что для всякаго рода судебныхъ дѣлъ иммунистъ и его люди избавлялись отъ графскаго суда [1]. Если

reservatae et postea per nos pro lege et iustitia finitivas accipiant sententias».—*Marculf.* I, 24 (*Rozière*, № 9): «Si aliquas causas adversum eum vel suo mitthio surrexerint, quas in pago absque eius grave dispendio defenitas non fuerint, in nostri praesentia reserventur».—Ср. формулы *Lindenbrog.* № 38 (Rozière, № 10; Additamenta ad *Marculf.* 2).—Называемыя нами здѣсь формулы относятся скорѣе къ мундеберду, чѣмъ къ иммунитету, но мы увидимъ дальше, какая между ними существовала связь.

[1] На 37-й и 38-й стр. своего послѣдняго труда Про приводитъ нѣсколько примѣровъ, но, повидимому онъ не правъ, заключая изъ нихъ, что иммунистъ «всегда подлежалъ суду госу-

на епископа или на одного изъ его людей жалуется посторонній человѣкъ; если возникаетъ дѣло, напримѣръ, идетъ споръ о владѣніи землей между свѣтскимъ лицомъ и епископомъ [1], или если мірянинъ жалуется, что клирикъ епископа учинилъ насиліе надъ однимъ изъ его рабовъ [2], то дѣло поступаетъ графу, или къ королю. Итакъ, тексты ясно указываютъ, что въ каждомъ столкновеніи обитателя помѣстья съ постороннимъ человѣкомъ сохраняется общая юрисдикція. Но каковы же могутъ быть случаи, когда эта юрисдикція отмѣняется? Какія судебныя дѣла имѣетъ въ виду пожалователь диплома, когда говоритъ, что королевскій судья не будетъ вступать на помѣстье, чтобы судить? Намъ кажется, что это тѣ дѣла, въ которыхъ обѣ стороны одинаково принадлежали къ привилегированному помѣстью; это могли быть лишь тѣ тяжбы, которыя возникали на самомъ помѣстьѣ, или тѣ преступленія, которыя совершались въ его предѣлахъ.

Извѣстно, что въ каждомъ изъ крупныхъ помѣстій жило смѣшанное населеніе изъ рабовъ, вольноотпущенниковъ и свободныхъ людей. Нельзя сомнѣваться, что среди людей этого населенія, различныхъ

дарственныхъ судей и долженъ былъ являться передъ ними, какъ самъ, такъ и свободные и несвободные его люди». *Viollet* замѣтилъ на 400-й стр. своихъ «Institutions», что вопросъ идетъ о бѣглыхъ, проникшихъ на привилегированное помѣстье: нельзя думать, чтобы иммунитетъ создавалъ право убѣжища. Главное же, надо отмѣтить, что приведенные Про тексты относятся всѣ къ каролингскому времени.

[1] Это случай, указанный въ формулѣ Маркульфа, I, 26.

[2] Это случай, указанный въ формулѣ Маркульфа, I, 27.

по происхожденію, съ пестрыми и противорѣчивыми интересами, поднимались споры, столкновенія, а также совершались проступки и преступленія. Судъ по всѣмъ этимъ внутреннимъ дѣламъ именно и воспрещался, по нашему мнѣнію, графу. Вотъ къ чему сводилась, если не ошибаемся, привилегія иммуниста въ дѣлѣ суда; но мы покажемъ ниже большое значеніе этой привилегіи и принесенные ею результаты.

6.

Запрещеніе взимать „freda“ и задерживать поручителей.

Къ запрещенію судить въ иммунитетѣ присоединяется запрещеніе взимать *freda* [1]. Мы знаемъ, что почти всѣ приговоры кончались назначеніемъ *fredum* [2]. Наше слово „штрафъ“ („*amende*“) не вполнѣ передаетъ смыслъ термина меровингскаго языка, такъ какъ, весьма вѣроятно, понятіе, которое соединялось съ нимъ, сильно различалось отъ того, какое возникаетъ въ умѣ современнаго намъ человѣка при произнесеніи слова—штрафъ. Тогда считали, что при каждомъ преступленіи или проступкѣ открывались двѣ обиженныхъ стороны, во-первыхъ, пострадавшій, во-вторыхъ, король, воля

[1] «Nullus iudex publicus... aut (ad) freta exigendum... non presumat ingredire» (*Marculf.* I, 3; *idem*, I, 4; *Diplomata*, №№ 58, 242, 258, 270, 291, 336, 367, 368, 402, 403, 417, 428, 436, 463, 482 486, 487, 495, 507, 515, 522, 542. Ср. дипломъ Хильдеберта III-го въ пользу Сенъ-морскаго монастыря).

[2] «De quaslibet causas freta exigendum» (*Marculf.* I, 14; I, 17).—«De qualibet causa freta exigat» (*Lex Ripuaria*, LXXXIX).

и законы котораго были нарушены преступникомъ. Такимъ образомъ, надо было платить выкупъ, композицію, королю такъ же, какъ семьѣ пострадавшаго. Появлялось какъ бы двѣ виры (*compositio*), одна, платившаяся пострадавшему, другая— королю. Эта-то вторая часть композиціи и называлась *fredum*. Григорій Турскій ясно указываетъ, что слово fredum такъ понималось его современниками [1]. Во многихъ даже гражданскихъ тяжбахъ вмѣшательство государственнаго должностного лица служило поводомъ къ уплатѣ *fredum* [2]. Въ обычной практикѣ *fredum* было цѣною, которою судья, то-есть, король, или графъ, заставлялъ оплачивать свою юрисдикцію [3]. Доходъ этотъ

[1] *Greg. Turon.* De virtutibus S. Martini, IV, 26: «Adfirmavit rex quosdam ex his qui absoluti fuerant (говорится о нѣсколькихъ осужденныхъ, которые были освобождены отъ оковъ) ad se venisse atque conpositionem fisco debitam, quam illi fretum vocant, a se fuisse reis indultam».—*Idem*, Historia Francorum, VI, 23: «Iubet rex omnes custodias relaxari, vinctos absolvi, conpositionesque negligenti fisco debitas non exigi».—Въ *Lex Salica*, XIII, «*fretus*» не имѣетъ иного значенія, чѣмъ вира, *compositio*; но рѣчь идетъ о томъ случаѣ, когда пострадавшею стороною былъ король: тогда вира и «fredum» сливаются.—Относительно *fredum* см. *Decretio Chlotarii*, статья 16, изд. Boretius, стр. 7; *Lex Baiuwariorum*, I, 6, 7, 9; IX, 14; XIII, 2, 3. Ср. соотв. мѣсто въ нашемъ сочиненіи «Франкская монархія».

[2] Это выясняется изъ главы L-й въ *Lex Salica*. Ср. *Lex Alamannorum*, XXXVI, 3; *Lex Baiuwariorum*, XIII, 2 и XIII, 3. Дипломъ 693-го года, № 431: «Ei fuit iudicatum ut in exfaido et fredo solidos XV pro hac causa fidem facere deberet».

[3] См. *Lex Wisigothorum*, II, 1, 25: «Iudex pro labore suo et pro iudicata causa et legitime deliberata...»—*Lex Baiuwariorum*, II, 13 (*Pertz*) или II, 16 (*Baluze*): «Iudex partem suam accipiat de causa quam iudicavit».—Чаще всего «fredum» составляло, повидимому,

являлся элементомъ самаго права юрисдикціи, и мы можемъ даже думать, что для многихъ должностныхъ лицъ онъ игралъ въ немъ главную роль. Лишая графа права суда на привилегированныхъ помѣстьяхъ, излишне было, казалось бы, прибавлять, что тѣмъ самымъ у него отнимали право получать съ ихъ обитателей *freda*; составители дипломовъ не сочли однако безполезнымъ предупредить сановника, что у него отнималось не только право суда, но и доходы съ него [1].

Иммунитетная хартія запрещаетъ также королевскому чиновнику „задерживать поручителей“, „*tollere fideiussores*“ [2]. Чтобы понять смыслъ этого запрещенія, необходимо бросить взглядъ на нѣкоторые пріемы судебной полиціи Меровинговъ.

Когда человѣка обвиняли въ преступленіи или проступкѣ, которые должны были подлежать суду

третью часть всей суммы композиціи: «Duas partes ille cuius causa est ad se revocet, tertiam partem ad se grafio fredum recolliget» (*Lex Salica*, 16). См. капитулярій 801-го года, с. 24 (Pertz, p. 86): «Tertiam partem fisco tribuo».—Но мы не знаемъ, каково было пропорціональное отношеніе между частью короля и частью графа. Баварская Правда опредѣляетъ часть судьи въ одну девятую общей композиціи; Вестготская Правда—только въ одну двадцатую.

[1] Въ одномъ дипломѣ стоитъ «iniusta freda tollendum» (дипломъ 638-го года, № 241); но я не нахожу слова «iniusta» ни въ какомъ другомъ дипломѣ; при томъ же данный дипломъ очень сомнителенъ (см. *Pardessus*, Prolégomènes, стр. 73). Итакъ, согласно всей совокупности документовъ, мы должны думать, что королевскимъ чиновникамъ запрещены на иммунитетныхъ земляхъ не только незаконныя *freda*, но и всякія *freda*.

[2] «Neque ad fideiussores tollendos» (*Marculf.* I, 3; I, 4; *Diplomata*, №№ 258, 281, 291, 367, 403, 417, 463, 486, 495, 507, 515, 522, 568).

графа на его *mallus*, этотъ человѣкъ могъ оставаться свободнымъ до дня суда, подъ условіемъ доставленія за себя поручителей: *si fideiussores habuerit* [1]. Поручители обвиняемаго гарантировали явку его на судъ [2]. Если не существовало обязательнаго правила, то было въ обычаѣ, чтобы они приводили обвиняемаго на судъ графа сами, когда наступалъ день разбирательства [3].

То же самое происходило и въ тѣхъ случахъ, когда дѣло шло на королевскій судъ. Вызывавшійся къ нему человѣкъ могъ оставаться свободнымъ до назначеннаго дня, давъ за себя поручителей, „*datis fideiussoribus*“ [4]; потомъ, въ день суда, его приводили къ королю эти же поручители [5].

[1] См. случай, разсказанный Григоріемъ Турскимъ (IV, 43), въ которомъ историкъ называетъ противнымъ обычаю приказъ одного герцога посадить въ тюрьму обвиняемаго, который просилъ остаться на свободѣ «datis fideiussoribus».—Въ другомъ мѣстѣ (VI, 12) онъ называетъ женщину «quae, datis fideiussoribus, Tolosae dirigitur».—Ср. *Capitularia Caroli Calvi*, XLV, 3 (*Baluze*, Capitularia, II, 229): «Comprehensus, si fideiussores habere potuerit, per fideiussores ad mallum adducatur; si fideiussores habere non potuerit, a ministris comitis custodiatur et ad mallum perducatur».

[2] *Pérard*, Instrumenta historiae Burgundiae; стр. 35: «Dedit Maurinus fideiussorem, nomine Autardo, de sua presentia».

[3] «Per fideiussores ad mallum adducatur» (*Capitularia Caroli Calvi*, XLV, 3).

[4] *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, VIII, 43: «Antestius vero, acceptis fideiussoribus ab episcopo ut in praesencia regis adesset».—*Ibidem*: «Datis fideiussoribus de praesencia sua ante regem».—*Ibidem*, VIII, 7: «Cauciones et fideiussores dederunt ut decimo Kalendas mensis noni ad sinodum convenirent».—*Ibidem*, VI, 11: «Multi tamen eorum per idoneos fideiussores dimissi ad regem iussi sunt ambulare».

[5] «Si fideiussores habuerint qui eos in praesentia regis adducant» (капитулярій 793-го года, ст. 6, у *Baluze*, I, 542).—«De his qui legem servare contemnunt, ut per fideiussores in praesentiam regis deducantur» (*Capitularia*, книга III, ст. 84; книга VI, ст. 219).—«Per fideiussores ad praesentiam regis perducatur» (*Capitulaira Caroli Calvi*, XIV, 4; *Baluze*, II, 65).

Значеніе поручителей легко угадать, если подумать, что преступленія и проступки чаще всего карались композиціей и фредомъ. Почти все правосудіе разрѣшалось въ денежныхъ штрафахъ. Согласно обычаямъ и понятіямъ о судѣ, какихъ держались тогда люди, на обвиняемаго смотрѣли прежде всего какъ на должника. Отсюда вытекало, что на поручителей смотрѣли какъ на обезпеченіе его долга. Если обвиняемый скрывался до суда, они отвѣчали собственнымъ своимъ имуществомъ. Потому, вѣроятно, они и брались привести подсудимаго на судъ графа и даже на судъ короля, если бы даже приходилось ѣхать черезъ всю Галлію. Ихъ побуждалъ къ тому собственный интересъ.

Надо замѣтить, что если у обвиняемаго было земельное имущество достаточной цѣнности, то отъ него не требовали представленія *fideiussores*; этого требовали въ томъ случаѣ, если у него не было земельнаго имущества, или если оно оказывалось слишкомъ незначительнымъ [1]. Такое пра-

[1] Это видно изъ двухъ текстовъ; они нѣсколько болѣе поздніе, чѣмъ занимающая насъ эпоха, но правило въ нихъ высказывается, конечно, старое. «Per fideiussores, si res et mancipia in illo comitatu non habet, ad praesentiam nostram adducatur» (*Capitularia Caroli Calvi*, XXXVI, 23; *Baluze*, II, 185).—«Si liber homo de furto accusatus fuerit et res proprias habuerit, in mallo ad praesentiam comitis se adhramiat, et, si res non habet, fideiussores donet

вило достаточно ясно указываетъ намъ, какое понятіе о *fideiussor* выработалось въ правѣ того времени. То былъ человѣкъ, предлагавшій въ гарантію за обвиняемаго, имущество котораго было недостаточно, собственное свое имущество.

Fideiussor отвѣчалъ не только за присутствіе обвиняемаго на судѣ; онъ отвѣчалъ также за исполненіе приговора, то-есть, за полную уплату выкупа и штрафа [1]. Вотъ почему требовалось, чтобы поручители являлись людьми *credibiles, idonei, firmissimi* [2]. Подъ послѣдними эпитетами мы должны понимать не моральныя свойства поручителей, а ихъ состоятельность. Судъ заботился о томъ, чтобы поручители были надежны.

qui eum adhramire et in placitum adduci faciant» (капитулярій 819-го года, с. 15; *Baluze*, I, 603).

[1] Въ самомъ дѣлѣ, есть нѣсколько примѣровъ, гдѣ «fideiussores» представляются не ради явки на судъ, а ради исполненія приговора. Такъ у Григорія Турскаго, Historia Francorum, IX, 8, Хильдебертъ говоритъ: «Veniat coram nobis et datis fideiussoribus in praesencia patrui mei, quicquid illius iudicium decreverit, exsequamur».—Точно также въ *De gloria confessorum*, 70: «Convenitur episcopus, datisque fideiussoribus in praesentia regis adsistit»; если епископъ представляетъ поручителей, то именно для обезпеченія уплаты штрафа въ 300 aurei, который будетъ ему назначенъ.—Формула изъ *Turonenses*, № 32 (*Rozière*, № 465) показываетъ намъ двухъ обвиняемыхъ, для которыхъ смертная казнь была замѣнена вирою; для обезпеченія уплаты они немедленно представили поручителя: «Fideiussorem pro soledos oblegaverunt».

[2] «Per idoneos fideiussores» (*Greg. Turonensis*, VI, 11).—«Per firmissimos fideiussores» (капитулярій 882-го года. *Baluze*, II, 289).—«Per credibiles fideiussores ante nos venire permittatur» (капитулярій 882-го года, *Baluze*, II, 289). См. *Papianus*, XI, 3, у *Pertz*, Leges, т. III, стр. 604: «Fideiussorem idoneum donet qui quid fuerit iudicatum se permittat implere».

Будемъ остерегаться приписывать людямъ того времени понятія, которыхъ у нихъ не было. Практикуя *fideiussio*, они не думали объ обезпеченіи свободы; въ умѣ у нихъ не возникало мысли уничтожать предварительное заключеніе, которымъ, какъ мы знаемъ, тогда широко пользовались. Въ поручительствѣ видѣли лишь обезпеченіе платежа. Потому оно и практиковалось именно въ интересахъ администраціи, а не въ интересахъ обвиняемыхъ. Благодаря поручителямъ, обвиняемый оказывался окруженъ стражами, заинтересованными въ томъ, чтобы онъ не скрылся, и не останавливавшимися передъ тѣмъ, чтобы наложить на него руку ради спасенія собственнаго своего имущества. Поручители, съ своей стороны, несли тяжелую обязанность: они вынуждались къ цѣлому ряду актовъ, требовавшихъ потери времени, расходовъ, особенно, если дѣло должно было доходить до короля, и, что еще хуже, надъ ними тяготѣла угроза, въ случаѣ осужденія, платить за осужденнаго. Если подумать, до какой чрезмѣрной высоты были доведены меровингскими королями виры и фреды, станетъ понятно, что назначеніе человѣка *fideiussor*'омъ соединялось съ большою опасностью. Эта практика была удобна, такъ какъ только ею администраціи давалась увѣренность, что обвиняемые будутъ хорошо охраняться и *freda* будутъ ей уплачены полностью.

Средство быдо хорошее, и меровингское правительство стало имъ злоупотреблять. Оно не только разрѣшило обвиняемымъ предлагать добровольныхъ поручителей съ тѣмъ, чтобы оставаться

на свободѣ, но дошло и до того, что стало заставлять людей принимать на себя поручительство вопреки ихъ волѣ и вопреки волѣ обвиняемыхъ. Такой странный фактъ мы замѣчаемъ при чтеніи нѣкоторыхъ текстовъ. Такъ у Григорія Турскаго видимъ герцога, который задерживаетъ епископа и немедленно доставляетъ его къ королю; въ то же время самъ герцогъ ищетъ и требуетъ *fideiussores* [1]. Тутъ не можетъ быть рѣчи о добровольной порукѣ, которую епископъ предлагалъ бы, чтобы остаться свободнымъ, ибо онъ не свободенъ; его, наоборотъ, ведутъ къ королю „подъ хорошей охраной“ [2]. Рѣчь идетъ о порукѣ, выбираемой самою властью, чтобы она отвѣчала имуществомъ за все, что можетъ быть постановлено судомъ противъ епископа. Въ другомъ случаѣ видимъ королевскаго посланца, который задерживаетъ двухъ обвиняемыхъ, беретъ при этомъ еще *fideiussores* и отсылаетъ ихъ на королевскій судъ [3]. Другой разъ, въ тотъ же судъ заставляютъ явиться епископа; дворцовый посланецъ беретъ *fideiussores*, которые изъ Оверни привозятъ епископа въ Триръ [4].

[1] *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, VIII, 12: «Ratharius quasi dux a parte regis diregitur... Episcopum vallat, fideiussores requirit, et ad praesenciam regis direxit».

[2] *Ibidem*: «Cum ad praesentiam regis sub ardua custodia duceretur».

[3] *Vita S. Rigomeri*, у dom Bouquet, III, 427: «Missus de palatio ut Rigomerum et puellam per fideiussores calligaret ut ad palatium pergerent».

[4] *Vita S. Praeiecti*, c. 10, 11, въ «Acta Sanctorum ordinis Benedicti», II, p. 643—644: «Missos ex latere dirigit qui eum per fideiussores nuntiarent et in aula regis facerent praesentari... Depromit quo modo per fideiussores venisset».

Изъ этихъ примѣровъ видно, что *fideiussor* уже не тотъ поручитель, котораго обвиняемый представлялъ ради сохраненія свободы; это, наоборотъ, человѣкъ, выбранный властью для приведенія на судъ обвиняемаго и для обезпеченія исполненія приговора.

Въ меровингской формулѣ мы видимъ также, что король предписываетъ епископу въ случаѣ, если въ преступленіи будетъ обвиняться клирикъ, принадлежащій къ его церкви, доставлять его на королевскій судъ *per fideiussores positos*, то-есть, при помощи поручителей, которые, конечно, не выбраны обвиняемымъ, а назначены властью [1]. Въ другой формулѣ король предписываетъ своимъ графамъ произнести судъ надъ виновнымъ; „а если вы не можете осудить его, то задержите фидеюссоровъ и заставьте ихъ привести его на нашъ судъ“ [2]. Въ другомъ еще мѣстѣ король говоритъ своимъ графамъ: „Если разбойникъ, преслѣдуемый въ одномъ графствѣ, скрывается въ другомъ, то графъ, въ округѣ котораго онъ укрылся,

[1] *Marculf.* I, 27: «Indecolum ad episcopo... Ipso abbate (aut) clerico praesentialiter constringatis, qualiter ac causa legibus studeat emendare; certe si noluerit, ipso illo per fideiussores posito ad nostram studeatis presentiam diregire».—Ср. капитулярій 756-го года (*Baluze*, I, 178): «Tunc comes ipsam personam per fideiussores positam ante regem faciat venire».

[2] *Marculf.* I, 28: «Ille rex illo comite... Constringatis qualiter ac causa studeat emendare; certe si noluerit... tultis fideiussoribus ad nostram diregire studeatis presentiam».—Ср. *Lex Ripuariorum*, XXXII, 4: «Iudex fideiussores ei exigat ut se ante regem repraesentit».—*Praeceptum Childeberti*, I (*Boretius*, стр. 2) «Datis fideiussoribus non aliter discedant nisi in nostris obtutebus praesententur».

долженъ *per fideiussores* заставить его вернуться въ графство, гдѣ онъ долженъ быть судимъ“ [1].

Такимъ образомъ установился обычай „брать поручителей“, *tollere fideiussores.* Поручители—это былъ родъ полицейской должности, даже нѣчто большее, такъ какъ они отвѣчали за полное исполненіе приговора. Общественная власть, имѣя дѣло съ обвиняемымъ, не довольствовалась задержаніемъ его личности; чтобы быть увѣренной, что ни обвиняемый, ни штрафъ не ускользнуть отъ нея, она налагала руку на поручителей.

Это и называлось въ дипломахъ—*tollere fideiussores.* Есть текстъ, относящійся къ этой практикѣ, который, хотя и позднѣйшій сравнительно съ занимающею насъ эпохою, заслуживаетъ быть цитированнымъ. Въ немъ можно видѣть епископовъ, которые жалуются „на установившійся стѣснительный обычай; графы и судьи заставляютъ священниковъ насильно являться на ихъ суды; они захватываютъ ихъ, въ качествѣ поручителей, точно мірянъ“ [2]. Нетрудно понять, какъ тяжело было людямъ, занятымъ священнослуженіемъ, собственною работой, земледѣліемъ, когда ихъ отзывали отъ дѣла, отрывали отъ ихъ очага для задержанія

[1] «Si latro de uno comitatu in alium comitatum fugerit, comes in cuius comitatum fugit per fideiussores constringat ut, velit nolit, illuc reveniat et ibi malum emendet ubi illud perpetravit» (*Capitularia Caroli Calvi*, XLV, 1, у *Baluze*, II, 227).

[2] «In sua parochia gravissima increvit consuetudo quod comites atque iudices seu ministri illorum, sacerdotes Domini sive reliquos ecclesiae minestros ad placitum suum ducere et fideiussores tollere atque eos more laicorum distringere praesumant» (дипломъ Карла Лысаго въ «*Historiens de France*», т, IX, стр. 479).

виновнаго, для наблюденія за нимъ и привода на судъ; особенно же ясно можно угадать послѣдствія такой отвѣтственности: можно понять, что она причиняла разореніе очень многимъ людямъ. Такимъ образомъ, иммунитетъ, запрещая королевскому чиновнику брать поручителей внутри помѣстья, давалъ цѣнную привилегію.

Обратимъ на это вниманіе. Захватъ поручителей былъ главнымъ орудіемъ дѣйствія судебной полиціи. Уничтожьте его — суда нѣтъ. Графъ не будетъ уже въ состояніи заставить обитателя привилегированнаго помѣстья явиться на свой судъ. Если онъ постановитъ рѣшеніе противъ этого человѣка, онъ не будетъ имѣть гарантіи въ уплатѣ штрафа. Итакъ, статья, запрещающая графу задерживать поручителей, равносильна для него запрещенію судить. Ему воспретили уже совершать какой-либо судебный актъ въ предѣлахъ привилегировнаго помѣстья; теперь у него отнимаютъ средство вызывать людей этого помѣстья къ себѣ и судить ихъ въ своемъ трибуналѣ, если только они не явятся туда добровольно.

Нѣкоторые дипломы прибавляютъ еще одно запрещеніе, которое формулируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Neque ad homines distringendos*“ [1]. Въ меровингскомъ языкѣ слово *distringere* подразумѣваетъ всякаго рода принужденіе, какъ взятіе

[1] *Diplomata*, №№ 242, 258, 291, 417, 507, 515.—*Marculf.* I, 4: «Nec homines ipsius ecclesiae de quaslibet causas distringendum».— Дипломъ Хильдеберта III-го въ пользу Сенъ-Морскаго монастыря: «Nec homines tam ingenuos quam servientes distringendum».

подъ арестъ [1], такъ и конфискацію имущества [2]. Спеціально оно означаетъ принужденіе къ исполненію судебныхъ приговоровъ [3]. Все это именно запрещается по иммунитетной хартіи королевскому чиновнику, а потому, если кто-нибудь изъ людей помѣстья, пользующагося иммунитетомъ, обвиняется въ преступленіи или въ проступкѣ, то графъ не сможетъ арестовать его или наложить руку на его имущество. А стало быть, онъ не будетъ имѣть средства выполнить свой приговоръ.

Въ итогѣ, благодаря цѣлому ряду предосторожностей, принимавшихся королемъ противъ собственнаго его должностного лица, изъ рукъ послѣдняго ускользнула юрисдикція надъ людьми привилегированнаго помѣстья, и всякое судебное дѣйствіе надъ ними стало для него невозможнымъ.

7.

Отказъ отъ налоговъ.

Мы подходимъ къ дальнѣйшему ряду привилегій, которыя, какъ и предшествующія, представляются

[1] «Ad latrones distringendos» (*Capitularia*, III, 87; *Baluze*, I, 770).—«Si quis contempserit, comes eum distringere faciat» (капитулярій 756-го года, ст. 3; *Baluze*, I, 178).

[2] «Ut veniant ad mallum, per res et mancipia et mobile distringantur» (капитулярій 873-го года, ст. 3; *Baluze*, II, 228).—«Si iussa facere neglexerint, licentiam eos distringendi comitibus permittimus per ipsas res» (капитулярій 812-го года, *Baluze*, I, 547).

[3] «Ille rex illo comite iubemus ut.. vobis distringentibus memoratus ille partibus istius conponere et satisfacere non recuset» (*Turonenses*, 33; *Rozière*, № 445; *Zeumer*, стр. 155).

въ формѣ запрещеній, обращенныхъ королемъ къ его собственнымъ чиновникамъ.

„Ни вы, ни подвластные вамъ служащіе не будете позволять себѣ останавливаться въ домахъ или на земляхъ такой-то церкви [1].“ Во время римской имперіи находящіяся въ пути войска и должностныя лица имѣли, какъ извѣстно, право постоя у частныхъ лицъ [2]. Варварскіе вожди, безъ сомнѣнія, не отказались отъ такого преимущества. Имъ не пришлось его вводить, имъ только надо было предоставить своимъ служилымъ людямъ продолжать установившуюся практику. Рипуарская Правда налагаетъ огромный штрафъ въ 60 solidi на того, кто откажетъ въ кровѣ у себя въ домѣ королевскому послу, „если королевскій иммунитетъ не избавилъ его отъ такого обязательства“ [3].

Къ праву постоя почти всегда присоединялось то, что наши дипломы называютъ *paratae*, въ бу-

[1] «Nec mansionem facere» (*Marculf.* I, 3; I, 4; *Diplomata*, №№ 58, 258, 291, 336, 367, 403, 428, 436, 463, 482, 486, 487, 495, 507, 515, 599, 568).

[2] Это называлось *hospitium* или *metatum*. См. у Ульпіана въ Дигестахъ, L, 4, 3, § 13 и 14; I, 16, 4; I, 18, 6, § 5; L, 5, 10.—Кодексъ Θеодосія, VII, 8: De metatis; VII, 9: «De salgamo hospitibus non praebendo».—Кодексъ Юстиніана, XII, 40; XII, 41.

[3] *Lex Ripuariorum*, LXV: «Si quis legatariam reges vel ad regem seu in utilitatem regis pergentem hospicio suscipere contempserit, nisi emunitas regis hoc contradixerit, sexaginta solidis culpabilis iudicetur».—Ср. *Capitularia*, III, 39, у *Baluze*, I, 761: «De missis nostris discurrentibus vel ceteris hominibus propter utilitatem nostram iter agentibus, ut nullus eis mansionem contradicere praesumat».

квальномъ переводѣ—готовый столъ, или, скорѣе, все нужное для стола продовольствіе [1]. Надо думать, что въ то время королевскій посланецъ, *missus*, герцогъ или графъ, не путешествовалъ одинъ. Онъ окруженъ былъ свитою изъ подчиненныхъ, служащихъ и воиновъ. Всѣхъ этихъ людей надо было кормить, давать имъ все готовое, содержать также ихъ лошадей, часто даже доставлять послѣднихъ. Мы знаемъ изъ формулы Маркульфа, что правительство пыталось установить извѣстнаго рода норму для выдававшихся такимъ образомъ натурою продуктовъ. Всякій королевскій посланецъ долженъ былъ представлять грамоту, въ которой обозначалось то, что ему надо было поставлять ежедневно: „такое-то количество бѣлыхъ хлѣбовъ, столько-то мѣръ вина, столько-то фунтовъ мяса и свинины, столько-то ягнятъ, цыплятъ и фазановъ, такое-то количество масла, меда, перца и пряностей, наконецъ, столько то возовъ сѣна для лошадей“ [2]. Сомнительно, чтобы здѣсь примѣнялась точная норма. Могущественный чиновникъ

[1] «Neque paratas facere» (*Marculf.* I, 3; I, 4).—«Nec mansiones aut paratas faciendum» (дипломъ Хильберта III-го, Сенъ-Морскому монастырю.—См. *Diplomata*, №№ 258, 291, 336, 367, 403, 436, 463, 486, 507, 515, 522.

[2] *Marculf.* I, 11: «Iubemus ut eis eveccio ministretur, hoc est, viridos sive paraveridos tantos, pane nidido modios tantos, vino modios tantos, lardo liberas tantas, carne liberas tantas, porcos tantos vervices tantos, agnellus tantas, augas tantas, fasianos tantos, pullos tantos, oleo liberas tantas, garo liberas tantas, mel tantum, cimino tantas, piper tantum, cinamo tanto... item victu ad caballos, faeno carra tauta». Цифръ Маркульфъ не даетъ; онѣ, конечно, мѣнялись въ зависимости отъ положенія лицъ. Ср. капитулярій 829-го года (у Baluze, I, 671).

почти воленъ былъ брать, что хотѣлъ. Григорій Турскій описываетъ одного герцога, пріѣхавшаго въ Анжу съ многочисленной свитой, *cum magna potentia*; онъ разоряетъ жителей, забирая у нихъ все, что находитъ: зерно, кормъ, вина и прочее; онъ понимаетъ свое право постоя такъ широко, что считаетъ себя вправѣ ломать двери, если приходится ждать, пока принесутъ ключи [1]. Подобные законные грабежи возобновлялись при каждомъ проѣздѣ королевскаго мисса или чужеземнаго посла, при каждомъ административномъ или судебномъ объѣздѣ графа или викарія. Изъ Григорія Турскаго можно видѣть, что меровингскіе чиновники часто передвигались съ мѣста на мѣсто. Каждое передвиженіе давало имъ право жить на счетъ населенія. Вмѣстѣ съ судебными штрафами это составляло, быть можетъ, самый опредѣленный изъ доходовъ по ихъ должности [2].

Итакъ, понятно, что лица, просившія у королей иммунитетныхъ хартій, старались, чтобы въ нихъ включено было освобожденіе отъ права постоя и продовольствованія. Это значило освободиться отъ

[1] *Greg. Turonensis*, Historia Francorum, VIII, 42: «Multa mala gessit, ita ut annonas faenum, vinum vel quicquid repperire potuisset in domibus civium, nec expectatis clavibus, disruptis osteis, devastaret».—Само собою разумѣется, короли также имѣли право постоя и ихъ свита легко злоупотребляла этимъ правомъ. Это даетъ понять Григорій Турскій, IV, 31: «Ubi cum resedisset rex, magnum dispendium rerum incolis intulit».

[2] Замѣтимъ, что въ текстахъ иммунитетныхъ хартій король отнимаетъ право постоя и продовольствія у своихъ чиновниковъ но не у себя.

расходовъ, стѣсненій и всякаго рода злоупотребленій. Однако отъ вниманія нашего не должно ускользнуть, что по понятіямъ и обычаямъ того времени право постоя и сборы натурой составляли часть доходовъ государства. Уничтожить ихъ на привилегированныхъ земляхъ, значило не только устранить злоупотребленіе, но и уничтожить на этихъ земляхъ одинъ изъ видовъ государственныхъ налоговъ.

Короли не лучше сумѣли сохранить и другіе налоги.—„Никто изъ нашихъ должностныхъ лицъ не долженъ вступать на эти земли для какихъ-либо сборовъ [1], для взиманія податей, которыя принадлежали до сихъ поръ по праву королевскому фиску“ [2]. Наши дипломы высказываются объ этомъ очень ясно. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ употребляется выраженіе *functiones publicae*, нѣсколько уже вѣковъ обозначавшее государственныя подати [3]. Въ другихъ употребляются тожественныя по смыслу слова *tributa*, или *inferenda* [1]. Большинство же дипломовъ обозначаетъ налоги хоть и не прямо ихъ собственными названіями, но все же какою-нибудь очень ясною, не могущею повести къ недоразумѣнію перифразой: „все, что до сихъ поръ могло поступать въ королевскій фискъ“; „все, что получали до сихъ поръ наши чиновники“; „все, что было въ обычаяхъ давать нашему фиску“ [2]. Такимъ образомъ, король запрещаетъ своимъ чиновникамъ не только противозаконные и произвольные поборы, но и взиманіе настоящихъ государственныхъ налоговъ, даже самыхъ правильныхъ.

Надо обратить еще вниманіе на то, что иммунитетныя хартіи не уничтожаютъ налоговъ. Въ немъ не говорится, что привилегированныя земли не будутъ ихъ платить. Въ нихъ только утверждается, что королевскій чиновникъ не будетъ больше вступать на эти земли для ихъ взиманія.

[1] «Nulla iudiciaria potestas... ad aliquid exactandum ingredi praesumat» (дипломъ 635-го года, № 270).—«Nec aliquid exigendum» (дипломъ 661-го года, № 341).—«Nullam requisitionem nec iniunctionem» (дипломъ 683-го года, № 402).—«Nec iudiciaria potestas ullam requisitionem exinde requireret» (дипломъ 705-го года, № 463).—«Nec nulla redibutione requirendum» (*Marculf.* I, 4).—«Nec quaslibet redibutiones exactare praesumat» (дипломъ 673-го года, № 367).—«Nec nullas redibutiones requirendum» (дипломъ Хильдерта III-го Сенъ-Морскому монастырю).—Ср. еще дипломы №№ 402, 403, 417, 495, 507, и т. д.

[2] «Quicquid fiscus undecumque potuerat sperare» (*Marculf.* I, 3).—«Quod fiscus noster exinde accipere aut sperare potuerat» (дипломъ Хильдеберта III-го).

[3] «Tam freda quam reliquas functiones» (дипломъ 673-го года, № 368).—«Nullas functiones publicas requiratis» (дипломъ 682-го года, № 400).—«Nec ullas functiones requirendas» (дипломъ, приписываемый Хлодовеху, № 58).—См. *Chlotarii constitutio*, c. 11: «Ecclesiae vel clericis nullam requirant agentes publici functionem qui immunitatem meruerunt».

[1] *Diplomata*, №№ 144, 168, 372; *Gesta Dagoberti*, 37. Слово «inferenda» еще рѣдко встрѣчается въ меровингскихъ документахъ.

[2] «Quidquid fiscus noster poterat exactare» (дипломъ 637-го года, № 281).—«Quod ad nostrum fiscum sperari videtur» (дипломъ 713-го года, № 486).—«Quidquid fiscus noster exinde poterat exactare» (дипломъ 716-го года, № 495).—«Quod iudices requirere poterant» (дипломъ 697-го года, № 444).—«Quod partibus fisci nostri fuit consuetudo reddendi» (дипломъ 627-го года, № 242).—«Quod fisci nostri ditionibus debuerant inferre» (дипломъ 683-го года, № 402).—«Remotis et resecatis omnibus petitionibus de partibus fisci» (дипломъ 675-го года, № 367; 683-го года, № 403).

Кто же будетъ собирать отнынѣ платежи? Въ большинствѣ хартій это подразумѣвается и лишь въ нѣкоторыхъ высказано опредѣленно: обязанность перелагается на самаго крупнаго собственника, то-есть, епископа или аббата, который будетъ осуществлять сборъ при помощи своихъ агентовъ. „Пусть епископъ, или его управители соберутъ 200 солидовъ въ качествѣ *inferenda* и другіе 200 солидовъ какъ *aurum pagense*, каковые поступали въ нашъ фискъ отъ этой *villa* и отъ ея *curtes*" [1].

Иногда составители актовъ заботливо упоминаютъ, что собранные такимъ образомъ налоги будутъ внесены въ государственную казну. Въ дипломѣ 705-го года читаемъ: „Достопочтенный Теодебертъ, аббатъ монастыря святого Сергія, явился къ намъ и извѣстилъ насъ, что принадлежащія этой церкви *curtes*, а именно, помѣстья подъ названіемъ Марентій, Сильвіакъ, Таунукъ, Новиліакъ, Сенона и Генеганнъ, приносили фиску ежегодно шесть солидовъ въ видѣ *inferenda* и другіе шесть солидовъ въ видѣ *aurum pagense;* но дѣдъ нашъ,

[1] «Ipse pontifex aut agentes sui ill. CC inferendales et alios ducentos auri pagensis, quod ad fiscum nostrum de ipsa villa vel de ipsis curtis suis vel ecclesiis suis et monasteriis reddebantur, debeant transsolvere» (дипломъ 713-го года, № 486).—«Ipse Berarius pontifex aut agentes sui CC inferendales et alios CC auri pagensis quod a fisco nostro de ipsis villulis vel de curtis suis reddebantur, ipse vel successores sui debeant reddere» (дипломъ 722-го года, № 522).—«Quidquid exinde fiscus noster potuerat sperare, per manus agentium eorum...» (дипломъ 743-го года, № 568).—«Homines ingenui qui in mundeburde monasterii... ab actoribus praefati monasterii impendant» (дипломъ 683-го года, № 402).

Хлодовехъ, и отецъ нашъ, Теодебертъ, разрѣшили монастырю подписанными ихъ рукой грамотами, чтобы ни одно государственное должностное лицо не входило въ эти *curtes* для производства какого-либо сбора; они повелѣли, чтобы подати ежегодно вносились въ государственную казну аббатомъ, или тѣми, кому онъ поручитъ. Мы возобновляемъ эту милость и требуемъ, чтобы никто изъ васъ и изъ вашихъ подчиненныхъ не позволялъ себѣ собирать что либо изъ того, что должно было поступать нашему фиску, но двѣнадцать солидовъ должны вноситься въ нашу казну аббатомъ или его посланцомъ" [1].

Когда читаемъ такую статью въ дипломѣ, становится очевидно, что привилегированная земля не освобождалась отъ подати. Государственныя подати существуютъ, но только вмѣсто королевскаго чиновника ихъ собираетъ крупный владѣлецъ самъ и самъ же передаетъ сборъ въ руки короля.

Однако подобная статья, которая могла повторяться часто, на самомъ дѣлѣ рѣдко встрѣчается въ сохранившихся до насъ дипломахъ. Она исчезла и была замѣнена совершенно противоположной статьей, изложенной въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Все, что казна наша имѣла обыкновеніе собирать съ монастырскихъ людей и со всѣхъ, живущихъ

[1] Дипломъ Хильберта III-го, № 463.—См. также дипломъ 713-го года, № 486: «Quod in sacello publico fuit consuetudo reddendi, ipse pontifex vel successores sui per missos hoc debeant reddere».—Ср. еще вышеприведенный дипломъ 722-го года, № 522.

на монастырскихъ земляхъ, по благости нашей мы передаемъ и уступаемъ монахамъ, на содержаніе святого мѣста" [1]. Ясно, что государство дѣйствительно отказывается здѣсь отъ подати. Слѣдуетъ только замѣтить, что это не общій отказъ отъ податей. Въ большинствѣ дипломовъ нѣтъ статьи, которая свидѣтельствовала бы о такомъ отказѣ [2]. Тамъ, гдѣ она находится, она помѣщена въ концѣ акта и имѣетъ видъ прибавки. Она не вытекаетъ изъ сущности иммунитета, она присоединяется къ нему. Иммунитетомъ въ собственномъ смыслѣ король устранялъ только королевскаго сборщика, сохраняя для себя весь сборъ податей. Затѣмъ по особой,

[1] *Marculf.* I, 3: «Quicquid exinde aut de ingenuis aut de servientibus ceterisque nationibus qui sunt infra agros vel fines seo super terras predictae ecclesiae conmanentes, fiscus aut de freta aut undecumque potuerat sperare, ex nostra indulgentia pro futura salutae in luminaribus ipsius ecclesiae per manu agentium eorum proficiat in perpetuum».—*Idem*, I, 4: «Quidquid de freciis aut de reliquiis fiscus augmentare potuerat, ad ipsos pauperes proficiat in augmentis» (дипломъ 635-го года въ пользу Сенъ-Денискихъ matricularii).—«Quidquid fiscus de eorum hominibus aut ingenuis aut servientibus aut in eorum agris conmanentibus poterat sperare, ex indulgentia nostra, in luminaribus ipsius sancti loci vel stipendia servorum Dei debeant cuncta proficere» (дипломъ 635-го года, № 270).—«Quidquid fiscus poterat sperare aut solebat suscipere, ex indulgentia nostra, ipso sancto loco remittimus et concedimus» (дипломъ 661-го года, № 341).—«Ipse abbas... hoc habeat indultum atque concessum» (дипломъ 682-го года, № 400).—«Quod fisci nostri ditionibus debuerant inferre, hoc ad ipsam congregationem concedimus ut hoc habeant concessum atque indultum» (дипломъ 681-го года, № 402).—См. еще дипломы №№ 242, 281, 337, 436, 444, 495, 542, 568.

[2] Отказъ отъ *ius fisci* ясно высказанъ въ 16-ти изъ нашихъ меровингскихъ дипломовъ.

можетъ-быть, даже позднѣйшей милости онъ пожертвовалъ доходъ отъ податей монастырю.

Будемъ считать удостовѣреннымъ, что франкскіе короли не уничтожали добровольно ни одной изъ установленныхъ римскимъ правленіемъ податей. Но, въ видѣ личной милости, имъ часто случалось предоставлять доходы съ податей епископу, аббату, даже свѣтскому лицу. У насъ сохранился дипломъ, которымъ король опредѣляетъ, что жители двухъ селеній, платившіе до тѣхъ поръ *freda* и *functiones* фиску, отнынѣ будутъ платить ихъ аббату сосѣдняго монастыря [1].

То же самое повторилось и съ косвенными налогами. Въ руки франкскихъ королей перешла римская рыночная подать [2], равно какъ и пошлины на провозъ, подразумѣвавшіяся подъ словами *transitus publicus*, *rotaticum*, *pontaticum*. Ни одинъ изъ всѣхъ указанныхъ сборовъ не исчезъ въ новомъ королевствѣ, но рядомъ особыхъ милостей короли уступали ихъ. Въ дѣлѣ косвенныхъ налоговъ надо различать три рода уступокъ. Иногда король ограничивается объявленіемъ, что его чиновники не будутъ входить въ привилегированныя по-

[1] Дипломъ 673-го года, № 368: «Childebertus... cognoscat Magnitudo seu Utilitas Vestra quia nos homines illos qui commanent in Monasensisheim et Onenheim, quantumcunque ipsi ad partes fisci nostri reddebant, tam freda quam reliquas functiones, Valedio abbati visi sumus concessisse... Totum et ad integrum Valedio abbati omnes functiones reddere debeant».

[2] *Edictum Chlotarii*, ст. 9: «De teloneo, per ea loca debeat exigi vel de speciebus ipsis de quibus praecedentium principum tempore est exactum».

мѣстья, для сбора тамъ рыночной подати [1], что подразумѣваетъ отмѣну этой подати на помѣстьяхъ иммуниста. Въ другихъ случаяхъ король освобождаетъ иммуниста и всѣхъ его людей, повѣренныхъ или служащихъ, отъ рыночной и отъ провозной пошлины, какъ съ нихъ, такъ и со всѣхъ ихъ товаровъ, во всемъ королевствѣ [2]. Тутъ вскрывается гораздо болѣе важная привилегія, и можно угадать, къ какимъ она вела послѣдствіямъ; надѣленный иммунитетомъ монастырь могъ сдѣлаться какъ бы привилегированнымъ крупнымъ торговцемъ. Въ другихъ случаяхъ, наконецъ, король жалуетъ монастырю или церкви право собирать

[1] *Diplomata*, №№ 258, 291, 367, 403: «Nullus iudex publicus ad telonea exigenda ingredi audeat» (№ 291).—«Nullus iudex publicus... nec rotaticum infra urbes vel in mercatis extorquendum» (№ 367).—Это «teloneorum remissio», о которомъ говоритъ Флодоардъ, Historia ecclesiae Remensis, II, 11.

[2] Дипломъ 660-го года, № 337: «Tale nos actoribus seu discursoribus monasterii praestitisse beneficium ut quoties monachi, missi, vel discursores ipsius monasterii, partibus provinciae vel per reliqua loca, ad cappas comparandas aut reliquas opportunitates monasterii exercendum, seu cellarium fuerint egressi mercandum in quibuslibet locis, ubicunque teloneum, pontaticum, rotaticum ceterasque redibitiones fiscus noster a discursoribus seu iter agentibus exigere consuevit, habeant hoc monachi indultum atque concessum».—Дипломъ Теодериха III-го, 681-й годъ, Archives nationales, K, 2; *Pardessus*, № 397.—Дипломъ Хильпериха II-го для Сенъ-Денисскаго аббатства, 716, въ Archives nationales, K, 3, 18: «Tam in Massilia quam et per reliqua loca, ubicunque teloneus, portaticus, pontaticus, rotaticus... a iudicibus publicis exigitur, nullatenus requiratur, nec exigatur». См. *Flodoardus*, Historia ecclesiae Remensis, II, 7.—Такой же иммунитетъ жаловался иногда свѣтскимъ лицамъ. См. 45-ю формулу въ *Appendix* ad *Marculfum* (Rozière, № 31; Zeumer, стр. 201).

въ свою пользу рыночную и всѣ провозныя пошлины, собиравшіяся на рѣкахъ, дорогахъ, или на мостахъ [1]. Въ такихъ случаяхъ налогъ существуетъ, но онъ становится частной собственностью церкви или монастыря.

Итакъ, хотя пожалованія иммунитетовъ и не сопровождались уничтоженіемъ государственныхъ налоговъ, но оно естественно привело къ ихъ уничтоженію. Нѣтъ нужды говорить, что оно внесло безпорядокъ во всю финансовую администрацію, унаслѣдованную франкскими королями отъ римской имперіи.

8.

Отношеніе мундебурда къ иммунитету.

Изъ вышесказаннаго видно, что иммунитетъ не былъ уничтоженіемъ королевской власти. Онъ упразднялъ лишь власть администраціи. Король сохранялъ всѣ свои права, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ; онъ отказывался лишь отъ осуществленія

[1] Дипломъ 562-го года, № 167, въ пользу Турнейской церкви: «Teloneum de navibus super fluvio Scalt... de quolibet commercio... vel de omnibus venalibus unde teloneus exigitur... nostra gratia visi sumus concessisse».—О подлинности этого диплома, которая сомнительна, см. Prolégomènes, p. 31.—Ср. дипломъ 651-го года, № 319: «Teloneum quod ad portum Vetraria... quod iudices vel agentes nostri ad portus ipsos tam quod navalis evectio conferebat, aut undique negotiantum commercia in teloneo aut ripatico in fisco nostro solebant recipere... ad monasterium concedimus».—Ср. *Vita S. Remacli*, c. 20: «Rex legavit Remaclo quaedam in Aquitania, puta telonium in portu Vetraria».

ихъ его агентами. Ни въ одной изъ хартій король не уступаетъ своей юрисдикціи; даже тамъ, гдѣ въ силу особой милости онъ приноситъ въ даръ кому-нибудь подати, онъ не говоритъ, что не имѣетъ права ихъ собирать, и что никогда не будетъ ихъ собирать. Ни одно слово не указываетъ, чтобы пожалованный иммунитетомъ, избавленный отъ повиновенія графу, освобождался и отъ повиновенія королю. Существуетъ дипломъ 632-го года, въ которомъ король, перечисливъ даруемыя имъ привилегіи, прибавляетъ: „Мы желаемъ, чтобы епископъ мирно и безпрепятственно владѣлъ своими помѣстьями на правахъ полнаго иммунитета и вѣрно повиновался нашей власти" [1].—Послѣднія слова представляются какъ бы условіемъ для сохраненія привилегіи. Правда, опредѣленно это условіе высказано лишь въ одномъ изъ меровингскихъ дипломовъ [2], но оно подразумѣвается и въ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, читая дипломы, наблюдая ихъ стиль и тонъ, можно признать, что королевская власть не только не стушевывается, но даже утверждается, по крайней мѣрѣ, формально—съ особою силою. Пожалованный является въ нихъ не болѣе, какъ смиреннымъ просителемъ, и дипломъ всегда начинается съ напоминанія о его просьбѣ, *petitio, preces*. Продолженіе ясно указываетъ, что иммунитетъ—не право: иммунитетъ—это милость, *beneficium;* король даруетъ ее по своей

[1] Дипломъ Дагоберта I-го, № 258: «Liceat praefato praesuli suisque successoribus omnia praefata monasteria, villas, vicos et castella quieto ordine possidere et nostro fideliter parere imperio».

[2] Оно стало часто встрѣчаться въ дипломахъ каролингскихъ.

благости, *ex indulgentia sua*. Даруя ее епископу или аббату, король не перестаетъ быть королемъ по отношенію къ нему. Если дѣло идетъ о свѣтскомъ лицѣ, то милость даруется лишь въ уваженіе къ его вѣрности, *ex respectu fidei suae* [1]; каждый понимаетъ изъ этихъ словъ, что для сохраненія милости надобно твердое соблюденіе вѣрности. Ни дающій иммунитетъ король не сознаетъ, чтобы онъ уменьшалъ свои права, ни пожалованный иммунитетомъ не думаетъ, что освобождается отъ короля. Это настолько важно, что послѣ каждаго случая смерти смиренная просьба возобновляется.

Говорить, что, благодаря иммунитету, короли отказывались отъ царствованія надъ частью своихъ подданныхъ, значило бы разсуждать на основаніи современныхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, если бы было возможно, чтобы монархъ даровалъ такого рода привилегіи въ наши дни, каждый изъ пожалованныхъ сейчасъ же сдѣлался бы независимъ отъ государя и отъ всякой общественной власти. Но люди VII-го вѣка жили съ такими понятіями, какихъ у насъ больше нѣтъ; даже помимо всякой системы управленія они признавали прямое, личное властвованіе государя надъ человѣкомъ, безъ посредства чиновниковъ и внѣ рамокъ дѣйствія общихъ законовъ.

Принципомъ, на которомъ основывался такой способъ правленія, было то, что носило названіе на германскомъ языкѣ мундебурда, а на латинскомъ языкѣ покровительства, *tuitio, defensio*. Человѣкъ просилъ короля взять его подъ свой мунде-

[1] *Marculf*. I, 17; Rozière, № 152.

бурдъ или защиту; король принималъ его, *suscipiebat*; съ тѣхъ поръ между королемъ и этимъ человѣкомъ устанавливалась личная связь. Королевская власть не исчезала; она только измѣняла природу. Она называлась уже не властью, а покровительствомъ. Повиновеніе называлось дальше не подданствомъ, а вѣрностью. Не будемъ однако думать, что власть и повиновеніе тогда уменьшались; они скорѣе укрѣплялись, такъ, по крайней мѣрѣ, думали люди того времени, ибо власть примѣнялась непосредственно, иммунисты отдавали повиновеніе прямо королю, и ни власть, ни повиновеніе не ограничивались предѣлами, поставленными закономъ.

Трудно сказать, обнаруживаются ли тутъ германскія или римскія понятія, такъ какъ, съ одной стороны, ихъ нельзя найти ни въ томъ, что̀ извѣстно о древней Германіи, ни въ томъ, что̀ извѣстно о римской имперіи; съ другой стороны, видно, что въ VII-мъ вѣкѣ они одинаково господствуютъ какъ у одной, такъ и у другой расы. Возможно, что они просто пришли на умъ людямъ вслѣдствіе общей неурядицы, которая сопровождала нашествія. Они развились по мѣрѣ того, какъ ослабѣла государственная власть. Они усилились во время безконечныхъ междоусобій меровингскихъ государей.

Они распространились очень быстро. Сначала мы видимъ ихъ въ практикѣ самихъ королей. Франкскіе государи хорошо не понимали, повидимому, административной системы римской имперіи; они сохранили ее, какъ и все остальное; они

пользовались ею, какъ удобнымъ средствомъ собирать подати, держать въ рукахъ населеніе и вознаграждать своихъ вѣрныхъ, но они не оцѣнили, кажется, ея политическихъ преимуществъ. Они всегда относились недовѣрчиво къ ней, и самый способъ раздавать административныя должности показываетъ, какъ мало они придавали значенія системѣ. Безъ разумныхъ основаній они дѣйствовали противъ собственной администраціи и сдѣлали все, что было необходимо для ея паденія. Не отдавая себѣ въ томъ отчета, они тяготѣли къ иной формѣ правленія, въ которой долженъ былъ исчезнуть административный порядокъ.

Такъ же думало населеніе. Правительственныя должностныя лица, герцогъ, графъ, или сотникъ, казались имъ близкими, всегда присутствующими властелинами, господами, которыхъ они ненавидѣли. Населеніе знало, что они обогащались на его счетъ, оплачивались лишь тѣмъ, что̀ брали съ подвластныхъ. Неизбѣжно, они злоупотребляли своей властью, какъ судьи, злоупотребляли ею, какъ сборщики податей. Отъ нихъ нельзя было ожидать покровительства, потому что они почти никогда не были заинтересованы въ томъ, чтобы его оказывать. Король же пребывалъ далеко; зло, которое онъ могъ наносить, представлялось меньше, происходило рѣже; оно, во всякомъ случаѣ, было менѣе замѣтно. Естественно приходило на умъ искать его покровительства противъ чиновниковъ администраціи. Пріятна была возможность противопоставить герцогу или графу полученную отъ короля грамоту мундебурда. Такимъ образомъ, отъ

устраненія административнаго посредника люди ожидали пріобрѣсти большое преимущество; думали, что, завися прямо отъ короля, они станутъ свободнѣе.

Церковь раздѣляла такіе взгляды, которые совпадали и съ ея интересами. Конечно, короли давали ей чувствовать свою власть, подчасъ даже тяжелою рукою; но ей приходилось гораздо больше страдать отъ находившейся всегда близко и всегда дѣятельной власти графа. Важнымъ интересомъ эпохи было стремленіе епископа стать хозяиномъ въ своей области, аббата — въ монастырѣ и въ обширныхъ земляхъ, которыя отъ него зависѣли.

Такую-то мѣстную независимость графъ и оспаривалъ у нихъ [1]. Онъ былъ и остался бы навсегда опаснымъ соперникомъ. Надо было упразднить его или привести въ состояніе бездѣйствія. Становясь въ непосредственную зависимость отъ короля, епископъ и аббатъ, конечно, должны были повиноваться, но зато они и сами становились повелителями у себя дома: послѣднее и являлось самымъ насущнымъ завоеваніемъ.

Подобнымъ представленіямъ, смутнымъ у однихъ, яснымъ у другихъ, прекрасно отвѣчалъ иммунитетъ. Никто не рѣшился бы подумать объ уничтоженіи сразу всѣхъ административныхъ органовъ. Создать такой порядокъ, при которомъ люди непосредственно были бы связаны съ королемъ договоромъ вѣрности,—это было бы переворотомъ,

[1] О враждебныхъ отношеніяхъ между епископами и графами см. многочисленные примѣры у Григорія Турскаго, III, 16; V, 39; V, 47; VIII, 20; VIII, 43 и т. д.

который невозможно было бы произвести внезапно. Но устранить власть областного намѣстника на опредѣленномъ помѣстьѣ и замѣнить ее непосредственнымъ подчиненіемъ королю, — это казалось естественнымъ и являлось всегда осуществимымъ. Это и было сдѣлано при помощи иммунитета. Въ самомъ дѣлѣ, дипломъ пожалованія воспрещалъ должностному лицу и его подчиненнымъ „входъ въ помѣстье“; онъ запрещалъ ему дѣйствовать, какъ судьѣ, какъ сборщику податей, какъ органу администраціи. Съ тѣхъ поръ около иммуниста не оказывалось никого, кто стоялъ бы между нимъ и королемъ; онъ естественнымъ образомъ оказывался подчиненнымъ королю непосредственно. А согласно привычкамъ того времени, личная связь почти неизбѣжно становилась связью мундебурда. Изслѣдованіе памятниковъ докажетъ намъ это.

Мы видѣли выше [1], что, помимо хартій, жаловавшихъ иммунитетъ, существовали хартіи, которыми короли спеціально жаловали свой мундебурдъ или покровительство. Весьма вѣроятно, что вначалѣ мундебурдъ и иммунитетъ не отожествлялись; но они были очень сходны. Возьмемъ, напримѣръ хартію мундебурда, дарованную Хильдебертомъ I-мъ Анизольскому монастырю. Мы видимъ, король объявляетъ въ ней, „что аббатъ Даумеръ просилъ принять его и всѣхъ зависѣвшихъ отъ него людей подъ королевское покровительство и мундебурдъ“; король исполняетъ просьбу и потому говоритъ своимъ должностнымъ лицамъ: „Повелѣваемъ, чтобы ни вы, ни ваши замѣстители или

[1] См. главы XIII и XIV.

преемники, ни послы нашего дворца не осмѣливались нарушать покоя аббата или зависящихъ отъ него людей; вы не будете постановлять противъ нихъ никакихъ приговоровъ, ни собирать съ нихъ подати, ни въ чемъ не будете уменьшать ихъ имущества" [1]. Вотъ хартія мундебурда, влекущая за собою иммунитетъ. Въ дипломѣ, выданномъ реомейскому монастырю Хлотаръ I пишетъ,—„что онъ принимаетъ аббата Сильвестра подъ свой иммунитетъ и защиту" [2]. Вотъ и еще хартія, въ которой соединены мундебурдъ и иммунитетъ. Дипломъ, приписываемый Хлодовеху, который мы считаемъ однако относящимся къ болѣе позднему времени, очень ясно указываетъ на соединеніе двухъ, различавшихся вначалѣ актовъ: „Землю, даруемую нами Іоанну, мы и преемники наши будемъ держать подъ нашей защитой, покровительствомъ и иммунитетомъ, и она не будетъ подчинена никакому

[1] Дипломъ 546-го года, № 144: «Venerabilis vir Daumerus .. missa petitione clementiae regni nostri expetiit ut eum ei ipsum monasterium una cum omnibus rebus vel omnibus suis... sermone tuitionis nostrae vel mundeburde recipere deberemus. Quod nos gratanti animo illi praestitisse cognoscite. Quapropter per praesentem iubemus praeceptum ut neque iuniores vestri aut successores, missi de palatio nostro discurrentes, ipsi Daumero abbati vel monachis ipsius... nec condemnare nec inquietare, nec inferendas sumere, nec de res eorum aliquid minuere praesumatis».—Ср. дипломъ 528-го года, № 111: «Iubemus ut neque vos neque successores vestri in causas aut in rebus monasterii ingredere presumatis».

[2] *Diplomata*, № 136: «Genitor noster Chlodoveus monasterium Iohannis sub sua *emunitate* recepit... Ita et nos Silvestrum abbatem sub nostra *emunitate ac defensione* recipimus decernentes ut semper sub nobis et nostris succesoribus tam abbas quam monachi maneant».

свѣтскому начальнику" [1], то-есть, никакому королевскому чиновнику.

Въ VIII-мъ вѣкѣ одинъ дипломъ составленъ такъ: „Аббатъ Мауръ просилъ насъ, чтобы онъ и всѣ его люди были приняты нами подъ нашъ мундебурдъ и защиту. Знайте, что мы даровали ему то, о чемъ онъ просилъ, а посему не поступайте несогласно съ интересами аббата и его людей ни вы, ни ваши подчиненные, не постановляйте противъ нихъ никакого приговора, не берите ничего съ ихъ земель; они будутъ жить съ привилегіей иммунитета и подъ нашимъ мундебурдомъ" [2].

Мундебурдъ ли повлекъ за собою иммунитетъ, или иммунитетъ мундебурдъ?—Трудно сказать, который изъ нихъ предшествовалъ и вызвалъ другой. Достовѣрно, что они почти неразлучны. Ко-

[1] *Diplomata*, № 58: «Locellum suum Nostrae Celsitudini tradidit et commendavit ut sub nostra *emunitate et mundiburdio maneat*... Reges teneant in *defensione et immunitate*, nullique unquam dignitati subdatur».

[2] Дипломъ 724-го года, № 531: «Petiit ut eum cum omni familia rebusque monasterii sub nostro *mundiburdio et defensione* reciperemus... Quapropter decernimus ut neque vos neque iuniores vestri seu successores ipsum abbatem vel homines suos iniuriari neque condemnare, nec ei rem irrationabilem facere, neque de rebus ad se pertinentibus quippiam auferre praesumatis, sed liceat ei suisque sub *emunitatis titulo et* nostro *mundiburdio vel defensione* quietos residere».—Мы должны замѣтить,—есть основанія полагать, что этотъ дипломъ былъ написанъ только въ IX-мъ вѣкѣ, послѣ пожара Маурмюнстерскаго монастыря въ 828-мъ году. Быть можетъ, это лишь копія сгорѣвшаго диплома, сдѣланная на память.—Ср. дипломъ 748-го года, № 599, въ которомъ замѣчаемъ слово «commendare».

ролевскій мундебурдъ освобождаетъ личность пожалованнаго отъ власти королевскихъ чиновниковъ. Иммунитетъ освобождаетъ земли пожалованнаго отъ власти тѣхъ же чиновниковъ. Между обоими актами, такъ похожими одинъ на другой, исходившими отъ того же самаго короля, дарованными тому же лицу, редактированными въ сходныхъ выраженіяхъ и устранявшими тѣхъ же должностныхъ лицъ, скоро произошло сліяніе. Отсюда тѣ странныя выраженія, какія замѣчаемъ во многихъ дипломахъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: „Мы даруемъ иммунитетъ", король говоритъ: „Мы даруемъ покровительство нашего иммунитета [1], мы принимаемъ этотъ монастырь подъ защиту нашего иммунитета" [2]. Оба выраженія соединились, потому что оба понятія слились.

Если сравнить формулы, спеціально относящіяся къ мундебурду, съ тѣми, какія относятся къ иммунитету, сходство бросится въ глаза. Вотъ формула, которую приводитъ Маркульфъ [3]: „Хартія

[1] Дипломъ 627-го года, № 242: «*Immunitatis tuitionem* dedimus».

[2] *Ibidem*, 637-го года, № 280: «Sub *tuitionis* et *immunitatis nostrae defensione* consistere volumus».—Дипломъ 674-го года, № 372: «Liceat eis sub *sermone tuitionis nostrae vel emunitatis nostrae* vivere.— См. каролингскую формулу въ изданіи *Rozière*, № 24 (*Imperiales*, 29): «Immunitates priscorum regum Francorum quibus sanxerunt sub inmunitatis sue defensione consistere».—*Rozière*, № 21 (*Imperiales*, 28): «Quod reges Francorum praedictam sedem sub suo munimine et defensione consistere fecerant».

[3] *Marculf*. I, 24, изд. Rozière, № 9; изд. Zeumer, стр. 58.—См. *Cartae Senonicae*, 28 (Rozière, 11); *Additamenta ad Marculfum*, 2 (Rozière, 10).

королевскаго мундебурда. Объявляемъ Вашему Величію и Вашему Усердію, что по просьбѣ епископа, такого-то, мы приняли его подъ покровъ нашей защиты со всѣми зависящими отъ него людьми и землями. А посему приказываемъ, чтобы ни вы, ни ваши замѣстители не причиняли никакого зла и не доставляли никакого безпокойства ни ему, ни его людямъ и, если возникнетъ какое-нибудь дѣло, которое не можетъ быть разобрано на вашемъ судѣ безъ большого для него ущерба, то чтобы оно было отложено для разбирательства его нами".—Въ этой формулѣ тѣ же элементы, какъ и въ формулѣ объ иммунитетѣ, — та же форма и то же содержаніе. Въ обоихъ случаяхъ уступка состоитъ въ устраненіи государственнаго чиновника и въ воспрещеніи ему всякаго дѣйствія. Обѣ формулы разнятся нѣкоторыми выраженіями; дѣйствіе же ихъ одно и то же. Одинъ изъ актовъ называется мундебурдомъ, другой иммунитетомъ; королевское покровительство яснѣе отмѣчено въ первомъ; привилегіи иммуниста болѣе пространно перечислены во второмъ. Въ дѣйствительности, они приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Хартія мундебурда, устраняющая чиновника, скрыто содержитъ въ себѣ иммунитетъ, а равно и хартія иммунитета по одному тому, что она устраняетъ чиновника, предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ королевскій мундебурдъ.

Зиккель очень справедливо замѣтилъ, что хартіи иммунитета VI-го и VII-го вѣковъ не содержатъ ни слова „мундебурдъ", ни слова „покровительство", ни, еще того менѣе, слова „коммен-

дація“, — терминовъ, которые все чаще и чаще встрѣчаются при Каролингахъ. Это не значитъ, что сліяніе не произошло еще въ VII-мъ, а быть можетъ даже и въ VI-мъ вѣкахъ. Но упоминать о королевскомъ мундебурдѣ въ хартіяхъ иммунитета не являлось необходимымъ; мундебурдъ подразумѣвался; онъ вытекалъ уже изъ факта устраненія чиновника; особенно же вытекалъ онъ изъ самаго представленія о пожалованіи какъ въ умѣ жалователя, такъ и въ умѣ жалуемаго. Иммунистъ выходилъ изъ подъ власти графа лишь для того, чтобы повиноваться непосредственно королю. Поэтому, если административная власть устранялась, то ее необходимо замѣнялъ королевскій мундебурдъ.

9.

Иммунитетъ превращаетъ помѣщика въ государя.

Короли предполагали, быть можетъ, что иммунитетъ усилитъ ихъ власть, сдѣлавъ ее болѣе непосредственною и болѣе личною. Но на дѣлѣ онъ усилилъ главнымъ образомъ и навсегда власть крупныхъ землевладѣльцевъ.

Можно уже было замѣтить, что иммунитетъ всегда относился къ земельнымъ собственникамъ. Если его получалъ епископъ, то какъ законный собственникъ всѣхъ домовъ, селеній и помѣстій своей церкви. Извѣстно, что большинство церквей (епархій) было очень богато и владѣло большими землями не только въ сосѣдствѣ самаго каѳедральнаго храма и внутри епархіи, но и въ другихъ, часто даже отдаленныхъ областяхъ [1].

Аббаты также являлись собственниками огромныхъ имѣній; Сенъ-Денисское аббатство владѣло землями вдали отъ Парижскаго округа, въ Нейстріи, Бургундіи, Провансѣ и другихъ мѣстностяхъ. Территоріальное богатство монастырей Сенъ-Бертена и Сенъ-Жерменъ-дэ-Прэ было очень внушительно.

Если разсмотрѣть содержаніе соотвѣтствующихъ дипломовъ, мы увидимъ, что, хотя иммунитетъ и давался на личное имя епископа или аббата, но онъ никогда не относился прямо къ его лицу, а всегда къ землямъ епархіи или монастыря. Въ дипломахъ не говорится: „Наши графы должны уважать епископа, не должны его судить и ничего съ него не требовать“. А говорится: „Наши графы не должны вступать на земли, селенія и помѣстья этой церкви, въ какой бы области нашего королевства онѣ ни были расположены, чтобы производить тамъ судъ, или собирать подати“. Очевидно, иммунитетъ относился не къ личности пожалованнаго, а къ землямъ, какими тотъ владѣлъ, и, главное, къ сидѣвшему на нихъ люду.

Дѣйствительно, цѣлое населеніе сидѣло на каждомъ помѣстьѣ. Во-первыхъ, въ него входили рабы,

[1] «Episcopi qui in aliis possedent regiones» (указъ Хлотара II, 614-й годъ, ст. 12).—Для примѣра укажемъ, что Реймсская церковь обладала помѣстьями «in Austrasia, Neustria, Burgundia, seu partibus Massiliae, in Rodonico etiam, Gavalitano, Arvernico, Turonico, Pictavico, Lemovicino» (*Flodoardus*, Historia ecclesiae Remensis, II, 11).

одни, родившіеся на мѣстѣ, другіе—купленные. Затѣмъ, тутъ же пребывали сыновья бывшихъ рабовъ, ставшіе вольноотпущенниками, обрабатывавшіе мелкіе участки земли за оброкъ и за нѣкоторыя барщинныя работы владѣльцу. Жили здѣсь и колоны, не бывшіе рабами, наслѣдственно воздѣлывавшіе землю помѣстья, съ которой они не могли уйти [1]. Рядомъ съ перечисленными разрядами людей въ помѣстьяхъ набдюдается еще, обыкновенно, группа свободныхъ людей, *ingenui*, основавшихся тамъ въ качествѣ поселенцевъ, *accolae*, или жильцовъ, *hospites*, съ правомъ пользованія участками, называвшимися *hospitium*. Одни были какъ бы арендаторами земли, другіе — простыми поселенцами, *commanentes*; но всѣ они, вступивъ на помѣстье свободными людьми, неизбѣжно попадали мало-по-малу въ нѣкоторую зависимось по отношенію къ владѣльцу, становились „его людьми“ [2]. Это не все. Церкви и монастыри имѣли еще особыхъ приверженныхъ или посвятившихъ себя ей людей, *devoti*, *votivi*, отдавшихся церкви или святому монастыря наполовину изъ благочестія, на-

[1] См. «Аллодъ и сельское помѣстье», гл. 12.

[2] Терминъ *homo* понимается съ VI-го вѣка въ смыслѣ зависимаго человѣка. Примѣры см. у Кассіодора, Variae, X, 5; у Григорія Великаго, Epistolae, III, 37; VI, 9. Ср. *homo vester* въ формулѣ Маркульфа, I, 27. См. также въ дипломахъ, passim, выраженія *homines ecclesiae*, *homines eius* (id est, episcopi), *homines eorum* (id est, monachorum), *homines monasterii*; въ изданіи 614-го года: *homines ecclesiarum aut potentum* (ст. 15, изд. Boretius, стр. 22). Слово *familia* означаетъ то спеціально рабовъ, то всю совокупность зависимыхъ людей и слугъ; примѣръ: «Cum omni familia rebusque monasterii» (дипломъ 724-го года, № 531).

половину изъ разсчета [1]. Отдавая себя, они отдавали также свое имущество, переходившее съ тѣхъ поръ въ собственность церкви или монастыря, но остававшееся у нихъ въ пользованіи на извѣстныхъ условіяхъ [2]. Другіе заключали съ епископомъ или аббатомъ родъ договора о вѣрности или коммендаціи. Ихъ называли *suscepti*, терминомъ, означавшимъ, что они были приняты подъ мундебурдъ или покровительство. Хартіи называли ихъ также словами *gasindi* и *amici*; выраженія эти указывали на добровольную зависимость низшаго по отношенію къ избранному имъ для себя главѣ [3]. Въ хар-

[1] «Homines qui se ad sanctam basilicam tradere et devovere voluerunt» (дипломъ, № 821).—«Homines qui se ad ipsa basilica tradunt vel condonant» (дипломъ, № 495).—Ср. *Lex Alamannorum*, I, 1: «Si quis liber se ad ecclesiam tradere voluerit».—Орлеанскій соборъ 549-го года, ст. 7; Орлеанскій соборъ 589-го года, ст. 8; Маконскій соборъ 585-го года, ст. 7; Парижскій соборъ 614-го года, ст. 7.—*Polyptyque d'Irminon*, III, 61, p. 31; IV, 34, p. 37: «De votivis hominibus»; X, 47, стр. 213: «Isti sunt votivi»; XXIV, 112, стр. 260: «Dederunt se in servitio S. Germani».

[2] «Ipsum Sanctum locum vel homines qui se cum substantia eorum vel cum rebus suis devovere voluerint» (дипломы №№ 281 и 495).—Ср. *Marculf*. II, 6 (*Rozière*, № 213); II, 3 (*Rozière*, № 215); формулы *Sirmond*, I, 35 (Rozière, №№ 211 и 214).—*Lex Alamannorum*, I и II.—*Chronicon S. Benigni Divionensis* у dom-Bouquet, III, 469.—См. также *Flodoard*. Historia ecclesiae Remensis, II, 11, in fine; Vita Agili, 23; Vita Aicardi, 26.

[3] «De hominibus ingenuis qui in mundeburde monasterii...» (дипломъ 683-го года, № 402).—«Gallus abbas petiit ut eum et ipsum monasterium una cum rebus et hominibus suis, gasindis, amicis, susceptis...» (дипломъ 562-го года, № 168).—«Una cum fratribus vel hominibus suis, gasindis, amicis, susceptis» (дипломъ 674-го года, № 372).—Тѣ же люди называются иногда *fideles*, на-

тіяхъ говорилось про нихъ, „что они взирали на монастырь“, „уповали на монастырь“ [1]. Это значило, что покровительства они ждали отъ него одного, и что отъ него только они зависѣли.

Хартіи, какія мы приводимъ, относятся всѣ къ церквамъ или монастырямъ, но, съ другой стороны, мы знаемъ, что міряне также держали на своихъ владѣніяхъ цѣлое населеніе рабовъ, вольноотпущенниковъ и разнаго рода поселенцевъ, *manentes*; а если они были могущественны, то окружались свитою изъ *suscepti*, *gasindi* и *amici* [2]. Крупная собственность свѣтскаго лица, котораго законы называли *potens* [3], походила во всѣхъ чертахъ на собственность епископа или аббата. На ихъ помѣстьяхъ находилось множество людей въ самыхъ различныхъ условіяхъ соціальнаго быта.

примѣръ, въ завѣщаніи Бертрамна.—О смыслѣ слова *amicus* см. одну фразу у Григорія Турскаго, Historia Francorum, III, 35, гдѣ одинъ и тотъ же человѣкъ называется *amicus* и *subditus*.—Ср. выше, гл. II.

[1] «Tam abbas quam monachi quamque omnes qui pro cosa Dei aut ipso abbate spectare videntur» (дипломъ 539-го года, № 136).—«Daumero abbate vel qui per ipsum monasterium sperare videntur» (дипломъ 546-го года, № 144).—«Qui per monasterium sperare videntur» (дипломъ 562-го года, № 168).—«Qui per ipsum monasterium sperare videntur vel unde legitimo redibit mitio» (дипломъ 647-го года, № 372).

[2] См. завѣщанія Вандемира, Эрминтруды, Аббона, запродажный актъ Ницезія, акты пожалованій Година, Теодетруды, Вульфоальда и т. д. (*Diplomata*, №№ 186, 241, 412, 452, 475, 559).

[3] Указъ Хлотара II, ст. 19: «Potentes qui in aliis possident regionibus».—*Ibidem*, ca. 20: «Agentes potentium».—*Pactus pro tenore pacis*, с. 12 (Boretius, стр. 6): «Quislibet de potentibus qui per diversa possident».

Отношенія этихъ различныхъ группъ людей къ собственнику не вылились еще въ вполнѣ опредѣленныя юридическія формы. Законы не говорили о нихъ, и ихъ не закрѣпилъ еще обычай. Нельзя было сказать навѣрно, до какихъ предѣловъ простиралась зависимость каждаго изъ этихъ людей, которые, безъ сомнѣнія, конечно, не всѣ должны были нести одинаковое подчиненіе. Могли ли они освободиться отъ зависимости, уйдя съ помѣстья? Какими обладали они правами, какъ бы въ отплату за повинность? Кто долженъ былъ ихъ судить, кто наказывать въ случаѣ преступленія, спора или тяжбы? Въ законахъ ничего не говорится объ этомъ. Еще менѣе опредѣляли законы отношеніе этихъ людей къ землѣ, которую они занимали на разныхъ условіяхъ. Рабъ или сервъ надѣлялся обыкновенно участкомъ поля; какъ далеко простиралось право владѣльца отбирать этотъ клочокъ назадъ? Какъ далеко простирались обязанности вольноотпущенника или сына вольноотпущенника, признававшагося по закону человѣкомъ свободнымъ, но на практикѣ остававшагося въ полу-рабскомъ состояніи, которое носило названіе *obsequium* [1]? Имѣлъ ли онъ какое-нибудь право на свой надѣлъ, и могъ ли его оброкъ или барщина увеличиваться по волѣ господина? *Hospites* жили безъ писаннаго договора. Было ли прочно обезпечено за нимъ жилище и земля, и на какихъ

[1] Относительно *obsequium* и службы вольноотпущенника см. завѣщанія Бертрамна, Ансберта, Эрминетруды, Аббона (*Diplomata*, №№ 230, 437, 452, 559) и формулы, изд. Rozière №№ 93, 98, 99, 100, 129).

условіяхъ? Крайне неопредѣленно было также положеніе свободныхъ людей, которые отдавались съ своими землями добровольно, но стремились сохранить пользованіе ими, а часто даже желали передавать ихъ своимъ дѣтямъ. Правила мундебурда были еще далеко не выработаны, и противорѣчіе интересовъ часто порождало столкновенія и вражду, глухую или острую. Можно предположить, что въ обществѣ постоянно находившемся въ состояніи войны, изъ-за раздоровъ королей и притязаній знатныхъ, жизнь мелкаго люда въ крупныхъ помѣстьяхъ не могла протекать ни мирно, ни правильно. Упорядоченіе этихъ пестрыхъ отношеній составляло, можетъ быть, главный предметъ усилій въ обществѣ VII-го вѣка. Самымъ важнымъ интересомъ, занимавшимъ умы людей и волновавшимъ ихъ каждодневную жизнь, было опредѣленіе границъ власти крупнаго собственника надъ живущими на его землѣ различными классами людей.

Представимъ себѣ наличность хорошо организованнаго механизма администраціи, іерархію герцоговъ, графовъ и сотниковъ, которые являлись бы вѣрными слугами государства, и которымъ повиновалось бы населеніе; при такомъ условіи крупный помѣщикъ не могъ бы сдѣлаться неограниченнымъ господиномъ. Мелкіе и слабые люди находили бы оплотъ и поддержку у органа государственной власти. Свободные люди не нуждались бы въ другомъ покровительствѣ. Мелкіе собственники не чувствовали бы необходимости отдаваться съ своими землями подъ частную руку. Свободные фермеры и *hospites* гарантировались бы правильными формами контракта и защитою законовъ. За вольноотпущенниками и колонами также установились бы нѣкоторыя опредѣленныя права. Даже рабы находили бы себѣ покровительство. Но вотъ появляется иммунитетъ. Онъ устраняетъ государственнаго чиновника. Онъ воспрещаетъ ему „вступать“ въ помѣстье. Никакой управы не существуетъ больше надъ крупнымъ владѣльцемъ. Исчезаетъ также защита государственной администраціи для всего смѣшаннаго населенія, живущаго на многочисленныхъ помѣстьяхъ крупныхъ собственниковъ.

Посмотримъ, какъ будетъ обстоять дѣло съ юстиціей. „Государственный судья не будетъ больше вступать въ эти помѣстья для разбирательства дѣлъ“, говорится въ дипломахъ объ иммунитетѣ. Мы объяснили выше значеніе такого запрещенія. По нашему мнѣнію, самого крупнаго помѣщика оно не освобождаетъ отъ подчиненія государственной юстиціи, которая продожаетъ судить его тяжбы и преступленія. Иммунитетъ не избавляетъ отъ этого суда даже людей помѣщика, если они совершатъ преступленія за предѣлами помѣстья; но всѣ процессы, возникающіе внутри помѣстья, всѣ совершающіяся тамъ преступленія, выходятъ съ тѣхъ поръ изъ сферы судебной компетенціи графа.

Обратимъ вниманіе на характеръ этихъ процессовъ, стараясь перенестись въ соціальную обстановку той эпохи. Прежде всего рисуется рядъ дѣлъ, относящихся къ гражданскому состоянію и личному положенію человѣка: возвращеніе въ раб-

ство, оспариванiе грамоты освобожденія, споры о томъ, является ли данный человѣкъ рабомъ, вольноотпущенникомъ, колономъ или свободно-рожденнымъ [1]. Затѣмъ представляется другая группа процессовъ, относящихся къ браку; въ обществѣ, гдѣ былъ запрещенъ бракъ между людьми двухъ разныхъ классовъ, и гдѣ онъ почти не допускался между людьми двухъ различныхъ помѣстій, этотъ вопросъ составлялъ источникъ многочисленныхъ тяжбъ; въ первомъ случаѣ могли возникать споры о положеніи дѣтей; во второмъ, происходили разногласія о томъ, которому изъ двухъ помѣщиковъ должны принадлежать дѣти. Потомъ открываются еще тяжбы по землевладѣнію и землепользованію: съ одной стороны, жалобы поднимались держальцами, вольноотпущенниками или колонами, если собственникъ претендовалъ на увеличеніе оброка или барщины; жаловались *hospites* или свободные земледѣльцы, если они желали покинуть землю, а ихъ удерживали, или если ихъ выдворяли господа, а они хотѣли оставаться. Съ другой стороны, жаловались помѣщики на недобросовѣстнаго управляющаго, небрежнаго къ землѣ колона, забывавшаго свои обязанности вольноотпущенника. Прибавьте сюда безчисленныя ссоры, какія влекли за собою всегда неясные договоры о коммендаціи, при которыхъ покровительство и вѣрность не всегда

[1] О такого рода процессахъ см. *Lex Ripuariorum*, LIII, LVIII, LIX; *Appendix ad Marculfum*, 1, 2, 3, 4, 5, 32; *Formulae Lindenbrogianae*, 163, 164, 167, 169.—«Homines calumniati—такъ называются въ полиптихѣ Ирминона люди, о положеніи которыхъ идетъ споръ (*Polyptyque d'Irminon*, XIX, 36, 37, 48; XXIV, 42).

понимались обѣими сторонами одинаково. Неизбѣжные споры порождались, наконецъ, жизнью земледѣльческаго общества,—споры о размежеваніи, хозяйской монополіи по сбору винограда, о заповѣдныхъ лѣсахъ и охотахъ и т. д. Частыя нарушенія права и мира, проступки, столкновенія и всякаго рода преступленія, порождались неурядицами того времени, и имъ не могло препятствовать вліяніе церкви, строгость морали которой не выдерживала передъ распущенностью нравовъ. Важно было знать, государственное ли правосудіе будетъ судить всѣ эти тяжбы и преступленія, или ихъ будетъ судить самъ помѣщикъ.

Пожалованіемъ иммунитета этотъ вопросъ, занимавшій, безъ всякаго сомнѣнія, мысли всего населенія, рѣшался въ пользу помѣщика. Ибо государственное правосудіе переставало „имѣть доступъ" внутрь помѣстья. Оно не могло даже выслушивать рождавшихся тамъ тяжбъ.

Въ наукѣ высказывались сомнѣнія, дѣйствительно ли отнятая у должностныхъ лицъ государства юрисдикція сразу перешла къ собственнику земли. Правда, дипломы этого не утверждаютъ, но имъ и не приходилось высказываться объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтимъ, что иммунитетъ всегда получалъ отъ короля самъ владѣлецъ, а не его люди; если же онъ добивался изъятія своей земли отъ государственнаго правосудія, то дѣлалъ это не для замѣны его какою-либо иною юрисдикціею. А потому въ нашихъ дипломахъ и нѣтъ ни малѣйшаго намека на народный судъ или какую-нибудь судейскую организацію. По устраненіи го-

сударственнаго судьи, въ помѣстьѣ остается лишь владѣлецъ. Значитъ, судить будетъ неизбѣжно онъ самъ. Если бы его люди того не захотѣли, если бы и онъ самъ не хотѣлъ — все же онъ оставался внутри домэна единственнымъ возможнымъ судьею. Итакъ онъ — землевладѣлецъ будетъ судить самъ, или черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ.

Вотъ почему мы видимъ, что съ того времени скихъ лицъ находятся въ помѣстьяхъ особые *iudi-* у епископовъ, аббатовъ, а также у богатыхъ свѣт- *ces*, которыхъ они сами избираютъ, и которымъ делегируютъ свою судебную власть. Каждое иммунитетное помѣстье имѣло съ тѣхъ поръ своего *iudex privatus*, который замѣнилъ тамъ *iudex publi-* *cus*. Королевскаго чиновника замѣнилъ чиновникъ или повѣренный крупнаго помѣщика [1].

Дипломы показываютъ также, что *freda* перешли съ тѣхъ поръ въ собственность помѣщика [2].

[1] *Edictum Chlotarii*, ст. 19 (*Pertz*, Leges, I, стр. 15; *Boretius*, стр. 23): «Episcopi vel potentes qui in aliis possident regionibus (то-есть; внѣ ихъ мѣста жительства) iudices vel missos discursores de aliis provinciis non instituant nisi de loco, qui iustitiam perci- piant et aliis reddant».—«Iudex immunitatis» упоминается въ ка- питуляріи 779-го года, ст. 9 (*Baluze*, I, 197; *Boretius*, стр. 48) и въ *Capitularia*, V, 195 (*Baluze*, I, 860),

[2] «Hoc monasterium sibimet omnes fredos concessos debeat possidere» (дипломъ 635-го года, № 270).—«Cum fretis conces- sis» (дипломъ 691-го года, № 417).—«Cum omnis fridus conces- sus» (дипломъ Хильдеберта III въ пользу С. Морскаго мо- настыря).—«Omnis fridus ad integrum concessus» (дипломъ 716-го года, № 515).—«Quidquid fiscus de freda paterat sperare... in lu- minaribus vel stipendiis servorum Dei mancipetur» (дипломъ

А *freda* были, если такъ можно выразиться, лишь матеріальной стороною судебнаго дѣла. Какъ всякая юрисдикція давала право на взиманіе *freda*, такъ и взиманіе *freda* необходимо предполагало юрисдикцію. Въ глазахъ людей, пользованіе *freda* было какъ бы матеріальнымъ доказательствомъ законнаго обладанія или отправленія юрисдикціи [1].

Въ помѣстьѣ, куда не имѣла больше доступа государственная власть, полиція, по необходимости, принадлежала помѣщику. Когда король пишетъ въ дипломѣ, что его должностныя лица теряютъ право задерживать кого-либо изъ людей помѣстья какъ раба, такъ и свободнаго человѣка, становится ясно, что право, принадлежавшее уже отчасти помѣщику, какъ господину своихъ рабовъ и патрону вольноотпущенниковъ, будетъ принадлежать ему отнынѣ уже по отношенію ко всѣмъ живущимъ на его землѣ людямъ, безъ изъятія. Сближеніе между свободными людьми и рабами, сдѣланное въ дипломѣ, *tam ingenuos quam servientes*, особенно знаменательно.

Посмотримъ теперь, какъ обстояло дѣло съ налогами. Выраженія, которыми въ грамотахъ опредѣлялось положеніе этого вопроса, надо разслѣдовать подробно и точно истолковать. Король не говоритъ: „такой-то епископъ или аббатъ не будетъ больше платить податей нашему фиску“. Онъ го-

727-го года, № 542).—*Marculf*. I, 3: «Hoc (то-есть, causas audire et freda exigere) episcopus vel successores eius valeant dominare».

[1] Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ VII и VIII вѣкахъ. Позже слово *freda* употреблялось иногда для обозначенія налоговъ или поборовъ другого рода.

ворить: „наши должностныя лица не будутъ больше вступать на земли епископа или аббата, для сбора податей съ живущихъ на земляхъ этого епископа или аббата людей, свободныхъ или рабовъ“ [1]. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ здѣсь не столько о платимыхъ владѣльцемъ земли налогахъ, сколько о налогахъ, которые платятъ его люди, то-есть, живущіе на его землѣ и обрабатывающіе ее. Чтобы объяснить себѣ значеніе этого положенія, надо припомнить, что со временъ Римской Имперіи рядъ государственныхъ податей лежалъ уже не на помѣщикѣ, а на плечахъ съемщиковъ, которымъ онъ роздалъ участки своего помѣстья. Земельная подать вмѣсто того, чтобы падать цѣликомъ на него, раздѣлилась и распредѣлилась между его земледѣльцами [2].

[1] Quidquid fiscus de eorum (id est, monachorum) hominibus aut de ingenuis aut de servientibus, aut in eorum agris commanentibus poterat sperare (дипломъ 635-го года, № 270).—«Quidquid fiscus ex eorum hominibus vel in eorum agris commanentibus poterat sperare» (дипломъ 661-го года, № 341).—«Quod ad fiscum nostrum reddere debuerant homines ecclesiae» (дипломъ 665-го года, въ *Diplomata*, Additamenta, т. II, стр. 424).—*Marculf*. I, 3: «Quidquid de ingenuis aut de servientibus ceterisque nationibus que sunt infra (на языкѣ того времени слово *infra* имѣло значеніе *intra*) agros seu super terras praedictae ecclesiae commanentes, fiscus aut de freda aut undecunque poterat sperare».

[2] Какъ произошла эта перемѣна въ раскладкѣ земельной подати, обнаруживается изъ одного закона Юстиніана. См. *Cod. Iust.* XI, 48, 20, § 3. Тамъ видно, что «colonus», кромѣ того, что онъ платилъ «reditus terrae» помѣщику, платилъ въ то же время фиску «functiones» publicae», то-есть, государственный налогъ, приходящійся съ этой земли. Законъ Юстиніана утверждаетъ, что таковъ былъ старый обычай, *more solito*, но не повсемѣстный.

Отмѣнялся ли этотъ налогъ грамотою объ иммунитетѣ? Никоимъ образомъ. Въ дипломахъ нѣтъ ни одного слова, которое указывало бы, что люди помѣстья, свободные, колоны или рабы, освобождались отъ платежа государственныхъ податей. Здѣсь сборъ податей снимался только съ обязанности должностныхъ лицъ короля и поручался именно владѣльцу земли, какъ мы уже видѣли выше. Иногда король постановляетъ, что помѣщикъ будетъ вручать ему опредѣленную сумму, приблизительно соотвѣтствующую чистому сбору съ податей. Въ другихъ случаяхъ, онъ даритъ ему всю собранную сумму; но даже и тогда термины пожалованія ясно указываютъ, что люди помѣстья не изъяты отъ налоговъ: „Все, что фискъ имѣлъ право собирать съ живущихъ на помѣстьяхъ людей, свободныхъ или рабовъ, мы отдаемъ и уступаемъ церкви или монастырю на освѣщеніе или на содержаніе монаховъ“ [1].—Въ другомъ мѣстѣ, король говоритъ о людяхъ двухъ селеній: „Все, что они отдавали прежде фиску, отнынѣ будутъ платить аббату“ [2]. Достовѣрно, значитъ, что плательщикъ подати продолжаетъ платить; но онъ платитъ помѣщику. Сводитъ ли потомъ помѣщикъ счеты съ королемъ, или оставляетъ деньги себѣ,—

[1] «In luminaribus ipsius sancti loci vel stipendia servorum Dei proficiat in perpetuum» (дипломъ 635-го года, № 270).—«Quantumcunque homines reddere debuerant... ipse pontifex habeat concessum atque indultum» (выше приведенный дипломъ 665-го года).

[2] Дипломъ 673-го года, № 368.—Ср. *Vita S. Remigii ab Hincmaro* (dom Bouquet, III, стр. 377—378): «Petentibus incolis locorum, qui multiplicibus exeniis erant gravati, ut quod regi debesbant, ecclesiae Remensi persolverent, rex concessit».

это безразлично для самого плательщика. Зачѣмъ ему и знать, королю ли поступаютъ деньги или остаются епископу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, онъ, плательщикъ, собственно, не соприкасается ни съ королемъ, ни съ государствомъ: онъ знаетъ лишь помѣщика, который является для него отнынѣ настоящимъ собственникомъ податей.

Остается спросить, что стало съ военною службою, и это довольно темный вопросъ. Какъ извѣстно, воинская служба требовалась отъ всѣхъ людей не рабскаго состоянія, безъ различія племенъ. Извѣстно даже, что ей были подчинены литы, съ одной стороны, церковные вольноотпущенники, съ другой. До появленія иммунитетовъ они должны были повиноваться всякому вызову со стороны герцоговъ и графовъ, а тѣ, которые отказывались браться за оружіе, платили большой штрафъ, называвшійся, какъ и самая служба, герибанномъ [1]. Освобождались ли люди отъ воинской повинности при иммунитетѣ? Этого не говоритъ ни одинъ дипломъ; но въ двухъ изъ нихъ опредѣленно сказано, что „государственные чиновники больше не будутъ собирать герибанна, что собирать его будетъ въ свою пользу церковь“ [2]. Очевидно, если

[1] *Greg. Turon.* Historia Francorum, V, 27: «Chilpericus rex de pauperibus et iunioribus ecclesiae vel basilicae bannos iussit exigi pro eo quod in exercitu non ambulasset».—*Idem*, VII, 42: «Edictum a iudicibus datum est ut qui in hac expeditione tardi fuerant, damnarentur... Pretia dissolvetis quod regis imperium neglexistis».—*Lex Ripuariorum*, LXV, 1: «Si quis in utilitatem regis sive in hoste bannitus fuerit et minime adimpleverit, LX solidis multetur».—См. дипломъ 695-го года, № 434.

[2] Дипломъ 665-го года, т. II, стр. 424: «Ut nullus iudex publicus... nec herebanno recipere nec requirere praesumat... sed ipse pontifex valeat habere concessum atque indultum».—Дипломъ 727-го года, № 542: «Quidquid fiscus de herebanno poterat sperare, ad luminaribus vel stipendiis familis Dei mancipetur».—Ср. дипломъ, какъ кажется, 739-го года, изъ котораго видно, что *heribannus*, принадлежитъ помѣщику, духовному или свѣтскому. (*Diplomata*, т. II, стр. 464).

сборъ герибанна, представлявшаго военную службу, не лежитъ больше на графѣ, то на немъ не лежитъ и наборъ солдатъ. Если этотъ видъ налога переданъ епископу, то къ нему же переходитъ и право набирать солдатъ. Кромѣ того, не видно, какъ бы могъ графъ заставить людей помѣстья слѣдовать за нимъ на войну, потому что хартія иммунетета отнимала у него право налагать на нихъ руку, *distringere*, и лишало его всякаго способа ихъ принуждать. Если не достовѣрно, то, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что король не избавлялъ отъ военной службы этихъ людей, но, устраняя своихъ агентовъ, онъ предоставлялъ самому крупному помѣщику попеченіе о производствѣ набора людей и приводѣ ихъ къ нему въ войско, либо лично, либо при посредствѣ своего уполномоченнаго.

Въ итогѣ, иммунитетная хартія никогда не писалась въ пользу людей помѣстья, а всегда въ пользу помѣщика. Она не избавляла людей ни отъ подсудности, ни отъ платежа податей, ни отъ военной службы. Всѣ повинности населенія остаются незыблемы. Перемѣна происходитъ только въ томъ, что право суда, сборъ податей, наборъ солдатъ являются правомъ ужъ не агентовъ короля, а самихъ помѣщиковъ. Въ принципѣ, иммунитетъ не касается королевской власти;

онъ не касается также положенія или повинностей низшихъ классовъ; но такъ какъ онъ устраняетъ королевскаго чиновника и замѣняетъ его помѣщикомъ, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ обязанности, какія лежали на низшихъ классахъ передъ королевскимъ агентомъ, фактически перенеслись на помѣщика.

Итакъ, цѣль достигнута. Лишая власти государственнаго чиновника, помѣщикъ сдѣлался неограниченнымъ господиномъ въ своихъ помѣстьяхъ. По отношенію къ живущимъ на его земляхъ людямъ (*manentes*) онъ уже не только помѣщикъ; онъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ графъ: въ его рукахъ находится все, что принадлежало государственной власти. Онъ единственный начальникъ и единственный судья, какъ и единственный покровитель. Люди, живущіе на его землѣ, не будутъ больше знать другого управленія, кромѣ его власти. Правда, по отношенію къ королю онъ остается подданнымъ или точнѣе вѣрнымъ, но у себя онъ какъ бы самъ король.

10.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Меровингскій иммунитетъ часто сближали съ иммунитетомъ, существовавшимъ въ Римской Имперіи. Но они отличаются другъ отъ друга существенными чертами.

Въ Римской Имперіи было два рода иммунитетовъ, которые прежде всего надо различать: коллективные и личные иммунитеты. Коллективные иммунитеты устанавливались силою законовъ, почему мы и находимъ ихъ въ императорскихъ сводахъ. Они по праву присваивались извѣстнымъ разрядамъ или классамъ лицъ: во-первыхъ, — палатинамъ, то-есть, придворнымъ должностнымъ лицамъ, высшимъ чиновникамъ канцелярій центральнаго управленія [1], а также чиновникамъ, которыхъ государь посылалъ въ провинціи съ званіемъ *agentes in rebus* [2]. Во-вторыхъ, они предоставлялись людямъ, занимавшимъ свободныя профессіи, то-есть, врачамъ, преподавателямъ, архитекторамъ, живописцамъ [3]; наконецъ, они составляли привилегію нѣсколькихъ промышленныхъ или торговыхъ профессій—навикуларіевъ [4], ювелировъ, землемѣровъ (*gromatici*), механиковъ и многихъ другихъ ремесленниковъ [5], для которыхъ они являлись не столько милостью, сколько вознагражденіемъ за несеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ повинностей. Легко замѣтить, что этотъ родъ иммунитета ни въ чемъ не походилъ на меровингскій иммунитетъ. Послѣдній никогда не былъ коллективнымъ. Мы не видимъ, чтобы онъ даровался когда-либо цѣлымъ профессіямъ или классамъ лю-

[1] *Codex Theodos.* VI, 35, 1: «A palatinis, tam illis qui obsequiis nostris inculpata officia praebuerunt quam illis qui in scriniis nostris versati sunt...» *Ibidem*, VI, 35, 3.

[2] *Ibidem*, VI, 35, 3, § 3; VI, 35, 7.

[3] *Ibidem*, XIII, 3. 1—4; XIII, 3, 10—16.

[4] *Ibidem*, XIII, 5, 5; XIII, 5, 7. См. *Lamprid.* Alexander, 22.

[5] *Dig.* L, 6.

дей, даже дворцовымъ вельможамъ. Тамъ — онъ по существу являлся личною привилегіею.

Иммунитетъ, который жаловали римскіе императоры, представлялъ, по преимуществу, освобожденіе отъ муниципальныхъ повинностей. Онъ освобождалъ: 1) отъ обязанности исполнять *honores*, то-есть, дорого стоившія должности въ муниципіяхъ [1], 2) отъ платежа муниципальныхъ налоговъ [2]; 3) отъ нѣкоторыхъ повинностей, называвшихся „нечистыми", *sordida munera*, которыя являлись муниципальными „барщинами" [3]. Сюда присоединилось еще освобожденіе отъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, отъ постоя войска, отъ военной службы и даже отъ платежа нѣкоторыхъ добавочныхъ налоговъ, какъ, напримѣръ, отъ *superindictio* [4]. Что касается обычныхъ, нормальныхъ налоговъ — поземельнаго, подушнаго — мы не видимъ, чтобы они подразумѣвались когда-либо въ такого рода иммунитетахъ. Что касается подсудности, то дѣйствіемъ римскаго иммунитета могло быть только изъятіе пожалованнаго имъ лица отъ подчиненія муниципальному суду или низшей юрисдикціи *iudices pedanei* [1]. Онъ вовсе не упразднялъ подсудности иммуниста отъ суда провинціальнаго намѣстника, *praeses*. Нѣкоторыя высщія должностныя лица обладали привилегіею, чтобы ихъ судилъ лишь императоръ; но даже это представляетъ лишь кажущуюся аналогію съ меровингскимъ иммунитетомъ.

Правда, помимо такихъ коллективныхъ иммунитетовъ, прямо предоставлявшихся закономъ извѣстнымъ категоріямъ общества, во все время императорской эпохи существовали и личные иммунитеты, исходившіе отъ милости государя. Только въ послѣднихъ возможно было бы искать нѣкоторое сходство съ меровингскимъ иммунитетомъ. Но такія императорскія пожалованія намъ очень мало извѣстны. Они едва указаны въ нѣкоторыхъ довольно неясныхъ текстахъ, которые не говорятъ ничего ни о характерѣ ихъ, ни о послѣдствіяхъ [2].

[1] Таковъ смыслъ словъ: «Nominationes iubemus esse summotas», *Cod. Theod.* VI, 35, 1. Значеніе слова *nominare* хорошо указано въ нѣсколькихъ законахъ Юстиніанова Кодекса, см. X, 32, законы 2, 18, 45. *Honores*, о которыхъ говорится въ другихъ мѣстахъ,—это муниципальныя должности; см. Кодексъ Θеодосія, VI, 35, 3.

[2] Муниципальныя подати обозначаются иногда словами «functiones publicae»; см. Кодексъ Юстиніана, X, 32, законы 26, 13, 46.

[3] «Immunes a cunctis muneribus sordidis et personalibus» (Кодексъ Θеодосія, VI, 35, 1). — *Ibidem*, 3, 4.—Относительно «munera» или «munia», которыя были муниципальными повинностями, см. Кодексъ Юстиніана, X, 32, законы 46, 49, 50, 58.

[4] «Medicos et professores... nec ad militiam comprehendi, neque hospites recipere» (Кодексъ Θеодосія, XIII, 3, 3; Паулъ, Дигесты, L, 5, 10).—«Nec eorum domus militem seu iudicem suscipiant hospitandum, nec ad militiam liberi eorum trahantur inviti» (Кодексъ Θеодосія, XIII, 3, 16).—*Ibidem*, XIII, 3, 2; XIII, 3, 18 и 19.—Освобожденіе отъ *superindictio* даровано клирикамъ закономъ 412-го года (*ibidem*, XVI, 2, 40).

[1] «Neve pedaneorum iudicum obnoxii sint potestati» (Кодексъ Θеодосія, XIII, 4, 4). — «In ius vocari prohibemus» (Кодексъ Θеодосія, XIII, 3, 1); надо замѣтить именно, что рѣчь идетъ здѣсь только о муниципальномъ судѣ: это ясно показываетъ контекстъ.

[2] *Sueton.* Augustus, 40: «Cuidam tributario Gallo immunitatem obtulit».—*Idem*, Tiberius, 49: «Plurimis... et privatis immunitates

Изъ нихъ можно вывести, что такія пожалованія влекли за собою освобожденіе отъ податей [1], но ничто не даетъ права думать, будто бы императорскій иммунитетъ упразднялъ юрисдикцію государственнаго чиновника; ничто не позволяетъ предположить, что онъ запрещаетъ намѣстнику провинціи вступать на землю иммуниста.

Итакъ, въ меровингскомъ иммунитетѣ нѣтъ ничего римскаго кромѣ названія. Значитъ ли это, что онъ вышелъ изъ Германіи? Достаточно прочитать одинъ изъ дипломовъ, чтобы признать въ немъ рядъ чертъ, совершенно противоположныхъ тому, что мы знаемъ объ общественномъ строѣ древней Германіи. По всѣмъ видимостямъ, иммунитетъ—не римскій и не германскій институтъ. Его надо понимать какъ фактъ, выросшій среди неурядицъ VI-го вѣка, который, развиваясь и принимая все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, въ VII-мъ вѣкѣ превратился въ тотъ порядокъ, какой мы выше разсматривали. Послѣ того, какъ мы подробно изучили его, можемъ подвести итогъ его признакамъ.

ademptae». — *Tacit.* Histor. III, 55: «His tributa dimittere, alios immunitatibus iuvare».—*Cod. Iust.* X, 42, 3, законъ Александра Севера: «Qui immunitatem munerum publicorum consecuti sunt».—*Ibidem,* X, 42, 7, законъ Діоклетіана: «Etiam minores aetate patrimoniorum muneribus subiugari solent, unde intelligis te frustra plenam immunitatem desiderare cum munera quae impensas exigunt subire te necesse est». Отсюда вытекаетъ, что иммунитетъ никогда не освобождалъ отъ «munera patrimonialia» (*Cod. Iust.* X, 42, 5).—См. *ibidem,* XI, 48, 9.—Ср. *Dig.* L, 15.

[1] Это видно уже изъ вышеприведеннаго текста Светонія: «Cuidam tributario Gallo immunitatem obtulit, affirmans se passurum fisco detrahi aliquid».

1. Иммунитетъ являлся милостью, *beneficium* [1]. Онъ лично жаловался королемъ человѣку, который, обыкновенно, лично и представлялся ему. Онъ давался лишь въ силу просьбы, о которой опредѣленно упоминалось въ актѣ. Потомъ просьба и милость возобновлялись въ случаѣ смерти иммуниста. Всѣ эти черты, которыя кажутся только формальностями, позволяютъ намъ однако уловить тѣсную связь, соединявшую иммунитетъ съ другими институтами, которые породили феодализмъ. Было замѣчено, что франкскіе короли практиковали бенефицій довольно рѣдко и пользовались имъ главнымъ образомъ для вознагражденія своихъ служилыхъ людей. Иммунитетъ былъ, несомнѣнно, тѣмъ видомъ милости, къ которому они прибѣгали предпочтительнѣе всего для награжденія тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыхъ хотѣли облагодѣтельствовать.

2. Привилегія иммунитета состояла въ освобожденіи епископа, аббата или крупнаго свѣтскаго магната отъ подчиненія административной власти въ области юрисдикціи, или сбора податей, или мѣстной полиціи. Она не разрушала іерархіи герцоговъ, графовъ и сотниковъ вообще, но она избавляла отъ ихъ власти тысячи помѣстій.

3. Она не уничтожала, тѣмъ болѣе, королев-

[1] Про (*Prost*, 1886, стр. 193) говоритъ, что при изслѣдованіи иммунитета «отправляются отъ мало провѣреннаго мнѣнія, что онъ былъ бенефиціемъ», но здѣсь мы ограничились лишь констатированіемъ, что такъ именуется онъ въ памятникахъ, и это заключеніе было дано нами только послѣ тщательнаго анализа текстовъ. Историкъ долженъ не исходить изъ мнѣнія, а приходить къ нему.

ской власти: король нигдѣ не отказывался отъ своихъ правъ, онъ отказывался только отъ пользованія ими черезъ посредство своихъ намѣстниковъ. Но какъ послѣдствіе иммунитета выработалось такое положеніе, что королевская власть, потерявшая возможность осуществляться черезъ посредство администраціи, стала принимать характеръ прямого и личнаго патроната: подданный становился вѣрнымъ. Иммунитетъ оказался одною изъ формъ, подъ которыми королевская власть реализовала свое покровительство.

4. Иммунитетъ всегда жаловался крупнымъ земельнымъ собственникамъ, епископамъ, аббатамъ или свѣтскимъ господамъ; онъ никогда не давался людямъ, которые жили на чужихъ большихъ помѣстьяхъ и обрабатывали ихъ. Въ немъ не проявлялось ничего демократическаго: онъ былъ всегда преимуществомъ знатнѣйшихъ. Всѣ права, какія королевская власть отнимала у своихъ агентовъ, она отдавала крупному собственнику, а не низшимъ классамъ. Какъ естественное слѣдствіе устраненія королевскаго чиновника происходило то, что крупный собственникъ становился судьею надъ всѣми, находившимися на его землѣ людьми, и публичное правосудіе замѣнялось на привилегированныхъ помѣстьяхъ частнымъ. Подати собирались также крупнымъ собственникомъ, и передавалъ ли онъ ихъ королю, или оставлялъ себѣ, онѣ превращались на практикѣ въ частные оброки. Всѣ обязанности, какія населеніе помѣстья несло прежде въ пользу государства, оно отнынѣ стало отправлять ко благу помѣщиковъ.

Итакъ, иммунитетъ измѣнилъ отношенія людей между собою; онъ измѣнилъ отношенія помѣщиковъ къ королю, равно какъ и отношенія низшихъ классовъ къ помѣщикамъ.

Поэтому-то иммунитетъ и является однимъ изъ источниковъ феодальнаго строя. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ игралъ роль одного изъ тѣхъ сотни разъ повторявшихся фактовъ, которые незамѣтно измѣняютъ и подъ конецъ преобразуютъ общественные институты во внутренней жизни народа. Измѣняя характеръ подчиненія знатныхъ государству и перемѣщая центры, притягивавшіе къ себѣ подчиненіе мелкаго и слабаго люда, онъ измѣнилъ строеніе всего соціальнаго организма. Иммунитетъ способствовалъ въ ряду другихъ теченій перерожденію административной монархіи, установленной Римскою Имперіею, которую хотѣли сохранить Меровинги, въ новую систему отношеній вѣрности. Жители помѣстій становились подданными крупнаго собственника, а крупный собственникъ становился простымъ вѣрнымъ короля: таковы двѣ основныя черты, которыя образуютъ феодализмъ; и если не вездѣ, то во множествѣ мѣстностей на территоріи франкскаго королевства подобный порядокъ установился съ VII вѣка именно въ силу распространенія иммунитета.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ [1].

Бенефицій, патронатъ, иммунитетъ — вотъ три института, изъ которыхъ разовьется феодализмъ. Если сельское помѣстье, аллодъ, послужило почвой, на которой воздвигнется феодальное зданіе, то три названныя явленія дадутъ частямъ этого зданія связующую силу, форму и видъ. Они всѣ три обладали одинаковою природою; они развились при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и привели въ концѣ VII-го вѣка къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

1. Сходный съ бенефиціемъ обычай существовалъ уже въ римскомъ обществѣ. То былъ прекарій,—уступка земли, даровавшаяся по просьбѣ и всегда отмѣняемая по волѣ благодѣтеля. Прекарій не пользовался санкціею закона; онъ стоялъ внѣ права, скорѣе даже противорѣчилъ праву. Онъ занималъ однако очень большое мѣсто въ обыденной жизни. Уже къ концу римской республики онъ распространился настолько широко, что придалъ земельной аристократіи того времени характеръ, который сблизилъ ее съ особенностями феодальнаго строя. Послѣ нѣкотораго ослабленія въ началѣ Имперіи система прекарія вновь расцвѣла въ ея позднюю эпоху. Не войдя и тогда въ законы, практика эта глубоко проникла въ бытовую жизнь. Подъ именемъ бенефиція прекарій сдѣлался постояннымъ обычаемъ въ соціальныхъ порядкахъ меровингской эпохи, и его послѣдствія внесли въ общество коренныя перемѣны. Число мелкихъ собственниковъ уменьшилось въ связи съ его распространеніемъ до минимума. Незначительныя имѣнія превратились въ „держанія“, зависѣвшія отъ крупныхъ помѣстій. Устанавливая отношенія субординаціи между землями, прекарій создавалъ въ то же время связи подчиненія между лицами. Увеличивая территоріальное богатство крупныхъ владѣльцевъ, онъ увеличивалъ и власть ихъ надъ малымъ людомъ.

[1] Составлено по замѣткамъ, оставшимся послѣ Фюстель де-Куланжа, Камиллемъ Жюлліаномъ.

2. Таковымъ же оказалось вліяніе и судьбы патроната. Мы нашли его въ первобытныхъ обществахъ Галліи и Германіи, но изучить его мы могли главнымъ образомъ лишь во время римской республики. Въ концѣ перваго вѣка до нашей эры онъ получилъ вмѣстѣ съ прекаріемъ очень большое развитіе. Благодаря ему, помѣщики того времени оказались такъ же богаты кліентами, какъ и помѣстьями, и получили подъ власть свою столько же людей, сколько земель. Практика патроната продолжалась во все время Имперіи; сначала ослабленный и ограниченный, онъ снова укрѣпился и распространился въ V-мъ вѣкѣ. Съ этого времени въ Галліи утвердилась широкая система покровительствъ и коммендацій, въ которой каждый занялъ свое мѣсто. Результаты этой практики оказались тѣ же, какъ и результаты бенефиція: очень большое число слабаго люда оказалось подъ покровительствомъ небольшого числа сильныхъ „вельможъ“.

3. Въ отличіе отъ бенефицій и отъ патроната, практика иммунитета исходила изъ королевскаго дворца. Но послѣдній какъ и первые относятся къ той же группѣ институтовъ. Посредствомъ иммунитета королевская власть освободила большія помѣстья отъ власти своихъ агентовъ. Законныя отношенія замѣнились личными связями. Иммунитетные владѣльцы сдѣлались вѣрными короля; жившие на ихъ земляхъ люди сдѣлались ихъ подданными.

Итакъ, эти три захватившие жизнь обычая способствовали усиленію власти земельной аристократіи. Въ предшествующемъ томѣ [1], мы видѣли, какъ велико было ея богатство землями; въ настоящемъ—пытались показать, какъ она пріобрѣла власть надъ людьми, какъ сложился въ ея пользу соціальный строй, отличный отъ государственнаго.

Въ этомъ новомъ строѣ люди оказались подчинены другъ другу іерархически и связаны между собой договорами вѣрности или личной зависимости. Итакъ, съ VII-го вѣка феодальный строй существовалъ со всѣми тремя характерными своими признаками, весь организмъ его уже образовался.

Слѣдуетъ только сказать, что не вытѣснилъ изъ жизни все съ нимъ несогласное; сохранялся рядомъ съ нимъ и государственный строй въ формѣ монархіи, съ своей администраціею, публичною юстиціею и нѣкоторыми остатками налоговъ, со сводами общихъ законовъ. Сквозь учрежденія этого стараго

[1] «Аллодъ и сельское помѣстье въ меровингскую эпоху».

порядка прокладывали себѣ путь покровительство и вѣрность, но они еще не пріобрѣли господства. По законамъ людьми управляли монархическіе институты. Феодализмъ развивался какъ бы внѣ установленнаго порядка. Законы не боролись съ нимъ теперь какъ прежде, во времена римскихъ императоровъ; но они еще и не санкціонировали его. Вассальныя отношенія занимали уже большое мѣсто въ нравахъ, въ обычаяхъ и въ интересахъ, но они почти не находили еще мѣста въ публичномъ правѣ.

Вассальныя отношенія не выросли изъ военнаго источника. Они не пріобрѣли еще военнаго характера. Потому-то главнымъ образомъ и нельзя сказать, что феодализмъ уже тогда сложился окончательно. Но можно угадать, что онъ скоро пріобрѣтетъ военный характеръ.

Вѣрные короля приносятъ уже клятву ему, опоясанные мечомъ. Съ другой стороны, всякій покровительствуемый необходимо будетъ обращаться въ воины своего патрона. Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, какъ была организована военная служба, можно подумать, что такое именно превращеніе было неизбѣжно. Войско было устроено по образцу гражданскаго общества: *exercitus* и *populus* составляли одно и то же, и оба слова понимались синонимично. Всѣ свободные люди носили оружіе. Гражданскіе сановники были въ то же время военачальниками; тѣ же, кто судилъ и управлялъ людьми въ мирное время, вели ихъ и на бой. Когда рамки гражданскаго общества измѣнятся, съ ними измѣнится и военная система.

Она примѣнится къ новому соціальному строю. Люди будутъ повиноваться тогда какъ воины тѣмъ, отъ кого они будутъ зависѣть какъ вѣрные, и сеньоръ будетъ являться къ королю, какъ военный глава этихъ людей.

